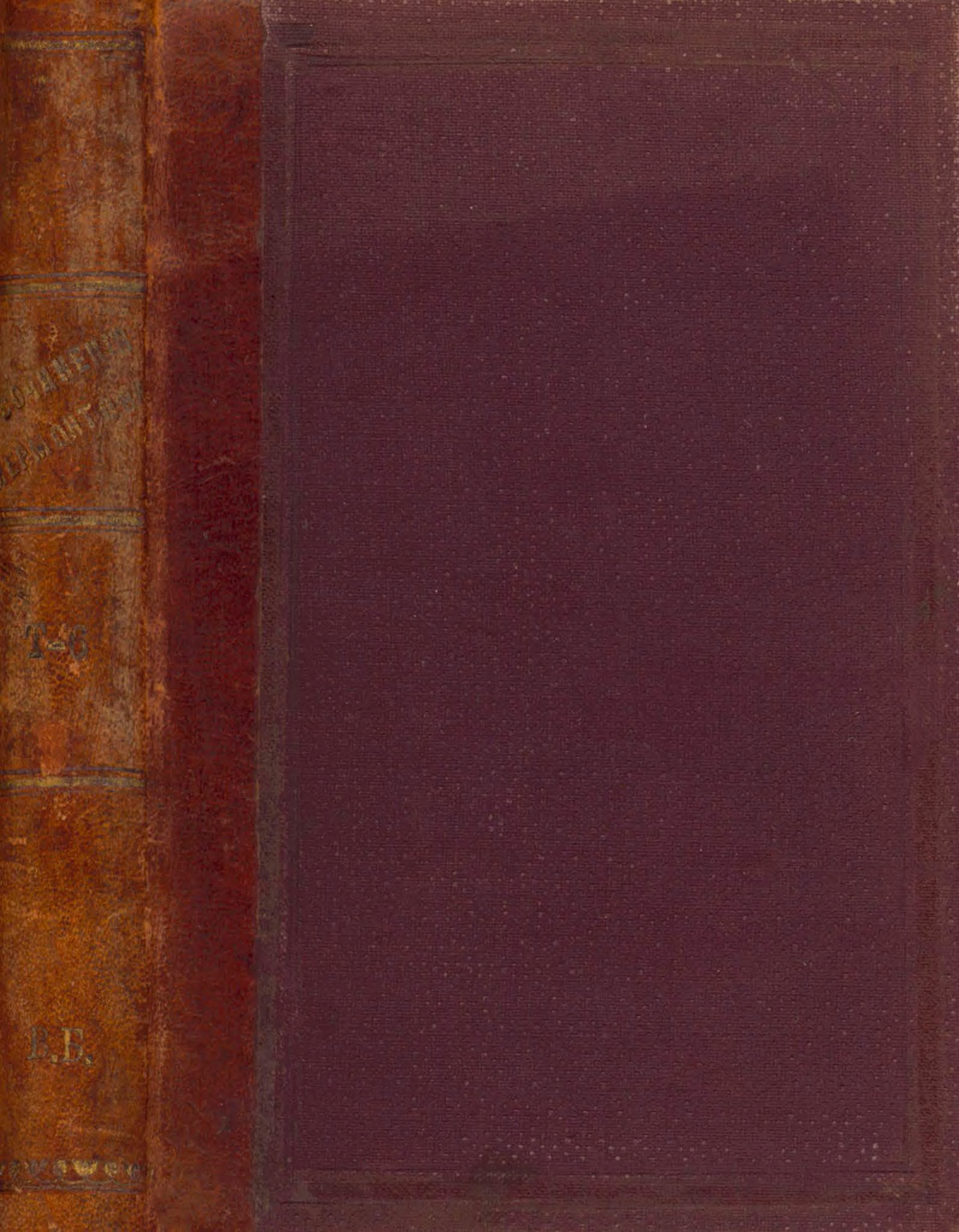

СОЧИНЕНІЯ
ЛЕРМОНТОВА
Т-6
В.Б.

СОЧИНЕНІЯ
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНІЕ Е. Ѳ. РИХТЕРА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Пав. Ал. Висковатова.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

БІОГРАФІЯ,

составленная Павломъ Александровичемъ Висковатовымъ.

(1828–1841).

МОСКВА.
Типо-литографія В. Ѳ. Рихтеръ, Тверская, домъ Талалаевой.
1891.

Павелъ Александровичъ Висковатый.

МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ

ЛЕРМОНТОВЪ

ЖИЗНЬ и ТВОРЧЕСТВО.

Нѣтъ, я не Байронъ, — я другой,
Еще невѣдомый избранникъ,
Какъ онъ гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой.

Изданіе В. Ѳ. Рихтера.

МОСКВА.
Типо-литографія В. Ѳ. Рихтеръ, Тверская, домъ Талалаевой.
1891.

ОГЛАВЛЕНІЕ

(біографія М. Ю. Лермонтова).

ЧАСТЬ III.

Зрѣющій человѣкъ и поэтъ.

ГЛАВА XIV.

Любовь.

ГЛАВА XV.

ГЛАВА XVI.

ГЛАВА XVII.

Стр.

ГЛАВА XVIII.

ГЛАВА XIX.

ГЛАВА XX.

(Дуэль).

ЭПИЛОГЪ.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.

Жизнь и творчество.

П. А. Висковатова.

Дорогой памяти Зинаиды К—ой, и безвременно угасшей дочери своей Маріи Павловны Висковатовой посвящаетъ этотъ трудъ

Пав. Висковатый.

Памяти М. Ю. Лермонтова.

Вышелъ одинокъ онъ на дорогу,
Вкругъ него ночной туманъ густѣлъ,
И души стремленья и тревогу
Разъяснить себѣ онъ не успѣлъ.

Въ увлеченьяхъ страсти утопая,
Въ буряхъ онъ спокойствія искалъ;
Но рѣчамъ таинственнымъ внимая,
Къ нимъ изъ битвъ навстрѣчу выбѣгалъ.

Съ Сѣвера на Югъ влекомъ далекій,
Злобой тайною, невѣжествомъ гонимъ,
Онъ умолкъ, сраженъ судьбой жестокой.....
Скалъ толпа склонялася надъ нимъ.

1865. П. В.

ЧАСТЬ I.

Дѣтство и первая юность.

ГЛАВА I.

Бабушка поэта Е. А. Арсеньева.—Отецъ и мать.—Рожденіе М. Ю. Лермонтова.—Семейная жизнь родителей.—Смерть матери и разлука съ отцомъ.—Дѣтскія забавы.—Воспитатели и товарищи дѣтства.—Поѣздки на Кавказъ.—Первая любовь.

Горячо любила Михаила Юрьевича Лермонтова воспитавшая его бабка, Елизавета Алексѣевна Арсеньева, и память о ней тѣсно связана съ именемъ поэта. Она лелѣяла его съ колыбели, выходила больнымъ ребенкомъ, позаботилась дать ему блестящее и серьезное для того времени образованіе, сосредоточила на немъ всю свою любовь и заботы. Въ преклонныхъ лѣтахъ, частью именно изъ-за этой беззавѣтной преданности къ внуку, пользовалась она всеобщимъ уваженіемъ и не разъ успѣвала отвращать своимъ заступничествомъ серьезную опасность, грозившую поэту.

Когда его не стало, она выплакала свои старыя очи. Ослабѣвшія отъ слезъ вѣки падали на нихъ, и, чтобы глядѣть на опостылый міръ, старушкѣ приходилось поддерживать ихъ пальцами.

По разсказамъ знавшихъ ее въ преклонныхъ лѣтахъ, Елизавета Алексѣевна была средняго роста, стройна, со строгими, рѣшительными, но весьма симпатичными чертами лица.

Важная осанка, спокойная, умная, неторопливая рѣчь подчиняли ей общество и лицъ, которымъ приходилось съ нею сталкиваться. Она держалась прямо и ходила, слегка опираясь на трость, всѣмъ говорила «ты» и никогда никому не стѣснялась высказать, что считала справедливымъ. Прямой, рѣшительный характеръ ея въ болѣе молодые годы носилъ на себѣ печать повелительности и можетъ-быть отчасти деспотизма, что видно изъ отношеній ея къ мужу дочери, къ отцу нашего поэта. Съ годами, подъ бременемъ утратъ и испытаній, эти черты сгладились, — мягкость и теплота чувствъ осилили ихъ, — хотя строгій и повелительный видъ бабушки молодаго Михаила Юрьевича доставилъ ей имя Марѳы Посадницы среди молодежи, товарищей его по юнкерской школѣ. Въ обширномъ кругѣ ея родства и свойства именовали ее просто «бабушка».

Елизавета Алексѣевна, урожденная Столыпина, была дочь богатаго помѣщика Алексѣя Емельяновича Столыпина, давшаго многочисленному своему семейству отличное воспитаніе. Многіе изъ членовъ этой семьи представляли собою людей съ недюжинными характерами, самостоятельныхъ и даровитыхъ. Сперанскій былъ съ ними въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ, и они поддерживали дружбу съ нимъ даже и во время его опалы, когда многіе боялись имѣть къ нему какое-либо отношеніе [1].

---

1 Это видно изъ переписки Сперанскаго съ дочерью [см. Р. Арх. 1868 г.]. См. книгу барона Корфа: «Жизнь графа Сперанскаго», Спб. 1861 г., стр. 54, 55, 127, 131, 167, 273 и 368. Съ сыномъ Алексѣя Емельяновича, Аркадіемъ Алексѣевичемъ Столыпинымъ [1777—1825], бывшимъ оберъ-прокуроромъ сената, Сперанскій оставался въ дѣятельной перепискѣ [см. Р. Арх. 1869 года, стр. 1682—1708 и 1966 и дал.]. Кромѣ этого Аркадія Алексѣевича [по счету втораго брата], женатаго на дочери знаменитаго графа Николая Семеновича Мордвинова, у Арсеньевой были братья: 1] старшій Александръ Алексѣевичъ — адъютантъ Суворова; 3] Дмитрій Алексѣевичъ — генералъ-лейтенантъ; 4] Аѳанасій Алексѣевичъ [1788—1866], служившій съ отличіемъ храбраго офицера въ артиллеріи; былъ саратовскимъ предводителемъ дворянства, женатъ на Устиновой, памятенъ въ Москвѣ своимъ хлѣбосольствомъ и, по увѣренію Лонгинова, былъ особенно любимъ и почитаемъ Лермонтовымъ [Р. Стар. 1873 г., т. VII, стр. 381]; 5] Николай Алексѣевичъ, извѣстный своею храбростью, командиръ Ямбургскаго полка [«Истор. Ямб. полка», стр.

Самъ Алексѣй Емельяновичъ былъ человѣкъ бывалый, упрочившій состояніе свое винными откупами, учрежденными при Екатеринѣ II. Собутыльникъ гр. Алексѣя Орлова, Алексѣй Емельяновичъ усвоилъ себѣ и повадки, и вкусы его. Онъ былъ охотникъ до кулачныхъ боевъ и разныхъ потѣхъ, но всему предпочиталъ театръ, который въ симбирской его вотчинѣ былъ доведенъ до возможнаго совершенства и, перевозимый хлѣбосольнымъ хозяиномъ въ Москву, возбуждалъ общее удивленіе. Актерами были крѣпостные люди, но появлялись на сценѣ порою и домочадцы, и гости.

Дочери Алексѣя Емельяновича, дѣвицы крѣпкаго сложенія, рослыя и рѣшительныя повыходили замужъ уже въ почтенномъ возрастѣ. Елизавета Алексѣевна, бабка Лермонтова, сочеталась бракомъ съ гвардіи поручикомъ Михаиломъ Васильевичемъ Арсеньевымъ, который былъ моложе ея лѣтъ на восемь.

Арсеньевъ былъ членомъ большой семьи, владѣвшей селомъ Васильевскимъ въ Тульской губерніи, Ефремовскаго уѣзда. Женившись, Михаилъ Васильевичъ переѣхалъ съ женой въ имѣніе Тарханы, Пензенской губерніи, Чембарскаго уѣзда. Въ Васильевскомъ оставались жить родныя сестры его, дѣвицы Варвара и Марья Васильевны, вдовая Дарья Васильевна, да четыре его брата. Бывая въ Москвѣ и перекочевывая изъ нея въ Пензенскую губернію, Арсеньевы подолгу гостили у нихъ въ Васильевскомъ. Отъ брака этого была всего одна дочь, Марья Михайловна. Отецъ ея, по разсказамъ, умеръ неожиданно и при необыкновенныхъ обстоятельствахъ.

679—696]; онъ былъ въ Севастополѣ губернаторомъ и погибъ въ 1830 году во время чумнаго возстанія, такъ-называемаго «бабьяго бунта» [Русь. 1880 г., № 3; тоже Р. Арх. 1868 г., стр. 1108 и Р. Стар. 1873 г., т. VII, стр., 566]. Сестеръ у Арсеньевой было три: старшая была за Евреиновымъ, Екатерина—за Хостатовымъ и Наталья—за Григоріемъ Даниловичемъ Столыпинымъ [однофамильцемъ]. Лонгиновъ ошибается, говоря [Р. Стар., 1873. т. VII. стр. 381 и 566], что одна изъ сестеръ была за Шанъ-Гиреемъ,—за нимъ замужемъ была племянница Арсеньевой, дочь Хостатовой—Марья Акимовна.—А. М. Тургеневъ въ запискахъ своихъ [Русск. Старина 1885 г. ноябрь, стр. 276 и декабрь, стр. 473] относится къ Столыпину и особенно къ дочерямъ его неблагосклонно.

Хотя старушка Арсеньева впослѣдствіи охотно говорила о счастливомъ своемъ супружествѣ [1], но, въ дѣйствительности, сравнительно молодой мужъ чувствовалъ себя, кажется, не вполнѣ счастливымъ съ властолюбивою женой. Онъ увлекся сосѣдкой помѣщицей, княгиней или даже княжной Ман—вой. Елизавета Алексѣевна воспылала ревностью къ своей счастливой соперницѣ и похитительницѣ ея правъ. Между женою и мужемъ произошла бурная сцена. Елизавета Алексѣевна рѣшила, что нога соперницы ея не будетъ въ Тарханахъ. Между тѣмъ какъ разъ къ вечеру 1-го января охотники до театральныхъ представленій Арсеньевы, готовили вечеръ съ маскарадомъ, танцами и театральнымъ представленіемъ *новой* пьесы—Шекспировскаго Гамлета въ переводѣ Висковатова [2]. Гости начали съѣзжаться рано. Михаилъ Васильевичъ постоянно выбѣгалъ на крыльцо прислушиваясь къ знакомымъ бубенчикамъ экипажа возлюбленной имъ княжны. Полная негодованія Елизавета Алексѣевна слѣдила за своимъ мужемъ, съ которымъ она уже нѣсколько дней не перекидывалась словомъ. Впослѣдствіи оказалось, что она предусмотрительно послала на встрѣчу княжнѣ довѣренныхъ людей съ какою то энергическою угро-

---

1 Разсказы о бабушкѣ Арсеньевой я записалъ со словъ г-жи Гельмерсенъ урожден. баронессы Россильонъ († 1885 г. въ Дерптѣ), мужъ которой Ал. Петровичъ Гельмерсенъ былъ командиромъ роты школы юнкеровъ. Онъ за болѣзнью, или за отсутствіемъ Шлиппенбаха (начальника всей школы) исполнялъ его должность. Многіе юнкера, въ томъ числѣ и Лермонтовъ, были вхожи въ семью Гельмерсена. Черезъ внука познакомилась съ нею и бабушка Арсеньева.

Однажды въ обществѣ, въ квартирѣ Гельмерсена, заговорили о рѣдкихъ случаяхъ счастливаго супружества. «Я могу говорить о счастьи,—замѣтила бабушка Лермонтова.—Я была немолода, некрасива, когда вышла замужъ, а мужъ меня баловалъ... Я до конца была счастлива». Одна изъ присутствовавшихъ, молодая женщина, тоже стала увѣрять, что и она весьма счастлива.—«Ты богата, молода и хороша,—ввернула бабушка, всѣмъ говорившая *ты*,—вышла замужъ за старика,—какъ же ему тебя не баловать?» См. тоже, что разсказалъ о бабушкѣ Лонгиновъ въ Современ. 1856 г., № 6, стр. 162.

2 Гамлетъ въ передѣлкѣ Сумарокова существовалъ съ 1748 г., слѣдовательно не могъ называться *новой* пьесой. Переводъ или скорѣе передѣлка Степана Ивановича Висковатова была напечатана въ первый разъ въ 1811 году, но на театрѣ разыгрывалась раньше.

зою. Княжна не доѣхала до Тарханъ и вернулась обратно. Небольшая записка ея извѣстила о случившемся Михаила Васильевича.

Что было въ этой запискѣ? Что вообще происходило между Арсеньевымъ и женой?... Дѣло кончилось трагически. Пьеса разъигрывалась господами, нѣкоторыя роли исполнялись актерами изъ крѣпостныхъ. Самъ Арсеньевъ вышелъ въ роли могильщика въ V дѣйствіи. Исполнивъ ее, Михаилъ Васильевичъ ушелъ въ гардеробную, гдѣ ему и была передана записка княжны. Пришедшіе затѣмъ гости нашли его отравившимся. Въ рукахъ онъ судорожно сжималъ полученное извѣщеніе [1].

Отъ брака съ Арсеньевымъ у Елизаветы Алексѣевны была всего одна дочь, Марья Михайловна. Во время трагической смерти отца ей было лѣтъ 15. Мать страстно любила дочь свою,

---

[1] Похороненъ М. В. Арсеньевъ въ фамильной часовнѣ въ Тарханахъ. Надъ нимъ женою поставленъ мраморный монументъ съ надписью на передней сторонѣ: скончался 1810 года, 2-го января. Справа написано: Михаилъ Васильевичъ Арсеньевъ. Съ лѣвой стороны: родился 1768 года, 8-го ноября.—Сопоставляя числа, выходитъ, что Арсеньевъ дѣйствительно былъ на 8 лѣтъ моложе жены, скончавшейся въ 1845 году 85 лѣтней старухой.

Разсказъ о смерти Арсеньева слышанъ мною отъ близкихъ къ семьѣ Ман—ыхъ людей, но еще раньше, въ 1881 году, въ Тарханахъ мнѣ сообщали старожилы разныя варіаціи смерти Арсеньева. Говорили, между прочимъ, что въ Тарханахъ съѣхавшіеся на святкахъ гости задумали рядиться. Ряженые собрались въ залѣ, но вдругъ, среди общаго веселья, замѣтили, что одного изъ кавалеровъ недостаетъ. Пошли отыскивать его въ мужскую уборную и наткнулись на Михаила Васильевича, лежавшаго мертвымъ на полу, въ костюмѣ и маскѣ. Говорили, что онъ умеръ отъ удара. См. статью мою въ Русской Мысли октябрь 1881 г., но только тутъ я не помѣстилъ разсказа Александры Суминой, бывшей дворовой дѣвушки Арсеньевой, старушки еще довольно бодрой, доживавшей свой вѣкъ въ Тарханахъ. Когда я ее видѣлъ, ей было уже за 80 лѣтъ (старожилы утверждали, что ей кончается 9-й десятокъ). Она утверждала, что была дѣвчонкой на побѣгушкахъ, когда умеръ Арсеньевъ, и помнила только, что «баринъ съ барыней побранились. Гости въ домѣ, а баринъ все на крыльцо выбѣгали. Барыня серчала. А тутъ баринъ пошли съ заступомъ къ гостямъ и очень жалостно говорили, а потомъ ушли къ шкафчику, да тамъ выпили, а тамъ нашли ихъ въ уборной помершими. Барыня оченно убивались и т.д.» Уж болѣе позднія сообщенія пояснили мнѣ сбивчивые разсказы старухи. Очевидно, Арсеньевъ съ заступомъ передъ гостями былъ въ роли могильщика. Отъ другихъ старожиловъ слышалъ я разсказъ въ подобномъ же родѣ [см. Живописн. Обозрѣніе 1884 г. № 39].

и,кажется,эта беззавѣтная привязанность вызвала охлажденіе къ мужу. Однако со смертью его проснулись воспоминанія первыхъ счастливыхъ лѣтъ супружества,и Елизавета Михайловна старалась устроить жизнь свою въ прежнихъ рамкахъ. Какъ при мужѣ,она каждый годъ проводила нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ, куда ѣзжали изъ пензенскаго имѣнія на долгихъ, посѣщая и останавливаясь на пути у родныхъ и знакомыхъ помѣщиковъ. Возвращаясь однажды изъ Москвы, мать съ дочерью заѣхали въ Васильевское, къ Арсеньевымъ, да и загостились у нихъ. Съ Арсеньевыми находилась въ большой дружбѣ семья Лермонтовыхъ, жившая по сосѣдству въ имѣніи своемъ Кроптовкѣ. Она состояла изъ пяти сестеръ [1] и брата Юрія Петровича, который былъ воспитанъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, въ Петербургѣ, а потомъ служилъ въ немъ и вышелъ въ отставку по болѣзни, въ 1811 году, съ чиномъ капитана [2]. Такимъ образомъ была прервана довольно успѣшная карьера 24 лѣтняго офицера. Объясняется отставка, кажется, необходимостью пріѣхать въ имѣніе и заняться хозяйствомъ, съ которымъ сестры не могли справиться.

Красивый молодой человѣкъ съ блестящими столичными пріемами произвелъ на Марью Михайловну сильное впечатлѣ-

---

[1] Наталья, Александра, Авдотья, замужемъ за Пожогинымъ-Отрошкевичъ, Екатерина (потомъ вышедшая за Свиньина) и Елена, вышедшая за Петра Вас. Віолева. Г. Никольскій, въ статьѣ: «Предки М. Ю. Лермонтова», Русск. Стар. 1873 г., т. VII, на стр. 553, ошибочно называетъ лишь двухъ сестеръ Юрія Петровича: Екатерину и Елену, основываясь частью на показаніяхъ М. Н. Лонгинова.

[2] Свѣдѣній объ Юріи Петровичѣ очень немного. Родился онъ въ 1787 г. и воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, откуда, въ 1804 году октября 29 го, 17-ти лѣтъ отъ роду, былъ выпущенъ въ Кексгольмскій пѣхотный полкъ прапорщикомъ. Однако менѣе чѣмъ черезъ 11 мѣсяцевъ его переводятъ на службу въ только что покинутый имъ кадетскій корпусъ, что, конечно, можетъ указывать на то, что молодой человѣкъ былъ у своего начальства на особенно хорошемъ счету. Въ 1810 году получаетъ онъ чинъ поручика, а 7-го ноября 1811 года увольняется въ отставку, по болѣзни, съ чиномъ капитана и съ мундиромъ. Во весь срокъ семилѣтней службы Лермонтовъ пользовался вниманіемъ начальства. Три раза было ему объявлено «Высочайшее удовольствіе и благодарность» (указъ объ отставкѣ см. въ Русск. Стар. 1873 г., т. VII, стр. 563).

ніе. Женское населеніе Кроптовки и Васильевскаго жарко принялось за дѣло и, къ радости, или къ неудовольствію Елизаветы Алексѣевны, молодые люди были помолвлены, и Марья Михайловна пріѣхала съ матерью въ Тарханы объявленною невѣстой.

Родня Арсеньевой, кажется, не очень сочувственно отнеслась къ проектированному браку и недоброжелательно глядѣла на бѣднаго капитана, принадлежавшаго не къ родовитому ихъ кругу. Вѣнчаніе происходило въ Тарханахъ, съ обычною торжественностью при большомъ съѣздѣ гостей.—Вся дворня была одѣта въ новыя платья. Среди гостей находились сестра Юрія Петровича и мать его Анна Васильевна.

Хотя Юрій Петровичъ, какъ увидимъ ниже, и происходилъ отъ древней шотландской фамиліи, рано переселившейся въ Россію, и предки его занимали видныя должности при первыхъ царяхъ изъ дома Романовыхъ, но родъ ихъ обѣднѣлъ, средства оскудѣли, и самъ Юрій Петровичъ, какъ и другіе, врядъ ли зналъ хорошо свою родословную. Это можно видѣть изъ того, что сынъ его еще въ 1834 году не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о родѣ своемъ и обращался къ родственнику своему за гербовою печатью, чтобы вырѣзать гербъ на своей [1].

Выйдя замужъ Марья Михайловна не получила въ приданое недвижимаго и за ней считалось всего 17 душъ безъ земли, вывезенныхъ покойнымъ отцемъ изъ тульской его деревни. За то мужу ея, Юрію Петровичу, предоставлено было управлять имѣніями матери, селомъ Тарханы и деревнею Михайловской. Онъ и распоряжался этими имѣніями до самой смерти жены полнымъ хозяиномъ,—«вошелъ въ домъ», по выраженію старожиловъ. Молодые выѣхали изъ Тарханъ въ Москву, когда состояніе здоровья Марьи Михайловны этого потребовало. За ними послѣдовала и Елизавета Алексѣевна.

Если отъ вокзала Николаевской желѣзной дороги въ Москвѣ ѣхать къ Краснымъ воротамъ, то на правой рукѣ, на площади, къ сторонѣ той части Садовой улицы, которая идетъ къ Суха-

---

1 Разсказъ Ивана Николаевича Лермонтова въ Р. Стар. 1873 г., т. VII, стр. 393.

ревой башнѣ, противъ самыхъ Красныхъ воротъ, стоитъ каменный трехэтажный домъ нынѣ Голикова, съ балкономъ на углу. Въ 1814 году на этомъ мѣстѣ стоялъ домъ меньшихъ размѣровъ, который впослѣдствіи былъ расширенъ и надстроенъ. Онъ принадлежалъ тогда генералъ-маіору и кавалеру Ѳедору Николаевичу Толю [1]. Въ этомъ-то домѣ и поселились Лермонтовы. Здѣсь у нихъ со 2-го на 3-е октября родился сынъ. Крещенъ онъ былъ 11-го октября и въ честь дѣда Арсеньева нареченъ Михаиломъ [2]. И въ этомъ тоже замѣтна настойчивость характера бабки Арсеньевой, потому что изъ рода въ родъ Лермонтовы именовались, то Петромъ, то Юріемъ. Поэтъ нашъ первый въ длинномъ рядѣ предковъ получилъ не традиціонное имя, и отецъ его Юрій Петровичъ согласился на это неохотно [3].

---

[1] Статья Розанова—Русск. Стар. 1873 г., т. VIII, стр. 113, и зам. Лонгинова—Русск. Стар. т. VII, стр. 380. Домъ Толя,—говоритъ Розановъ,—перешелъ, вѣроятно, къ Бурову, потомъ къ иностранцу Пенандъ, а черезъ 6 лѣтъ къ Голикову.

[2] Для совершенія обряда крещенія были приглашены изъ церкви Трехъ Святителей, протоіерей Николай Петровичъ Друговъ, дьяконъ Петръ Ѳедоровичъ, дьячекъ Яковъ Ѳедоровичъ и пономарь Алексѣй Никифоровичъ. Воспріемникомъ былъ коллежскій ассессоръ Ѳома Васильевичъ Хотяинцевъ, а воспріемницею бабка новорожденнаго Арсеньева. Метрическое свидѣтельство напечатано въ Русской Мысли 1881 г. ноябрь.

[3] По указаніямъ Хвостовой [записки Е. А. Хвостовой, стр. 186], Лермонтовъ родился въ 1815 году. Это утверждаетъ и Лонгиновъ, весьма, впрочемъ, ненадежный въ своихъ показаніяхъ, что не разъ будемъ имѣть случай доказать. [Русск. Вѣстн. 1860 г., № 8, стр. 383, и Русск. Стар. 1873 г., т. VII, стр. 380]. Въ Петербургскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1867 года, № 50, помѣщена статья Прозина: «Выдержки изъ моего дорожнаго журнала». Въ статьѣ этой описывается село Тарханы и могила Лермонтова, на которой г. Прозинъ прочелъ: «Лермонтовъ родился 30 октября 1814 г.» Описанія памятника чрезвычайно различны. Такъ, въ Илл. Газетѣ [1867 г., № 12] говорилось, что на памятникѣ кромѣ надписи «М. Ю. Лермонтовъ» больше ничего нѣтъ [переп. съ «Зап. Хвостовой», стр. 254]. Въ Русск. Художеств. Листкѣ [1 марта 1862 г., № 7] помѣчено, что Лермонтовъ родился 3 октября 1814 г. По точнымъ описаніямъ г. Журавлева, провѣреннымъ мною на мѣстѣ, памятникъ имѣетъ слѣдующія надписи. На передней сторонѣ: «Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ». на правой: «скончался 1841 г. 15 іюля», на лѣвой: «родился въ 1814 г. 3 октября». Самъ поэтъ праздновалъ день своего рожденія 3-го октября [см. письмо къ нему Верещагиной въ Русск. Обозр. августъ 1890 г. стр. 734]. Г. Розановъ помѣстилъ въ Русск. Стар. 1873 г., стр. 113, точную

Малютка и мать его были окружены всевозможными заботами. Изъ Тарханъ, уже впередъ, до срока, прислали двухъ крестьянокъ съ грудными младенцами. Врачи выбрали изъ нихъ Лукерью Алексѣевну въ кормилицы къ новорожденному. Она долго потомъ жила на хлѣбахъ въ Тарханахъ, и Михаилъ Юрьевичъ уже взрослымъ не разъ навѣщалъ ее тамъ, справлялся о житьѣ-бытьѣ и привозилъ подарки [1]. Изъ Москвы Лермонтовы съ бабушкою и груднымъ ребенкомъ своимъ вернулись въ Тарханы, и Юрій Петровичъ выѣзжалъ изъ нихъ лишь иногда, по хозяйственнымъ дѣламъ, то въ Москву, то въ тульское имѣніе [2].

Супружеская жизнь Лермонтовыхъ не была особенно счастливою; скоро даже, кажется, произошелъ разрывъ, или, по крайней мѣрѣ, сильныя недоразумѣнія между супругами. Что было причиною ихъ, при существующихъ данныхъ, опредѣлить невозможно. Юрій Петровичъ охладѣлъ къ женѣ. Можетъ-быть, какъ это случается, ревнивая любовь матери къ дочкѣ, при недоброжелательствѣ къ мужу ея, усугубили недоразумѣнія между ними. Можетъ-быть, распущенность помѣщичьихъ нравовъ того времени сдѣлала свое, но только въ домѣ Юрія Петровича очутилась особа, занявшая мѣсто, на которое имѣла

справку изъ архива московской консисторіи, въ коей говорится, что Лермонтовъ родился 2-го октября. Бабушка праздновала день рожденія Лермонтова 3-го октября, она же и поставила ему памятникъ и, конечно, не ошиблась бы. Примиряя оба свѣдѣнія, я полагаю, что Лермонтовъ родился со 2-го на 3-е октября. Крестившій Лермонтова Н. П. Друговъ въ свое время пользовался извѣстностью въ духовномъ мірѣ [подробная біографія въ Душеполезномъ Чтеніи 1866 года, кн. VI]. И нынѣ священническое мѣсто при церкви Трехъ Святителей находится въ родѣ Другова.

1 Въ Тарханахъ и по сіе время живутъ потомки Лукерьи, сохранившіе прозвище «Кормилициныхъ».

2 Обыкновенное предположеніе біографовъ [Дудышкинъ и за нимъ другіе], будто мать Лермонтова увезла его въ Тарханы, а отецъ оставался жить въ тульскомъ своемъ имѣніи, опровергается свѣдѣніями, собранными въ Тарханахъ. Свѣдѣніями этими я обязанъ Петру Николаевичу Журавлеву, которому приношу искреннюю благодарность. Ему я обязанъ данными о бабушкѣ, отцѣ и матери поэта и юности его. Разсказы старожиловъ, выписки изъ метрикъ, надписи могильныхъ памятниковъ и разныя указанія были имъ доставлены мнѣ съ готовностью и точностью, много облегчившими мои поиски.

право только жена. Звали ее Юліей Ивановной, и была она въ домѣ Арсеньевыхъ въ тульскомъ ихъ имѣніи, гдѣ увлекся нѣжнымъ къ ней чувствомъ одинъ изъ членовъ семьи. Охраняя его отъ чаръ Юліи Ивановны, послѣднюю передали въ Тарханы, въ качествѣ якобы компаньонки Марьи Михайловны. Здѣсь ею увлекся Юрій Петровичъ, отъ котораго ревнивая мать старалась отвлечь горячо любящую дочку. Этотъ эпизодъ далъ поводъ Арсеньевой сожалѣть бѣдную Машу и осыпать упреками ея мужа. Елизавета Алексѣевна чернила передъ дочерью зятя своего, и взаимныя отношенія между супругами стали невыносимы. Временная отлучка Юрія Петровича, поступившаго въ ополченіе, не поправила ихъ.—Если сопоставить немногосложныя извѣстія о Юріѣ Петровичѣ, то это былъ человѣкъ добрый, мягкій, но вспыльчивый, самодуръ, и эта вспыльчивость, при легко воспламенявшейся натурѣ, могла доводить его до суровости и подавала поводъ къ весьма грубымъ и дикимъ проявленіямъ, несовмѣстнымъ даже съ условіями порядочности [1]. Слѣдовавшія затѣмъ раскаяніе и сожалѣніе о случившемся не всегда были въ состояніи выкупать совершившагося, но, конечно, могли возбуждать глубокое сожалѣніе къ Юрію Петровичу, а такое сожалѣніе всегда близко къ симпатіи.

Немногіе помнящіе Юрія Петровича называютъ его красавцемъ, блондиномъ, сильно нравившимся женщинамъ, привлекательнымъ въ обществѣ, веселымъ собесѣдникомъ, «bon vivant», какъ называетъ его воспитатель Лермонтова, г. Зиновьевъ. Крѣпостной людъ называлъ его «добрымъ, даже очень добрымъ бариномъ». Всѣ эти качества должны были быть весьма не понутру Арсеньевой. Родъ Столыпиныхъ отличался строгимъ выполненіемъ принятыхъ на себя обязанностей, рыцарскимъ чувствомъ и чрезвычайною выдержкою,—черты, отличавшія потомъ друга и товарища Михаила Юрьевича, Алексѣя Аркадьевича Столыпина, извѣстнаго подъ именемъ «Мон-

---

[1] Сообщенія г. Журавлева.—О Юріи Петровичѣ разсказывалъ мнѣ тоже и г. Зиновьевъ, бывшій учитель М. Ю. Лермонтова, видавшій не разъ отца поэта въ Москвѣ въ 1828, 29 и 30 годахъ.

го», который въ обществѣ и среди товарищей почитался образцомъ благородства и рыцарства. Въ Юріи Петровичѣ выдержки-то именно и не было. Старожилы разсказываютъ, какъ во время одной поѣздки съ женою вспыливші Юрій Петровичъ поднялъ на нее руку.

Фактъ этого грубаго обращенія былъ послѣднею каплей полыни въ супружеской жизни Лермонтовыхъ. Она разстроилась, хотя супруги, избѣгая открытой распри, по-прежнему оставались жить съ бабушкою въ Тарханахъ.

Марья Михайловна, родившаяся ребенкомъ слабымъ и болѣзненнымъ, и взрослою все еще глядѣла хрупкымъ, нервнымъ созданіемъ. Передряги съ мужемъ, конечно, не были такого свойства, чтобы благотворно дѣйствовать на ея организмъ. Она стала хворать. Въ Тарханахъ долго помнили, какъ тихая, блѣдная барыня, сопровождаемая мальчикомъ-слугою, носившимъ за нею лекарственныя снадобья, переходила отъ одного крестьянскаго двора къ другому съ утѣшеніемъ и помощью,— помнили, какъ возилась она и съ болѣзненнымъ сыномъ. И любовь, и горе выплакала она надъ его головой. Марья Михайловна была одарена душою музыкальною. Посадивъ ребенка своего себѣ на колѣни, она заигрывалась на фортепіано, а онъ, прильнувъ къ ней головкой, сидѣлъ неподвижно, звуки какъ бы потрясали его младенческую душу и слезы катились по его личику. Мать передала ему необычайную нервность свою.

Наконецъ злая чахотка, давно стоявшая настороже, охватила слабую грудь молодой женщины. Пока она еще держалась на ногахъ, люди видѣли ее бродящею по комнатамъ господскаго дома, съ заложенными назадъ руками. Трудно бывало ей напѣвать обычную пѣсню надъ колыбелью Мпши. Постучалась весна въ дверь природы, а смерть—къ Марьѣ Михайловнѣ, и она слегла. Мужъ въ это время былъ въ Москвѣ. Ему дали знать, и онъ прибылъ съ докторомъ наканунѣ роковаго дня. Спасти больную нельзя было. Она скончалась на другой день по пріѣздѣ мужа. Ее схоронили возлѣ отца, и на поставленномъ матерью мраморномъ памятникѣ еще и теперь читается надпись:

Подъ камнемъ симъ лежитъ тѣло
Маріи Михайловны
Лермонтовой,
урожденной Арсеньевой,
скончавшейся 1817 года, февраля 24 дня, въ субботу.
Житіе ей было 21 годъ, 11 мѣсяцевъ и 7 дней.

Что произошло между мужемъ и матерью покойной, неизвѣстно, но только Юрій Петровичъ по смерти жены оставался въ Тарханахъ всего 9 дней и затѣмъ уѣхалъ къ себѣ въ Кроптовку.

Убитая горемъ Елизавета Алексѣевна приказала снести большой барскій домъ въ Тарханахъ, свидѣтеля смерти ея мужа и любимой дочери, и воздвигнула на мѣстѣ его церковь во имя Маріи Египетской. Рядомъ съ церковью она построила небольшое деревянное зданіе съ мезониномъ, гдѣ и поселилась съ внукомъ своимъ. Этотъ домъ въ Тарханахъ уцѣлѣлъ и по сіе время[1].

Черезъ нѣсколько времени послѣ отъѣзда своего изъ Тарханъ Юрій Петровичъ потребовалъ къ себѣ сына. Іюня 5-го Сперанскій пишетъ брату Арсеньевой, Аркадію Алексѣевичу Столыпину: «Елизавету Алексѣевну ожидаетъ крестъ новаго рода: Лермонтовъ требуетъ къ себѣ сына и едва согласился оставить еще на два года. Странный и, говорятъ, худой человѣкъ; таковъ по крайней мѣрѣ долженъ быть всякъ, кто Елизаветѣ Алексѣевнѣ, воплощенной кротости и терпѣнію, рѣшится дѣлать оскорбленіе»[2]. Разсужденіе, впрочемъ, немного

[1] По смерти бабушки, управляющій Тарханами Горчаковъ—изъ крѣпостныхъ—едва не продалъ дома. Затѣмъ въ 1867 году домъ было совсѣмъ рѣшили продать на сносъ и все разошлось изъ за 50 рублей. Его даже уже стали разбирать, и г. Прозинъ [Пензенскія Вѣд. 1876 г. № 50] видѣлъ мезонинъ снятымъ съ главнаго корпуса. Затѣмъ домъ былъ приведенъ въ прежній порядокъ, съ незначительными измѣненіями во внѣшнемъ видѣ. Въ 1881 году я снялъ съ него планъ внѣшняго вида и внутренняго расположенія и передалъ его вмѣстѣ съ литографированнымъ его изображеніемъ 1842 года въ Лермонтовскій музей. Въ каталогѣ музея, составленномъ г. Бильдерлингомъ, изображенъ домъ съ церковью, но ошибочно помѣчено, что въ ней похороненъ поэтъ. Похороненъ онъ съ полверсты отъ этого мѣста въ особомъ фамильномъ мавзолеѣ.

[2] Русск. Архивъ 1870 г., т. VIII стр. 1136.

странное—называть желаніе отца имѣть при себѣ сына «оскорбленіемъ бабушки». Вообще отзывъ Сперанскаго, очевидно, не знавшаго лично Юрія Петровича, надо принимать осторожно. Фактъ, что Юрій Петровичъ, несмотря на свое раздраженіе противъ жены и тещи, оставляетъ сына у бабушки, скорѣе доказываетъ его мягкость. Предположить, что онъ не любилъ сына, или оставлялъ его у другихъ по равнодушію къ нему—трудно. Зачѣмъ ему въ такомъ случаѣ было требовать сына къ себѣ? Зачѣмъ сдаваться на просьбы и представленія бабушки, рѣшаясь наконецъ быть въ разлукѣ съ сыномъ еще только два года? Миша былъ тогда всего трехъ лѣтъ. Отецъ разсудилъ, что уходъ за нимъ подъ наблюденіемъ любящей его богатой бабушки будетъ лучше, нежели у него, вдовца, съ весьма ограниченными средствами. Дальше мы увидимъ, что взаимныя отношенія отца и сына были задушевныя и любящія. Со стороны чувства къ своему ребенку упрекать Юрія Петровича, кажется, нельзя.

Глубоко подавленная смертью дочери, Елизавета Алексѣевна перенесла на внука всю свою любовь и пріязнь. Она видѣла въ немъ средоточіе всего, что было отнято судьбой въ лицѣ ея мужа и потомъ дочери. Этотъ внукъ носилъ имя своего дѣда; умирающая дочь поручила ей беречь его дѣтство. Кромѣ Миши у ней никого не оставалось на свѣтѣ. Она съ нимъ старалась не разставаться; онъ спалъ въ ея комнатѣ, она наблюдала за каждымъ его шагомъ, страшилась малѣйшаго нездоровья. Рожденный отъ слабой матери, ребенокъ былъ не изъ крѣпкихъ. Если случалось ему занемогать, то въ «дѣловой» дворовыя дѣвушки освобождались отъ работъ, и имъ наказывали молиться Богу объ исцѣленіи молодаго барина.

Приставленная со дня рожденія къ Мишѣ бонна нѣмка, Христина Осиповна Ремеръ, и теперь оставалась при немъ неотлучно. Это была женщина строгихъ правилъ, религіозная. Она внушала своему питомцу чувство любви къ ближнимъ, даже и къ тѣмъ, которые по положенію находились отъ него въ крѣпостной зависимости. Избави Богъ, если кого-либо изъ дворовыхъ онъ обзоветъ грубымъ словомъ, или оскорбитъ. Не любила этого Христина Осиповна, стыдила ребенка застав

ляла его просить прощенія у обиженнаго. Вся дворня высоко чтила эту женщину, для мальчика же ея вліяніе было благодѣтельно. Всеобщее баловство и любовь дѣлали изъ него баловня, въ которомъ, не смотря на прирожденную доброту, развивался духъ своеволія и упрямства, легко, при недосмотрѣ, переходящій въ дѣтяхъ въ жестокость.

Елизавета Алексѣевна такъ любила своего внука, что для него не жалѣла ничего, ни въ чемъ ему не отказывала. Все ходило кругомъ да около Миши. Всѣ должны были угождать ему, забавлять его. Зимою устроивалась гора, на ней катали Михаила Юрьевича и вся дворня, собравшись, потѣшала его. Святками каждый вечеръ приходили въ барскіе покои ряженые изъ дворовыхъ, плясали, пѣли, играли, кто во что гораздъ. При каждомъ появленіи новаго лица Михаилъ Юрьевичъ бѣжалъ къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ въ смежную комнату и говорилъ: «Бабушка, вотъ еще одинъ такой пришелъ»!—и ребенокъ дѣлалъ ему посильное описаніе. Всѣ, которые рядились и потѣшали Михаила Юрьевича, на время святокъ освобождались отъ урочной работы. Праздники встрѣчались съ большими приготовленіями, по старинному обычаю. Къ Пасхѣ заготовлялись крашеныя яйца въ громадномъ количествѣ. Начиная съ Свѣтлаго Воскресенья, залъ наполнялся дѣвушками, приходившими катать яйца. Михаилъ Юрьевичъ все проигрывалъ, но лишь только удавалось выиграть яйцо, то съ большою радостью бѣжалъ къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ и кричалъ:

— Бабушка, я выигралъ!

— Ну, слава Богу,—отвѣчала Елизавета Алексѣевна.— Бери корзинку яицъ и играй еще.

«Ужь такъ веселились,—разсказываютъ тархановскія старушки,—такъ играли, что и передать нельзя. Какъ только она, царство ей небесное, Елизавета Алексѣевна-то, шумъ такой выносила!

— А лѣтомъ опять свои удовольствія. На Троицу и Семикъ ходили въ лѣсъ со всею дворней, и Михаилъ Юрьевичъ впереди всѣхъ. Поварамъ работы было страсть,—на всѣхъ закуску готовили, всѣмъ угощеніе было».

Бабушка въ это время сидѣла у окна гостиной комнаты и

глядѣла на дорогу въ лѣсъ и длинную просѣку, по которой шелъ ея баловень окруженный дѣвушками. Уста ея шептали молитву. Съ нѣжнѣйшаго возраста бабушка слѣдила за играми внука. Ее поражала ранняя любовь его къ созвучіямъ рѣчи. Едва лепетавшій ребенокъ съ удовольствіемъ повторялъ слова въ риѳму: «полъ — столъ», или «кошка — окошко», ему ужасно нравились и, улыбаясь, онъ приходилъ къ бабушкѣ подѣлиться своею радостью.

Полъ въ комнатѣ маленькаго Лермонтова былъ покрытъ сукномъ. Величайшимъ удовольствіемъ мальчика было ползать по немъ и чертить мѣломъ [1].

Память о матери глубоко запала въ чуткую душу мальчика: какъ сквозь сонъ, грезилась она ему; слышался милый ея голосъ. Потерявъ мать на третьемъ году, онъ хотя смутно, но все таки помнилъ ее. Замѣчено, что такія воспоминанія могутъ западать въ душу даже съ двухлѣтняго возраста, выступая всю жизнь свѣтлыми точками изъ-за причудливаго мрака смутныхъ дѣтскихъ воспоминаній. Въ дѣтствѣ звуки пѣсни, пѣтой ему матерью, всегда доводили Лермонтова до слезъ. Позднѣе онъ никакъ не могъ вспомнить словъ ея, но утверждалъ, что еслибъ услыхалъ эту пѣснь, она произвела бы на него прежнее дѣйствіе [т. I стр. 113].

Альбомъ матери онъ всегда возилъ съ собою и еще 11-лѣтнимъ мальчикомъ на Кавказѣ вносилъ въ него свои рисунки. Неразлученъ съ нимъ былъ и дневникъ матери [2].

Окруженный заботами и ласками, мальчикъ росъ баловнемъ среди женскаго элемента. — Фантазія его рано была возбуждена. Если ему и не пришлось слышать русскихъ народныхъ сказокъ, о чемъ онъ такъ сожалѣлъ позднѣе, находя что «въ нихъ больше поэзіи чѣмъ во всей французской словесности», [т. I стр. 114], то все же голова ребенка полна была образовъ романтическаго міра.

---

1 Изъ разсказовъ С. А. Раевскаго. Матеріалы Хохрякова.

2 Изъ разсказовъ А. П. Шанъ-Гирея. — Альбомъ этотъ мнѣ случилось видѣть въ 1880 году уже сильно потертымъ. Пріобрѣсти мнѣ его неудалось, но онъ описанъ г. Рыбкинымъ въ Историческомъ Вѣстникѣ за 1881 г. т. VI стр. 374. Дневника матери Лермонтова разыскать я не могъ.

Тогдашнее романтическое направленіе нѣмецкой литературы уже давало себя знать, и не мудрено, что его «мамушка», какъ онъ называлъ свою бонну-нѣмку, не мало передала ему разсказовъ, которые наполнили собою юную головку.

Рано уже любилъ мальчикъ часами глядѣть на луну, слѣдить за разновидными облаками, воображать въ нихъ рыцарей въ шлемахъ, окружающихъ чудесное свѣтило. Представлялось оно ему волшебницей, плавно идущей въ свой чудесный замокъ, сопровождаемой дружиной вѣрныхъ защитниковъ отъ опасныхъ враговъ — великановъ, карловъ и безобразныхъ драконовъ и чудищъ. [т. I стр. 114].

Во «второмъ отрывкѣ изъ неоконченной повѣсти», имѣющемъ, какъ и все почти писанное Лермонтовымъ, автобіографическое значеніе, изображается развитіе характера мальчика — Саши Арбенина. Уже самое имя Арбенина, столь часто встрѣчающееся въ разнородныхъ сочиненіяхъ Лермонтова и всегда являющееся какъ бы прототипомъ свойствъ самого автора, даетъ намъ право видѣть въ главныхъ чертахъ Саши разсказъ, взятый изъ исторіи дѣтскаго развитія самого Михаила Юрьевича. Саша Арбенинъ живетъ въ деревнѣ, окруженный женскимъ элементомъ, подъ руководствомъ няни. Няня эта завѣдуетъ хозяйствомъ, и съ нею странствуетъ Саша по дѣвичьимъ, или же дѣвушки приходятъ въ дѣтскую. «Сашѣ было съ ними очень весело. Онѣ его ласкали и цѣловали на-перерывъ, разсказывали ему сказки про волжскихъ разбойниковъ, и его воображеніе наполнялось чудесами храбрости и картинами мрачными и понятіями противуобщественными. Онъ разлюбилъ игрушки и началъ мечтать. Шести лѣтъ онъ уже заглядывался на закатъ, усѣянный румяными облаками, и непонятно - сладостное чувство ужъ волновало его душу, когда полный мѣсяцъ свѣтилъ въ окно на его дѣтскую кроватку. Саша былъ преизбалованный, пресвоевольный ребенокъ. Онъ семи лѣтъ умѣлъ уже прикрикнуть на непослушнаго лакея. Принявъ гордый видъ, онъ умѣлъ съ презрѣніемъ улыбнуться на низкую лесть толстой ключницы. Между тѣмъ природная всѣмъ склонность къ разрушенію развивалась въ немъ необыкновенно. Въ саду онъ то и дѣло ломалъ кусты и срывалъ лучшіе

цвѣты, усыпая ими дорожки. Онъ съ истиннымъ удовольствіемъ давилъ несчастную муху и радовался, когда брошенный камень сбивалъ съ ногъ бѣдную курицу. Богъ знаетъ, какое направленіе принялъ бы его характеръ, еслибы не пришла на помощь корь—болѣзнь опасная въ его возрастѣ. Его спасли отъ смерти, но тяжелый недугъ оставилъ его въ совершенномъ разслабленіи: онъ не могъ ходить, не могъ приподнять ножки. Цѣлые три года оставался онъ въ самомъ жалкомъ положеніи, и еслибъ онъ не получилъ отъ природы желѣзнаго тѣлосложенія, то вѣрно отправился бы на тотъ свѣтъ. Болѣзнь эта имѣла вліяніе на умъ и характеръ Саши: онъ выучился думать. Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами дѣтей, онъ началъ искать ихъ въ самомъ себѣ. Воображеніе стало для него новой игрушкой. Не даромъ учатъ дѣтей, что съ огнемъ играть не должно. Но, увы, никто и не подозрѣвалъ въ Сашѣ этого скрытаго огня, а между тѣмъ онъ обхватывалъ все существо бѣднаго ребенка. Въ продолженіе мучительныхъ безсонницъ, задыхаясь между горячихъ подушекъ, онъ уже привыкалъ побѣждать страданія тѣла, увлекаясь грезами души. Онъ воображалъ себя волжскимъ разбойникомъ, среди синихъ и студеныхъ волнъ, въ тѣни дремучихъ лѣсовъ, въ шумѣ битвъ, въ ночныхъ наѣздахъ, при звукѣ пѣсенъ, подъ свистомъ волжской бури».

Для рано образовавшагося внутренняго, душевнаго міра поэта, мальчикъ не находилъ выраженія, и, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, сила фантазіи и общенія мысли устремилась на явленія природы. Дѣтская душа, какъ душа младенчествующихъ народовъ, тѣсно примыкаетъ къ природѣ и, сама уходя въ нее, въ то же время привлекаетъ ее къ себѣ, олицетворяетъ, индивидуализируетъ. Поэтому-то въ памяти особенно даровитыхъ людей на всю жизнь сохраняются поразившія ихъ фантазію картины природы. Только позднѣе умъ начинаетъ интересоваться человѣкомъ, и мы увидимъ, какъ Лермонтовъ, даже и въ поэзіи своей, долго сохраняетъ интересъ къ звѣздамъ, тучамъ, въ особенности ко всѣмъ величественнымъ, мрачнымъ или привѣтнымъ явленіямъ природы и черезъ нихъ знакомитъ насъ съ состояніемъ души своей.

Воображеніе мальчика Лермонтова рано наполняли видѣнія во снѣ и на яву. Еще въ 1830 году вспоминаетъ онъ сонъ, который видѣлъ восьми лѣтъ и который сильно подѣйствовалъ на его душу [т. I стр. 114]. Вспоминаетъ онъ, какъ въ тѣ же годы случилось ему однажды ѣхать куда то въ грозу и какъ передъ нимъ быстро неслось по небу небольшое облако, «какъ бы оторванный клочокъ чернаго плаща», и долго въ памяти поэта живетъ то грозное небо съ клочкомъ мрачной, словно бѣдою чреватой, тучи.

Какъ Саша Арбенинъ, Лермонтовъ перенесъ трудную и продолжительную болѣзнь. Онъ вообще былъ весьма золотушнымъ ребенкомъ, страдалъ «худосочіемъ» [1], и этому то, между прочимъ, приписывала бабушка оставшуюся на всю жизнь кривизну ногъ своего внука. Желаніе искоренить слѣды этой болѣзни и вообще поправить слабый организмъ «Мишеля», побудило ее взять его на кавказскія воды [2].

Хотя Арсеньева и не ладила съ своимъ зятемъ, но она не совершенно прекратила отношенія съ нимъ и семьей его. Въ 1825 году, когда бабушка опять повезла внука на кавказскія воды, ее сопровождалъ г. Пожогинъ, женатый на родной теткѣ Михаила Юрьевича, Авдотьѣ Петровнѣ Лермонтовой. Что Лермонтовъ ребенкомъ бывалъ въ имѣніи отца, видно изъ приписки къ стихотворенію его «Геній», гдѣ онъ упоминаетъ, что въ 1827 году пребывалъ въ ефремовской деревнѣ.

Когда Михаилъ Юрьевичъ подросъ и вступилъ въ отроческій возрастъ,—разсказываютъ старожилы села Тарханы,—были ему набраны однолѣтки изъ дворовыхъ мальчиковъ, об-

---

1 Въ дѣтствѣ на немъ постоянно показывалась сыпь, мокрыя струпья, такъ что сорочка прилипала къ тѣлу, и мальчика много кормили сѣрнымъ цвѣтомъ,—такъ разсказываютъ въ Тарханахъ. Е. А. Арсеньева, въ разговорахъ съ г-жею Гельмерсенъ, тоже говорила о болѣзненности Лермонтова въ дѣтствѣ и указывала на нѣкоторую кривизну ногъ, какъ на слѣдствіе ея. Эта болѣзненность побудила бабушку везти внука на сѣрныя кавказскія воды. То же сообщаетъ и Рыбкинъ [см. выше] стр. 372: «жидкій мальчикъ, здоровьемъ золотушный».

2 Вопреки установившемуся мнѣнію, что Лермонтовъ только 10-лѣтнимъ ребенкомъ былъ на Кавказѣ, А. П. Шанъ-Гирей и другіе утверждаютъ, что Лермонтовъ былъ тамъ и еще въ болѣе нѣжномъ возрастѣ.

мундированы въ военное платье, и дѣлалъ имъ Михаилъ Юрьевичъ ученіе, игралъ въ воинскія игры, въ войну, въ разбойниковъ. Товарищами были ему также родственники, жившіе по сосѣдству съ Тарханами, въ имѣніи Апалихѣ [1], принадлежавшемъ племянницѣ Арсеньевой, Марьѣ Акимовнѣ Шанъ-Гирей. У нея были дѣти: дочь Екатерина и три сына, старшій изъ коихъ, Акимъ Павловичъ, воспитывался съ Мишей и всю жизнь оставался съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Близость мѣста жительства ежедневно сводила дѣтей, учившихся у однихъ и тѣхъ же наставниковъ. Поступивъ позднѣе въ университетскій пенсіонъ въ Москвѣ, Лермонтовъ еще долго остается въ перепискѣ съ родною семьей и, говоря о занятіяхъ своихъ, даетъ совѣты относительно занятій прежняго своего товарища и троюроднаго брата. [т. V, стр. 373].

Желая создать для Мишеля вполнѣ подходящую обстановку, было рѣшено обучать его вмѣстѣ съ сверстниками, съ коими онъ дѣлилъ бы тоже и часы досуга. Кромѣ Акима Шанъ-Гирея въ Тарханахъ года два воспитывались и двоюродные его братья со стороны отца: Николай и Михаилъ Пожогины-Отрошкевичи, два брата Юрьевыхъ, временно князья Николай и Петръ Максютовы и другіе. Одно время въ Тарханахъ жило десять мальчиковъ. Елизавета Алексѣевна не щадила средствъ для воспитанія внука. Оно обходилось ей до десяти тысячъ рублей ассигнаціями. На это-то она и указывала отцу, когда тотъ заводилъ рѣчь относительно желанія своего воспитывать сына при себѣ. Бѣдный человѣкъ конечно не былъ въ состояніи сдѣлать для Мишеля даже и части того, что дѣлала бабушка.

Кромѣ обыкновеннаго курса наукъ—Мишель и сверстниковъ обучали языкамъ французскому и нѣмецкому, а изъ древнихъ латинскому и греческому. Послѣднему обучалъ грекъ изъ Кефалоніи, бѣжавшій въ Россію во время смутъ, предшествовавшихъ войнѣ за освобожденіи Греціи [2]. Но успѣхи Мишеля у этого ученаго политическаго выходца были не особенно блестящи,

---

[1] Ср. статью мою въ Русской Мысли, октябрь, 1881 г.

[2] Сравн. Русск. Мысль тамъ же, и свидѣтельство М. А. Пожогина-Отрошкевича въ Русск. Арх. 1881 г., т. III, стр. 457.

и импровизованный менторъ скоро перешелъ на чисто практическую дѣятельность. Онъ занялся выдѣлкою шкуръ собакъ, и этому искусству научилъ окрестныхъ крестьянъ, до сей поры имъ занимающихся.

Своихъ сверстниковъ Мишель любилъ дѣлить на два лагеря. Происходили военныя игры, и особенно зимою воздвигались и брались крѣпости, совершались переходы. Порою устраивались танцы и даже домашніе спектакли. Вниманіе воспитателей было обращено тоже и на развитіе эстетическаго вкуса въ питомцѣ. Кажется, одною изъ любимыхъ забавъ мальчика было занятіе театромъ маріонетокъ, въ то время весьма распространеннымъ. Еще изъ Москвы Лермонтовъ просилъ тетку выслать ему «воски», потому что и въ Москвѣ онъ «дѣлаетъ театръ, который довольно хорошо выходитъ, и гдѣ будутъ играть восковыя фигуры». [Письмо къ М. А. Шанъ-Гирей № 1]. Акимъ Павловичъ Шанъ-Гирей хорошо помнилъ этихъ актеровъ-куколъ съ вылѣпленными самимъ Лермонтовымъ головами изъ воску. Среди нихъ была кукла излюбленная мальчикомъ поэтомъ, носившая почему-то названіе «Berquin» и исполнявшая самыя фантастическія роли въ пьесахъ, которыя сочинялъ Мишель, заимствуя сюжеты или изъ слышаннаго, или прочитаннаго.

Лѣпилъ Лермонтовъ не дурно, и С. А. Раевскій разсказываетъ [Матеріалы Хохрякова], что двѣнадцати лѣтъ онъ «вылѣпилъ изъ воску спасеніе жизни Александра Великаго Клитомъ при переходѣ черезъ Граникъ». Слоны и колесница играли тутъ главную роль, украшенные бусами, стеклярусомъ и фольгой.

Желая поправить здоровье внука, бабушка нѣсколько разъ возила его на кавказскія воды [1]. У Столыпиныхъ было имѣніе «Столыпиновка» недалеко отъ Пятигорска [2], а ближе къ Владикавказу жила сестра Арсеньевой Хостатова. Въ 1825 г.

---

1 По однимъ свѣдѣніямъ три, по другимъ два года сряду.—Старожилы въ Тарханахъ помнили, что Миша, побывавъ на Кавказѣ, все имъ былъ занятъ, изъ воску лѣпилъ горы и черкесовъ и «игралъ въ Кавказъ».

2 Она досталась А. П. Шанъ Гирею и только года два до смерти его, въ половинѣ 80-хъ годовъ, была продана въ чужія руки.

поѣхали туда многочисленнымъ обществомъ: бабушка, кузины Столыпины, докторъ Анзельмъ Левисъ, Михаилъ Пожогинъ, учитель Иванъ Капэ и гувернантка Христина Ремеръ — все это сопровождало Мишу [1]. Пріѣхали въ Пятигорскъ въ началѣ лѣта и здѣсь съѣхались съ Екатериною Александровною Хостатовой, прибывшей изъ своего имѣнія.

Въ головкѣ мальчика тогда бродило уже многое. Чуткій ко всѣмъ явленіямъ природы, почерпая изъ нихъ нескончаемый матеріалъ для жизни фантазіи, Лермонтовъ не могъ не поддаться обаянію величественнаго Кавказа. Впечатлѣнія эти коснулись отзывчивой души мальчика и вызвали новый міръ жизни и любви. Вотъ тутъ-то встрѣтился онъ съ ребенкомъ-дѣвушкою, вызвавшей первую весеннюю грозу души и глубоко и надолго запавшей въ память мальчика. Она была немногимъ моложе Лермонтова, лѣтъ девяти. Бѣлокурые волосы, голубые глаза, быстрыя, непринужденныя движенія, а надъ нею синее южное небо, упирающееся въ сѣдыя вершины кавказскихъ ледниковъ, ниже хребты горъ, одѣтые причудливыми облаками, а вблизи шумъ воды, бѣгущей межъ скалъ по каменьямъ; вокругъ пышная зелень въ блескѣ теплыхъ лучей иль облитая румянымъ закатомъ. Долго потомъ вспоминалъ мальчикъ-поэтъ этотъ Кавказъ и время первой съ нимъ встрѣчи, время перваго пробужденія души, и шестнадцатилѣтнимъ юношей въ тетрадяхъ своихъ, въ которыхъ онъ изливалъ всѣ чувства свои въ стихотворной формѣ, онъ, вспоминая и славя Кавказъ, какъ будто не въ силахъ найти подходящую риѳму и ладъ, пишетъ ему диѳирамбъ стихотворною прозой:

«Синія горы Кавказа, привѣтствую васъ! Вы взлелѣяли дѣтство мое, вы носили меня на своихъ одичалыхъ хребтахъ; облаками меня одѣвали; вы къ небу меня пріучили, и я съ той поры все мечтаю о васъ да о небѣ... [т. I стр. 70].

---

[1] Подробности въ Русск. Мысли, [октябрь 1881 г.]. По большей части гувернеръ Миши именуется: Иванъ *Капъ*, у Лонгинова даже *Канъ*, но А. П. Шанъ-Гирей помнилъ въ Тарханахъ француза [эльзасца] *Капэ* [Capet], и тѣмъ же именемъ называетъ его Пожогинъ въ Русск. Арх. [См. выше].

Едва ли къ чему либо такъ пристрастилось сердце Лермонтова, какъ къ Кавказу. На него онъ излилъ всю свою любовь, имъ онъ дышалъ. Кавказъ открылъ ему свои объятья, величественныя какъ душа поэта, и объятья эти замѣнили ему ласки рано умершей матери, а позднѣе—любовь родной души, дружбу близкихъ и далекую родину. Въ 1830 году въ упомянутыхъ черновыхъ тетрадяхъ, черезъ нѣсколько страницъ послѣ воззванія къ Кавказу, онъ посвящаетъ ему же еще стихотвореніе [т. I, стр. 75].

Хотя я судьбой, на зарѣ моихъ дней,
О, южныя горы, отторгнутъ отъ васъ!
Чтобъ вѣчно ихъ помнить, тамъ надо быть разъ.
Какъ сладкую пѣсню отчизны моей,
Люблю я Кавказъ.
Въ младенческихъ лѣтахъ я мать потерялъ,
Но мнилось, что въ розовый вечера часъ
Та степь повторяла мнѣ памятный гласъ.
За это люблю я вершины тѣхъ скалъ,
Люблю я Кавказъ.
Я счастливъ былъ съ вами, ущелія горъ!
Пять лѣтъ пронеслось, все тоскую по васъ.
Тамъ видѣлъ я пару божественныхъ глазъ.
И сердце лепечетъ, воспомня тотъ взоръ:
Люблю я Кавказъ.

Тутъ же [т. I, стр. 110] 8-го іюля того же 1830 года, шестнадцати-лѣтній Лермонтовъ дѣлаетъ описаніе этой своей ранней страсти:

«Кто мнѣ повѣритъ, что я зналъ уже любовь, имѣя 10 лѣтъ отъ роду?... Мы жили большимъ семействомъ на водахъ кавказскихъ: бабушка, тетушка, кузины. Къ моимъ кузинамъ приходила одна дама съ дочерью, дѣвочкой лѣтъ девяти; я ее видѣлъ тамъ. Я не помню, хороша собою была она, или нѣтъ, но ея образъ и теперь еще хранится въ головѣ моей. Онъ мнѣ любезенъ, самъ не знаю почему. Одинъ разъ, я помню, я вбѣжалъ въ комнату. Она была тутъ и играла съ кузиною въ куклы: мое сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни о чемъ еще не имѣлъ понятія, тѣмъ не менѣе это была страсть сильная, хотя ребяческая, это была истинная любовь; съ тѣхъ

поръ я еще не любилъ такъ. О, сія минута перваго безпокойства страстей до могилы будетъ терзать мой умъ. И такъ рано!... Надо мною смѣялись и дразнили, ибо примѣчали волненіе въ лицѣ. Я плакалъ потихоньку, безъ причины, желалъ ее видѣть; а когда она приходила, я не хотѣлъ или стыдился войти въ комнату, не хотѣлъ говорить о ней и убѣгалъ, слыша ея названіе [теперь я забылъ его], какъ бы страшась, чтобы біеніе сердца и дрожащій голосъ не объяснили другимъ тайну, непонятную для меня самого. Я не знаю, кто была она, откуда... И понынѣ мнѣ неловко какъ-то спросить объ этомъ: можетъ-быть спросятъ и меня, какъ я помню, когда они забыли; или тогда эти люди, внимая мой разсказъ, подумаютъ, что я брежу, не повѣрятъ ея существованію, а это было бы мнѣ больно... Бѣлокурые волосы, голубые глаза, быстрые, непринужденность... Нѣтъ, съ тѣхъ поръ я ничего подобнаго не видалъ, или это мнѣ кажется, потому что я никогда не любилъ, какъ въ тотъ разъ.—Горы кавказскія для меня священны...»

По возвращеніи съ Кавказа бабушка со внукомъ вновь поселились въ Тарханахъ. Это село въ разстояніи 120 верстъ отъ Пензы, верстахъ въ 12-ти отъ Чембаръ, уѣзднаго городка съ 3,000 жителей, въ близкомъ разстояніи отъ большаго села Крюковки. Едва выѣдешь изъ села этого, какъ въ сторонѣ покажется нѣсколько избъ среди густой зелени окружающихъ деревьевъ. Надъ ними высится скромный шпицъ сельской колокольни. Это—Тарханы. Барскій домъ, одноэтажный, съ мезониномъ, окруженъ былъ службами и строеніями. По другую сторону господскаго дома раскинулся роскошный садъ, расположенный на полу-горѣ. Кусты сирени, жасмина и розановъ клумбами окаймляли цвѣтникъ, отъ котораго въглубь сада шли тѣнистыя аллеи. Одна изъ нихъ, обсаженная акаціями, сросшимися наверху настоящимъ сводомъ, вела подъ гору къ пруду. Съ полугорья открывался видъ въ село съ церковью, а дальше тянулись поля, уходя въ синюю глубь тумана. Здѣсь мечталъ своею дѣтскою душой пробужденный мальчикъ. Здѣсь переживалъ онъ вынесенныя впечатлѣнія и лелѣялъ мечты о дѣвочкѣ-ребенкѣ, изъ которой слагался образъ чудеснаго созданія, молодой идеалъ юношеской фантазіи.

Очевидно къ этому эпизоду дѣтской любви относится стихотвореніе «Первая любовь» (т. I, стр. 153), писанное въ 1830 г.

Образъ дѣвушки этой возникалъ предъ нимъ въ дѣтскихъ мечтахъ, въ уединеніи деревенскаго барскаго сада, надъ прудомъ и полями роднаго села, въ блескѣ лучей заходящаго солнца, среди трепетно падающихъ листьевъ ко сну отходящаго осенняго лѣса. Такъ слитъ образъ этой дѣвушки съ воспоминаніями дѣтства, что еще за полтора года до смерти прибѣгаетъ онъ къ нему, уходя душой изъ пестрой толпы шумно окружавшаго его столичнаго общества:

И если какъ-нибудь на мигъ удастся мнѣ
Забыться,—памятью къ недавней старинѣ
Лечу я вольной, вольной птицей.
И вижу я себя ребенкомъ; и кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей.
Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ,
А за прудомъ село дымится—и встаютъ
Вдали туманы надъ полями.
Въ аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядитъ вечерній лучъ и желтые листы
Шумятъ подъ робкими шагами.
И странная тоска тѣснитъ ужъ грудь мою:
Я думаю о ней, я плачу и люблю.
Люблю мечты моей созданье,
Съ глазами полными лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодаго дня
За рощей первое сіянье... [т. I, стр. 286].

ГЛАВА II.

Переселеніе въ Москву и воспитатель Капэ.—Боевые разсказы.—Вліяніе наполеоновскихъ войнъ.—Капэ и Ле-Гранъ.—Патріотическія чувства.—Недовольство положеніемъ дѣлъ послѣ 25 года отражается на музѣ Лермонтова.—Новые наставники.—Поступленіе въ благородный университетскій пансіонъ.—Его состояніе въ бытность въ немъ Лермонтова.—Наставники: Зиновьевъ, Мерзляковъ и другіе.

Когда Лермонтову пошелъ 14-й годъ, рѣшено было продолжать его воспитаніе въ «Благородномъ Университетскомъ пансіонѣ». Въ 1827 году бабушка повезла внука въ Москву и на-

няла квартиру на Поварской. Теперь для Мишеля наступила новая жизнь: все пошло по другому. Шумная разсѣянная жизнь замѣнила прежнюю. Въ Тарханахъ и на Кавказѣ мальчикъ жилъ въ простой, но поэтической обстановкѣ, съ людьми незатѣйливыми, искренно его любившими. Воспитатель его эльзасецъ Капэ былъ офицеръ наполеоновской гвардіи. Раненымъ попалъ онъ въ плѣнъ къ русскимъ [1]. Добрые люди ходили за нимъ и поставили его на ноги. Онъ однакоже оставался хворымъ, не могъ привыкнуть къ климату, но, полюбивъ Россію и найдя въ ней кусокъ хлѣба, свыкся и глядѣлъ на нее, какъ на вторую свою родину. И послужилъ же онъ ей, ставъ наставникомъ великаго ея поэта.

Лермонтовъ очень любилъ Капэ, о коемъ сохранилась добрая память и между старожилами села Тарханы; любилъ онъ его больше всѣхъ другихъ своихъ воспитателей. И если бывшій офицеръ наполеоновской гвардій не успѣлъ вселить въ питомцѣ своемъ особенной любви къ французской литературѣ, то онъ научилъ его тепло относиться къ генію Наполеона, котораго Лермонтовъ идеализировалъ и не разъ воспѣвалъ. Можетъ быть также, что военные разсказы Капэ не мало способствовали развитію въ мальчикѣ любви къ боевой жизни и военнымъ подвигамъ. Эта любовь къ браннымъ похожденіямъ вязалась въ воображеніи мальчика съ Кавказомъ, уже поразившимъ его во время пребыванія тамъ, и съ разсказами о немъ родни его. Одна изъ сестеръ бабушки поэта, Екатерина Алексѣевна Столыпина, была замужемъ за Хостатовымъ, жившимъ въ своемъ имѣніи близъ Хасафъ-Юрта по дорогѣ изъ Владикавказа. Оно находилось не въ далекѣ отъ Терека и именовалось Шелковицей [Шелкозаводскъ] или «Земной рай» какъ называли его по превосходному мѣстоположенію [2].

---

[1] Во второй главѣ труда своего, напечатаннаго въ 1881 году въ XI кн. «Русской Мысли», я, введенный въ заблужденіе, приписывалъ Жандро свойства и вліяніе, которое имѣлъ на Лермонтова Капэ. Разъяснилъ мнѣ ошибку А. П. Шанъ-Гирей, но я не успѣлъ ее исправить, и статья была напечатана съ этимъ недосмотромъ. О Жандро ниже.

[2] Имѣніе перешло въ руки сына ея, извѣстнаго храбреца Ак. Ак. Хо-

Съ такимъ названіемъ еще можно было примириться, принимая въ соображеніе несовершенство всего земнаго. Назвать имѣніе «раемъ небеснымъ» нельзя было уже потому, что небесное намъ представляется мирнымъ, а мира-то въ этой мѣстности тогда именно и не было: имѣніе подвергалось частымъ нападеніямъ горцевъ; кругомъ шла постоянная мелкая война. Однако Екатерина Алексѣевна такъ привыкла къ ней, что мало обращала вниманія на опасность. Если тревога пробуждала ее отъ ночнаго сна, она спрашивала о причинѣ звуковъ набата: «Не пожаръ ли?». Когда же ей доносили, что это не пожаръ, а набѣгъ, то она спокойно поворачивалась на другую сторону и продолжала прерванный сонъ. Безстрашіе ея доставило ей въ кругу родни и знакомыхъ шуточное названіе «авангардной помѣщицы» [1].

Съ Хостатовою Лермонтовъ познакомился во время своихъ поѣздокъ на Кавказъ, да и сама она пріѣзжала навѣстить свою дочь М. А. Шанъ-Гирей, жившую въ имѣніи своемъ Апалихѣ близъ Тарханъ. Мишель жадно прислушивался къ волновавшимъ его фантазію разсказамъ о горцахъ, схваткахъ удалыхъ, набѣгахъ бранной жизни. Съ другой стороны говорилъ ему на подобную же тему Капэ, да и вообще тогда все жило еще воспоминаніями о наполеоновскихъ войнахъ.

То было на Руси время удивительное — эти годы послѣ отечественной войны. Давно Россія на землѣ своей не видала враговъ. Долгій и крѣпкій сонъ, которымъ спала особенно провинція, былъ нарушенъ. Очнувшійся богатырь разомъ почувствовалъ свою мощь, позналъ любовь свою къ родинѣ такъ, какъ сказалась она въ немъ развѣ два вѣка назадъ, въ 1612 г. Стихійныя чувства пробудились, смолкла взаимная вражда мелкихъ интересовъ, перестали существовать сословные предразсудки, забылись привиллегіи классовъ, отупились чувства соб-

---

статова, а по смерти его около 1885 года къ племяннику его, сыну Акима Павловича Шанъ-Гирея.

[1] Изъ разсказовъ о Лермонтовѣ Аркадія Дмитріевича Столыпина, записанныхъ мною въ Орлѣ со словъ его въ октябрѣ 1880 г. Сравни, что говоритъ Лонгиновъ. [Р. Старина, 1873 г., т. VII, стр. 391 и тамъ же 1885 г. ноябрь стр. 277].

ственности, и каждый, въ коемъ не изсохла душа,—а такихъ людей, слава Богу, было много,—каждый чувствовалъ, что все его достояніе, весь онъ, принадлежитъ народу и землѣ родной. Этому народу, этой землѣ приносилось въ даръ достояніе, какъ легко добытое, такъ и трудами накопленное. Оно приносилось въ даръ или прямо родинѣ, или уничтожалось, чтобы не попалось въ руки врага и черезъ то не послужило бы во вредъ родной землѣ.

Весь существовавшій до той поры порядокъ былъ нарушенъ. Соціальный строй общества измѣнился. Понятія *мое* и *твое* перестали существовать; всѣ были поглощены заботами объ общемъ достояніи народа. Въ общественномъ понятіи воцарились равенство и братство, а за достиженіе свободы всѣ равно бились и умирали. Въ Россіи заговорили тѣ же поднимающія духъ истины, которыя электризовали французскій народъ въ эпоху великой революціи. Вотъ почему, несмотря на вражду, эти два народа, именно въ эту годину бѣдъ, ближе познали другъ друга и преклонились, въ лучшихъ людяхъ своихъ, передъ одними и тѣми же идеалами. Взаимныя симпатіи и удивленіе великодушнымъ чертамъ характера держались упорно, несмотря на проснувшійся патріотизмъ. Удивительно, что пробудившееся у насъ самоуваженіе, забытое было среди лжи и поклоненія всему иноземному, никогда не доводило русскихъ до ослѣпляющаго самомнѣнія. Еще Петръ, побѣдителемъ подъ Полтавой, въ шатрѣ своемъ

За учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Пожегшій добро свое русскій, голодный и безпріютный, дружески относится къ плѣнному французу. Говорятъ, Наполеонъ подъ Аустерлицемъ съ соболѣзнованіемъ и симпатіей глядѣлъ на храбро гибнувшихъ русскихъ.

Однако зачѣмъ же превозносить русскихъ? Не было ли того же одушевленія и въ Германіи?—скажутъ мнѣ.—Да, и тамъ было оно, и тамъ были люди, которые жертвовали послѣдними грошами своими на войну за освобожденіе. Да это было не то,—собственность свою вообще тамъ не забывали. Гдѣ же

уничтожали передъ врагомъ свое добро? Гдѣ тамъ горожане жгли города свои, крестьяне—избы и жатву, купцы—свои запасы? Гдѣ же горѣла Москва, Смоленскъ? Гдѣ купецъ Ѳерапонтовъ, увидавъ въ своей лавкѣ солдатъ, расхищавшихъ добро его и насыпавшихъ пшеничную муку въ ранцы свои, кричалъ имъ: «Тащи все ребята. Не доставайся дьяволамъ... Рѣшилась Россія, рѣшилась! Самъ запалю» [1].

«А развѣ мы не доказали въ 12-мъ году, что мы—русскіе? Такого примѣра не было отъ начала міра... Мы—современники и вполнѣ не понимаемъ великаго пожара въ Москвѣ, мы не можемъ удивляться этому поступку; эта мысль, это чувство родились вмѣстѣ съ русскими. Мы должны гордиться, а оставить удивленіе потомкамъ и чужестранцамъ».—Такъ разсуждаетъ [2] 17-ти лѣтній Лермонтовъ— «Ура, господа, здоровье пожара Московскаго!...»

Трудно провести параллель между тогдашнею Россіей и Германіей. Тамъ сожженіе своей собственности русскими казалось признакомъ варварства: «русскіе не доросли еще до Eigenthumsgefühl'a» [чувства уваженія къ *своей* собственности], поясняютъ нѣмцы. Можетъ быть это и недостатокъ культуры. Можетъ-быть «культуртрегеры» нѣмцы и обучатъ насъ иному, но только фактъ остается фактомъ, и идеи общаго человѣческаго достоинства, идеи французской революціи, разнесенныя по лицу Европы наполеоновскими войнами, коснулись насъ сильнѣе и отозвались въ лучшихъ умахъ нашихъ, запечатлѣвшихъ 25-ти-лѣтнимъ страданіемъ въ Сибири свои декабрскія заблужденія.

Пусть декабристы наши повлекли за собою гоненіе на многія молодыя, увлекавшіяся силы, погибшія рано, безъ прямой пользы родинѣ, все же отъ нихъ мы считаемъ новую эру умственнаго нашего развитія. Это была наша первая эпоха возрожденія умовъ, а эти умы воспитали наполеоновскіе походы. Не ровнять тогдашнюю Россію съ Германіей по культурѣ и общему развитію, но только мы, или то немногое, что среди

---

1 Толстой, «Война и миръ.—Сожженіе Смоленска».

2 «Странный человѣкъ», т. IV, стр. 203.

насъ было тогда культурнаго, сильнѣе восприняли въ себя идеалы добра и человѣколюбія. Правительство русское еще боролось противъ подавляющей меттерниховской системы, и когда вся Германія склонила подъ нее выю свою, Россія последняя бросилась въ объятія печальной реакціи, отъ которой не могли отвратить ее утописты-мечтатели «союза благоденствія».

Удивительно, какъ лучшіе люди смотрѣли тогда на Наполеона. Поражала своимъ величіемъ эта мощь человѣка, поднявшагося, благодаря только собственной своей силѣ, до величайшей власти, умѣвшаго подавить многоголовую гидру анархіи и междоусобія французскаго народа. Тутъ было что-то роковое, всесокрушающее и сокрушившееся само о другую, неизвѣстную ей, тоже роковую силу.

Пошелъ великанъ чужой земли на русскаго великана, пошелъ на дерзкій бой съ невѣдомою ему силой. Да и самъ-то русскій великанъ сознавалъ ли свою силу, зналъ ли, гдѣ она у него таилась? Можетъ-быть вслѣдствіе этого незнанія и были такъ дерзки притязанія роковаго витязя чужой намъ земли. Сошлись витязи;

Но улыбкою одною
Русскій витязь отвѣчалъ,
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою:
Ахнулъ дерзкій и упалъ. [т. I, стр. 236].

Съ удивленіемъ, если не съ благоговѣніемъ, относились умы къ личности Наполеона, и не было рабочаго кабинета, гдѣ бы не находился столбикъ съ куклою чугунной:

Подъ шляпой, съ пасмурнымъ челомъ,
Съ руками сжатыми крестомъ.....

Войны съ Франціей не охладили симпатіи русскихъ къ французамъ, а напротивъ усилили ее. Удивительно, что не только семьи наводнились воспитателями-французами, но даже въ казенныхъ заведеніяхъ можно было встрѣтить французовъ-наставниковъ, съ полною симпатіей относившихся къ идеаламъ французской революціи. Такъ въ Императорскомъ Александ-

ровскомъ лицеѣ профессоромъ французской словесности былъ братъ Марата, «*весьма уважавшій память извѣстнаго французскаго террориста* и пріязненно относившійся къ демократическимъ идеямъ».

Разсказы Капэ, повидимому, имѣли на Лермонтова вліяніе подобное тому, какое на Гейне-ребенка имѣлъ вліяніе Ле-Гранъ, солдатъ-барабанщикъ наполеоновской арміи, стоявшій въ домѣ родителей поэта въ Дюссельдорфѣ [1]. «Когда я не понималъ слова «liberté»,— разсказываетъ Гейне,— онъ билъ маршъ «Марсельезы» и я схватывалъ значеніе слова. Когда я не понималъ, что значитъ «égalité», онъ билъ маршъ «ça-ira, ça-ira...», и я понималъ»... Внимая Ле-Грану, Гейне научился любить Наполеона. «Я видѣлъ переходъ черезъ Симплонъ: впереди всѣхъ императоръ, а за нимъ лѣзли, цѣплялись храбрые гренадеры. Испуганныя птицы съ крикомъ кружились надъ ними, а вдали слышится громъ обваловъ.—Я видѣлъ императора на Лодіевскомъ мосту съ знаменемъ въ рукахъ.—Я видѣлъ императора въ сѣрой шинели въ битвѣ при Маренго.—Я видѣлъ императора на лошади, въ бою, у подножія пирамидъ, окруженнаго пороховымъ дымомъ и мамелюками.—Я видѣлъ императора подъ Аустерлицемъ и слышалъ, какъ свистѣли пули надъ ледяною равниной.—Я видѣлъ, я слышалъ бой подъ Іеною, подъ Эйлау, подъ Ваграмомъ».

О разныхъ славныхъ битвахъ восторженно разсказывалъ своему питомцу Капэ. Но особенно его трогали разсказы о бородинскомъ сраженіи, и въ этомъ случаѣ мальчикъ поэтъ не внималъ своему наставнику, а всецѣло склонялся на сторону русскихъ разказсчиковъ, коихъ было не мало.

Разсказывали и старъ, и младъ,—и тѣ, которые бились начальниками, и тѣ, что сражались воинами-ратниками,—всѣ эти восторженные патріоты, готовившіеся къ смерти, чаявшіе пасть за родину и наканунѣ великой битвы облекавшіеся въ чистыя, бѣлыя рубахи, чтобы въ нихъ встрѣтить славный конецъ. Да,

---

[1] Heinrich Heine's Sämmtliche Werke.—Reisebilder: Das Buch „Le Grand", cap. VII—X. Сравни тоже „Strodtmann. H. Heine's Leben und Werke", т. I, стр. 19 и д.

Все громче Рымника, Полтавы
Гремитъ Бородино!.... [т. I, стр. 156].

восклицаетъ въ патріотическомъ восторгѣ 17-ти-лѣтній Лермонтовъ, набрасывая въ 1831 году первый очеркъ стихотворенія, изъ котораго позднѣе выработалось знаменитое «Бородино».

Интересъ къ Франціи и Наполеону поэтъ сохранилъ на всю жизнь. Съ 30 года до 41 онъ неоднократно занимается французами и ихъ императоромъ. Сужденіе относительно ихъ измѣняется, но любовь къ могучему вождю остается все та же [1]. Съ годами она даже увеличивается и увеличивается именно тогда, когда онъ бичуетъ французовъ:

Мнѣ хочется сказать великому народу:
Ты—жалкій и пустой народъ,—[т. I. стр. 318].

жалкій до того, что духъ Наполеона, примчавшійся въ Парижъ, на свиданіе съ новою гробницей, гдѣ прахъ его лежитъ, пожалѣетъ

О дальнемъ островѣ, подъ небомъ южныхъ странъ,
Гдѣ сторожилъ его, какъ онъ, непобѣдимый,
Какъ онъ, великій океанъ. [т. I. стр. 318].

Лермонтовъ, конечно, не разъ слышалъ разсказы людей, испытавшихъ славное время на Руси и въ концѣ 20 годовъ уже чувствовавшихъ гнетъ реакціи.

Въ Москвѣ, куда перебралась Арсеньева на постоянное жительство, онъ могъ ихъ видѣть довольно, и что онъ чутокъ былъ къ жалобамъ ихъ, что соціальные вопросы и мысли о положеніи дѣлъ начинали его заинтересовывать, мы видимъ изъ стихотворенія его, написаннаго еще въ 29 году въ пан-

---

[1] Еще въ первой юношеской тетради, писанной въ пансіонѣ, мы встрѣчаемъ стихотвореніе «Наполеонъ», въ коемъ боролись симпатіи къ Наполеону съ чувствомъ непріязненности къ нему, коими дышали разсказы людей помнившихъ годину бѣдствій. Сравни статью мою въ «Русской Мысли» 1881 г. кн. XI. и соч. Лерм. т. I. стр. 362. Затѣмъ о Наполеонѣ т. I. стр. 93, 94, 180, 236, 294, 318.

сіонѣ, подъ заглавіемъ «Жалобы турка», гдѣ видно сѣтованіе на положеніе дѣлъ въ родной странѣ,

Гдѣ являются порой
Умы холодные и твердые, какъ камень,
Но мощь ихъ давится безвременной тоской,
И рано гаснетъ въ нихъ добра спокойный пламень.
Тамъ рано жизнь тяжка бываетъ для людей,
Тамъ за успѣхами несется укоризна,
Тамъ стонетъ человѣкъ отъ рабства и цѣпей...
Другъ, этотъ край—моя отчизна!“ [т. I, стр. 41].

Не знаю, чувствовалъ ли такъ пятнадцатилѣтній мальчикъ, но что онъ могъ серьезно задумываться надъ тѣмъ, что слышалъ вокругъ себя, это не подлежитъ сомнѣнію, хотя бы приходилось судить по одному этому стихотворенію.

Но я забѣжалъ впередъ. Возвращаюсь къ Капэ и воспоминаніямъ о войнахъ 1812 и 1815 годовъ, имѣвшимъ вліяніе на молодаго поэта. Замѣчательно, что жители Тарханъ изъ многихъ наставниковъ Михаила Юрьевича сохранили только воспоминаніе о Капэ и о нѣмкѣ Ремеръ, что они знаютъ, какъ «молодой баринъ» любилъ учителя-француза и что объ этой любви Лермонтова къ нему и о вліяніи на него стараго наполеоновскаго офицера говорилъ и наставникъ Лермонтова, Зиновьевъ.

Капэ однако не долго послѣ переселенія въ Москву оставался руководителемъ Мишеля, — онъ простудился и умеръ отъ чахотки. Мальчикъ не скоро утѣшился. Теперь былъ взятъ въ домъ весьма рекомендованный, давно проживавшій въ Россіи, еще со времени великой французской революціи эмигрантъ Жандро, смѣнившій недолго пробывшаго при Лермонтовѣ ученаго еврея Леви. Жандро съумѣлъ понравиться избалованному своему питомцу, а особенно бабушкѣ и московскимъ родственницамъ, какихъ онъ плѣнялъ безукоризненностью манеръ и любезностью обращенія, отзывавшихся старой школой галантнаго французскаго двора. Этотъ изящный, въ свое время избалованный русскими дамами французъ, пробылъ, кажется, около двухъ лѣтъ и, желая овладѣть Мишей, сталъ мало по малу открывать ему «науку жизни». Полагаю, что мы

не ошибемся, если скажемъ, что Лермонтовъ въ наставникѣ *Саши* въ поэмѣ «Сашка» [строфа LXXV и далѣе] описываетъ своего собственнаго гувернера Жандро, подъ видомъ парижскаго «Адониса», сына погибшаго маркиза, пришедшаго въ Россію «поощрять науки». Юному впечатлительному питомцу нравился его разсказъ

Про сборища народныя, про шумный
Напоръ страстей и про послѣдній часъ
Вѣнчаннаго страдальца... Надъ безумной
Парижскою толпою много разъ
Носилося его воображенье... и т. д. [т. II, стр. 203].

Изъ разсказовъ этихъ молодой Лермонтовъ почерпнулъ нелюбовь свою къ парижской черни и особенную симпатію къ неповиннымъ жертвамъ, изъ среды коихъ особенно выдвигался дорогой ему образъ поэта Андрэ Шенье. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ же наставникъ внушалъ молодежи довольно легкомысленные принципы жизни и это-то, кажется, выйдя наружу, побудило Арсеньеву ему отказать, а въ домъ былъ принятъ семейный гувернеръ, англичанинъ Виндсонъ.

Имъ очень дорожили, платили большое для того времени жалованье—3,000 р.—и помѣстили съ семьею (жена его была русская) въ особомъ флигелѣ. Однако же и къ нему Мишель не привязался, хотя отъ него пріобрѣлъ знаніе англійскаго языка и впервые въ оригиналѣ познакомился съ Байрономъ и Шекспиромъ.

Между тѣмъ шло приготовленіе къ экзамену для поступленія въ благородный университетскій пансіонъ. Занятіями Мишеля руководилъ Александръ Зиновьевичъ Зиновьевъ, занимавшій въ пансіонѣ должность надзирателя и учителя русскаго и латинскаго языковъ. Онъ пользовался репутаціей отличнаго педагога, и родители особенно охотно довѣряли дѣтей своихъ его руководству. Въ благородномъ пансіонѣ считалось полезнымъ, чтобы каждый ученикъ отдавался на попеченіе одного изъ наставниковъ. Выборъ предоставлялся самимъ родителямъ Родственники пріѣхавшей въ Москву Арсеньевой Мещериновы, рекомендовали Зиновьева, и такимъ образомъ Лермонтовъ

сталъ, по принятому выраженію, «кліентомъ» г. Зиновьева и оставался имъ во всю бытность свою въ пансіонѣ [1]).

Пансіонъ помѣщался тогда на Тверской [нынѣ домъ Базилевскаго]; онъ состоялъ изъ шести классовъ, въ коихъ обучалось до 300 воспитанниковъ. Лермонтовъ поступилъ въ него въ 1828 году, но разстаться съ своимъ любимцемъ бабушка не захотѣла, и потому рѣшили, чтобы Мишель былъ зачисленъ полупансіонеромъ, слѣдовательно каждый вечеръ возвращался бы домой.

Справедливое замѣчаніе одного изъ лучшихъ публицистовъ нашихъ, что «въ исторіи русскаго образованія Московскій университетъ и Царскосельскій лицей играютъ значительную роль», само собой касается и благороднаго университетскаго пансіона, существованіе коего неразрывно связано съ Московскимъ университетомъ. Пансіонъ этотъ съ самаго своего основанія надѣлялъ Россію людьми, послужившими ей и пріобрѣтшими право на вниманіе потомства. Такъ тамъ воспитывались: Фонвизинъ, В. А. Жуковскій, Дашковъ, Ал. Ив. Тургеневъ, князь Одоевскій, Грибоѣдовъ, Инзовъ (кишиневскій покровитель Пушкина), братья Николай и Дмитрій Алексѣевичи Милютины и многіе другіе.

Можно смѣло сказать, что добрая часть дѣятелей нашихъ первой половины XIX вѣка вышла изъ стѣнъ пансіона [2].

Когда въ 1828 году Лермонтовъ поступилъ въ университетскій пансіонъ, старыя его традиціи еще не совершенно исчезли. Между учащимися и учащими отношенія были добрыя. Холодный формализмъ не раздѣлялъ ихъ. Интересъ къ литературнымъ занятіямъ не ослабъ. Воспитанники собирались на общее чтеніе, и издавался рукописный журналъ, въ которомъ многіе изъ нихъ принимали посильное участіе. Преподаваніе было живое, имѣлось въ виду изученіе славныхъ писателей

---

[1] Свѣдѣнія о времени пребыванія Лермонтова въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ и учителяхъ его почерпнулъ я главнымъ образомъ изъ разсказовъ г. Зиновьева, записанныхъ мною со словъ его въ сентябрѣ 1880 г. въ Москвѣ.

[2] Историческій очеркъ пансіона помѣщенъ мною въ Русской Мысли, ноябрь 1881 г.

древнихъ и новыхъ народовъ, а не грамматическаго балласта, подъ коимъ въ наши дни разумѣютъ изученіе языковъ [1].

Лермонтовъ принималъ живое участіе въ литературныхъ трудахъ товарищей и являлся въ качествѣ сотрудника школьнаго рукописнаго журнала «Утренняя Заря». Здѣсь помѣстилъ Лермонтовъ поэму свою «Индіанка», которая была имъ сожжена. Содержанія ея мы не знаемъ [2].

Имъ тамъ же помѣщались стихотворенія, на которыя было обращено вниманіе учителей. Лермонтовъ показывалъ свои переводы изъ Шиллера, и Зиновьевъ полагаетъ даже, что переводъ баллады Шиллера «Перчатка» [т. I, стр. 5] былъ его первымъ стихотворнымъ опытомъ, что однако невѣрно. Любимому имъ учителю рисованія, Александру Степановичу Солонецкому, Лермонтовъ передалъ тщательно переписанную тетрадку своихъ стихотвореній [3].

Подавали свои стихотворные опыты учителямъ и другіе воспитанники. Такъ учителю Раичу другъ и товарищъ Лермонтова Дурново подалъ пьесу: «Русская мелодія»,—подалъ ее за свою, хотя она и была писана Лермонтовымъ, вѣроятно шутки ради, потому что Лермонтовъ, говоря объ этомъ, отзывается о товарищѣ задушевно [4]. Инспекторъ пансіона, Михаилъ Григорьевичъ Павловъ, профессоръ физики при Москов-

---

[1] Когда я спросилъ у А. З. Зиновьева, зналъ ли Лермонтовъ классическіе языки, онъ отвѣчалъ мнѣ: «Лермонтовъ зналъ порядочно латинскій языкъ, не хуже другихъ, а пансіонеры знали классическіе языки очень порядочно. Происходило это отъ того, что у насъ изучали не языкъ, а авторовъ. Языку можно научиться въ полгода на столько, чтобы читать на немъ, а хорошо познакомясь съ авторами, узнаешь хорошо и языкъ. Если же все напирать на грамматику, то и будешь изучать ее, а языкъ-то все же не узнаешь, не зная и не любя авторовъ».

[2] Матеріалы Хохрякова. См. ниже прим. на стр. 46.

[3] Находится нынѣ у Н. С. Тихонравова, а точный списокъ въ Лермонтовскомъ музеѣ.

[4] См. т. I стр. 36. Что Лермонтовъ показывалъ свои сочиненія наставникамъ, видно изъ нѣкоторыхъ помѣтокъ. Такъ, на поляхъ тетради, на которой написаны «Черкесы», противъ VI строфы замѣчено: «Зиновьевъ нашелъ, что эти стихи хороши», и далѣе, немного ниже: «тоже»; на поляхъ другого стихотворенія [«Два брата», см. т. III стр. 173] замѣтка не Лермонтовскимъ почеркомъ: «contre la morale».

скомъ университетѣ, отличавшійся живостью преподаванія и вносившій въ область естествознанія философію Шеллинга, поощрялъ литературные вкусы молодежи и задумалъ даже собрать лучшіе изъ опытовъ ихъ въ особое изданіе. Этотъ проэктъ остался невыполненнымъ, но Лермонтовъ, въ письмѣ въ Апалиху, къ теткѣ своей Марьѣ Акимовнѣ [т. V стр. 375], съ истинно-дѣтскою восторженностью упоминаетъ объ этомъ фактѣ.

Этотъ же инспекторъ интересовался успѣхами Лермонтова въ рисованіи и хранилъ у себя удачные рисунки его. «Умственное воспитаніе Лермонтова было по преимуществу литературное», замѣчаетъ А. Н. Пыпинъ въ біографическомъ очеркѣ поэта [изд. 1873 г., т. I, стр. XXII]. Я полагаю, что относительно воспитанія поэта можно сказать: любовь ко всѣмъ искусствамъ развивалась въ немъ, и всѣ искусства были близки душѣ его. Онъ не только отлично рисовалъ, но хорошо игралъ на скрипкѣ и на фортепіано. А. З. Зиновьевъ, учившій старшихъ воспитанниковъ декламаціи, особенно обращалъ вниманіе на дикцію любимаго имъ ученика. «Какъ теперь смотрю на милаго моего питомца,—разсказываетъ этотъ наставникъ,—отличившагося на пансіонскомъ актѣ, кажется, 1829 года. Среди блестящаго собранія онъ прекрасно произнесъ стихи Жуковскаго «Къ морю» и заслужилъ громкія рукоплесканія. Тутъ же Лермонтовъ удачно исполнилъ на скрипкѣ пьесу и вообще на этомъ экзаменѣ обратилъ на себя вниманіе, получивъ первый призъ въ особенности за сочиненіе на русскомъ языкѣ.» [1].

Лермонтовъ учился хорошо. Изъ упомянутаго письма къ теткѣ мы видимъ, что онъ считался вторымъ ученикомъ. Поступилъ Лермонтовъ, кажется, въ 4 или 5 классъ. Всѣхъ клас-

---

[1] «Біограф. очеркъ Пыпина», изд. 1873 г., стр. XIX. Догадка Пыпина, что эта пьеса была не «Къ морю», а элегія Жуковскаго «Море» [изд. 1878 г., т. II, стр. 388], оправдалась. Мнѣ подтвердилъ ее Зиновьевъ, продекламировавъ первый стихъ: «Безмолвное море, лазурное море». О счастливомъ настроеніи въ день публичнаго экзамена говорила и Е. А. Хвостова [«Записки», стр. 97] утверждая, впрочемъ, что это было въ 1830 г., по возвращеніи изъ Средникова, слѣдовательно, въ концѣ августа; но это сомнительно, потому что Лермонтовъ вышелъ изъ университетскаго пансіона уже въ апрѣлѣ 1830 года.

совъ было шесть, и высшій подраздѣлялся на младшее и старшее отдѣленія. Директоромъ былъ Петръ Александровичъ Курбатовъ, а кромѣ названныхъ учителей въ пансіонѣ преподавалъ еще Д. И. Дубенскій [извѣстный своими примѣчаніями на «Слово о полку Игоревѣ], латинскому языку адъюнктъ университета Кубаревъ и математикѣ Кацауровъ. Въ старшемъ же классѣ русскому языку и словесности преподавалъ профессоръ университета Алексѣй Өеодоровичъ Мерзляковъ и Дмитрій Матвѣевичъ Перевощиковъ.

Мерзляковъ имѣлъ большое вліяніе на слушателей. Онъ отличался живою бесѣдой при критическихъ разборахъ русскихъ писателей и не дурно, съ увлеченіемъ, читалъ стихи и прозу. Приземистый, широкоплечій, съ свѣжимъ, открытымъ лицомъ, съ доброй улыбкой, съ приглаженными въ кружокъ волосами, съ проборомъ вдоль головы, горячій душой и кроткій сердцемъ, Алексѣй Өеодоровичъ возбуждалъ любовь учениковъ своихъ. Его любили послушать въ классѣ, съ университетской каѳедры, въ литературномъ собраніи пансіона. Но, чтобы вполнѣ оцѣнить его краснорѣчіе и добродушіе, простоту обращенія и братскую любовь къ ближнему, надо было встрѣчаться съ нимъ въ дружескихъ бесѣдахъ, за круговою чашей, или въ небольшомъ обществѣ коротко знакомыхъ людей; тогда разговоръ его былъ живъ и свободенъ. Мерзляковъ тѣмъ болѣе долженъ былъ повліять на Лермонтова, что давалъ ему частные уроки и былъ вхожъ въ домъ Арсеньевой. Конечно, мы не можемъ съ достовѣрностью судить насколько сильно было это вліяніе. Самъ Лермонтовъ не высказывается объ этомъ, но явствовать можетъ это изъ возгласа бабушки, когда позднѣе надъ внукомъ ея стряслась бѣда по поводу стихотворенія его на смерть Пушкина: «И зачѣмъ это я на бѣду свою еще брала Мерзлякова, чтобъ учить Мишу литературѣ! Вотъ до чего онъ довелъ его» [1].

---

[1] См. біографъ. Мерзлякова въ «Біогр. Словарѣ» москов. профессоровъ и въ книгѣ Сушкова: «Матеріалъ къ исторіи московскаго благороднаго пансіона», стр. 88, 89 и 94. М. А. Дмитріевъ разсказывалъ о происхожденіи извѣстной пѣсни «Среди долины ровныя». Въ пріятельскомъ кругу Мерзляковъ, пригорюнившись, заговорилъ о своемъ одиночествѣ. Внезап-

Объ отношеніяхъ Лермонтова къ пансіонскимъ товарищамъ мы знаемъ очень мало, но въ одной его тетради, переблѣенной въ 1829 году, мы встрѣчаемся съ стихотворными посланіями къ нѣкоторымъ изъ нихъ, проливающими свѣтъ на эти отношенія. Въ пансіонѣ, въ кругу товарищескомъ, началась поэтическая дѣятельность Лермонтова и по свидѣтельству наставника его Зиновьева, и по собственному признанію поэта [т. I, стр. 75]. Но эта поэтическая дѣятельность подготовлялась въ душѣ мальчика еще раньше. Интересно заглянуть въ самый процессъ перваго развитія ея.

ГЛАВА III.

Начало поэтической дѣятельности. — Юношескія тетради Лермонтова.— Подражанія Пушкину: «Черкесы», «Кавказскій плѣнникъ».—Посланіе къ школьнымъ друзьямъ, «Корсаръ» и «Преступникъ».—Вліяніе Шиллера и Гёте.—Начало драматическихъ опытовъ.—Планъ драмы «Мстиславъ Черный».—Сюжеты драмъ.—Влеченіе къ Испаніи.—Драма «Испанцы».

Пребываніе на Кавказѣ и первая любовь открыли душу ребенка для міра поэзіи. До насъ дошла голубого цвѣта бархатная тетрадь, принадлежавшая Лермонтову-ребенку. Она была подарена ему дружественно-расположеннымъ лицомъ на двѣ-

---

но схвативъ мѣлъ на открытомъ ломберномъ столѣ, онъ написалъ начало названной пѣсни.Ему положили перо и бумагу.Онъ переписалъ написанное и кончилъ тутъ же всю пьесу. Большинство своихъ произведеній писалъ онъ въ «Ждагахъ», имѣніи Веньяминовыхъ-Зерновыхъ.

Мерзляковъ скончался 26 іюля 1830 г., на дачѣ въ Сокольникахъ, въ скромномъ небольшомъ домикѣ. День былъ тихій, прекрасный, когда изъ небольшой церкви понесли поэта среди ясныхъ сельскихъ видовъ на Ваганьковское кладбище. Между присутствовавшими находился ученикъ его, извѣстный послѣ профессоръ университета, Кудрявцевъ. По поводу возгласа бабушки о Мерзляковѣ см. замѣтки Лонгинова. Р. Стар. 1873 г., т. VII, стр. 384.

Вліяніе на Лермонтова Мерзлякова признаетъ и редакторъ «Библіографическихъ записокъ» [1861 г. стр. 488 примѣчаніе], говоря о стихотвореніяхъ Лермонтова: «Цѣвница» и «Панъ» [соч. т. I, стр. 2 и 41]. Мерзляковъ, впрочемъ, былъ не безъ вліянія и на другихъ замѣчательныхъ людей: такъ сохранилъ о немъ благодарную память и Чаадаевъ [Русс. Вѣстн. 1862 г. т. 42 стр. 143]

надцатомъ его году [1]. И въ эту тетрадь сталъ мальчикъ вписывать тѣ стихи, которые ему особенно нравились. Явленіе это весьма обыкновенное. Врядъ ли есть какой-либо ребенокъ, одаренный самой обыденною фантазіей, который не заводилъ бы себѣ альбомовъ для записыванья нравящихся ему стиховъ. Но по тетрадямъ Лермонтова мы вполнѣ можемъ прослѣдить, какъ отъ переписки стиховъ онъ мало-по-малу переходитъ къ переработкѣ, или переложенію произведеній извѣстныхъ поэтовъ, и затѣмъ уже къ подражанію и наконецъ къ оригинальнымъ произведеніямъ. Замѣчу тутъ кстати, что, строго говоря, подражанія въ Лермонтовѣ не было. Напротивъ того, онъ переиначивалъ произведенія другихъ писателей, придавая имъ характеръ, присущій его индивидуальности. Подражаніе ограничивалось развѣ тѣмъ, что молодой поэтъ заимствовалъ сюжетъ или тотъ или другой стихъ, но и сюжету онъ давалъ свое освѣщеніе и иной характеръ дѣйствующимъ лицамъ и событіямъ. Стихи же, которые онъ заимствовалъ у другого поэта, получали у него своеобразный видъ и напоминали оригиналъ развѣ одною лишь чисто-внѣшнею своею формой, но отнюдь не значеніемъ.

---

[1] Тетрадь эта хранится въ Императорской Публичной библіотекѣ, довольно толстая, in 4⁰ въ бархатномъ, голубомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ; на лицевой сторонѣ она обшита золотымъ шнуркомъ. Изъ этого шнурка образованы переплетенныя французскія буквы: M. J. L. На обратной же сторонѣ тетради вышитъ 1826 г. Первые листы вырваны; затѣмъ мы встрѣчаемъ рядъ выписокъ изъ французскихъ писателей. Тутъ стояло: «Hero et Leandre par La Harpe. Echo et Narcisse, Orphé et Euridice». Подъ стихами: «La mort ferme ses yeux, les nymphes, ses compagnes, De leurs cris douloureux complirent les montagnes» и т. д. Лермонтовъ приписалъ: «je n'ai point fini, parceque je n'ai pas pu». За этимъ слѣдуетъ новый заглавный листъ: *Разныя сочиненія*, принадлежатъ М. Л. 1827 г. 6 ноября. Тутъ встрѣчаемъ мы прежде всего переписанными: «Бахчисарайскій фонтанъ» А. Пушкина и «Шильонскій узникъ», пер. Жуковскаго. Далѣе все бѣлые листы. Дудышкинъ [учен. тетради Лермонтова «Отечест. Записк.» 1859 г., № 11, стр. 245] только поверхностно ознакомился съ этою тетрадью,—онъ, кажется, Шильонскаго узника и Бахчисарайскій фонтанъ, дословно списанные Лермонтовымъ, принялъ за переложеніе [это замѣтилъ уже г. Ефремовъ, «Соч. Лермонтова», т. II, стр. 513], а поэму «Черкесы» онъ относитъ безъ всякаго основанія къ 1826 году.

Платя дань обычаю времени, бабушка старалась сдѣлать для внука французскій языкъ роднымъ. Тетради носятъ на себѣ слѣды этихъ французскихъ упражненій. Даже переписка Лермонтова-юноши съ близкими людьми велась на французскомъ языкѣ. Но поразительно вѣрное чутье, которымъ всегда отличался поэтъ нашъ, рано подсказало ему, что не иноземная, а русская рѣчь должна служить его генію. Съ Лермонтовымъ не повторялось того, что видимъ мы въ Пушкинѣ, — онъ не на французскомъ языкѣ пишетъ свои первые опыты. Пятнадцати лѣтъ увѣренъ онъ, что «въ народныхъ русскихъ сказкахъ болѣе поэзіи, чѣмъ во всей французской литературѣ». Напрасно окружающіе стараются убѣдить двѣнадцатилѣтняго мальчика въ красотахъ французской музы: онъ, какъ будто скрѣпя сердце поддается общему тогда восхищенію этими поэтами, но уже тринадцати лѣтъ, кажется, навсегда отворачивается отъ нихъ. По крайней мѣрѣ въ упомянутой нами голубой бархатной тетрадкѣ мальчика-Лермонтова мы находимъ помѣтку, которою онъ вдругъ прерываетъ неоконченную выписку изъ сочиненія французскаго автора, говоря: «я не окончилъ, потому что окончить не было силъ». А затѣмъ, какъ бы въ подтвержденіе нашей догадки, что ему чужеземная рѣчь была не по душѣ, онъ переходитъ къ перепискѣ русскихъ стихотвореній, помѣчая день этотъ 6-мъ ноября 1827 года. Дальше мы будемъ имѣть случай указать на задушевную мысль уже зрѣвшаго таланта—избавить нашу литературу отъ наплыва произведеній иноземныхъ музъ.

Первая выписка поэтическихъ произведеній на русскомъ языкѣ, которую мы находимъ въ тетради Лермонтова, это «Бахчисарайскій фонтанъ» А. С. Пушкина, переписанный имъ цѣликомъ, и «Шильонскій узникъ» Жуковскаго. Самостоятельные же поэтическіе опыты, по собственному признанію поэта, были имъ сдѣланы въ пансіонѣ.

Приступая къ разсмотрѣнію этихъ опытовъ, нельзя не поговорить о важности біографическаго матеріала, представляемаго юношескими тетрадями поэта. Онѣ нагляднѣе всякой біографіи рисуютъ поэта и постепенное развитіе его таланта. Изъ нихъ видно, какъ рано полюбилъ Лермонтовъ поэзію и какъ

постоянно оставался вѣренъ ей. Дома, въ пансіонѣ, лѣтомъ въ деревнѣ—вездѣ вносилъ онъ въ эти тетради свои мысли, чувства и свои—сначала дѣтскія, потомъ юношескія—стихотворенія. Изъ этихъ же тетрадей видно, кто больше всего имѣлъ вліянія на Лермонтова, что онъ читалъ, чего хотѣлъ, какъ онъ по нѣскольку разъ обращался къ одной и той же мысли. Эти тетради составляютъ счастливое пріобрѣтеніе для біографа, но кромѣ того и рѣдкость въ литературномъ мірѣ. У какого писателя такъ далеко могутъ восходить воспоминанія? У кого изъ нихъ уцѣлѣлъ такой матеріалъ, если не всегда важный въ литературномъ, то неоцѣненный въ біографическомъ отношеніи? Здѣсь нѣтъ той невольной хитрости, тѣхъ невольныхъ уловокъ мыслей, которыя всегда замѣтны въ автобіографіяхъ, написанныхъ въ позднюю пору жизни, нѣтъ желанія отыскивать объясненія позднѣйшихъ явленій, хитрить съ самимъ собою, все подводить подъ одну теорію,—однимъ словомъ, нѣтъ умысла, хорошаго или дурного, все равно. Здѣсь день идетъ за днемъ, передъ вами растетъ человѣкъ и поэтъ, и вы, помимо всякихъ чужихъ свидѣтельствъ, которымъ не всегда можно вѣрить, видите, что онъ любилъ, какъ онъ любилъ, что имѣло на него сильное вліяніе, подъ вліяніемъ какихъ писателей и направленій онъ находился. Вы видите постепенное вліяніе на него французскихъ писателей, потомъ Пушкина, Жуковскаго, Шиллера, Гёте, Байрона и Шекспира.

Въ тетрадяхъ этихъ литературная работа часто прерывается ученическими упражненіями на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ, а въ школьныхъ тетрадяхъ среди ученическихъ занятій встрѣчаемъ мы стихотворные наброски [1].

---

[1] Такъ въ VII тетради мы среди стихотвореній встрѣчаемъ цѣлую страницу французскаго упражненія „Jorik à Elis" съ подчеркнутыми грамматическими ошибками и черезъ нѣсколько листовъ тоже прозаическія упражненія въ переводахъ изъ Байрона, «Гяуръ», «Беппо» и пр. Находящіяся въ Публичной библіотекѣ черновыя ученическія тетради Лермонтова хранятъ слѣды стихотворныхъ набросковъ. О тетрадяхъ поэта, относящихся ко времени пребыванія его въ школѣ гвардейскихъ юнкеровъ, мы будемъ еще говорить. Въ Публичной библіотекѣ находится тоже черновая тетрадь эпохи нахожденія Лермонтова въ университетскомъ пансіонѣ. На заглавномъ ли-

Отъ переписки стиховъ Лермонтовъ перешелъ къ ихъ передѣлкѣ. Понятно, что любимцемъ его сталъ Пушкинъ, слава котораго тогда уже гремѣла. Но не первыя произведенія «пѣвца Руслана и Людмилы», какъ всюду тогда величали Пушкина, увлекали мальчика. Своеобразные типы Байроновскихъ героевъ, отразившихся на «Бахчисарайскомъ фонтанѣ», «Кавказскомъ плѣнникѣ» и «Цыганахъ», поражаютъ его воображеніе. Образцы эти естественно вязались съ омраченною, чуткою и нечуждою страданія душою мальчика. Знаменательно уже, что онъ тщательно переписываетъ именно «Бахчисарайскій фонтанъ» и «Шильонскій узникъ». Хотя въ переводѣ Жуковскаго, уже по свойству его таланта, выдвинулась болѣе романтическая сторона и меньше замѣтно спеціальнаго духа, свойственнаго Байроновскимъ героямъ, все же онъ сказался и вмѣстѣ съ «Братьями-разбойниками» Пушкина [напечатанными въ 1825 году въ «Полярной Звѣздѣ»] вызвалъ со стороны Лермонтова двѣ поэмы—«Корсаръ» и «Преступникъ» [1].

Впрочемъ, какъ на первую попытку подражать Пушкину, можно смотрѣть на поэму «Черкесы», писанную, какъ кажется, въ 1828 году. Писалъ эту поэму Михаилъ Юрьевичъ, когда ему не было еще 14 лѣтъ,--писалъ ее въ городѣ Чембары,

---

стѣ читаемъ: «*Общая тетрадь*. Принадлежитъ М. Лермонтову. 1829 г.» На оборотной сторонѣ перваго листа: *incredibiles, superflut*. Затѣмъ:

Владѣльца книги сей
Коль хочетъ кто узнать,
Вотъ имя здѣсь на ней
Изволь внизу читать.

М. Лермантовъ.

О тетрадяхъ поэта сравни статью мою въ «Русской Мысли» за 1881 г. кн. XII прим. 37 и 38. Въ ссылкахъ и указаніяхъ много опечатокъ, но онѣ исправлены въ экземплярѣ, наход. въ Лермонтовскомъ Музеѣ.—Тетради, хранившіяся у А. А. Краевскаго, подарены имъ въ Музей.

[1] Шанъ-Гирей въ статьѣ напечатанной въ августовской книгѣ «Русскаго Обозрѣнія» за 1890 годъ разсказываетъ, что первая поэма, написанная Лермонтовымъ, называлась „*Индіанка*", позднѣе сожженная имъ. Но Шанъ-Гирей запамятовалъ: «Индіанка» была писана, но, кажется, не закончена, послѣ—по прочтеніи романа Шатобріана «Аттала», который онъ думалъ драматизировать [т. IV, стр. 1], а потомъ написалъ поэму.

отстоящемъ всего въ 12 верстахъ отъ села Тарханъ, за дубомъ, съ которымъ связывалось какое-то дорогое для него воспоминаніе. Рукою поэта на самомъ заглавномъ листѣ переписанной имъ начисто поэмы помѣчено: «Въ Чембарѣ, за дубомъ». Мальчика охватили образцы и звуки Пушкинскаго «Кавказскаго плѣнника». И не удивительно, что именно это произведеніе славнаго нашего поэта увлекало мечтательнаго Мишеля. Эта мечтательность и такъ давно была возбуждена картинами Кавказа. Ему невольно должно было казаться, что Пушкинъ вылилъ словами то, что выразить самому еще было не по силамъ. Живыя впечатлѣнія Кавказа, вынесенныя мальчикомъ такъ недавно, сливались съ очарованіемъ Пушкинскаго стиха. Сначала онъ зачитывается этимъ произведеніемъ, но работающія въ немъ мысли и чувства на столько самостоятельны, что онъ не можетъ безъ дальнѣйшаго принять и удовлетвориться продуктомъ чужого творчества. И вотъ онъ, подъ руководствомъ поэмы Пушкина, пробуетъ создать свое, или передѣлать эту дорогую поэму такъ, чтобъ она болѣе соотвѣтствовала его собственному міровоззрѣнію и индивидуальности его. Поэтому онъ, не стѣсняясь, беретъ у Пушкина, что ему кажется подходящимъ, а что неподходитъ, онъ видоизмѣняетъ по своему.

Неудовлетворенный первою попыткой Лермонтовъ тотчасъ берется за передѣлку сюжета и прямо называетъ его однимъ именемъ съ Пушкинскою поэмой — «Кавказскимъ плѣнникомъ», также какъ у Пушкина, разбивая его на двѣ части. Надо однако сознаться, что если вся концепція взята Лермонтовымъ у Пушкина, то въ картинахъ кавказской природы мы видимъ будущаго великаго художника. Многіе стихи «Черкесовъ» мы встрѣчаемъ въ стихахъ «Кавказскаго плѣнника»; и тѣ и другіе являются собственно только пересказомъ Пушкинскихъ [1]

[1] Выпишемъ для примѣра описаніе битвъ Черкесовъ съ казаками.
Изъ «Кавказскаго плѣнника» Пушкина:

....Черкесъ на корни вѣковые,
На вѣтви вѣшаетъ кругомъ
Свои доспѣхи боевые:
Щитъ, бурку, панцырь и шеломъ,

Конецъ Пушкинской поэмы, очевидно, казался юному поэту не достаточно *трагичнымъ*, то-есть ужаснымъ—два понятія, всегда смѣшиваемыя въ юные годы. И вотъ Лермонтовъ старается усилить впечатлѣніе тѣмъ, что освобожденный любящею его черкешенкой плѣнникъ въ глазахъ ея сраженъ пулей, посланной ему притаившимся отцомъ ея. При этомъ самая смерть плѣнника описывается почти тѣми же словами, какъ смерть Ленскаго въ «Евгеніи Онѣгинѣ».

Но роковой ударилъ часъ...
Раздался выстрѣлъ—и какъ разъ
Мой плѣнникъ падаетъ... Не муку,
Но смерть изображаетъ взоръ,
Кладетъ на сердце тихо руку... и т. д.

- — --- - -

Колчанъ и лукъ,—и въ быстры волны
За нимъ бросается потомъ,
Неумолимый и безмолвный.
Глухая ночь. Рѣка реветъ,
Могучій токъ его несетъ
Вдоль береговъ уединенныхъ,
Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
Склонясь на копья, казаки
Глядятъ на темный бѣгъ рѣки.
И мимо ихъ, во мглѣ чернѣя,
Плыветъ оружіе злодѣя...
О чемъ ты думаешь, казакъ?
Воспоминаешь прежни битвы?
И родину?... Коварный сонъ!
Простите, вольныя станицы,
И домъ отцовъ, и тихій Донъ,
Война и красныя дѣвицы!
Къ брегамъ причалилъ тайный врагъ;
Стрѣла выходитъ изъ колчана,
Взвилась и—падаетъ казакъ
Съ окровавленнаго кургана.

Изъ «Черкесовъ» Лермонтова [т. III, стр. 165]:

Одѣто небо черной мглою,
Въ туманѣ мѣсяцъ чуть блеститъ,
Лишь на сухихъ скалахъ травою
Полночный вѣтеръ шевелитъ.
На холмахъ маяки блистаютъ:
Тамъ стражи русскіе стоятъ,
Ихъ копья острыя блестятъ,

Отецъ попираетъ убитаго ногой, и, не вынося этого горя, черкешенка, какъ и у Пушкина, потопляетъ себя. Трагизмъ всего Лермонтовъ старается увеличить указаніемъ на то, что старый черкесъ, застрѣлившій русскаго, въ то же время сталъ убійцею своей дочери.

„Но кто убійца ихъ жестокой?...
Онъ былъ съ сѣдою бородой;
Не видя дѣвы черноокой,
Сокрылся онъ въ глуши лѣсной.
Увы, то былъ отецъ несчастной!...
Поутру трупъ оледенѣлый
Нашли на пѣнистыхъ брегахъ:
Онъ хладенъ былъ, окостенѣлый.
Казалось, на ея устахъ
Остался голосъ прежней муки;
Казалось, жалостные звуки
Еще не смолкли на губахъ...
Узнали все, но поздно было...
Отецъ, убійца ты ее [ея],
Гдѣ упованіе твое?
Терзайся вѣкъ, живи уныло!
Ея ужъ нѣтъ и за тобой
Повсюду призракъ роковой... [т. III, стр. 151].

Другъ друга громко окликаютъ:
«Не спи, казакъ, во тьмѣ ночной:
Чеченцы ходятъ за рѣкой!» (Буквально слова изъ черкесской пѣсни Пушкина).

Но вотъ они стрѣлу пускаютъ...
Взвилась—и падаетъ казакъ
Съ окровавленнаго кургана;
Въ очахъ его смертельный мракъ:
Ему не зрѣть роднаго Дона,
Ни милыхъ сердцу, ни семью,—
Онъ жизнь окончилъ здѣсь свою...

Изъ «Кавказскаго плѣнника» Лермонтова [часть III, стр. 142]:

....Черкесъ чрезъ Терекъ
Плыветъ на вѣрномъ тулукѣ.
Бушуютъ волны на рѣкѣ,
Въ туманѣ виденъ дальній берегъ,
На пнѣ предъ нимъ висятъ кругомъ
Его оружія стальныя:
Колчанъ, лукъ, стрѣлы боевыя
И шашка острая, ремнемъ

Весьма замѣчательно, что ужъ тутъ въ первомъ произведеніи поэта высказывается самостоятельная мысль [объ отцѣ у Пушкина и намека нѣтъ], которую потомъ встрѣтимъ мы въ цѣломъ рядѣ юношескихъ драмъ. Это—деспотизмъ отца, доводящій дѣтей до трагическаго самоубійства.

Въ поэму введены и друзья плѣнника, чего нѣтъ у Пушкина. Внося въ поэму свое индивидуальное, Лермонтовъ далъ въ ней мѣсто выраженію занимавшихъ его чувствъ. Душа его въ то время уже сильно жаждала дружбы. Въ набѣло переписанной тетради 1829 года, содержащей пьесы 1828 года, мы встрѣчаемъ множество намековъ, указывающихъ на то, что душа мальчика постоянно была занята мыслями о дружбѣ. Многіе стихи посвящены лицамъ, очевидно, изъ дружескаго, товарищескаго круга:

Я рожденъ съ душою пылкой,
Я люблю съ друзьями быть

говоритъ онъ. Всю тетрадь эту Лермонтовъ посвѣщаетъ тогдашнему близкому другу своему, нѣкоему Сабурову, не разъ впрочемъ оскорблявшему чуткую душу мальчика.

...Оттѣнокъ чувствъ тебѣ несу я въ даръ,
Хоть ты презрѣлъ священной дружбы жаръ...

Онъ жалуется, что «ложный другъ увлекъ Сабурова въ свои сѣти», жалуется на его измѣну, восклицаетъ: «какъ онъ не понималъ моего пылкаго сердца», и зоветъ его къ себѣ

Подъ сѣнь черемухъ и акацій,
Чтобъ раздѣлить святой досугъ.

Привязанна, звенитъ на немъ.
Какъ точка въ волнахъ онъ мелькаетъ,
То виденъ вдругъ, то исчезаетъ....
...Вотъ онъ причалилъ къ берегамъ.
Бѣда безпечнымъ казакамъ:
Не зрѣть ужъ имъ роднаго Дона,
Не слышать колоколовъ звона.
Уже чеченецъ подъ горой,
Желѣзная кольчуга блещетъ,
Ужъ лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ,
Ударъ несется роковой....

Наконецъ послѣдовалъ и совершенный должно быть разрывъ. «Наша дружба,—говоритъ Лермонтовъ въ примѣчаніи къ послѣднему стихотворенію, посвященному тому же Сабурову,—наша дружба смѣшана со столькими разрывами и сплетнями, что воспоминанія о ней совсѣмъ невеселы. Этотъ человѣкъ имѣетъ женскій характеръ; я самъ не знаю, отчего дорожилъ имъ». [томъ I, стр. 38].

Впечатлительная и зыбкая натура юноши часто приводила его къ тяжкому разочарованію въ друзьяхъ. Тогда онъ старался найти выходъ этому чувству въ эпиграммахъ на друзей или дружбу. [т. I, стр. 39].

Хороши были отношенія Лермонтова къ другому товарищу—Дурново, о которомъ онъ отзывался еще и не много позднѣе какъ о другѣ, которого онъ все еще уважаетъ за его открытую и добрую душу. «Онъ мой первый и послѣдній другъ», говоритъ юный поэтъ. [т. I, стр. 27, 36, 47].

Это примѣчаніе къ стихотворенію сдѣлано рукою поэта по прошествіи извѣстнаго времени. Должно полагать, когда онъ вновь перечитывалъ и передумывалъ писанное прежде.

Постоянныя обращенія къ друзьямъ и намеки на дружбу, конечно, свойственны самому возрасту, въ который вступалъ мальчикъ, но кромѣ того, и самая жизнь въ семьѣ стала все болѣе тяготить его. Несчастное положеніе между любимымъ и принижаемымъ отцомъ съ одной стороны и бабушкой и родными съ другой обострялось все болѣе. Гордаго по натурѣ ребенка все сильнѣе раздражало пренебреженіе окружающихъ къ бѣдности и незнатности рода отца, а слѣдовательно и его самаго. Мальчикъ долженъ былъ искать привѣта и дружбы внѣ домашней обстановки, тамъ, гдѣ ничто не оскорбляло бы его.

И вотъ:

Въ умѣ своемъ онъ создалъ міръ иной
И образовъ иныхъ существованье. [т. I, стр. 36].

Этимъ состояніемъ можетъ быть объясняется, почему въ своемъ «Кавказскомъ плѣнникѣ» мальчикъ-поэтъ рисуетъ друзей плѣнника, играющихъ въ его новомъ положеніи не послѣднюю роль и утѣшающихъ его, раздѣляющихъ съ нимъ

скорбь рабскаго положенія на чужбинѣ. «Въ слезахъ склонясь къ младой главѣ», стараются эти товарищи несчастья привести въ чувство лежащаго безъ памяти. На груди ихъ онъ плачетъ и рыдаетъ по родинѣ. Онъ

Счастливъ еще,—его мученья
Друзья готовы раздѣлять
И вмѣстѣ плакать и страдать... [т. III, стр. 139].

«Кавказскаго плѣнника» Лермонтовъ писалъ въ Москвѣ. По крайней мѣрѣ тетрадь, въ которую вписанъ онъ, помѣчена: «Москва, 1828 годъ».

Мальчику, очевидно, очень хотѣлось придать своему опыту характеръ почтеннаго печатнаго изданія. Тетрадь имѣетъ видъ небольшой книжки, переплетенной въ зеленый сафьянъ съ золотымъ тисненіемъ, въ 8-ю долю листа, съ виньетками и картинками и съ заглавнымъ листомъ, писаннымъ какъ бы печатными буквами.

Въ одной тетради съ «Кавказскимъ плѣнникомъ» находится и еще поэма, тоже относящаяся къ 1828 году: это—«Корсаръ». Она писана подъ вліяніемъ «Шильонскаго узника» Жуковскаго и начинается почти тѣми же словами:

Друзья, взгляните на меня!
Я блѣденъ, худъ, потухла радость! и т. д.

Повліяли на нее, можетъ-быть, и «Братья-разбойники» Пушкина, которые впрочемъ и сами по себѣ напоминаютъ «Шильонскаго узника», что чувствовалъ и самъ Пушкинъ и что высказалъ онъ въ письмѣ къ князю Вяземскому [«Русскій Архивъ» 1874 года, № 1]. Во всякомъ случаѣ вліяніе «Братьевъ-разбойниковъ» видно въ стихотвореніи «Преступникъ» [т. I, стр. 11]. Но въ этой поэмѣ можно отыскать слѣды и еще одного вліянія: это—вліяніе Шиллера и именно драмы его «Донъ-Карлосъ». Героя поэмы полюбила мачиха. Какъ и въ Донъ-Карлосѣ, старикъ-отецъ женится на молодой женщинѣ. Молодая женщина и лѣтами, и характеромъ ближе подходитъ къ сыну, чѣмъ къ отцу, и развивается роковая страсть, вызывающая вражду между отцомъ и сыномъ. У Лермонтова отношенія между мачихой и пасынкомъ имѣютъ болѣе жгучій

и страстный характеръ, у Шиллера же любовь ихъ идеальнѣе и болѣе платоническая. Надо впрочемъ сознаться, что въ этой поэмѣ замѣтно, какъ мальчикъ-поэтъ начинаетъ освобождаться отъ непосредственнаго вліянія. Мы видимъ больше самостоятельности и не встрѣчаемъ перефразировки чужого стиха.

Вліяніе на поэму Шиллера тѣмъ вѣроятнѣе, что въ это время Лермонтовъ дѣйствительно начинаетъ знакомиться съ нимъ и вчитываться въ него, что видно изъ попытокъ перевода нѣкоторыхъ пьесъ нѣмецкаго поэта, которыя встрѣчаемъ въ тетрадяхъ 1828 и 1829 годовъ [ср. т. I, стр. 3—8]. Въ Шиллерѣ его поразила мысль, которую онъ и передалъ двустишіемъ:

Счастливъ ребенокъ! и въ люлькѣ просторно ему, но дай время
Сдѣлаться мужемъ—и тѣсенъ покажется міръ.

Ясно, что разъ подъ вліяніемъ Пушкинскихъ произведеній открылся въ душѣ мальчика родникъ поэзіи, давно въ немъ дремавшій и насыщенный природой Кавказа, онъ уже бѣжалъ неудержимо, обращаясь сначала въ ручей, потомъ развиваясь въ бурливый потокъ, и въ рѣку, то шумно бѣгущую межъ скалъ и каменьевъ, то тихо катящуюся межъ тростниковъ и луговъ, по цвѣтущей равнинѣ.

Выслѣдить ростъ этого ручья мы можемъ,—видимъ почти каждый посторонній притокъ, воспринятый имъ, и надо сказать, что ростъ этотъ совершался съ изумительною быстротой. Лермонтовъ воспринималъ въ себя все, что подходило къ его индивидуальности, энергически отбрасывая чуждое ему.

Одновременно съ Шиллеромъ, Лермонтовъ познакомился конечно и съ Гёте, но олимпійское спокойствіе Гётевской музы не могло нравиться юношѣ,—онъ понялъ ее уже гораздо позднѣе, когда талантъ и духъ его стали зрѣлѣе. Теперь онъ сдѣлалъ-было попытку даже перевести кое-что изъ Гёте, но не кончилъ перевода. [ср. т. I, стр. 9].

Знакомясь съ Шиллеромъ, Лермонтовъ начинаетъ пристращаться и къ драматической формѣ. Прежде всего въ тетради 1829 года встрѣчаемъ мы переводъ сцены трехъ вѣдьмъ изъ «Макбета», Фр. Шиллера. Извѣстно, что Шиллеръ не просто перевелъ Шекспировскаго Макбета, а передѣлалъ его подъ влія-

ніемъ общераспространеннаго въ то время мнѣнія, что произведенія Шекспира, при всей своей геніальности, уродливы и для представленія на театрѣ должны быть передѣлываемы. Лермонтовъ рано интересуется Шекспиромъ, передѣлки его ему не нравятся [см. письма къ теткѣ, т. V, стр. 377] и онъ оставляетъ Макбета въ передѣлкѣ Шиллера не переведеннымъ.

Первую попытку драматизировать сюжетъ хоть бы и чужой представляютъ «Цыганы» Пушкина. Онъ хотѣлъ изъ этой поэмы составить либретто для оперы и взялся за него еще въ 1829 году, но и эта попытка осталась неоконченною [соч. т. I, стр. 10]. Лермонтовъ частью сохранялъ дословный Пушкинскій текстъ, частью же, гдѣ считалъ это нужнымъ, вставлялъ свои стихи, или писалъ монологъ прозой, или оставлялъ пробѣлъ для того, чтобы «выписать изъ *Московскаго Вѣстника* подходящую пѣсню для одной изъ цыганокъ». Юный писатель, какъ видно, не церемонился и откровенно бралъ то, что считалъ подходящимъ.

Мало-по-малу драма такъ увлекаетъ Лермонтова, что все прочитанное слагается въ фантазіи его въ дрмаматическую форму. Тутъ мы встрѣчаемся съ обрывками мыслей и воспоминаній, накиданныхъ имъ въ черновыхъ его тетрадяхъ. Прочитываетъ ли Михаилъ Юрьевичъ популярный тогда романъ Шатобріана «Аттала», онъ въ тетрадяхъ пишетъ замѣтку: «Сюжетъ трагедіи. — Въ Америкѣ. — Дикіе, угнетенные испанцами. — Изъ романа французскаго Аттала». Читаетъ ли онъ русскую исторію, сейчасъ слагаются у него образы и драматизируется сюжетъ: «Мстиславъ черный». Въ героѣ Мстиславѣ Лермонтовъ старается изобразить свои чувства, свою любовь, патріотизмъ. [т. IV, стр. 2].

Въ концѣ израненный Мстиславъ умираетъ подъ деревомъ, прося одного изъ бѣгущихъ мимо него поселянъ, ищущихъ въ лѣсу убѣжища отъ татаръ, разсказать его дѣла какому-либо пѣвцу, «чтобы этой пѣснью возбудить жаръ любви къ родинѣ въ душѣ потомковъ».

Очевидно, Лермонтовъ въ себѣ самомъ видѣлъ этого пѣвца.

Сюжетъ этотъ, оставленный поэтомъ, доказываетъ однакоже, какъ рано затрогивали его мотивы изъ народнаго прош-

лаго и что знаменитая его «пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова»—не *единственная* попытка въ этомъ родѣ. Между стихотвореніями 1829 года встрѣчаемъ мы тоже отрывокъ поэмы «Олегъ» [т. I, стр. 17].

Все, съ чѣмъ знакомился Лермонтовъ, приводитъ его къ мысли о драмѣ. Читая жизнь Марія, написанную Плутархомъ, онъ задумываетъ трагедію «Марій» [т. IV, стр. 248], оканчивающуюся смертью Марія и самоубійствомъ его сына, и затѣмъ, въ той же тетради, говоритъ о желаніи написать трагедію «Неронъ», не помѣчая впрочемъ плана ея. Эти обѣ трагедіи задуманы были имъ въ 1831 году и тоже не выполнены. Въ тетрадяхъ же 1830 года послѣ сюжета «Мстиславъ» встрѣчается цѣлый рядъ набросковъ и замысловъ одинъ другаго причудливѣе, а главное—кровавѣе. Какъ и раньше, въ своихъ передѣлкахъ произведеній знаменитыхъ поэтовъ, въ своемъ «Кавказскомъ плѣнникѣ» и «Корсарѣ», молодой Лермонтовъ думаетъ еще, что сила трагедіи заключается въ ужасномъ, въ убійствѣ и крови.

Едва ли не первымъ сюжетомъ трагедіи записанъ сюжетъ, въ которомъ отецъ съ дочерью, злѣйшіе разбойники, ожидаютъ пріѣзда сына къ себѣ въ деревню. Недалеко отъ этой отцовской деревни, спѣшащій къ отцу и сестрѣ, молодой человѣкъ на постояломъ дворѣ встрѣчается съ своею возлюбленною и матерью ея. Ночью на нихъ нападаютъ разбойники. Офицеръ храбро защищается и одному отрубилъ даже руку. Поутру съ трупомъ своей возлюбленной онъ прибылъ въ деревню отца, гдѣ по недостающей рукѣ больнаго онъ узнаетъ, кто были ночные разбойники. Подоспѣвшая, еще по прежнимъ подозрѣніямъ, полиція арестуетъ отца, а сынъ, не вынося горя и позора, застрѣливается. Тутъ вбѣгаетъ старый служитель сына, хочетъ его увидѣть, и видитъ мертваго. [т. IV, стр. 1].

Такихъ набросковъ и плановъ въ двухъ-трехъ словахъ или краткихъ помѣткахъ много раскидано по тетрадямъ. Начинающій драматургъ не знаетъ, за что взяться. Выполненіе задуманныхъ сюжетовъ не удавалось, но можетъ-быть оно требовало изученія, которое было не подъ силу; требовало знанія

нравовъ, жизни, этнографіи, исторіи. Поэтъ мечется изъ стороны въ сторону. Онъ даже думаетъ покинуть драматическую форму и временно останавливается на мысли написать поэму. «Поэма на Кавказѣ. Герой—пророкъ», какъ гласитъ небольшая помѣтка.

Наконецъ, воображеніе его остановилось на Испаніи. Ни одна страна не могла представить данныхъ, болѣе удобныхъ для составленія драмъ. Тутъ, казалось, и не требовалось особаго изученія нравовъ и жизни. Молодой фантазіи услужливо представлялись—гордый своими предками, закоренѣлый въ сословныхъ предразсудкахъ кастилецъ, инквизиторъ, іезуитъ, наемный убійца, преслѣдуемый жидъ. Тутъ—убійства, кровь, зарево костровъ и благородная отвага, луна, любовь и балконъ, съ ангеломъ на балконѣ и съ пѣвцомъ подъ нимъ. Въ эту страну перенесъ и другой великій поэтъ XIX вѣка, Генрихъ Гейне, свою молодую фантазію, и одною изъ первыхъ его драматическихъ попытокъ была драма изъ этой воображаемой романтической испанской жизни «Альманзоръ», съ дикою страстью, съ убійствомъ и кровью. Въ порывистыхъ и страстныхъ натурахъ Гейне и Лермонтова было нѣкоторое сходство.

Но кромѣ причинъ, приковывавшихъ фантазію молодаго Михаила Юрьевича къ испанской обстановкѣ, его влекло къ этой странѣ особое чувство: онъ видѣлъ въ ней родину своихъ предковъ и воображалъ, что въ немъ течетъ испанская кровь.

Существовало преданіе о томъ, что фамилія Лермонтовыхъ происходила отъ испанскаго владѣтельнаго герцога Лермы, который, во время борьбы съ маврами, долженъ былъ бѣжать изъ Испаніи въ Шотландію. Это преданіе было извѣстно Михаилу Юрьевичу и долго ласкало его воображеніе. Оно какъ бы утѣшало его и вознаграждало за обиды отцу. Знатная родня бабушки поэта не любила отца его. Воспоминаніе о томъ, что дочь Арсеньевой вышла замужъ за бѣднаго, незнатнаго армейскаго офицера, многихъ коробило. Не мудрено, что мальчикъ наслушался, хотя бы и отъ многочисленной дворни, о захудалости своего рода. Тѣмъ сильнѣе и болѣзненнѣе хватался онъ за призрачныя сказанія о бывшемъ величіи рода своего. Долгое время Михаилъ Юрьевичъ и подписывался подъ письмами

и стихотвореніями: «Лерма». Недаромъ и въ сильно вліявшемъ на него Шиллерѣ, онъ встрѣчался съ именемъ графа Лермы въ драмѣ «Донъ Карлосъ». Въ 1830 или 31 году Лермонтовъ въ домѣ Лопухиныхъ на углу Поварской и Молчановки, начертилъ на стѣнѣ углемъ голову [поясной портретъ], вѣроятно воображаемаго предка. Онъ былъ изображенъ въ средневѣковомъ испанскомъ костюмѣ, съ испанскою бородкой, широкимъ кружевнымъ воротникомъ и съ цѣпью ордена Золотаго Руна вокругъ шеи. Въ глазахъ и, пожалуй, во всей верхней части лица не трудно замѣтить фамильное сходство съ самимъ нашимъ поэтомъ. Голова эта, нарисованная al fresco, была затерта при поправленіи штукатурки и пріятель поэта Алексѣй Александровичъ Лопухинъ былъ этимъ очень опечаленъ, потому что съ рисункомъ связывалось много воспоминаній о дружескихъ бесѣдахъ и мечтаніяхъ. Тогда Лермонтовъ нарисовалъ такую-же голову на холстѣ и выслалъ ее Лопухину изъ Петербурга [1]. Испанія стала страной поэтической фантазіи юнаго поэта.

Даже дѣйствіе любимаго, много лѣтъ занимавшаго поэта, произведенія «Демонъ» въ наброскѣ 1830 года происходитъ въ Испаніи.

Разъ найдя почву для драматическаго сюжета, Лермонтовъ съ жаромъ принимается за него, и въ тетрадяхъ, среди лирическихъ произведеній, мы постоянно натыкаемся на наброски плановъ, именъ, сценъ, дѣйствующихъ лицъ и изреченій, касающихся трагедіи «Испанцы» [2].

---

[1] Ср. письмо къ Лопухиной отъ 2 сент. 1832 г. т. V стр. 387. — О подробностяхъ мнѣ разсказывала Ел. Дм. Лопухина. Въ матеріалахъ Хохрякова находится обрывокъ письма А. А. Лопухина къ Лермонтову отъ 25 февр. 1833 года, гдѣ говорится: «Очень, очень тебѣ благодаренъ за твою голову: она меня очень восхищаетъ и между тѣмъ иногда грусть наводитъ, когда я въ ипохондріи». — Сынъ Алексѣя Александровича подарилъ голову въ Лермонтовскій Музей.

[2] См. соч. т. IV стр. 10—116. Рукописи драмъ «Испанцы», «Странный человѣкъ» и «Два брата» находились у Бориса Николаевича Чичерина и получены имъ отъ Екатерины Петровны Осиповой, проживавшей въ домѣ Арсеньевой во время дѣтства поэта и скончавшейся въ домѣ Чичериныхъ въ Тамбовѣ. Г. Чичеринъ принесъ рукописи въ даръ Лермонтовскому Музею.

Герой трагедіи, пылкій и благородный Фернандо, безродный найденышъ, воспитанный въ домѣ гордаго испанскаго дворянина, Альвареца, влюбляется въ дочь донъ-Альвареца. прекрасную Эмилію, преступною страстью къ которой увлеченъ патеръ Соррини, іезуитъ и членъ инквизиціи. Альварецъ выгоняетъ Фернандо за дерзновенное помышленіе жениться на Эмиліи. Въ длинной тирадѣ передъ портретами предковъ онъ прославляетъ значеніе знатнаго рода. Въ отвѣтъ на это юный поэтъ заставляетъ Фернандо высказывать мысли личной симпатіи къ народу. Видно его занималъ вопросъ взаимныхъ отношеній знати къ простолюдину. Въ одной изъ черновыхъ тетрадей мы встрѣчаемся съ наброскомъ мысли: «Въ первомъ дѣйствіи моей трагедіи молодой испанецъ говоритъ отцу своей любовницы, что благородные для того не сближаются съ простымъ народомъ, что боятся, дабы не увидали, что они еще хуже его». [соч. т. IV стр. 8] и дѣйствительно мысль эту поэтъ вноситъ въ трагедію [т. IV стр. 16].

Злая мачиха Эмиліи, вторая жена Альвареца, желая избавиться отъ падчерицы, входитъ въ заговоръ съ Соррини, который выкрадываетъ молодую дѣвушку и прячетъ у себя. Фернандо находитъ ее въ моментъ величайшей для нея опасности и, оберегая отъ позора, закалываетъ. Мимо оторопѣвшаго Соррини и слугъ его онъ уходитъ съ дорогимъ трупомъ и приноситъ его въ родительскій домъ. Соррини поднимаетъ на ноги инквизицію. Фернандо окружаютъ, боятся однако подойти къ нему. Фернандо серьезно и не думаетъ защищаться и проситъ только, чтобы Соррини позволилъ ему умереть съ прядью волосъ, отрѣзанныхъ у мертвой Эмиліи.

ФЕРНАНДО (къ Соррини).

Ты видишь этотъ черный пукъ волосъ!
Пускай они горятъ со мной; сегодня
Я ихъ отрѣзалъ съ головы ея (указываетъ на тѣло Эмиліи).
Предъ смертью не снимайте ихъ съ меня,—
Они вамъ не мѣшаютъ.

СОРРИНИ.

Нѣтъ, нельзя!
Никакъ нельзя.

ФЕРНАНДО.

Послѣдняя мольба! (Скрежещетъ зубами).
Повѣрь мнѣ, эти волосы никакъ
Тебѣ не помѣшаютъ слышать крики
Мои, которые желѣзо пытки
Исторгнетъ!...

СОРРИНИ.

Нѣтъ, никакъ нельзя!...
Ихъ видъ твои страданья облегчитъ,
Но этого не хочетъ судъ.
(Дѣйствіе V, сцена 1-я).

Когда и эта послѣдняя просьба не признана, Фернандо бросается заколоть Соррини, но только легко ранитъ его въ руку. Въ этой неудачѣ онъ видитъ указаніе неба и смиряется.

ФЕРНАНДО (къ Соррини).

Нынѣ вижу,
Что не исполнилъ ты свое предназначенье
И мѣру всѣхъ твоихъ злодѣйствъ. Творецъ
Свидѣтель мнѣ: хотѣлъ очистить землю я
Отъ звѣря этого... Презрѣнный человѣкъ!
Онъ отвратительнѣе для меня,
Чѣмъ всѣ орудья пытки. (Бросаетъ кинжалъ на землю)
Прочь невѣрный
Металлъ! Ты мнѣ служилъ какъ люди:
Помогъ убить невинность, притупился
О грудь злодѣя... Прочь измѣнникъ!

Видя, что онъ безоруженъ, его схватываютъ.

Въ послѣднемъ дѣйствіи народъ толкуетъ, ожидая казни Фернандо.

ОДИНЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Все кончилось! Я былъ въ судѣ. Фернандо
Ведутъ на казнь. Его пытали долго;
Вопросы дѣлали... Онъ все молчалъ; ни слова
Они не вырвали у гордаго Фернандо,
И скоро мы увидимъ дымъ и пламя...

Но этимъ не оканчивается,—этого мало! Оказывается, что Фернандо—сынъ имъ спасеннаго еврея, который раньше пріютилъ израненнаго подосланными убійцами Фернандо. У еврея

есть дочь. Она, узнавъ о судьбѣ Фернандо, сходитъ съ ума и умираетъ.

Въ этой трагедіи легко отыскать вліяніе прочитаннаго въ то время Лермонтовымъ. Тутъ видны драмы Шиллера—«Разбойники» и «Коварство и любовь». Только краски Лермонтовъ постарался наложить ярче. Такъ, въ послѣдней изъ названныхъ драмъ Шиллера Фердинандъ,желая спасти опозоренную, любимую имъ дѣвушку, грозитъ заколоть ее, но не выполняетъ этого. Фернандо у Лермонтова исполнилъ угрозу. Въ отношеніяхъ президента фонъ-Вальтера къ сыну Фердинанду много схожаго съ отношеніями Альвареца къ Фернандо. Въ 1830 году драмы Шиллера—«Разбойники» и «Коварство и Любовь»—давались въ Москвѣ съ участіемъ Мочалова и Лермонтовъ говоритъ о томъ, что видѣлъ ихъ на сценѣ. Тѣмъ понятнѣе вліяніе ихъ. Подъ вліяніемъ этихъ пьесъ, дававшихся на московскомъ театрѣ, находился въ то время и Бѣлинскій. Онѣ то и побудили его написать драму [1].

Повліяло на Лермонтова, очевидно, и чтеніе «Натана Мудраго» Лессинга. Въ Лермонтовской драмѣ «Испанцы», старый еврей съ дочкою Ноэми и старухой служанкой—совершенный сколокъ съ Натана Мудраго, его дочери и старой ея няни. У Лермонтова, какъ у Лессинга, подъ конецъ драмы герой ея оказывается братомъ молодой еврейки. Самая симпатія Лермонтова къ старому еврею, выставленному честнымъ и правдивымъ, навѣяна, очевидно, Лессингомъ. У Лермонтова, какъ и у Лессинга, герой сначала морщился и презрительно относился къ облагодѣтельствованному имъ «жиду» и позднѣе лишь побѣждается мудростью отца и добродѣтелью дочери. Впрочемъ, въ первую половину нашего вѣка, подъ вліяніемъ западной литературы и вѣянія времени, сильно распространена была склонность покровительствовать «угнетаемымъ» евреямъ. Бывали примѣры, что помѣщики ютили у себя цѣлыми семьями гонимыхъ бездомныхъ сыновъ Израиля. Такъ кн. Гагаринъ въ имѣніи своемъ Окны, на видномъ мѣстѣ выстроилъ евреямъ цѣлый посадъ, исходя изъ того воззрѣнія, что хорошее обра-

---

[1] См. Пыпинъ, Жизнь Бѣлинскаго, т. I стр. 52.

щеніе и обстановка дѣлаютъ людей лучше. Неудивительно, что идеальная натура и романтическое настроеніе увлекло мальчика поэта. Во многихъ набраскахъ и стихотвореніяхъ того времени мы встрѣчаемъ интересъ его къ евреямъ.—

Спокойный и радужный конецъ Лессинговой драмы не соотвѣтствовалъ тогдашнимъ понятіямъ Михаила Юрьевича, и онъ въ своей драмѣ губитъ и героя и еврейку и, кажется, старика отца. Говорю *кажется*, потому что послѣдняя страница трагедіи «Испанцы» утеряна, но по ходу можно такъ предположить.

Вліяніе нѣмецкихъ поэтовъ было столь ощутительно, что вторую трагедію свою, писанную одновременно съ «Испанцами», Лермонтовъ озаглавилъ по-нѣмецки: «Menschen und Leidenschaften. — Ein Trauerspiel». — Въ черновыхъ тетрадяхъ того времени мы не только встрѣчаемся съ переводами изъ Гёте и Шиллера, какъ замѣчено выше, но даже со стихами на нѣмецкомъ языкѣ, очевидно, сочиненными самимъ Михаиломъ Юрьевичемъ. [т. I стр. 183, 196].

ГЛАВА IV.

Драма «Menschen und Leidenschaften».—Межъ двухъ огней.—Катастрофа.—Отецъ и сынъ.—Чрезмѣрная любовь.

Вторая написанная Лермонтовымъ трагедія «Menschen und Leidenschaften» [Люди и страсти] представляетъ собою особенный автобіографическій интересъ. [т. III стр. 117]. Въ ней описанъ эпизодъ изъ временъ его юношескихъ страданій [1] по-

---

[1] Въ матеріалахъ г. Хохрякова мы находимъ слѣдующую помѣтку при перечисленіи дѣйствующихъ лицъ драмы какъ они напечатаны въ сочин. т. III стр. 118: М. И. Громова—бабушка Лермонтова; Н. М. Волинъ—отецъ Лермонтова; Ю. Ник. Волинъ—самъ Михаилъ Лермонтовъ; В. М. Волинъ—братъ отца Лермонтова[?]; Любовь и Элиза—двоюродныя сестры Лермонтова; Заруцкій—Столыпинъ [Монго?]; Дарья—нянька Лермонтова; Иванъ—слуга, мужъ Дарьи. Онъ привезъ потомъ тѣло Лермонтова изъ

ложившихъ печать на впечатлительную душу поэта. Драма эта особенно ясно рисуетъ намъ событія весьма важныя для уразумѣнія характера Михаила Юрьевича и объясняетъ многое, что безъ нея оставалось для насъ лишь въ области догадокъ. Повидимому Лермонтовъ написалъ эту трагедію въ моментъ, когда дурныя отношенія между бабушкою и отцомъ его обострились до вызова катастрофы. Изображеніемъ и разъясненіемъ событій молодой поэтъ какъ бы даетъ выходъ волновавшимъ его чувствамъ, онъ изливаетъ ихъ въ цѣломъ рядѣ сценъ, въ коихъ выводитъ себя и близкихъ домашнихъ и родныхъ. Подъ гнетомъ страданія, въ аффектѣ страсти, онъ накладываетъ краски слишкомъ яркія, такъ что позднѣе самъ считаетъ нужнымъ смягчить ихъ, пощадить нѣкоторыхъ лицъ, освѣтить ихъ менѣе пристрастно,—и пишетъ другую драму: «Странный человѣкъ», одинаковаго съ предыдущей автобіографическаго значенія.

Событіемъ, вызвавшимъ этотъ страстный порывъ, былъ, кажется, окончательный разрывъ между отцомъ Михаила Юрьевича и бабушкой его. Съ самаго того времени, когда, спустя девять дней по смерти жены, Юрій Петровичъ уѣхалъ изъ бывшихъ подъ его управленіемъ Тарханъ, а потомъ потребовалъ къ себѣ сына, бабушка постоянно боялась за потерю внука. Ей представлялось, что вотъ-вотъ нагрянетъ отецъ и отниметъ или увезетъ Михаила Юрьевича. Поэтому мальчика берегли и хранили строго. Старожилы въ Тарханахъ разсказывали мнѣ, что когда Юрій Петровичъ пріѣзжалъ навѣстить сына, то Мишу или увозили и прятали гдѣ либо въ сосѣднемъ имѣніи, или же посылали гонцовъ въ Саратовскую губернію къ брату бабушки Афонасію Алексѣевичу Столыпину звать его на помощь противъ возможныхъ затѣй Юрія Петровича, чего добраго замыслившаго отнять Мишеля [1]. Страхъ потерять внука,

---

Пятигорска въ Тарханы.—Тутъ же г. Хохряковъ замѣчаетъ со словъ С. Раевскаго, что Лермонтовъ стрѣлялся со Столыпинымъ изъ за двоюродной сестры.

[1] См. выше глава I стр. 16 и сравни соч. т. IV стр. 143. Въ матеріалахъ своихъ г. Хохряковъ говоритъ: «Елизавета Алексѣевна дала отцу Лермонтова деньги, лишь бы онъ не бралъ сына. Можетъ быть деньги бы-

очевидно, доходитъ у бабушки до болѣзненныхъ размѣровъ. Изъ діалоговъ дѣйствующихъ лицъ въ драмѣ мы узнаемъ всѣ обстоятельства дѣтства Юрія Волина, т. е. Михаила Лермонтова. Самое начало распри излагается въ разсказѣ Василія Михайловича Волина [т. IV стр. 143]. Но уже въ началѣ драмы, въ первомъ явленіи, между слугами происходитъ разговоръ, который вполнѣ характеризуетъ положеніе дѣлъ [стр. 119].

ИВАНЪ.

А можно спросить, отчего барыня въ ссорѣ съ Николаемъ Михайловичемъ? Кажись бы не отчего,—близкая родня.

ДАРЬЯ.

Не отчего?... Какъ не отчего?—Погоди, я тебѣ все это дѣло-то разскажу. Вишь ты, я еще была дѣвчонкой, какъ Марья Дмитріевна дочь нашей барыни, скончалась, оставя сына. Всѣ плакали какъ сумасшедшіе, наша барыня больше всѣхъ. Потомъ она просила, чтобъ оставить ей внука, Юрья Николаевича. Отецъ-то сначала не соглашался, но наконецъ его улакомали, и онъ, оставя сынка да и отправился къ себѣ въ отчину. Наконецъ, ему и вздумалось къ намъ пріѣхать. А слухи-то и дошли отъ добрыхъ людей, что онъ отниметъ у насъ Юрья Николаевича. Вотъ отъ этого съ тѣхъ поръ они и въ ссорѣ... и т. д.

Содержаніе драмы поясняетъ намъ, и поясняетъ подробно, отношенія между Лермонтовымъ и Арсеньевой. Оно не только подтверждаетъ догадки біографа, но и дополняетъ указанія современниковъ. Мы вполнѣ понимаемъ, что было причиною,

---

ли даны, чтобы кончить ссоры объ имѣніи?» Въ прим. 52 къ статьѣ моей въ «Русской Мысли» дек. 1881 года, я сообщалъ, что собранныя г. Журавлевымъ свѣдѣнія отъ тархановскихъ жителей согласуются съ тѣмъ что говоритъ Лермонтовъ въ драмѣ своей «Menschen und Leidenschaften». Свѣдѣнія эти получены мною раньше, чѣмъ вышло ефремовское изданіе «Юношескихъ драмъ Лермонтова», такъ что если и предположить, что старожилы тархановскіе слѣдятъ за всѣмъ новымъ въ нашей литературѣ, то на этотъ разъ ужъ они никакъ не могли почерпнуть изъ новой книги переданныя г. Журавлеву свѣдѣнія.

Г. Пыпинъ [«Соч. Лерм.» изд. 1873 г., стр. XVII] указываетъ, на основаніи сообщеній А. З. Зиновьева и того, что замѣчаетъ г. Бартеневъ [Рус. Арх. 1872 г., стр. 1852], на автобіографическое значеніе драмы «Menschen und Leidenschaften». Тоже и г. Ефремовъ [«Соч. Лерм.», т. II, стр. 614, и «Юнош. др.», стр. 320]. Дудышкинъ, прим. ко II т., изд. 1860 г., стр. 650].

побудившею Юрія Петровича оставить сына у бабушки. Видимъ, что онъ рѣшился сдѣлать это на то время, пока мальчику нуженъ былъ женскій присмотръ. Подобныя соображенія, просьбы бабушки и сознаніе, что недостатокъ средствъ не позволитъ дать Мишѣ тщательнаго воспитанія, побудили отца временно съ нимъ разстаться. Однако онъ не совсѣмъ отчуждается, — онъ думаетъ навѣщать сына. Разлука его грызетъ, и вотъ, пріѣзжая, онъ вмѣсто ласки и задушевности встрѣчаетъ въ тещѣ подозрительность, боязнь насилія съ его стороны; отъ него стараются скрыться въ другомъ имѣніи, вызываютъ родныхъ на защиту. Все это, конечно, далеко не можетъ дѣйствовать успокоительно на Юрія Петровича. Легко понять, что впечатлительный, вспыльчивый характеръ долженъ былъ увлечь его опять на выходки, которыя, конечно, не могли успокоить тещу. Такъ росли взаимное недовѣріе и непріязнь. Изъ нѣкоторыхъ данныхъ въ драмѣ [т. IV, стр. 135, 143—145] можно заключить и еще объ одномъ обстоятельствѣ. Кажется, Юрію Петровичу было обѣщано, что если онъ сына оставитъ у бабушки, то ему отдадутъ причитавшееся за покойной женой имѣніе, которое должно было перейти къ сыну. Юрій Петровичъ вѣдь и управлялъ этимъ имѣніемъ при жизни жены, ему ближе всего было стать опекуномъ будущаго состоянія сына. Сгоряча, въ первые дни горя по смерти дочери, мать такъ и думала поступить. Все это было сдѣлано на словахъ. Когда же прошла первая скорбь, часто сближающая, по общности своей, всѣхъ, ею пораженныхъ, когда произошло затѣмъ первое столкновеніе, когда бабушка болѣзненно стала опасаться увоза отъ нея дорогаго внука, единственную радость свою, тогда невольно стала на сторожѣ. Добрые люди, всегда охотно подливающіе масло въ огонь, укрѣпили ее въ мысляхъ, что состояніемъ своимъ она можетъ держать въ рукахъ зятя. Вся родня Арсеньевой отличалась, какъ мы сказали уже, своей правдивостью, исполненіемъ даннаго слова и принятыхъ обязанностей. Но эта же родня отличалась и вспыльчивостью и упрямствомъ, да и общимъ тогда на Руси свойствомъ сильныхъ, своеобразныхъ натуръ — самодурствомъ. «Не хотѣлъ, дескать, какъ я хочу, — ну, такъ не будетъ

же и по твоему». Должно-быть не мягко обошелся съ бабушкой и Юрій Петровичъ, можетъ-быть какою-либо выходкой онъ самъ подкопалъ свое нравственное право. Ему нашептали, что бабушка хочетъ отнять у него имѣніе [т. IV, стр. 130], а бабушкѣ, что Юрій Петровичъ уступилъ ей сына только временно, пока не заберетъ денежки въ руки, а тамъ и Мишу возьметъ, — значитъ, силу изъ рукъ нельзя выпускать. Вотъ бабушка и рѣшила, что Юрій Петровичъ дѣйствіями своими утратилъ право на обѣщаніе, ему данное, да и для блага Миши надо ей поступить рѣшительно. Она объявила, что если Юрій Петровичъ возьметъ сына, то она лишитъ его наслѣдства.

Пораздумавъ, Юрій Петровичъ увидѣлъ, что сына-то воспитывать не на что, что сдѣлаетъ его нищимъ, если заупрямится. Любящій отецъ побѣдилъ въ себѣ гордость обиженнаго человѣка, — Юрій Петровичъ смирился, затаилъ злобу и для блага сына порѣшилъ оставить его до 16 лѣтъ у бабушки.

„Я сына моего, — говоритъ въ драмѣ зять тещѣ своей, — не меньше васъ люблю, и этому доказательство, что я его уступилъ вамъ, лишился удовольствія быть съ моимъ сыномъ, ибо я зналъ, что не имѣю довольно состоянія, чтобы воспитывать его такъ, какъ вы могли.“ [т. IV, стр. 133].

Юрій Петровичъ однако сохранилъ за собою право слѣдить за воспитаніемъ сына и поставилъ условіемъ, чтобы по вопросамъ о воспитаніи во всемъ относились къ нему. Но такое требованіе, конечно, на практикѣ не могло быть выполнено. Гдѣ же было изъ Тульской губерніи слѣдить за тѣмъ, что дѣлалось въ Пензенской!... Каждый пріѣздъ Юрія Петровича въ Тарханы давалъ пищу новымъ непріятностямъ. Между тѣмъ Миша сталъ подростать, его повезли въ Москву, и тутъ отецъ навѣдывался чаще. Онъ, по разсказамъ г. Зиновьева, наѣзжалъ въ Москву изъ Кроптовки съ двумя своими незамужними сестрами, Натальей и Александрою. Останавливался онъ въ особой квартирѣ, не у Арсеньевой. Сынъ его навѣщалъ, особенно же часто проводилъ у него праздничные дни. Воспитатели, можетъ-быть подъ вліяніемъ Арсеньевой, говорили, что отецъ очень баловалъ сына и на него имѣлъ вліяніе недоброе.

Сынъ же крѣпко любилъ отца своего. «Папенька сюда пріѣхалъ,—пишетъ онъ теткѣ своей въ Апалиху,—и вотъ уже двѣ картины извлечены изъ моего портфеля; слава Богу, что такими любезными мнѣ руками» [т. V стр. 375].

Пошелъ наконецъ внуку и роковой для бабушки 16-й годъ. Подходилъ срокъ условію. Отецъ могъ потребовать выполненія условій—отдачи ему сына обратно. Начались переговоры. Какъ разъ въ этомъ 1830 году Императоръ Николай Павловичъ приказалъ [29 марта] закрыть «Благородный университетскій пенсіонъ» и переименовать заведеніе въ гимназію. Лермонтовъ находился тогда въ старшемъ отдѣленіи высшаго класса. Онъ, какъ и многіе другіе, подалъ прошеніе объ увольненіи и получилъ его 16-го апрѣля. [Ср. прибавленіе I въ концѣ тома]. Рѣчь зашла о томъ, гдѣ продолжать воспитаніе Мишеля. Думали везти молодаго человѣка за границу: бабушка мечтала о Франціи, а отецъ о Германіи [1].

Чѣмъ болѣе приближалось время окончательной перемѣны судьбы Михаила Юрьевича, тѣмъ болѣе обострялось взаимное нерасположеніе тещи и зятя. ВъЮріи Петровичѣ прорывалась накипѣвшая годами злоба и желаніе вознаградить себя за долгую разлуку съ сыномъ; въ Елизаветѣ Алексѣевнѣ проснулся весь страхъ за потерю самаго дорогаго въ жизни. Вся борьба между ними сосредоточилась теперь на 16-ти лѣтнемъ мальчикѣ. Къ кому онъ прильнетъ? Кто одержитъ верхъ?...Крѣпко ухватились обѣ стороны за ревниво любимаго юношу. Добромъ это не могло кончиться. Кажется, каждый готовился выпустить его только съ жизнью, но трагизмъ положенія всею тяжестью давилъ молодаго поэта. Конечно, онъ давно, какъ только сталъ мыслить,—а мысли зашевелились въ немъ рано,—понялъ, что между его отцемъ и бабушкой что-то неладно. Онъ давно это чуялъ, давно страдалъ подъ этимъ сознаніемъ. Положеніе высокоодареннаго мальчика между аристократической бабушкой и какимъ-то, рѣдко видаемымъ, бѣдно обстановленнымъ отцомъ было тяжелое. Тамъ гдѣ-то есть отецъ, кото-

---

[1] Ср. драму „Menschen und Leidenschaften" т. IV стр. 125 и особенно стр. 134.

раго появленіе въ домѣ непріятно бабушкѣ, но который ему милъ и дорогъ, а здѣсь вокругъ сына его—богатая обстановка, и любовь, и уходъ... Но почему же не любятъ того, кто ему такъ дорогъ? Почему онъ исключенъ изъ круга родныхъ, почему онъ не можетъ пользоваться тѣмъ же, чѣмъ пользуется сынъ?... Эта мысль можетъ-быть еще болѣе привязывала мальчика къ отцу. Онъ его жалѣлъ, а кто жалѣетъ любя, тотъ вдвойнѣ любитъ.

Все это, говорю я, давно чувствовалъ мальчикъ, но всѣхъ подробностей передрягъ и ссоръ онъ не зналъ, или не зналъ ихъ во всей ясности. Весь ужасъ положенія ему не представлялся еще. Вѣроятно и бабушка, и отецъ, оба любя его, берегли его. И вдругъ все отъ него скрываемое открылось, страсти разнуздались, пошли взаимныя обвиненія, уличенія и вѣчная аппелляція къ его чувству, къ любви его, къ долгу, къ благодарности. Мальчикъ извѣдалъ страшную пытку,—тѣмъ болѣе страшную, что все его воспитаніе, любовь и баловство увеличили и безъ того въ высшей степени сильную впечатлительность.

„Неужели человѣкъ можетъ быть такъ чувствителенъ, что всякая малость раздражаетъ его“.

Такъ въ драмѣ Заруцкій характеризуетъ Юрія Волина, т. е. самого Лермонтова [т. IV, стр. 125]. И точно такимъ же зыбкимъ и раздражительнымъ описываетъ 15 л. поэта въ своихъ воспоминаніяхъ г. Хвостова. Не слѣдуетъ забывать, что Михаилъ Юрьевичъ находился въ это время въ опасномъ переходномъ возрастѣ—отъ отрочества къ юношеству, когда нервная система бываетъ особенно чувствительна. И вотъ въ этотъ-то столь трудный періодъ внутренней борьбы и развитія пришлось бѣдному юношѣ испить горькую чашу нравственной пытки.

Опять-таки въ драмѣ мы находимъ выраженіе того, какъ Лермонтовъ судилъ о своемъ состояніи. Онъ заставляетъ говорить о себѣ Юрія:

„Помнишь ли ты Юрія, когда онъ былъ счастливъ, когда ни раздоры семейственные, ни несправедливости еще не начинали огорчать его? Лучшимъ разговоромъ для меня было размышленіе

о людяхъ. Помнишь ли, какъ нетерпѣливо старался я узнавать сердце человѣческое, какъ пламенно я любилъ природу, какъ твореніе человѣчества было прекрасно въ ослѣпленныхъ глазахъ моихъ? Сонъ этотъ миновался, потому что я слишкомъ хорошо узналъ людей....“

„.... У моей бабушки, у моей воспитательницы, жестокая распря съ отцомъ моимъ *и это все на меня упадаетъ*....“ [т. IV, стр. 123, 24].

Очевидно, сынъ сталъ сильно льнуть къ отцу. Бабушка жалуется на него повѣренной своей:

„Все тамъ сидитъ, сюда не заглянетъ. Экой какой онъ сдѣлался!... Бывало прежде ко мнѣ онъ былъ очень привязанъ, не отходилъ отъ меня, какъ малъ былъ. И напрасно я его удалила отъ отца, тамъ умѣли его увѣрить, что я отняла у отца материнское имѣніе, какъ будто не ему же это имѣніе достанется. Кто станетъ покоить мою старость? И я ли жалѣла что-нибудь для его воспитанія? Носила сама Богъ знаетъ что, готова была отъ чаю отказаться, а по четыре тысячи платила въ годъ учителю.... И все пошло не въ прокъ.... Ужъ, кажется, не всякимъ ли манеромъ старалась сберечься отъ нынѣшней бѣды.... Ахъ, кабы дочь моя была жива, не то бы на міру дѣлалось“. [т. IV, стр. 130].

Наконецъ вопросъ для Михаила Юрьевича былъ поставленъ ребромъ. Бабушка и отецъ поссорились окончательно. Сынъ хотѣлъ-было уѣхать съ отцомъ, но тутъ-то и началась самая тонкая интрига приближенныхъ съ одной стороны бабушки, съ другой—отца. Бабушка упрекала внука въ неблагодарности, угрожала лишить наслѣдства, описывала отца самыми черными красками и наконецъ сама, подъ бременемъ горя, сломилась. Ея слезы и скорбь сдѣлали то, чего не могли сдѣлать упреки и угрозы,—онѣ вызвали глубокое состраданіе внука. Его стала терзать мысль, что, рѣшившись ѣхать съ отцомъ, покидая старуху, онъ отнимаетъ у нея опору послѣднихъ дней ея. Она дала ему воспитаніе, ей онъ обязанъ уходомъ въ дѣтствѣ, воспитаніемъ, богатствомъ, всѣмъ, кромѣ жизни, правда, но жизнь-то на что же?.. Ему казалось, что въ нѣсколько дней онъ приблизилъ бабушку къ могилѣ, что онъ неблагодаренъ къ ней... [стр. 153 и 166]. Свои сомнѣнія онъ высказываетъ отцу. Отецъ же, ослѣпленный негодованіемъ на тещу за ея непониманіе его, за нанесенныя оскорбленія, да можетъ-

быть и подъ вліяніемъ интриги, подозрѣваетъ въ сынѣ желаніе покинуть его, остаться у бабушки. Семейная драма дошла до высшаго своего развитія. Что тутъ произошло опять, мы знать не можемъ, но только отецъ уѣхалъ, а сынъ попрежнему оставался у бабушки. Они больше не видѣлись, — кажется, вскорѣ Юрій Петровичъ скончался. Что сразило его — болѣзнь или нравственное страданіе? Можетъ-быть то и другое, можетъ-быть только болѣзнь. А. З. Зиновьевъ будто помнилъ что онъ скончался отъ холеры [?]. Вѣрныхъ данныхъ о смерти Юрія Петровича и о мѣстѣ его погребенія собрать не удалось. Надо думать, что скончался отецъ Лермонтова вдали отъ сына, и не имъ были закрыты дорогіе глаза. Впрочемъ разсказывали мнѣ тоже, будто Юрій Петровичъ скончался въ Москвѣ и что его сынъ былъ на похоронахъ. Возможно, что стихотвореніе «Эпитафія», находящееся въ черновыхъ тетрадяхъ 1830 года, относится къ отцу [т. I стр. 73]. Изъ него можно понять, что Михаилъ Юрьевичъ былъ на похоронахъ или у гроба отца. Во всякомъ случаѣ интересно, что высказанная въ этомъ стихотвореніи мысль «ты далъ мнѣ жизнь, но счастья не далъ», совпадаетъ съ мѣстомъ въ драмѣ «Menschen und Leidenschaften» тоже писанной въ 1830 году, гдѣ Юрій Волинъ говоритъ отцу:

„Я обязанъ вамъ одною жизнью.... Возьмите ее назадъ, если можете.... О, это горькій даръ“! [т. IV, стр. 166].

По этой же драмѣ выходитъ, что раздраженный отецъ проклинаетъ сына, и, доведенный этимъ окончательно до отчаянія, сынъ налагаетъ на себя руку.

Надо полагать, что Лермонтовъ перенесъ въ это время страшныя мученія, что катастрофа, разыгравшаяся въ семьѣ, дѣйствительно чуть не довела его до самоубійства. Не говоря о томъ, что мысль эта встрѣчается въ лирическихъ стихотвореніяхъ на страницахъ черновой тетради, мы находимъ ее въ записанныхъ сюжетахъ для драмъ, и обѣ драмы его: — «Menschen und Leidenschaften» и «Странный человѣкъ» — кончаются самоубійствомъ героя.

Что первая изъ названныхъ драмъ имѣетъ чисто-автобіографическое значеніе, кажется ясно, но и вторая, написанная

въ 1831 году, носитъ тотъ же характеръ. Впрочемъ, вѣдь и самъ поэтъ говоритъ объ этомъ въ предисловіи къ ней [т. IV стр. 177], замѣчая, что изображенныя имъ лица «всѣ взяты изъ природы» и что онъ желалъ бы, чтобы они были узнаны, такъ какъ тогда раскаяніе вѣрно посѣтитъ души тѣхъ людей... «Но пускай они не обвиняютъ меня. Я хотѣлъ, я долженъ былъ оправдать тѣнь несчастнаго»!

Этотъ несчастный, котораго Лермонтовъ отдаетъ на судъ общества, очевидно, онъ самъ. Да и есть отчего сдѣлаться несчастнымъ: онъ ли не любилъ отца, онъ ли въ разлукѣ съ нимъ не лелѣялъ образъ его, и вдругъ, неожиданно, все разбито, все безвозвратно потеряно! Отъ него, отъ его любящей души отецъ отвернулся. И онъ чувствовалъ, что отецъ, оскорбленный, любящій отецъ, не виноватъ,—онъ не такой, какимъ его хотѣли выставить другія, тоже дорогія ему, лица. Понятно, что юноша облегчалъ душу свою созданіемъ поэтическаго произведенія, излилъ всю желчь на свою бабушку. Не она ли подала поводъ къ послѣдней разыгравшейся катастрофѣ?... Онъ и выставилъ ее въ драмѣ «Люди и Страсти» съ особенною непріязнью. По внѣшнему виду и всей обстановкѣ, по содержанію, ее нельзя не признать. Чувствуется на каждомъ шагу глубокая непріязнь юноши къ виновницѣ его горя, и связываетъ его съ нею только чувство благодарности. Вся симпатія лежитъ къ отцу. Это несомнѣнно для каждаго читателя драмы.

Когда затѣмъ прошло нѣкоторое время и острая боль улеглась, Михаилъ Юрьевичъ увидалъ, что онъ несправедливъ былъ къ бабушкѣ своей. Въ то же время, желая выставить все событіе, «чтобы раскаяніе посѣтило души виновныхъ», онъ пишетъ еще разъ драму—«Странный человѣкъ», въ коей опускаетъ бабушку и уже не съ прежнею симпатіей относится къ отцу. Можетъ быть ему стало извѣстно отношеніе отца къ матери и онъ выводитъ ее на сцену доброю, любящею, загнанною. Что обѣ драмы вызваны одними и тѣми же мотивами, ясно при взаимномъ ихъ сравненіи. Цѣлыя сцены изъ драмы «Люди и Страсти» перенесены сюда. Только герой называется не Волинымъ, а Арбенинымъ. Это имя особенно дорого поэту и

встрѣчается въ нѣсколькихъ произведеніяхъ его. За то въ той и другой драмѣ близкимъ другомъ героя является Заруцкій. Одинаковую роль играетъ въ обѣихъ драмахъ и старый слуга.

Постигшее горе не могло не оставить глубокаго слѣда на характерѣ поэта. Онъ, что называется, ушелъ въ себя. Явилось въ немъ что-то надломленное. Съ одной стороны жажда любви, сочувствія, съ другой—недовѣріе къ счастью и къ людямъ. Онъ еще больше ушелъ въ природу и въ ней отдыхалъ и искалъ облегченія раненой душѣ своей.

Объ отцѣ своемъ онъ, кажется, никому не говорилъ. Не тогда ли родилось въ немъ обыкновеніе скрывать отъ всѣхъ все, что было ему особенно близко и свято? Онъ выказывалъ людямъ только внѣшнюю разгульную сторону свою, то, что нѣмцы называютъ Galgenhumor. Это — шутки и юморъ человѣка, идущаго на смерть и не желающаго, чтобы видѣли, что душа его смертельно поражена. Извѣстно,—и я буду имѣть случай указывать на это,—что Лермонтовъ дурачился самымъ непозволительнымъ образомъ, что онъ выкидывалъ легкомысленнѣйшія штуки въ то время, какъ его занимали самыя серьезныя мысли. Только бумагѣ довѣрялъ онъ бесѣды съ своимъ лучшимъ *я*. Немногіе заглянули въ его душу.

Свое горе по отцѣ онъ тоже ввѣрялъ лишь бумагѣ. Къ отцу, очевидно, относятся двѣ пьесы въ тетради 1831 года. Первая пьеса содержитъ въ себѣ то же, что составляетъ главный мотивъ въ драмѣ «Люди и Страсти». Чувствуя горькую судьбу отца, онъ ощущаетъ и горечь своей судьбы: «мы оба,—говоритъ онъ,—стали жертвою страданья». Смертью прерванная связь тяготитъ сына; ему хочется общенія съ отцомъ и за дверями гроба. Но есть ли откликъ? Есть ли въ отцѣ, умершемъ, пониманіе, есть ли чувство? [т. I стр. 200].

Другая пьеса, писанная одновременно съ описываемыми событіями, дышетъ полною безнадежностью, полнымъ трагизмомъ. Жизнь мрачно глянула на юнаго поэта и вызвала въ немъ убѣжденіе, что онъ призванъ на несчастіе и горе.

Я сынъ страданья; мой отецъ
Не зналъ покоя по конецъ;

Въ слезахъ угасла мать моя;
Отъ нихъ остался только я,
Ненужный членъ въ пиру людскомъ,
Младая вѣтвь на пнѣ сухомъ:
Въ ней соку нѣтъ, хоть зелена,
Дочь смерти,—смерть ей суждена[1]. [т. I стр. 201].

Странно, что мы въ тетрадяхъ нигдѣ не находимъ чего-либо, что имѣло бы отношеніе къ бабушкѣ, кромѣ, конечно, того, что встрѣчается въ драмѣ «Люди и Страсти». Нигдѣ не высказалась горячая симпатія къ ней, словомъ, что либо подобное тому, что чувствовалъ онъ къ отцу. Или это случайность?... Что Лермонтовъ былъ очень внимателенъ къ бабушкѣ, извѣстно. На слово его старушка всегда могла положиться. Такъ меня завѣряло лицо, близко знавшее Лермонтова, что когда открылась первая на Руси желѣзная дорога въ Царское-Село, то старушка, боявшаяся этого нововведенія, какъ-то разъ вырвала у внука, тогда уже давно гусарскаго офицера, обѣщаніе не ѣздить болѣе по ней. Михаилъ Юрьевичъ свято хранилъ данное слово и ѣздилъ въ Царское-Село, гдѣ стоялъ его полкъ, на тройкахъ.

Другой современникъ и близкій родственникъ Лермонтова разсказывалъ мнѣ, что бабушка такъ дрожала надъ внукомъ, что всегда, когда онъ выходилъ изъ дому, крестила его и читала надъ нимъ молитву. Онъ уже офицеромъ, бывало, спѣшитъ на ученье или парадъ, по службѣ, торопится, но бабушка его задерживаетъ и произноситъ обычное благословеніе, и такъ, бывало, по нѣскольку разъ въ день... Какъ ни трогательна такая любовь, но если подумать о нетерпѣливомъ, горячемъ, лихомъ характерѣ Лермонтова, то легко представить себѣ, что подчасъ онъ долженъ былъ тяготиться этимъ, и можно удивляться, какъ покорно онъ исполнялъ желаніе старухи и, торопясь, все же не упускалъ заходить къ ней прощаться.

---

[1] Ср. что говоритъ о значеніи этихъ стихотвореній для уразумѣнія отношеній сына къ отцу г. Никольскій въ „Русск. Стар." 1873 г. т. VII стр. 564. Въ черновыхъ тетрадяхъ обѣ піесы написаны почти непосредственно другъ за другомъ. Ихъ отдѣляютъ отрывки изъ «Демона», тогда уже занимавшаго поэта.

Да, и слишкомъ большая любовь можетъ быть источникомъ страданій. Елизавета Алексѣевна ревниво любила и дочь, и внука. Невольно спрашиваешь себя, разумна ли была эта чрезмѣрная любовь? Не она ли произвела распрю между женой и мужемъ, а потомъ между отцемъ и сыномъ?... Но страшна была и немезида: бабушка пережила всѣхъ дорогихъ—и мужа, и дочь, и внука, и угасла одна 85 лѣтъ, оплакивая Михаила Юрьевича такъ, что вѣки ея отъ слезъ ослабѣли и сами закрывали глаза, которымъ не суждено было видѣть дорогія черты [1].

ГЛАВА V.

Предки Лермонтова.—Шотландскій бардъ Ѳома Лермонтъ.—Русская вѣтвь Лермонтовъ.—Тоска по Шотландіи.—Скорбь объ отцѣ и мысли о самоубійствѣ.

Было уже говорено о томъ, какъ печалило Мишу Лермонтова то недружелюбное отношеніе къ отцу его, которое выказывалось ему богатымъ родствомъ бабушки. Родъ Лермонтовыхъ былъ захудалымъ родомъ. Столыпиныхъ родъ шелъ въ гору,—счастье ему улыбалось. Кругъ знакомыхъ и родныхъ бабушки причислялъ себя къ знати. То было время, когда образованность главнымъ образомъ встрѣчалась въ кружкахъ такъ называемаго высшаго общества. Дорого обходилось тогда развитіе, образованіе. Его встрѣчали почти исключительно въ привилегированномъ сословіи богатаго дворянства. Къ нему принадлежали лучшіе люди отъ 20-хъ до 40-хъ годовъ. Многіе изъ «декабристовъ», Хомяковъ, Кирѣевскіе, Аксаковы, Огаревъ, Герценъ, Одоевскій, графъ Вьельгорскій,—пушкинскій кружокъ,—весь длинный рядъ нашихъ дѣятелей примыкалъ къ высшему слою. Людямъ изъ бѣднаго или средняго сословія, какъ Бѣлинскій, приходилось тяжело. Извѣстно, какъ Пуш-

---

1 Изъ сообщеній А. И. Шанъ-Гирея.

кинъ страдалъ захудалостью своего рода. Стремленіе занять положеніе среди высшаго круга нельзя считать лишь слабостью, недостойною его генія. Въ наше время, когда развитіе и образованность уже далеко не составляютъ достоянія «высшаго круга», а скорѣе пріютились въ среднемъ сословіи нашемъ (если вообще мыслимо говорить у насъ о сословіяхъ),—трудно представить себѣ, почему наши лучшіе писатели рвались въ среду нашихъ аристократовъ, часто весьма неохотно открывавшихъ имъ доступъ къ себѣ. Намъ кажется недостойнымъ генія ихъ, когда люди, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ, стоя далеко выше людей аристократическаго салона, сѣтовали на то, когда двери его не раскрывались передъ ними съ подобающею предупредительностью. Ихъ бѣсило, когда люди, пользовавшіеся исключительно случайностью своего происхожденія, безъ всякой личной заслуги, кичились передъ ними. Глубоко и заслуженно презирая этихъ людей, они все-таки рвались въ салонъ, порогъ къ которому заграждался имъ именно этими ничтожными людьми, бывшими лишь хористами на подмосткахъ сцены аристократизма. Изъ біографіи Пушкина мы знаемъ, какими препятствіями преграждали эти ничтожные статисты путь нашего славнаго поэта. То же испытывалъ и Лермонтовъ. Стóитъ вспомнить для примѣра усилія графа Соллогуба—«аристократа» и тогда «много обѣщавшаго писателя»—въ повѣсти «Большой свѣтъ» описать Лермонтова ничтожнымъ человѣкомъ, пробирающимся въ кругъ петербургской знати. Почтенный, позднѣе вполнѣ и по заслугамъ оцѣненный авторъ выставляетъ Лермонтова въ образѣ бѣдняка, армейскаго офицера, играющаго жалкую роль прихвостня аристократическаго денди Софьева, въ которомъ онъ рисовалъ Монго Столыпина, друга и товарища нашего поэта [1].

---

[1] См. «Сочин. Соллогуба», т. I, и «Воспоминанія графа В. А. Соллогуба». Москва 1866 г., стр. 64 [оттискъ изъ Рус. Арх. 1865 г.], гдѣ говорится между прочимъ: «Свѣтское значеніе Лермонтова я изобразилъ подъ именемъ Леонина въ моей повѣсти «Большой свѣтъ».—О значеніи писаній графа Соллогуба по поводу Лермонтова будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ.

Лермонтовъ отлично чувствовалъ всю тяжесть отношенія «свѣта» къ захудалымъ родамъ и высказалъ это въ знаменитомъ своемъ стихотвореніи «На смерть Пушкина»:

„..... А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе *обломки*
Игрою счастія обиженныхъ родовъ“ и т. д.

Эту обиду, нанесенную его захудалому роду, Лермонтовъ въ дѣтствѣ чувствовалъ еще сильнѣе, потому что подъ нею страдалъ любимый имъ отецъ.

Вотъ почему мальчикъ такъ много мечталъ о прошломъ величіи своего рода. Сначала, какъ мы видѣли, онъ производилъ его отъ испанскаго «дюка Лерма» [см. главу III настоящей біографіи], потомъ узналъ и кое-что о происхожденіи своемъ отъ шотландской фамиліи Лермонтовъ.

Фамилія шотландскихъ предковъ нашего героя сохранилась и до сихъ поръ въ Шотландіи, въ графствѣ Эдинбургъ, гдѣ живутъ Лермонты въ помѣстьи Динъ [Dean]. По шотландскимъ преданіямъ, фамилія Лермонтовъ восходитъ къ XI вѣку. [1] Въ это время Лермонты или уже находились въ Шотландіи, или, вѣрнѣе, пришли туда изъ Англіи вмѣстѣ съ королемъ Малькольмомъ. Малькольмъ, какъ гласятъ древнія хроники, бѣжалъ въ Англію, когда отецъ его, Дунканъ, былъ умерщвленъ Макбетомъ. Тамъ онъ собралъ вокругъ себя бѣжавшихъ изъ Шотландіи тановъ и, получивъ помощь отъ англійскаго короля Эдварда, двинулся противъ узурпатора. Побѣдивъ Макбета, павшаго въ сраженіи отъ руки Макдуффа, Малькольмъ въ 1061 г. короновался въ Сканѣ, а затѣмъ созвалъ парламентъ въ Форферѣ. Около Форферы находится холмъ, именуемый «Сапож-

---

[1] Относительно родословной Лермонтовыхъ, равно какъ и извѣстій о шотландскихъ предкахъ его, ссылаемся на обстоятельную статью г. Никольскаго въ Русской Старинѣ 1873 г., т. VII, стр. 547, и т. VIII, стр. 810. Статья Рольстона въ «The Athenaeum» 15 sept 1873 передаетъ содержаніе статьи г. Никольскаго. См. тоже замѣтку Данилевскаго въ Русскомъ Архивѣ 1875 г., книга III, стр. 107.

нымъ холмомъ» [Boot-hill]. По преданію, холмъ этотъ составился вслѣдствіе обычая, по которому вассалы, въ знакъ подданства, приносили своему ленному владѣльцу сапогъ земли изъ своихъ помѣстьевъ. Здѣсь-то Малькольмъ возвратилъ приверженцамъ своимъ земли, отнятыя отъ нихъ Макбетомъ, а пришлецовъ изъ Франціи, Англіи и другихъ странъ, присоединившихся къ нему, одарилъ владѣніями. Онъ возводилъ ихъ въ графское, баронское или рыцарское достоинство и многіе стали затѣмъ именоваться по имени полученныхъ помѣстій. Такимъ образомъ тогда появилось много новыхъ шотландскихъ фамилій. Между одаренными приверженцами Малькольма упоминается и *Лермонтъ*. Лермонтъ получилъ помѣстье Рэрси [Rairsie], и нынѣ находящееся въ графствѣ Файфъ въ Шотландіи, но уже не въ рукахъ фамиліи Лермонтовъ. Шекспиръ въ извѣстной своей трагедіи воспользовался, почти дословно, разсказомъ хроники, и предокъ нашего поэта легко бы могъ попасть въ число называемыхъ драматургомъ шотландскихъ фамилій, назови Шекспиръ еще двухъ, трехъ тановъ.

Другой извѣстный англійскій писатель, Вальтеръ-Скоттъ, написалъ балладу въ трехъ частяхъ: «Пѣвецъ Ѳома» [«Thomas the Rimer»], въ коемъ изображается одинъ изъ предковъ Михаила Юрьевича, шотландскій бардъ Лермонтъ. Этотъ Ѳома Лермонтъ жилъ въ замкѣ своемъ, развалины коего и теперь еще живописно расположены на берегахъ Твида, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ слiянія его съ Лидеромъ. Развалины эти носятъ еще названіе башни Лермонта [Learmonth Tower]. Не далеко отъ этого поэтическаго мѣста провелъ Вальтеръ-Скоттъ дѣтство свое и здѣсь построилъ себѣ замокъ, знаменитый Абботсфортъ. Въ окрестностяхъ еще жили преданія о старомъ бардѣ, гласившія, что Ѳома Эрсильдаунъ, по фамиліи Лермонтъ, въ юности былъ унесенъ въ страну фей, гдѣ и пріобрѣлъ даръ вѣдѣнія и пѣсенъ, столь прославившихъ его впослѣдствіи. Послѣ семилѣтняго пребыванія у фей Ѳома возвратился на родину и тамъ изумлялъ своихъ соотечественниковъ даромъ прорицанія и пѣсенъ. За нимъ осталось названіе пѣвца и пророка. Ѳома предсказалъ шотландскому королю Александру III-му смерть наканунѣ событія, стоившаго ему жизни. Верхомъ на

лошади король черезчуръ близко подъѣхалъ къ пропасти и сброшенъ былъ испуганнымъ конемъ на острыя скалы.

Въ поэтической формѣ изложилъ Ѳома предсказанія будущихъ историческихъ событій Шотландіи. Пророчества его цѣнились высоко и еще въ 1615 году были они изданы въ Эдинбургѣ. Большою извѣстностью пользовался онъ и какъ поэтъ. Ему приписывается романъ «Тристанъ и Изольда», и народное преданіе утверждаетъ, что по прошествіи извѣстнаго времени царица фей потребовала возврата къ себѣ высокочтимаго барда, и, давъ прощальное пиршество, покинулъ онъ свой замокъ— Эрсильдаунъ. Это прощаніе между прочимъ и описываетъ Вальтеръ-Скоттъ:

«Роскошный пиръ идетъ въ Эрсильдаунѣ. Въ старинномъ залѣ Лермонта сидятъ и рыцари и дамы въ пышныхъ платьяхъ.

«Музыки звуки, пѣсни раздаются, и нѣтъ въ винѣ и элѣ недостатка.

«Вотъ смолкъ веселый пиръ: Ѳома поднялся и лиру, что у фей на состязаньи у эльфовъ выигралъ, настроилъ молча.

«Умолкло всё—движенье, разговоры; отъ зависти блѣднѣютъ министрели; желѣзные на мечъ склонились лорды и слушаютъ:

«И льется пѣсня барда, пророка вѣщаго: въ грядущіе вѣка не отыскать пѣвца, который смогъ бы ту пѣсню повторить.

«Ея обрывки несутся въ даль, въ даль по рѣкѣ временъ, какъ корабля обломки выплывая средь моря бурнаго.

«Поётъ Ѳома товарищей сподвижниковъ Артура, о Мерлинѣ, но болѣе всего о благородномъ Тристанѣ и нѣжной его Изольдѣ.

«Въ поцѣлуѣ страстномъ слилась она съ его послѣднимъ вздохомъ и умерла. Съ его душою къ небу ея душа обнявшись улетѣла... Кому такъ спѣть, какъ пѣснь была имъ спѣта?

«Умолкъ пѣвецъ; затихли звуки лиры, а гости долго за столомъ сидѣли, поникнувъ головами, будто струны, казалось имъ, звенѣли замирая.

«Вотъ въ робкомъ шопотѣ сказалось горе предчувствія тяжелаго: вздыхали не только дамы,—не одна, украдкой, слеза желѣзной рукавицей стерта.

«На волны Лидера, на башни замка спускаются вечерніе туманы—и въ лагерѣ, и въ замкѣ, и въ лачугахъ идутъ ко сну.

«Но вотъ Дугла̀су чудесную приносятъ вѣсть поспѣшно:

«По брегу Лидера оленей бѣлыхъ идетъ чета; и шерсть на нихъ бѣлѣетъ какъ снѣгъ вершинъ.

«Идутъ при свѣтѣ лунномъ, они не торопясь, спокойно, рядомъ.

«Въ обитель Лѐрмонта та вѣсть проникла: Ѳома поднялся съ ложа торопливо.

«Сначала поблѣднѣлъ, какъ воскъ онъ бѣлый, потомъ, какъ воскъ, сталъ красенъ и сказалъ: пробилъ мой часъ, спряглася нить, за мною пришли они!

«Подобно минестрелю повѣсилъ онъ себѣ на шею лиру—и грустно въ ночи струны прозвучали.

«Вотъ вышелъ онъ, но часто, удаляясь, глядѣлъ назадъ на древнюю обитель.

«Блескъ мѣсяца осенняго игралъ на кровляхъ замка; бѣлые туманы съ подножья скалъ тихонько поднимались.

«Прощай отцовъ моихъ обитель,—молвилъ въ послѣдній разъ онъ,—не бывать жилищемъ тебѣ веселія и власти вѣчно!

«Лермонтамъ здѣсь ужь не владѣть землею. Серебристыя струи Лидѐра, скалы и замокъ мой, прощайте!

«Подошли къ нему тихонько бѣлые олени—и съ ними черезъ рѣку онъ въ присутствіи Дугласа удалился.

„Вскочилъ на лошадь вороную Дугласъ, помчался черезъ Лидеръ; летѣлъ быстрѣе молніи, но тщетно,—онъ не нагналъ ихъ. Говорятъ одни, что шествіе чудесное сокрылось въ холмѣ; другіе,—что оно въ долинѣ исчезло ближней.

„Только съ той поры между живыхъ Лермонта не встрѣчали“.

Шотландская фамилія Лермонтовъ считаетъ Ѳому Лермонта однимъ изъ своихъ предковъ, но точныхъ свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ всѣхъ членовъ рода въ Шотландіи нѣтъ, что и понятно: при тѣхъ страшныхъ смутахъ, которыя переживала не разъ Шотландія, трудно прослѣдить исторію отдѣльной фамиліи. За то у насъ на Руси сохранились вѣрныя данныя о той отрасли Лермонтовъ, которая прибыла къ намъ изъ Шотландіи. Историческое значеніе преданія о связи фамиліи Лермонтовъ съ испанскимъ герцогомъ Лермой сомнительно. [1]

[1] Свѣдѣнія данныя объ этомъ Ив. Ник. Лермантовымъ [Русская Старина 1873 г., кн. VII, стр. 392] оказываются невѣрными. Сообщеніе сдѣлано имъ, впрочемъ, по памяти, на основаніи двухъ записокъ, сгорѣвшихъ въ 1842 году. Ср. ст. Никольскаго [тамъ же, на стр. 558, примѣч. 1-е]. Гербъ русскихъ Лермонтовыхъ, по изысканіямъ г. Никольскаго, сходенъ съ гербомъ шотландскихъ Лермонтовъ.—Относительно герба смотр. общій гербовникъ дворянскихъ родовъ Россійской имперіи, т. IV. стран. 102. «Въ щитѣ, имѣющемъ золотое поле, находится черное стропило съ тремя на немъ золотыми четвероугольниками, а подъ стропиломъ черный цвѣтокъ. Щитъ увѣнчанъ обыкновеннымъ дворянскимъ шлемомъ съ дво-

Въ XVII вѣкѣ во время смутъ въ Шотландіи одинъ изъ Лермонтовъ покинулъ страну. По дошедшимъ до насъ даннымъ, это былъ Юрій [Георгій] Андреевичъ Лермонтъ, основатель русской отрасли Лермонтовыхъ. Выѣхалъ онъ изъ Шкотской земли сначала въ Польшу, оттуда на Бѣлую [городъ Смоленской губерніи] и потомъ уже прибылъ въ Москву еще до 1621 г., потому что уже въ этомъ году царь Михаилъ Ѳедоровичъ даритъ его 8-ю деревнями и пустошами въ Галицкомъ уѣздѣ, въ Заблоцкой волости. По указу царя, Лермонту было велѣно обучать «рейторскому строю новокрещенныхъ нѣмцевъ стараго и новаго выѣзда, равно и татаръ».

Юрій Андреевичъ именуется поручикомъ [или ротмистромъ], и уговоръ съ нимъ былъ заключенъ бояриномъ Иваномъ Борисовичемъ Черкасскимъ. [1]

У Юрія Андреевича было три сына: Вилимъ [Вильямъ], Петръ и Андрей. Только средній оставилъ потомство. Этотъ Петръ Юрьевичъ былъ въ 1656 году, указомъ царя Алексѣя Михайловича, сдѣланъ воеводою Саранска, да велѣно было вѣдать «по чертѣ» иные города и пригородки. У него опять былъ сынъ Евтихій или Юрій, что одно и то же. Во-первыхъ на Руси двойственность имени не была рѣдкостью, а во вторыхъ, дѣти Евтихія называются въ родословной Юрьевичами. Этотъ Евтихій или *Юрій* былъ въ 1679 году царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ пожалованъ стряпчимъ, а въ 1682 году стольникомъ,

---

рянскою короною. Намэтъ на щитѣ золотой, подложенный краснымъ; внизу щита девизъ: «Sors mea—Jesus» [жеребій мой—Іисусъ]. Гербъ шотландскихъ Лермонтовъ представляетъ также на золотомъ полѣ черное стропило съ тремя золотыми ромбами, но безъ чернаго цвѣтка подъ стропиломъ, зато на щитѣ нашлемникъ съ розою, которая въ позднѣйшее время была замѣнена пурпуровымъ голубемъ съ масличною вѣтвью. Девизъ: «Dum spiro, spero» [пока дышу, надѣюсь].

[1] Такимъ образомъ невѣрно, что шотландецъ Лермонтъ былъ для формированія рейторскихъ полковъ вызванъ при Алексѣѣ Михайловичѣ около 1659 года, какъ говорится о томъ въ «Исторіи лейбъ-гвард. кирасирск. полка», сост. Барановскимъ [глава I, стр. 2, примѣч. 3]. Замѣчательно, что тогда положено было, чтобы первые три штабъ-офицерскіе чина занимать лишь офицерами изъ иностранцевъ, [тамъ же и Русская Стар. 1873 г., кн. VII, стр. 550].

и эту должность исправлялъ еще въ 1692 и 1703 годахъ [1]. Затѣмъ мало-по-малу родъ захудалъ, хотя иногда мы и встрѣчаемся съ представителями этой фамиліи въ различныхъ историческихъ актахъ. Замѣчательно, что старшіе сыновья всегда назывались по дѣду, такъ что мы постоянно встрѣчаемъ то Петра Юрьевича, то Юрія Петровича. Поэтъ нашъ былъ послѣднимъ представителемъ старшей линіи и происходилъ отъ Лермонта, «выходца изъ Шкотской земли», въ восьмомъ колѣнѣ. По традиціямъ семьи, онъ долженъ бы называться по отцу—Петромъ, но бабушка Арсеньева настояла на томъ, чтобъ его назвали Михаиломъ—по дѣду съ материнской стороны.

Фамилія Лермонтова должна оффиціально писаться черезъ *а*—потому, что такъ записана эта фамилія въ актахъ и гербовникѣ. Правильнѣе же писать черезъ *о*, какъ пишется шотландская вѣтвь. Если родоначальника русскихъ Лермонтовыхъ, шотландца Лермонта, въ древнихъ актахъ пишутъ черезъ *а*, то это можно объяснить московскимъ аканьемъ, тѣмъ болѣе,

---

1 Въ «Запискахъ стариннымъ службамъ русскихъ благородныхъ родовъ, составленныхъ Матвѣемъ Спиридоновымъ» [Руск. Импер. Публ. Библ. въ 15 ч., 55 отд., подъ № MMCCCLVI], показаны: Евтихій Петровичъ 159 стольникомъ, а Петръ Петровичъ 45 отставнымъ стольникомъ. Оба брата, Евтихій и Петръ, представили родословную роспись свою въ 1698 г. февраля 10-го дня. Изъ разряднаго архива справка была позднѣе выдана потомкамъ Лермонта для представленія отъ 1-го апрѣля 1799 года въ сенатъ. У Евтихія были 3 сына: Петръ, Матвѣй, Яковъ, да дочь Ирина.—Никольскій [тамъ же, VII, 552] ошибкою замѣчаетъ, что Петръ Юрьевичъ упоминается подъ 1698 г. Подъ этимъ годомъ упоминается не Петръ Юрьевичъ, а дядя его Петръ Петровичъ, подавшій 10-го февраля 1698 г. подписанную имъ и братомъ Юріемъ родословную роспись. Петръ Юрьевичъ служилъ въ военной службѣ въ чинѣ прапорщика въ 1725 г. Марта 20 онъ былъ отъ императора Петра I присланъ съ порученіемъ къ императрицѣ Екатеринѣ I, которая приказала ему выдать наградныхъ 10 червонцевъ [изъ книги приходо-расходныхъ денегъ императр. Екатерины I, Русск. Архив. 1874 г., т. XII, стр. 530]. Сынъ его Юрій Петровичъ воспитывался кадетомъ въ шляхетскомъ сухопутномъ корпусѣ, гдѣ отличался талантомъ къ рисованію и откуда въ 1745 г. вышелъ по болѣзни съ чиномъ подпоручика [Русск. Архив. 1872 г., т. X., стр. 1852 и 1875; т. XIII, стран. 107]. О сынѣ его Петрѣ Юрьевичѣ, приходящемся дѣдомъ поэту, мы ничего не знаемъ, кромѣ того, что жену его звали Анной Васильевной.—Сынъ ихъ, Юрій Петровичъ, отецъ поэта, родился въ 1787 году. Портреты дѣда и отца находятся въ Лермонтовскомъ музеѣ.

что въ имени Лермонтова имѣется удареніе на первомъ слогѣ. Поэтъ нашъ писалъ имя свое сначала черезъ *а* и уже послѣ сталъ писать на *о*—Лермонтовъ—и подписывался онъ такъ главнымъ образомъ въ печати, подъ своими сочиненіями. И затѣмъ къ концу 30 годовъ сталъ писать черезъ *о* и въ письмахъ, къ тѣмъ же лицамъ адресованныхъ, съ коими прежде писалъ черезъ *а* [1].

Всѣхъ подробностей исторіи своего рода Михаилъ Юрьевичъ не зналъ. Не были онѣ извѣстны и отцу его, который для того, чтобы помѣстить сына въ университетскій пансіонъ, хлопочетъ о внесеніи себя со всѣмъ родомъ въ дворянскую родословную книгу Тульской губерніи [2]. Какіе онъ представилъ документы въ доказательство дворянскаго своего достоинства, мы не знаемъ. Сынъ его, поэтъ нашъ, о шотландскомъ происхожденіи фамиліи своей намекаетъ въ стихотвореніяхъ 30 и 31-го годовъ, такъ что можетъ быть онъ только въ это время узналъ о томъ. Шотландскіе барды, поэзія Оссіана зани-

---

[1] Во всѣхъ дипломахъ, приказахъ и оффиціальныхъ бумагахъ Лермонтовъ писался черезъ *а*. Въ университетѣ и въ юнкерской школѣ до 1835 г. онъ еще и подъ сочиненіями подписывается Лермантовъ. Подъ «Измаилъ-Беемъ» въ рукописи 1832 г. стоятъ еще двѣ подписи: русскими буквами—Лермантовъ и латинскими Lerma; подъ первымъ печатнымъ произведеніемъ «Хаджи Абрекъ» Лермонтовъ подписался черезъ а, [см. т. II, стр. 145]. Также черезъ *а* подписался онъ въ письмѣ къ Марьѣ Александровнѣ Лопухиной, въ декабрѣ 1835 г. [Русск. Арх. 1863 г., стр. 952], тогда какъ въ 1837 году въ письмахъ къ ней же подписывается уже Lermontoff. [Въ Русск. Арх. (1863 г., стр. 956) невѣрно напечатано черезъ *а*]. Ник. Лермонтовъ въ Рус. Старинѣ 1873 г., т. VII, стр. 392, помѣстилъ замѣтку о томъ, какъ писать фамилію Лермонтовъ, и также находитъ, что она должна оффиціально писаться черезъ *а*. Мы этому не противорѣчимъ. Такъ писались и отецъ, и предки Михаила Юрьевича. Онъ же для себя въ мірѣ литературномъ возстановилъ старую шотландскую форму. Такъ и надо писатъ имя нашего поэта, и если иногда, и теперь еще, фамилія его пишется черезъ *а*, то это не вѣрно. Сравни статью г. Никольскаго въ Русск. Стар., стр. 558.

[2] Капитанъ Юрій Петровичъ Лермонтовъ внесенъ въ шестую дворянскую родословную книгу Тульской губ. марта 10 дня 1829 г. по исходящей книгѣ за № 940. См. объ этомъ мое сообщеніе въ Русской Стар. 1882 г. февраль, стр. 469—470. Самый дипломъ подаренъ мною Лерм. Музею.

маютъ его, и, услыхавъ отъ путешественника описаніе могилы Оссіана, онъ вспоминаетъ о Шотландіи, называя ее своею:

Подъ занавѣсою тумана,
Подъ небомъ бурь, среди степей,
Стоитъ могила Оссіана
Въ горахъ *Шотландіи моей.*
Летитъ къ ней духъ мой усыпленный
Родимымъ вѣтромъ подышать...... [т. I, стр. 107].

Вспоминая въ подмосковномъ селѣ Середниковѣ отца, чуткою душой скорбя о соціальномъ приниженномъ положеніи покойнаго и чувствуя себя чужимъ среди богатой родни бабушки, онъ уходилъ душою въ прошлую жизнь предковъ своихъ. 29 іюля 1831 года одинокій сидитъ онъ на бельведерѣ. Мысли далеко уносятся въ глубь временъ. Шотландскіе барды—пѣвцы и бойцы свободы—встаютъ передъ нимъ. Видитъ онъ замокъ предковъ опустѣлымъ среди горъ и, можетъ-быть, образъ Ѳомы Лермонта, воспѣтый Вальтеръ-Скоттомъ, всталъ передъ нимъ, грозный и таинственный. Пронесшійся на западъ черный воронъ, исчезнувшій на вечернемъ небѣ, дальше и дальше увлекаетъ за собою мысли поэта. Тоскливое желаніе настраиваетъ душу, и вотъ въ ней заговорили струны звонкою пѣснью:

Зачѣмъ я не птица, не воронъ степной,
Пролетѣвшій сейчасъ надо мной?
Зачѣмъ не могу въ небесахъ я парить
И одну лишь свободу любить?
На западъ, на западъ помчался бы я,
Гдѣ цвѣтутъ *моихъ предковъ* поля,
Гдѣ въ замкѣ пустомъ, на туманныхъ горахъ,
Ихъ забвенный покоится прахъ.
На древней стѣнѣ ихъ наслѣдственный щитъ
И заржавленный мечъ ихъ виситъ.
Я сталъ бы летать надъ мечомъ и щитомъ—
И смахнулъ бы я пыль съ нихъ крыломъ.
И арфы шотландской струну бы задѣлъ—
И по сводамъ бы звукъ полетѣлъ;
Внимаемъ однимъ и однимъ пробужденъ,
Какъ раздался, такъ смолкнулъ бы онъ.
Но тщетны мечты, безполезны мольбы

Противъ строгихъ законовъ судьбы,—
Межъ мной и холмами отчизны моей
Разстилаются волны морей.
Послѣдній потомокъ отважныхъ бойцовъ
Увядаетъ средь чуждыхъ снѣговъ;
Я здѣсь былъ рожденъ, но не здѣшній душой...
О, зачѣмъ я не воронъ степной!... [т. I, стр. 178].

Да, Михаилъ Юрьевичъ предугалъ: онъ былъ послѣднимъ потомковъ шотладскихъ бойцовъ; но не въ снѣгахъ кончилъ боецъ этотъ жизнь свою, а въ южной странѣ, среди горъ, ставшихъ ему милѣе туманныхъ картинъ на берегахъ Лидера и Твида.

Смерть отца повергла поэта нашего въ скорбь, которую онъ тщательно скрывалъ передъ другими и передъ самимъ собою. Жизнь била въ немъ ключемъ, и ему удавалось поднимать свое настроеніе до рѣзвой веселости, но тѣмъ сильнѣе были минуты скорби. И если въ двухъ автобіографическихъ драмахъ мы находимъ слѣды мыслей о самоубійствѣ, то о томъ же гласятъ многія лирическія стихотворенія того времени. Юноша не мало перенесъ тяжелыхъ душевныхъ мукъ и борьбы. Когда мрачное настроеніе овладѣвало имъ, онъ уходилъ въ уединенныя мѣста—въ лѣсъ, въ поле, на кладбище, или проводилъ безсонныя ночи, глядя сквозь окно въ ночную тьму, а въ головѣ стучала безъисходная мысль покончить съ собою. Покой могилы манилъ его.

Съ такими мрачными думами сидѣлъ онъ у окна своего въ Середниковѣ, когда написалъ свое «Завѣщаніе».

1.

Есть мѣсто близъ тропы глухой,
Въ лѣсу пустынномъ, средь поляны,
Гдѣ вьются вечеромъ туманы,
Осеребренные луной...
Мой другъ, ты знаешь ту поляну!
Тамъ трупъ мой хладный ты зарой,
Когда дышать я перестану.

2.

Могилѣ той не откажи
Ни въ чемъ, послѣдуя закону:

Поставь надъ нею крестъ изъ клену
И дикій камень положи... [Ср. т. I, стр. 181].

Совершенно предаться мрачному настроенію впрочемъ мѣшала поэту не только полная жизни натура его, но и шумное общество окружавшихъ его въ Середниковѣ людей.

ГЛАВА VI.

Жизнь въ Середниковѣ.—Внѣшній видъ Лермонтова.—Вліяніе Байрона и др. — Любовь къ народнымъ русскимъ пѣснямъ. — Дѣтскія забавы. — Интересъ къ серьезному чтенію.—Романтическое настроеніе и жажда любви.—Екатерина Ал. Сушкова.—Наклонность передавать бумагѣ каждую мысль и чувство.—Собственное изображеніе внутренняго своего состоянія.

Когда Лермонтовъ ходилъ учиться въ пансіонъ, бабушка его жила на Молчановкѣ, лѣто же проводила въ подмосковномъ имѣніи покойнаго брата своего, Дмитрія Алексѣевича Столыпина, селѣ Середниковѣ. Оно лежитъ верстахъ въ 20 отъ Москвы, по дорогѣ въ Ильинское, въ прекрасной мѣстности, и принадлежало тогда Екатеринѣ Апраксѣевнѣ Столыпиной, вдовѣ Дмитрія Алексѣевича, замѣчательно образованнаго и развитаго человѣка. Командуя корпусомъ въ южной арміи, завелъ онъ ланкастерскія школы, былъ близокъ къ Пестелю и умеръ скоропостижно въ Середниковѣ, во время арестовъ, послѣ 14 декабря [1]. Въ настоящее время Середниково перешло въ другія руки.

---

[1] Съ семьею Столыпиныхъ находился въ близкихъ отношеніяхъ и Рылѣевъ. Сравн. соч. Рылѣева посланіе къ Столыпиной въ 1825 году.

Не отравляй души тоскою,
Не убивай себя: ты мать;
Священный долгъ передъ тобою...
Прекрасныхъ чадъ образовать.
Пусть ихъ сограждане увидятъ
Готовыхъ пасть за край родной,
Пускай они возненавидятъ
Неправду пламенной душой;

Когда тамъ жила бабушка Лермонтова, то по воскресеньямъ и праздникамъ пріѣзжавшіе сосѣди зачастую оставались у хлѣбосольной и радушной Елизаветы Алексѣевны. Особенно часто собиралось тутъ родство ея. Въ верстахъ четырехъ жили Верещагины, еще ближе, въ Большаковѣ, подруга Сашеньки Верещагиной, Катя Сушкова. Пріятельницы, живя на разстояніи $1\frac{1}{2}$ верстъ, видались иногда по нѣскольку разъ въ день, и Лермонтовъ, спутникъ ихъ еще въ Москвѣ, бывалъ кавалеромъ на разныхъ пикникахъ, катаньяхъ и кавалькадахъ. Дѣвушки, однихъ лѣтъ съ Мишелемъ, чувствовали, какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, свое превосходство. Онѣ считались взрослыми, невѣстами, а онъ — мальчикомъ. Это давали онѣ ему чувствовать и, не смотря на то, что пользовались услугами, все же надъ нимъ потѣшались, шутили, дразнили его. Шестнадцатилѣтняго юношу не могли не бѣсить такого рода отношенія. Онъ обижался и дулся, бѣжалъ ихъ общества, уединялся; но доброе слово шаловливыхъ пріятельницъ вновь привлекало его къ нимъ до новой ссоры и обиды.

Легко можно представить себѣ неловкаго еще не то юношу, не то мальчика, который, несмотря на раннюю зрѣлость, все же находился въ переходномъ возрастѣ. Наружный видъ его соотвѣтствовалъ этому состоянію. Онъ былъ невысокаго роста, довольно плечистъ, съ неустоявшимися еще чертами матоваго, скорѣе смуглаго, лица. Темные волосы, съ свѣтлымъ бѣлокурымъ клочкомъ чуть повыше лба, окаймляли высокое, хорошо развитое чело. Прекрасные большіе умные глаза легко мѣняли выраженіе и не теряли ничего отъ появлявшейся порою золотушной красноты. Слегка вздернутый носъ и большею частью насмѣшливая улыбка, тщательно старавшаяся скрыть мелькавшее изъ-подъ нея выраженіе мягкости или страданія,—вотъ какимъ описываютъ Мишу Лермонтова знавшіе его въ эти годы. [1]

Пусть въ сонмѣ юныхъ исполиновъ
На ужасъ гордыхъ ихъ узримъ,
И смѣло скажемъ: «знайте имъ
Отецъ—Столыпинъ, дѣдъ—Мордвиновъ!»

1 Такимъ описывали мнѣ Лермонтова учившіеся съ нимъ товарищи. Опи-

Въ то время шла въ немъ уже усиленная поэтическая дѣятельность. Образы творенiй, надъ которыми работалъ онъ позднѣе, наполняли его фантазiю: были сдѣланы первые наброски «Демона»; онъ успѣлъ кое-что передумать и пережить; обрывки мыслей, образовъ, типовъ, носясь въ его воображенiи, путались и сливались съ героями произведенiй другихъ поэтовъ. Молодое восторженное настроенiе внезапно смѣнялось мрачнымъ чувствомъ, вскормленнымъ горькими ранними опытами любящаго сердца. Романтизмъ, свойственный его годамъ, да и эпохѣ 30-хъ годовъ, овладѣлъ имъ. Онъ любилъ декламировать изъ Ламартина и Пушкина, задумывался надъ драмами Шиллера, но всего больше начиналъ говорить душѣ его Байронъ. Съ огромнымъ томомъ байроновскихъ творенiй бродилъ молодой поэтъ по уединеннымъ мѣстамъ большаго сада или, обиженный не понимавшими его дѣвушками, удалялся въ свою комнату. Мрачная байроновская муза нашла отголосокъ въ душѣ молодаго, начинавшаго страдать мiровою скорбью, непризнаннаго поэта. Онъ невольно подпадалъ подъ влiянiе этой музы, какъ и подъ влiянiе другихъ; но, подражая британскому поэту, онъ оставался все-таки и тогда уже самимъ собою, своеобразнымъ, какъ даже и въ первыхъ дѣтскихъ опытахъ подражанiя Пушкину. Все, что онъ писалъ, выливалось изъ души, пережившей то, что старался онъ передать въ стройныхъ риѳмахъ своей поэзiи. Онъ занималъ у поэтовъ форму, бралъ даже цѣлые стихи, но только если они отвѣчали его душѣ. Онъ не былъ слѣпымъ подражателемъ: не чужая риѳма и образы руководили имъ, какъ это бываетъ обыкновенно

санiя ихъ сходятся съ тѣмъ, что говоритъ г-жа Хвостова [«Воспоминанiя», стр. 78] Г. Пыпинъ [«Сочин. Лерм.» изд. 1873 года, стр. XVIII, напрасно старается опровергнуть справедливость описанiя г-жи Хвостовой, называя его *каррикатурнымъ*. Каррикатуры въ этомъ портретѣ Лермонтова я не вижу. Г. Пыпинъ ссылается на сообщенiе г. Зиновьева, въ словахъ коего я не вижу противорѣчiя съ описанiемъ Хвостовой. Портретъ Лермонтова съ клокомъ бѣлокурыхъ волосъ видѣлъ я въ Пензѣ у г. Хохрякова. Оригиналъ, кажется, въ саратовскомъ имѣнiи Столыпиныхъ. Вотъ этотъ клокъ и побудилъ многихъ считать Лермонтова бѣлокурымъ. Сравн. замѣтку Лонгинова въ Русской Старин. 1873 г., т. VII, стр. 391.

въ отзывчивыхъ молодыхъ душахъ въ юные годы, воображающихъ себя поэтами,—нѣтъ, онъ бралъ только то, что по духу считалъ своимъ. Великіе поэты служили ему образцами. Подъ ихъ руководствомъ онъ дѣлалъ первые шаги на поприщѣ искусства: такъ художникъ, будь онъ великій Рафаэль, изучая и копируя кисть своего учителя, руководясь ею, рано уже высказываетъ собственную мысль и душу и, будучи подъ вліяніемъ великихъ образцовъ, все же не можетъ быть названъ ихъ подражателемъ. Таковъ былъ и Лермонтовъ. По тетрадямъ видно, какъ быстро онъ усвоивалъ себѣ, что было нужно, какъ пользовался онъ твореніями другихъ поэтовъ для собственнаго совершенствованія и развитія и затѣмъ выходилъ на свою оригинальную дорогу. И чѣмъ болѣе зрѣлъ онъ, тѣмъ менѣе отражалось вліяніе занимавшаго его поэта. Въ тетрадяхъ 1829 года, когда началъ онъ свою поэтическую дѣятельность, мы видимъ концепцію и цѣлыя пѣсни, взятыя у Пушкина. Въ тетрадяхъ 1830—1831 годовъ, когда является вліяніе другихъ поэтовъ и особенно Байрона, Лермонтовъ уже далеко не въ такой степени имъ подчиняется. Не боязливымъ ученикомъ является онъ,—не ученикомъ, подражающимъ мастеру и вводящимъ въ чужое произведеніе нѣкоторые свои мотивы,—нѣтъ, онъ здѣсь уже сознаетъ свои силы. Удивляясь наставнику и учась у него, онъ предъявляетъ смѣло права своей индивидуальности и знаетъ, что, по силѣ дарованія, рано или поздно встанетъ съ нимъ рядомъ, самостоятельнымъ, какъ и онъ, великимъ талантомъ.

Нѣтъ, я не Байронъ, я *другой*,
Еще *невѣдомый* избранникъ,—
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ *русскою душой*.
Я раньше началъ, кончу ранѣ,
Мой умъ не много совершитъ;
Въ душѣ моей, какъ въ океанѣ,
Надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ.
Кто можетъ, океанъ угрюмый,
Твои извѣдать тайны? Кто
Толпѣ мои разскажетъ думы?—
Или поэтъ, или никто!... [1] (т. I, стр. 218).

[1] Въ первый разъ напечатано въ Библіотекѣ для чтенія 1844 г. подъ

Это стихотвореніе, написанное въ альбомъ Сушковой, можетъ быть и было вызвано тѣмъ, что, видя его «неразлучнымъ съ огромнымъ Байрономъ», его дразнили англійскимъ поэтомъ, — говорили, что онъ ему подражаетъ, драпируется въ тогу его. А Лермонтовъ никогда ни въ кого и ни во что не драпировался.

Въ черновыхъ тетрадяхъ этого времени встрѣчается много переводовъ и подражаній Байрону то въ прозѣ, то въ стихахъ. Такъ, онъ работалъ надъ «Гяуромъ», «Беппо», «Ларой» и другими произведеніями англійскаго поэта. [1]

Лермонтовъ тщательно читаетъ жизнь лорда Байрона, написанную Муромъ, что тотчасъ вынуждаетъ его написать стихотвореніе:

заглавіемъ «Въ альбомъ» [изъ альбома г. Сушковой] и приписано къ 1830 г.; во второй разъ напечатано въ томъ же журналѣ въ 1845 году, т. 68, между 11 другими стихотвореніями. Мнѣ удалось отыскать точный списокъ съ тетради Лермонтова, о коей говорилосъ въ Саратовскомъ Листкѣ 1875 г., № 246. Я получилъ тетрадь эту отъ почитателя Лермонтова г. Панафутина въ Пензѣ. Тамъ, подъ № 98, находится стихотвореніе: «Нѣтъ я не Байронъ,—я другой, еще невѣдомый, избранникъ», но оно оканчивается не стихомъ: «кто толпѣ мои разскажетъ думы? *Или поэтъ—или никто!*»... а «*Я—или Богъ, или никто!*»—Былъ у меня въ рукахъ и варіантъ: «*иль геній мой, или никто*». Можетъ-быть первая и третья формы принадлежатъ даже и не Лермонтову, а сдѣланы издателями изъ боязни цензуры, въ то время весьма своеобразно относившейся къ употребленію слова «Богъ» въ печати.

[1] Въ 7-й тетради г. Краевскаго встрѣчаются прозаическіе переводы изъ Байрона: «Darkness». Лермонтовъ былъ въ недоумѣніи, какъ передать это слово: «шракъ» или «тьма», что подало поводъ г. Дудышкину во второй статьѣ: «Ученическія тетради Лермонтова» [Отеч. Зап. 1859 г., кн. 11, стр. 256] видѣть въ прозаическомъ отрывкѣ упражненіе, «заданное учителемъ на тему: синонимы — мракъ и тьма». Подъ вліяніемъ этого стихотворенія написана Лермонтовымъ пьеса «Ночь» [«Сочин.», т. I, стр. 83]. Это, конечно, далеко не переводъ, сдѣланный въ свое время И. С. Тургеневымъ [Петербургъ. Сборникъ Некрасова 1846 г, стран. 501].—Тутъ же Лермонтовъ перевелъ прозою «Napoleons Farwell» и стихами баллады Байрона:

«Берегись, берегись! Надъ Бургосскимъ путемъ
Сидитъ, одинъ черный монахъ»... [т. I, стр. 135].

и «Видѣніе», [стр. 173, и т. IV, стр. 280] и пр.

„Не думай, чтобъ я былъ достоинъ сожалѣнья.
Хотя теперь слова мои печальны,—нѣтъ,
Нѣтъ, всѣ мои жестокія мученья—
Одно предчувствіе гораздо большихъ бѣдъ.

Я молодъ. но кипятъ на сердцѣ звуки
И Байрона достигнуть я-бъ хотѣлъ.
У насъ одна душа, однѣ и тѣ же муки,—
О, еслибъ одинаковъ былъ удѣлъ!

Какъ онъ, ищу забвенья и свободы,
Какъ онъ, *въ ребячествѣ пылалъ ужъ я душой*", и т. д.
[т. I стр. 113].

Юноша такъ увлекался Байрономъ, что постоянно приравниваетъ судьбу его къ своей. Свою раннюю любовь онъ поясняетъ сходствомъ съ нимъ: Сходство видитъ онъ и въ первыхъ пріемахъ проявленія таланта: «Когда началъ я марать стихи въ 1828 году, я какъ бы по инстинкту переписывалъ и прибиралъ ихъ. Они теперь еще у меня. Нынѣ я прочелъ въ жизни Байрона, что онъ дѣлалъ то же самое: это сходство меня поразило». За тѣмъ далѣе онъ пишетъ: «Еще сходство въ жизни моей съ лордомъ Байрономъ: его матери въ Шотландіи предсказала старуха, что онъ будетъ великій человѣкъ и будетъ два раза женатъ; про меня на Кавказѣ старуха предсказала то же самое моей бабушкѣ. Дай Богъ, чтобъ и надо мной сбылось, хотя-бъ я былъ такъ же несчастливъ, какъ Байронъ»[1]. Однако и это вліяніе Лермонтовъ скоро пережилъ и понялъ, что онъ—не Байронъ, а «другой, еще невѣдомый, избранникъ», и избранникъ съ русскою душой. Впрочемъ, о такъ-называемомъ «байронизмѣ Лермонтова» мы еще будемъ говорить. Любопытно, что Лермонтовъ среди увлеченія Байрономъ инстинктивно чувствуетъ необходимость найти противовѣсъ вліянію чужеземнаго писателя и ищетъ его въ родной литературѣ.

---

1 [Соч т. I стр. 117]. Въ Тарханахъ старушки, бывшія дворовыя дѣвушки, разсказывали мнѣ, что, въ первую поѣздку на Кавказъ, бабушку, гулявшую съ внукомъ и Христиной Ремеръ, остановила цыганка. Она предсказала, что Ремеръ умретъ скоро, а Лермонтовъ «приметъ смерть изъ-за спорной жонки». Ремеръ вѣрила въ это предсказаніе и дѣйствительно умерла на Кавказѣ.

Родная литература наша тогда еще мало могла дать ему. Образцовые наши поэты блѣднѣли отъ сравненія съ иностранными, такъ что около того же времени Бѣлинскій могъ говорить о не существованіи русской литературы. Лермонтовъ въ тѣхъ тетрадяхъ, въ коихъ занятъ Байрономъ, какъ бы съ отчаяніемъ восклицаетъ: «Наша литература такъ бѣдна, что я изъ нея ничего не могу заимствовать. Въ пятнадцать же лѣтъ умъ не такъ быстро принимаетъ впечатлѣнія, какъ въ дѣтствѣ, но тогда я почти ничего не читалъ. Однако же если захочу вдаться въ народную поэзію, то вѣрно нигдѣ больше не буду ее искать, какъ въ русскихъ пѣсняхъ». Съ этими пѣснями знакомилъ Михаила Юрьевича учитель русской словесности, семинаристъ Орловъ. Онъ давалъ уроки Аркадію Столыпину, сыну владѣтельницы Середникова, Екатерины Апраксѣевны. Орловъ имѣлъ слабость придерживаться чарочки. Его держали въ черномъ тѣлѣ и не любили, что бы дѣти внѣ уроковъ были въ его обществѣ. Лермонтовъ, который былъ на нѣсколько лѣтъ старше своего родственника, бесѣдовалъ съ семинаристомъ и этотъ «поправлялъ ему ошибки и объяснялъ ему правила русской версификаціи, въ которой молодой поэтъ былъ слабъ»[1]. Часто бесѣды оканчивались спорами. Миша никакъ, конечно, не могъ увлечься красотами поэтическихъ произведеній, которыми угощалъ его Орловъ изъ запаса своей семинарской мудрости, но охотно слушалъ онъ народныя пѣсни, съ которыми тотъ знакомилъ его.

Въ рано созрѣвшемъ умѣ Миши было, однако, много дѣтскаго: будучи въ старшихъ классахъ университетскаго пансіона и много и серьезно читая, онъ въ то же время находилъ забаву въ томъ, чтобы клеить съ Аркадіемъ изъ папки латы и, вооружась самодѣльными мечами и копьями, ходить съ нимъ въ глухія мѣста воевать съ воображаемыми духами. Особенно привлекали ихъ воображеніе развалины старой бани, кладбище и, такъ называемый, «Чортовъ мостъ». Товарищемъ ночныхъ посѣщеній кладбищъ, или уединеннаго, страхъ возбуждающаго, мѣста бывалъ нѣкто Лаптевъ, сынъ семьи, жившей по бли-

---

1 Изъ разсказовъ Аркадія Дмитріевича Столыпина.

зости въ имѣніи своемъ [1]. Описаніе такого ночнаго похода сохранилось тоже въ черновой тетради:

«Середниково.—Въ Мыльнѣ.—Ночью, когда мы ходили попа пугать», гласитъ заглавіе стихотворенія [т. I стр. 182].

Тутъ же рядомъ съ этими стихотвореніями, описывающими ребяческое похожденіе юноши, жаждущаго фантастическихъ, возбуждающихъ нервы впечатлѣній, мы находимъ слѣды серьезной мысли и серьезнаго чтенія. Такъ Лермонтовъ, читая «Новую Элоизу» Руссо, дѣлаетъ по поводу ея критическія замѣтки и сравненія съ «Вертеромъ» Гете [т. I стр. 183].

И такъ, и Байронъ, и Руссо, и Гете занимали умъ юноши въ то время, какъ фантазія прибѣгала къ самымъ страннымъ средствамъ для удовлетворенія жажды сильныхъ ощущеній.

Тревога душевная и романтическое настроеніе искали себѣ выхода въ сердечной привязанности. Мы видѣли, какъ рано началъ Лермонтовъ жить сердцемъ. Еще неясный для него языкъ страстей встревожилъ десятилѣтняго мальчика. Ранняя чувствительность, сентиментализмъ эпохи, прирожденная чуткость души и образы разныхъ героевъ и героинь изъ прочитаннаго—все это волновало воображеніе. Къ тому же окружалъ его преимущественно женскій міръ. Жажду любви мальчикъ переносилъ съ одного предмета на другой, увлекаясь то въ ту, то въ другую сторону. Услужливое живое воображеніе рисовало ему въ разномъ свѣтѣ встрѣчаемые имъ типы дѣвушекъ, и самому юношѣ трудно было отдать себѣ отчетъ въ волновавшихъ чувствахъ, уразумѣть, что было болѣе истиннымъ, что преходящимъ, минутнымъ увлеченьемъ.

Къ стихотворенію «Къ Генію», писанному въ 29 году, рукою Лермонтова сдѣлана приписка: «Напоминаніе о томъ, что было въ Ефремовской деревнѣ въ 1827 году, гдѣ я во второй разъ полюбилъ 12-ти лѣтъ и понынѣ люблю». Кто была эта вторая страсть поэта, мы частью можемъ догадываться изъ одной замѣтки въ тетради 30 года: «Мнѣ 15 лѣтъ... Я однажды [3 года назадъ] укралъ у одной дѣвушки, которой было 17 лѣтъ, и потому безпредѣльно любимой мною, бисерный синій снурокъ;

---

1 Изъ разсказовъ А. Д. Столыпина.

онъ и теперь у меня хранится. Кто хочетъ узнать имя дѣвушки, пускай спроситъ у двоюродной сестры моей.—Какъ я былъ глупъ!» [1]—Кто же была эта двоюродная сестра? У Лермонтова было много родственницъ, которыя всѣ слыли за двоюродныхъ сестеръ его. Что могутъ значить слова: «какъ я былъ глупъ»! Не сказаны ли они въ порывѣ острой боли, или минутнаго очарованія? Во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что и эта, по выраженію самого поэта, «вторая любовь», длившаяся три года, сильно тревожила и наполняла душу его; но въ 1830 году она уже кончилась. Что дѣвушка имъ любимая была близкою родственницей, и именно сестрой, ясно видно изъ цѣлаго ряда произведеній того времени. Въ драмѣ «Люди и Страсти» выводится любовь Юрія Волина къ двоюродной сестрѣ его Любови. Въ «Юношеской повѣсти» мы то же видимъ любовь Вадима къ сестрѣ и отсутствіе взаимности дѣлаетъ Вадима дурнымъ, развиваетъ въ немъ демоническія черты. Въ этихъ двухъ образахъ—Юріи Волинѣ и Вадимѣ—Лермонтовъ по преимуществу рисовалъ самого себя. Оба произведенія принадлежатъ къ одной эпохѣ; въ обоихъ, особенно въ драмѣ, какъ видѣли мы, почти дословно пересказывается дѣйствительно пережитое. Чѣмъ больше вчитываться въ произведенія Лермонтова, чѣмъ больше знакомиться съ душой его, тѣмъ несомнѣннѣе является увѣренность, что какъ разъ въ эти годы, въ которые было положено начало для всей позднѣйшей дѣятельности поэта, вынесъ онъ большую нравственную борьбу. Это нравственное страданіе было связано не только съ трагическою для юноши распрею между отцемъ и бабушкою, но и съ сердечными муками любви. Не даромъ же въ одномъ и томъ же произведеніи описываетъ онъ оба трагическія въ жизни его событія. Этотъ мотивъ несчастной любви, губящій человѣка, замѣчается и въ «Испанцахъ», и въ «Странномъ человѣкѣ», и въ набросках «Демона», въ которомъ потомъ получаетъ новое, еще другимъ эпизодомъ жизни Лермонтова обусловленное, значеніе.

Достойно сожалѣнія, что въ рукописи драмы «Люди и Страсти ихъ» [Menschen und Leidenschaften] невозможно разобрать име-

---

1 Т. I стр 31.

ни, кому посвящена она,—это бы раскрыло и уяснило намъ многое. На заглавномъ листѣ этой драмы, возлѣ тщательно зачеркнутаго имени, Лермонтовъ нарисовалъ перомъ поясной *портретъ дѣвушки подъ деревомъ*. Самое посвященіе тоже знаменательно:

Тобою только вдохновенный,
Я строки грустныя писалъ,—
Не зналъ ни славы, ни похвалъ;
Не мысля о толпѣ презрѣнной,
Одной тобою жилъ поэтъ,
Скрываючи въ груди мятежной
Страданья многихъ, многихъ лѣтъ,
Свои мечты, твой образъ нѣжный.
На зло враждующей судьбѣ.... [т. IV стр. 117].

Въ черновой тетради на томъ же листѣ, гдѣ говорится о любви къ двоюродной сестрѣ, мы находимъ какъ бы дальнѣйшее еще разъясненіе этой любви и намеки на разрывъ. Прежде всего мы читаемъ стихотвореніе: «Дереву»

Давно ли съ зеленью радушной
Передо мной стояло ты,
И я корѣ твоей послушной
Ввѣрялъ любимыя мечты!
Лишь годъ назадъ, ...
Промчался легкій страсти сонъ;
Дремоты флеръ былъ слишкомъ тонокъ,—
Въ единый мигъ прорвался онъ.
И деревцо съ моей любовью
Погибло, чтобы вновь не цвѣсть... [т. I стр. 115].

Вслѣдъ за этимъ, въ видѣ какъ бы примѣчанія къ стихотворенію, Лермонтовъ пишетъ:

„Мое завѣщаніе [про дерево, гдѣ я сидѣлъ съ А. С.]. Схороните меня подъ этимъ сухимъ деревомъ, чтобы два образа смерти предстояли глазамъ вашимъ. Я любилъ, я любилъ подъ нимъ и слышалъ волшебное—*люблю*, которое потрясло судорожнымъ движеніемъ каждую жилу моего сердца. Въ то время это дерево еще цвѣтущее, при свѣжемъ вѣтрѣ, покачало головой и шепотомъ молвило: „безумецъ, что ты дѣлаешь“? [Оно засохло]. Время постигло мрачнаго свидѣтеля радостей человѣческихъ прежде меня.

Я не плакалъ, ибо слезы есть принадлежность тѣхъ, у которыхъ есть надежды, но тогда же взялъ бумагу и сдѣлалъ слѣдующее завѣщаніе: „Похороните мои кости подъ этой сухою яблоней, положите камень—и пускай на немъ ничего не будетъ написано, если одного имени моего не довольно будетъ доставить ему безсмертіе...“[1].

Такъ Лермонтовъ ввѣрялъ бумагѣ каждое движеніе души, большею частію выливая ихъ въ стихотворную форму. Онъ всюду накидывалъ обрывки мыслей и стихотвореній. Каждымъ попадавшимъ клочкомъ бумаги пользовался онъ, и многое погибло безвозвратно.

«Подбирай, подбирай,—говорилъ онъ шутя своему человѣку, найдя у него бумажные обрывки со своими стихами,—современемъ большія будутъ деньги платить, богатъ станешь». Когда не случалось подъ рукою бумаги, Лермонтовъ писалъ на столахъ, на переплетѣ книгъ, на днѣ деревяннаго ящика,—гдѣ попало[2].

Гоголь говаривалъ, что писатель долженъ, какъ художникъ, постоянно имѣть при себѣ карандашъ и бумагу. Плохо, если пройдетъ день, и художникъ ничего не набросаетъ. Плохо и для писателя, если онъ пропуститъ день, не записавъ ни одной мысли, ни одной черты,—надо въ себѣ поддерживать умѣнье выливать въ форму думы свои[3].

Этотъ рецептъ, рекомендованный Гоголемъ каждому писателю, Лермонтовъ выполнялъ вполнѣ. Онъ даже самъ подтрунивалъ надъ «этою смѣшною страстью своею всюду оставлять

---

[1] «Сочиненія Лермонтова», т. I стр. 115. Про эту замѣтку г. Дудышкинъ [«Учен. тетр.», стр. 248] говоритъ: «Есть въ тетради VI замѣтка, которая касается біографіи автора и въ то же время объясняетъ позднѣйшее его превосходное стихотвореніе: «Выхожу одинъ я на дорогу»... Удивительное сближеніе!!—

[2] О томъ, что Лермонтовъ шутя совѣтовалъ подбирать исписанные листы, разсказывалъ мнѣ въ Тарханахъ сынъ лермонтовскаго камердинера со словъ отца своего. Другой человѣкъ Лермонтова разсказывалъ, какъ, посѣщая барина на гауптвахтѣ въ Петербургѣ, онъ видѣлъ исписанными всѣ стѣны, «начальство за это серчало—и М. Ю. перевели на другую гауптвахту».

[3] Изъ разсказовъ о Гоголѣ, сообщенныхъ мнѣ А. О. Смирновой въ 1867 г. въ Женевѣ.

слѣды своего существованія»[1], а въ тетрадяхъ 30-го года пишетъ—очевидно, самому себѣ—«Эпитафію плодовитому писакѣ»: «Здѣсь покоится человѣкъ, который никогда не видалъ передъ собою бѣлой бумаги».

Хотя Лермонтовъ и похоронилъ любовь свою «подъ сухою яблонью», однако оставаться съ незанятымъ сердцемъ было не въ его характерѣ, пылкомъ и увлекающемся. Кѣмъ-то изъ окружавшихъ его дѣвушекъ поэтъ увлекся, но не надолго. Среди лѣта 30-го года онъ пишетъ:

Никто, никто не усладилъ
Въ изгнаньи семъ тоски мятежной.
Любить?—*три раза я любилъ,*
Любилъ три раза безнадежно.... [т. I стр. 117].

По увѣреніямъ Екатерины Александровны Хвостовой, она въ это лѣто стала предметомъ любви Лермонтова. Что это увѣреніе не лишено основанія, мы видимъ изъ того, что самъ Михаилъ Юрьевичъ, позднѣе, въ одномъ письмѣ, говоритъ объ Екатеринѣ Александровнѣ: «... было время, когда она мнѣ нравилась...» [т. V стр. 402]. Но какъ долго это длилось и насколько серьезно было чувство, это—вопросъ другой.

У бабушки Арсеньевой въ Середниковѣ гостили зачастую знакомые, сосѣди и пріѣзжіе изъ Москвы. Сюда пріѣзжали Лопухины: три сестры и братъ Алексѣй Александровичъ, съ коимъ Лермонтовъ и прежде и послѣ оставался въ самой искренней дружбѣ. Гащивали и сестры Бахметевы; бабушка пріютила этихъ небогатыхъ дѣвушекъ, и съ одной изъ нихъ, съ Софьей Александровной, Лермонтовъ былъ особенно близокъ. Съ живіпею по сосѣдству двоюродной сестрой своей, Александрой Михайловной Верещагиной, Лермонтовъ тоже былъ очень друженъ и посвятилъ ей не мало стихотвореній; между прочимъ и поэму свою «Ангелъ смерти». Черезъ нее еще въ Москвѣ познакомился Мишель съ Катей Сушковой.

Въ Середниково пріѣзжали и кузины Столыпины, между коими Анна Григорьевна еще и прежде пользовалась располо-

---

[1] Drôle de passion de laisser partout des traces de son passage! Т. V стр 387].

женіемъ молодаго поэта. Ко всѣмъ имъ онъ писалъ стихи, то прочувствованные и разочарованные, то саркастическіе. Въ черновыхъ тетрадяхъ сохранилось не мало эпиграммъ или посланій къ разнымъ московскимъ роднымъ и знакомымъ. [т. I стр. 53 и д]. Отъ ѣдкихъ, подчасъ, словъ поэта не уберегали себя ни старъ, ни младъ. Страсть къ язвительной и мѣткой насмѣшкѣ, доставившей Лермонтову столько враговъ, рано выказывается въ немъ.

Г-жа Хвостова въ своихъ воспоминаніяхъ упоминаетъ о нѣсколькихъ подобныхъ случаяхъ. «Всякій вечеръ послѣ чтенія затѣвались игры. Тутъ-то отличался Лермонтовъ. Одинъ разъ онъ предложилъ намъ сказать всякому изъ присутствующихъ, въ стихахъ или прозѣ, что-нибудь такое, чтобы приходилось кстати. У Лермонтова былъ всегда злой умъ и рѣзкій языкъ и мы, хотя съ трепетомъ, но согласились выслушать его приговоръ. Онъ началъ съ Сашеньки Верещагиной:

„Что можно наскоро стихами молвить ей?
Мнѣ истина всегда дороже;
Подумать не успѣвъ: ты всѣхъ милѣй!
Подумавъ, я скажу все то же“.

...Катѣ Сушковой (т. е. самой г-жѣ Хвостовой) Лермонтовъ сказалъ четырехстишіе съ намекомъ на прекрасную ея косу:

„Вокругъ лилейнаго чела
Ты косу дважды обвила;
Твои плѣнительныя очи
Яснѣе дня, чернѣе ночи“ [1].

Къ обыкновенному нашему обществу, разсказываетъ г-жа Хвостова, присоединился въ этотъ вечеръ родственникъ Лермонтова. Его звали Иваномъ Яковлевичемъ; онъ былъ глупъ и рыжъ и на свою же голову обидѣлся тѣмъ, что Лермонтовъ ничего ему не сказалъ. Не ходя въ карманъ за острымъ словцомъ, Мишель скороговоркой проговорилъ ему: «Vous êtes Jean, vous êtes Jacques, vous êtes roux, vous êtes sot et cependant voue n'êtes point Jean-Jacques Rousseau».

---

[1] Оба стихотворенія, о коихъ г-жа Сушкова говоритъ на стр. 90, оказываются принадлежащими Пушкину [т. I, стр. 379].

Еще была тутъ одна барышня, сосѣдка Лермонтова по чембарской деревнѣ, и упрашивала его не терять словъ для нея и для воспоминанія написать ей хоть строчку правды для ея альбома. Онъ ненавидѣлъ попрошаекъ и чтобъ отдѣлаться отъ ея настойчивости сказалъ: «ну, хорошо, дайте листъ бумаги, я вамъ выскажу правду». Сосѣдка поспѣшно принесла бумагу и перо и онъ началъ:

„Три граціи...»

Барышня смотрѣла черезъ плечо на рождающіяся слова и воскликнула:

— Михаилъ Юрьевичъ, безъ комплиментовъ, — я правды хочу!

— Не тревожьтесь, будетъ правда, — отвѣтилъ онъ и продолжалъ:

„Три граціи считались въ древнемъ мірѣ.
Родились вы, — все три, а не четыре!"

За такую сцену можно было бы платить деньги. Злое торжество Мишеля, душившій насъ смѣхъ, слезы воспѣтой и утѣшенія Jean-Jacques'а — все представляло комическую картину.

Въ черновыхъ тетрадяхъ тоже находятся попытки саркастическаго отношенія къ лицамъ, встрѣчаемымъ поэтомъ. Къ четырехстишію: «Моя мольба» Лермонтовъ дѣлаетъ приписку: «писано послѣ разговора съ одной очень мнѣ извѣстной старухой, которая восхищалась и читала и плакала надъ Грандисономъ».

Да охранюся я отъ мушекъ,
Отъ дѣвъ, не знающихъ любви,
Отъ дружбы слишкомъ нѣжной и —
Отъ романтическихъ старушекъ [т. I, стр. 126].

Не безъ сарказма, по свидѣтельству самой Екатерины Алексѣевны [«Записки», стр. 92], относился Лермонтовъ и къ ней. Разъ утромъ онъ послалъ m-lle Сушковой стихотвореніе. На сложенной сѣренькой бумажкѣ было написано: «Ей правда». Развернувъ, она прочла:

ВЕСНА.

Когда весной разбитый ледъ
Рѣкой взволнованной идетъ,
Когда среди полей мѣстами
Чернѣетъ голая земля
И мгла ложится облаками
На полу-юныя поля,—
Мечтанье злое грусть лелѣетъ
Въ душѣ неопытной моей,
Гляжу: природа молодѣетъ,
Не молодѣть лишь только ей....

[Т. I, стр. 126].

Что г-жа Хвостова, тогда еще m-lle Сушкова, нравилась поэту, отвергать, уже на основаніи вышеприведеннаго признанія самого Лермонтова, конечно, нельзя. Но, повторяю, какъ долго длилось увлеченіе и была ли это любовь, или только мимолетная симпатія—вотъ вопросъ? Мнѣ кажется, что г-жа Хвостова въ запискахъ своихъ склонна преувеличивать немного страсть поэта. Я говорю пока о первой встрѣчѣ съ нею. О томъ, что было, когда онъ уже офицеромъ, а не мальчикомъ, увидалъ ее, будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Рядъ стихотвореній, даже цѣлая тетрадь, или альбомъ, переданный мальчикомъ-поэтомъ дѣвушкѣ, ничего еще не доказываетъ. Лермонтовъ въ то время многимъ знакомымъ и роднымъ ему барышнямъ переписывалъ стихи свои, или посвящалъ имъ цѣлыя поэмы.

„Голова Лермонтова была набита,—по выраженію все той же г-жи Хвостовой,—романтическими идеями, и рано было развито въ немъ желаніе попасть въ губители сердецъ“.

Онъ платилъ дань общему тогда направленію молодежи. Это свидѣтельство скорѣе говоритъ противъ существованія тогда серьезной привязанности къ разскащицѣ.

Сама Екатерина Алексѣевна въ то время подсмѣивалась надъ юношей-поэтомъ вмѣстѣ съ подругой своей, Сашенькой Верещагиной:

„Очень подсмѣивались мы надъ нимъ въ томъ, что онъ не только былъ неразборчивъ въ пищѣ, но никогда не зналъ, что ѣлъ—

телятину или свинину, дичь или барашка. Мы говорили, что, пожалуй, онъ современемъ, какъ Сатурнъ, будетъ глотать булыжникъ. Наши насмѣшки выводили его изъ терпѣнія; онъ спорилъ съ нами почти до слезъ, стараясь убѣдить насъ въ утонченности своего гастрономическаго вкуса; мы побились объ закладъ, что уличимъ его въ противномъ на дѣлѣ. И въ тотъ же самый день, послѣ долгой прогулки верхомъ, велѣли мы напечь къ чаю булочекъ съ опилками, и что же?—Мы вернулись домой утомленные, голодные, съ жадностью принялись за чай, а нашъ-то гастрономъ Мишель, не поморщась, проглотилъ одну булочку, принялся за другую и уже придвинулъ къ себѣ третью, но Сашенька и я—мы остановили его за руку, показывая въ то же время на неудобоваримую для желудка начинку. Тутъ не на шутку взбѣсился онъ, убѣжалъ отъ насъ и не только не говорилъ съ нами ни слова, но даже и не показывался нѣсколько дней, притворившись больнымъ".

Въ другомъ мѣстѣ говорится: „Сашенька и я обращались съ Лермонтовымъ какъ съ мальчикомъ, хотя и отдавали полную справедливость его уму. Такое обращеніе бѣсило его до крайности,—онъ домогался попасть въ юноши въ нашихъ глазахъ..." Съ своей стороны и Лермонтовъ въ долгу не оставался.

Молодежь, толпившаяся въ Середниковѣ, подмѣтивъ въ Катѣ Сушковой слабость заниматься прекрасными своими волосами и черными очами, надъ нею подтрунивала и называла ее «черноокой». Г-жа Хвостова откровенно разсказываетъ: «У меня чудные волосы, и я до сихъ поръ люблю ихъ выказывать; тогда я ихъ носила просто заплетенными въ одну огромную косу, которая два раза обвивала голову». Заглавіе «черноокой» носитъ и одно стихотвореніе Лермонтова, писанное имъ къ Сушковой съ эпиграфомъ:

Твои плѣнительныя очи
Яснѣе дня, чернѣе ночи".

Черновой набросокъ этого стихотворенія сохранился въ тетрадяхъ Лермонтова съ припискою, которая очень уясняетъ и его происхожденіе, и характеръ отношенія мальчика-поэта къ черноокой дѣвушкѣ красавицѣ.

Передъ отъѣздомъ бабушки Арсеньевой изъ Середникова въ Москву, гдѣ Мишель по окончаніи каникулъ долженъ былъ продолжать ученіе, всѣмъ обществомъ собрались въ путь, намѣреваясь посѣтить Сергіевскую лавру и Воскресенскій монастырь.

Надо было подняться рано утромъ. Молодежь рѣшила собраться подъ окнами m-lle Сушковой и разбудить ее пѣніемъ. Мистеръ Кордъ, гувернеръ Аркадія Столыпина, подалъ мысль. Молодежь, говоря между собою по-англійски, называла Екатерину Алексѣевну «Miss black eyes» [черноокою барышней] и повторяла относительно ея стихъ:

Never in our lives
Have we seen such black eyes[1].

Рѣшено было пробудить «черноокую» пѣніемъ этихъ строкъ, и въ назначенный часъ раздалось подъ окномъ ея пѣніе, а потомъ говоръ и клики веселаго кружка. По поводу этого событія и написано было стихотвореніе «Черноокой», поднесенное г-жѣ Сушковой [т. I стр. 123].

Общество пошло на богомолье пѣшкомъ; только бабушка ѣхала впереди въ каретѣ. Весело, смѣясь и болтая, шла молодежь. На четвертый день прибыли въ Лавру. Остановились въ трактирѣ. Умылись, переодѣлись и пошли въ монастырь отслужить молебенъ. На паперти повстрѣчали слѣпаго нищаго. Дряхлою, дрожащею рукой протянулъ онъ деревянную чашку, въ которую спутники стали кидать ему мелкія деньги. Нищій крестился и благодарилъ: «Подай вамъ Богъ счастія,—говорилъ онъ,—господа добрые! Намедни вотъ насмѣялись надо мною, тоже господа молодые,—замѣсто денегъ положили мнѣ камешковъ».

Помолясь въ храмѣ, общество вернулось въ гостинницу пообѣдать и отдохнуть. Всѣ говорили, суетились, только Лермонтовъ, углубившись въ самого себя, не принималъ участія въ общемъ весельи. Онъ стоялъ поодаль на колѣняхъ и, положивъ бумагу на стулъ, что то писалъ. Вѣрный своему обыкновенію, онъ передалъ бумагѣ впечатлѣнія и думы, занимавшія его:

У вратъ обители святой
Стоялъ просящій подаянья,
Безсильный, блѣдный и худой
Отъ глада, жажды и страданья.

1 Никогда въ жизни мы не видали такихъ черныхъ глазъ.

Куска лишь хлѣба онъ просилъ,
И взоръ являлъ живую муку,
И кто-то камень положилъ
Въ его протянутую руку!
Такъ я молилъ твоей любви
Съ слезами горькими, съ тоскою;
Такъ чувства лучшія мои
На вѣкъ обмануты тобою. [т.I стр. 125].

Въ Воскресенскомъ монастырѣ, на стѣнахъ жилища Никона, Лермонтовъ начертилъ два стихотворенія, рисующія занимавшія его думы [т. I стр. 102].

Да, несмотря на внѣшнюю веселость и проказы, грустныя думы таились въ молодой душѣ поэта:

Пора уснуть послѣднимъ сномъ...
Довольно въ мірѣ пожилъ я,
Обманутъ жизнью былъ во всемъ,
И ненавидя, и любя. [I, 203].

Это стихотвореніе писано на оборотѣ послѣдняго листа черновой тетради, принадлежащей къ разсматриваемой эпохѣ. Всего же яснѣе все внутреннее состояніе молодаго поэта, которое старались мы прослѣдить въ этихъ двухъ главахъ, выразилось въ стихотвореніи, писанномъ «11 іюня 1831 г.» и такъ же озаглавленномъ:

Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ
Чудеснаго искала. Я любилъ
Всѣ обольщенья свѣта, но не свѣтъ,
Въ которомъ я минутами лишь жилъ;
И тѣ мгновенья были мукъ полны,
И населялъ таинственные сны
Я этими мгновеньями......
. . . .
Никто не дорожитъ мной на землѣ,
И самъ себѣ я въ тягость, какъ другимъ.
Тоска блуждаетъ на моемъ челѣ.
Я холоденъ и гордъ, и даже злымъ
Толпѣ кажуся: но ужель она
Проникнуть дерзко въ сердце мнѣ должна?
Зачѣмъ ей знать, что въ немъ заключено?
Огонь иль сумракъ тамъ--ей все равно!

. . . .
Душа сама собою стѣснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна;
Находишь корень мукъ въ себѣ самомъ,
И небо обвинить нельзя ни въ чемъ.
Я къ состоянью этому привыкъ,
Но ясно выразить его-бъ не могъ
Ни ангельскій, ни демонскій языкъ:
Они такихъ не вѣдаютъ тревогъ;
Въ одномъ все чисто, а въ другомъ все зло.
Лишь въ человѣкѣ встрѣтиться могло
Священное съ порочнымъ. Всѣ его
Мученья происходятъ отъ того. [т. I стр. 165].

Мысли о смерти постоянно тяготѣютъ надъ нимъ:

Я предузналъ мой жребій, мой конецъ,
И грусти ранняя на мнѣ печать,
И какъ я мучусь, знаетъ лишь Творецъ;
Но равнодушный міръ не долженъ знать.

Хотя тутъ несомнѣнно вліяніе Байрона, но нельзя не видѣть и пережитаго и перечувствованнаго самимъ поэтомъ. Часть этого стихотворенія вошла въ драму «Странный человѣкъ» [т. IV стр. 198], которая, по признанію самого автора, имѣетъ чисто-автобіографическое значеніе.

ЧАСТЬ II.

Стремленія и тревоги молодости.

[ПЕРІОДЪ БРОЖЕНІЯ.]

ГЛАВА VII.

Университетскіе годы.

Поступленіе въ университетъ.—Профессора и студенты.—Кружки.—Лермонтовъ среди товарищей.—Холера.—Отношеніе къ вѣстямъ о революціи во Франціи и безпорядкахъ въ Польшѣ и Новгородѣ.—Интересы студенчества, Бѣлинскаго и Лермонтова.—Симпатія къ Полежаеву.—Маловская исторія.—Столкновеніе съ профессорами.—Выходъ изъ Московскаго университета и попытка вступить въ Петербургскій.—Перемѣна карьеры.—Поступленіе въ Школу гвардейскихъ юнкеровъ.—Лермонтовъ—питомецъ университета, а не «школы».

Посѣщеніе Мишей Лермонтовымъ благороднаго университетскаго пансіона прекратилось вслѣдствіе его закрытія и переименованія въ гимназію. Указъ о закрытіи послѣдовалъ 29 марта 1830 г., а Лермонтовъ, вѣроятно не пожелавшій перечислиться въ гимназію, получилъ увольненіе 16 апрѣля того же года. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній и плановъ относительно продолженія воспитанія за границею, [1] рѣшено было приготовить Михаила Юрьевича къ вступительному экзамену въ Московскій университетъ. 21-го августа 1830 г. Лермонтовъ подалъ прошеніе о принятіи его въ число своекоштныхъ студентовъ въ нравственно-политическое отдѣленіе. Черезъ нѣсколько дней, еще въ теченіе того же августа мѣсяца, Лермон-

---

[1] См. главу IV, стр. 66.

товъ, по предложенію ректора, былъ подвергнутъ испытанію въ комиссіи профессоровъ, которые въ донесеніи своемъ на имя правленія заявили, что нашли молодого человѣка достаточно подготовленнымъ къ слушанію профессорскихъ лекцій.

Въ то время полный университетскій курсъ былъ трехлѣтній. Первый курсъ считался приготовительнымъ и былъ отдѣленъ отъ двухъ послѣднихъ. Университетъ раздѣлялся, до введенія новаго устава въ 1836 году, на четыре факультета или отдѣленія: нравственно-политическое, физико-математическое, врачебное и словесное. Нравственно или этико-политическое отдѣленіе считалось между студентами наименѣе серьезнымъ. Лермонтовъ, впрочемъ, долго на немъ не оставался, а перешелъ *въ словесное отдѣленіе*, болѣе соотвѣтствовавшее его вкусамъ и направленію. По указанію современниковъ, преподаваніе вообще шло плохо [1]. Профессора относились къ своему дѣлу спустя рукава, читали и не читали лекцій, а большинство читало такъ, что выносить студенту изъ лекціи было нечего. Московскій университетъ былъ тогда еще наканунѣ возрожденія, начавшагося только со второй половины 30-хъ годовъ. Когда учился въ университетѣ Лермонтовъ, то не было уже Мерзлякова. Шевыревъ, пріобрѣтшій на первый разъ большую, но не долгую популярность, появился на каѳедру немного позднѣе, а Надеждинъ началъ читать лишь въ 1832 году, и Лермонтовъ могъ слушать его только въ послѣднее полугодіе своего пребыванія [2]. На первомъ

[1] См. К. С. Аксаковъ: «Воспоминанія студенчества» [«День» 1862 года, №№ 39 и 40-й]. Герценъ: «Былое и думы», глава VI. Сравни также—Пыпинъ: «Бѣлинскій, его жизнь и переписка». С.-Пб. 1876 года, главы I и II. Шевыревъ: «Исторія Московскаго университета». Въ Вѣстн. Евр. 1887 г. апрѣль, помѣщены университетскія воспоминанія И. Гончарова. Онъ говоритъ о преподаваніи въ Моск. унив. въ иномъ духѣ, но можетъ-быть потому, что больше вспоминаетъ послѣдніе годы своего пребыванія. О Лермонтовѣ онъ вспоминаетъ на стр. 498, но лично знакомъ съ нимъ не былъ. Надо полагать, что почтенный авторъ многое запамятовалъ. Такъ онъ говоритъ, что Лермонтовъ оставался въ университетѣ не долго, тогда какъ онъ находился въ немъ съ 1 сентября 1830 г. до 1 іюня 1832 г.

[2] Онъ началъ съ чтенія теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи, которыя, по смерти профессора Гаврилова-отца, временно читалъ сынъ его

курсѣ студенты всѣхъ отдѣленій обязательно слушали словесность у Побѣдоносцева, преподававшаго реторику по стариннымъ преданіямъ, по руководствамъ Ломоносова, Рижскаго и Мерзлякова. Онъ читалъ о хріяхъ, инверсахъ и автоніанахъ, но главное вниманіе свое обращалъ на практическія занятія: неуклонно требовалъ соблюденія правилъ грамматики, занималъ студентовъ переводами съ латинскаго и французскаго языковъ, причемъ строго слѣдилъ за чистотою слога и преслѣдовалъ употребленіе иностранныхъ словъ и оборотовъ. Особенно любилъ задавать студентамъ темы на сочиненія и требовалъ, чтобы слушатели подавали ему «хрійки». Лекціи богословія читались Терновскимъ самымъ схоластическимъ образомъ. По обычаю семинаріи, кто-нибудь изъ студентовъ, обыкновенно духовнаго званія, вступалъ съ профессоромъ въ діалектическій споръ. Терновскій сердился, но спорилъ. Когда споръ прекращался, онъ заставлялъ кого-нибудь изъ слушателей пересказывать содержаніе прошедшей лекціи. Каченовскій читалъ соединенную исторію и статистику Россійскаго государства и правила россійскаго языка и слога, относящіяся преимущественно къ поэзіи. Всеобщую исторію читалъ Ульрихсъ по Гейму, греческую словесность и древности преподавалъ Ивашковскій, Снегиревъ—римскую словесность и древности, нѣмецкій языкъ—Кистеръ, французскій—Декампъ.

Деканомъ словеснаго факультета былъ Каченовскій, ректоромъ университета—Двигубскій, по описанію современника, одинъ изъ остатковъ допотопныхъ профессоровъ или, лучше, допожарныхъ, то есть до 1812 года... Видъ его былъ такъ назидателенъ, что какой-то студентъ изъ семинаристовъ постоянно называлъ его «отецъ ректоръ». Онъ былъ страшно похожъ на сову съ Анной на шеѣ, какъ его рисовалъ другой студентъ, получившій болѣе свѣтское образованіе. Обращеніе ректора со студентами отличалось грубымъ, начальническимъ тономъ, смягчавшимся передъ молодыми людьми изъ вліятель-

[Ист. Моск. унив., стр. 554]. Надеждинъ былъ избранъ въ 1831 году, но министромъ утвержденъ лишь 26 декабря. Фактически же онъ вступилъ къ исправленіе обязанностей лишь въ 1832 году. См. автобіографію Надеждина въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1865 года, № 9, стр. 62.

ныхъ фамилій. Попечителемъ былъ князь Серіѣй Михаѣловичъ Голицынъ — большой баринъ, но въ сущности добрый человѣкъ. Назначенный императоромъ Николаемъ Павловичемъ попечителемъ Московскаго округа, онъ долженъ былъ «подтянуть» университетъ и долго не моіъ свыкнуться съ царившимъ въ немъ безпорядкомъ, напримѣръ съ тѣмъ, что когда профессоръ боленъ, то лекцій нѣтъ. «Онъ думалъ, что слѣдующій по очереди долженъ былъ его замѣнять, такъ что отцу Терновскому пришлось бы иной разъ читать въ клиникѣ о женскихъ болѣзняхъ» — острилъ Герценъ. Наконецъ, князю наскучила борьба и онъ пересталъ входить въ дѣла, предоставивъ всѣмъ заправлять своимъ помощникамъ: графу Панину и Голохвастову. Эти люди смотрѣли на каждаго студента какъ на своего личнаго врага и вообще студентовъ считали опаснымъ для общества элементомъ. Они все добивались что-то сломить, искоренить, уничтожить, дать острастку. Графъ Панинъ никогда не говорилъ со студентами какъ съ людьми образованными. Онъ выкрикивалъ густымъ басомъ, постоянно командуя, грозя, стращая [1].

Если профессора относились къ лекціямъ своимъ довольно безпечно, то и студенты отъ нихъ не отставали и въ аудиторіяхъ разыгрывались сцены совершенно школьническаго характера. Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ разсказывалъ, какъ студентъ принесъ однажды на лекцію Побѣдоносцева воробья и во время лекціи выпустилъ его. Воробей принялся летать, а студенты, какъ бы въ негодованіи на такое нарушеніе приличія, вскочили и принялись ловить его. Поднялся шумъ, и остановить ревностное усердіе было дѣло не легкое. Однажды, когда Побѣдоносцевъ, который читалъ лекціи по ве-

---

[1] Записки университетскаго товарища Лермонтова, П. Вистенгофа, описывающія студентовъ 30-хъ годовъ въ Москвѣ и Казани. А. Н. Пыпинъ указалъ мнѣ на нихъ, какъ на содержащія нѣкоторыя интересныя сообщенія о Лермонтовѣ. Вистенгофъ обязательно разрѣшилъ мнѣ воспользоваться ими еще до появленія ихъ въ печати. Въ нихъ разсказаны нѣкоторые эпизоды изъ обращенія со студентами гг. Панина и Голохвастова. Записки эти позднѣе появились въ Истор. Вѣстникѣ въ измѣненномъ видѣ.

черамъ, долженъ былъ прийти въ аудиторію, студенты закутались въ шинели, забились по угламъ аудиторіи, слабо освѣщаемой лампою, и, только показался Побѣдоносцевъ, грянули: «Се женихъ грядетъ въ полунощи» [1]. Часто послѣ прихода профессора разыгрывалась слѣдующая сцена: «Обычный шумъ въ аудиторіи прекращался и водворялась глубочайшая тишина. Преподаватель, обрадованный необыкновеннымъ безмолвіемъ, громко начиналъ читать, но тишина эта была самая коварная,—раздавался тихій, мелодическій свистъ, обыкновенно мазурка, или какой-нибудь другой танецъ, и профессоръ останавливался въ недоумѣніи. Музыка умолкала и за нею слѣдовалъ взрывъ рукоплесканій и неистовый топотъ».

Иногда цѣлая аудиторія въ 100 человѣкъ, по какому-нибудь пустому поводу, поднимала общій крикъ. Окна тряслись отъ звука, и всякому было любо! Чувство совокупной силы выражалось въ эту минуту въ общемъ громовомъ голосѣ... Однажды узнали, что Каченовскій не будетъ. «Каченовскій не будетъ!»—закричалъ одинъ студентъ.—«Не будетъ!»—подхватилъ другой. —«Не будетъ!»—закричало нѣсколько.—«Не будетъ!»—загремѣла вся аудиторія, и долго гремѣла. Кто-то вошелъ въ нее въ калошахъ. «Долой калоши! A bas, à bas!»—раздалось дружно, и вошедшій поспѣшилъ скорѣе удалиться и скинуть калоши [2]. Странное дѣло! — говоритъ К. С. Аксаковъ—профессора преподавали плохо, студенты не учились, мало почерпали изъ университетскихъ лекцій, но души ихъ, не подавленныя форменностью, были раскрыты, и все-таки много вынесли они изъ университета. Развивало общее веселье молодой жизни, чувство общей связи товарищества,—слышалось, хотя и безсознательно, что молодыя силы эти собраны во имя науки, во имя высшаго интереса истины. Здѣсь постоянно были шумны и веселы; не было ни одного ни ос-

---

1 Пыпинъ въ жизнеописаніи Бѣлинскаго [т. I, гл. II] говоритъ, что анекдотъ этотъ, по разсказамъ нѣкоторыхъ современниковъ, относился не къ Побѣдоносцеву, а къ Гаврилову, профессору славянскаго языка и теоріи изящныхъ искусствъ.

2 См. Прозоровъ [«Библіотека для чтенія» 1859 г., № 12] и Аксаковъ [«День», № 42].

тощеннаго ни вытертаго, — не было ни свѣтскаго тона, ни житейскаго благоразумія. Спасительны эти товарищескія отношенія, въ которыхъ только слышна *молодость человѣка*, и этотъ человѣкъ здѣсь не аристократъ и не плебей, не богатый и не бѣдный, а просто—человѣкъ. Такое чувство равенства, въ силу человѣческаго имени, давалось университетомъ и званіемъ студента.

Московскій университетъ — по справедливому замѣчанію Герцена — выросъ въ своемъ значеніи вмѣстѣ съ Москвою послѣ 1812 года; разжалованная императоромъ Петромъ изъ царскихъ столицъ, Москва была произведена императоромъ Наполеономъ [сколько волею, а вдвое того неволею] въ столицу народа русскаго. Народъ догадался по боли, которую почувствовалъ при вѣсти о ея занятіи непріятелемъ, о своей кровной связи съ Москвой. Съ тѣхъ поръ началась для нея новая эпоха.

Московскій университетъ больше и больше становился средоточіемъ русскаго образованія. Всѣ условія для его развитія были соединены: историческое значеніе, географическое положеніе и не столь ощутительная централизующая и все подъ одинъ уровень подводящая бюрократическая власть администраціи. Изъ-за тумана, которымъ заволокло умственную и общественную жизнь русскую послѣ несчастныхъ событій 14-го декабря, первый сталъ выдвигаться Московскій университетъ, и хотя во время пребыванія въ немъ Лермонтова не было еще того обновленія, которое сказалось вскорѣ затѣмъ послѣ появленія молодыхъ профессоровъ, вліятельнѣйшимъ среди коихъ былъ Грановскій, но все же животрепещущіе интересы жили въ средѣ молодежи. Больше лекцій и профессоровъ развивала студентовъ аудиторія юнымъ обмѣномъ мыслей. Общественно-студенческая жизнь и общая бесѣда, возобновлявшаяся каждый день, много двигали впередъ здоровую молодость.

Святое мѣсто!... Помню я, какъ сонъ,
Твои каѳедры, залы, коридоры.
Твоихъ сыновъ заносчивые споры
О Богѣ, о вселенной и о томъ,

Какъ пить: съ водой, иль просто голый ромъ,—
Ихъ гордый видъ предъ гордыми властями,
Ихъ сертуки, висящіе клочками.
Бывало только восемь бьетъ часовъ,
По мостовой валитъ народъ ученый.
Кто ночь провелъ съ лампадой средь трудовъ,
Кто—въ грязной лужѣ, Вакхомъ упоенный;
Но всѣ равно задумчивы, безъ словъ
Текутъ... Пришли, шумятъ... Профессоръ длинный
Напрасно входитъ, кланяяся чинно.
Онъ книгу взялъ, раскрылъ, прочелъ,—шумятъ;
Уходитъ,—втрое хуже. . . . . . .

Такъ Лермонтовъ описываетъ толпу товарищей своихъ, шумно наполнявшую каждый день аудиторіи Московскаго университета [т. II стр. 215].

Однако изъ всего сказаннаго не надо выводить заключеніе, что молодежь во всемъ была обязана только самой себѣ, и что профессора уже рѣшительно ничего ей не давали. Еще извѣстный Павловъ пробуждалъ интересъ къ общимъ философскимъ вопросамъ. Многіе профессора примыкали къ литературному міру, и преподаваніе ихъ невольно должно было проникаться интересами жизни и литературы. Каченовскій былъ издателемъ «Вѣстника Европы», Погодинъ—издателемъ «Московскаго Вѣстника». Вскорѣ сталъ вліять и Надеждинъ—сотрудникъ «Вѣстника Европы» и издатель «Телескопа». «Да, Московскій университетъ дѣлалъ свое дѣло! Профессора, способствовавшіе своими лекціями развитію Лермонтова, Бѣлинскаго, а потомъ и Тургенева, Кавелина, Пирогова, могутъ спокойно играть въ бостонъ и еще спокойнѣе лежать подъ землей»—такъ говоритъ Герценъ, характеризуя московскихъ студентовъ и профессоровъ. Стремленія новаго поколѣнія, независимо отъ университета, питала сама тогдашняя литература: поэтическая дѣятельность Пушкина, критика Полевого и Надеждина [1].

Интересы литературные проникали въ студенчество и вызывали ихъ на дѣятельность. Въ разныхъ кружкахъ читали, спорили, писали и обсуждали творенія извѣстныхъ писателей

---

[1] Пыпинъ: Жизнь Бѣлинскаго т. I гл. II стр. 66.

или товарищей. Не малое вліяніе на духъ студенчества имѣли камеры казенно-коштныхъ студентовъ. Ихъ было до 150 человѣкъ, и жили они въ общемъ зданіи, помѣщаясь отъ 8-ми до 12-ти человѣкъ въ комнатѣ. Столовыя были общія. Порядкомъ завѣдывалъ извѣстный въ свое время Д. М. Перевощиковъ. Камеры, въ которыхъ жили эти казенные студенты, часто представляли центры, въ коихъ собирались молодые люди потолковать о своихъ интересахъ и нуждахъ. Здѣсь зачастую зарождался и развивался тонъ и направленіе, сказывавшіеся потомъ въ толпѣ студенчества. Каждая камера значилась подъ извѣстнымъ нумеромъ. Сохранился разсказъ очевидца объ одной изъ камеръ «11 нумеръ», гдѣ жилъ Бѣлинскій. Тутъ обнаружились литературные интересы: между товарищами Бѣлинскаго были люди съ такою же любовью къ ней. Умственная дѣятельность въ студенческомъ кругу, особенно въ 11 нумерѣ, шла бойко: споръ о классицизмѣ и романтизмѣ еще не прекращался тогда между литераторами, несмотря на глубомысленное и многостороннее рѣшеніе этого вопроса Надеждинымъ, въ его докторскомъ разсужденіи о происхожденіи и судьбахъ романтической поэзіи... И между студентами были свои классики и романтики, сильно ратовавшіе между собою на словахъ. Нѣкоторые изъ старшихъ студентовъ, слушавшіе теорію краснорѣчія Мерзлякова и напитанные его переводами изъ греческихъ и римскихъ поэтовъ, были въ восторгѣ отъ его перевода Тассова «Іерусалима» и очень неблагосклонно отзывались о «Борисѣ Годуновѣ» Пушкина, только-что появившемся въ печати, съ торжествомъ указывая на глумливые о немъ отзывы въ «Вѣстникѣ Европы». Первогодичные студенты, воспитанные въ школѣ Жуковскаго и Пушкина и не заставшіе уже въ живыхъ Мерзлякова, мало сочувствовали его переводамъ и взамѣнъ этого знали наизусть прекрасныя пѣсни его и безпрестанно декламировали цѣлыя сцены изъ комедіи Грибоѣдова, которая тогда еще не была напечатана. Пушкинъ приводилъ въ неописанный восторгъ. Между младшими студентами самымъ ревностнымъ поборникомъ романтизма былъ Бѣлинскій, который отличался необыкновенною горячностью въ спорахъ и, казалось, готовъ

былъ вызвать на битву всѣхъ, кто противорѣчилъ его убѣжденіямъ. Увлекаясь пылкостью, онъ ѣдко и безпощадно преслѣдовалъ все пошлое и фальшивое, былъ жестокимъ гонителемъ всего, что отзывалось реторикою и литературнымъ старовѣрствомъ. Доставалось отъ него иногда не только Ломоносову, но и столь высокочтимому тогда Державину за реторическіе стихи и пустозвонныя фразы. Случайныя сходки въ 11 нумерѣ приняли мало-по-малу болѣе постоянный характеръ и изъ нихъ образовалось общество, получившее названіе «литературныхъ вечеровъ». Здѣсь разсуждали о прочитанномъ, о новомъ, появившемся въ журналахъ, о лекціяхъ профессоровъ. Иногда читались и собственныя сочиненія и переводы. Вотъ на этихъ-то «литературныхъ вечерахъ», въ продолженіе нѣсколькихъ засѣданій, читалъ свою драму Бѣлинскій.

Кромѣ этого кружка, примыкавшаго къ 11-му нумеру, были и другіе кружки, отличавшіеся другъ отъ друга нѣкоторыми особенностями и составомъ лицъ, но того же искренняго направленія, той же общности жизненныхъ и литературныхъ интересовъ. Собирались у Станкевича, собирались ежедневно, друзья, товарищи-студенты и окончившіе университетъ. Тамъ бывали: Ключниковъ, Петровъ [санскритистъ], К. Аксаковъ, А. П. Ефремовъ, Красовъ и др.; позднѣе примкнулъ и Бѣлинскій. Этотъ кружокъ Станкевича былъ замѣчательнымъ явленіемъ въ умственной исторіи нашего общества. Въ этомъ кружкѣ — говоритъ К. Аксаковъ — выработалось уже общее воззрѣніе на Россію, на жизнь, на литературу, на міръ,— воззрѣніе большею частью отрицательное. Искусственность россійскаго классическаго патріотизма, претензіи, наполнявшія нашу литературу, усилившаяся фабрикація стиховъ, неискренность печатнаго лиризма — все это породило справедливое желаніе простоты и искренности, породило сильное нападеніе на всякую фразу и эффектъ... Кружокъ Станкевича отличался самостоятельностью мнѣнія, свободнаго отъ всякаго авторитета... Кружокъ этотъ былъ трезвый и по образу жизни, не любилъ ни вина ни пирушекъ, которыя если случались, то очень рѣдко, и, что всего замѣчательнѣе, кружокъ

этотъ, будучи свободомысленъ, не любилъ ни фразерства, ни либеральничанья, боясь вѣроятно той же неискренности, той же претензіи, которыя были ему ненавистнѣе всего; даже вообще политическая сторона занимала его мало; этотъ кружокъ желалъ правды, серьезнаго дѣла, искренности и истины. Самъ Станкевичъ, средоточіе и глава кружка, былъ человѣкъ необыкновеннаго и глубокаго ума. Главный интересъ его была чистая мысль. Онъ былъ человѣкъ простой, безъ претензіи, и даже боялся ея.

Кружкомъ иного склада былъ кружокъ Герцена. И здѣсь интересовались литературою, читали, спорили, но интересовались не одними теоретическими интересами. Въ противоположность кружку Станкевича, здѣсь слѣдили за животрепещущими вопросами соціальной и политической жизни. Собирались большею частью у Огарева. Онъ жилъ одинъ въ нижнемъ этажѣ отцовскаго дома, у Никитскихъ воротъ. Квартира была недалеко отъ университета и въ нее особенно всѣхъ тянуло. Въ Огаревѣ было то магнитное притяженіе, которое образуетъ первую стрѣлку кристаллизаціи. Въ его свѣтлой, веселой комнатѣ, обитой красными обоями съ золотыми полосками, не проходилъ дымъ сигаръ, запахъ жженки, яствъ и питій. Часто впрочемъ изъ яствъ кромѣ сыру ничего не было. Здѣсь спорили цѣлыя ночи на-пролетъ. Кромѣ Герцена и Огарева, ближайшими друзьями были Вадимъ Пассекъ, Оболенскій, Кетчеръ, Сазоновъ и др.; бесѣды сопровождались возліяніями Бахусу, что однако, по увѣренію Герцена, не мѣшало серьезности интересовъ. Вѣроятно, въ противоположность ему, К. Аксаковъ восхваляетъ трезвость кружка Станкевича: ненависть въ немъ къ фразѣ и политическимъ тенденціямъ, «мысль о какихъ-либо тайныхъ обществахъ и проч. была кружку Станкевича смѣшна, какъ жалкая комедія». Тотъ же Аксаковъ упрекаетъ кружокъ Герцена въ погонѣ за эффектомъ и во фразерствѣ. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ членахъ кружка и въ самомъ Герценѣ на всю жизнь сохранилась страсть къ эффектнымъ фразамъ, но это не уничтожило искренности убѣжденій. Кружки имѣли между собою болѣе или менѣе отдаленныя отношенія черезъ отдѣльныхъ членовъ, встрѣчав-

шихся въ аудиторіяхъ. Нѣкоторая солидарность интересовъ видна изъ того, наприм., что когда за «Сунгуровскую исторію» ссылали молодыхъ людей, то дѣлались въ пользу ихъ денежные сборы Огаревымъ и Иваномъ Кирѣевскимъ, каждымъ въ своемъ кружкѣ, а затѣмъ вся сумма была отвезена Кирѣевскимъ по назначенію.

Лермонтовъ, ставшій студентомъ Московскаго университета одновременно съ упомянутыми людьми, повидимому, не былъ членомъ какого-либо изъ названныхъ кружковъ, но общность интересовъ связывала его съ ними. Въ первое время пребыванія въ университетѣ Лермонтовъ чуждался товарищей. Предъидущая жизнь его и трагическая исторія между отцомъ и бабушкою, разъигравшаяся какъ разъ передъ поступленіемъ его въ университетъ [см. гл. IV біографіи], необходимо должны были дать мыслямъ воспріимчиваго молодого человѣка серьезное, мрачное направленіе. Онъ естественно ушелъ въ себя, и шумное веселье товарищеской жизни въ аудиторіяхъ не могло прельстить его. Къ тому же ребяческія выходки студентовъ, о коихъ говорено было выше, должны были тяжело дѣйствовать на серьезный, сосредоточенный духъ поэта, привыкшаго уходить отъ жизни въ поэтическій міръ фантазіи, или въ творенія серьезныхъ писателей. Шестнадцати-лѣтній юноша, достаточно пережившій, передумавшій и перечувствовавшій, сознавалъ себя болѣе зрѣлымъ противъ товарищей, которыхъ онъ видѣлъ въ коллективной массѣ. Сойтись ближе съ нѣкоторыми отдѣльными лицами онъ не имѣлъ пока ни времени ни желанія, вслѣдствіе все той же причины внутренняго, нравственнаго страданія. Появленіе въ аудиторіи этого мрачнаго, несообщительнаго лица поразило товарищей. Вистенгофъ передаетъ весьма характерный разсказъ о томъ, какъ держалъ себя Лермонтовъ въ первое время пребыванія въ университетѣ, и какое онъ производилъ впечатлѣніе на студентовъ.

«Мы стали замѣчать, что въ средѣ нашей аудиторіи, между всѣми нами, одинъ только человѣкъ какъ-то рельефно отличался отъ другихъ; онъ заставилъ насъ обратить на себя особенное вниманіе. Этотъ человѣкъ, казалось, самъ никѣмъ

не интересовался, избѣгалъ всякаго сближенія съ товарищами, ни съ кѣмъ не говорилъ, держалъ себя совершенно замкнуто и въ сторонѣ отъ насъ, даже и садился онъ постоянно на одномъ мѣстѣ, всегда отдѣльно, въ углу аудиторіи, у окна; по обыкновенію, подпершись локтемъ, онъ читалъ съ напряженнымъ, сосредоточеннымъ вниманіемъ, не слушая преподаванія профессора. Даже шумъ, происходившій при перемѣнѣ часовъ, не производилъ на него никакого впечатлѣнія. Онъ былъ небольшаго роста, некрасиво сложенъ, смуглъ лицомъ, имѣлъ темные, приглаженные на головѣ и вискахъ, волосы и пронзительные темно-каріе [скорѣе сѣрые] большіе глаза, презрительно глядѣвшіе на все окружающее. Вся фигура этого человѣка возбуждала интересъ и вниманіе, привлекала и отталкивала. Мы знали только, что фамилія его—Лермонтовъ. Прошло около двухъ мѣсяцевъ, а онъ неизмѣнно оставался съ нами въ тѣхъ же неприступныхъ отношеніяхъ. Студенты не выдержали. Такое обособленное исключительное поведеніе одного изъ среды нашей возбуждало толки. Однихъ подстрекало любопытство, или даже сердило, нѣкоторыхъ обижало. Каждому хотѣлось ближе узнать этого человѣка, снять маску, скрывавшую затаенныя его мысли, и заставить высказаться».

«Однажды студенты, близко ко мнѣ стоявшіе, считая меня за болѣе смѣлаго, обратились ко мнѣ съ предложеніемъ отыскать какой-нибудь предлогъ для начатія разговора съ Лермонтовымъ, и тѣмъ вызвать его на какое-нибудь сообщеніе. «Вы подойдите, Вистенгофъ, къ Лермонтову и спросите его, какую это онъ читаетъ книгу съ такимъ постояннымъ, напряженнымъ вниманіемъ? Это предлогъ для разговора самый основательный», —сказалъ мнѣ студентъ Красовъ, кивая головой въ тотъ уголъ, гдѣ сидѣлъ Лермонтовъ. Умные и серьезные студенты Ефремовъ и Станкевичъ одобрили совѣтъ этотъ. Не долго думая, я отправился. «Позвольте спросить васъ, Лермонтовъ, какую это книгу вы читаете? Безъ сомнѣнія, очень интересную, судя по тому, какъ углубились вы въ нее. Нельзя ли ею подѣлиться и съ нами? — обратился я къ нему, не безъ нѣкотораго волненія, подойдя къ его одинокой скамейкѣ. Мелькомъ взглянувъ въ книгу, я успѣлъ только распознать,

что она была англійская. Онъ мгновенно оторвался отъ чтенія. Какъ ударъ молніи сверкнули его глаза; трудно было выдержать этотъ насквозь пронизывающій, непривѣтливый взглядъ. «Для чего это вамъ хочется знать? Будетъ безполезно, если я удовлетворю вашему любопытству. Содержаніе этой книги васъ нисколько не можетъ интересовать, потому что вы не поймете тутъ ничего, если я даже и сообщу вамъ содержаніе ея», — отвѣтилъ онъ мнѣ рѣзко, принявъ прежнюю свою позу и продолжая опять читать. Какъ бы ужаленный, бросился я отъ него».

Лекціи осенью 1830 г. длились впрочемъ не долго,—были онѣ прерваны холерою, которая шла съ сѣвера капризно, скачками, то останавливаясь, то внезапно съ страшною свирѣпостью разъигрываясь на новомъ мѣстѣ. Она, казалось, обходила Москву, и многіе спѣшили въ столицу, ища въ ней убѣжища. Впрочемъ, даже когда холера показалась въ городѣ, помѣщики сосѣднихъ деревень все же спѣшили туда, можетъ-быть изъ желанія быть ближе къ медицинской помощи, а можетъ-быть слѣдуя пословицѣ, что «на людяхъ и смерть красна» [1].

Внезапно разнеслась вѣсть, что холера—въ Москвѣ. Утромъ студентъ патологическаго отдѣленія почувствовалъ себя дурно на лекціи. На другой день онъ умеръ. За нимъ смерть сразила другихъ. Было приказано закрыть университетъ. Студенты всѣхъ отдѣленій собрались на большой университетскій дворъ. Что-то трогательное было въ этой толпящейся молодежи, которой велѣно было разстаться передъ заразой. Лица были блѣдны и особенно одушевлены; многіе думали о родныхъ, о друзьяхъ. Простились съ казеннокоштными, которыхъ отдѣлили карантинными мѣрами, осудя на безотлучное пребываніе въ казенномъ зданіи, и разбрелись небольшими кучками по домамъ. Арсеньева съ Лермонтовымъ оставалась въ Москвѣ. Мрачные слухи, часто преувеличенные, часто страшные и въ своей правдивости, тревожили умы. Чернь волновалась и въ разныхъ мѣстахъ Россіи бунтовала. Арсень-

[1] См. Записки Хвостовой, стр. 88 и 98.—Герценъ, «Былое и Думы», гл. VI.—Истор. Моск. Унив., стр. 555.—Записки Вистенгофа.

ева получила извѣстіе о погибели брата своего, Николая Алексѣевича Столыпина, растерзаннаго въ Севастополѣ разсвирѣпѣвшею толпой, собственно толпой женщинъ. Изъ Саратова тоже приходили тревожные слухи. Холера проявлялась такъ жестоко, люди умирали такъ быстро и въ такомъ количествѣ, что во многихъ мѣстахъ ее принимали за чуму. Въ сентябрѣ болѣзнь такъ усилилась въ Москвѣ, что и тутъ стали въ ней видѣть чумную эпидемію. Лермонтовъ въ черновыхъ тетрадяхъ не разъ упоминаетъ объ эпидеміи, называя ее то холерою—«cholera morbus», то просто *чумою* [1].

Въ холерное время Москва приняла совсѣмъ необычный видъ. Эти печальные мѣсяцы имѣли что-то торжественное. Явилась публичность жизни, неизвѣстная въ обыкновенное время.

«Экипажей было меньше, мрачныя толпы народа стояли на перекресткахъ и толковали объ отравителяхъ. Кареты, возившія больныхъ, двигались шагомъ, сопровождаемыя полицейскими. Бюллетени о болѣзни печатались два раза въ день. Городъ былъ оцѣпленъ, какъ въ военное время, и солдаты пристрѣлили какого-то бѣднаго дьячка, пробиравшагося черезъ рѣку. Все это сильно занимало умы. Страхъ передъ болѣзнью отнялъ страхъ передъ властями, жители роптали, а тутъ—вѣсть за вѣстью, что тотъ-то занемогъ, что такой-то умеръ...

Митрополитъ устроилъ общее молебствіе. Въ одинъ день и въ одно время священники съ хоругвями обходили свои приходы; испуганные жители выходили изъ домовъ и бросались на колѣни во время шествія, прося со слезами отпущенія грѣховъ. Самые священники были серьезны и тронуты. Доля ихъ шла въ Кремль; тамъ, на чистомъ воздухѣ, окруженный высшимъ духовенствомъ, стоялъ колѣнопреклоненный митрополитъ и молился, да мимо идетъ чаша сія...»

---

[1] Въ одной изъ черновыхъ тетрадей Лермонтова мы находимъ помѣтку, сдѣланную поэтомъ при стихотвореніи «Могила Бойца»: «1830 года 5-го октября, во время холеры — morbus» [соч. т. I, стр. 131]. Сравни и стихотв. «Чума въ Саратовѣ», стр. 132.

Въ эту годину бѣдствія проявились въ московскомъ обществѣ энергія, дѣятельность и распорядительность, и выказало оно при этомъ великое человѣколюбіе и патріотизмъ. Герценъ, склонный скорѣе къ замѣчанію отрицательныхъ сторонъ, говоритъ съ полнымъ одушевленіемъ и признаніемъ дѣятельности московскаго общества:

«Москва, повидимому сонная и вялая, занимающаяся сплетнями и богомольемъ, свадьбами и ничѣмъ, просыпается всякій разъ, когда надобно, и становится въ уровень съ обстоя тельствами, когда надъ Русью гремитъ гроза. Она въ 1612 г. кроваво обвѣнчалась съ Россіей и сплавилась съ нею огнемъ 1812 года.

Я былъ все время жесточайшей холеры 1849 года въ Парижѣ. Болѣзнь свирѣпствовала страшно. Іюньскіе жары ей помогали, бѣдные люди мерли какъ мухи; мѣщане бѣжали изъ Парижа, другіе сидѣли на заперти. Правительство, исключительно занятое борьбой противъ революціонеровъ, не думало брать дѣятельныхъ мѣръ. Тщедушные коллекты были несоразмѣрны требованіямъ. Бѣдные работники оставались покинутыми на произволъ судьбы, въ больницахъ не было довольно кроватей, у полиціи не было довольно гробовъ, и въ домахъ, биткомъ набитыхъ разными семьями, тѣла оставались дня по два во внутреннихъ комнатахъ

«Въ Москвѣ [въ 1830 году] было не такъ. Князь Д. В. Голицынъ, тогдашній генералъ-губернаторъ, человѣкъ слабый, но благородный, образованный и очень уважаемый, увлекъ московское общество, и какъ-то все уладилось по домашнему, т. е. безъ особеннаго вмѣшательства правительства. Составился комитетъ изъ почетныхъ жителей—богатыхъ помѣщиковъ и купцовъ. Каждый членъ взялъ себѣ одну изъ частей Москвы. Въ нѣсколько дней было открыто двадцать больницъ; онѣ не стоили правительству ни копѣйки, — все было сдѣлано на пожертвованныя деньги. Купцы давали даромъ все, что нужно для больницъ: одѣяла, бѣлье и теплую одежду, которую оставляли выздоравливавшимъ. Университетъ не отсталъ. Весь медицинскій факультетъ, студенты и лѣкаря— en masse привели себя въ распоряженіе холернаго комитета;

ихъ разослали по больницамъ и они оставались тамъ безвыходно до конца заразы. Три или четыре мѣсяца эта чудная молодежь прожила въ больницахъ ординаторами, фельдшерами, сидѣдками, письмоводителями, и все это —безъ всякаго вознагражденія, и притомъ въ то время, когда такъ преувеличенно боялись заразы...»

Понятно, что такое время и такая дѣятельность подняли духъ общества и особенно молодежи. Войти въ прежнюю колею, разъ изъ нея выбившись, было не такъ то легко. Всѣ ощутили бо́льшую степень свободы. Примѣненіе къ дѣлу личныхъ силъ, временное ослабленіе прежняго порядка и замѣна его новымъ — поднимали въ горячихъ головахъ несбыточныя надежды на какое-то совершенное обновленіе жизни. Къ тому же въ 1830 году событія неслись быстро.

«Едва худощавая фигура Карла X успѣла скрыться за туманами Голируда, Бельгія вспыхнула. Тронъ короля-гражданина качался; какое-то горячее, революціонное дуновеніе началось въ преніяхъ, въ литературѣ. Романы, драмы, поэмы— все снова сдѣлалось пропагандой, борьбой... Тогда орнаментальная, декоративная часть революціонныхъ постановокъ во Франціи намъ была неизвѣстна, и мы все принимали за чистыя деньги. Мы слѣдили шагъ за шагомъ, за каждымъ словомъ, за каждымъ событіемъ, за смѣлыми вопросами и рѣзкими отвѣтами, за генераломъ Ламаркомъ. Мы не только подробно знали, но горячо любили тогдашнихъ дѣятелей,—разумѣется, радикальныхъ,—и хранили у себя ихъ портреты отъ Маноеля и Бенжаменъ Констана — до Дюпонъ-де-Лёра и Армана Карель».

Такъ Герценъ описываетъ настроеніе молодежи въ Московскомъ университетѣ. Въ тетрадяхъ Лермонтова мы находимъ стихотвореніе, показывающее, что онъ держался тѣхъ же мыслей, испытывалъ тѣ же чувства.

Таково стихотвореніе озаглавленое: «Парижъ 30 іюля 1830 года». [т. I стр. 133].

До того заразительны были звуки революціи, которая, какъ казалось молодежи, должна была принести съ собою всѣмъ, слѣдовательно и Россіи, свободу, равенство и братство и во-

дворить новую эру всеобщаго счастія, что на всѣхъ противодѣйствовавшихъ революціонному движенію смотрѣли враждебно, а успѣху его рукоплескали.

Еще раньше, какъ только прибыла вѣсть о революціонномъ движеніи во Франціи, Лермонтовъ восторженно восклицалъ:

Опять вы, гордые, возстали
За независимость страны,
И снова передъ вами пали
Самодержавія сыны;
И снова знамя вольности кровавой
Явилося—побѣды мрачный знакъ,
Оно любимо прежде было славой,
Суворовъ былъ его сильнѣйшій врагъ... [т. I, стр. 123].

Юный поэтъ такъ увлекся мечтами свободы, что готовъ былъ выразить негодованіе даже на великаго полководца, когда-то боровшагося противъ войскъ революціонной Франціи [1].

Кажется, уцѣлѣвшій клочокъ приведеннаго стихотворенія имѣетъ именно такой смыслъ, и сомнительно, чтобы продолженіе представляло иной видъ. Когда былъ подавленъ бунтъ военныхъ поселеній, Лермонтовъ упрекалъ новгородцевъ за недостатокъ стойкости. Подъ заглавіемъ: «Новгородъ 30 октября 1830 года» онъ писалъ:

Сыны снѣговъ, сыны славянъ,
Зачѣмъ вы мужествомъ упали?
Зачѣмъ?.. Погибнетъ вашъ тиранъ [Аракчеевъ].
Какъ всѣ тираны погибали!..
До нашихъ дней при имени свободы

---

[1] Негодовалъ на Суворова и Рылѣевъ. Въ 1825 году онъ говорилъ: Суворовъ былъ великій полководецъ, но слава его блѣднѣетъ, когда вспомнимъ, что онъ былъ орудіемъ деспотизма и побѣждалъ для искорененія расцвѣтшей свободы». [Соч. Рылѣева. Лейпцигъ 1861 г., стр. 7]. Таково было преувеличенное увлеченіе Рылѣева, идѣи коего были въ то время не безъ вліянія на юнаго Лермонтова, проводившаго вакаціи въ Средниковѣ у Е. А. Столыпиной, мужъ которой былъ близокъ къ Рылѣеву и Пестелю [см. нач. VI главы].

Трепещетъ ваше сердце и горитъ...
Есть бѣдный градъ [Парижъ], тамъ видѣли народы
Все то, къ чему вашъ духъ теперь летитъ...
[т. I, стр. 132][1].

Только относительно возстанія въ Польшѣ, проявившагося въ концѣ 30-го года, лермонтовскія тетради хранятъ молчаніе. Можетъ-быть что и было что-нибудь—тетради дошли до насъ не полныя — можетъ-быть Лермонтова удерживало отъ выраженія симпатіи этому движенію извѣстное стихійное чувство. Стихотвореніе его:

Опять, народные витіи,
За дѣло падшее Литвы,
На славу гордую Россіи
Опять шумя возстали вы... [т. I, стр. 245].

невѣрно относилось издателями къ 31-му году. Оно писано въ 1835 году, и до разбираемой нами эпохи не касается [2].

Быстрота событій, революціонное движеніе во Франціи, на границахъ Россіи, угрожающая эпидемія и бунты внутри—все заставляетъ юнаго поэта глядѣть мрачными красками на будущее и выразить это въ стихотвореніи «Предсказаніе», [т. I, стр. 116].

Картины революціи, возстанія и кровавыхъ порывовъ къ достиженію всеобщей свободы и личной независимости побуждаютъ Лермонтова написать въ этомъ же году повѣсть, оставшуюся впрочемъ неоконченною, въ которой описывается начало кровавыхъ неурядицъ въ Россіи, гдѣ между прочимъ казакъ поетъ пѣсню, еще раньше встрѣчающуюся въ тетрадяхъ поэта подъ заглавіемъ «Воля».

Моя мать—злая кручина,
Отцомъ же была мнѣ судьбина...
. . . .
Но мнѣ Богомъ дана
Молодая жена—

---

[1] Въ 1832, проѣзжая черезъ Новгородъ, молодой поэтъ съ горечью вспоминаетъ о судьбѣ этого города. [т. I, стр. 236].

[2] Что стихотвореніе это не можетъ относиться къ 1830 или 1831 году, замѣтилъ уже и Михайловъ въ «Соврем.» 1861 г. февраль, стр. 322.

Воля-волюшка,
Несравненная!
Съ ней нашлись другіе у меня
Мать, отецъ и семья:
А моя мать—степь широкая,
А мой отецъ—небо далекое,
Они меня воспитали
Кормили, поили, ласкали.
. . . .
А вольность мнѣ гнѣздо свила,
Какъ степь необъятное! [т. I, стр. 188].

До 12-го января 1831 года лекціи въ университетѣ не читались; когда же послѣ торжественнаго молебствія университетъ былъ открытъ, чтеніе шло безпорядочно. Въ городѣ холера не вполнѣ прекратилась; ни профессора, ни студенты еще не могли войти въ обычную колею, да и не всѣ были налицо, такъ что на этотъ разъ весеннихъ переводныхъ экзаменовъ не было и всѣ студенты остались на прежнихъ курсахъ. Годъ былъ потерянъ [1].

Относительно товарищей въ аудиторіяхъ Лермонтовъ продолжалъ держать себя по-прежнему. Вистенгофъ говоритъ: «Видимо было, что Лермонтовъ имѣлъ грубый, дерзкій, заносчивый характеръ, смотрѣлъ съ пренебреженіемъ на окружающихъ его, считалъ ихъ всѣхъ ниже себя. Хотя всѣ отъ него отшатнулись, а между прочимъ, странное дѣло, какое-то непонятное, таинственное настроеніе влекло къ нему и невольно заставляло вести себя сдержанно въ отношеніи къ нему, а въ то же время завидывать стойкости его угрюмаго нрава. Иногда въ аудиторіи нашей, въ свободные отъ лекцій часы, студенты громко вели между собой оживленныя бесѣды о современныхъ животрепещущихъ вопросахъ. Нѣкоторые увлекались, возвышая голосъ. Лермонтовъ бывало оторвется отъ своего чтенія и только взглянетъ на ораторствующаго, — но какъ взглянетъ!.. Говорящій невольно, будто струсивъ, или

[1] Вотъ чѣмъ объясняется, что когда Лермонтовъ 1 іюня 1832 г. подаетъ прошеніе объ увольненіи, онъ пишетъ: «прошлаго 1830 г. въ августѣ былъ я принятъ въ сей университетъ». —Вышло приказаніе считать два года за одинъ.

умалить свой экстазъ, или совсѣмъ замолчитъ. Доза яда во взглядѣ Лермонтова была поразительна. Сколько презрѣнія, насмѣшки и вмѣстѣ съ тѣмъ сожалѣнія изображалось тогда на его строгомъ лицѣ.

«Внѣ стѣнъ университета Лермонтовъ точно также чуждался насъ. Онъ посѣщалъ великолѣпные балы тогдашняго московскаго благороднаго собранія, являлся на нихъ изысканно одѣтымъ, въ сообществѣ прекрасныхъ свѣтскихъ барышень, къ коимъ относился такъ же фамильярно, какъ къ почтеннымъ вліятельнымъ лицамъ, во фракахъ со звѣздами, или ключами назади, прохаживавшимся съ нимъ по заламъ. При встрѣчахъ съ нами онъ дѣлалъ видъ, будто не знаетъ насъ. Не похоже было, что мы съ нимъ были въ одномъ университетѣ, факультетѣ и на одномъ и томъ же курсѣ. Наконецъ мы совершенно отвернулись отъ Лермонтова и перестали имъ заниматься».

Всѣ ли отвернулись отъ него, и не сошелся ли Лермонтовъ все-таки съ нѣкоторыми товарищами—это вопросъ. Изъ дальнѣйшихъ разсказовъ и признаній Вистенгофа можно заключить, что тогдашнее его развитіе и знаніе стояли несоизмѣримо ниже лермонтовскаго и что, конечно, общаго между ними не могло быть.

Что Лермонтовъ не чуждъ былъ студенческой жизни и товарищескаго круга, мы можемъ судить по нѣкоторымъ даннымъ и по отдѣльнымъ сценамъ автобіографической драмы его «Странный человѣкъ», писанной въ 1831 году, на второй годъ пребыванія поэта въ университетѣ. Въ драмѣ этой сцена четвертая, помѣченная 17-мъ октября, представляетъ комнату студента Рябинова.

„Бутылки шампанскаго на столѣ, и довольно много безпорядка. Снѣгинъ, Челяевъ, Рибиновъ, Заруцкій, Вишневскій курятъ трубки. Ни одному нѣтъ болѣе 20 лѣтъ".

Среди шумнаго разгула и безумныхъ или циничныхъ тостовъ между нѣкоторыми присутствующими, идетъ и серьезный разговоръ. Говорятъ объ отсутствующемъ товарищѣ, Владимірѣ Арбенинѣ [имя, подъ коимъ Лермонтовъ не разъ до нѣкоторой степени рисовалъ самого себя]. Этотъ Арбенинъ—странный человѣкъ

„То шутитъ и хохочетъ, но вдругъ замолчитъ и сдѣлается подобенъ истукану, или вдругъ вскочитъ, убѣжитъ, какъ будто бы потолокъ провалился надъ нимъ...“

Говорятъ о театрѣ, въ которомъ давали *общипанныхъ* «Разбойниковъ» Шиллера. Поднимаются и такіе вопросы: «Господа, когда же русскіе будутъ русскими?» На что студентъ Челяевъ отвѣчаетъ: «Когда они на сто лѣтъ подвинутся назадъ и будутъ просвѣщаться и образовываться снова-здорова». Видно, Лермонтову не чужды были мысли, которыя затрогивались уже тогда въ кружкахъ Аксаковыхъ и послѣ вспыхнули яркимъ огнемъ, когда философскія письма Чаадаева подѣлили московскіе кружки на два лагеря: «славянофиловъ» и «западниковъ», изъ которыхъ первые видѣли спасеніе Россіи въ томъ, чтобы повернуть назадъ, къ Руси до петровской, и вступить на путь естественнаго, органически связаннаго съ народомъ развитія; а вторые требовали совершеннаго отчужденія отъ всего русскаго и народнаго и полнѣйшаго слитія съ Западомъ.

Кстати относительно трагедіи «Странный человѣкъ». Въ ней есть мѣсто, затрогивающее вопросъ крѣпостнаго права. Въ молодежи тогда много судили и рядили о правахъ человѣка и о несправедливости угнетенія цѣлой массы людей сословіемъ, подъ часъ злоупотреблявшимъ своими правами и преимуществами. Идеи эти занимали кружокъ Бѣлинскаго и побудили написать драму, первую его неудавшуюся попытку литературнаго творчества [1]. Если сравнить относящіяся до этого мысли въ драмѣ Бѣлинскаго и драмѣ Лермонтова [«Странный человѣкъ», сцена пятая], то нельзя не увидать полнаго тождества идей у обоихъ студентовъ и начинающихъ писателей.

У Бѣлинскаго слуга разсказываетъ о положеніи крестьянъ по смерти барина,—разсказываетъ, какъ барыня начала тиранствовать: «била какъ собакъ, и отдавала въ солдаты, и пускала по міру, отнимала хлѣбъ, скотъ, обирала деньги, холстъ... Да всего и сказать нельзя. На каторгѣ колодникамъ житье лучше, чѣмъ намъ грѣшнымъ у барыни».

---

[1] О трагедіи Бѣлинскаго см. Пыпинъ «Бѣлинскій, его жизнь», гл. II, и въ «Русск. Стар.» 1876 г., т. XV, стр. 66.

Герой драмы, Владиміръ, выражаетъ по поводу этого гуманныя мысли свои: «Неужели эти люди для того только и родятся на свѣтъ, чтобы служить прихотямъ такихъ же людей, какъ и они сами?.. Кто далъ это гибельное право однимъ людямъ порабощать своей власти волю другихъ подобныхъ имъ существъ? Кто позволилъ имъ ругаться надъ правами природы и человѣчества? Господинъ можетъ для потѣхи или для разсѣянья, содрать шкуру съ своего раба, продать его, какъ скота, вымѣнять на собаку, лошадь, корову... Милосердый Боже! Отецъ человѣковъ! Отвѣтствуй мнѣ: Твоя ли премудрая рука произвела на свѣтъ этихъ змѣевъ, этихъ крокодиловъ, этихъ тигровъ?..» и т. д.

У Лермонтова крестьянинъ приходитъ къ молодому человѣку, другу героя драмы [по странной случайности названному Бѣлинскимъ], и также жалуется на жестокое обращеніе барыни.

„Она бьетъ безъ милосердія, мучаетъ и терзаетъ такъ, что хоть въ воду..."

Герой драмы, какъ и у Бѣлинскаго, по имени Владиміръ, приходитъ отъ разсказа въ бѣшенство и восклицаетъ:

„Люди, люди! и до такой степени злодѣйства доходятъ женщины, твореніе иногда столь близкое къ ангелу!.. О, проклинаю ваши улыбки, ваше счастье, ваше богатство — все куплено кровавыми слезами!.. Ломать руки, колоть, сѣчь, рѣзать, выщипывать бороду волосокъ по волоску... О, Боже! при одной мысли объ этомъ я чувствую боль во всѣхъ моихъ жилахъ... О, мое отечество, мое отечество!.."

Владиміръ уговариваетъ друга своего купить несчастныхъ крестьянъ и отдаетъ ему послѣднія свои деньги.

Не лишнимъ будетъ упомянуть, что какъ разъ въ это время Лермонтовъ въ черновой тетради записываетъ сюжетъ трагедіи:

„Молодой человѣкъ въ Россіи, который не дворянскаго происхожденія, отвергаемъ обществомъ, любовью, унижаемъ начальниками. [Онъ былъ изъ поповичей или изъ мѣщанъ, учился въ университетѣ и вояжировалъ на казенный счетъ.] Онъ застрѣлился". [соч. т. IV стр. 7].

«Вояжировалъ на казенный счетъ», по тогдашнему способу выраженія, легко можетъ означать отправку въ ссылку.

Чтобы Лермонтовъ въ университетѣ былъ знакомъ съ Бѣлинскимъ,—сомнительно; иначе послѣдній, разсказывая впослѣдствіи о знакомствѣ своемъ съ Лермонтовымъ въ Петербургѣ, упомянулъ бы объ университетскихъ отношеніяхъ. Нѣтъ, тутъ не можетъ быть и рѣчи о взаимномъ вліяніи. Интересенъ фактъ, что оба произведенія: драма Бѣлинскаго и драма Лермонтова, писанныя въ одно время, являютъ аналогію въ интересахъ и обсужденіи тѣхъ же вопросовъ. Это служитъ доказательствомъ, какіе вопросы волновали молодежь въ аудиторіи и кружкахъ, и что Лермонтовъ не былъ равнодушенъ къ нимъ.

Я уже говорилъ, что Михаилъ Юрьевичъ не былъ членомъ какого-либо изъ упомянутыхъ выше кружковъ университетской молодежи. Кругъ студентовъ, съ которыми онъ видался, былъ не великъ. То были большею частью товарищи по университетскому пансіону, или молодые люди изъ общества бабушки и большаго числа тетушекъ и кузинъ. Время, проводимое въ этомъ обществѣ, состояло изъ свѣтскихъ удовольствій, вечеровъ и баловъ, въ коихъ принималъ участіе рано избалованный бабушкою поэтъ нашъ, не отдавая впрочемъ этой жизни души своей и сохраняя въ чистотѣ святая святыхъ ея. Лермонтовъ какъ бы искалъ въ разсѣянной жизни забвенія отъ внутренней тоски. Онъ чувства свои и лучшую сторону своего *я* таилъ отъ всѣхъ, или раскрывалъ его лишь двумъ-тремъ изъ особенно близкихъ людей. Внѣшнюю сторону тогдашней жизни своей — свои свѣтскія удовольствія и ту сторону характера, которую онъ выказывалъ толпѣ знакомыхъ, Лермонтовъ изображаетъ въ разсказѣ объ университетскихъ годахъ Печорина въ «Княгинѣ Лиговской». [т. V, стр. 150].

„До девятнадцатилѣтняго возраста Печоринъ жилъ въ Москвѣ. Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ таскался изъ одного пансіона въ другой и наконецъ увѣнчалъ свои странствованія вступленіемъ въ университетъ, согласно волѣ своей премудрой маменьки. Онъ получилъ такую охоту къ перемѣнѣ мѣстъ, что если-бы жилъ въ Гер-

маніи, онъ сдѣлался бы странствующимъ студентомъ. Но скажите ради Бога, какая есть возможность въ Россіи сдѣлаться бродягой повелителю трехъ тысячъ душъ и племяннику двадцати тысячъ московскихъ тетушекъ?

„Итакъ, всѣ его путешествія ограничивались поѣздками съ толпой такихъ же негодяевъ, какъ онъ, въ Петровскій паркъ, въ Сокольники и въ Марьину рощу. Можно вообразить, что они не брали съ собой тетрадей и книгъ, чтобы не казаться педантами. Пріятели Печорина, которыхъ число было, впрочемъ, *не очень велико*, были все молодые люди, которые встрѣчались съ нимъ въ обществѣ, ибо и въ то время студенты были почти единственными кавалерами московскихъ красавицъ, вздыхавшихъ невольно по эполетамъ и эксельбантамъ, не догадываясь, что въ нашъ вѣкъ эти блестящія вывѣски утратили свое прежнее значеніе. Печоринъ съ товарищами являлся также на всѣхъ гуляньяхъ. Держась подъ руки, они прохаживались между вереницами каретъ, къ великому соблазну квартальныхъ. Встрѣтивъ одного изъ этихъ молодыхъ людей, можно было, закрывъ глаза, держать пари, что сейчасъ явятся и остальные. Въ Москвѣ, гдѣ прозванія еще въ модѣ, прозвали ихъ „la bande joyeuse...“

Это описаніе характеризуетъ намъ бытъ той свѣтской молодежи, о которой упоминаетъ и Герценъ и Константинъ Аксаковъ, говоря о «молодыхъ людяхъ такъ-называемыхъ аристократическихъ домовъ, принесшихъ съ собою всю пошлость, всю наружную благовидность, все это бездушное приличіе своей сферы, всю ея зловредную свѣтскость» и т. д. Лермонтовъ отлично понималъ этихъ «приличныхъ» юношей и, становясь къ нимъ одною стороной существа своего, по привычкѣ своей все ввѣрять бумагѣ, сдѣлалъ ей, этой сторонѣ своего характера, оцѣнку въ Печоринѣ, точно такъ же какъ въ «Странномъ человѣкѣ» онъ изобразилъ свой внутренній міръ, а въ «Сашкѣ» — разгульную сторону студенческой жизни. Отзывчивая душа юнаго Лермонтова была доступна всѣмъ увлеченіямъ, каждому чувству, каждому движенію отъ легкомысленнаго порыва до пониманія высокой и сознательной мысли. Общепринятое: «пошлый опытъ—умъ глупцовъ»— не останавливало его. Въ то время съ ужасомъ смотрѣли благовоспитанные родители на Полежаева, и «матушка моя,— сообщалъ мнѣ товарищъ Лермонтова, Вистенгофъ,—недѣлю не говорила со мною, узнавъ, что я познакомился съ Поле-

жаевымъ, отъ котораго отцы и матери того времени отстраняли своихъ дѣтей, какъ отъ человѣка *опаснаго* и *заклейменнаго*». Лермонтовъ чувствовалъ симпатію къ этому мученику, какъ онъ и Бѣлинскій, тоже, уроженцу Пензенской губерніи [1].

Полежаевская исторія тогда была еще жива въ памяти университетской молодежи. Она случилась въ 1826 году. За нею начался рядъ стѣснительныхъ мѣръ для университета.

Объ Александрѣ Ивановичѣ, постигнутомъ судьбою такъ-сказать на другой день по окончаніи курса, много еще толковалось, а университетская поэма его «Сашка», несмотря на строгое запрещеніе, все ходила по рукамъ въ рукописяхъ. Эта поэма собственно не имѣла ничего политическаго, хотя Герценъ въ разсказѣ своемъ о Полежаевѣ старается дать ей такое значеніе, и съ легкой руки его мнѣніе это распространилось у насъ. «Сашка» имѣетъ частью автобіографическое значеніе, и Полежаевъ описываетъ въ немъ грубыя шутки и дикія, буйныя выходки студентовъ, кутилъ, повѣсъ, времена которыхъ миновали, когда былъ студентомъ Лермонтовъ, но нѣкоторые разсказы о коихъ еще жили въ памяти молодыхъ людей, въ извѣстные годы любящихъ что-называется «хватать черезъ край». Въ подражаніе или въ память Полежаеву и Лермонтовъ написалъ своего «Сашку», тоже съ автобіографическими чертами. Писанная однимъ размѣромъ съ Полежаевскимъ произведеніемъ, съ подобными же выходками эротическаго, подчасъ непристойнаго, содержанія, она вылилась у Лермонтова подъ вліяніемъ другой, менѣе благотворной, сферы, уже позднѣе, во время и послѣ пребыванія въ школѣ гвардейскихъ юнкеровъ; но такъ какъ въ ней частью рисуется

---

[1] Были ли поэты знакомы лично, неизвѣстно, но возможно, такъ какъ Полежаевъ, возвращенный съ Кавказа, гдѣ онъ былъ съ 1829 по сентябрь 1833 года, проживалъ въ Москвѣ до смерти, въ сентябрѣ 1837 года. Во время проѣздовъ черезъ Москву, особенно въ 1835 году, Лермонтовъ могъ видаться съ Полежаевымъ, тѣмъ болѣе, что у нихъ общимъ пріятельскимъ знакомствомъ являлась семья Бибиковыхъ.—Объ Алекс. Ив. Полежаевѣ смотри статью Г. Ефремова въ прекрасномъ изданіи соч. Полежаева г. Суворина, Спб. 1889 г.

университетское пребываніе Лермонтова, то я и говорю о ней въ этой главѣ. Мы видѣли выше, какимъ описываетъ Лермонтова въ свѣтскомъ кругу Вистенгофъ. Приблизительно такое же описаніе дѣлалъ мнѣ и другой его товарищъ [1]. И Лермонтовъ подтверждаетъ эти показанія, изображая героя поэмы «Сашка»:

Онъ ловокъ былъ, со вкусомъ былъ одѣтъ,
Изящно былъ причесанъ и такъ далѣ,
На пальцахъ перстни изливали свѣтъ,
И галстукъ надушенъ былъ, какъ на балѣ.
Ему едва ли было двадцать лѣтъ,
Но блѣдностью казалися покрыты
Его чело и нѣжныя ланиты,
[Не знаю, мукъ иль бурь послѣднихъ слѣдъ,
Но мнѣ давно знакомъ былъ этотъ цвѣтъ]
И на устахъ его, опаснѣй жала
Змѣи, насмѣшка вѣчная блуждала.
Замѣтно было въ немъ, что съ раннихъ дней
Въ кругу хорошемъ, то-есть въ модномъ свѣтѣ,
Онъ обжился, что часть своихъ ночей
Онъ убивалъ безплодно на паркетѣ
И что другую тратилъ не умнѣй...
Въ глазахъ его открытыхъ, но печальныхъ,
Нашли бы вы безъ наблюденій дальнихъ
Презрѣнье, гордость; хоть онъ былъ не гордъ,
Какъ глупый турокъ, иль богатый лордъ,
Но все-таки себя въ числѣ двуногихъ
Онъ почиталъ умнѣе очень многихъ. [т. II, стр. 185].

Впрочемъ, надо сознаться, что Лермонтовъ, говоря о «Сашѣ» или «Сашкѣ», въ поэмѣ этого имени, столько же относится къ самому себѣ, сколько къ Полежаеву. Въ героѣ поэмы слиты оба типа. Они имѣли много общаго, много нераз-

---

[1] Въ Москвѣ я отыскалъ г. Фее, товарища Лермонтова, впрочемъ не изъ близкихъ. Онъ о Лермонтовѣ могъ сообщить не много. Въ общихъ чертахъ его описанія сходны съ тѣмъ, что говоритъ Вистенгофъ. О братьяхъ Фее упоминается и въ запискахъ Хвостовой. Лермонтовъ «забавлялъ насъ анекдотами о двухъ братьяхъ Фее и для отличія называлъ одного Fé—nez-long, а другого Fé —nez-court. Фенелонъ былъ чѣмъ-то въ университетскомъ пансіонѣ и служилъ цѣлью эпиграммъ, сарказмовъ и каррикатуръ Мишеля». Относительно наружнаго вида Л. сходно говоритъ и Костенецкій, тоже товарищъ Лермонтова по университету.

гаданнаго, и много личной субъективной силы крылось въ нихъ. Жажда къ личной свободѣ и избытокъ огромныхъ силъ въ этихъ двухъ характерахъ, проявившихся какъ разъ въ то время, когда все подводилось подъ одинъ уровень и не терпѣлось ничего самобытнаго, дѣлаетъ ихъ страданія весьма схожими, дѣлаетъ судьбу ихъ схожею, съ тою только разницей, что за однимъ стояла богатая и вліятельная родня, да преданная бабушка, а другой былъ безродный бѣднякъ, отъ котораго отказался богатый дядя. Но оба они сошли непонятыми въ раннюю могилу подъ военною шинелью, подъ которою держали ихъ насильно и противъ воли [1]. Оба избытокъ силъ, которымъ выходъ былъ заказанъ, тратили непроизводительно, особенно въ первой молодости, не зная, куда дѣвать кипучую страсть, и не находя отвѣта на призывъ любящей души. Слѣдующая характеристика «Сашки» одинаково можетъ относиться и къ Лермонтову, и къ Полежаеву — личностямъ роковымъ:

Онъ былъ рожденъ подъ гибельной звѣздой,
Съ желаньями безбрежными, какъ вѣчность.
. . . .
...И въ пустынѣ свѣта
На дружный зовъ не встрѣтили отвѣта.
[т. II стр. 199].

Да, Лермонтовъ почуялъ это родство своей натуры съ Полежаевскою, и о немъ-то говоритъ онъ:

И ты, чья жизнь, какъ бѣглая звѣзда,
Промчалася неслышно между нами,
Ты мукъ своихъ не выразилъ словами,
Ты не хотѣлъ насмѣшки выпить ядъ
Съ улыбкою притворной, какъ Сократъ,
И не разгаданъ глупою толпою.
Ты умеръ — чуждый жизни... Миръ съ тобою!
И миръ твоимъ костямъ! Онѣ сгніютъ,
Покрытыя одеждою военной... [CXXXVII стр. 222 и д.].

---

1 Что Полежаевъ противъ воли долженъ былъ служить въ военной службѣ, извѣстно всѣмъ; но что Лермонтовъ, несмотря на свои связи, насильно удерживался въ ней, знаютъ немногіе. Въ своемъ мѣстѣ мы скажемъ объ этомъ.

Еще въ другихъ мѣстахъ поэмы встрѣчаются слова симпатіи къ Полежаеву, отличающіяся теплотой и искренностью тона.

Несмотря на то, что Лермонтовъ какъ будто чуждался товарищей по аудиторіи, онъ не отставалъ отъ нихъ, когда дѣло касалось такъ сказать, всей корпораціи, когда предпринималось, что-нибудь сопряженное съ общею опасностью и отвѣтственностью. Въ этомъ случаѣ Лермонтовъ являлся солидарнымъ съ другими, — ни искренность, ни гордость его характера не дозволяли ему отдѣляться отъ другихъ. Онъ ощущалъ вполнѣ то, что такъ выхваляетъ Аксаковъ, — «чувство общей связи товарищества».

Выказалось это въ извѣстной Маловской исторіи, бывшей въ началѣ 1831-го года. Профессоръ Маловъ на этико-политическомъ отдѣленіи читалъ исторію римскаго законодательства, или теорію уголовнаго права. Его любимою темой было разсужденіе о человѣкѣ. Онъ заставлялъ студентовъ писать на эту тему, чѣмъ надоѣдалъ имъ, какъ и вообще выводилъ ихъ изъ терпѣнія назойливымъ и придирчивымъ своимъ характеромъ. Грубый и необразованный, онъ довелъ-таки студентовъ до того, что они рѣшились сдѣлать ему «скандалъ».

Сговорившись съ нѣкоторыми изъ товарищей своихъ по другимъ отдѣленіямъ, студенты собрались въ аудиторію. Черезъ край полная аудиторія—разсказываетъ очевидецъ—волновалась и издавала глухой, сдавленный гулъ. Маловъ обыкновенно начиналъ свои лекціи словами: «человѣкъ, который...» Едва онъ на этотъ разъ началъ лекцію своимъ обычнымъ выраженіемъ, какъ началось шарканье. «Вы выражаете ваши мысли ногами, какъ лошади!»—раздраженно замѣтилъ профессоръ и попытался овладѣть шумомъ, вновь приступая къ лекціи. «Человѣкъ, который...» — произнесъ онъ опять.— «Прекрасно! Fora!»—кричатъ студенты.—«Человѣкъ, который...» — «Bis! Прекрасно!...» Бѣдный Маловъ замѣчаетъ:— «Господа, я долженъ буду уйти!...» Ему кричатъ: «Прекрасно, браво!...» Наконецъ поднялась цѣлая буря. Студенты вскочили на лавки, раздались свистки, шиканье, крики: «Вонъ его, вонъ!...» Потерявшійся Маловъ сошелъ съ каѳедры, про-

дираясь къ дверямъ. Съ шиканьемъ и свистомъ провожали его слушатели. Всѣ шли за нимъ по коридору, по лѣстницѣ. Торопливо одѣвшись, Маловъ вышелъ на университетскій дворъ. Студенты бросили въ слѣдъ ему забытыя имъ калоши. Они проводили его до воротъ и вышли на улицу. Такимъ образомъ дѣло получило формально болѣе серіозный характеръ. Малова вообще не любили и часто студенты встрѣчали его шиканьемъ, или устраивали ему шумные скандалы въ аудиторіяхъ. Это проходило безнаказаннымъ, или безъ серіозныхъ послѣдствій; но на этотъ разъ исторія получила публичность, да и вообще къ студентамъ, какъ уже замѣчено, стали относиться строже. Родители и молодежь, уже наученные опытомъ и зная, что такая исторія можетъ повести за собою болѣе или менѣе строгія наказанія—отдачу въ солдаты, а не то и отправленіе ихъ въ отдаленную ссылку—ожидали кары.

Особенно грозила опасность тѣмъ изъ участниковъ, которые, принадлежа къ другимъ факультетамъ, пришли въ аудиторію въ качествѣ вспомогательнаго войска [1].

Къ послѣднимъ принадлежалъ и Лермонтовъ. Онъ ждалъ наказанія, что видно изъ стихотворенія, написаннаго имъ въ то время другу и товарищу по университету Н. И. Поливанову [Т. I, стр. 177].

На этотъ разъ однако опасность миновала.

Университетское начальство, боясь, чтобы не было назначено особой слѣдственной коммиссіи и дѣлу придано преувеличенное значеніе, отъ чего могли возникнуть непріятности и для него, поспѣшило само подвергнуть наказанію нѣкоторыхъ изъ студентовъ и по возможности уменьшить вину ихъ. Самъ Маловъ былъ сдѣланъ отвѣтственнымъ за безпорядокъ и въ тотъ же годъ получилъ увольненіе [2]. Изъ студентовъ лишь

---

[1] Исторію съ Маловымъ разсказываетъ Герценъ [«Былое и думы», т. I, глава V] и Дудышкинъ въ матеріалахъ для біогр. Лермонтова, изд. 1863 г., т. VI. О Маловѣ, нелюбимомъ студентами и часто подвергавшемся шиканью, упоминаетъ Ляликовъ [Русскій Архивъ 1875 года, кн. III, стр. 385].

[2] Михаилъ Яковлевичъ [род. 1709 года, ум. 1849] вышелъ кандидатомъ изъ Московскаго университета въ 1811 г.; съ 1823 г. читалъ онъ исторію римскаго законодательства на этико-политическомъ отдѣленіи; съ 1828 г.

нѣкоторые были приговорены къ легкому наказанію—заключенію въ карцеръ.

Ректоръ Двигубскій, благоразумно избѣгавшій затрогивать студентовъ съ вліятельною родней, кажется, вовсе не подвергнулъ Лермонтова взысканію. Герценъ же, какъ предводитель секурса, пришедшаго съ медицинскаго факультета, посидѣлъ подъ арестомъ. Обыкновенное мнѣніе, что Лермонтовъ изъ-за этой исторіи долженъ былъ покинуть Московскій университетъ, совершенно ошибочно [1]; но весьма возможно, что участіе его въ ней, равно какъ и нѣкоторыя столкновенія съ другими профессорами, заставили университетское начальство смотрѣть на него косо и желать отдѣлаться отъ дерзкаго питомца.

По разсказамъ товарища, у Лермонтова въ это же время были столкновенія съ профессорами: Побѣдоносцевымъ и другими.

былъ онъ сдѣланъ экстраординарнымъ профессоромъ, а въ 1831 г. уволенъ отъ должности съ пенсіей въ 400 рубл. асс. [«Біографич. словарь» профессора Малова; «Былое и думы» Герцена, гл. VI].

[1] Догадка объ удаленіи Лермонтова изъ университета, вслѣдствіе исторіи съ Маловымъ, впервые печатно высказана Дудышкинымъ въ матеріалахъ для біографіи Лермонтова, стр. VI [изд. «Соч. Лермонтова» 1860 г.]. Взято это было Дудышкинымъ все изъ того же опыта біографіи Хохрякова, матеріалами коего онъ такъ много пользовался, не указавъ впрочемъ источника. Приводя дословно цѣлыя страницы изъ тетради Хохрякова, г. Дудышкинъ въ разсказѣ о Маловской исторіи измѣнилъ только слова г. Хохрякова: «а вотъ что мы слышали» на—«а вотъ что намъ разсказывали». Догадка Дудышкина была принята за достовѣрное и А. Н. Пыпинымъ («Біографія Лермонтова», издан. 1873 года, стр. XXIV), несмотря на то, что уже г-жа Ладыженская въ статьѣ своей: «Замѣчанія на воспоминанія Екатерины Алекс. Хвостовой» [Русскій Вѣстникъ 1872 года, № 2, стран. 660]—отвергаетъ разсказъ объ исключеніи Лермонтова. А. Н. Пыпинъ усомнился въ ея показаніяхъ. Что же касается письма, приводимаго Дудышкинымъ, затѣмъ Пыпинымъ и другими, писаннаго будто близкимъ къ Лермонтову человѣкомъ по поводу этой исторіи, то письмо это писано позднѣе, въ 1832 году, по поводу попытки Лермонтова вступить въ Петербургскій университетъ, какъ увидимъ ниже. Относительно выхода Лермонтова изъ Московскаго университета вслѣдствіе «исторіи», г. Поливановъ [Русск. Стар. 1875 г., т. XII, стр. 813] замѣчаетъ, что отцу его [т. е. товарищу Лермонтова] казалось сомнительнымъ исключеніе Лермонтова изъ университета. «При господствующей тогда строгости врядъ ли могъ исключенный быть принятъ въ школу гвардейскихъ юнкеровъ».

«Передъ рождественскими праздниками—говоритъ Вистенгофъ—профессора дѣлали репетиціи, то-есть повѣряли знанія своихъ слушателей за пройденное полугодіе и, согласно отвѣтамъ, ставили баллы, которые брались въ соображеніе на публичныхъ переходныхъ экзаменахъ. Профессоръ Побѣдоносцевъ, читавшій изящную словесность, задалъ какой то вопросъ Лермонтову. На этотъ вопросъ Лермонтовъ началъ отвѣчать бойко и съ увѣренностью. Профессоръ сначала слушалъ его, а потомъ остановилъ и сказалъ:

— Я вамъ этого не читалъ. Я бы желалъ, чтобы вы мнѣ отвѣчали именно то, что я проходилъ. Откуда могли вы почерпнуть эти знанія?

— Это правда, господинъ профессоръ,—отвѣчалъ Лермонтовъ—вы намъ этого, что я сейчасъ говорилъ, не читали, и не могли читать, потому что это слишкомъ ново и до васъ еще не дошло. Я пользуюсь научными пособіями изъ своей собственной библіотеки, содержащей все вновь выходящее на иностранныхъ языкахъ.

Мы переглянулись. Отвѣтъ въ этомъ родѣ былъ данъ уже и прежде профессору Гастеву, читавшему геральдику и нумизматику».

Дерзкими выходками этими профессора обидѣлись и припомнили это Лермонтову на публичномъ экзаменѣ. Вистенгофъ замѣчаетъ при этомъ, что эти столкновенія съ профессорами открыли товарищамъ глаза относительно Лермонтова. «Теперь человѣкъ этотъ намъ вполнѣ высказался. Мы поняли его», то есть уразумѣли, какъ полагаетъ Вистенгофъ, заносчивый и презрительный нравъ Лермонтова»[1].

---

[1] По разсказу Вистенгофа выходитъ впрочемъ, что столкновеніе Лермонтова съ профессоромъ Побѣдоносцевымъ было въ первое полугодіе послѣ его поступленія. Но тутъ г. Вистенгофъ должно быть запамятовалъ. Извѣстно, что лекціи въ университетѣ прекратились осенью 1830 года, по случаю холеры, и опять начались въ январѣ 1831 года, слѣдовательно и репетиціи передъ Рождествомъ могли быть только въ 1831 году. Затѣмъ Вистенгофъ утверждаетъ, что Побѣдоносцевъ на публичныхъ [переходныхъ] экзаменахъ отомстилъ Лермонтову. Весною 1831 года экзаменовъ не было [о чемъ замѣчено выше], а были они весною 1832 г. На словахъ Вистенгофъ замѣтилъ мнѣ, что положительно знаетъ, что Лермонтовъ вышелъ изъ

Надо однако же сказать, что при тогдашнемъ печальномъ преподаваніи и презрительномъ отношеніи къ нему даже лучшихъ студентовъ, такія выходки Лермонтова не представляли ничего необыкновеннаго. К. Аксаковъ разсказываетъ, что «Коссовичъ [извѣстный нашъ санскритистъ] тоже уединялся отъ всѣхъ, не занимался университетскимъ ученьемъ, не ходилъ почти на лекціи, а когда приходилъ, то приносилъ съ собою книгу и не отнималъ отъ нея головы все время, какъ былъ въ аудиторіи. Коссовичъ, который въ это время вступилъ на свою дорогу филологическаго призванія и глоталъ одинъ языкъ за другимъ, трудясь дѣльно и образовывая себя, былъ оставленъ на второмъ курсѣ и только впослѣдствіи, занявшись университетскими предметами, вышелъ кандидатомъ».

Бѣлинскій тоже равнодушно не могъ слушать нѣкоторыхъ лекцій. Однажды Побѣдоносцевъ въ самомъ азартѣ объясненій вдругъ остановился и, обратившись къ Бѣлинскому, сказалъ: «Что ты, Бѣлинскій, сидишь такъ безпокойно, какъ будто на шилѣ, и ничего не слушаешь?... Повтори-ка мнѣ послѣднія слова, на чемъ я остановился?»—«Вы остановились на словахъ, что «я сижу на шилѣ», отвѣчалъ спокойно и не задумавшись Бѣлинскій. При такомъ наивномъ отвѣтѣ студенты разразились смѣхомъ. Преподаватель съ гордымъ презрѣніемъ отвернулся отъ неразумнаго, по его разумѣнію, студента и продолжалъ свою лекцію о хріяхъ, инверсахъ и автоніанахъ, но горько потомъ пришлось Бѣлинскому за его убійственно-ѣдкій отвѣтъ [1].

Итакъ, выходка Лермонтова не представляла ничего необычайнаго, но легко могла разсердить профессора обидностью тона и явно презрительнымъ отношеніемъ къ его преподаванію, высказанными въ присутствіи всей аудиторіи.

университета не вслѣдствіе «исторіи», а «скорѣе изъ самолюбія, потому что оборвался на экзаменѣ и считалъ, что Побѣдоносцевъ къ нему придирается, что можетъ быть и была правда». Выходитъ: столкновеніе съ Побѣдоносцевымъ было въ концѣ 1831 года. Весною на экзаменахъ онъ ему припомнилъ выходку, и уже 1-го іюня Лермонтовъ подаетъ прошеніе объ увольненіи изъ университета.

1 Пыпинъ: жизнь Бѣлинскаго I стр. 65.

Когда подошли публичные переходные экзамены, профессора дали почувствовать строптивому студенту, что безнаказанно нельзя презирать ихъ лекцій.

Произошло ли новое столкновеніе съ Побѣдоносцевымъ, вслѣдствіе коего Лермонтовъ не хотѣлъ далѣе экзаменоваться, или же экзаменовался онъ неудачно, но только продолжать курсъ въ Московскомъ университетѣ оказалось неудобнымъ. Быть-можетъ именно тутъ начальство, припоминая выходки Лермонтова, постаралось намекнуть на то, что удобнѣе было бы ему продолжать курсъ въ другомъ университетѣ. Во всякомъ случаѣ рѣшено было родными и самимъ Михаиломъ Юрьевичемъ изъ Московскаго университета выйти и поступить въ Петербургскій. 1-го іюня 1832 года Лермонтовъ вошелъ съ прошеніемъ въ правленіе университета объ увольненіи его изъ онаго и о выдачѣ надлежащаго свидѣтельства для перехода въ Императорскій С.-Петербургскій университетъ. Таковое свидѣтельство и было выдано просителю 18 числа того же мѣсяца. Замѣчательно, что въ свидѣтельствѣ ничего не говорится о томъ, на какомъ Лермонтовъ числился курсѣ, а только то, что, поступивъ въ число студентовъ 1-го сентября 1830 года, слушалъ лекціи по словесному отдѣленію.

Снабженный свидѣтельствомъ о пребываніи въ университетѣ, Лермонтовъ съ бабушкой лѣтомъ 1832 года отправились въ Петербургъ, гдѣ помѣстились въ квартирѣ на берегу Мойки, у Синяго моста, въ домѣ, который позднѣе принадлежалъ журналисту Гречу.

Однако Петербургскій университетъ отказался зачесть Лермонтову годы пребыванія въ Московскомъ университетѣ, и такимъ образомъ ему пришлось бы поступить вновь на первый курсъ. Къ тому же, какъ разъ въ это время, заговорили объ увеличеніи университетскаго курса на столько, чтобы студенты оканчивали его не въ три, а въ четыре года. Это испугало Лермонтова; онъ видѣлъ несправедливость въ томъ, что ему не хотѣли зачесть лѣтъ, проведенныхъ въ Москвѣ. Поступивъ въ Петербургъ въ число студентовъ, ему пришлось бы окончить курсъ въ 1836 г. Этимъ онъ тяготился,—ему хотѣлось на свободу, стать независимымъ человѣкомъ. Еще не

задолго передъ тѣмъ писалъ онъ въ альбомъ «Саши Верещагиной»:

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноглазую дѣвицу,
Черногриваго коня:
Я пущусь по дикой степи,
И надменно *сброшу я*
Образованности цѣпи
И вериги бытія [т. I стр. 255 и д.].

Свободолюбивая натура Лермонтова тяготилась всякими стѣсненіями. Онъ всюду чувствовалъ «вериги бытія». Порядки университета и общества въ юношескомъ преувеличеніи казались ему цѣпями.

Лермонтову хотѣлось во что бы то ни стало вырваться изъ положенія зависимаго. Вотъ почему онъ задумалъ поступить юнкеромъ въ полкъ и въ училище, изъ коего онъ могъ выйти уже въ 1834 году и, слѣдовательно, выигрывалъ два года.

Къ тому же многіе изъ его друзей и товарищей по университетскому пансіону и Московскому университету, какъ разъ въ это время, тоже переходятъ въ «школу». Еще за годъ вступилъ въ нее любимѣйшій изъ товарищей Лермонтова по университетскому пансіону, Михаилъ Шубинъ, а одновременно съ нимъ—Поливановъ изъ Московскаго университета, друзья и близкіе родственники—Алексѣй [Монго] Столыпинъ и Николай Юрьевъ, да Михаилъ Мартыновъ—сосѣдъ по пензенскому имѣнію[1].

---

[1] О близкой дружбѣ Лермонтова съ Шубинымъ разсказывалъ мнѣ А. З. Зиновьевъ. Онъ очень хвалилъ Шубина, называлъ его человѣкомъ прекрасныхъ душевныхъ свойствъ. Шубинъ этотъ впослѣдствіи, какъ и Лермонтовъ, былъ переведенъ въ армію изъ лейбъ-гусаръ за то, что ударилъ камерлакея. Относительно Поливанова см. Русск. Старину 1875 года, т. XII, стр. 812, о прочихъ въ историч. очеркѣ Николаев. кавалер. училища, выпуски 1833, 34 и 35 гг. За полгода до выхода Лермонтова изъ «школы» вышелъ изъ нея въ гвардію графъ Ник. Серг. Толстой, тоже перешедшій въ «школу» изъ Московскаго университета [Сушковъ: Моск. унив. пансіонъ стр. 75]. Толстой—авторъ сочиненія «Заволжскіе очерки, взгляды и разсказы». Еще раньше поступили въ «Школу» изъ Моск. унив. пансіона Ник. Назимовъ, да и многіе другіе.

Не удивительно, что все это подстрекало Лермонтова, пылкій характеръ коего, конечно, не могъ удовлетвориться дѣятельностью въ службѣ гражданской, а въ то время вѣдь всякій непремѣнно долженъ былъ служить или въ военной, или въ гражданской службѣ. Его натура, жаждавшая бурь и сильныхъ ощущеній, насыщенная съ дѣтства разсказами Капэ о наполеоновскихъ войнахъ и родныхъ, о кавказскихъ приключеніяхъ, конечно, влекла къ жизни военной. Не даромъ въ юношескихъ произведеніяхъ онъ прославлялъ бои и выказывалъ симпатію къ военному быту и военнымъ людямъ. Страсть къ литературѣ одна, вѣроятно, заставляла его насиловать натуру свою и уступать желаніямъ бабушки, которая и слышать не хотѣла, чтобы внукъ подвергалъ себя опасностямъ боевой жизни. Позднѣе еще, когда Лермонтовъ юнкеромъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка стоялъ въ Петергофѣ и въ лагерное время захворалъ, выказалась, по разсказамъ очевидцевъ, вся нелюбовь Арсеньевой къ военной карьерѣ внука. Бабушка пріѣхала къ начальнику Лермонтова, полковнику Гельмерсену, просить отпустить больнаго домой. Гельмерсенъ находилъ это лишнимъ и старался увѣрить бабушку, что для внука ея нѣтъ никакой опасности. Во время разговора онъ сказалъ:

— Что же вы сдѣлаете, если внукъ вашъ захвораетъ во время войны?

— А ты думаешь,—бабушка, какъ извѣстно, всѣмъ говорила «ты»,—а ты думаешь, что я его такъ и отпущу въ военное время?!—раздраженно отвѣтила она.

— Такъ зачѣмъ же онъ тогда въ военной службѣ?

— Да это пока миръ, батюшка!... А ты что думалъ? [1].

Желанія бабушки и мечты о дѣятельности литературной, о славѣ, подобной Байрону, вѣроятно, сдерживали Лермонтова отъ стремленія поступить въ военную службу, и этимъ объясняются слова поэта въ письмѣ къ подругѣ своей о томъ, что онъ до сихъ поръ принесъ столько жертвъ своему идо-

---

1 Изъ разсказовъ г-жи Гельмерсенъ, рожден. Россильонъ, бывшей при бесѣдѣ мужа своего съ бабушкою Лермонтова. Г-жа Гельмерсенъ скончалась въ Дерптѣ въ концѣ 80-хъ годовъ.

лу, т. е. литературнымъ интересамъ [1]. Теперь сами обстоятельства наталкиваютъ поэта на путь, въ душѣ ему не совсѣмъ чуждый.

Рѣшеніе Михаила Юрьевича такъ растревожило бабушку, что она даже захворала. Родные и знакомые въ Москвѣ всполошились и не мало толковъ стало ходить по кружкамъ.

Двоюродная сестра Михаила Юрьевича, Анна Григорьевна Столыпина, писала въ Москву по поводу его перехода, и тамъ сочинили цѣлую сплетню, будто Лермонтовъ имѣлъ непріятности и въ Петербургскомъ университетѣ, изъ-за коихъ былъ исключенъ и вынужденъ поступить въ «юнкерскую школу». Вѣрный другъ Лермонтова, Сашенька Верещагина, пишетъ ему изъ Москвы встревоженное письмо: «Аннетъ Столыпина пишетъ П., что вы имѣли непріятность въ университетѣ и что тетка моя [т. е. бабушка Арсеньева] отъ этого захворала; ради Бога напишите мнѣ, что это значитъ? У насъ все дѣлаютъ изъ мухи слона,—ради Бога успокойте меня! Къ несчастію, я васъ знаю слишкомъ хорошо, чтобы быть спокойною. Я знаю, что вы способны рѣзаться съ первымъ встрѣчнымъ изъ за перваго вздора. Фи, стыдъ какой!... Съ такимъ дурнымъ характеромъ вы никогда не будете счастливы [2].

---

[1] Къ Мар. Ал. Лопухиной письмо отъ октября 1832 г. [т. V стр. 392].

[2] Отрывокъ изъ этого письма, писаннаго на французскомъ языкѣ, впервые напечатанъ былъ Дудышкинымъ въ «Матеріалахъ для біографіи Лермонтова», стр. VI, и оттуда перешелъ въ другія біографіи нашего поэта. Дудышкинъ взялъ этотъ отрывокъ изъ матеріаловъ Хохрякова. Но г. Хохряковъ не называетъ фамиліи Александры Верещагиной, а только ставитъ буквы А. В., да упоминаетъ, что письмо писано отъ 13 декабря. Кто сообщилъ г. Хохрякову этотъ отрывокъ, не знаю; но отвѣтное письмо Лермонтова, найденное мною въ бумагахъ покойной А. Верещагиной, впослѣдствіи Гюгель, доказываетъ, что «близкое къ Лермонтову лицо» и есть А. Верещагина, а подъ буквами А. С. скрыта Анна Столыпина, а кто П. — не знаю, можетъ быть Павелъ Евреиновъ, сынъ сестры Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой, вышедшей замужъ за Евреинова. О немъ Лермонтовъ пишетъ къ С. А. Бахметевой [т. V, стр. 381 и 382]. Евреиновъ въ это время былъ въ Москвѣ, что видно изъ того, что Лермонтовъ въ письмѣ отъ 2 сентября 1832 г. къ М. А. Лопухиной говоритъ: «Dites moi, chére miss Mary si monsieur mon cousin Evreinoff vous a rendu mes lettres, et comment vous le trouvez...».

Кажется, что въ сплетняхъ, бывшихъ въ Москвѣ по поводу перехода

Должно быть близкимъ Лермонтова хорошо были извѣстны столкновенія его съ профессорами и начальствомъ въ Московскомъ университетѣ, такъ какъ извѣстіе о таковыхъ же стычкахъ въ Петербургскомъ университетѣ нашло полное довѣріе.

На письмо Верещагиной Лермонтовъ отвѣчалъ:

„Несправедливая и легковѣрная женщина! [Замѣтьте, что я въ полномъ правѣ такъ называть васъ, дорогая кузина!]. Вы повѣрили словамъ и письму молодой дѣвушки, не подвергнувъ ихъ критикѣ. Annette говоритъ, что она никогда не писала, что я имѣлъ непріятность, но что мнѣ не зачли, какъ это было сдѣлано для другихъ, годы, проведенные мною въ Московскомъ университетѣ. Дѣло въ томъ, что вышла реформа для всѣхъ университетовъ, и я опасаюсь, чтобъ отъ нея не пострадалъ также и Алексисъ [Лопухинъ], ибо къ прежнимъ тремъ невыносимымъ годамъ прибавили еще одинъ [т. V стр. 389].

Что Лермонтовъ не безъ борьбы рѣшился перемѣнить свою судьбу, видно по той боли, съ какою онъ покидаетъ прежнія мечты о литературномъ поприщѣ. Онъ рано свыкся съ этою мыслью и ею жилъ. Въ изученіи великихъ писателей отечественныхъ и иностранныхъ, въ мысленной бесѣдѣ съ ними, проводилъ онъ свою молодость; съ самаго почти дѣтства онъ жаждалъ достигнуть ихъ значенія и славы, и со всѣмъ этимъ надо было теперь проститься.

Около того же времени пишетъ онъ другу своему Марьѣ Александровнѣ Лопухиной:

„Не могу представить себѣ, какое дѣйствіе произведетъ на васъ моя великая новость: до сихъ поръ я жилъ для поприща литературнаго, принесъ столько жертвъ своему неблагодарному идолу, и вотъ теперь я—воинъ.

„Быть-можетъ тутъ есть особая воля Провидѣнія: быть-можетъ этотъ путь всѣхъ короче; и если онъ не ведетъ къ моей первой цѣли, можетъ-быть по немъ дойду до послѣдней цѣли всего су-

---

Лермонтова на военную карьеру, принималъ участіе этотъ Павелъ Евреиновъ, потому что въ припискѣ къ письму на имя М. А. Лопухиной Лермонтовъ, недавно еще хорошо отзывавшійся о Евреиновѣ, говоритъ: «Je n'ai jamais rien écrit par rapport à vous à Evreinoff et vous voyez que tout ce que j'ai dit de son caractère est vrai; seulement j'ai eu tort en disant qu'il est hypocrite,—il n'a pas assez de moyens pour cela: il n'est que menteur» [т. V. стр. 388].

ществующаго: вѣдь лучше умереть съ свинцомъ въ груди, чѣмъ отъ медленнаго старческаго истощенія“ [т. V стр. 392].

Тогда же писалъ онъ и къ Александрѣ Верещагиной:

„Теперь, конечно, вы уже знаете, что я поступаю въ школу гвардейскихъ юнкеровъ... Еслибы вы могли представить себѣ все горе, которое я испытываю, вы бы пожалѣли меня. Не браните же болѣе, а утѣшьте меня, если обладаете сердцемъ“ [т. V, стр. 390].

Лермонтовъ выдержалъ поступной экзаменъ въ юнкерскую школу въ концѣ октября или началѣ ноября. Приказомъ по школѣ отъ 14 ноября 1832 г. онъ былъ зачисленъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ на правахъ вольноопредѣляющагося унтеръ-офицера. Знакомые и родные еще долго не могли свыкнуться съ этимъ измѣненіемъ въ карьерѣ молодаго человѣка.

Еще отъ 7-го января слѣдующаго 1833 года, когда Лермонтовъ лежалъ больной, съ ногою зашибленной на ученьѣ лошадью, ему пишетъ изъ Москвы Алексѣй Лопухинъ: «У тебя нога болитъ, любезный Мишель... Что за судьба! Надо было слышать, какъ тебя бранили и даже бранятъ за переходъ въ военную службу. Я увѣрялъ ихъ, хотя и трудно, чтобы поняли справедливость безразсудные люди, что ты не желалъ огорчить свою бабушку, но что этотъ переходъ необходимъ. Нѣтъ, сударь, рѣшилъ К., что ты всѣхъ обманулъ и что это было единственно твое желаніе, и даже просилъ тетеньку, чтобъ она тебѣ написала его мнѣніе. А ужь почтенные-то расходились! Твердятъ: «Вотъ чѣмъ кончилъ!... И никого-то онъ не любитъ! Бѣдная Елизавета Алексѣевна!...» Знаю напередъ, что ты разсмѣешься, а не примешь къ сердцу».

Часто приходится слышать недоумѣніе или порицаніе тому, что Лермонтовъ изъ университета могъ перейти въ военную школу, которая представляла своимъ строемъ и программою воспитательное заведеніе, стоявшее несравненно ниже университета. Кажется непонятнымъ, какъ развитой студентъ Московскаго университета могъ рѣшиться на такую перемѣну, и не только вступить, но и окончить воспитаніе въ «школѣ». Въ этомъ шагѣ Лермонтова многіе видятъ доказательство по-

верхностности его натуры, отсутствіе серьезности и даже испорченность. Но тутъ замѣтно полное незнаніе внутренняго строя тогдашнихъ Московскаго университета и школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

Дѣло въ томъ, что школа эта была основана именно съ цѣлію обучать военнымъ наукамъ и строю молодыхъ людей, поступавшихъ въ военную службу изъ университетовъ и вообще высшихъ учебныхъ заведеній. Эти молодые люди всѣ считались на дѣйствительной службѣ, приносили присягу, и живя въ зданіи школы, пользовались привилегіями и относительно большою свободой. Многіе содержали при себѣ собственную прислугу. Если сравнить жизнь и бытъ «школы» съ Московскимъ университетомъ конца 20-хъ годовъ, какимъ мы съ нимъ познакомились въ этой главѣ, то окажется, что разница между этими учебными заведеніями была невелика. Этимъ объясняются сравнительно частые переходы молодыхъ людей изъ университета въ «школу».

Репутація «школы» была такая, что помышлять о тяжести разницы условій Лермонтовъ не могъ. И дѣйствительно, мы изъ писемъ его видимъ, что вся тяжесть вопросовъ относилась къ перемѣнѣ карьеры, т. е. къ переходу съ гражданскаго на военное поприще, а о томъ, что студенту университета приходится вдругъ закабалить себя въ стѣнахъ военнаго закрытаго заведенія — что позднѣе и теперь заставило бы каждаго призадуматься — у Лермонтова не входитъ даже въ помышленіе.

Только съ начала 30-хъ годовъ, т. е. какъ разъ когда въ школу поступилъ Лермонтовъ, порядки тамъ начинали измѣняться. «Школу» подтягиваютъ и ставятъ на иную ногу. Какъ все это подѣйствовало на нашего поэта, мы увидимъ; увидимъ и то, что онъ нашелъ въ дѣйствительности, и какъ относился къ школѣ и товарищамъ своимъ.

Объ университетскихъ годахъ Лермонтова знали до сихъ поръ очень мало; его обыкновенно считаютъ исключительно воспитанникомъ «школы подпрапорщиковъ», какъ Пушкина — Александровскаго лицея. «Школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ», какъ лицей относительно памяти Пушкина, хлопочетъ

о памяти Лермонтова и учредилъ у себя нѣчто вродѣ музея его имени. Московскій университетъ едва знаетъ, что въ стѣнахъ его развивался славный поэтъ нашъ, что Лермонтовъ, главнымъ образомъ, его питомецъ. Два года пробылъ онъ въ немъ и два года въ тѣсно связанномъ съ нимъ университетскомъ пансіонѣ, итого—четыре года лучшихъ юношескихъ лѣтъ. Здѣсь впервые развернулся талантъ Лермонтова и положено основаніе *всѣмъ* лучшимъ его произведеніямъ, выполненнымъ уже позднѣе. Передъ этимъ временемъ тяжкой борьбы для Лермонтова, передъ этимъ временемъ честнаго развитія мысли поэта, ничего не значатъ два года пребыванія его въ «школѣ подпрапорщиковъ». Печально, какъ увидимъ далѣе, отразились на Лермонтовѣ эти два года. Прервали они нить развитія лучшихъ сторонъ въ немъ, сказавшихся во время пребыванія въ Московскомъ университетѣ, и отвлекли его отъ прежнихъ стремленій и идеаловъ. Самъ Лермонтовъ это чувствовалъ и произнесъ приговоръ свой.

Пора Москвѣ и университету Московскому признать своего питомца, такъ страстно любившаго это сердце Россіи, связаннаго съ нимъ лучшею стороной юношескаго своего развитія.

И это станетъ еще яснѣе, когда разсмотримъ мы не ходъ внѣшней жизни Михаила Юрьевича, а прослѣдимъ развитіе души и поэтическую его дѣятельность. Переѣхавъ въ Петербургъ, Лермонтовъ восклицаетъ:

Москва, Москва!... Люблю тебя, какъ сынъ
Какъ русскій,—сильно, пламенно и нѣжно!
Люблю священный блескъ твоихъ сѣдинъ
И этотъ Кремль зубчатый, безмятежный...
Напрасно думалъ чуждый властелинъ
Съ тобой, столѣтнимъ русскимъ великаномъ,
Помѣриться главою—и обманомъ
Тебя низвергнуть. Тщетно поражалъ
Тебя пришлецъ: ты вздрогнулъ, онъ—упалъ.
Вселенная замолкла... Величавый,
Одинъ ты живъ, наслѣдникъ нашей славы.
Ты живъ! Ты живъ, и каждый камень твой—
Завѣтное преданье поколѣній [т. II стр. 177].

И еще не разъ съ горячею любовью вспоминаетъ поэтъ о Москвѣ своей.

ГЛАВА VIII.

Литературная дѣятельность М. Ю. Лермонтова въ университетскіе годы.

Лирическіе мотивы.—Тоска по надземному міру.—Любовь къ Варенькѣ Лопухиной.—Ангелъ смерти.—Байронизмъ.—Измаилъ-Бей.

Какъ натура субъективная, Лермонтовъ хорошо помнилъ все, что случалось съ нимъ даже въ раннее дѣтство. Любя оставаться одинъ на одинъ съ своею фантазіею, онъ охотно уходилъ въ мечтанія о прошлыхъ событіяхъ своей молодой жизни и, въ разладѣ съ окружающимъ, останавливался на образахъ, скрывавшихся въ полумракѣ дней дѣтства, съ ихъ наивными, чистыми душевными движеніями. Вотъ почему онъ вновь и вновь возвращался къ образу матери, о которой хранилъ лишь смутное воспоминаніе. Неясно слышатся ему звуки пѣсни, которую пѣвала она ему, трехлѣтнему мальчику, является милый обликъ, слышится ласковая рѣчь. Не эти ли звуки, не эту ли рѣчь воспѣваетъ поэтъ еще въ годъ своей смерти:

Есть рѣчи, значенье
Темно иль ничтожно,
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно. [т. I, стр. 323].

Чѣмъ сильнѣе удручалъ поэта разладъ жизни, который рано сталъ имъ ощущаться вслѣдствіе враждебныхъ отношеній между отцемъ и бабушкою, тѣмъ болѣе манили его свѣтлыя сумерки перваго дѣтства, время ранняго развитія его любящей и вѣрующей души. Онъ уходилъ въ иной надземный міръ, прислушиваясь къ звукамъ,

Которыхъ многіе слышатъ,
Одинъ понимаетъ...

И вотъ поэтъ въ пылкой своей фантазіи представляетъ себѣ, какою вышла душа его изъ горнихъ сферъ чистаго небеснаго эфира. Ему всегда были милы и небо, и тучи, и звѣзды,—и

кажется ему, что, извлеченная изъ «райскихъ садовъ», она заключена въ бренное тѣло для жизни на землѣ, гдѣ и томится смутными воспоминаніями о родинѣ. Въ одну изъ минутъ глубочайшей грусти Лермонтовъ еще въ 1831 г. пишетъ стихотвореніе «Пѣснь ангела». Для біографіи оно особенно интересно въ первоначальномъ видѣ:

...Онъ [ангелъ] душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.
Душа поселилась въ твореньи земномъ,
Но чуждъ ей былъ міръ. Объ одномъ
Она все мечтала, о звукахъ святыхъ,
Не помня значенія ихъ.
Съ тѣхъ поръ непонятнымъ желаньемъ полна,
Страдала, томилась она,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли. [т. I, стр. 197].

Намъ сдается, что это стихотвореніе хранитъ въ себѣ основную характеристику музы поэта. Здѣсь онъ является самимъ собою и даетъ намъ возможность заглянуть въ святая святыхъ души своей. Здѣсь нѣтъ и тѣни того насилованія чувствъ, которое мы порой можемъ замѣтить въ его произведеніяхъ и которымъ онъ замаскировываетъ настоящее свое «я». Тутъ нѣтъ ни вопля отчаянія, ни гордаго сатанинскаго протеста, ни презрѣнія, ни бѣшенаго чувства ненависти или холодности къ людямъ, которыми онъ прикрываетъ глубоко любящее сердце свое. Въ этомъ юношескомъ стихотвореніи Лермонтовъ болѣе, нежели гдѣ-либо, является чистымъ романтикомъ. Неясное стремленіе романтиковъ въ туманное «*тамъ*» или «*туда*» у Лермонтова имѣетъ болѣе реальный характеръ, связуясь съ памятью о матери и ясно опредѣляя положеніе его въ «земной юдоли», т. е. между людьми, ихъ интересами и стремленіями. Онъ чувствуетъ себя чуждымъ среди ихъ.

Его въ высшей степени чуткая и любящая душа не встрѣчаетъ отзыва. Онъ поэтому скрываетъ отъ всѣхъ настоящія движенія ея и старается выставить холодность и безучастность изгнанника рая. Самъ же онъ слышитъ звуки его и рвется къ

нимъ навстрѣчу, и не можетъ уловить ихъ въ ясномъ сознаніи, и въ безсильномъ отчаяніи считаетъ себя отвергнутымъ небомъ и землей.

Я не для ангеловъ и рая
Всесильнымъ Богомъ сотворенъ,
Но для чего живу, страдая? [т. III. стр. 75].

Намековъ на это состояніе много раскинуто въ произведеніяхъ поэта и по тетрадямъ того времени. Еще за годъ до написанной имъ «Пѣсни ангела» онъ говоритъ:

Хранится *пламень неземной*
Со дней младенчества во мнѣ;
Но велѣно ему судьбой,
Какъ жилъ, погибнуть въ тишинѣ. [т. I, стр. 99].

Этотъ неземной пламень—«пламень любви горячей», любви къ людямъ, къ которымъ онъ простиралъ свои объятья.

Но люди
Не хотятъ къ моей груди
Прижаться. [т. I, стр. 188].

Онъ требовалъ любви, «со всею полнотою», самъ, конечно, не будучи въ состояніи разъяснить себѣ, чего хочетъ, и дѣлая другихъ отвѣтственными за личное неудовлетвореніе.

Люди хотятъ имѣть души, и что же?
Души въ нихъ волнъ холоднѣй. [т. I, стр. 152].

Но все это раннее разочарованіе не мѣшало поэту, чувствовавшему себя одинокимъ, и, можетъ-быть, именно потому, искать родную душу:

И какъ преступникъ передъ казнью
Ищу вокругъ души родной.

Онъ былъ чутокъ къ любви и безгранично преданъ тѣмъ, кого заключилъ въ свое сердце. Но именно эта безграничная преданность и дѣлала его требовательнымъ. Одна фальшивая нота заставляла его съежиться въ самомъ себѣ и нарушала все душевное равновѣсіе. Возстановленіе прежнихъ отношеній

дѣлалось уже немыслимымъ. Нѣжнѣйшія струны, вновь связанныя, не могли издавать прежняго, чистаго звука. При всемъ желаніи возобновить порванныя отношенія, это не удавалось Лермонтову, и онъ переходилъ къ сарказму, въ которомъ не щадилъ ни себя, ни другихъ. Отъ этого онъ внутренно чувствовалъ себя еще болѣе несчастнымъ.

Мы знали человѣка, не разгадавшаго себя и сбившагося съ настоящаго своего пути. Онъ былъ одаренъ замѣчательными музыкальными способностями. Въ немъ была душа артиста-музыканта, но онъ попалъ въ дипломаты. Однако онъ, все-таки, жилъ музыкой и самъ игралъ на скрипкѣ, по большей части оставаясь недовольнымъ собою. Великіе артисты высоко ставили его пониманіе музыки. Для этого человѣка одна фальшивая нота становилась источникомъ невыразимаго страданія. Случалось ли ему услышать ее въ игрѣ другаго, собственный ли смычекъ измѣнялъ ему, но съ нимъ тотчасъ дѣлалось что-то необыкновенное. На выразительномъ лицѣ его являлся отпечатокъ такого страданія, какого не случалось намъ видѣть на полѣ сраженія, или подъ ножемъ хирурга. Долго не могъ онъ придти въ себя, хоть и не любилъ показывать своихъ страданій, всячески стараясь ихъ маскировать. Продолжать играть или слушать пьесу ему становилось рѣшительно невозможно. Нѣчто подобное происходило съ Лермонтовымъ. Онъ невыразимо страдалъ отъ всякаго неловкаго прикосновенія. Вотъ отчего онъ, чѣмъ старше становился, тѣмъ труднѣе допускалъ кого-либо въ святая святыхъ своего «я», а, напротивъ, старался встать къ человѣку такой стороной, чтобы всякое случайное задѣваніе его чуткихъ струнъ становилось затруднительнымъ. Отсюда, конечно, неестественность и натянутость въ отношеніяхъ поэта къ другимъ. Онъ былъ самъ собою лишь въ бесѣдахъ съ своею музою, да на лонѣ природы. Этимъ поясняется любовь его къ небу, тучамъ, звѣздамъ. Къ нимъ онъ направлялъ крылатую свою фантазію, въ нихъ видѣлъ своихъ друзей, братьевъ, съ ними велъ бесѣду.

Чисто вечернее небо,
Ясны далекія звѣзды,
Ясны, какъ счастье ребенка....

Люди другъ къ другу
Зависть питаютъ;
Я же, напротивъ,
Только завидую звѣздамъ прекраснымъ,
Только ихъ мѣсто занять бы хотѣлъ. [т. I, стр. 192].

Не даромъ же въ минуту отчаянья Лермонтовъ самъ себѣ пишетъ эпитафію, которую кончаетъ такъ:

....И въ немъ душа запасъ хранила
Блаженства, муки и страстей;
Онъ умеръ, здѣсь его могила,
Онъ не былъ созданъ для людей. [т. I, стр. 106].

Мысль, которая потомъ была такъ чудесно высказана въ «Демонѣ», когда ангелъ описываетъ любящую душу:

Творецъ изъ лучшаго эфира
Соткалъ живыя струны ихъ;
Онѣ не созданы для міра
И міръ былъ созданъ не для нихъ.

Чѣмъ моложе былъ Лермонтовъ, тѣмъ больше была въ немъ надежда встрѣтить родную душу. Оттого то 15 и 16-тилѣтнимъ мальчикомъ онъ метался отъ одного предмета любви къ другому, то тутъ, то тамъ думая найти пониманіе и сочувствіе. Особенно сильно это проявлялось въ промежутокъ времени отъ 30 до 32 года, когда изъ мальчика онъ становился юношей, а домашнія сцены и окончательная распря между бабушкой и отцемъ поставили поэта въ такое положеніе, что онъ оторвалъ душу свою отъ обоихъ, а скоро и совершенно лишился отца, смерть котораго тяжело на немъ отозвалась [1].

Вотъ тутъ то и настала пора любви и страсти нѣжной. Лермонтовъ окруженъ былъ цѣлою толпою дѣвушекъ, двоюродныхъ и троюродныхъ сестеръ съ ихъ подругами. Между ними избиралъ онъ себѣ предметъ для тайныхъ вздоховъ и молитвъ, для воспѣванья и любви.

Объ отношеніяхъ его къ Екатеринѣ Александровнѣ Сушковой мы говорили въ своемъ мѣстѣ [см. главу VI нашей біо-

---

1 См. главу IV нашей біографіи, стр. 71.

графіи], а также о нѣжныхъ чувствахъ, питаемыхъ къ двоюродной сестрѣ Аннѣ С. Немного позднѣе вся его страстная любовь сосредоточилась на Варварѣ Лопухиной. Это была привязанность глубокая, всю жизнь сопровождавшая поэта. Образъ этой дѣвушки, а потомъ замужней женщины, является во множествѣ произведеній нашего поэта и раздваивается потомъ въ «Героѣ нашего времени», въ лицахъ княжны Мери и особенно Вѣры.

Варенькѣ Л*. посвящено большое число стихотвореній; но Лермонтовъ никогда не называетъ ея имени. Обыкновенно на стихотвореніяхъ этихъ стоятъ звѣздочки [1]; только разъ въ тетрадяхъ его встрѣчаемъ мы стихотвореніе, гдѣ въ заглавіи поставлено «къ Л*»; это подражаніе Байрону:

У ногъ другихъ не забывалъ
Я взоръ твоихъ очей. [т. I, стр. 186].

Г-жа Хвостова [рожденная Сушкова] разсказываетъ [«Записки», стр. 96], что стихи эти были посвящены ей. Мы нашли ихъ записанными рукою поэта въ альбомѣ Верещагиной; но въ его черновыхъ тетрадяхъ стоитъ «къ Л*». Нѣтъ сомнѣнія, что самъ поэтъ долго колебался между предметами своего обожанія, не зная, которой изъ дѣвушекъ отдать предпочтеніе. Побѣда осталась за Варенькой Л*. Лермонтовъ относился къ ней съ такою деликатностью чувства, что нигдѣ не выставлялъ ея имени въ черновыхъ тетрадяхъ своихъ. Много лѣтъ позже, въ 1836 году, описывая одинъ случай изъ своей жизни, гдѣ героиня называлась Варварою, онъ даже въ рукописи ставитъ только заглавную букву В, и затѣмъ спѣшитъ замѣнить имя другимъ.

Она звалась [Варварою], но я
Желалъ бы дать другое ей названье.
Скажу: при этомъ имени, друзья,
Въ груди моей шипитъ воспоминанье,
Какъ подъ ногой прижатая змѣя,
И ползаетъ, какъ та среди развалинъ,
По жиламъ сердца... [т. II, стр. 183].

---

[1] Объ этой любви подробно въ главѣ XIV нашего труда.

Въ письмахъ къ друзьямъ своимъ Марьѣ Александровнѣ Лопухиной и къ Сашѣ Верещагиной, въ которыхъ онъ откровенно высказывается обо всемъ, мы никогда не находимъ имени этой любимой имъ дѣвушки. Въ альбомѣ Верещагиной нашелся ея портретъ, рисованный самимъ поэтомъ. Эта любовь, прошедшая много фазисовъ, всегда оставалась чистою, и мы еще вернемся къ исторіи ея позднѣе.

Сверстники, знавшіе о ней, покровительствовали взаимному чувству молодыхъ людей, имѣвшему самый идеальный характеръ. Впрочемъ, оба они не выказывали своей любви и не говорили о ней, но признавали ее молча. Старшіе, если знали о томъ, то не придавали серьезнаго значенія. Поэтъ былъ однихъ лѣтъ съ нею и, слѣдовательно, его считали мальчишкой, когда она, достигнувъ 16-ти лѣтъ, была уже «невѣстой», и приходилось думать о выдачѣ ея замужъ.

«Она была прекрасна, какъ мечтанье»; продолговатый овалъ лица, тонкія черты, большіе задумчивые глаза и высокое, ясное чело навсегда оставались для Лермонтова прототипомъ женской красоты. Надъ бровью была небольшая родинка.

Характеръ ея, мягкій и любящій, покорный и открытый для добра. увлекалъ его Онъ, сопоставляя себя съ нею, находилъ себя гадкимъ, некрасивымъ, сутуловатымъ горбачемъ: такъ преувеличивалъ онъ свои физическіе недостатки Въ неоконченной юношеской повѣсти, онъ въ Вадимѣ выставлялъ себя, въ Ольгѣ ее, и такъ описывалъ внѣшній видъ любимой дѣвушки:

„Это былъ ангелъ, изгнанный изъ рая, за то, что слишкомъ еожалѣлъ о человѣчествѣ... Свѣча, горящая на столѣ, озаряла ея невинный открытый лобъ и одну щеку, на которой, пристально вглядываясь, можно было бы различить золотой пушокъ; остальная часть лица ея была покрыта густою тѣнью, и только, когда она поднимала большіе глаза свои, то иногда двѣ искры свѣта отдѣлялись въ темнотѣ. Это лицо было одно изъ тѣхъ, какія мы видимъ во снѣ рѣдко, а на яву почти никогда... Иногда выходила на свѣтъ бѣлая ручка съ продолговатыми пальцами; одна такая рука могла быть цѣлою картиной“. [т. V, стр. 6].

Вареньку Лопухину окружали вниманіемъ, за нею ухаживали; это приводило поэта въ трепетъ, волновало, возбуж-

дало ревность. Когда разнесся слухъ, что она, «снизоиля» къ одному изъ ухаживавшихъ, выходитъ замужъ, поэтъ пришелъ въ негодованіе, потомъ загрустилъ и долго не видѣлся съ нею. Они случайно встрѣтились опять въ домѣ у общихъ друзей. Тамъ объяснилось, что все вздоръ, что никогда не думала она любить другаго, и что бракъ, о которомъ было заговорили, былъ исключительно проектированъ родными. Тогда Лермонтовъ, возвратясь домой, написалъ стихотвореніе, въ которомъ выразилъ перенесенную имъ муку и затѣмъ радость сознанія, что все же она любитъ его. Въ стихотвореніи она выставлена какъ бы уже вышедшею замужъ. Заглавіе этого произведенія: «28 сентября».

Опять, опять я видѣлъ взоръ твой милый!
Я говорилъ съ тобой!
И мнѣ былое, взятое могилой,
Напомнилъ голосъ твой...
. . . .
...Нѣтъ!.. ты его не любишь!.. Тайной властью
Прикована ты вновь
Къ душѣ печальной, незнакомой счастью,
Но нѣжной, какъ любовь. [т. I. стр. 189].

Но недолго длилось душевное спокойствіе. Опять въ сердце закрадывались сомнѣніе и ревность. Въ Варваринъ день праздновались именины дорогой дѣвушки. Гости наперерывъ старались угодить ей и выказывали свою пріязнь. Веселая и беззаботная, сіяла она между молодежью. Лермонтовъ мрачный сидѣлъ въ углу поодаль. Придя къ себѣ домой, онъ писалъ.

„4 декабря, день Св. Варвары, вечеромъ, возвратясь. Вчера еще я дивился продолжительности моего счастья! Кто бы подумалъ, взглянувъ на нее, что она можетъ быть причиной страданья“.

Тутъ же онъ набросалъ стихотвореніе «Къ другу», въ которомъ жалуется на обманутыя надежды:

Забудь опять
Свои надежды.
Объ нихъ вздыхать—
Судьба невѣжды.

Она дитя!
Не вѣрь на слово,
Она шутя
Полюбитъ снова. [т. I, стр. 202].

На обложкѣ черновой тетради того же времени находилось наскоро набросанное стихотвореніе, кончавшееся такъ:

. . . . Но развѣ я любить
Тебя переставалъ, когда толпою
Безумцевъ молодыхъ окружена,
Тогда одной своей лишь красотою
Ты привлекала взоры ихъ одна?—
Я издали смотрѣлъ, почти желая,
Чтобъ для другихъ твой блескъ исчезъ.
Ты для меня была, какъ счастье рая
Для демона, изгнанника небесъ. [т. I стр. 74].

Параллельно съ переживаемыми Лермонтовымъ внутренними бурями шло его творчество, весьма разнообразное въ годы пребыванія въ университетскомъ пансіонѣ и университетѣ. Любопытна поэма «Ангелъ смерти». Она посвящена вѣрному другу А. М. Верещагиной, знавшей всѣ движенія души поэта [т. II стр. 29]. Въ посвященіи уже мы находимъ мотивъ, который звучитъ и въ «Пѣснѣ ангела», и въ цѣломъ рядѣ произведеній, это—стремленіе къ иной, лучшей родинѣ:

Явись мнѣ въ грозный часъ страданья
И поцѣлуй пусть будетъ твой
Залогомъ близкаго свиданья
Въ странѣ любви, въ странѣ другой.

И это произведеніе имѣетъ автобіографическое значеніе. Герой Зораимъ есть выраженіе того, какъ Лермонтовъ судилъ о самомъ себѣ.

. . . . . Юный Зораимъ—
Онъ на землѣ былъ только странникъ,
Людьми и небомъ былъ гонимъ;
Онъ *могъ* [1] быть счастливъ, но блаженства
Искалъ въ забавахъ онъ пустыхъ,

[1] Подчеркнуто Лермонтовымъ.

Искалъ онъ въ людяхъ совершенства,
А самъ—самъ не былъ лучше ихъ.
Любилъ онъ ночь, свободу, горы
И все въ природѣ—и людей –....

И вотъ этотъ-то Зораимъ «одно сокровище-святыню имѣлъ подъ небесами». Это сокровище—дѣвушка, «милая, какъ цвѣтъ душистый рая»; зовутъ ее Адою. Ею былъ встрѣченъ Зораимъ,

Изгнанникъ блѣдный, величавый,
Съ холодной дерзостью очей;
И ей пришло тогда желанье
Огонь въ очахъ его родить
И въ мертвомъ сердцѣ возбудить
Любви безумное страданье,
И удалось ей.

Мотивъ этотъ встрѣчается и въ неоконченной повѣсти. Героиня Ольга должна вернуть Вадима къ добру. То же видимъ мы и въ Демонѣ, котораго къ добру и небесамъ Тамара могла бы возвратить единымъ словомъ: «люблю». Но о «Демонѣ», задуманномъ тоже въ эти годы, мы будемъ говорить отдѣльно.

И такъ Зораимъ любилъ Аду больше всѣхъ и всего на свѣтѣ. Она

Одна была лишь имъ любима;
Его любовь была сильнѣй
Всѣхъ думъ и всѣхъ другихъ страстей,

Если Зораимъ—Лермонтовъ, то въ Адѣ мы видимъ опять Вареньку Лопухину, какою онъ себѣ ее представлялъ, какою ее любилъ. Писалъ онъ эту поэму, когда удалился отъ предмета своихъ мечтаній, и, заподозривъ, что она полюбила другаго, считалъ ее для себя умершей. «Ангелъ смерти» законченъ и переданъ былъ Верещагиной 4 сентября, а 28 того же мѣсяца, какъ мы видѣли, Лермонтовъ опять встрѣчается съ дорогой ему Варенькой, и все объясняется, можетъ-быть, не безъ участія вѣрнаго друга Верещагиной.

Въ поэмѣ Ада умираетъ и сжалившійся надъ Зораимомъ ангелъ смерти входитъ въ ея тѣло, оживляя его для неутѣшнаго героя. Такъ ангелъ смерти, житель неба, познаетъ все, чѣмъ:

только мила жизнь земная, за то самъ онъ уже не обладаетъ прежними свойствами:

. . . Умъ границамъ подчинился,
И власть—не та ужь, какъ была,
И только въ памяти туманной
Хранитъ онъ думы прежнихъ лѣтъ.
Ихъ появленье Адѣ странно...

Такъ и въ «Пѣснѣ ангела» въ принесенной на землю душѣ вѣчно, но смутно звучатъ напѣвы райскіе, и живетъ «чудное желанье».

Этотъ ангелъ смерти когда-то былъ дорогимъ для людей посланникомъ. Встрѣчи съ нимъ казались людямъ сладостнымъ удѣломъ.

Онъ зналъ таинственныя рѣчи,
Онъ взоромъ утѣшать умѣлъ,
И бурныя смирялъ онъ страсти,
И было у него во власти
Больную душу какъ-нибудь
На мигъ надеждой обмануть.

Вселившись въ тѣло Ады, ангелъ сталъ «мучимъ страстію земною». Онъ узналъ людей и простился съ прежней добротой. Зораимъ, ища славы, охладѣлъ къ любви. Онъ погибаетъ. Въ послѣдній разъ поцѣловавъ дорогаго умирающаго, ангелъ покинулъ тѣло дѣвушки.

Его отчизна въ небесахъ;
Тамъ все, что онъ любилъ земного,
Онъ встрѣтитъ и полюбитъ снова!

Но въ сущности вышло иначе. Печаль прошла

И только хладное презрѣнье
Къ землѣ оставила она:
За гибель *друга* въ немъ осталось
Желанье міру мстить всему,
И ненависть къ другимъ, казалось,
Была любовію къ *нему*. . . . . [1]

То есть къ погибшему другу.

1 Оба слова подчеркнуты Лермонтовымъ.

И сталъ ангелъ смерти страшенъ для людей:

. . . . .Съ тѣхъ поръ
Хладнѣе льда его объятья
И поцѣлуй его—проклятья.

Въ 1831 и 32 году, еще не достигнувъ 18-тилѣтняго возраста, Лермонтовъ въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ является созрѣвшимъ почти художникомъ. Не говоря о лирическихъ стихотвореніяхъ, какъ напримѣръ «Бѣлѣетъ парусъ одинокій», или «По небу полуночи ангелъ летѣлъ», которыя каждый образованный русскій знаетъ наизусть, но и большія его поэмы доходятъ до извѣстнаго совершенства, какъ напримѣръ «Измаилъ-Бей». Боденштедтъ, написавшій лучшую характеристику поэтической дѣятельности Лермонтова, ставитъ «Измаила-Бея» даже выше «Мцыри», съ чѣмъ, впрочемъ мы не можемъ согласиться [1]. Лермонтовъ въ эти годы много занимался Байрономъ; въ его произведеніяхъ сильно отражаются манера и мысли англійскаго поэта; оттого обыкновенно о Лермонтовѣ говорятъ, какъ о подражателѣ Байрона, несмотря на послѣдующія сочиненія его, свидѣтельствующія о совершенной его оригинальности. Михайловъ справедливо говоритъ [Современникъ 1861 г.], что въ нашихъ критическихъ статьяхъ о Лермонтовѣ гораздо болѣе говорилось о Байронѣ и байронизмѣ, чѣмъ о немъ. Вліяли на Лермонтова и Шиллеръ, и Гете, и Гейне, вліяли Батюшковъ, Жуковскій, Пушкинъ, повліялъ и Байронъ. Изъ этого однако еще не слѣдуетъ, чтобы Лермонтовъ былъ только подражателемъ. Вѣдь, и въ юношескихъ стихотвореніяхъ Байрона, изданныхъ 18-тилѣтнимъ поэтомъ подъ названіемъ «Часовъ досуга» [Hours of idleness], не мало встрѣчается подражаній разнымъ поэтамъ и особенно Оссіану. Въ нихъ много водянистаго, обыденнаго, ничѣмъ не отличающагося отъ стиховъ любаго школьника-стихотворца и, строго говоря, не много оригинальныхъ строкъ и идей [2].

---

[1] Bodenstedt, Mich. Lermontow's Poetischer Nachlass. Berlin 1852, I p. 339.

[2] См. сужденіе Брандеса. Мы пользовались его книгою въ переводѣ на нѣмецкій языкъ: Die Hauptströmungen der Literatur des neunzehnten Iahrhunderts. Berlin. 1876 г., часть IV.

Въ одномъ съ нимъ возрастѣ Лермонтовъ является даже болѣе оригинальнымъ и зрѣлымъ въ своихъ произведеніяхъ. Разсмотрѣнная нами поэма «Ангелъ смерти», связанная, какъ мы видѣли, съ тѣмъ, что переживалъ самъ поэтъ, въ то же время, особенно при первомъ наброскѣ плана, напоминаетъ «Корсара» Байрона. Въ тетради Лермонтовымъ записано:

„Написать поэму: „Ангелъ смерти". Ангелъ смерти при смерти дѣвы влетаетъ въ ея тѣло изъ сожалѣнія къ любезному и раскаявается, *ибо это былъ человѣкъ мрачный и кровожадный начальникъ грековъ* и т. д.".

Правда, въ исполненіи герой поэмы не является начальникомъ грековъ, но, очевидно, Байронъ, его герои, Греція,— все это жило въ воображеніи Лермонтова. Уже Аполлонъ Григорьевъ замѣчаетъ, что пояснить настроеніе души поэта однимъ вліяніемъ музы Байрона, однимъ вѣяньемъ байронизма нельзя, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя и отвергнуть того, что Лара коснулся его обаяніемъ своей поэзіи, подкрѣпилъ, оправдалъ и толкнулъ впередъ тревожныя требованія души поэта[1].

И таково мнѣніе всѣхъ, внимательно изучавшихъ Лермонтовскую музу [2]. Даже г. Галаховъ, тщательно проводившій параллель сходственныхъ мѣстъ у обоихъ поэтовъ и склонный видѣть въ Лермонтовѣ подражательность, все же приходитъ къ выводу, что «необходимо принять такое объясненіе, что, на основаніи духовнаго родства и, можетъ-быть, сходства общественныхъ положеній, Лермонтовъ особенно сочувствовалъ Байрону и, не уклоняясь отъ обычно-подражательнаго хода нашей поэзіи, заимствовалъ многое изъ богатаго источни-

---

[1] «Лермонтовъ и его направленіе», ст. Ап. Григорьева въ журналѣ «Время» 1862 г.

[2] А. Н. Пыпинъ [соч Лерм., изд. 73 г., стр. XXV] говоритъ: «Байроновское вліяніе не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, но оно имѣло свою границу, имѣло свою подготовленную почву. Поэзія Лермонтова въ особенности отличается субъективностью. Его чувство было слишкомъ глубокое даже въ раннихъ произведеніяхъ, чтобы въ нихъ можно видѣть только отголосокъ чужой поэзіи».

ка его твореній, приложивъ къ заимствованному и свое собственное, благопріобрѣтенное»[1].

Г. Галаховъ писалъ свою статью, когда біографическій матеріалъ для уразумѣнія личности Лермонтова былъ еще мало извѣстенъ. Ознакомясь съ нимъ, почтенный изслѣдователь, вѣроятно, не сказалъ бы, что Лермонтовъ «къ заимствованному приложилъ свое собственное», а, напротивъ. что въ свое собственное, оригинальное онъ воспринялъ родственный элементъ Байроновской музы, а вовсе не былъ главнымъ образомъ подражателемъ ея.

Дѣло въ томъ, что одинаковыя условія и частной, и общественной жизни, даже въ двухъ совершенно различныхъ народностяхъ и странахъ, легко могутъ произвести одно и то же слѣдствіе и образовать въ людяхъ весьма сходныя черты ха-

---

1 Три статьи г. Галахова въ «Русск. Вѣстникѣ» 1858 г., №№ 13, 14 и 16. [№ 14, стр. 273].

Г. Спасовичъ въ лекціяхъ своихъ о байронизмѣ Лермонтова [Вѣстн. Евр. Апрѣль, 1888, а затѣмъ во II томѣ сочин , вышедшемъ въ 1889 г.] напрасно говоритъ что «не будь Байрона и его вліянія, изъ Лермонтова вышелъ бы можетъ быть крупный поэтъ, не очень высокаго полета, *съ узкимъ національнымъ направленіемъ*. Подъ вліяніемъ Байрона изъ Лермонтова выработался поэтъ весьма высокаго полета»... Не вліяніе Байрона спасло Лермонтова отъ узкой національности, а напротивъ чувство народное высвободило его отъ космополитическихъ подражательныхъ воздѣйствій и Байроновскаго вліянія, и сдѣлало его самостоятельнымъ, чисто русскимъ поэтомъ, русскимъ и общечеловѣческимъ въ томъ смыслѣ, какъ объяснялъ таковое же значеніе Пушкина Достоевскій въ знаменитой рѣчи своей. Уже выйдя изъ-подъ вліянія Байрона, Лермонтовъ написалъ «пѣсню о Калашниковѣ», о которой Боденштедтъ справедливо говоритъ, что,не напиши онъ ничего болѣе, это одно произведеніе заставило бы признать Лермонтова принадлежащимъ къ семьѣ Гомеровъ.

Прекрасный разборъ могучаго таланта Лермонтова, сдѣланный Спасовичемъ—грѣшитъ немного нѣкоторою предвзятостью сужденія.Такъ г.Спасовичъ видитъ огромное вліяніе на Лермонтова Мицкевича и утверждаетъ даже, что Лермонтовъ зналъ хорошо польскій языкъ.Объ этомъ знаніи польскаго языка нигдѣ нѣтъ намека. Крымскія сонаты Мицкевича Лермонтовъ узналъ изъ своихъ сношеній съ переводчикомъ ихъ, слѣпымъ пѣвцомъ нашимъ, Козловымъ, а что г. Спасовичъ выводитъ изъ сближенія нѣкоторыхъ мѣстъ сочиненій Лермонтова съ сочин. Мицкевича, то лучше было бы безпристрастнѣе сопоставить ихъ съ мѣстами сочиненій Байрона, изъ коихъ перешли они въ творенія польскаго поэта.

рактера и образа мыслей, особенно если встрѣчается тождественность и въ самыхъ прирожденныхъ свойствахъ души. Условія жизни русскаго общества въ теченіе десятковъ лѣтъ послѣ наполеоновскихъ войнъ имѣли не мало аналогіи съ жизнью англійскаго общества, хотя самая эта жизнь являлась у насъ въ болѣе узкой сферѣ весьма немногочисленнаго кружка людей, составлявшихъ русскую интеллигенцію. Несмотря на сходство, въ началахъ русской жизни крылись, однако, совершенно иныя черты, и потому не долго можно было пробавляться у насъ чужеземными взглядами и проведеніями параллелей между англійскимъ чудачествомъ и нашею взбалмошностью. Лермонтовъ чуялъ особенности родныхъ условій и, какъ выразитель ихъ, не даромъ говоритъ:

Нѣтъ, я не Байронъ, а другой,
Еще невѣдомый избранникъ,
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ *русскою душой.* [т. I, стр. 218].

Въ личной судьбѣ обоихъ было особенно много сходства. У того и другаго отцы, повидимому, были натуры родственныя. Во всякомъ случаѣ много сходства въ положеніи ихъ относительно сыновей. Оба жили вдали отъ нихъ, а когда пріѣзжали, то дѣти бывали свидѣтелями страшныхъ сценъ между отцами и воспитывавшими ихъ матерью и бабушкою. Мать Байрона любила сына, но была взбалмошною женщиной, то баловавшею его не въ мѣру, то дѣлавшею ему сцены. То же можно сказать и о воспитывавшей Лермонтова бабушкѣ, замѣнившей ему рано умершую мать.

Обѣ женщины были богаты—отцы поэтовъ нуждались. Оба ребенка воспитывались среди женскаго элемента, баловавшаго ихъ не въ мѣру. Сходство есть во внѣшней обстановкѣ, въ нравственныхъ свойствахъ, въ физическихъ недостаткахъ и въ томъ, какъ недостатки эти дѣйствовали на образованіе характеровъ. Разсказываютъ, что Байронъ въ дѣтствѣ уже страдалъ тѣмъ, что одна его нога, поврежденная при рожденіи, была искалѣчена, и его называли «уродомъ». Онъ мучился, что не могъ, какъ ему казалось, изъ-за этого недостатка нра-

виться женщинамъ. Онъ во всю жизнь не могъ позабыть, какъ 15-ти лѣтъ, полюбивши 17-тилѣтнюю Мэри Ховартъ, долженъ былъ присутствовать при томъ, какъ она кружилась въ вихрѣ бала въ объятіяхъ другихъ, а онъ съ своею ногою не могъ принимать участія въ танцахъ. Ужасенъ былъ для него ударъ, когда ему случайно пришлось услышать, какъ эта обожаемая имъ дѣвушка сказала о немъ своей горничной: «Не полагаешь ли ты, что я могу интересоваться хромымъ мальчишкой?» Тринадцать лѣтъ спустя, Байронъ въ виллѣ Діодати, на Женевскомъ озерѣ, вспоминаетъ это происшествіе въ своемъ стихотвореніи «Сонъ» и пишетъ его, обливаясь горькими слезами. Въ молодости намеки на его физическій недостатокъ порою доводили его до бѣшенства, порою онъ самъ отзывался о немъ съ юморомъ и сарказмомъ.

То же бывало съ Лермонтовымъ. «Онъ былъ дуренъ собой», говоритъ про нашего молодого поэта Ростопчина [1]. «Эта некрасивость... порѣшила образъ мыслей молодаго человѣка съ пылкимъ умомъ и неограниченнымъ честолюбіемъ». Онъ былъ сутуловатъ и кривоногъ вслѣдствіе болѣзни въ дѣтствѣ, а потомъ, разбитый лошадью, всю жизнь слегка прихрамывалъ. Онъ сердился, когда указывали ему на его физическіе недостатки, но подчасъ и самъ надъ ними смѣялся и рисовалъ на себя каррикатуры, или выставлялъ самого себя въ произведеніяхъ съ именемъ, даннымъ ему товарищами въ насмѣшку. Въ юношеской повѣсти онъ воспроизводитъ себя въ Вадимѣ-горбачѣ, и описываетъ его жестокія страданія изъ-за того,

---

1 Разсказъ о Лермонтовѣ гр. Ростопчиной, присланный Александру Дюма и переданный имъ въ его запискахъ о Кавказѣ [см. переводъ въ Русской Старинѣ 1882, сентябрь, стр. 616]. Товарищъ Лермонтова по школѣ, Меринскій, говоритъ: «Лермонтовъ былъ далеко не красивъ собой, и въ первой юности даже неуклюжъ. Онъ очень хорошо зналъ это и зналъ, что наружность много значитъ при впечатлѣніи, дѣлаемомъ на женщинъ въ обществѣ. Съ его чрезмѣрнымъ самолюбіемъ, съ его желаніемъ вездѣ и во всемъ первенствовать и быть замѣченнымъ, не думаю, чтобы онъ хладнокровно смотрѣлъ на этотъ недостатокъ. Знаніемъ сердца женскаго, силою своихъ рѣчей и чувства, онъ успѣвалъ располагать къ себѣ женщинъ, но видѣлъ, какъ другіе, иногда ничтожные люди, легко этого достигали. [«Изъ записокъ А. Меринскаго», въ приложеніи къ запискамъ г-жи Хвостовой].

что его, урода, не любитъ любимая имъ дѣвушка. Лермонтовъ мальчикомъ, да и позднѣе, приписывалъ отсутствію въ себѣ красоты неуспѣхъ у женщинъ, и это его тревожило. Онъ старался вознаградить этотъ недостатокъ ловкостью и совершенствовалъ себя во всевозможныхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ такъ же какъ и Байронъ, искавшій славы хорошаго ѣздока, бойца, пловца и проч. Байронъ съ измала не выносилъ несправедливаго обращенія со слабыми или подначальными; онъ заступался за нихъ, бралъ ихъ подъ свое покровительство. Лермонтовъ въ дѣтствѣ еще напускался на бабушку, когда она бранила крѣпостныхъ, онъ выходилъ изъ себя, когда кого-нибудь вели наказывать, и бросался на отдавшихъ приказаніе съ палкой, съ ножемъ, — что подъ руку попадало. Оба они не въ мѣру рано созрѣли. Рано сказались въ нихъ субъективная сила и индивидуальное развитіе, сдѣлавшія ихъ одинокими среди окружающихъ. Чѣмъ болѣе чувствовалъ каждый изъ нихъ себя одинокимъ, тѣмъ болѣе прибѣгалъ онъ къ бумагѣ, повѣряя ей всѣ движенія зыбкой души. И неужели же можно сдѣлать выводъ, что Лермонтовъ, желая подражать Байрону, во всемъ слѣдовать ему, спѣшилъ, какъ и онъ, выливать въ стихотворной формѣ все, что его волновало и трогало?

Странное желаніе объяснять сходство, происходящее отъ тождественности натуры и обстоятельствъ, подражаніемъ. А между тѣмъ, это мнѣніе, сильно распространенное критиками, утвердилось въ обществѣ.

Съ самой юности разсудокъ Лермонтова уклонялся отъ обычнаго пути людей. Онъ смотрѣлъ на землю иными, не ихъ глазами. Ихъ честолюбіе было не его честолюбіемъ; ихъ интересы и цѣли были чужды ему; иныя были радости и печали; иныя, не всѣмъ свойственныя ощущенія волновали его. Но разъяснить себѣ состояніе духа, выбраться изъ хаоса, выработать ясное пониманіе и міросозерцаніе юноша не могъ; да они и не вырабатываются; требуется еще и выстрадать ихъ, а для этого надо много видѣть, много переиспытать, — надо жизнь перейти. Молодой поэтъ чувствовалъ только надъ собою что-то роковое. Онъ испытывалъ власть судьбы. Онъ впередъ, такъ сказать, теоретически, извѣдывалъ жизнь и стра-

даніе съ самаго дѣтства. Онъ страдалъ болѣе, чѣмъ жилъ. Ему мучительно хотѣлось выбраться изъ хаоса мыслей, ощущеній, фантазій. Ранняя любовь, непонятая и оскорбляемая въ чуткой душѣ, заставила ее болѣзненно воспринимать и корчиться отъ того, что почти незамѣтно пережито было бы другимъ; онъ бросился въ крайность, зарылся въ неестественную, напускную ненависть, которая питала въ немъ сатанинскую гордость. И эта сатанинская гордость, опять таки, искусственно прикрывала самую нѣжную, любящую душу. Боясь проявленія этой нѣжной любви, всегда приносившей ему непомѣрныя страданія, поэтъ набрасываетъ на себя мантію гордаго духа зла. Такъ иногда выносящій злѣйшую боль шуткой и сарказмомъ подавляетъ крикъ отчаянія, готовый вырваться изъ глубины растерзаннаго сердца.

Привыкшій музѣ и бумагѣ ввѣрять свои чувства и провѣрять свои думы и ощущенія своими поэтическими произведеніями, Лермонтовъ стремился въ своихъ твореніяхъ разъяснить самого себя, вылить въ звукахъ то, что наполняло его душу. Такія натуры, не находя отклика въ людяхъ, глубоко сочувствуютъ природѣ, всему міру физическому. И посмотрите, какое большое мѣсто занимаютъ явленія природы во всѣхъ твореніяхъ Лермонтова и какъ всѣ герои его любятъ ее.

Самымъ совершеннымъ произведеніемъ этого періода, т.-е. четырехъ лѣтъ, проведенныхъ въ университетскомъ пансіонѣ и университетѣ, является, конечно, поэма «Измаилъ-Бей». Онъ тоже еще ребенкомъ любилъ:

> Природы дикой пышныя картины,
> Разливъ зари и льдистыя вершины,
> Блестящія на небѣ голубомъ.

Но къ этому произведенію Лермонтовъ подошелъ не тотчасъ. Мы можемъ прослѣдить цѣлый рядъ поэмъ, въ которыхъ замѣтимъ множество общихъ чертъ, ситуацій, характерныхъ строфъ, такъ цѣликомъ и переходившихъ изъ одного произведенія въ другое.

Лермонтовъ имѣлъ съ Байрономъ еще и то общее, что онъ долго занимался своимъ характеромъ и въ произведеніяхъ сво-

ихъ, изображая разныя его стороны. «Байронъ — говоритъ Пушкинъ — во всю жизнь свою понялъ только одинъ характеръ—свой собственный». Я бы сказалъ не «понялъ», а «выставлялъ или изучалъ». —Лермонтовъ, какъ увидимъ позднѣе, сталъ вырываться изъ заколдованнаго круга субъективныхъ чувствованій и впечатлѣній. Но въ разсматриваемые годы онъ весь еще былъ поглощенъ хаосомъ субъективныхъ ощущеній и борьба съ собою и окружающимъ выбивалась на свѣтъ, къ ясности сознанія, посредствомъ поэтическаго творчества, которое въ эти годы было чрезвычайно богато. Лермонтовъ творилъ, вѣроятно, съ неимовѣрною быстротою, если судить по количеству всего, что было имъ писано въ бытность въ университетѣ. Надъ каждымъ произведеніемъ отдѣльно онъ, повидимому, тогда работалъ не долго. Закончивъ произведеніе, онъ къ нему возвращался рѣдко, не исправлялъ его, а недовольный, принимался за новое, перенося въ него главные моменты, черты характеровъ и описаніе природы. Вотъ почему мы вновь и вновь, въ произведеніяхъ его, наталкиваемся на тѣ же строфы и мысли, только въ новой группировкѣ. Такъ, въ трехъ поэмахъ «Литвинка», «Аулъ Бастунджи» и «Каллы» встрѣчаются мѣста, затѣмъ перешедшія цѣликомъ или въ видоизмѣненіяхъ въ «Демона», «Измаила-Бея», «Хаджи Абрека», «Боярина Оршу», «Бѣглеца», «Мцыри» и проч. Самая большая изъ этихъ поэмъ «Аулъ Бастунджи» писана немного раньше «Измаила-Бея». «Измаилъ-Бей» оконченъ, какъ гласитъ помѣтка самого поэта на рукописи, 10 мая 1832 года. Слѣдовательно, «Аулъ-Бастунджи» писанъ въ 1831 году и развѣ что законченъ въ первой четверти слѣдующаго года. Многія картины и мысли и цѣлыя строфы изъ «Аула Бастунджи» перенесены поэтомъ въ «Измаила-Бея». Такъ, рожденіе Измаила-Бея описывается совершенно такъ же, какъ рожденіе Селима въ «Аулѣ Бастунджи». Картина выползающей одинокой змѣи, такъ часто затѣмъ употребляемая поэтомъ позднѣе и въ «Демонѣ», и въ «Мцыри», является впервые въ «Аулѣ Бастунджи». Здѣсь же въ первый разъ встрѣчаемъ мы мысль, выраженную въ знаменитой черкесской пѣснѣ изъ поэмы «Измаилъ-Бей»:

Не женися, молодецъ,
Слушайся меня.
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня!

Въ обѣихъ поэмахъ героиня называется Зарою. «Аулъ-Бастунджи» представляетъ много любопытнаго не только для изучающаго Лермонтога, но и обыкновенный читатель найдетъ здѣсь строфы, которыя прочтетъ не безъ удовольствія.

Рукопись «Измаила-Бея» снабжена эпиграфомъ изъ «Гяура» Байрона; а посвященіе едва ли тоже не относится къ Варенькѣ Лопухиной. Любопытенъ конецъ его, подтверждающій наши слова, что Лермонтовъ въ своихъ произведеніяхъ искалъ возможности разъяснить себѣ самого себя:

И ты звѣзда любви моей,
Товарищъ бурь моихъ суровыхъ,
Послушай пѣсни прежнихъ дней:
Давно ужъ нѣтъ у сердца новыхъ...
Ни мрачныхъ думъ, ни думъ святыхъ
Не измѣнила власть разлуки:
Тобою полны *счастья* звуки,
Меня узнаешь ты въ *другихъ*. [т. II, стр. 70].

Всѣ слова подчеркнуты самимъ поэтомъ. Въ «Измаилѣ-Беѣ», слѣдовательно, любимая дѣвушка должна найти и уяснить себѣ характеръ поэта.

Въ «Измаилѣ-Беѣ» есть что-то роковое, признаваемое въ себѣ и Лермонтовымъ. Сильно вліяніе, производимое Измаиломъ на другихъ, но оно фатальное. Встрѣча съ нимъ страшна, гибнетъ все, что его любитъ, и самъ онъ долженъ погибнуть:

И дѣтямъ рока мѣста въ мірѣ нѣтъ.

Измаилъ-Бей по рожденію—горецъ. Онъ попалъ на сѣверъ, сталъ человѣкомъ цивилизованнымъ, но его тянуло въ родныя горы, въ то время, когда тамъ идетъ упорная борьба за свободу, противъ пришельцевъ съ сѣвера, противъ русскихъ. Тѣснимые ими черкесы оставляютъ Пятигорье.

Хотя

Мила черкесу тишина,
Мила родная сторона,

Но вольность, вольность для героя
Милѣй отчизны и покоя.
„Въ насмѣшку русскимъ и въ укоръ
„Оставимъ мы утесы горъ;
„Пусть на тебя, Бешту суровый,
„Попробуютъ надѣть оковы!“—
Такъ думалъ каждый, и Бешту
Теперь ихъ мысли понимаетъ,
На русскихъ злобно онъ взираетъ
И облаками одѣваетъ
Вершинъ кудрявыхъ красоту. [т. II, стр. 75].

Лермонтовъ—пѣвецъ свободы, говорившій:

„Дайте волю, волю, волю, и не надо счастья мнѣ“!

Сочувствовалъ геройской войнѣ, которую долго и упорно вели горцы, защищая свои ущелья. Это сочувствіе имъ онъ выражаетъ не разъ. Но тогдашнія условія цензуры были таковы, что казалось непозволительнымъ допускать въ печати выраженіе этого сочувствія. Да и самаго слова: «вольность» цензура крѣпко избѣгала. Долгое время всякія такія мѣста замѣнялись точками, или замѣнялись, по усмотрѣнію цензора, другими выраженіями. Когда поэтъ писалъ:

Отецъ и два родные брата
За *честь* и *вольность* тамъ легли,

цензура вторую строку измѣнила такъ:

Отъ смерти груди не спасли.

Не приличествовало черкесамъ биться за *честь и вольность*, а, между тѣмъ, именно въ эту страну, «гдѣ кровь черкесская текла», возвратился странникъ Измаилъ,

Но горе, горе, если онъ,
Храня людей суровыхъ мнѣнья,
Развратомъ, ядомъ просвѣщенья
Въ Европѣ душной зараженъ.

Нѣтъ!

Онъ сколько могъ привычекъ, правилъ
Своей отчизны не оставилъ.

О немъ такъ характерно разсказываетъ русскій:

Ты знаешь, вѣрно, что служилъ
Въ россійскомъ войскѣ Измаилъ,
Но, недовольный, между нами
Родными бредилъ онъ полями,
И все черкесъ въ немъ видѣнъ былъ.
Въ пирахъ и битвахъ отличался
Онъ передъ всѣми; томный взглядъ
Восточной нѣгой отзывался.
Для нашихъ женщинъ въ немъ былъ ядъ!..
....Любовью женщинъ, ихъ тоской
Онъ веселился, какъ игрой;
Но избѣжать его искусства
Не удалося ни одной.

Таковъ былъ этотъ вернувшійся въ свою родину Измаилъ-Бей. Но только онъ былъ

Старикъ для чувствъ и наслажденій,
Безъ сѣдины между волосъ,
И вотъ въ страну, гдѣ все такъ живо,
Онъ сердце мертвое принесъ.

Почему у Измаила мертвое сердце, такъ и не объясняется. Да въ сущности оно и не мертвое. Онъ его только запряталъ въ себѣ, окружилъ искусственной ледяной корой. Слишкомъ онъ много понесъ разочарованій. Уста, чтобы не произносить слова любви, привыкли къ проклятіямъ; обманутый въ своихъ мечтахъ, онъ одинокъ между людьми и не вѣритъ больше потому,

Что вѣрилъ нѣкогда всему.

Его страданія тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ болѣе онъ стремится ихъ не выказывать, оставаясь холоднымъ, безъ слѣда душевнаго движенія на неприступномъ челѣ. Напрасно за нимъ слѣдили

И мысли по лицу узнать желали.
Но кто проникнетъ въ глубину морей
И въ сердце, гдѣ тоска, но нѣтъ страстей?

Кажется, все застыло въ его груди, кромѣ жажды пролить кровь утѣснителей свободы. Измаилъ всюду, гдѣ война тре-

буетъ своихъ жертвъ. Все остальное чуждо ему. Любовь Зары онъ презрѣлъ, и, все-таки, когда преданная, одѣтая воиномъ подъ именемъ Селима, всюду за нимъ слѣдуя, она спасаетъ его раненаго, Измаилъ вошелъ въ противорѣчіе съ собою и

Смущаютъ Зару ласки Измаила.

Да, сердце его полно противорѣчій. Таковы и поступки его. Онъ ласкалъ Зару, а затѣмъ она сгинула не безъ его вины. Погибла ли она отъ руки его или его ненавистниковъ? Оттолкнулъ ли онъ ее безжалостно отъ себя? На лицѣ его никто не прочтетъ ничего, а уста хранятъ молчаніе. Противорѣчіе видно и въ томъ, что Измаилъ великодушно спасаетъ врага въ то время, какъ сокровенная и постоянная мечта его—кровавая месть. Но какое при этомъ презрѣніе звучитъ въ послѣднихъ словахъ Измаила, когда онъ прощается съ врагомъ своимъ—русскимъ, пришедшимъ убить его.

Нѣтъ! не достать враждѣ твоей
Главы, постигнутой ужъ рокомъ!
Онъ палачамъ судей земныхъ
Не уступаетъ жертвъ своихъ!
Твоя-бъ рука не устрашила
Того, кто борется съ судьбой:
Ты худо знаешь Измаила;
Смотри: онъ здѣсь передъ тобой...

И рокъ настигъ Измаила. Но и самая смерть открыла, въ какой безднѣ противорѣчій витала непреклонная душа его. Страшный русскимъ, вѣрный товарищъ горцевъ-магометанъ, безстрашный предводитель ихъ, не склонявшій главы предъ любовью къ женщинѣ, носилъ на груди

Какой-то локонъ золотой
И бѣлый крестъ на лентѣ полосатой,

И съ негодованіемъ отвернулись отъ него мусульмане:

Отступнику не вырoютъ могилу!...
Того, кто презиралъ людей и рокъ,
Кто смертію игралъ такъ своенравно,
Лишь ты низвергнуть смѣлъ, святой пророкъ!
Пусть не оплаканъ онъ сгніетъ безславно,
Пусть кончитъ жизнь, какъ началъ, одинокъ!...

Такъ вотъ тотъ другой, въ которомъ Лермонтовъ приглашаетъ любимую женщину познать его, поэта.

Въ этой поэмѣ онъ такъ характеризуетъ Измаила, т.-е. самого себя:

И дѣтямъ рока мѣста въ мірѣ нѣтъ;
Они его пугаютъ жизнью *новой*,
Они блеснутъ—и сгладится ихъ слѣдъ,
Какъ въ темной тучѣ слѣдъ стрѣлы громовой.
Толпа дивится часто ихъ уму,
Что въ морѣ бѣдъ, какъ вихри ихъ ни носятъ,
Они пособій отъ рабовъ не просятъ;
Хотятъ ихъ превзойти въ добрѣ и злѣ,
И власти знакъ на гордомъ ихъ челѣ.

И такъ, міръ боится *новой* жизни этихъ людей, т.-е. особеннаго склада ихъ ума и чувства, того, о чемъ мы говорили выше: хр162арактеры эти уклоняются отъ обычнаго пути людей, иныя ихъ радости и печали, своеобразно понятіе о добрѣ и злѣ. Что страшно другимъ, имъ не страшно; они иначе любятъ и иначе ненавидятъ... Жестока была судьба дѣвушки, которая любила Лермонтова. Онъ требовалъ беззавѣтной преданности Зары. Но какова была судьба этой послѣдней?! Кто страдалъ больше: Зара или Измаилъ? Конечно, тотъ, кого больше отмѣтилъ рокъ. Но что значитъ роковая личность?.. Мы еще не кончили характеристики поэта. Еще онъ юноша, который въ хаосѣ чувствъ и мыслей тщательно добивается ясности сознанія.

И теперь, прослѣдивъ сколько было возможно и душу поэта, и связанную съ жизнью ея поэтическую дѣятельность, послѣдуемъ за нимъ въ новую обстановку, на новый избранный имъ путь къ существованію въ иной сферѣ, вызвавшей иное творчество.

ГЛАВА IX.

Пребываніе въ школѣ гвардейскихъ юнкеровъ.

Школа гвардейскихъ юнкеровъ.—Что встрѣтилъ въ ней Лермонтовъ.—Удальство и отношеніе къ товарищамъ. — Литературные интересы въ школѣ.—Чувство одиночества.

Поселившись въ Петербургѣ, Лермонтовъ приказомъ по «школѣ гвардейскихъ кавалерійскихъ юнкеровъ» отъ 14 ноября 1832 г. былъ зачисленъ вольноопредѣляющимся унтеръ-офицеромъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ. Школа помѣщалась въ то время у Синяго моста, въ зданіи принадлежавшемъ когда-то графамъ Чернышевымъ, а потомъ перестроенномъ во дворецъ великой княгини Маріи Николаевны. Мысль учрежденія школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ принадлежала Императору Николаю Павловичу въ бытность его великимъ княземъ. Возникла она, когда гвардія занимала литовскія губерніи, двинутая туда «для успокоенія умовъ, взволнованныхъ извѣстною семеновскою исторіею» [1]. Здѣсь, во время зимовки, великій князь Николай Павловичъ обратилъ вниманіе на то, что молодые люди, поступающіе въ полки подпрапорщиками, при хорошемъ домашнемъ воспитаніи, или окончивши курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, были мало свѣдущи въ военныхъ наукахъ, плохо понимали и подчинялись дисциплинарнымъ требованіямъ и медленно успѣвали въ строевомъ образованіи. Великій князь собралъ во время зимовки юнкеровъ нѣкоторыхъ полковъ въ квартиру 2-ой бригады 1-ой гвардейской дивизіи, которою онъ командовалъ, и «производилъ имъ военное образованіе» подъ личнымъ своимъ наблюденіемъ. Это было начало «школы», которая и учредилась въ Петербургѣ въ маѣ 1823 года, вскорѣ по возвращеніи гвардіи въ столицу. Школа эта подчинялась особому командиру «изъ лучшихъ штабъ-офицеровъ гвардіи». Подпра-

[1] Свѣдѣнія о положеніи школы мы почерпаемъ изъ «Историч. Очерка Николаевскаго Кавалерійскаго училища» Спб. 1873 г.

порщики, собранные изъ разныхъ родовъ оружія, продолжали числиться въ своихъ полкахъ и носили форму своихъ частей. Внутренній порядокъ былъ заведенъ тотъ же, который существовалъ въ полкахъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сюда вошли и распоряженія, общія всѣмъ военно-учебнымъ заведеніямъ. Такъ, подпрапорщики поднимались барабаннымъ боемъ въ 6 часовъ утра и, позавтракавъ, отправлялись въ классы отъ 8 до 12 часовъ. Вечернія занятія длились отъ 3-хъ до 5-ти, а строевымъ посвящалось сравнительно не много времени: отъ 12-ти до часу, и только нѣкоторымъ, по усмотрѣнію командира, вмѣнялось въ обязанность обучаться строю еще одинъ часъ въ сутки. Во главѣ школы стоялъ командиръ ея, полковникъ Измайловскаго полка Павелъ Петровичъ Годеинъ, человѣкъ чрезвычайно добрый, снискавшій общую признательность сослуживцевъ и подчиненныхъ. Такъ какъ великій князь Николай Павловичъ часто посѣщалъ школу, то непосредственныя отношенія къ нему Годеина устраняли вмѣшательство высшаго начальства и вліяніе Павла Петровича на внутренній строй и духъ заведенія былъ непосредственнѣе. Не малымъ подспорьемъ для преуспѣянія школы были: полковникъ генеральнаго штаба Деллингсгаузенъ, пользовавшійся репутаціей «высокоученаго офицера», и, впослѣдствіи воспитатель наслѣдника престола великаго князя Александра Николаевича, Карлъ Карловичъ Мердеръ. Эти лица съумѣли выбрать достойныхъ офицеровъ-помощниковъ и сблизить съ ними подпрапорщиковъ. Взаимныя дружескія отношенія не мѣшали дисциплинѣ, а молодежь только выигрывала отъ нравственнаго вліянія на нее руководителей. «Отчужденіе офицеровъ отъ общенія съ подпрапорщиками въ видахъ укорененія дисциплины подорвало бы нравственную сторону дѣла, какъ указывала на то воспитательная практика нѣкоторыхъ кадетскихъ корпусовъ»,—замѣчаетъ составитель оффиціальной исторіи «школы».

Подпрапорщики пользовались нѣкоторою независимостью. Хотя они жили въ стѣнахъ заведенія, но имъ не возбранялось имѣть личную прислугу изъ собственныхъ крѣпостныхъ или наемныхъ людей. Часто отлучались они изъ школы и въ буд-

ни. Считаясь состоящими на службѣ, молодые люди, вступая въ число воспитанниковъ, принимали присягу.

Съ восшествіемъ на престолъ Императора Николая I, школа была отдана въ вѣдѣніе великаго князя Михаила Павловича. Заведеніе это скоро было преобразовано и вмѣсто одной роты, которую составляли подпрапорщики, былъ учрежденъ и кавалерійскій эскадронъ[1]. Великій князь обратилъ свое особенное вниманіе на фронтовыя занятія и обученіе строю стало практиковаться чаще. Такъ, манежная ѣзда производилась теперь отъ 10 часовъ утра до часу пополудни, а лекціи были перенесены на вечерніе часы. Было запрещено читать книги литературнаго содержанія, что, впрочемъ, не всегда выполнялось[2], и вообще полагалось стѣснить умственное развитіе молодыхъ питомцевъ школы. Такъ какъ вся вина политическихъ смутъ была взведена правительствомъ на воспитаніе, то прежняя либеральная система была признана пагубною[3]. Занятый другими дѣлами, великій князь, однако, не часто посѣщалъ заведеніе, почему духъ ея подъ руководствомъ прежняго начальства мало измѣнился. Дѣло получило иной оборотъ послѣ турецкой кампаніи, когда великій князь Михаилъ Павловичъ былъ назначенъ начальникомъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній. Тогда съ 1830 года онъ принялъ живое участіе въ преуспѣяніи школы и сталъ посѣщать ее почти еженедѣльно. «Историческая правда—замѣчаетъ авторъ исторіи «школы»—обязываетъ сказать, что эти посѣщенія всегда сопровождались грозою».Неудовольствія великаго князя на школу начались съ неудачнаго представленія ординарцевъ, явившихся въ одинъ изъ воскресныхъ дней. Сдѣлавъ по этому поводу строжайшій выговоръ командиру роты, великій князь

---

[1] Школа получила наименованіе «школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ». Эскадронъ подчинялся эскадронному командиру, въ помощь которому назначалось шесть оберъ-офицеровъ, по одному отъ каждаго гвардейскаго кавалерійскаго полка, расположеннаго въ окрестностяхъ столицы.

[2] См. «Воспоминанія о Лермонтовѣ» А. Меринскаго. «Атеней» 1858 г., № 48.

[3] В. Стоюнинъ: «Пушкинъ». Спб., 1881 г., стр. 294.

приказалъ арестовать офицеровъ, которые, по его мнѣнію, малу внушали юнкерамъ правильное понятіе о дисциплинѣ и обязанностяхъ нижнихъ чиновъ въ этомъ отношеніи къ офицерамъ. Послѣднее замѣчаніе вызвано было тѣмъ, что великій князь встрѣтилъ на Невскомъ проспектѣ подпрапорщика Тулубьева, который шелъ *рядомъ* съ роднымъ своимъ братомъ, офицеромъ преображенскаго полка. Другіе юнкера также неоднократно замѣчались его высочествомъ въ разговорѣ съ офицерами на улицѣ. Всѣ они немедленно отправлялись въ школу, подъ срогій арестъ, и, наконецъ, великій князь приказалъ объявить свою волю, что за подобные проступки, какъ нарушающіе военное чинопочитаніе, виновные будутъ выписываться имъ въ армію. Замѣтивъ также, что воспитанники школы часто отлучаются со двора въ будни, и приписывая это слабости ближайшаго начальства, онъ приказалъ на будущее время такіе отпуски прекратить.

Желая подтянуть дисциплину и искоренить безпорядки, великій князь наѣзжалъ въ школу невзначай. Такъ, пріѣхавъ однажды, онъ прямо вошелъ въ роту и приказалъ раздѣться первому встрѣчному юнкеру. О ужасъ! на немъ оказался *жилетъ*—въ то время совершенно противузаконный аттрибутъ туалета, изобличавшій по понятіямъ строгихъ блюстителей формы, чуть ли не революціонный духъ. На другихъ воспитанникахъ великимъ княземъ были замѣчены «*шелковые* или неисправные галстухи». Это было поводомъ къ сильнѣйшему гнѣву его высочества. Онъ приказалъ отправить подъ арестъ командира роты и всѣхъ отдѣленныхъ офицеровъ, а подпрапорщиковъ не увольнять со двора впредь до приказанія. На другой день великій князь опять пріѣхалъ въ школу и, къ крайнему удивленію своему, вновь засталъ тѣ же безпорядки въ одеждѣ. На этотъ разъ гроза разразилась уже надъ командиромъ школы, генералъ-майоромъ, которому объявленъ былъ строгій выговоръ.

Затѣмъ начальство школы измѣнилось. Еще раньше удалился изъ нея Деллингсгаузенъ, а потомъ въ ноябрѣ 1831 года и Годеинъ, который былъ замѣщенъ барономъ Шлиппенбахомъ. Съ этимъ назначеніемъ и уходомъ Годеина совпадаетъ

и выходъ любимаго и уважаемаго полковника Гудима-Левковича, командира эскадрона. На мѣсто его былъ назначенъ Стукѣевъ, воспѣтый Лермонтовымъ, а командиромъ роты—Гельмерсенъ, избранный самимъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ.

Всѣ эти перемѣны произошли какъ разъ въ 1832 году, т.-е. къ тому времени, когда Лермонтовъ поступилъ въ «школу». О школѣ знали и судили по старой репутаціи. Прежнее устройство ея, болѣе свободное, мало чѣмъ отличалось отъ устройства тогдашнихъ университетовъ. Школа имѣла видъ скорѣе военнаго университета съ воспитанниками, жившими въ стѣнахъ его, на подобіе того, какъ жили казеннокоштные студенты въ московскомъ университетѣ. Нравы и обычаи въ обоихъ учрежденіяхъ не многимъ отличались другъ отъ друга, если только взять въ соображеніе разницу, которая происходила отъ общественнаго положенія молодыхъ людей. Казеннокоштные студенты университета были люди изъ бѣдныхъ семей, въ «школѣ» же это были сыновья богатыхъ и знатныхъ родителей.

Лермонтовъ почуялъ тотчасъ, что ошибся въ разсчетѣ и что жизнь въ школѣ еще болѣе сдавитъ его могучую, рвавшуюся на просторъ индивидуальность. Недаромъ же вспоминалъ онъ университетъ:

Святое мѣсто!... Помню я, какъ сонъ,
Твои каѳедры, залы, коридоры,
Твоихъ сыновъ заносчивые споры
О Богѣ, о вселенной... и т. д.

Теперь онъ еще больше уходитъ въ себя, еще больше скрываетъ отъ товарищей свой внутренній міръ, выказывая только одну сторону—отзывъ на ихъ затѣи, или же въ сердечной скорби глумится надъ собою и окружающимъ; полусерьезно, полусаркастически говоритъ онъ въ своей «юнкерской молитвѣ»:

Царю небесный!
Спаси меня
Отъ куртки тѣсной,
Какъ отъ огня.

От маршировки
Меня избавь,
Въ парадировки
Меня не ставь.
Пускай въ монежѣ
Алехинъ гласъ [1]
Какъ можно рѣже
Тревожитъ насъ.
Еще моленье
Прошу принять—
Въ то воскресенье,
Дай разрѣшенье
Мнѣ опоздать [2].
Я, Царь Всевышній,
Хорошъ ужъ тѣмъ,
Что просьбой лишней
Не надоѣмъ! [т. I, стр. 242].

Весь строй жизни для Лермонтова перемѣнился. Въ Москвѣ онъ жилъ въ кругу многочисленной родни, чуждаясь тѣснаго сближенія съ товарищами по университету, имѣя общеніе съ ними лишь изрѣдка, или довольствуясь небольшимъ кружкомъ ихъ, вхожимъ въ тотъ же слой московскаго общества, къ которому причислялъ себя Лермонтовъ. Но и тутъ онъ жилъ, не открывая души своей. Большинство чувствовало существованіе какой-то преграды между собою и Лермонтовымъ,—преграды, не дозволявшей близко съ нимъ сходиться. Въ немъ видѣли или гордеца, съ язвительной насмѣшкой относившагося къ другимъ, или недоступнаго, занятаго собою фата. Только немногіе, близко знавшіе его пылкую, благородную натуру, глубоко цѣнили его дружбу и вѣрили высокой душѣ поэта. Эти немногіе не утратили вѣры и любви къ нему даже и тогда, когда ранняя могила унесла его. Къ такимъ лицамъ принадлежалъ Алексѣй Лопухинъ и сестры его, въ особенности Марья Александровна, и извѣстная уже намъ Сашенька Вере-

---

[1] Вышеназванный Алексѣй Степановичъ Стукѣевъ, командиръ эскадрона. Въ изданіяхъ дѣлается ошибка: Алехинъ глазъ вмѣсто гласъ—голосъ.

[2] Юнкеровъ отпускали домой по субботамъ до опредѣленнаго часа воскресенья вечера. По просьбѣ юнкеровъ, имъ иногда дозволялось «опаздывать», т.-е. явиться часомъ или двумя позднѣе.

щагина [1]. Во время недостойнаго поэта образа жизни, который велъ онъ въ салонахъ Петербурга, платя дань «ухарскимъ замашкамъ молодаго офицерства»», Лермонтовъ въ письмахъ къ этимъ женщинамъ откровенно признается въ своихъ поступкахъ, безъ всякаго лицемѣрія:

„Передъ обѣими вами я не могу скрывать истины, передъ вами, которыя были наперсницами юношескихъ моихъ мечтаній..." (т. V, стр. 407).

Извѣстно, какое вліяніе имѣли женщины на многихъ лучшихъ поэтовъ. Пушкинъ обязанъ своимъ душевнымъ развитіемъ вліянію хорошихъ и умныхъ женщинъ. И А. Вереща-

---

1 Любопытное письмо Верещагиной къ Лермонтову на французскомъ языкѣ помѣщено въ «Русскомъ Обозрѣніи» 1890 г., августъ, стр. 734. «Не могу выразить Вамъ то прискорбное чувство, которое вызвала во мнѣ сообщаемая Вами новость. Какъ послѣ столькихъ стараній и трудовъ отказаться отъ надежды воспользоваться ихъ плодами, и видѣть себя вынужденнымъ совершенно измѣнить образъ жизни... Не знаю, но мнѣ все сдается, что Вы поступили слишкомъ поспѣшно; быть можетъ я ошибаюсь, но рѣшеніе должно быть было Вамъ навязано Алексѣемъ Столыпинымъ, не такъ ли?—Я вполнѣ понимаю, какъ Вы должны быть смущены перемѣною, ибо Вы никогда не были пріучаемы къ военной службѣ; но и теперь, какъ всегда, человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ, и будьте увѣрены, что все, что Онъ располагаетъ, конечно служитъ къ нашему благу. И на военномъ поприщѣ Вы всегда будетъ имѣть возможность отличиться; съ умомъ и способностями вездѣ можно составить свое счастіе; впрочемъ не говорили ли Вы мнѣ много разъ, что, если возгорится война, Вы не захотите остаться бездѣятельнымъ. Ну, хотя Вы и на пути стать со временемъ славнымъ воиномъ, это не можетъ помѣшать Вамъ заниматься поэзіей... Вотъ, другъ мой, насталъ для Васъ критическій моментъ, помните данное мнѣ при отъѣздѣ обѣщаніе. *Берегитесь слишкомъ поспѣшно сходиться съ товарищами,* ознакомьтесь съ ними ближе раньше, чѣмъ на то рѣшаться. Вы характера добраго и съ любящею Вашею душою Вы тотчасъ увлечетесь; въ особенности избѣгайте молодежь, которая кичится всякаго рода молодечествомъ и видитъ особое достоинство въ фанфаронствѣ. Умный человѣкъ долженъ быть выше всѣхъ этихъ мелочей... Это хорошо для мелкихъ умовъ, имъ и предоставьте это, а сами идите своимъ путемъ...» Писано 12 окт. 1832 года. Письмо это доказываетъ, что Лермонтовъ вступилъ въ школу еще въ началѣ октября, что было высказано въ «Русск. Мысли» іюль 1884 года. Оно не могло быть иначе, потому что 19 окт. 1832 года состоялось Выс. повелѣніе, чтобы молодыхъ дворянъ впредь принимать одинъ разъ въ годъ, а не въ теченіи всего года.

тина, и М. Лопухина, очевидно, имѣли большое вліяніе на нравственное развитіе характера Лермонтова, о чемъ свидѣтельствуютъ и письма поэта къ нимъ, дошедшія до насъ, къ сожалѣнію, въ весьма ограниченномъ числѣ. Изъ этихъ же писемъ мы видимъ, что поэтъ оставался съ этими друзьями ранней юности въ самыхъ искреннихъ отношеніяхъ до своей кончины.

Теперь молодой человѣкъ въ «школѣ» очутился въ совершено новыхъ условіяхъ. Изъ жизни у бабушки, гдѣ полнѣйшая свобода и независимость стѣсняемы были развѣ излишней любовью и боязливостью старушки, изъ круга родныхъ и знакомыхъ, среди которыхъ онъ вращался равноправнымъ членомъ общества, «ибо въ то время студенты были почти единственными кавалерами московскихъ красавицъ» [1], Лермонтовъ попалъ въ обстановку, сдавливавшую въ тѣсныя рамки всякую индивидуальную свободу. Дисциплина приводила всѣхъ подъ одинъ уровень, и дисциплина эта была тѣмъ чувствительнѣе, что, какъ разъ ко времени вступленія Лермонтова въ школу, она стала примѣняться съ особенною строгостью, придирчивая ко всякимъ мелочамъ, что контрастировало съ прежнимъ бытомъ «школы». Чувствительная для всѣхъ, она должна была быть вдвойнѣ тяжела для Михаила Юрьевича. Увидавъ себя въ желѣзныхъ оковахъ правильнаго строя военнаго порядка, ощутивъ личную свободу свою порабощенною гораздо сильнѣе прежняго, Лермонтовъ не могъ не понять, какъ ошибся онъ въ разсчетѣ и какъ для него тяжело будетъ выносить эту регулярную, стѣснительную жизнь, когда относительно свободный бытъ московскихъ студентовъ казался ему невыносимымъ. Михаилу Юрьевичу, очевидно, приходило на умъ покинуть «школу», но останавливаться на такой мысли было нельзя. Куда идти? Возвратиться въ московскій университетъ было немыслимо; въ петербургскомъ пришлось бы начинать сначала. Оставаясь въ школѣ, можно было окончить курсъ въ два года. Къ этимъ соображеніямъ прибавлялось еще сознаніе ложнаго положенія, въ которое

---

[1] «Княгиня Лиговская». Т. IV, стр. 151.

пришлось бы стать по отношенію къ сонму родныхъ и знакомыхъ, уже и такъ много шумѣвшихъ по поводу выхода Михаила Юрьевича изъ московскаго университета и переѣзда въ Петербургъ на новую карьеру. Самолюбіе не позволяло Лермонтову отступить. Надо было итти дальше по принятому пути. То же самолюбіе вынуждало его какъ можно скорѣе освоиться съ новымъ бытомъ и, затаивъ въ себя личные интересы, пойти объ руку съ товарищами и ни въ чемъ не отставать отъ нихъ. Полная боязливой любви къ своему внуку, бабушка Арсеньева опасалась за здоровье нервнаго «Мишеля», которое могло пострадать отъ внезапной и крутой перемѣны образа жизни, и поэтому старалась смягчить суровость ея. Такъ, Елизавета Алексѣевна, тотчасъ по поступленіи Михаила Юрьевича въ школу, приказала служившему ему человѣку потихоньку приносить барину изъ дома всякія яства, по утру же рано будить его «до барабаннаго боя», изъ опасенія, что пробужденіе отъ внезапнаго треска разстроитъ нервы внука. Узнавъ объ этомъ, Лермонтовъ страшно разсердился, и слугѣ его досталось [1]. Стало ли это извѣстнымъ въ кругу товарищей, не знаемъ; Михаилъ Юрьевичъ боялся въ чемъ-либо выказать изнѣженность и старался не только не отставать, но опережать товарищей во всѣхъ «лихихъ» предпріятіяхъ и выходкахъ бывшаго въ нравахъ молодечества.

Товарищъ Лермонтова по «школѣ», поступившій въ нее лишь годомъ раньше, князь Александръ Ивановичъ Барятинскій, разсказывая намъ многіе изъ эпизодовъ своей жизни, вспомнилъ о томъ, какъ тяжело тогда доставалось въ «школѣ» молодымъ людямъ, поступившимъ въ нее изъ семей, въ которыхъ они получали тщательное воспитаніе. Обычаи школы требовали извѣстнаго ухарства. Понятія о геройствѣ и правдивости были своеобразныя и ложныя, отчего не мало страдали пришедшіе извнѣ новички, пока не привыкали ко взгляду товарищей: что въ такомъ-то случаѣ обмануть начальство

---

[1] Изъ разсказовъ г-жи Гельмерсенъ. — Мой очеркъ о пребываніи Лермонтова въ школѣ встрѣтилъ возраженіе со стороны г. Миклошевскаго [«Русская Стар.» 1884 г. Декабрь, стр. 589]. Опроверженіе я написалъ въ томъ же журналѣ 1885 г. Февраль, стр. 475.

похвально, а въ такомъ-то необходимо надо сказать правду. Такъ, напримѣръ, считалось доблестнымъ не выдавать товарища, который, напередъ надломивъ тарелку, ставилъ на нее массу другихъ, отчего вся груда съ трескомъ падала и разбивалась, какъ только служитель приподнималъ ее со стола. Юнкера хохотали, а служителя наказывали. Новичка, вступавшагося за несчастнаго служителя, если не прямо клеймили доносчикомъ, то немилосердно преслѣдовали за мягкосердіе и, именуя его «маменькинымъ сынкомъ», прозывали болѣе или менѣе презрительными прозвищами. Хвалили же и восхищались тѣми, кто быстро выказывалъ «закалъ», т.-е. неустрашимость при товарищескихъ предпріятіяхъ, обманѣ начальства, выкидываніи разныхъ «смѣлыхъ штукъ». Вѣроятно, крайне самолюбивый Лермонтовъ боялся попасть въ число «маменькиныхъ сынковъ» и потому старался бравировать и сразу получить репутацію «лихаго юнкера». Въ школѣ славился своею силою юнкеръ Евграфъ Карачевскій. Онъ гнулъ шомпола или вязалъ изъ нихъ узлы какъ изъ веревокъ. За испорченные шомпола гусарскихъ карабиновъ много пришлось ему переплатить денегъ унтеръ-офицерамъ, завѣдывавшимъ казенною аммуниціею. Съ этимъ Карачевскимъ тягался Лермонтовъ, который обладалъ большою силою въ рукахъ. Однажды, когда оба они забавлялись пробою силы, въ залъ вошелъ директоръ «школы», Шлиппенбахъ. Вспыливъ, онъ сталъ выговаривать обоимъ юнкерамъ: «Ну, не стыдно ли вамъ такъ ребячиться! Дѣти, что ли, вы, чтобы шалить?.. Ступайте подъ арестъ!» Оба высидѣли сутки. Разсказывая затѣмъ товарищамъ про выговоръ, полученный отъ начальника, Лермонтовъ съ хохотомъ замѣтилъ: «Хороши дѣти, которыя могутъ изъ желѣзныхъ шомполовъ вязать узлы!» [1].

Это самолюбивое желаніе первенствовать или, по крайней мѣрѣ, не отставать отъ товарищей было причиною случая, едва не имѣвшаго весьма печальныхъ послѣдствій. Вотъ какъ разсказываетъ о немъ товарищъ поэта по школѣ: «Вступле-

---

[1] Такъ разсказываетъ товарищъ Лермонтова Меринскій въ фельетонѣ Русскаго Міра 1872 г. № 205.

ніе Лермонтова въ юнкера не совсѣмъ было счастливо. Сильный душою, онъ былъ силенъ и физически и часто любилъ выказывать свою силу. Разъ послѣ ѣзды въ манежѣ, будучи еще, по школьному выраженію, новичкомъ, подстрекаемый старыми юнкерами, онъ, чтобы показать свое знаніе въ ѣздѣ, силу и смѣлость, сѣлъ на молодую лошадь, еще не выѣзженную, которая начала бѣситься и вертѣться около другихъ лошадей, находившихся въ манежѣ. Одна изъ нихъ ударила Лермонтова въ ногу и расшибла ему ее до кости. Его безъ чувствъ вынесли изъ манежа [1]. Долго лежалъ онъ потомъ больнымъ въ квартирѣ бабушки. Въ письмѣ отъ 25 февраля 1833 года Лопухинъ просилъ его: «Напиши мнѣ, что ты въ школѣ остаешься, или нѣтъ, и позволитъ ли тебѣ нога продолжать службу военную» [2]. Лермонтовъ проболѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ, но поправился, хотя потомъ всю жизнь едва замѣтно прихрамывалъ. Такимъ образомъ, онъ въ первый годъ своего поступленія въ школу между товарищами пробылъ лишь два мѣсяца. 18 іюня 1833 года онъ пишетъ Лопухиной:

„Надѣюсь, Вамъ пріятно будетъ знать, что побывавъ въ школѣ всего два мѣсяца, я выдержалъ экзаменъ въ первый классъ и теперь одинъ изъ первыхъ. Это все же питаетъ надежду близкой свободы“ [т. V стр. 395].

Петербургъ и петербургское общество сразу не понравились Лермонтову. Онъ отстранился отъ него и ушелъ въ са-

---

1 Воспоминанія Меринскаго. Атеней 1858 г., № 48. Былъ переломъ кости по разсказу Шанъ-Гирея.

2 Изъ рукописныхъ матеріаловъ г. Хохрякова. Далѣе въ письмѣ сказано: «Очень и очень тебѣ благодаренъ за твою голову; она меня очень восхищаетъ». Лермонтовъ начертилъ на стѣнѣ дома Лопухиныхъ углемъ голову, о коей спрашиваетъ Марью Ал. Лопухину въ письмѣ отъ 2 сент. 1832 г.—цѣла ли она. Подобную голову работы Лермонтова желалъ для себя Алексѣй Лопухинъ, и Лермонтовъ въ письмѣ, писанномъ въ концѣ 1832 года [т. V, стр. 392], говоритъ: «Скажите, пожалуйста, Алексису, что я пришлю ему подарокъ, какого онъ не ожидаетъ. Ему давно хотѣлось что-нибудь въ такомъ родѣ. Онъ получитъ, только вдесятеро лучше» Эта голова, писанная масляными красками, подарена въ Лермонтовскій музей сыномъ Алексѣя Лопухина.

мого себя. Вскорѣ по пріѣздѣ [въ концѣ августа 1832 года] онъ пишетъ въ Москву своей пріятельницѣ:

„Вы просите назвать Вамъ всѣхъ, у кого бываю? Изъ всѣхъ лицъ, съ которыми имѣю общеніе, пріятнѣйшее для меня—это я. Правда, по пріѣздѣ я навѣщалъ довольно часто родныхъ своихъ, съ коими долженъ познакомиться, но подъ конецъ нашелъ, что лучшій изъ родственниковъ моихъ я самъ. Видѣлъ я образщики здѣшняго общества—дамъ весьма любезныхъ, молодыхъ людей весьма вѣжливыхъ; всѣ они вмѣстѣ производятъ на меня впечатлѣніе французскаго сада, узкаго и незамысловатаго, но въ которомъ съ перваго раза легко можно потеряться, до того хозяйскія ножницы уничтожили въ немъ все самобытное“.(Соч. т. V стр. 383).

Послѣ величаво раскинувшейся Москвы съ ея пестротою и своеобразіемъ, — города, давно живущаго исторической жизнью, административный казенный Петербургъ съ прямыми улицами и казенными домами, окрашенными въ желтую форменную краску, гранитный и холодный, съ зелено-блѣднымъ небомъ и однообразіемъ скучной оффиціальной жизни, не могъ понравиться поэту.

Съ негодованіемъ пишетъ онъ о Петербургѣ Софьѣ Александровнѣ Бахметевой:

Увы, какъ скученъ этотъ городъ
Съ своимъ туманомъ и водой!
Куда ни взглянешь—красный воротъ[1],
Какъ шишъ, торчитъ передъ тобой.
Нѣтъ милыхъ сплетенъ--все сурово,
Законъ сидитъ на лбу людей...
Доволенъ каждый самъ собою,
Не безпокоясь о другихъ.
И что у насъ зовутъ душою,
То безъ названія у нихъ!... [т. V стр. 382].

Неудивительно, что не только природа, которою Петербургъ не можетъ щегольнуть, не произвела на поэта впечатлѣнія, но и самое море, о которомъ онъ такъ мечталъ, при общемъ настроеніи его духа, не вызвало въ немъ вдохновенія:

---

[1] Изобиловавшая на улицахъ полиція носила тогда красные воротники.

И наконецъ я видѣлъ море!
Но кто поэта обманулъ?
Я въ роковомъ его просторѣ
Великихъ думъ не почерпнулъ.

Въ такомъ состояніи Лермонтовъ не могъ писать, и задуманныя и начатыя имъ въ Москвѣ произведенія оставались недоконченными. Въ письмѣ къ Марьѣ Александровнѣ Лопухиной онъ говоритъ:

„Пишу мало, читаю не болѣе, романъ мой становится произведеніемъ отчаянія; я рылся въ душѣ своей, дабы выбрать изъ нея все, что способно обратиться въ ненависть, и въ безпорядкѣ излить это на бумагѣ".

Романъ, о которомъ говоритъ поэтъ,—это его неоконченная юношеская повѣсть, впервые напечатанная въ 1873 году въ Вѣстникѣ Европы. Она была основана на истинномъ происшествіи, разсказанномъ бабушкою поэта, и касалась времени Екатерины II, вѣроятно, изъ эпохи пугачевскаго бунта [т. V, стр. 1].

Черезъ нѣсколько дней послѣ упомянутаго письма Лермонтовъ пишетъ той же пріятельницѣ и посылаетъ ей сдѣлавшіеся затѣмъ знаменитыми стихи, писанные имъ на берегу моря, вѣроятно, въ Петергофѣ.

Бѣлѣетъ парусъ одинокій
Въ туманѣ неба голубомъ...

Стихи оканчиваются возгласомъ, въ которомъ вылилось все тревожное состояніе души поэта:

А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой. [т. V, стр. 388].

Итакъ, въ новой обстановкѣ, въ сферѣ петербургской жизни съ самаго начала поэтъ не хорошо себя чувствовалъ. Онъ приходитъ въ восхищеніе, когда видитъ кого-либо изъ москвичей, даже только потому, что это пріѣзжій изъ дорогаго ему города.

„Вѣдь, Москва моя родина—восклицаетъ онъ—и таковою будетъ для меня всегда: тамъ я родился, *тамъ много страдалъ* и тамъ же былъ слишкомъ счастливъ"[1].

---

[1] Письмо отъ 2 сент. 1832 г.—Лермонтовъ приходитъ въ восторгъ

Однако и жизнь въ школѣ имѣла свою хорошую сторону. Таковою былъ духъ товарищества, особенно сильно развивающійся и дѣйствующій въ закрытомъ заведеніи. Тѣсное сожительство съ молодежью въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ, при полномъ равенствѣ передъ властью, въ твердыхъ, опредѣленныхъ рамкахъ дисциплинируетъ человѣка. Для избалованной, необузданной натуры Лермонтова эта дисциплина была не лишнею, хотя, къ сожалѣнію, темныхъ сторонъ за тогдашнею жизнью въ «школѣ» надо признать больше, нежели сторонъ свѣтлыхъ.

Въ то время въ военномъ, и особенно въ аристократическомъ кругу, какимъ болѣе или менѣе былъ кругъ школьныхъ товарищей Лермонтова, былъ чрезвычайно развитъ духъ касты, чувство мнимаго превосходства, нелѣпая исключительность. То, что стало отражаться на Лермонтовѣ, была прямая противуположность тому, въ чемъ были лучшіе идеальные интересы общественнаго развитія — какое-то напоминаніе о грубой силѣ, малообразованной и нахальной... Люди, близко съ дѣтства знавшіе Лермонтова, очень къ нему привязанные, полагали, что съ поступленіемъ въ юнкерскую школу начался для него «періодъ броженія», переходное настроеніе, которое, быть можетъ, поддерживалось укоренившимися обычаями [1].

Въ первый годъ поступленія своего въ школу, Михаилъ Юрьевичъ, по случаю своей болѣзни послѣ поврежденія ноги, большую часть времени проживалъ дома и въ кругу товарищей бывалъ немного. Это облегчало ему его положеніе. Когда онъ затѣмъ появился въ школѣ и зажилъ въ кругу товарищей, его уже не считали новичкомъ, а равноправнымъ старымъ юнкеромъ. Особенно сблизила Лермонтова съ молодежью лагерная жизнь. Однако его ближайшими товарищами оставались ста-

---

отъ встрѣчи съ Натальей Алексѣевной, сестрою бабушки, надъ которой въ письмахъ къ Верещагиной трунитъ: «Наталья Алексѣевна съ чады и домочадцы уѣзжаетъ въ чужія края!!! Ухъ!... Славное она тамъ дастъ понятіе о русскихъ женщинахъ!...» и все же Лермонтовъ «въ седьмомъ небѣ [aux anges], потому что она пріѣхала съ нашей стороны».

[1] Изъ записокъ наставника Лермонтова А. Зиновьева; см. что говоритъ А. Н. Пыпинъ въ біогр. очеркѣ при изд. соч. Л. 1873 г., т. I, стр. XXX

рые московскіе знакомые: Поливановъ, Шубинъ, да родственники: Столыпинъ и Юрьевъ. Особенно хорошо сошелся онъ на школьной скамьѣ съ Вонлярлярскимъ — позднѣе извѣстнымъ беллетристомъ [авторомъ *Большой Барыни*]. По свидѣтельству школьныхъ товарищей [1], Лермонтовъ былъ хорошъ со всѣми однокашниками, хотя нѣкоторые изъ нихъ не очень любили его за то, что онъ преслѣдовалъ ихъ своими остротами за все ложное, натянутое и неестественное, чего никакъ не могъ переносить. Впрочемъ, остротами своими преслѣдовалъ Михаилъ Юрьевичъ и тѣхъ, съ которыми былъ особенно друженъ. При этомъ имъ руководило не злое побужденіе. «Онъ имѣлъ душу добрую,—я въ томъ убѣжденъ», говоритъ его товарищъ Меринскій.

Умственные интересы въ школѣ не были особенно сильны и не они, конечно, сближали Лермонтова съ его товарищами. Напротивъ, онъ любилъ удаляться отъ нихъ и предаваться своимъ мечтаніямъ и творчеству въ уединеніи, рѣдко кому читая отрывки изъ своихъ задушевныхъ произведеній, чувствуя, что они будутъ не такъ поняты, и боясь каждой неосторожной, глубоко оскорблявшей выходки. Въ отношеніяхъ его къ товарищамъ была, слѣдовательно, нѣкоторая неестественность, которую онъ прикрывалъ веселыми остротами, и такія выходки при остромъ и зломъ языкѣ, конечно, должны были подчасъ коробить тѣхъ, противъ кого были направлены. Надо, однако, взять во вниманіе и то, что Лермонтовъ ничуть не обижался, когда на его остроты ему отвѣчали тѣмъ же, и отъ души смѣялся ловкому слову, направленному противъ него самого. Его, очевидно, не столько занимало желаніе досадить, сколько сказать остроту или вызвать комичное положеніе. Но не всѣ имѣли крупный характеръ поэта. Мелкія, самолюбивыя натуры глубоко оскорблялись тамъ, гдѣ Лермонтовъ видѣлъ одну забавную выходку. Люди сохраняли противъ него неудовольствіе. Капля за каплей набиралась злоба къ нему, а

---

1 Разсказы о пребываніи Лермонтова въ школѣ юнкеровъ принадлежатъ товарищу его, г. Меринскому [Атеней 1858 г., № 48, и Русскій Міръ 1872 г., № 205].

поэтъ и не подозрѣвалъ этого. Такъ бывало съ нимъ и въ послѣдующіе годы.

Лермонтовъ острилъ не только надъ другими; онъ трунилъ подчасъ и надъ своими недостатками. Такъ, онъ изобразилъ самого себя въ карикатурѣ, въ шинели въ рукава поверхъ мундира и гусарскаго ментика. Въ такомъ видѣ ходили юнкера въ большіе морозы. Костюмъ этотъ придавалъ сутуловатой, широкоплечей и малорослой фигурѣ Лермонтова чрезвычайно неказистый видъ. Самъ же онъ потѣшался и надъ даннымъ его товарищами прозвищемъ. Въ «школѣ» рѣдкій изъ юнкеровъ не имѣлъ таковаго. Поливанова называли «Лафою», кн. Іосифа Шаховскаго за большой носъ—«Куркомъ», Алексѣя Столыпина звали «Монго», Лермонтова «Маёшкой»—названіемъ, взятымъ изъ одного французскаго романа, гдѣ фигурируетъ горбунъ «Mayeux»[1].

---

1 Объясненій этому прозвищу много. Г. Меринскій въ Русскомъ Мірѣ говоритъ, что «Mayeux»—названіе одного изъ дѣйствующихъ лицъ бывшаго тогда въ модѣ романа «Notre-Dame de Paris», но, сколько извѣстно намъ, тамъ имени такого не встрѣчается. Герой его называется Квазимодой. Вѣроятно, г. Меринскій смѣшалъ романъ Гюго съ какимъ-либо другимъ. Товарищъ Лермонтова, А. Синицынъ, говоритъ, что подъ заглавіемъ «Monsieur Mayeux» существуетъ французскій романъ Рикера, написанный въ духѣ Поль-де-Кока [Русскій Архивъ 1872 г., стр. 1778, воспоминанія Бурнашова]. Но я этого романа не видалъ. Братъ «Монго»-Столыпина, Дмитрій Аркадьевичъ Столыпинъ, говорилъ, что названіе это взято изъ одного романа Бальзака, но изъ какого—не помнилъ. Не объясняетъ этого прозвища и Шанъ-Гирей въ Русскомъ Обозрѣніи 1880 г., гдѣ замѣчаетъ только что M-r Mayeux прозваніе горбатаго и умнаго героя какого то давно забытаго шутовскаго французскаго романа.—Мы полагаемъ другое.—Въ романѣ Eugène Sue, «le Juif Errant» описывается горбатая дѣвушка: «Elle etait cruellement contrefaite, et par suite d'une locution vulgaire et proverbiale, ont l'avait baptisée la «M a y e u x». — Дѣвушка эта отличалась возвышенными качествами и была одарена поэтическою душою. «Mais, chose rare, ce corps difforme renfermait une ame aimante et génereuse, un esprit cultivé... cultivé jnsqu'a la poésie». Весьма возможно, что товарищи прослѣдили аналогію между свойствами души Лермонтова и этой дѣвушки, которая вѣроятно была ему симпатична. Романы Евгенія Сю въ то время много читались. Высказанной Лермонтовымъ симпатіи къ характеру «la Mayeux» было достаточно, чтобы какой либо острякъ, указавъ на сходство между ними, назвалъ Михаила Юрьевича M-r Mayeux или просто «Маёшкой». Это проз

Лермонтовъ такъ мало обижался этимъ прозвищемъ, что въ одной поэмѣ все время описываетъ подъ этимъ именемъ самого себя, не щадя юмористическихъ красокъ.

«Въ то время — разсказываетъ г. Меринскій — намъ не позволялось читать книгъ чисто-литературнаго содержанія, хотя мы не всегда исполняли это...» Но на разныя шалости и буйныя развлеченія, въ какія вдавалась болѣе или менѣе богатая молодежь и которыя умѣрялись только фронтовой дисциплиной, смотрѣли сквозь пальцы. Молодежь послушно усвоивала духъ касты, грубо льстившій неразвитому пониманію собственнаго достоинства и впередъ отдалявшей ее отъ болѣе мирныхъ и возвышенныхъ интересовъ общества. Здѣсь не было мѣста для идеальныхъ стремленій. Военная программа очень мало объ нихъ заботилась, скорѣе истребляла ихъ.

Понятно, что Михаилъ Юрьевичъ долженъ былъ тяготиться всѣмъ этимъ и подчасъ доходить до совершеннаго отчаянія. По вечерамъ, послѣ учебныхъ занятій, поэтъ часто уходилъ въ отдаленныя классныя комнаты, въ то время пустыя, стараясь пробраться туда незамѣченнымъ товарищами, и тамъ одинъ просиживалъ долго и писалъ до поздней ночи. Въ кругу товарищей онъ выказывалъ себя веселымъ и, хотя не принадлежалъ къ числу отъявленныхъ шалуновъ, но любилъ иногда пошкольничать. Въ свободное отъ занятій время юнкера порою собирались около рояля, который сами брали на прокатъ. Одинъ изъ товарищей акомпанировалъ на немъ пѣвшимъ разныя пѣсни. Появлявшійся Лермонтовъ присоединялся къ поющимъ, но запѣвалъ громко совершенно иную пѣсню и сбивалъ всѣхъ съ такта; разумѣется, при этомъ поднимался шумъ, хохотъ и нападки на Лермонтова. Пѣвались романсы и нескромнаго содержанія; эти-то, кажется, особенно нравились. Лермонтовъ для забавы юнкеровъ передѣлывалъ разныя пѣсни, примѣняя ихъ ко вкусамъ товарищей. Такъ была имъ пе-

---

вище за нимъ и упрочилось. Самъ поэтъ охотно рисовалъ себя въ карикатурахъ сутуловатымъ, а въ юношеской повѣсти изобразилъ себя въ горбачѣ Вадимѣ. Мѣткость прозвища не разсердила его, а напротивъ ему понравилась.

редѣлана для нихъ извѣстная, ходившая тогда по рукамъ въ рукописи, пѣсня Рылѣева:

Ахъ, гдѣ тѣ острова,
Гдѣ растетъ трынъ-трава,
Братцы?

Но передѣлка была до того нескромнаго свойства, что г. Меринскій не рѣшился передать содержаніе ея въ печати.

Группировались въ свободное время и около Вонлярлярскаго, который привлекалъ къ себѣ многихъ неистощимыми забавными разсказами. Съ нимъ соперничалъ Лермонтовъ, никому не уступавшій въ остротахъ и веселыхъ шуткахъ. Въ 1834 году кому-то пришло въ голову издавать рукописный журналъ, получившій названіе «Школьной Зари» и просуществовавшій не долго; его вышло, кажется, не болѣе 7-ми нумеровъ. Предполагалось издавать журналъ еженедѣльно. Кто хотѣлъ участвовать, тотъ клалъ свои статьи въ опредѣленный для того ящикъ одного изъ столиковъ, стоявшихъ возлѣ кроватей. Статьи эти вынимались изъ ящика по средамъ, сшивались и затѣмъ прочитывались въ собраніи товарищей при общемъ смѣхѣ и шуткахъ. Къ сожалѣнію, эти литературныя занятія ограничивались статьями самаго нескромнаго содержанія. Тутъ-то Лермонтовъ помѣстилъ рядъ своихъ поэмъ, заслужившихъ ему извѣстность «новаго Баркова». Произведенія эти отличаются жаркою фантазіей и подчасъ прекраснымъ стихомъ, но отталкиваютъ цинизмомъ и грязью, въ нихъ заключающимися. Юнкера, покидая школу и поступая въ гвардейскіе полки, разносили въ спискахъ эту литературу въ холостые кружки «золотой молодежи» нашей столицы и, такимъ образомъ, первая поэтическая слава Лермонтова была самая двусмысленная и сильно ему повредила.

Когда затѣмъ стали появляться въ печати его истинно-прекрасныя произведенія, то знавшіе Лермонтова по печальной репутаціи эротическаго поэта негодовали, что этотъ гусарскій корнетъ «смѣлъ выходить на свѣтъ со своими твореніями». Бывали случаи, что сестрамъ и женамъ запрещали говорить о томъ, что онѣ читали произведенія Лермонтова; это считалось компрометирующимъ. Даже знаменитое стихотвореніе «на

смерть Пушкина» не могло изгладить этой репутаціи и только въ послѣдній пріѣздъ Лермонтова въ Петербургъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ его смертью, послѣ выхода собранія его стихотвореній и романа «Герой нашего времени», пробилась его добрая слава. Но первая репутація долго стояла помѣхою для оцѣнки личности поэта въ обществѣ, да и теперь еще продолжаетъ давать себя чувствовать.

Между тѣмъ, кто изъ поэтовъ не писалъ нескромныхъ стихотвореній? Сколько было ихъ написано Пушкинымъ въ томъ же возрастѣ, въ которомъ писалъ ихъ Лермонтовъ? Пушкинъ началъ ихъ писать даже еще раньше. Въ пансіонскихъ и университетскихъ тетрадяхъ Лермонтова мы ихъ не встрѣчаемъ вовсе.

Лермонтовъ писалъ свои поэмы и разсказы въ «Школьной Зарѣ» обыкновенно подъ псевдонимомъ «графъ Діарбекиръ». Но встрѣчаемъ и псевдонимъ «Степановъ». Въ № 4-мъ «Школьной Зари» [1] помѣщены принадлежащіе перу Лермонтова «Уланша», «Госпиталь», два небольшихъ стихотворенія и прозаическій разсказъ [описаніе одного путешествія], — все пьесы такого рода, какія извѣстны каждому изъ воспитывавшихся въ закрытыхъ заведеніяхъ. Въ одномъ стихотвореніи [одѣ] Лермонтовъ, въ общемъ духѣ такихъ пьесъ, перебралъ часть начальствующаго персонала [2].

Въ Уланшѣ, самой скромной изъ этихъ поэмъ, изображается переходъ коннаго эскадрона юнкерской школы въ Петер-

---

[1] Точный списокъ съ этого нумера былъ обязательно высланъ намъ Владиміромъ Ник. Поливановымъ, сыномъ товарища Лермонтова по «школѣ». На заглавномъ листѣ [форматъ «Школьной Зари» въ обыкновенный листъ писчей бумаги] помѣченъ 1834 г, что сходится съ показаніями г. Меринскаго.

[2] См. «Русскую Старину» 1882 года, августъ, стр. 391. Тамъ помѣщенъ отрывокъ этой оды. Конецъ же совершенно невозможенъ. Составившій замѣтку г. N. N. [извѣстный нашъ библіографъ] замѣчаетъ: «Стихи зачастую довольно звучные, но содержаніе по своей скабрезности едва ли не превосходитъ произведенія пресловутаго Баркова. При видѣ этого рукописнаго журнала дивишься той мощи генія Лермонтова, который могъ развернуться въ немъ даже еще въ этомъ учебномъ заведеніи, среди обстановки крайне неблагопріятной, какую представляла среда и жизнь въ школѣ гвардейскихъ юнкеровъ въ началѣ 30-хъ годовъ».

гофъ и ночной привалъ въ деревнѣ Ижоры. Главный герой похожденія—уланскій юнкеръ «Лафа», посланный впередъ квартирьеромъ. Героиня—крестьянская дѣвушка [т. II, стр. 162].

Въ «Госпиталѣ» описываются похожденія товарищей-юнкеровъ: того же Поливанова, Шубина и князя Александра Ивановича Барятинскаго.

Еще раньше этого въ одномъ изъ нумеровъ «Школьной Зари» былъ помѣщенъ Лермонтовымъ «Петергофскій праздникъ». Въ этой грязноватой поэмѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ изображенъ юнкеръ лейбъ-кирасирскаго полка Бибиковъ.

Всѣ эти произведенія Лермонтова, конечно, предназначавшіяся лишь для тѣснаго круга товарищей, проникали, какъ мы уже говорили, за стѣны «школы», ходили по городу, и тѣ изъ героевъ, упоминавшихся въ нихъ, которымъ приходилось играть непохвальную, смѣшную или обидную роль, негодовали на Лермонтова. Негодованіе это росло вмѣстѣ со славою поэта и, такимъ образомъ, многіе изъ его школьныхъ товарищей обратились въ злѣйшихъ его враговъ. Одинъ изъ таковыхъ — лицо, достигнувшее потомъ важнаго государственнаго положенія—приходилъ въ негодованіе каждый разъ, когда мы заговаривали съ нимъ о Лермонтовѣ. Онъ называлъ его самымъ «безнравственнымъ человѣкомъ» и «посредственнымъ подражателемъ Байрона» и удивлялся, какъ можно имъ интересоваться до собиранія матеріаловъ для его біографіи. Гораздо позднѣе, когда намъ попались въ руки школьныя произведенія нашего поэта, мы поняли причину такой злобы. Люди эти даже мѣшали ему въ его служебной карьерѣ, которую сами проходили успѣшно.

Одно только произведеніе выходитъ изъ ряда эротическихъ сочиненій школьнаго періода, это «Хаджи-Абрекъ». Лермонтовъ написалъ его подъ вліяніемъ воспоминаній о Кавказѣ и внесъ въ поэму мотивы и строфы изъ «Каллы», «Аула Бастунджи» и даже «Измаила Бея», такъ что она скорѣе принадлежитъ прежнимъ годамъ литературнаго творчества поэта[1]. Николаю Юрьеву удалось какъ-то тайкомъ отъ Михаила

---

[1] См. статью нашу въ Іюльской книжкѣ «Русской Мысли» за 1884 г., гдѣ въ прим. 28 указаны сходныя мѣста поэмъ.

Юрьевича отнести поэму—вѣроятно, въ сдѣланной имъ копіи—въ «Библіотеку для Чтенія». Юрьевъ, хорошо читавшій стихи, прочелъ ее Сенковскому, который остался доволенъ поэмой, и помѣстилъ ее въ слѣдующемъ году въ своемъ журналѣ, за подписью автора. Это было первое явившееся въ печати произведеніе Лермонтова, который, впрочемъ, былъ очень недоволенъ ея помѣщеніемъ въ журналѣ.

Михаилъ Юрьевичъ самъ желалъ увѣриться, насколько серіозенъ его талантъ. Онъ, очевидно, еще не довѣрялъ себѣ и желалъ узнать мнѣніе компетентныхъ людей. Около этого времени другой товарищъ его, Цейдлеръ, приноситъ, съ дозволенія поэта, тетрадку его стихотвореній къ А. Н. Муравьеву [автору «Путешествіе по св. мѣстамъ»], желая узнать его мнѣніе о нихъ; но только тогда, когда услышалъ одобрительный отзывъ, рѣшился назвать Лермонтова. Это было основаніемъ знакомства двухъ писателей.

Несмотря на запрещеніе высшаго начальства, многіе офицеры были въ дружескихъ отношеніяхъ съ юнкерами. Таковъ былъ, напримѣръ, штабъ-ротмистръ Клеронъ, французскій уроженецъ Страсбурга. Его любили болѣе всѣхъ. Онъ былъ очень привѣтливъ, обходился съ юнкерами по-товарищески, острилъ, говорилъ каламбуры. Надъ нимъ добродушно подсмѣивались, и Лермонтовъ въ четверостишіи задѣлъ одновременно и его и товарища, князя Шаховскаго [1]. Но вообще Лермонтовъ рѣдко посѣщалъ начальствующихъ лицъ и не любилъ ухаживать за ними. Такъ, онъ неохотно ходилъ и къ командиру эскадрона, полковнику Алексѣю Степановичу Стукѣеву, женатому на сестрѣ знаменитаго композитора М. Н. Глинки, несмотря на то, что въ это время самъ Глинка часто бывалъ у Стукѣевыхъ, гдѣ жила его невѣста, а Лермонтовъ интересовался музыкою и самъ былъ не безъ музыкальнаго таланта. Но онъ вообще какъ-то дичился, хотя этого и не высказывалъ. Того, что ему было дорого, онъ не открывалъ, а дурачиться не всегда было удобно.

Вся атмосфера была такого рода, что предаваться преж-

---

[1] См. выше главу XVI, прим. 1-е.

нимъ литературнымъ занятіямъ было крайне стѣснительно и приходилось это дѣлать украдкою, урывками. Простора для серіознаго вдохновенія не было. Если мы сравнимъ литературную дѣятельность поэта за два года пребыванія въ московскомъ университетѣ съ тѣмъ, что написалъ онъ въ «школѣ» юнкеровъ, то невольно охватываетъ насъ глубокое сожалѣніе. Сколько было набросковъ, опытовъ, болѣе или менѣе удачныхъ лирическихъ стихотвореній, драмъ и поэмъ! Въ два года, проведенныхъ въ школѣ, все это почти заброшено. Скабрезныя произведенія въ родѣ *Уланши, Петергофскаго праздника* и проч., которыя должны были оскорблять душу поэта,—вотъ почти все, что вышло изъ-подъ его пера. Понятно, что свою шутливую юнкерскую молитву онъ окончилъ словами, выражающими отчаяніе, несмотря на весь шуточный тонъ всего стихотворенія. Прося Бога о томъ, чтобы какъ можно позднѣе возвращаться изъ отпуска въ стѣны школы, Лермонтовъ заканчиваетъ:

Я, Царь Всевышній,
Хорошъ ужь тѣмъ,
Что просьбой лишней
Не надоѣмъ.

Замѣчательно, что сообщившій эту молитву товарищъ его, г. Меринскій, послѣднихъ строкъ не зналъ, или забылъ, или же Лермонтовъ ихъ и не сообщилъ товарищамъ, считая излишнимъ пояснять настоящій смыслъ ихъ. Впрочемъ, это стихотвореніе написано было въ первое время нахожденія въ школѣ. Потомъ поэтъ измѣнился и къ концу пребыванія относятся тѣ печальныя для славы его пьесы, которыми онъ наполнялъ страницы *Школьной Зари*. Онъ, быть можетъ, совершенно погрязъ бы въ этомъ направленіи, если бы внутренній инстинктъ не оберегалъ поэта и не далъ ему вполнѣ подчиниться вліяніямъ, которыя способны были совершенно загубить его талантъ. А. Н. Пыпинъ дѣлаетъ такое заключеніе о вліяніи на Михаила Юрьевича лѣтъ, проведенныхъ въ «школѣ»:

«Лермонтовъ, съ дѣтства мало сообщительный, не былъ сообщителенъ и въ «школѣ». Онъ представлялъ товарищамъ

своимъ шуточныя стихотворенія, но не дѣлился съ ними тѣмъ, что высказывало его задушевныя мысли и мечты; только немногимъ ближайшимъ друзьямъ онъ довѣрялъ свои серьезныя работы. У него было два рода серьезныхъ интересовъ, двѣ среды, въ которыхъ онъ жилъ, очень не похожія одна на другую,—и если онъ старательно скрывалъ лучшую сторону своихъ интересовъ, въ немъ, конечно, говорило сознаніе этой противуположности. Его внутренняя жизнь была раздѣлена и неспокойна. Его товарищи, разсказывающіе о немъ, ничего не могли разсказать кромѣ *анекдотовъ* и *внѣшнихъ случайностей его жизни;* ни у кого не было въ мысли затронуть болѣе привлекательную сторону его личности, которой они какъ будто и не знали. Но что этотъ разладъ былъ, что Лермонтова по временамъ тяготила обстановка, гдѣ не находили себѣ мѣста его мечты, что въ немъ происходила борьба, отъ которой онъ хотѣлъ иногда избавиться шумными удовольствіями,—объ этомъ свидѣтельствуютъ любопытныя письма, писанныя имъ изъ «школы».

19 іюня 1833 года Лермонтовъ пишетъ Марьѣ Александровнѣ Лопухиной.

„...Съ тѣхъ поръ, какъ я не писалъ вамъ, со мной случилось такъ много странныхъ обстоятельствъ, что я, право, не знаю, какимъ путемъ идти мнѣ—путемъ ли порока или пошлости. Правда, оба эти пути ведутъ часто къ той же цѣли. Знаю, что вы станете увѣщевать, постараетесь утѣшать меня—это было бы лишнее! Я счастливѣе, чѣмъ когда-нибудь, веселѣе любаго пьяницы, распѣвающаго на улицѣ! Вамъ не нравятся эти выраженія, но увы: *скажи съ кѣмъ ты водишься, и я скажу, кто ты таковъ*“ [1].

4 августа того же года Лермонтовъ пишетъ той же особѣ:

„Я не писалъ вамъ съ той поры, какъ мы выѣхали въ лагерь. Да оно и не могло бы мнѣ удасться при всемъ моемъ желаніи. Представьте себѣ палатку въ три аршина длины и ширины и въ $2^1/_2$ вышины, занятую тремя человѣками и всѣмъ ихъ багажомъ, всѣмъ ихъ вооруженіемъ, какъ-то: саблями, карабинами, киверами и проч. Погода была ужасная; дождь, лившій не переставая, производилъ то, что мы по двое сутокъ не были въ состояніи осушить платье. И, все-таки, нельзя сказать, чтобы жизнь эта мнѣ

---

[1] Подчеркнуто Лермонтовымъ.

пришлась не по нраву. Вы знаете, милый другъ, что я всегда имѣлъ рѣшительное пристрастіе къ дождю и грязи, и теперь, по милости Божіей, я насладился ими вдоволь. Мы возвратились въ городъ, и скоро опять начнутся наши занятія. Единственное, что меня поддерживаетъ, это мысль, что черезъ годъ я офицеръ! и тогда... Боже мой! Если бы вы знали, какую жизнь намѣренъ я повести! О, это будетъ восхитительно! Во-первыхъ, чудачества, шалости всякаго рода и поэзія, залитая шампанскимъ. Я знаю, что вы возопіете, но увы! пора моихъ мечтаній миновала, время вѣрованій прошло, — нѣтъ его, мнѣ нужны матеріальныя ощущенія, счастіе осязательное, такое счастіе, которое покупается золотомъ, чтобы я могъ носить его въ карманѣ, какъ табакерку, которое бы только обманывало мои чувства, оставляя мою душу въ покоѣ и бездѣйствіи... Вотъ что мнѣ теперь необходимо, и вы видите, милый другъ, что съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, я-таки нѣсколько измѣнился. Какъ скоро я замѣтилъ, что прекрасныя мечтанія мои разлетаются, я сказалъ самому себѣ, что заниматься изготовленіемъ новыхъ не стоитъ труда; гораздо лучше, подумалъ я, обходиться безъ нихъ. Я сталъ пробовать; я походилъ въ то время на пьяницу, старающагося понемногу отвыкать отъ вина; труды мои не были тщетными, и скоро прошлое стало представляться мнѣ не болѣе, какъ программою незначительныхъ и весьма обыденныхъ похожденій. Но поговоримъ о другомъ...“

Затѣмъ въ концѣ письма Лермонтовъ продолжаетъ:

„Черезъ годъ, можетъ-быть, и навѣщу васъ, и что найду я? Узнаете ли вы меня, захотите ли узнать? А я, какую роль буду я играть? Пріятно ли будетъ свиданіе это для васъ или смутитъ оно насъ обоихъ? ибо я васъ предупреждаю, что я не тотъ, какимъ былъ прежде: и чувствую и говорю иначе и, Богъ знаетъ, чѣмъ еще стану въ теченіи года! Жизнь моя здѣсь была вереницею разочарованій, что заставляетъ меня теперь смѣяться, смѣяться надъ собой и надъ другими...“

Это замѣчательное письмо заключаетъ въ себѣ исповѣдь о цѣломъ годѣ душевныхъ бурь и страданій, которыя прорываются порою сквозь игривую форму выраженій. Видно, что юноша сильно томится и старается выбиться изъ-подъ гнета страданій. Онъ начинаетъ съ повѣсти своихъ мучительныхъ переживаній, хочетъ затѣмъ говорить о другомъ, постороннемъ, и опять возвращается къ тому же.

„Я уповаю на вашу преданность мнѣ“.

заключаетъ онъ письмо, какъ бы невзначай. Велика была въ

немъ потребность искренней дружбы и сердечнаго пониманія, иначе онъ не писалъ бы такъ откровенно, съ такою болью и теплотой.

Чего стоили Михаилу Юрьевичу два проведенныхъ въ «школѣ» года, видно и изъ письма его отъ 23 декабря 1834, когда онъ, только что произведенный въ офицеры въ Царскомъ Селѣ, былъ пріятно пораженъ нечаяннымъ пріѣздомъ своего друга Алексѣя Александровича Лопухина.

„...Я былъ въ Царскомъ Селѣ, когда пріѣхалъ Алексисъ. Когда извѣстіе пришло ко мнѣ, я едва не сошелъ съ ума отъ радости; я накрылъ себя разговаривающимъ съ самимъ собою, я смѣялся, пожималъ руки самому себѣ. Мгновенно возвратился я къ моимъ прошедшимъ радостямъ... *двухъ страшныхъ лѣтъ какъ не бывало...*“

Итакъ: тягостны были для Лермонтова два года, проведенные имъ въ школѣ юнкеровъ, и охотно, можетъ быть, вычеркнулъ бы онъ ихъ изъ своей памяти, но пришелъ и имъ конецъ, конецъ годамъ воспитанія. Пришла пора ступить за порогъ и выйти въ жизнь, какъ казалось, вольнымъ человѣкомъ, равноправнымъ членомъ общества. Приказомъ Государя, даннымъ въ Ригѣ 52 ноября 1834 года, Лермонтовъ былъ произведенъ въ корнеты лейбъ-гвардіи гусарскаго полка [1].

---

[1] Школѣ гвардейскихъ юнкеровъ, или, какъ ее именуютъ нынѣ, Николаевскому кавалерійскому училищу, выпало на долю дважды, такъ сказать, пріютить нашего рано погибшаго поэта. Въ юности, когда университеты отталкивали его отъ себя, онъ въ стѣнахъ этого заведенія нашелъ для себя убѣжище. Хотя и тяжело отразились на немъ обстановка и условія жизни, но это зависѣло не столько отъ самого заведенія, сколько отъ разныхъ внѣшнихъ условій, нарушавшихъ прежній строй. Въ наше время въ стѣнахъ того же заведенія нашли пріютъ и вниманіе письма и предметы, оставшіеся послѣ поэта и дошедшіе до нашихъ дней. Въ то время какъ Московскій университетъ, питомцемъ котораго Лермонтовъ былъ четыре года [включая сюда два года пребыванія въ университетскомъ пансіонѣ], едва хранитъ о томъ воспоминаніе и даже въ стѣнахъ своихъ не далъ мѣста изображенію поэта, Николаевское кавалерійское училище съ любовью и терпѣніемъ собираетъ въ «Лермонтовскій музей», открытый 18-го декабря 1883 года, все дорогое и связанное съ его памятью. Въ музеѣ находится богатый матеріалъ автографовъ, точныхъ списковъ, а, главное, художественныхъ снимковъ съ мѣстностей и лицъ, связанныхъ съ памятью о поэтѣ, или рисованныхъ имъ самимъ.

ГЛАВА X.

М. Ю. Лермонтовъ по выходѣ изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

Кутежи и шалости.—Монго-Столыпинъ.—Дружеская связь его съ поэтомъ.—Лермонтовъ въ салонахъ петербургскаго общества.—Е. А. Хвостова.—Женщины—друзья Лермонтова.

Лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, въ офицерскій кругъ котораго вступилъ Лермонтовъ, былъ расположенъ въ Царскомъ селѣ. Бабушка не поскупилась хорошо экипировать своего внука и дать молодому корнету всю обстановку, почитавшуюся необходимой для блестящаго гвардейскаго офицера. Поваръ, два кучера, слуга, всѣ четверо крѣпостные изъ дворовыхъ села Тарханы, были отправлены въ Царское. Нѣсколько лошадей и экипажи стояли на конюшнѣ. Бабушка, какъ видно изъ письма ея, писаннаго изъ Тарханъ осенью 1835 г., кромѣ денегъ, выдаваемыхъ въ разное время, ассигновала ему десять тысячъ рублей въ годъ [1]. Арсеньева изрѣдка, обыкновенно на лѣтніе мѣсяцы, ѣздила въ Тарханы, проживая большую часть года въ Петербургѣ, гдѣ часто и по долгу гостилъ у нея Лермонтовъ, охотно покидавшій Царское село для свѣтскихъ удовольствій столицы.

„Я теперь ѣзжу въ свѣтъ... чтобы познакомить съ собою, чтобы доказать, что я способенъ находить удовольствіе въ высшемъ обществѣ“.

Пишетъ онъ въ Москву черезъ мѣсяцъ послѣ производства въ офицеры [т. V, стр. 401].

---

[1] Составившееся мнѣніе, будто Лермонтовъ былъ бѣденъ, несправедливо, какъ замѣтилъ уже г. Лонгиновъ [Русск. Стар. 1873 г. т. VII, стр. 383]. Въ Тарханахъ при Арсеньевой насчитывалось больше 600 душъ. Кромѣ того былъ капиталъ и другія помѣстья. Отцовское наслѣдіе [имѣніе въ Ефремовскомъ уѣздѣ, Тульской губ.] Лермонтовъ отдалъ въ пользованіе роднымъ теткамъ, сестрамъ отца. Въ приложеніи [прибавлен. II] читатель найдетъ любопытное письмо Арсеньевой къ внуку, писанное 18 октября 1835 года. Оно находится въ Импер. публичной библ. и обязательно доставлено намъ А. Ѳ. Бычковымъ.

Его несказанно радовало, что онъ вырвался изъ стѣнъ училища на свободу. Но что начать съ собою, куда кинуться, куда направить избытокъ молодыхъ силъ? Онъ чувствовалъ себя узникомъ, которому растворили тѣсную темницу. Ему хотѣлось на свободу, порасправить могучія крылья, полной грудью дохнуть свѣжимъ воздухомъ; словомъ, хотѣлось жить, дѣйствовать, ощущать; онъ хотѣлъ извѣдать все, «со всею полнотою». Его манилъ блескъ свѣтскаго общества и удалыя товарищескія пирушки да выходки и тревожили прежнія стремленія и идеалы, не заглохшіе въ теченіе «двухъ ужасныхъ лѣтъ», только что пережитыхъ имъ. Любопытно, какъ, при самомъ вступленіи въ новую жизнь, Лермонтовъ ясно ощущалъ двойственность своихъ стремленій, разладъ души, съ одной стороны, дорожившей воспоминаніями о времени своихъ чистѣйшихъ увлеченій и порывовъ, о годахъ, когда онъ думалъ посвятить всего себя служенію искусству и поэзіи, а съ другой — увлекала его та свѣтская порча, которая уже успѣла коснуться его. Объ этой порчѣ Лермонтовъ писалъ, какъ мы видѣли, и прежде къ другу своему М. А. Лопухиной. Теперь онъ пишетъ ей же:

„Милый другъ! Чтобы ни случилось, я иначе никогда называть васъ не буду, а то это значило бы порвать послѣднія нити, связывающія меня съ прошедшимъ; этого бы не хотѣлъ я ни за что на свѣтѣ, потому что будущность моя, блистательная на видъ, —пошлая и пустая. Надо вамъ признаться, что съ каждымъ днемъ я все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что изъ меня ничего не выйдетъ со всѣми моими прекрасными мечтаніями и непрекрасными опытами на пути жизни... потому что мнѣ не достаетъ либо случая, либо рѣшимости... Мнѣ говорятъ: случай когда-нибудь выйдетъ; время и опытъ дадутъ и рѣшимость...а кто поручится, что когда все это сбудется, я сберегу въ себѣ хоть частицу этой пламенной молодой души, которою Богъ чрезвычайно не кстати одарилъ меня?..." [т. V, стр. 401].

Ощущаемый поэтомъ разладъ и двойственность выразились и въ жизни его. Съ одной стороны, онъ сожигалъ свои силы въ шумномъ кругу гвардейской молодежи или разсаривалъ душевныя свои качества по паркетамъ гостиныхъ, съ другой —

завязывалъ литературныя знакомства, приглядывался къ людямъ, читалъ и мыслилъ. Сосредоточенный и замкнутый въ себѣ, Лермонтовъ не легко высказывалъ лучшія свои думы и оставался молчаливымъ въ обществѣ писателей, только въ исключительныхъ случаяхъ и больше въ бесѣдѣ съ глазу на глазъ изрѣдка позволялъ заглянуть въ святую святыхъ своей души. Но тогда онъ поражалъ и мощью, и глубиной мысли, которую никакъ не могли подозрѣвать въ молодомъ гусарскомъ офицерикѣ-кутилѣ. Мы можемъ убѣдиться въ этомъ изъ разсказовъ о Лермонтовѣ Бѣлинскаго, Краевскаго, Панаева и др.

Общество того времени жило бѣдными интересами. Мы видѣли, какъ въ воспитательныхъ заведеніяхъ запрещалось всякое чтеніе книгъ литературнаго содержанія и молодежь направляла свои силы на различныя шалости, иногда стоившія ей довольно дорого, доводя до временнаго заключенія, солдатской шинели и ссылки. Жизнь сковывалась разными стѣснительными правилами и регламентаціей и противодѣйствіе имъ считалось среди юношей подвигомъ. На этотъ протестъ тратились силы, въ немъ выступало лихое молодечество, плодъ праздности умственной жизни.

Подвиги эти встрѣчали въ обществѣ отзывъ, о нихъ говорили, герои прославлялись. Наказаніе ихъ вызывало къ нимъ симпатію даже тѣхъ лицъ, которымъ приходилось карать ихъ. Кара выходила какая-то отеческая, семейно патріархальнаго оттѣнка. Типы эти описаны много разъ. Однимъ изъ такихъ людей былъ забіяка и дуэлистъ Каверинъ, воспѣтый Пушкинымъ. Такой типъ выставленъ и гр. Л. Толстымъ въ лицѣ Долохова [Война и миръ]. Въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ много разсказывали о продѣлкахъ Константина Булгакова, офицера преображенскаго, а затѣмъ московскаго полка, товарища Лермонтова по школѣ. Смѣлыя, подъ часъ нелишенныя остроумія, проказы Булгакова доставили ему особую милость великаго князя Михаила Павловича, отечески его журившаго и сажавшаго подъ арестъ и на гауптвахту.

Съ этимъ «Костькой Булгаковымъ» [какъ его называли товарищи] Лермонтовъ «хороводился» особенно охотно, когда у него являлась фантазія учинить шалость, выпить или по-

кутить на славу. Двоюродный братъ и товарищъ Лермонтова, Николай Дмитріевичъ Юрьевъ [лейбъ-драгунъ], разсказывалъ, какъ однажды, когда Лермонтовъ дольше обыкновеннаго зажился въ Царскомъ, соскучившаяся по немъ бабушка послала за нимъ въ Царское Юрьева съ тѣмъ, что бы онъ непремѣнно притащилъ внука въ Петербургъ. Лихая тройка стояла у крыльца, и Юрьевъ собирался спуститься къ ней изъ квартиры, когда со смѣхомъ и звономъ оружія ввалились предводительствуемые Булгаковымъ лейбъ-егерь Павелъ Александровичъ Гвоздевъ и лейбъ-уланъ Меринскій. Бабушка угостила новоприбывшихъ завтракомъ и развесилившаяся молодежь порѣшила всѣмъ вмѣстѣ ѣхать за «Мишелемъ» въ Царское. Явилась еще наемная тройка съ пошевнями [дѣло было на масляной] и молодежь понеслась къ заставѣ, гдѣ дежурнымъ на гауптвахтѣ стоялъ знакомый преображенскій офицеръ Н.— Недавній однокашникъ пропустилъ товарищей, потребовавъ при этомъ, чтобы на возвратномъ пути Костька Булгаковъ былъ въ настоящемъ своемъ видѣ, т.-е. сильно хмѣльной, что называлось «быть на шестомъ взводѣ». Друзья обѣщали, что всѣ съ прибавкою двухъ-трехъ гусаръ прибудутъ въ самомъ развеселомъ, настоящемъ масляничномъ состояніи духа. Въ Царскомъ, въ квартирѣ Лермонтова, застали они пиръ горой, и, разумѣется, пирующей компаніей были приняты съ распростертыми объятіями. Пирушка кончилась непремѣнною жженкою, причемъ обнаженныя гусарскія сабли своими невинными клинками служили подставками для сахарныхъ головъ, облитыхъ ромомъ и пылавшихъ великолѣпнымъ синимъ огнемъ, поэтически освѣщавшимъ столовую, изъ которой, эффекта ради, были вынесены всѣ свѣчи. Булгаковъ сыпалъ французскими стихами собственной фабрикаціи, въ которыхъ воспѣвались красные гусары, голубые уланы, бѣлые кавалергарды, гренадеры и егеря со всякимъ невообразимымъ вздоромъ въ связи съ Марсомъ, Аполлономъ, Парисомъ, Людовикомъ XV, божественною Наталіей, сладостною Лизой, Георгеттой и т. п. Лермонтовъ изводилъ карандаши, которые Юрьевъ едва успѣвалъ чинить ему, и сооружалъ застольныя пѣсни самаго нескромнаго содержанія. Пѣсни пѣлись при громчай-

шемъ хохотѣ и звонѣ стакановъ. Гусарщина шла въ полномъ разгарѣ. Шумъ встревожилъ даже коменданта города.

Помня приказъ бабушки, пришлось однако ѣхать въ Петербургъ. Собрались гурьбой, захвативъ съ собою на дорогу корзину съ половиной окорока, четвертью телятины, десяткомъ жареныхъ рябчиковъ, дюжиной шампанскаго и запасомъ различныхъ ликеровъ и напитковъ. Лермонтову пришло на умъ дать на заставѣ записку, въ которой каждый долженъ былъ расписаться подъ вымышленной фамиліей иностраннаго характера. Булгаковъ подхватилъ эту мысль и назвалъ себя французомъ Marquis de Gloupignon; вслѣдъ за нимъ подписались: испанецъ Don Skotillo, румынскій бояринъ Болванешти, грекъ Мавроглупато, лодъ Дураксонъ, баронъ Думшвейнъ, итальянецъ синьоръ Глупини, панъ Глупчинскій, малороссъ Дураленко и, наконецъ, россійскій дворянинъ Скотъ-Чурбановъ [имя, которымъ назвалъ себя Лермонтовъ]. Много было хохота по случаю этой, по словамъ Лермонтова, «всенародной экспедиціи».

Приблизительно на полдорогѣ къ Петербургу упалъ коренникъ одной изъ четырехъ троекъ [изъ Царскаго къ прежнимъ двумъ присоединилось еще двѣ тройки съ гусарами], и кучеръ объявилъ, что надо распрячь сердечнаго, «ибо у него отъ бѣшеной скачки, должно быть, сдѣлался родимчикъ» и его надо оттереть снѣгомъ. Всѣ рѣшились остановиться, а чтобы времени даромъ не терять, воспользоваться торчавшимъ близъ дороги балаганомъ, лѣтомъ служившимъ для торговли, а на зиму заколоченнымъ, и въ немъ соорудить пирушку. При содѣйствіи свободныхъ ямщиковъ и кучеровъ, компанія занялась устройствомъ помѣщенія: размѣстили нашедшія доски, наколотивъ ихъ на полѣнья и соорудивъ, такимъ образомъ, нѣчто въ родѣ стола, зажгли экипажные фонари и распаковали корзину. Ея содержаніемъ занялись всѣ присутствующіе, не исключая и возницъ. Среди выпивки порѣшили увѣковѣчить память проведеннаго въ балаганѣ времени, написавъ углемъ на гладко оштукатуренной и выбѣленной стѣнѣ принятыя присутствующими имена, но только въ стихотворной формѣ. Об-

щими силами была составлена слѣдующая надпись, которой содержаніе разсказчикъ помнилъ лишь приблизительно:

Гостьми былъ полонъ балаганъ:
Болвȃнешти изъ молдаванъ
Стоялъ съ осанкою воинской:
Болванопопуло былъ грекъ,
Чурбановъ—русскій человѣкъ,
Вблизи его—полякъ Глупчинскій и т. д.

Было два часа ночи, когда компанія прибыла къ городскимъ воротамъ. Караульный унтеръ-офицеръ, прочтя записку и глядя на красныя офицерскія фуражки гусаръ, полонъ былъ почтительнаго недоумѣнія.

Караульные офицеры не разъ попадались въ просакъ при неосторожномъ пропускѣ мистифицирующихъ проѣзжихъ. Компанія, ѣхавшая изъ Царскаго, не желала, конечно, ввести въ непріятное положеніе своего однокашника Н., и потому на оборотѣ листа, гдѣ были записаны псевдонимы шалуновъ, они прописали настоящія свои имена. «Но, все-таки,—кричалъ Булгаковъ,—непремѣнно покажи записку караульному офицеру и скажи ему, что французскій маркизъ былъ на шестомъ взводѣ!»—«Слушаю, ваше сіятельство!»—отвѣчалъ унтеръ-офицеръ и крикнулъ: «Бомвысь!» Тройка въѣхала въ спавшій городъ [1].

Это препровожденіе времени и выходки очень занимали гвардейскую молодежь того времени.

За разныя «невинныя» шалости молодыхъ офицеровъ сажали на гауптвахту. Жили на гауптвахтахъ арестованные за менѣе важные проступки весело. Къ нимъ приходили товарищи, устраивались пирушки, а при появленіи начальства бутылки и снадобья куда-то исчезали при помощи услужливыхъ сторожей.

Лермонтовъ особенно часто не во время возвращался изъ Петербурга и за разныя шалости и мелкіе проступки противъ дисциплины и формы сиживалъ въ Царскомъ селѣ на гаупт-

---

[1] «Мих. Ю. Лермонтовъ въ разсказахъ его гвардейскихъ однокашниковъ». Ст. г. Бурнашова. Русск. Арх., 1872 г.

вахтѣ. Однажды онъ явился на разводъ съ маленькою, чуть-чуть не дѣтскою, игрушечною саблею, несмотря на присутствіе великаго князя Михаила Павловича, который тутъ же далъ поиграть ею маленькимъ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ, которыхъ привели посмотрѣть на разводъ, а Лермонтова приказалъ выдержать на гауптвахтѣ [1]. Послѣ этого Лермонтовъ завелъ себѣ саблю большихъ размѣровъ, которая при его маломъ ростѣ казалась еще громаднѣе и, стуча о панель или мостовую, производила ужасный шумъ, что было не въ обычаѣ у благовоспитанныхъ гвардейскихъ кавалеристовъ, носившихъ оружіе свое съ большою осторожностью, не позволяя ему гремѣть. За эту несоразмѣрную большую саблю Лермонтовъ опять-таки попалъ на гауптвахту. Точно также великій князь Михаилъ Павловичъ съ бала, даваемаго царскосельскими дамами офицерамъ лейбъ-гусарскаго и кирасирскаго полковъ, послалъ Лермонтова подъ арестъ за неформенное шитье на воротникѣ и обшлагахъ вицъ-мундира. Не разъ доставалось нашему поэту за то, что онъ свою форменную треугольную шляпу носилъ «съ поля», что было противно правиламъ и преслѣдовалось.

Въ шалостяхъ и выходкахъ разнаго рода принимали участіе и славились ими молодые люди, считавшіеся образцомъ бла-

---

1 Г. Лонгиновъ [Замѣтки о Лермонтовѣ. Русск. Стар. 1873 г., т. VII, стр. 388] говоритъ, что было это въ 1839 г., но на точность указаній г. Лонгинова нельзя полагаться. Такъ, онъ говоритъ [Русск. В. 1857 г., №11], что Лермонтовъ вышелъ въ офицеры въ 1835 г., тогда какъ онъ вышелъ въ 1834 г. Точно также г. Лонгиновъ [на стр. 382] говоритъ, что Столыпинъ въ 1840 году служилъ въ лейбъ-гусарахъ вмѣстѣ съ Лермонтовымъ, тогда какъ Столыпинъ въ это время находился въ отставкѣ и, когда въ началѣ 1840 г. произошла дуэль между Лермонтовымъ и де-Барантомъ и Столыпинъ былъ его секундантомъ, Императоръ Николай I по окончаніи суда велѣлъ сказать Столыпину, что «въ его званіи и лѣтахъ полезно служить, а не быть празднымъ». Конецъ стихотвор. Лермонтова къ Казбеку г. Лонгиновъ. [Русск. В. 1860, №8., стр. 387] приписываетъ М. И. П[опову] и разсказываетъ обстоятельства дѣла, тогда какъ это совершенно ошибочно и стихъ принадлежитъ Лермонтову, на что указалъ и П. А. Ефремовъ [Соч. Лермонтова, изд. 1882 г., т. I, стр. 614]. Г. Лонгиновъ же утверждаетъ, что Лермонтовъ родился въ 1815 г., тогда какъ онъ родился въ 1814 г.

городства и свѣтскаго рыцарскаго духа. Таковымъ былъ Алексѣй Аркадьевичъ Столыпинъ, товарищъ по школѣ и близкій другъ Лермонтова. Онъ приходился ему родственникомъ, собственно двоюроднымъ дядей, но вслѣдствіе равенства лѣтъ ихъ называли двоюродными братьями[1]. Столыпинъ былъ красавецъ. Красота его вошла въ поговорку. Всѣ дамы высшаго свѣта были въ него влюблены. Его называли «le beau Столыпинъ» и «la coqueluche des femmes». Вотъ какъ характеризуетъ его одинъ изъ современниковъ: «Красота его мужественная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отличавшаяся какою-то нѣжностью, была бы названа у французовъ «proverbiale». Онъ былъ одинаково хорошъ и въ лихомъ гусарскомъ ментикѣ, и подъ барашковымъ кивером нижегородскаго драгуна, и, наконецъ, въ одѣяніи современнаго льва, которымъ былъ вполнѣ, но въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова. Изумительная по красотѣ внѣшняя оболочка была достойна его души и сердца. Назвать «Монго-Столыпина» значитъ для насъ, людей того времени, то же, что выразить понятіе о воплощенной чести, образцѣ благородства, безграничной добротѣ, великодушіи и беззавѣтной готовности на услугу словомъ и дѣломъ. Его не избаловали блистательнѣйшіе изъ свѣтскихъ успѣховъ, и онъ умеръ уже не молодымъ, но тѣмъ же добрымъ, всѣми любимымъ «Монго», и никто изъ львовъ не возненавидѣлъ его, несмотря на опасность его соперничества. Вымолвить о немъ худое слово не могло бы никому притти въ голову и принято было бы за нѣчто чудовищное».

Отмѣнная храбрость этого человѣыа была внѣ всякаго подозрѣнія. И такъ было велико уваженіе къ этой храбрости и безукоризненному благородству Столыпина, что, когда онъ однажды отказался отъ дуэли, на которую былъ вызванъ, никто

---

1 Алексѣй Аркадьевичъ Столыпинъ, по прозванію «Монго», былъ сынъ Аркадія Алексѣевича Столыпина, оберъ-прокурора сената и друга Сперанскаго. Аркадій Алексѣевичъ былъ роднымъ братомъ бабки Лермонтова, Ел. Ал. Арсеньевой, рожд. Столыпиной. Онъ, кромѣ «Монго», имѣлъ еще двухъ сыновей: Николая Аркадьевича, умершаго въ 1884 г., нашимъ уполномоченнымъ министромъ въ Гаагѣ, и Дмитрія Аркадьевича, обязательными сообщеніями котораго мы много пользовались при составленіи біографіи.

въ офицерскомъ кругу не посмѣлъ сказать укорительнаго слова, и этотъ отказъ, безъ всякихъ пояснительныхъ замѣчаній, былъ принятъ и уваженъ, что, конечно, не могло бы имѣть мѣста по отношенію къ другому лицу: такова была репутація этого человѣка. Онъ нѣсколько разъ вступалъ въ военную службу и вновь выходилъ въ отставку. По смерти Лермонтова, которому онъ закрылъ глаза, Столыпинъ вскорѣ вышелъ въ отставку [1842 г.] и поступилъ вновь на службу въ крымскую кампанію въ бѣлорусскій гусарскій полкъ, храбро дрался подъ Севастополемъ, а по окончаніи войны вышелъ въ отставку и скончался затѣмъ въ 1856 году во Флоренціи.

Съ дѣтства Столыпина соединяла съ Лермонтовымъ тѣсная дружба, сохранившаяся ненарушенной по смерти поэта. Не знаемъ, понималъ ли «Монго» вполнѣ значеніе своего родственника, какъ поэта, но онъ питалъ интересъ къ его литературнымъ занятіямъ, что ясно видно изъ того, что онъ перевелъ на французскій языкъ «Героя нашего времени»[1]. Лермонтовъ въ своихъ произведеніяхъ нигдѣ не касается этой стороны отношеній къ «Монго». Говоритъ онъ о немъ только по поводу «гусарской выходки», героями которой были оба они, но Столыпинъ, близко знавшій душу своего знаменитаго родственника, по словамъ брата Дмитрія Аркадьевича, всегда защищалъ Михаила Юрьевича отъ всякихъ нападокъ многочисленныхъ враговъ и мало расположенныхъ къ нему людей[2]. Въ двухъ роковыхъ дуэляхъ Столыпинъ былъ секундантомъ Лермонтова, что при безукоризненной репутаціи Столыпина не мало способствовало къ огражденію поэта отъ недоброжелательныхъ на него навѣтовъ. Два раза сопровождалъ онъ его на Кавказъ, какъ бы охраняя горячую, увлекающуюся натуру Михаила Юрьевича отъ опасныхъ въ его положеніи выходокъ [3].

---

[1] Un hèros du siècles, ou le russes dans le Caucase par. M. Stolypine, въ фельетонахъ газеты: Démocratie pacifique, 1843 г. [Шульцъ: Лермонтовъ во французскихъ переводахъ. Русская Старина.].

[2] Ср. поведеніе Столыпина въ дѣлѣ о дуэли Лермонтова съ де-Барантомъ, гл. XVI этого труда.

[3] Г. Лонгиновъ въ Русской Старинѣ 1873 г., т. VII, стр., 382; срав. тоже Бурнашова въ Русскомъ Архивѣ 1872 г., стр. 1780; гр. Соло-

Почему Столыпина называли «Монго», неизвѣстно. Кажется, что названіе это, навсегда оставшееся за нимъ, было дано ему Лермонтовымъ, описавшимъ одну изъ гусарскихъ шалостей. Въ этомъ произведеніи поэтъ назвалъ себя «Маешкой», именемъ, которое носилъ въ школѣ. Подъ какимъ именемъ назвать Столыпина, онъ затруднялся. Но тутъ ему подвернулось лежавшее давно на столѣ Столыпина сочиненіе на французскомъ языкѣ: «Путешествіе Монгопарка». Лермонтовъ воспользовался первыми двумя слогами. Такимъ образомъ, происхожденіе имени чисто случайное. Самая поэма получила названіе «Монго». Она пришлась по вкусу молодежи и во множествѣ рукописей и варіантовъ ходила по рукамъ. Весь Петербургъ зналъ ее, а за Столыпинымъ осталось прозвище. Самъ онъ назвалъ имъ свою любимою и прекрасную собаку, сопровождавшую хозяина по парку Царскаго села и не разъ прибѣгавшую искать его во время полковаго ученія, чѣмъ вводила въ досаду командира полка, Михаила Григорьевича Хомутова [1]. Похожденіе, описанное Лермонтовымъ въ поэмкѣ его «Монго», и успѣхъ ея среди блестящей молодежи тоже представляютъ иллюстрацію тогдашняго общаго ей времяпрепровожденія. Событіе, подавшее поводъ къ поэмѣ-шуткѣ, заключалось въ слѣдующемъ: героиня—Ек. Ег. Пименова, «краса и честь балетной сцены», приглянулась Столыпину, котораго «внимательный лорнетъ» легко можно было замѣтить во время представленій въ одномъ изъ первыхъ рядовъ креселъ Большого театра. Поразившая его молодая танцовщица любви его сначала

Дней девять сряду отвѣчала,
Въ десятый день онъ былъ забытъ—
Съ толпою смѣшанъ волокитъ.

губъ, много о немъ разсказывавшій намъ, изобразилъ его въ повѣсти «Большой свѣтъ». Кромѣ указаннаго, мы въ дальнѣйшихъ разсказахъ о Столыпинѣ пользуемся сообщеніями о немъ, сдѣланными намъ А. О. Смирновой [рожд. Росетти], Ак. Павл. Шанъ-Гиреемъ, братомъ «Монго», Дмитр. Арк. Столыпинымъ и другими. Фельдмаршалъ князь А. Ив. Барятинскій, тоже товарищъ «Монго» по школѣ, одинъ очень недружелюбно отзывался о немъ, какъ и о Лермонтовѣ. Но тому были другія причины. Однако и онъ не заподозривалъ благородства Алексѣя Аркадьевича.

[1] О случайномъ происхожденіи имени «Монго» сообщилъ намъ Дм. Арк.

Пименова была дочь кузнеца и воспитывалась въ театральной школѣ. Красота ея увлекла богатаго казанскаго помѣщика и откупщика, Моисеева, и дѣвушка не устояла передъ золотымъ Молохомъ. Счастливый побѣдитель поселилъ свою нимфу на лѣто въ одной изъ весьма модныхъ тогда дачъ по Петергофской дорогѣ, не далеко отъ славившагося въ то время Краснаго Кабачка, гдѣ окружилъ ее всевозмозною раскошью. Ей-то за холодность думалъ отомстить Монго. Вмѣстѣ съ Маёшкой задумалъ онъ совершить ночной набѣгъ на жилище балерины. Верхами выѣхали они изъ Краснаго села съ закатомъ солнца съ тѣмъ, чтобы поспѣть обратно къ 7 часамъ утра на полковое ученье [1].

По свидѣтельству г. Евд. Ростопчиной, проказы, шалости и шутки всякаго рода послѣ пребыванія Лермонтова въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ сдѣлались его любимымъ занятіемъ. «Насмѣшливый, ѣдкій, ловкій, вмѣстѣ съ тѣмъ, полный ума, самаго блестящаго, богатый, независимый, онъ сдѣлался душою общества молодыхъ людей высшаго круга; онъ былъ запѣвалой въ бесѣдахъ, въ удовольствіяхъ, въ кутежахъ, словомъ, всего того, что составляло жизнь въ эти годы»[2]. До самой высылки на Кавказъ въ 1837 г. Лермонтовъ жилъ въ Царскомъ вмѣстѣ со Столыпинымъ на углу Большой и Манежной улицъ, проводя однако большую часть времени въ Петербургѣ у бабушки. Столыпинъ невольно подчинялся уму Лермонтова, который, какъ увидимъ, и среди разсѣяннаго и веселаго образа жизни въ кругу товарищей и петербургскаго свѣта, продолжая жить двойственною жизнью, не оставлялъ серьезныхъ занятій и интересовъ литератутныхъ. Оба друга имѣли на офицеровъ своего полка большое вліяніе. Товарищество [esprit de corps] было сильно развито въ этомъ полку и, между прочимъ, давало одно время сильный отпоръ

Столыпинъ. Г. Лонгиновъ производитъ его прямо отъ клички собаки. Русская Старина 1873 г., въ вышеозн. мѣстѣ.

1 Т. II, стр. 167.

2 Разсказы о Лермонтовѣ гр. Ростопчиной, помѣщенные Дюма въ его Impressions de voyage—le Caucase и перевед. Шульцемъ въ Русской Старинѣ 1882 г., сентябрь, стр. 610.

притязаніямъ полковника С., временно командовавшаго полкомъ. Къ Лермонтову, по свидѣтельству г. Лонгинова, дальняго родственника его и часто съ нимъ видавшагося [1], начальство тогда уже не благоволило и считало его дурнымъ фронтовымъ офицеромъ. Что касается желанія Лермонтова проникнуть въ аристократическое общество Петербурга, то оно сначала оставалось для него недосягаемымъ, по крайней мѣрѣ стать интимнымъ посѣтителемъ гостиныхъ ему не удалось. Фамилія Лермонтовыхъ не была извѣстна въ тогдашнемъ высшемъ свѣтѣ и сама по себѣ ничего не представляла. Родъ Лермонтовыхъ, какъ уже было сказано, захудалъ и обѣднѣлъ. Молодой, некрасивый, не чрезмѣрно богатый гусарскій корнетъ ничѣмъ не могъ привлечь къ себѣ вниманія въ гостиныхъ и на балахъ. Положеніе, которое другіе легко пріобрѣтали, часто безъ всякихъ нравственныхъ преимуществъ, Лермонтовъ долженъ былъ завоевывать себѣ, борясь съ большими трудностями. Пока его поддерживали только связи бабушки, имена Арсеньевыхъ и Столыпиныхъ. Сознаніе, что онъ некрасивъ, тревожило самолюбиваго юношу.

О душевномъ состояніи при вступленіи въ салоны петербургскаго свѣта Лермонтовъ въ 1835 г. писалъ другу своему Сашенькѣ Верещагиной въ Москву:

„Вступая въ свѣтъ, я увидалъ, что у каждаго былъ какой-нибудь пьедесталъ: хорошее состояніе, имя, титулъ, покровительство... я увидалъ, что если мнѣ удастся занять собою одно лицо, другіе незамѣтно тоже займутся мною, сначала изъ любопытства, потомъ изъ соперничества“ [2].

Желаніе обратить на бебя вниманіе въ гостиныхъ во что бы то ни стало было слабостью, недостойною ума и талантовъ поэта. Онъ это, впрочемъ, сознавалъ, но много времени протекло раньше, нежели сознаніе это побѣдило самолюбіе 20-ти лѣтняго юноши, желавшаго ни въ чемъ не отставать отъ своихъ товарищей.

---

[1] См. Русскую Старину въ вышеозначен. мѣстѣ, стр. 382, и «Русскій Вѣстникъ» 1857 г., ноябрь.

[2] Т. V, стр. 405.

При самомъ вступленіи въ свѣтъ поэтъ встрѣтился съ дѣвушкою, которая, когда ему было 15 лѣтъ, занимала его фантазію и даже вдохновляла его, но, будучи старше его годами, подсмѣивалась надъ восторженнымъ мальчикомъ. То была Екатерина Александровна Сушкова.

Записки Екатерины Александровны Хвостовой, рожденной Сушковой, содержащія, главнымъ образомъ, разсказъ объ отношеніяхъ къ ней Лермонтова, въ свое время возбудили живой интересъ. Многіе въ печати высказались за правдивость ихъ, за искренность тона и мѣткость характеристики. Появились, однако, и сильныя нападки даже со стороны ближайшихъ людей, хорошо знавшихъ ее. Между прочимъ, противъ вѣрности сообщаемаго авторомъ записокъ выступили родная сестра г-жи Хвостовой и извѣстная наша писательница графиня Ростопчина, тоже рожденная Сушкова и двоюродная сестра Екатерины Александровны. Графиня Ростопчина не безъ ироніи указывала на то, что кузина ея увлеклась желаніемъ прослыть «Лаурой» русскаго поэта. Это желаніе такъ увлекало Екатерину Александровну, что она совершенно сбилась въ хронологіи. Считая себя вдохновительницею лучшихъ произведеній Лермонтова, она разсказывала, между прочимъ, что стихотвореніе «Сонъ»[«Въ полдневный жаръ въ долинѣ Дагестана»] было написано имъ, когда поэтъ дѣлалъ видъ, что вызоветъ на дуэль жениха ея, друга своего Лопухина, т.-е. въ 1835 году, тогда какъ стихотвореніе это черновымъ находится въ альбомѣ, подаренномъ Лермонтову княземъ Одоевскимъ въ послѣдній выѣздъ поэта изъ Петербурга на Кавказъ въ 1841 г. О многихъ стихотвореніяхъ, писанныхъ Лермонтовымъ другимъ лицамъ, Екатерина Александровна говоритъ, какъ о посвященныхъ ей. Она, очевидно, запамятовала и сочла то, что было вписано поэтомъ въ альбомъ ея, за посвященное ей [1].

---

[1] До 1832 года Лермонтовъ многимъ изъ молодыхъ дѣвушекъ, съ которыми былъ друженъ, вписывалъ въ альбомы свои лирическія пьесы. См., что сказанно нами въ Русской Мысли 1884 г., кн. IV, стр. 170, прим. 4-е, и 1882 г., кн. II, стр. 114.—Русскій Вѣстникъ, мартъ 1882, стр. 335. Въ этой статьѣ мы подвергнули разсмотрѣнію отношенія Лермонтова къ г-жѣ Хвостовой и подробно указываемъ на обстоятельства, совершенно

Насмѣхавшаяся надъ 15-ти лѣтнимъ ухаживавшимъ за нею мальчикомъ, Екатерина Александровна встрѣтилась съ нимъ вновь черезъ пять лѣтъ въ салонахъ Петербурга, когда ей было уже двадцать три года и родные вывозили ее на балы съ очевиднымъ намѣреніемъ выдать замужъ. Сама Екитерина Александровна разсказываетъ о цѣломъ рядѣ своихъ обожателей въ Москвѣ, но злой рокъ не позволилъ ей тогда съ кѣмъ-либо изъ нихъ соединить свою судьбу. Отъ любви къ нѣкоему Г-ну она даже захворала. Осенью 1834 года она пріѣхала изъ деревни въ Петербургъ; немного погодя, пріѣхалъ туда же изъ Москвы близкій другъ Лермонтова, Алексѣй Александровичъ Лопухинъ, за котораго родные очень желали выдать Екатерину Александровну,и къ которому легко воспламеняющееся сердце дѣвушки, по собственному ея разсказу, было полно нѣжной страсти еще прежде. Декабря 4-го на балу судьба

не подтверждающія разсказы автора записокъ, появившихся сначала въ Вѣстникѣ Европы 1869 г.,апотомъ отдѣльнымъ изданіемъ М. И. Семевскаго въ 1870 г. Противъ правдивости этихъ записокъ писали, между прочимъ, сестра г-жи Хвостовой, г-жа Ладыженская, въ Русск. Вѣст. 1872 г., № 2, и г-жа Фадѣева въ Совр. Лѣтописи 1869 г., № 46, и 1872 г., № 41. Г-жа Фадѣева—сестра извѣстнаго нашего военнаго писателя Фадѣева [автора «Вооруженныхъ силъ Россіи»—проживала въ Одессѣ, гдѣ мы имѣли возможность познакомиться съ нею во время археологическаго съѣзда [авг. 1881 г.] и получить часть записокъ г-жи Хвостовой въ первоначальномъ ихъ видѣ, которыя и передали въ Лермонтовскій музей при Ник. кав. училищѣ.

Мнѣніе наше относительно всего, что разсказываетъ въ запискахъ своихъ г. Хвостова, подтверждается и сообщеніями А. П. Шанъ-Гирея въ августовской книгѣ Русскаго Обозрѣнія за 1890 годъ стр. 729.—Граф. Берольдингенъ, дочь г-жи Гюгель [Сашеньки Верещагиной], пишетъ намъ изъ Штутгарта въ іюлѣ 1884 года: «Если бы моя бабушка [старушка Верещагина], умершая въ мартѣ 1876 года, успѣла свидѣться съ Вами, она все бы могла разсказать Вамъ, ибо до мельчайшихъ подробностей знала обстоятельства. Мнѣ это не передать. Одно только могу сказать, что книгу этой дамы [г-жи Хвостовой] она признавала *совершенно неправдивою*. Любилъ поэтъ серьезно и долго не ее... Письма Лермонтова къ матери моей [Сашѣ Верещагиной] бабушка сама уничтожила, они были крайне саркастичны и задѣвали многихъ».—Однакоже два письма намъ удалось разъискать въ оригиналѣ, и читатель найдетъ ихъ въ V томѣ сочиненій Лермонтова.

опять свела Екатерину Александровну съ Лермонтовымъ, только за нѣсколько дней до того произведеннаго въ офицеры.

«Я не видала Лермонтова съ 30 года,—пишетъ Екатерина Александровна.—Онъ почти не перемѣнился... возмужалъ немного, но не выросъ и не похорошѣлъ, и почти все такой же былъ неловкій и неуклюжій, но глаза его смотрѣли съ большой увѣренностью; нельзя было не смутиться, когда онъ устремлялъ ихъ съ какой-то неподвижностью». Несмотря на то, что Екатерина Александровна любила другого и обрадовалась Лермонтову только потому, что онъ могъ сказать «когда пріѣдетъ Лопухинъ», эта дѣвушка не преминула отнестись съ вызывающею кокетливостью къ молодому офицеру. Она обѣщала ему и кадриль и мазурку, и въ отвѣтъ на его замѣчанія, что онъ помнитъ, какъ жестоко она обращалась съ нимъ, когда онъ носилъ еще студенческую курточку [1], и поэтому въ юнкерскомъ мундирѣ избѣгалъ встрѣчать ее, сказала: «Ваша злопамятность и теперь доказываетъ, что вы сущій ребенокъ; но вы ошиблись: теперь и безъ вашихъ эполетъ я бы пошла танцовать съ вами». И дальнѣйшій разговоръ, и ловкость, съ какою Екатерина Александровна вводитъ Лермонтова въ домъ свой, на балъ, который дается тамъ черезъ два дня, 6 декабря, и обращеніе съ нимъ на этомъ второмъ вечерѣ, и то, какъ она ни за что не хочетъ отдать поэту писанное имъ еще 15-ти лѣтнимъ мальчикомъ стихотвореніе,—все изобличаетъ въ ней опытную кокетку. Екатерина Александровна была старше поэта и давно выѣзжала въ свѣтъ. Можетъ-быть не безъ основанія, Лермонтовъ въ письмѣ къ Сашенькѣ Верещагиной характеризуетъ ее кокеткой. Къ Марфѣ Александровнѣ Лопухиной онъ по поводу отношеній Екатерины Александровны къ брату ея, пишетъ 23 декабря 1834 г., слѣдовательно, вскорѣ послѣ встрѣчи съ ней слѣдующее:

„Скажите, я замѣтилъ, что братъ Вашъ какъ будто чувствуетъ слабость къ M-elle Catherine Souchkoff... Извѣстно ли это вамъ?... Дяди барышни, кажется, желали бы очень поженить ихъ: да

[1] Вѣроятно, полуфракъ, въ коемъ Лермонтовъ выѣзжалъ въ 30 годахъ, будучи воспитанникомъ университетскаго пансіона.

сохрани Господь!... Эта женщина—летучая мышь, крылья коей цѣпляются за все встрѣчное! *Было время, когда она мнѣ нравилась.* Теперь она почти принуждаетъ меня ухаживать за нею Но не знаю, въ ея манерахъ, въ ея голосѣ, есть что-то жесткое, отрывистое, отталкивающее. Стараясь ей понравиться, въ то же время, ощущаешь удовольствіе скомпрометировать ее, запутавшуюся въ собственныя сѣти!" [т. V, стр. 402].

Эти жесткія, дышащія презрѣніемъ строки отчасти поясняются желаніемъ Лермонтова мстить Екатеринѣ Александровнѣ за прежнее жестокое, насмѣшливое отношеніе къ нему, мальчику, жаждавшему любви и ласки. «Вы видите,—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ—что я мщу за слезы, которыя пять лѣтъ тому назадъ заставляло проливать меня кокетство M-elle Сушковой. О наши счеты еще не кончены! Она заставила страдать сердце ребенка, а я только мучаю самолюбіе старой кокетки!» Должно быть, Екатерина Александровна прежде дѣйствительно жестоко поступала съ Лермонтовымъ. Къ сожалѣнію, о прежнихъ отношеніяхъ мы знаемъ только изъ разсказовъ самой бывшей M-elle Сушковой [Записки, стр. 77—90]. Въ Лермонтовскихъ черновыхъ тетрадяхъ того времени сохранились лишь слабыя указанія на перенесенныя имъ мученія [ср. біогр. стр. 99 и д.].

Еще одно сердечное обстоятельство возбуждало Лермонтова противъ Екатерины Александровны. Это были отношенія ея къ Алексѣю Александровичу Лопухину. Михаилъ Юрьевичъ видѣлъ, что друга его дѣтства, человѣка, съ которымъ онъ до конца жизни оставался въ отношеніяхъ самыхъ искреннихъ и откровенныхъ, стараются завлечь, что дѣвушка, которую онъ считаетъ одаренною характеромъ мало правдивымъ, начинаетъ увлекать этого друга, что махинаціи подстроены и становятся опасными. Лермонтовъ рѣшается не только мстить за себя, но и разорвать нити, которыми, полагалъ онъ, она опутываетъ его друга. Изъ записокъ Екатерины Александровны опять-таки ясно видно, что она колеблется между Лопухинымъ и Лермонтовымъ [1], но въ разсказѣ своемъ она ста-

1 «Записки», стр. 139—165. М. С. Багговутъ, для которой [?] писаны записки, по разсказу г-жи Хвостовой [стр. 164], даже замѣчаетъ

рается выставить и себя, и Лопухина жертвою Лермонтовскихъ козней. Если, какъ сейчасъ увидимъ, поступки Лермонтова по отношенію къ Екатеринѣ Александровнѣ недостойны серьезнаго человѣка и не могутъ быть извиняемы даже и желаніемъ мстить ей за прошлое, то обвиненіе поэта въ коварствѣ относительно своего друга и въ обманѣ его совершенно не вѣрно и, очевидно, не согласно съ истиной. Лермонтовъ, безъ всякаго сомнѣнія, дѣйствовалъ съ вѣдома Ал. Александр. Лопухина. Это видно изъ письма, которое онъ пишетъ въ Москву своей двоюродной сестрѣ уже послѣ возвращенія туда Лопухина изъ поѣздки его въ Петербургъ. Откровенно описывая всю исторію своихъ отношеній къ Екатеринѣ Александровнѣ, Михаилъ Юрьевичъ ссылается на то, что начало ея, конечно, было ей разсказано Алексисомъ [т.-е. Лопухинымъ]. Затѣмъ въ томъ же письмѣ говоритъ о дѣвушкѣ [M-elle Ладыженской], которой интересовался Лопухинъ. Изъ всего этого мы, полагаемъ, въ правѣ сдѣлать выводъ, что оба друга, замѣтивъ слабую струнку Екатерины Александровны, подшутили надъ ней, съ тою разницей, что Лермонтовъ пошелъ дальше своего друга и не только отомстилъ M-elle Сушковой, но и воспользовался ея опрометчивостью для того, чтобы скомпрометировавъ ее, заставить въ обществѣ заговорить о себѣ и пріобрѣсти репутацію опаснаго Донъ-Жуана. Въ то время того добивалась вся золотая молодежь—это было въ модѣ.

Не будемъ передавать разсказы о всѣхъ разговорахъ и встрѣчахъ, на которыхъ подробно останавливается Екатерина Александровна Хвостова. Сестра ея, г-жа Ладыженская, близкая свидѣтельница того, что происходило, говоритъ обо всемъ иначе. Люди, не знавшіе ничего, кромѣ разсказа самой Екатерины Александровны, съумѣли въ немъ проглядѣть суть дѣла и вывести заключеніе, что героиня имѣла сильное поползновеніе завлечь молодаго офицера въ сѣти брачнаго союза, и что поэтъ уклонился отъ чести быть мужемъ такой милой, предусмотрительной особы [1].

ей по поводу ея колебаній между Лермонтовымъ и Лопухинымъ и отдачи предпочтенія первому: «ты промѣняла кукушку на ястреба».

[1] Г. Мартьяновъ [«Поэтъ Лермонтовъ по запискамъ и разсказамъ со-

Самъ Лермонтовъ, никогда не лгавшій о себѣ, разсказываетъ объ этой второй своей встрѣчѣ съ Екатериной Александровной въ письмѣ къ Сашенькѣ Верещагиной, весною 1835 г.:

„Если я началъ за нею ухаживать, то это не было отблескомъ прошлаго. Въ началѣ это было просто поводомъ проводить время, а затѣмъ, когда мы поняли другъ друга, стало разсчетомъ. Вотъ какимъ образомъ. Вступая въ свѣтъ, я увидѣлъ, что у каждаго былъ какой-нибудь пьедесталъ: хорошее состояніе, имя, титулъ, покровительство... Я увидалъ, что если мнѣ удастся занять собою одно лицо, другіе незамѣтно тоже займутся мною, сначала изъ любопытства, потомъ изъ соперничества. Отсюда отношенія къ Сушковой. Я понялъ, что, желая словить меня, она легко себя скомпрометируетъ. Вотъ я ее и скомпрометировалъ насколько было возможно, не скомпрометировавъ самого себя. Я публично обращался съ нею, какъ съ личностью, весьма мнѣ близкою, давалъ ей чувствовать, что только такимъ образомъ она можетъ надо мною властвовать. Когда я замѣтилъ, что мнѣ это

временниковъ, Всемірный Трудъ, годъ IV, октябрь, стр. 581] замѣчаетъ: «Е. А. Хвостова говоритъ здѣсь со всей увлекательностью жертвы увлеченія, разсказываетъ, между прочимъ, о личныхъ отношеніяхъ къ ней поэта. Разсказъ этотъ веденъ блистательно, съ знаніемъ дѣла, но не отличается искренностью. Всѣ эти странные звучные аккорды воспринятой ею на себя восторженной страсти, вся эта мелодичная пѣснь любви, вся эта трогательная задушевная исповѣдь разбитаго сердца покрываются высокой нотой оскорбленнаго самолюбія и звучатъ упрекомъ поэту въ грубомъ нравственномъ растлѣніи и въ холодномъ, эгоистичномъ бездушія... Такая всеобъемлющая, глубокая страсть, которую рисуетъ намъ Е. А. Хвостова, едва ли могла вспыхнуть у нея въ сердцѣ послѣ многихъ лѣтъ холодныхъ, свѣтскихъ отношеній къ поэту. Это ни болѣе, ни менѣе, какъ блестящій обманъ самой себя, миражъ пылкаго воображенія» и т. д.

Издатель «Записокъ» въ предисловіи своемъ, напротивъ, признаетъ искренность и правдивость тона. Но М. Ив. Семевскій не имѣлъ свѣдѣній, которыя стали извѣстны позднѣе, и, вѣроятно, не углубившись въ сокрытый смыслъ искуснаго разсказа, былъ введенъ въ заблужденіе, въ которое впали и мы при первомъ прочтеніи труда г-жи Хвостовой. Мы были тогда вполнѣ на ея сторонѣ и въ противникахъ ея видѣли только зависть или недоброжелательство. Увы! подробное изученіе эпизода заставило насъ глядѣть на г-жу Хвостову совершенно другими глазами. И роль ея, и Записки представляютъ явленіе весьма некрасивое. Признаемся, намъ даже неловко было [Русск. Вѣстн. 1882 г., мартъ, стр. 332] изобличать ее, неловко и теперь! Было бы гораздо пріятнѣе, если бы Записки ея вышли анонимно; тогда, быть можетъ, осталось бы неизвѣстнымъ, кто такая эта самозванная Лаура, ставшая на дорогѣ молодаго поэта.

удалось, и что еще одинъ дальнѣйшій шагъ погубитъ меня, я выкинулъ маневръ. Прежде всего, въ глазахъ свѣта, я сталъ болѣе холоднымъ къ ней. чтобы показать, что я ея болѣе не люблю, а что она меня обожаетъ [что, въ сущности, не имѣло мѣста]. Когда она стала замѣчать это и пыталась сбросить ярмо, я первый публично ее покинулъ. Я въ глазахъ свѣта сталъ съ нею жестокъ и дерзокъ, насмѣшливъ и холоденъ. Я сталъ ухаживать за другими и подъ секретомъ разсказывать имъ тѣ стороны исторіи, которыя представлялись въ мою пользу. Она такъ была поражена этимъ неожиданнымъ моимъ обращеніемъ, что сначала не знала, что дѣлать, и смирилась, что заставило говорить другихъ и придало мнѣ видъ человѣка, одержавшаго полную побѣду; затѣмъ она очнулась и стала вездѣ бранить меня, но я ее предупредилъ, и ненависть ея казалась и друзьямъ, и недругамъ уязвленною любовью. Далѣе она попыталась вновь завлечь меня напускною печалью, разсказывая всѣмъ близкимъ моимъ знакомымъ, что любитъ меня; я не вернулся къ ней, а искусно всѣмъ этимъ пользовался... Не могу сказать вамъ, какъ все это послужило мнѣ; это было бы очень скучно и касается людей, которыхъ вы не знаете. Но вотъ веселая сторона исторіи. Когда я созналъ, что въ глазахъ свѣта надо порвать съ нею, а съ глазу на глазъ, все-таки, еще казаться преданнымъ, я быстро нашелъ любезное средство—я нписалъ анонимное письмо; *Mademoiselle, я челвѣкъ, знающій васъ, но вамъ неизвѣстный... и т. д.; я васъ предваряю, берегитесь этого молодого человѣка; М. Л—овъ васъ погубитъ и т. д. Вотъ доказательство... (разный вздоръ)* и т. д.[1]. Письмо на четырехъ страницахъ... Я искусно направилъ это письмо такъ, что оно попало въ руки тетки. Въ домѣ—громъ и молнія... На другой день ѣду туда, рано утромъ, чтобы во всякомъ случаѣ не быть принятымъ. Вечеромъ на балу я выражаю свое удивленіе Екатеринѣ Александровнѣ. Она сообщаетъ мнѣ страшную и непонятную новость, и мы дѣлаемъ разныя предположенія; я все отношу къ тайнымъ врагамъ, которыхъ нѣтъ; наконецъ, она говоритъ мнѣ, что родные запрещаютъ ей говорить и танцовать со мною; я въ отчаяніи и, конечно, не беру сторону дядюшекъ тетушекъ. Такъ было ведено это трогательное приключеніе, что, конечно, дастъ вамъ обо мнѣ весьма нелестное мнѣніе. Впрочемъ, женщина всегда прощаетъ зло, которое мы дѣлаемъ другой женщинѣ [правило Ларошфуко]. Теперь я не пишу романовъ. Я ихъ переживаю...“ [т. V, стр. 405].

То же разсказываетъ и Екатерина Александровна, но только на многихъ десяткахъ страницъ. И какая разница между эти-

[1] Ср. «Княгиню Лиговскую», соч. т. V, стр. 143.

ми разсказами! Лермонтовъ говоритъ просто и правдиво, нисколько не стараясь выгородить себя или вызвать къ себѣ симпатію; даже и мысль о томъ, что онъ мститъ за страданія, доставленныя ему въ дѣтствѣ, кинута; очевидно, онъ не думаетъ оправдывать себя. Г-жа Хвостова разсказываетъ совершенно иначе, съ очевиднымъ намѣреніемъ возбудить сочувствіе къ себѣ, бѣдной, любящей дѣвушкѣ, обманутой волокитой-гусаромъ, умнымъ и талантливымъ человѣкомъ, геніальнымъ Лермонтовымъ, такъ злоупотребившимъ своимъ превосходствомъ. Она сначала достигла своей цѣли: о Лермонтовѣ по отношенію къ ней говорили съ негодованіемъ. Къ характеру поэта, и такъ уже подверженному нареканіямъ, прибавилась еще крупная антипатичная черта. Мало кому приходило въ голову, что дѣло стояло иначе и что бой происходилъ не между невинной молодой дѣвушкой и искусившимся сердцеѣдомъ, а совершенно наоборотъ. Двадцатилѣтній мальчикъ, едва кончившій свое воспитаніе и вошедшій въ общество только за нѣсколько дней передъ тѣмъ, попадаетъ въ руки искусившейся кокетки, старше его нѣсколькими годами, лѣтъ семь выѣзжавшей и кружившей головы цѣлому ряду поклонниковъ изъ столичной и нестоличной молодежи. Эта кокетка уже разъ измяла сердце 15-ти лѣтняго мальчика-поэта и теперь принимается за него и за его близкаго друга, чтобы того или другаго опутать и связать узами Гименея.

Мы не оправдываемъ поступковъ Лермонтова, но и не можемъ обвинять его не въ мѣру.

Разсчеты Лермонтова оправдались. Друга своего Лопухина онъ вырвалъ изъ мягкихъ кошачьихъ лапокъ красавицы. За себя онъ ей мстилъ, да еще заставилъ «послужить себѣ». До того ничтожно было общество петербургскихъ гостиныхъ, лишенное всякихъ серьезныхъ интересовъ, чтъ эпизодъ съ M-elle Сушковой дѣйствительно обратилъ вниманіе на молодого гусарскаго офицера. Сама виновница успѣха разсказываетъ, какъ теперь имъ заинтересовался цѣлый рядъ лицъ, и Саша Ж., и Лиза Б. Особенно послѣдняя сильно влюбилась въ поэта, и, бѣдная, тоже погибла отъ этой любви [«Записки», стр. 177]! Заинтересовались и другіе. Вообще объ этомъ слу-

чаѣ заговорили въ обществѣ и, слѣдовательно, обратили вниманіе на Лермонтова. Графиня Е. Ростопчина, очевидно, имѣетъ въ виду это время жизни поэта, когда въ воспоминаніяхъ своихъ замѣчаетъ:

«Мнѣ случалось слышать признанія нѣсколькихъ изъ жертвъ Лермонтова, и я не могла удержаться отъ смѣха, даже прямо въ лицо при видѣ слезъ моихъ подругъ, не могла не смѣяться надъ оригинальными и комическими развязками, которыя онъ давалъ своимъ злодѣйскимъ, донжуанскимъ подвигамъ. Помню, одинъ разъ, онъ, забавы ради, рѣшился замѣстить богатаго жениха, и когда всѣ считали уже Лермонтова готовымъ занять его мѣсто, родные невѣсты вдругъ получили анонимное письмо, въ которомъ ихъ уговаривали изгнать Лермонтова изъ своего дома и въ которомъ описывались всякіе о немъ ужасы. Это письмо написалъ онъ самъ, и затѣмъ онъ болѣе въ этотъ домъ не являлся».

Къ такого рода продѣлкамъ общество относилось тогда очень снисходительно. Принимая во вниманіе нравы времени, приходится быть болѣе снисходительнымъ къ молодому корнету, платившему ему дань.

Надо удивляться, какъ еще въ вихрѣ свѣтскихъ похожденій и товарищеской жизни Лермонтовъ сохранилъ столько серьезныхъ интересовъ и внутренней чистоты, что не только не погибъ въ этихъ своихъ увлеченіяхъ, но ставилъ имъ вѣрную оцѣнку и не давалъ брать верхъ надъ собой. Идя съ жизнью и съ бытомъ своего времени, онъ относился къ нимъ, какъ наблюдатель и критикъ, и собиралъ матеріалы для будущихъ своихъ сочиненій тамъ, гдѣ ему приходилоь сталкиваться съ разными людьми: на балахъ ли генералъ-губернатора Петербурга, графа Эссена, адмирала А. С. Шишкова и другихъ, или на маскарадахъ и столичныхъ вечерахъ, въ кругу пирующей и мечущей банкъ молодежи, позднѣе въ лагерѣ боевой жизни, на кавказскихъ водахъ, въ саклѣ чеченца и т. д. «Я на дѣлѣ заготовляю матеріалы для многихъ сочиненій», говорилъ Лермонтовъ M-elle Сушковой, когда она спрашивала его, зачѣмъ онъ такъ ведетъ себя.

Если въ Петербургѣ судьба не поставила на пути поэта ни

одной женщины, любовь къ которой очистительно подѣйствовала бы на душу, то до нѣкоторой степени пробѣлъ этотъ былъ выполненъ дружбою къ двумъ дѣвушкамъ въ Москвѣ, о вліяніи которыхъ мы уже имѣли случай говорить. Александра Верещагина и Марья Александровна Лопухина связывали воспоминанія поэта съ лучшими годами его юности, съ идеальными стремленіями его университетскихъ лѣтъ. Другъ и товарищъ Лермонтова А. П. Шанъ-Гирей въ воспоминаніяхъ своихъ [Русское Обозрѣніе 1890 года, августъ, стр. 731] замѣчаетъ: «Miss Alexandrine т.-е. Александра Михайловна Верещагина, кузина поэта, принимала въ немъ большое участіе, она отлично умѣла пользоваться немного саркастическимъ направленіемъ ума своего и ироніей, чтобы овладѣть этою безпокойною натурой и направлять ее, шутя и смѣясь, къ прекрасному и благородному». Приводя два письма сестеръ Верещагиныхъ къ поэту, Шанъ-Гирей говоритъ: «Письма эти доказываютъ, какое нѣжное чувство дружбы могли имѣть къ нему женщины, замѣчательныя по умственнымъ и душевнымъ качествамъ своимъ» [1]. Память этихъ дѣвушекъ была чрезвычайно дорога ему, и онъ высоко чтилъ ихъ мнѣніе о себѣ. Утопая въ вихрѣ разсѣянной жизни послѣ выхода въ офицеры, Лермонтовъ какъ бы совѣстился писать имъ. Послѣ письма, писаннаго къ М. А. Лопухиной, 23 декабря 1834 г., ближайшее, дошедшее до насъ, письмо помѣчено 31 мая 1837 года. Нѣтъ сомнѣнія, что цѣлый рядъ этихъ любопытныхъ писемъ утраченъ. Всѣ наши поиски остались безуспѣшными, и намъ пришлось убѣдиться, что Марья Александровна дѣйствительно сожгла ихъ,—слухъ, которому сначала мы отказывались вѣрить. Причиною сожженія были нѣкоторыя семейныя тайны, а, можетъ быть, и просто вспышка неудовольствія на то, что часть писемъ, нынѣ находящихся въ изданіи сочиненій Лермонтова, попала въ печать противъ воли Марьи Александровны [2].

---

[1] Читатель найдетъ эти письма въ концѣ тома. Прибавленіе III.

[2] Такъ было объяснено намъ нѣкоторыми изъ родныхъ покойной Марьи Александровны, этого достойнаго и умнаго лица. Г. Бартеневъ первый напечаталъ письма эти въ Русскомъ Архивѣ съ выпусками и безъ объяс-

Если нынѣ существующій въ этихъ письмахъ пробѣлъ и былъ не такъ великъ, тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что Лермонтовъ долго не писалъ своему другу, боясь навлечь на себя его неудовольствіе за свое недоброе поведеніе. Самое письмо отъ 23 декабря, говорящее объ образѣ жизни, который сталъ онъ вести, есть исповѣдь, какъ называетъ его самъ поэтъ. Затѣмъ въ письмѣ къ Верещагиной, писанномъ весной 1835 года, онъ прямо говоритъ:

„О, милая кузина, надо признаться вамъ, почему я не писалъ болѣе ни вамъ, ни M-elle Marie. То былъ страхъ, чтобы изъ писемъ моихъ вы не заключили, что я почти недостоинъ болѣе дружбы вашей... Передъ обѣими вами я не могу скрывать истины, передъ вами, которыя были наперсницами юношескихъ моихъ мечтаній, столь прелестныхъ, особенно въ воспоминаніи. [т. V, стр. 407].

При пылкости характера поэтовъ и ихъ врожденной впечатлительности, являются какъ бы естественными тѣ бурныя увлеченія, которымъ предаются они при вступленіи въ жизнь. Извѣстно, что кутежи привели юношу Гёте на край могилы. Только желѣзная натура спасла его. Пушкина буйная жизнь, которой онъ предался по выходѣ изъ лицея, довела до тяжкой болѣзни. Кутежи и потрата таланта на произведенія весьма скабрезнаго свойства не мѣшали, однако, ему въ тиши кабинета предаваться серьезному служенію музамъ. И Лермонтовъ, несмотря на разсѣянный образъ жизни, въ которой прожигалъ онъ силы и молодость, трудится надъ своимъ образованіемъ и надъ развитіемъ своего таланта. Кромѣ посѣщенія свѣтскихъ гостиныхъ и кутежа въ товарищескихъ кружкахъ и салонахъ полусвѣта, поэтъ искалъ общества людей съ серьезными интересами или примыкавшихъ къ литературному кругу. Послѣдуемъ за нимъ туда, въ тишину рабочаго кабинета, гдѣ онъ ввѣрялъ бумагѣ свои вдохновенныя мысли.

ненія, кому они были писаны. Въ изданіи сочиненій Лермонтова, изготовленномъ Дудышкинымъ, письма эти перепечатаны съ тѣми же пропусками. Затѣмъ г. Ефремовымъ въ изд. 1873 года были отдѣльно помѣщены нѣкоторыя пропущенныя мѣста, и только въ изданіи 1887 года они появились полностью.

ГЛАВА XI.

Литературная дѣятельность до первой высылки на Кавказъ (отъ 1834—1837 года).

Дружба съ А. П. Шанъ-Гиреемъ и С. А. Раевскимъ.—Знакомство съ А. А. Краевскимъ и другими литераторами.—Народничество Лермонтова.—Интересъ къ родной исторіи и народному творчеству.—Бояринъ Орша.—Пѣсня про Грознаго царя, Кирибѣевича и Калашникова. — Тамбовская казначейша.—Сашка.—Маскарадъ.—Арбенинъ.—Два брата.

Если въ концѣ прошлой главы мы обѣщали ввести читателя въ тишину рабочаго кабинета поэта, то исполненіе обѣщанія встрѣчаетъ затрудненіе уже потому, что Михаилъ Юрьевичъ не особенно легко допускалъ людей въ свою мастерскую. Онъ работалъ, работалъ упорно въ тиши кабинета, но, выходя изъ него, показывалъ на лицѣ полную противоположность того, что занимало душу и мысль его. Онъ высоко ставилъ значеніе поэта и рѣдко, рѣдко дозволялъ людямъ касаться священныхъ для него струнъ творчества. Никто съ ногами неомовенными не могъ проникнуть въ святую святыхъ его храма. И тутъ онъ не дѣлалъ различія между простыми смертными и записными литераторами; послѣднихъ онъ опасался еще болѣе первыхъ. Достаточно, пожалуй, прочесть его «Журналиста, читателя и писателя», чтобы получить нѣкоторое понятіе объ отношеніи Михаила Юрьевича къ творчеству своему. Къ этому творчеству соприкасался, и то съ внѣшней стороны, его родственникъ и товарищъ дѣтства Акимъ Павловичъ Шанъ-Гирей, которому онъ диктовалъ порою свои произведенія, или перечитывалъ ихъ съ нимъ. Но Шанъ-Гирей былъ моложе его и по тогдашнему своему развитію не могъ быть даже отдаленно полезнымъ сотрудникомъ и цѣнителемъ. Инымъ являлось другое лицо, игравшее не малую роль въ судьбѣ поэта.

Во все время пребыванія въ Петербургѣ Лермонтовъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ къ университетскому товарищу своему, Святославу Аѳанасьевичу Раевскому. Мать Раевскаго, рожденная Кирѣева, воспитывалась въ домѣ Столыпиныхъ и свела дружбу съ Елизаветою Алексѣевною, бабушкою Лермонтова, которая и крестила Святослава Аѳанасье-

вича, а во время ученія его въ Московскомъ университетѣ бабушка пріютила крестника у себя. Раевскій былъ старше друга своего года на три, и еще въ Москвѣ живо сочувствовалъ литературнымъ его интересамъ, принимая дѣятельное участіе въ разныхъ планахъ поэтическаго творчества. Окончивъ университетскій курсъ, Раевскій, переѣхавъ въ Петербургъ, поступилъ на службу въ Военное Министерство, но одни чиновничьи и служебные интересы его не удовлетворяли; онъ свелъ знакомство съ людьми, имѣвшими литературные вкусы и сталъ между прочимъ вхожъ къ Андр. Ал. Краевскому, который былъ тогда редакторомъ «Литературныхъ прибавленій» къ «Русскому Инвалиду», и къ которому по пятницамъ собирались литераторы. Раевскій, временами жившій въ Петербургѣ вмѣстѣ съ Лермонтовымъ, ввелъ въ кружки знакомыхъ своихъ и Михаила Юрьевича, который однако еще раньше того бывалъ у Сенковскаго, и у Ал. Ник. Муравьева, автора извѣстной книги путешествія по святымъ мѣстамъ [1]. Бывая у людей этихъ, Лермонтовъ охотно бесѣдовалъ съ ними одинъ на одинъ; въ присутствіи же другихъ онъ молчалъ, иногда по цѣлымъ вечерамъ. Юный поэтъ, очевидно, наблюдалъ за обществомъ и изучалъ его въ разныхъ сферахъ, въ которыхъ вращался. Скоро пришло ему на мысль написать комедію «въ родѣ Горе отъ ума» Грибоѣдова, разсказываетъ Муравьевъ. Эта мысль, очевидно, долго занимала поэта, и онъ работалъ надъ этою комедіею, дополняя и передѣлывая ее нѣсколько разъ. Вообще интересы поэта сосредоточивались въ это время на русской жизни и русскомъ обществѣ. Въ немъ, очевидно, еще не опредѣлился личный взглядъ на вещи, что было не мысли-

---

[1] О знакомствахъ этихъ см. Показанія Раевскаго по дѣлу о стихахъ на смерть Пушкина—приб. 2-ое. То же слышалъ я отъ А. А. Краевскаго. См. между пр. А. Муравьева, Знакомство съ русскими поэтами, Кіевъ 1871 г. стр. 21. О томъ, что Раевскій бывалъ въ литературныхъ кружкахъ, жилъ съ Лермонтовымъ, живо интересовался его успѣхами, говорится въ запискахъ В. А. Инсарскаго, гл. I, стр. 527 — 528. [Русск. Архивъ 1873 г., апрѣль], впрочемъ г. Инсарскій сильно фантазируетъ относительно Раевскаго, у него къ нему и къ Лермонтову звучитъ наивная струнка презрительнаго самодовольства; онъ утверждаетъ даже, что исправлялъ «Маскарадъ».

мо въ его годы. Въ немъ давно жили патріотизмъ и горячая любовь къ родинѣ и ея прошлому. Въ первыхъ произведеніяхъ Лермонтова мы уже встрѣчаемся съ этимъ началомъ. Онъ еще на 15-мъ году задумываетъ драму «Мстиславъ Черный» [т. IV, стр. 2] и затѣмъ набрасываетъ первый очеркъ своего извѣстнаго стихотворенія «Бородино». [«Поле Бородина», т. I, стр. 154]. Теперь онъ его вновь вырабатываетъ. Еще было живо воспоминаніе о подвигахъ русскихъ въ Наполеоновскія войны, еще всюду слышались разсказы изъ того времени. Генію Наполеона противуставлялся геній Александра и вотъ Лермонтовъ пишетъ стихотвореніе «Два великана».

Въ шапкѣ золота литого,
Старый русскій великанъ
Поджидалъ себѣ другого
Изъ далекихъ южныхъ странъ [т. I, стр. 436].

Слава и политическое значеніе Россіи были въ это время огромны. Величію и премудрости ея Монарха удивлялись иностранцы и приравнивали Императора Николая къ Петру [1]. Неудивительно, что впечатлительный юный поэтъ увлекается общимъ настроеніемъ, и когда заграницей, среди ѳиміама, куримаго русскому царю, кто-то изъ французскихъ журналистовъ, поднимая польскій вопросъ, высказался противъ него, Лермонтовъ вспомнилъ извѣстное стихотвореніе Пушкина: «О чемъ шумите вы, народные витіи», писанное при подобныхъ же обстоятельствахъ. Въ 1835 г., какъ бы опираясь на знаменитую оду, онъ начинаетъ свое стихотвореніе почти съ тѣхъ же словъ:

Опять, народные витіи,
За дѣло падшее Литвы
На славу гордую Россіи
Опять, шумя, возстали вы.
Ужъ васъ казнилъ могучимъ словомъ
Поэтъ, возставшій въ блескѣ новомъ и т. д.
[т. I, стр. 245].

---

1 См. Пыпинъ, Литерат. мнѣнія отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ и то, что говоритъ онъ о мнѣніяхъ извѣстнаго французскаго путешественника Маркиза Кюстина [La Russie en 1839 par ld marquis de Custine. Bruxelles 1843, въ 4-хъ томахъ].

Кончается оно намекомъ на упомянутаго дерзкаго журналиста, посмѣвшаго кинуть грязью клеветы въ русскаго царя. Говорили тогда, что редакторъ этой газеты былъ подкупленъ нашими ненавистниками. Къ этому случаю и относятся послѣднія строки стихотворенія:

Такъ въ дни воинственнаго Рима,
Во дни торжественныхъ побѣдъ,
Когда тріумфомъ шелъ Фабрицкій,
И раздавался по столицѣ
Восторга благодатный крикъ,
Бѣжалъ за свѣтлой колесницей
Одинъ наемный клеветникъ.

Любопытно, что въ этомъ стихотвореніи высказываются мысли о единствѣ царя съ русскимъ народомъ, что иностранцами ставилось въ особую заслугу Императору Николаю, умѣвшему будто сблизить народъ съ правительствомъ, тогда какъ на западѣ въ это время между ними была полная рознь. Въ умѣніи семъ видѣли также исправленіе Петровской ошибки, сдѣлавшей русскаго царя и правительство чуждыми народу. Иностранцы говорили, что Николай Павловичъ пополнилъ искусственную пропасть, отдѣлявшую народъ отъ натуральнаго властителя его [1]. Вообще тогдашній образъ мыслей Лермонтова чрезвычайно интересенъ. Въ немъ замѣтны взгляды, сказавшіеся и въ кружкѣ московскихъ славянофиловъ. Муравьевъ даже видѣлъ сходство между нимъ и Хомяковымъ. «Лермонтовъ—разсказываетъ онъ—просиживалъ у меня по цѣлымъ вечерамъ; живая и остроумная его бесѣда была увлекательна, анекдоты сыпались, но громкій и пронзительный его смѣхъ былъ непріятенъ для слуха, какъ бывало и у Хомякова, съ которымъ во многомъ имѣлъ онъ сходство; не одинъ разъ просилъ я и того и другого: «смѣяться проще». — Не станемъ входить въ разбирательство сходства внѣшнихъ пріемовъ обоихъ поэтовъ. Люди близкіе къ Хомякову всѣ находили его искреннимъ и таковымъ же и смѣхъ его. Впрочемъ и близкіе къ Лермонтову тоже говорили, что былъ онъ въ высшей степени

[1] Пыпинъ, Характер. литер. мнѣній отъ 20 до 50 годовъ.

искренній человѣкъ, и что смѣхъ его былъ дѣтски веселъ и заразителенъ. Это весьма вѣроятно, судя по выраженію его губъ, «дѣтски нѣжныхъ», какъ говоритъ о нихъ Тургеневъ. При людяхъ мало знакомыхъ или несимпатичныхъ ему, Лермонтовъ бывалъ чрезвычайно не откровененъ, и тогда его смѣхъ имѣлъ что-то неестественное и потому непріятное. Но неоткровенность и неискренность не синонимы; а это часто смѣшиивютъ. Можно быть чрезвычайно искреннимъ, но неоткровеннымъ человѣкомъ! Намъ не случалось слышать мнѣніе о томъ, каковъ былъ Хомяковъ съ людьми, съ коими онъ же желалъ быть откровененъ, да и не въ этомъ дѣло; оно и не въ томъ, чтобы добиваться уясненія сходства пріемовъ Лермонтова и Хомякова, тоже начавшаго свою карьеру въ званіи офицера русскихъ войскъ. Всякая параллель между ними трудна потому, что Хомяковъ передъ нами является зрѣлымъ человѣкомъ съ глубокою и серьезною душою, человѣкомъ, положившимъ основаніе цѣлому ученію, написавшему нѣсколько томовъ книгъ, историческаго и философскаго содержанія. Его дѣятельность, какъ поэта, почти пропала въ цѣломъ созданномъ имъ мірѣ трактатовъ и наблюденій. Лермонтовъ—юноша, передъ самой смертью своею на 27-мъ году жизни только еще начинавшій выказывать задатки будущаго зрѣлаго міросозерцанія. Мысль его едва еще принимала сознательное участіе въ ходѣ дѣлъ и міровыхъ вопросовъ. Но вѣдь и Хомяковъ былъ молодъ и онъ долго имѣлъ извѣстность лишь какъ поэтъ, и если мы сравнимъ высказываемыя имъ мысли, особенно въ одни съ Лермонтовымъ годы, то не можемъ не видѣть нѣкотораго ихъ сходства [1]. Развѣ въ стихотвореніи Лермонтова

---

[1] Въ началѣ 1884 года послалъ я въ «Русь» статью подъ заглавіемъ: «Славянофильскія симпатіи Лермонтова». Ив. Серг. Аксаковъ, найдя ее «интересною», думалъ помѣстить ее въ № 4, но вышла она лишь въ № 5 съ оговоркою, почему она озаглавлена не такъ, какъ я того желалъ. Въ пришедшемъ затѣмъ письмѣ ко мнѣ, Иванъ Сергѣевичъ обстоятельно объясняетъ не только эти причины, но и почему онъ статью измѣнилъ, т.е. выпустилъ параллель, проведенную, впрочемъ только вскользь, между Лермонтовымъ и Хомяковымъ. Онъ нашелъ стравненіе этихъ лицъ совершенно неподходящимъ, опираясь на различіе ихъ значенія. Я вполнѣ сознаю эту разницу между ними, но я и не сравниваю мыслителя Хомякова съ поэтомъ

«Родина» не видно намека на то же, что говорится Хомяковымъ въ стихотвореніи «Къ Россіи», начинающемся словами: «Гордись, тебѣ льстецы сказали». Лермонтовъ въ годъ смерти еще выражаетъ мысль, что любитъ родину особою любовью, не за то, за что ее прославляютъ, не за политическое могущество и военную славу. «Ни слава, купленная кровью, ни полный гордаго довѣрія покой, не шевелятъ въ немъ отраднаго мечтанья». Хомяковъ въ упомянутомъ стихотвореніи, говоря о прославленіи Россіи за военные подвиги, за ея громаду и силу, восклицаетъ: «Не вѣрь, не слушай, не гордись всѣмъ этимъ прахомъ»!—Оба поэта одинаково поражены фактомъ перенесенія останковъ Наполеона съ острова Св. Елены въ Парижъ, и мысли ими по этому поводу высказываемыя не лишены нѣкоторой аналогіи. При сравненіи Михаила Юрьевича съ Хомяковымъ любопытны и многозначительны отношенія перваго къ западнымъ народамъ.

Вопросы о правахъ человѣчества, о правахъ народности и самостоятельнаго ея развитія всегда занимали юнаго поэта [1]. Изучая наше прошлое и вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдя за литературнымъ движеніемъ запада, Лермонтовъ не могъ не натолкнуться на одно весьма любопытное обстоятельство, которое сказалось и въ славянофильскомъ направленіи нашего общества. Въ западной Европѣ стремились познать свое народное направленіе, затертое псевдогрекоримскою образованностью. Латинскій языкъ и католическая ученость вѣками изводили народ-

---

Лермонтовымъ, чего не дѣлалъ и Муравьевъ. Ив. Серг. выпустилъ изъ виду, что былъ же и Хомяковъ молодъ и что именно то и интересно, что въ молодомъ Лермонтовѣ находимъ мы черты, аналогическія тѣмъ, которыя высказывались въ молодомъ Хомяковѣ. Въ сущности самъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ соглашается съ нами, когда въ примѣчаніи къ статьѣ нашей говоритъ:... «Нѣтъ сомнѣнія, что если бы талантъ Лермонтова получилъ дальнѣйшее развитіе, то и въ немъ, какъ и въ Пушкинѣ, сказалась бы съ полною яркостью русская народная стихія, нашли бы себѣ выраженіе многія стороны истинно русскаго духа».

[1] Припомнимъ читателю хотя бы стихотвореніе «Жалоба турка», имѣющее отношеніе къ вопросамъ о положеніи дѣлъ на Руси, писанное въ 29 г. еще въ пансіонѣ [т. I, стр. 41] и все, что его волнуетъ въ университетѣ. [См. выше, стр. 36 и 118].

ное слово, творчество и міровоззрѣніе. Когда опять проснулось чувство народности, когда народы, жаждая обновленія, бросились отыскивать прирожденныя имъ характерныя особенности, пришлось воскрешать ихъ изъ-подъ вѣковаго праха. Романтизму выпало на долю искусственно возсоздавать народныя вѣрованія, повѣрья и образы. Извѣстно, что нѣкоторые изъ первыхъ нашихъ славянофиловъ, основателей ученія, дополняли свое образованіе въ германскихъ университетахъ. Это было именно то время, когда пробужденная послѣ долгаго сна народная германская муза царила надъ умами, и романтизмъ проповѣдывался съ каѳедръ профессорами литературы, исторіи и философіи. Всѣ лучшія силы бросились на изученіе своего родного, народнаго. Подъ впечатлѣніемъ этого направленія вернулись изъ-за границы славные наши молодые люди. [Ив. Кирѣевскій подъ обаяніемъ слышаннаго началъ издавать журналъ «Европеецъ»]. Но только стали они примѣнять западный методъ у себя дома, какъ тотчасъ наткнулись на замѣчательное явленіе. Оно быть можетъ и не сейчасъ же было сознано ими вполнѣ, но должно было круто измѣнить ихъ направленіе. Начавъ изучать свое прошлое, они увидали совершенно другія начала, а главное столкнулись съ народомъ, который жилъ еще своимъ міромъ, у котораго были свои герои, свои пѣсни, свои нравственные образы. Тутъ нечего было воскрешать, нечего создавать, тутъ все приходилось только изучать, приходилось учиться понимать существующія явленія. Тутъ не было мѣста западному романтизму, тутъ все существовало, все было реально; эпосъ, пѣсни, повѣрья. Никакая чуждая образованность подъ опекою «непогрѣшимаго» папизма не успѣла искоренить ихъ огнемъ и мечомъ. Для насъ романтизмъ остался чужимъ, непривившимся растеніемъ.

Это узналъ и Лермонтовъ. Онъ тоже не могъ себѣ дать яснаго отчета въ томъ, куда приведутъ новыя открытія. Онъ чуялъ только, что русско-славянскій міръ начинаетъ дорабатываться до иного сознанія и вступаетъ на новую стезю человѣческаго развитія. Онъ видѣлъ у насъ здоровье, на Западѣ болѣзнь. Это, казалось, сходилось съ мнѣніемъ о насъ западныхъ пришельцевъ, убѣгавшихъ отъ тамошней неурядицы и

встрѣчавшихъ, какъ казалось имъ, у насъ стройность, спокойное сознаніе силы и гармонію между обществомъ и правительствомъ. Лермонтову Западъ сталъ представляться изжившимся старикомъ, болѣзненно мечтающимъ о задаткахъ юности, имъ попранныхъ. Онъ видѣлъ, что Европейскій міръ, какъ міръ Римскій въ свое время, долженъ уступить новому свѣжему элементу. Этотъ элементъ во всемірную исторію человѣческаго развитія внесетъ славянство съ Россіею во главѣ. Напрасно западъ простираетъ руки къ образамъ, имъ давно покинутымъ и безпечно забытымъ.

20-го февраля 1836 года Лермонтовъ перелагаетъ на русскій языкъ извѣстное стихотвореніе Байрона «Умирающій гладіаторъ», и къ нему присовокупляетъ своихъ 15 строкъ, неизвѣстно почему тогда не вышедшихъ въ печати:

Не такъ ли ты, о Европейскій міръ,
Когда-то пламенныхъ мечтателей кумиръ,
Къ могилѣ клонишься безславной головою,
Измученный въ борьбѣ сомнѣній и страстей,
Безъ вѣры, безъ надеждъ, игралище дѣтей—
Осмѣянный ликующей толпою!
И предъ кончиною ты взоры обратилъ
Съ глубокимъ вздохомъ сожалѣнья
На юность свѣтлую, исполненную силъ,
Которую давно для язвы просвѣщенья
Для гордой роскоши безпечно ты забылъ;
Стараясь заглушить послѣднія страданья,
Ты жадно слушаешь и пѣсни старины,
И рыцарскихъ временъ волшебныя преданья—
Насмѣшливыхъ льстецовъ несбыточные сны [1].
[т. I, стр. 249].

Думы и занятія Михаила Юрьевича дѣлаютъ ему тѣмъ болѣе чести, что онъ попалъ въ кружки, гдѣ не сталкивался съ

1 Онѣ находятся въ Лермонтовскомъ музеѣ. Все стихотвореніе писано рукою переписчика, только эпиграфъ изъ Байрона и подпись поэта писаны его рукой. 15 выписанныхъ строкъ, напечатанныхъ мною въ Руси [1884 г. № 4] зачеркнуты, но кѣмъ? можетъ быть и самимъ поэтомъ, который не могъ не замѣтить, что онѣ ослабляютъ впечатлѣніе въ высшей степени образнаго описанія умирающаго гладіатора. Но для уразумѣнія интересовъ, затрогивавшихъ мысль поэта, эти строки весьма интересны.

лицами, которыя бы могли ему распутать нити противуположныхъ мыслей. Такихъ людей онъ въ Петербургѣ не могъ встрѣтить. Можетъ-быть въ московскихъ тогдашнихъ кружкахъ онъ чувствовалъ бы себя лучше. На берегахъ Невы томившимъ его вопросамъ онъ не только не могъ найти разъясненія, но и сочувствія. Не надо забывать, что приблизительно въ то время, когда Лермонтовъ изучаетъ Сборникъ «Кирши Данилова», Бѣлинскій глумится надъ всею народною русскою поэзіею, не признаетъ ея... И что же это были за петербургскіе кружки?.. Панаевъ въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ отъ 30—39 года дѣлаетъ имъ печальное описаніе. Исключеніемъ былъ кружокъ Пушкина и частью кн. Одоевскаго, но туда для начинающаго, совсѣмъ неизвѣстнаго поэта, доступъ былъ не легокъ. Самолюбивый Лермонтовъ боялся быть назойливымъ: онъ не считалъ себя въ правѣ явиться туда иначе, какъ талантомъ, заявившимъ себя маломальски крупнымъ произведеніемъ. У Плетнева, бывшаго центромъ всего лучшаго литературнаго общества, Лермонтовъ побывалъ въ первый разъ уже гораздо позднѣе, въ 1838 году, когда стихотвореніе па смертъ Пушкина и напечатанная въ началѣ года: «пѣсня про Калашникова» доставили ему почетную извѣстность. Неудивительно, что поэтъ чувствовалъ себя одинокимъ. Въ 1836 году написаны имъ только нѣсколько лирическихъ пьесокъ, но между ними одна вполнѣ выражаетъ его душевное настроеніе:

Гляжу на будущность съ боязнью,
Гляжу на прошлое съ тоской,
И, какъ преступникъ передъ казнью,
Ищу кругомъ души родной!
Придетъ ли вѣстникъ избавленья
Открыть мнѣ жизни назначенье,
Цѣль упованій и страстей?
Повѣдать, что мнѣ Богъ готовилъ,
Зачѣмъ такъ рано прекословилъ
Надеждамъ юности моей?
Землѣ я отдалъ дань земную
Любви, надеждъ, добра и зла,
Начать готовъ я жизнь другую...
Молчу и жду... Пора пришла...

И тьмой и холодомъ объята
Душа усталая моя...[1]. [т. I, стр. 269].

Между тѣмъ занятія Лермонтова исторіей и стариной Россіи внушили ему написать поэму изъ русской жизни, въ которой дѣйствующимъ лицомъ является бояринъ временъ Іоанна Грознаго, личность котораго всегда занимала поэта. Поэма эта—Бояринъ Орша—написана около 1835 года. Набѣло для печати она переписана позднѣе и на этой рукописи выставленъ 1836 годъ. Она тоже испытала нѣсколько видоизмѣненій. Конецъ ея Лермонтовъ передѣлывалъ нѣсколько разъ. Въ поэмѣ, печатающейся въ общемъ собраніи сочиненій, старый Орша, найдя послушника Арсенія въ комнатѣ дочери, отдаетъ его на судъ монастырской братіи, а дочь, заперевъ въ комнатѣ, предаетъ голодной смерти. Такая расправа бывала и на Западѣ и у насъ на Руси. Помнится въ Библіотекѣ для Чтенія, кажется въ пятидесятыхъ годахъ, печатались воспоминанія стараго крѣпостного служителя о жизни богатаго барина помѣщика, замуровавшаго непослушную ему сноху, слишкомъ страстно привязанную къ мужу. По прошествіи многихъ лѣтъ разнесли стѣну и нашли трупъ несчастной женщины, давно считавшейся безъ вѣсти пропавшей.

Въ то время, какъ уже было сказано, Лермонтовъ изучалъ русскую старину и народныя повѣрья да пѣсни. Уже пятнадцати-лѣтнимъ мальчикомъ онъ интересовался ими[2]. Теперь онъ серьезнѣе изучаетъ ихъ и особенно прилежно читаетъ извѣстный сборникъ: «Древнія Россійскія стихотворенія, собранныя Киршою Даниловымъ». Его увлекаетъ характеръ и ладъ русской былины, и въ немъ зараждается мысль составить пѣсню, въ которой выразилась бы русская жизнь, въ знаменательный періодъ московской исторіи — царствованіе Іоанна Грознаго,

---

[1] Это стихотвореніе отнесено нами въ изданіи къ 1837. Оно писано на оборотѣ листа поэмы «Бояринъ Орша», относящейся къ 1836 году, къ коему и относилось другими издателями. Во всякомъ случаѣ поэтъ писалъ его, занятый тѣми же мыслями, которыя понудили его заняться Оршей и пѣсней о Калашниковѣ.

[2] См. глава IV біографіи, стр. 90.

Хотя знаменитая «Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова» и была окончательно отдѣлана позднѣе и въ первомъ своемъ видѣ появилась въ началѣ 1838 года, но уже въ 1836 году Лермонтовъ ее задумалъ и готовился написать, а можетъ быть частью и написалъ уже, давъ затѣмъ произведенію этому вылежаться, что было въ его привычкахъ творчества [1].

Во время пребыванія Михаила Юрьевича въ университетѣ произошелъ случай увоза красавицы жены купца, жившаго въ Замоскворѣчьѣ по старинному. Купецъ торговалъ въ Гостиномъ дворѣ, а хозяйствомъ его завѣдывала старуха. Проживавшій въ Москвѣ послѣ польской кампаніи, оправившійся отъ полученной раны лихой гусаръ, тщетно ухаживавшій за приглянувшейся ему женой купца, похитилъ ее съ улицы, когда она возвращалась изъ церкви. Мужъ отомстилъ за поруганіе семьи и затѣмъ, арестованный, наложилъ на себя руки. Случай этотъ, глубоко затронувшій поэта, остался не безъ вліянія на «пѣсню о Калашниковѣ» [2].

Весьма возможно тоже, что самый сюжетъ взятъ поэтомъ изъ какого либо разсказа о грозномъ царѣ, но нѣкоторыя картины и образы навѣяны былинными пѣснями, коими Михаилъ Юрьевичъ зачитывался въ сборникѣ Кирши Данилова. Такъ сцена пированья Ивана Грознаго нарисована по образцу народныхъ пѣсенъ. Въ былинѣ «Ставръ бояринъ» поется, что

Во стольномъ было городѣ, во Кіевѣ
У ласкова Осударя, Князя Владиміра,
Было пированье, почестный пиръ
Было столованье, почестный столъ

---

[1] Въ первомъ изданіи нѣтъ напримѣръ четырехъ характерныхъ стиховъ, которые Лермонтовъ очевидно прибавилъ готовя второе изданіе:

Вотъ объ землю царь стукнулъ палкою,
И дубовый полъ на полчетверти
Онъ желѣзнымъ пробилъ оконечникомъ,
Да не вздрогнулъ и тутъ молодой боецъ. [т. II, стр. 301]

[2] См. статью г. Мартьянова [изъ записной книжки] въ Ист. Вѣст. 1884 г сентябрь, стр. 594 и д., свидѣтельства г. Парамонова.

На многи князи и бояра
И гости богатые...
Князи бояре пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются,
И только изъ нихъ одинъ бояринъ
Ставръ Годиновичъ не пьетъ, не ѣстъ...
(Кирша Даниловъ).

Такой-же пиръ описанъ въ былинѣ: «Мастрюкъ Темрюковичъ». Пьетъ царь, и пьютъ бояре, и князья, и могучіе богатыри. И доносятъ царю:

„А и гой еси, Царь Иванъ Васильевичъ!
Всѣ князи, бояре, могучіе богатыри
Пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются...
Одинъ не пьетъ, да не ѣстъ царскій гость дорогой
Мастрюкъ Темрюковичъ, молодой Черкашенинъ".

Этотъ Темрюковичъ могъ явиться для Лермонтова прототипомъ удалаго бойца, Кирибѣевича. Онъ тоже любимый боецъ и шуринъ царскій, какъ Кирибѣевичъ, принадлежащій къ роду Скуратовыхъ, который былъ въ свойствѣ съ Грознымъ. Темрюковичъ побиваетъ всѣхъ бойцовъ, что дѣлалъ и Кирибѣевичъ. Оба они хвастаютъ и глумятся надъ боязливыми супротивниками. Темрюковичъ, въ сборникѣ Кирши Данилова,

Кричитъ во всю голову, чтобы слышалъ Царь Государь:
„А свѣтъ ты вольный царь, царь Иванъ Васильевичъ,
Что у тебя въ Москвѣ за похвальные молодцы, поученые, славные?
На ладонь ихъ посажу, другой рукою раздавлю".

У Лермонтова Кирибѣевичъ на просторѣ похаживаетъ,

Надъ плохими бойцами подсмѣиваетъ:
„Присмирѣли, не бойсь, позадумались!
Такъ и быть обѣщаю для праздника,
Отпущу живого съ покаяніемъ,
Лишь потѣшу царя, нашего батюшку".

Темрюковича побиваетъ наконецъ Мишка Борисовичъ, человѣкъ роду незнатнаго, какъ Кирибѣевича Степанъ Парамоновичъ — сынъ купеческій.

Перечитывая разныя былины въ сборникѣ Кирши Данилова, удивляешься, какъ Лермонтовъ усвоилъ себѣ складъ и выра-

женія народной рѣчи. Видно, онъ и долго и много изучалъ ихъ. Тутъ встрѣчаешь и сѣдельце бранное черкасское, и очи слезныя, что выклюетъ коршунъ, и описаніе утренней зари:

А по утру рано ранешенько,
На свѣтлой зарѣ, рано-утренней,
На восходѣ краснаго солнышка...

У Лермонтова:

Надъ Москвой великой, златоглавою,
Надъ стѣной Кремлевской бѣлокаменной,
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучки сѣрыя разгоняючи,
Заря алая подымается...

Въ былинѣ «Иванъ Годиновичъ» мы встрѣчаемся съ именемъ: Настасья Дмитріевна, напоминающимъ собою Алену Дмитріевну у Лермонтова. Кирибѣевичъ влюбленъ въ нее, но скрываетъ отъ царя, что она

Въ церкви Божіей перевѣнчана.

Въ былинѣ «Иванъ Годиновичъ» тоже опаздываетъ со своею любовью. Пѣсня говоритъ:

„Глупый Иванъ, неразумный Иванъ!
Гдѣ ты Иванушка, перво былъ?
Нынѣ Настасья просватана,
Душа Дмитревна запоручена...

Воспринявъ въ себя духъ и ладъ народной рѣчи, молодой поэтъ создалъ чудную повѣсть изъ прежняго русскаго быта.—«Гомеровская вѣрность, сила и простота видны въ ней», такъ выражается о «пѣснѣ про царя Ивана Васильевича, Кирибѣевича и Калашникова» германскій поэтъ и знатокъ Лермонтова, Боденштедтъ. «Чтобы точнѣе опредѣлить значеніе Лермонтова въ русской и во всемірной литературѣ—говоритъ онъ— слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что онъ выше всего тамъ, гдѣ становится наиболѣе народнымъ, и что высшее проявленіе этой народности [какъ пѣсня о царѣ Иванѣ Васильевичѣ] не требуетъ ни малѣйшаго комментарія, чтобы быть понятною для всѣхъ». Боденштедтъ разсказываетъ также какое сильное впечатлѣніе

производило въ Германіи чтеніе перевода этой пѣсни. Въ свое время въ русской критикѣ уже Шевыревъ указывалъ на то съ какимъ мастерствомъ Лермонтовъ умѣлъ усвоить себѣ черты народнаго творчества и какъ исторически вѣрно схваченъ характеръ лицъ, выставленныхъ имъ въ этомъ знаменитомъ произведеніи; Хомяковъ приходилъ въ восторгъ отъ этой пѣсни [1]. Полагаемъ, что не скажемъ лишняго, если замѣтимъ, что сохранись изъ твореній Лермонтова одна эта пѣсня — слава и значеніе его были бы упрочены какъ въ нашей родной, такъ и во всемірной литературѣ. Интересной иллюстраціей къ настроенію поэта въ годы, когда онъ писалъ свою пѣсню про Іоанна Грознаго, можетъ служить разсказъ о томъ, какъ, побывавъ зимою 1836 года въ Тарханахъ [2], Лермонтовъ устраиваетъ между крестьянами кулачный бой. Бои эти существовали въ нѣкоторыхъ великорусскихъ губерніяхъ и на Волгѣ до послѣдняго времени и только недавно окончательно [?] вывелись. Довольный видѣннымъ боемъ Лермонтовъ подарилъ крестьянамъ нѣсколько участковъ лѣсу и особенно одарилъ побѣдителя молодаго парня изъ Тарханъ [3]. Видно, поэта за-

---

[1] Bodenstedt. Mich. Lermontow's Poetischer Nachlass. Berlin 1852, II s. 337 и Соврем. 1861 февр. стр. 328. Статья Шевырева, на которую указываетъ Боденштедтъ, напечатана была въ Москвитянинѣ 1841 г. Ч. II, № 4 стр. 525 и писана по поводу изданія стихотв. Лермонтова въ 1841 году. Но почтенный критикъ еще боится произнести окончательное сужденіе свое надъ поэтомъ. А. Н. Пыпинъ въ статьѣ объ изслѣдованіи русской словесности [Вѣстн. Евр. февр. 1883 г. стр. 634] говоритъ... «Мы имѣемъ у Лермонтова великолѣпные, самимъ Пушкинымъ недостигнутые, образцы воспроизведенія народныхъ темъ, какъ пѣсня объ опричникѣ и купцѣ Калашниковѣ», и т. д. Что Лермонтовъ хорошо былъ знакомъ со сборникомъ Кирши Данилова, замѣтилъ и Шевыревъ. Михаилъ Юрьевичъ усвоилъ себѣ даже размѣръ былинъ полухореическій, полудактилическій. Сравн: Авенаріусъ. Книга былинъ. С.-Петерб. 1880 г. введеніе стр. XX. Хомяковъ пишетъ къ Языкову [Русск. Арх. 1884 г., кн. 3, стр. 203]. «Сказка объ опричникѣ въ прибавленіяхъ оказалась Лермонтова. На него есть надежды»

[2] Что Л. былъ въ Тарханахъ зимою 1836 года подтверждается и письмомъ его къ С. В. Раевскому, писанному изъ Тарханъ 16-го янв. [т. V, стр. 411].

[3] Изъ разсказовъ 80-лѣтней старушки, крестьянки Аграфены Петровны Усковой въ Тарханахъ гдѣ въ 1881 году я собиралъ свѣдѣнія о

нимала картина кулачнаго боя, какъ сильно распространенная въ прошломъ русская національная потѣха. Впрочемъ забава эта была извѣстна поэту еще съ дѣтскихъ дней. Въ то время кулачные бои происходили зимой на замерзшемъ пруду помѣщичьяго сада въ Тарханахъ.

Въ эту поѣздку, слѣдуя по совѣту бабушки черезъ Тамбовъ, Лермонтовъ былъ свидѣтелемъ или узналъ о происшествіи, которое воспѣлъ подъ именемъ «Тамбовской казначейши»; такъ и слѣдуетъ именовать это произведеніе. Въ печати оно появилось подъ именемъ просто «Казначейши», а не тамбовской, по соображеніямъ цензурнымъ. Слово Тамбовъ вообще было выброшено и замѣнено точками.

Тогда же, или за годъ, Лермонтовъ въ Тарханахъ сталъ писать поэму «Сашка», пользуясь набросками, сдѣланными имъ въ разное время и, между прочимъ, еще въ Юнкерской школѣ въ тетрадкѣ «лекцій по географіи европейскихъ государствъ въ военномъ отношеніи». Произведеніе это, интересное своимъ автобіографическимъ значеніемъ, любопытно теплотою воспоминаній о Москвѣ и Московскомъ университетѣ. Оно осталось неоконченнымъ, вѣроятно потому, что въ немъ еще слишкомъ сказывался духъ произведеній скабрезнаго свойства, вышедшихъ изъ-подъ пера поэта во время пребыванія его въ «Юнкерской школѣ». Нѣкоторые стихи, писанные имъ въ то время, вошли въ поэму. Лучшія строфы изъ нея Михаилъ Юрьевичъ перенесъ позднѣе въ другія свои произведенія. [т. II, стр. 175 и прим. въ концѣ тома].

прошлыхъ годахъ. Старушка увѣряла, что «молодымъ бариномъ—царство ему небесное!—было тогда роздано 25 десятинъ лѣсу. Всѣ тогда и избы и изгороди справили... а билися на первомъ снѣгѣ. Мѣсто то оцѣпили веревкой — и много нашло народу; а супротивникъ сына моего прямо по груди то и треснулъ, такъ, значитъ, кровь пошла. Мой—отъ осерчалъ, да и его какъ хватитъ — съ ногъ даже сшибъ. Михаилъ Юрьевичъ кричитъ: Будетъ! Будетъ, еще убьетъ!...» Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» это разсказывалось немного иначе: будто крестьяне, желая потѣшить барина за подарокъ въ 25 десятинъ лѣсу, устроили кулачный бой; да такъ подрались, что Лермонтовъ не могъ ихъ унять. [Нов. Время 1881 г. № 1991—среди газетъ и журналовъ]. Ср. тоже разсказъ Шанъ-Гирея въ Русскомъ Обозрѣніи, Августъ 1890 г.

Лермонтовъ дѣлилъ время свое между кутежами да пустыми удовольствіями, и серьезною думой, и литературными занятіями. Привыкшій наблюдать за собою и окружающимъ, поэтъ не могъ не относиться къ переживаемому критически. Неудовлетвореніе собою за мелкую недостойную жизнь, которую велъ онъ, и презрѣніе къ пустому обществу, среди коего вертѣлся, все вмѣстѣ вызвало въ поэтѣ желаніе написать драму или комедію, долженствовавшую быть рѣзкою критикою на современные нравы. Кажется на него подѣйствовало чтеніе Грибоѣдовской комедіи «Горе отъ ума», ходившей по рукамъ въ рукописи, такъ какъ цензура не дозволяла ея печатанія, не говоря уже о запрещеніи постановки на сцену [1]. Тогда то была задумана Лермонтовымъ драма «Маскарадъ», за которую онъ и взялся, а затѣмъ нѣсколько разъ ее передѣлывалъ, когда цензура постановку ея не разрѣшала, не смотря на протекцію. Препятствовало тому и третье отдѣленіе, и смягчить его не могло заступничество А. Н. Муравьева просившаго двоюроднаго брата своего Мордвинова, начальника этого учрежденія, о снисхожденіи. «Мордвиновъ оставался неумолимъ; цензура получила даже неблагопріятное мнѣніе о заносчивомъ писателѣ, что ему вскорѣ отозвалось непріятнымъ образомъ». На строй и манеру писать повліялъ однако не Грибоѣдовъ, а Шекспиръ, по крайней мѣрѣ что касается группировки фактовъ и пружинъ дѣйствія. Приглядываясь къ драмѣ «Маскарадъ», въ этомъ не трудно убѣдиться, тутъ несомнѣнно вліяніе Отелло. Какъ тамъ ревность вызвана пропажею платка, такъ здѣсь играетъ роль украденный браслетъ. Въ князѣ Звѣздичѣ мы находимъ черты Яго;

---

1 А. Н. Муравьевъ въ своей брошюрѣ: Знакомство съ русскими поэтами, Кіевъ 1871 г., стр. 22, говоритъ: «Пришло ему [Лермонтову] на мысль написать комедію, въ родѣ «Горе отъ ума», рѣзкую критику на современные нравы, хотя и далеко не въ уровень съ безсмертнымъ твореніемъ Грибоѣдова. Лермонтову хотѣлось видѣть ее на сценѣ, но строгая цензура III-го отдѣленія не могла ее пропустить. Авторъ съ негодованіемъ прибѣжалъ ко мнѣ и просилъ убѣдить начальника сего отдѣленія, моего двоюроднаго брата, Мордвинова быть снисходительнымъ, но Мордвиновъ оставался неумолимъ...» и т.д. Что Лермонтовъ писалъ «Маскарадъ» около 1835 г., свидѣтельствуетъ и Лонгиновъ въ замѣткѣ о знакомствѣ своемъ съ Лермонтовымъ [Русскій Вѣстн. 1857 г. № 11].

въ Нинѣ—Дездемоны; въ Арбенинѣ—Отелло. Но если вліяніе Шекспира несомнѣнно, то несомнѣнно и то, что Лермонтовъ старался изобразить нравы нашего общества и описать то, что самъ онъ видѣлъ, что самъ въ немъ пережилъ. Ему хотѣлось выставить ничтожество свѣтскаго общества. Съ этой стороны онъ находится подъ вліяніемъ произведенія Грибоѣдова.

Рисуя знакомую ему свѣтскую молодежь и ея интересы и времяпрепровожденіе, Лермонтовъ выводитъ на сцену картежника въ образѣ Шприха, мелкаго самолюбиваго князя Звѣздича съ условнымъ, чисто внѣшнимъ понятіемъ о чести. Ему подъ стать баронесса Штраль. Интереснѣе ихъ Арбенинъ, этотъ мрачный и умный человѣкъ съ сильными стремленіями, очевидно желающій стать выше среды, въ коей живетъ, и не могущій этого сдѣлать. Онъ стоитъ въ самой жизни и среди ея требованій и предразсудковъ и не можетъ изъ нихъ высвободиться, хотя сильный духъ его и требуетъ иныхъ рамокъ. Оттого-то онъ запутался и не понимаетъ себя такъ же, какъ не понимаютъ его другіе:

Сначала все хотѣлъ, потомъ все презиралъ я,
То самъ себя не понималъ я,
То міръ меня не понималъ.

Арбенину хотѣлось жить не только широкою, но и глубокою мыслью, и жить дѣятельно; онъ, какъ Фаустъ, хотѣлъ обнять весь міръ и все знаніе. Но онъ родился въ тѣсной сферѣ. Въ условіяхъ, среди которыхъ приходилось ему жить, не было тѣхъ широкихъ взмаховъ, того пульса, который бился въ богатой жизни европейскаго общества, пережившаго много фазисовъ развитія. Арбенинъ, существуя въ тѣсномъ кружкѣ свѣтскаго общества или примыкающаго къ нему полусвѣта, говоритъ то же, что Фаустъ:

. . . . я все видѣлъ,
Все перечувствовалъ, все понялъ, все узналъ,
Любилъ я часто, чаще ненавидѣлъ,
И болѣе всего страдалъ....

Но что же онъ могъ перечувствовать, понять и узнать? Какія глубины могла ему открыть жизнь въ тѣсномъ кругу

тогдашнихъ официіальныхъ и общественныхъ условій? Арбенинъ чуялъ разладъ:

И жизни я своей узналъ печать проклятья,
И холодно закрылъ объятья
Для чувствъ и счастія земли.

Можно упрекнуть Лермонтова за то, что онъ не далъ своему герою болѣе широкихъ основъ, что онъ ограничилъ ихъ тѣсными рамками свѣтскаго общества. Онъ бы могъ уйти въ глубь исторической жизни, жизни народной, и на нихъ изобразить характеръ героя. Это совершенно вѣрно. Мы того мнѣнія, что «Маскарадъ» произведеніе совершенно неудачное: Лермонтовъ былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы браться за серьезную драму. Самъ-то онъ вѣдь только сошелъ со школьной скамьи и жизнь зналъ лишь въ извѣстныхъ сферахъ ея проявленія. Поэтъ еще не могъ разобраться, онъ путался въ матеріалѣ личныхъ думъ, молодой житейской опытности и многаго имъ прочитаннаго въ произведеніяхъ великихъ поэтовъ. Оттого у него является желаніе бичевать современное общество, какъ это сдѣлалъ Грибоѣдовъ, и изобразить страсть, глубокую, какъ у Шекспира. Оттого въ его Арбенинѣ проскальзываютъ черты, съ коими онъ ознакомился въ «Фаустѣ» Гете, въ «Манфредѣ» Байрона, въ «Рене» Шатобріана, въ «Коварствѣ и любви» Шиллера и др. драмахъ. Въ «Маскарадѣ» является «неизвѣстный», l'inconnu французскихъ драмъ, совершенно не вяжущійся со всѣмъ построеніемъ и задачами русской жизни и, слѣдовательно, и русской драмы.

Михаилу Юрьевичу страшно хотѣлось выступить на литературное поприще одновременно и въ печати и на сценѣ театра.

Хлопоты относительно постановки на сцену «Маскарада» были менѣе удачны. Цензура его не одобрила. Драма «Маскарадъ», разсказывалъ Лермонтовъ, отданная мною на театръ, не могла быть представлена по причинѣ [какъ мнѣ сказали] слишкомъ рѣзкихъ страстей и характеровъ и также потому, что въ ней добродѣтель не достаточно награждена» [1]. Поэту такъ хо-

---

[1] См. выше стр. 249.

тѣлось видѣть свое произведеніе на сценѣ, что онъ въ угоду цензурѣ принялся за передѣлку драмы, и такимъ образомъ явилась вторая редакція ея, не говоря уже о нѣкоторыхъ передѣлкахъ болѣе мелкихъ, дошедшихъ до насъ въ различныхъ спискахъ. Эта передѣлка самимъ поэтомъ была названа ужъ не «Маскарадъ», а именемъ главнаго дѣйствующаго лица «Арбенинъ» [т. IV, стр. 249].

Лермонтовъ, видимо, желалъ смягчить «рѣзкость страстей», за которыя упрекала его цензура. Оттого Арбенинъ ужъ не отравляетъ жены своей, какъ это имѣетъ мѣсто въ первой обработкѣ, а только пугаетъ ее тѣмъ, что отравилъ ее, чтобы узнать истину:

. . . . Перепугалъ немного!
Хотѣлъ знать правду и узналъ....
Опомнитесь и встаньте; я солгалъ,
Я не ношу съ собою яда....
Въ васъ сердце низкаго разряда,
И ваша казнь не смерть, а стыдъ....

Цензура требовала, чтобы была вознаграждена добродѣтель и вотъ Лермонтовъ дѣлаетъ и ей уступку. Онъ выбрасываетъ изъ драмы: баронессу Штраль, неизвѣстнаго, чиновника, и вводитъ новое лицо Оленьку, бѣдную, добрую, чрезвычайно скромную дѣвушку, которую онъ сначала несправедливо заподозриваетъ, а затѣмъ, сознавъ свою ошибку, разбитый уходя изъ дому, навсегда порывая счастіе свое, даетъ ей аттестацію благородной души и обѣщаетъ обезпечить будущность.

Я ѣду. Оленька! прощай!
Будь счастлива—прекрасное созданье,
Душѣ твоей удѣлъ—небесный рай—
Душъ благородныхъ воздаянье.
Какъ утѣшенье, образъ твой
Я унесу въ изгнаніе съ собой.
Пускай прошедшее тебя не возмущаетъ.
Я будущность твою устрою: ни нужда,
Ни бѣдность вновь тебѣ не угрожаетъ.—

Вся эта передѣлка неудачна и менѣе сценична. Она только доказываетъ, что Лермонтовъ не доросъ еще до драмы. По на-

шему мнѣнію первая редакція гораздо лучше и она, а не вторая, можетъ быть даваема на сценѣ. Это станетъ ясно для каждаго, кто сравнитъ ихъ, имѣя въ виду театръ. Впервые напечатавшій текстъ этотъ, П. А. Ефремовъ ставитъ вопросъ, не считать ли первую редакцію «раннимъ первоначальнымъ наброскомъ пера»? Обѣ редакціи вышли въ теченіи одного года. Появленіе второй можно объяснить только страстнымъ желаніемъ начинающаго писателя, во что бы то ни стало, увидать свою пьесу на подмосткахъ и потому готоваго сдѣлать всевозможныя уступки и торопливо измѣняющаго, на что ему указано, и исправляющаго, что считается неудобнымъ тѣми, отъ которыхъ зависитъ дать позволеніе постановки. Мы полагаемъ, что поэтъ былъ благодаренъ цензурѣ за недопущеніе и этой второй редакціи. Но это могло быть лишь позднѣе, когда сужденія поэта стали зрѣлѣе, потому что въ это время онъ пишетъ еще драму, тоже вполнѣ неудачную, до такой степени неудачную, что прежніе издатели не задумались причислить ее въ одинъ разрядъ съ юношескими драмами «Испанцы», «Странный человѣкъ» и проч. и въ отдѣльномъ изданномъ томикѣ отнести къ 1831 году. Такъ оно прежде казалось и намъ, но теперь мы можемъ положительно сказать, что она писана въ началѣ 1836 года въ Москвѣ и Тарханахъ и тоже имѣетъ автобіографическое значеніе. О ней-то Лермонтовъ пишетъ въ письмѣ къ Раевскому: «Пишу четвертый актъ новой драмы, взятой изъ происшествія, случившагося со мною въ Москвѣ» [1], что

[1] Русск. Стар. 1884 г. май, стр. 389. Драма «Два брата» напечатана въ томѣ, вышедшемъ въ Спб. 1880 году подъ заглавіемъ: «Юношескія драмы М. Ю. Лермонтова», подъ редакціею г. Ефремова. Стр. 273.—Г-нъ Ефремовъ въ примѣчаніи поясняетъ, что и эта драма сохранилась у Б. Н. Чичерина, у котораго наход. драмы «Испанцы» и «Странный человѣкъ». Слѣдуя опредѣленію г. Шестакова [Русск. В. 1857 г. № 11], онъ тоже полагаетъ, что она написана въ 1831 году. Но въ то время, еще не была напечатана мною повѣсть «Княгиня Лиговская», которая имѣетъ много общаго съ драмой «Два брата». Не было многихъ данныхъ, заставляющихъ теперь относиться совершенно иначе къ значенію этой драмы. Самъ я прежде не сомнѣвался въ возможности, что она писана въ 1831 году [см. Русск. Мысль 1884, апрѣль, стр. 68]. Меня поразило, что здѣсь высказываются мысли, встрѣчающіяся затѣмъ въ «Героѣ нашего времени», не

именно случилось съ Мих. Юрьев. въ Москвѣ, трудно сказать съ достовѣрностью, но догадаться возможно и данныя есть.

Бабушка поэта, Арсеньева, выѣхавъ изъ Петербурга еще весною 1835 года въ Тарханы, ждала своего любимаго внука къ себѣ на побывку. Долго не удавалось Михаилу Юрьевичу получить отпуска, и долго приготовленный бабушкою экипажъ съ разными затѣями ожидалъ его напрасно [1]. Наконецъ 20 декабря Михаилъ Юрьевичъ получилъ отпускъ и уѣхалъ черезъ Москву, Рязань, Козловъ и Тамбовъ. Шаловливое настроеніе духа его не оставляло. Въ первый разъ послѣ университетскихъ лѣтъ онъ вновь посѣщаетъ любимый имъ городъ съ воспоминаніями дѣтства и юности. Послѣ неприглядныхъ лѣтъ петербургскаго существованія, Москва должна была повѣять чѣмъ-то роднымъ и близкимъ. Образы и думы лучшихъ дней, попранные и забытые въ вихрѣ товарищеской и салонной жизни, вновь вставали передъ нимъ. Онъ вновь долженъ былъ увидаться съ друзьями прежнихъ лѣтъ, встрѣтиться съ тѣми женщинами, которыя поднимали духъ его и связывали добрыя черты его характера и генія съ лучшимъ прошлымъ. Въ Мос-

---

смотря на большой промежутокъ лѣтъ, что поэтъ мальчикъ уже высказалъ то, что въ болѣе зрѣлые годы могло прійтись подъ стать поэту. Теперь оно становится яснымъ. Лермонтовъ писалъ драму «Два брата», въ 1836 году, когда писалъ и «Княгиню Лиговскую», то есть когда складывался въ головѣ его обликъ Печорина. Сравнивая бумагу и почеркъ рукописи «Два брата» и другихъ юношескихъ драмъ, мы не нашли ничего схожаго. Напротивъ, бумага, на коей писаны «Два брата» [рукопись въ Лерм. Музеѣ], тождественна съ бумагой, на коей писана «Княгиня Лиговская» [въ Публичн Библ.] и рукопись «Демона» въ 1838 г. «Демонъ» тоже переписанъ въ Москвѣ или Тарханахъ и такъ же, какъ «Два брата», исправленъ рукою Лермонтова. Шестакова очевидно сбило то, что «Два брата» находились у г. Чичерина, вмѣстѣ съ другими юношескими драмами. Подробныхъ изысканій онъ не сдѣлалъ. Внутреннія причины, заставляющія признать драму писанною въ 1836 году, я указываю въ текстѣ.

[1] Ср. письмо бабушки, отъ 18 окт. 1835 года [прибавленіе II], и послужной списокъ поэта въ Лермонтов. Музеѣ, равно также приказъ по отдѣльному гвард. корпусу отъ 9-го декабря 1835 года за № 184, въ коемъ говорится, что увольняется въ отпускъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, Л. Гв. Гусарскаго полка корнетъ Лермонтовъ въ губерніи: Тульскую и Пензенскую, на шесть недѣль.—Отпускъ этотъ затѣмъ былъ продолженъ.

квѣ жили Александра Верещагина и Марья Лопухина. Немудрено, что охватившее зыбкую душу поэта счастливое настроеніе воскресило многое умершее или заснувшее въ Петербургѣ, и что при такомъ состояніи съ новою силою заговорило чувство любви къ особѣ, теперь для него пропавшей. Она вышла замужъ въ 1835 году. Свиданіе съ нею больно затронуло сердце поэта и утраченное счастье преисполнило его чувствомъ ревности и ненависти къ похитителю его. Привычка Михаила Юрьевича перелагать на бумагу все переживаемое, побуждаетъ его и теперь дать выраженіе своему чувству. Только недавно въ Петербургѣ работалъ онъ надъ драматическимъ произведеніемъ и теперь для выраженія овладѣвшихъ имъ чувствъ выбираетъ онъ драматическую же форму. Кромѣ того влечетъ его къ ней и то обстоятельство, что чувства свои къ любимому существу онъ уже изображалъ въ юношеской своей драмѣ «Странный человѣкъ», выведя ее въ лицѣ Загорскиной, а себя во Владимірѣ. Теперь въ драмѣ «Два брата», Загорскина только что вышла замужъ за князя Лиговскаго. Юрій Радинъ, послѣ 4-лѣтняго отсутствія пріѣхавшій изъ Петербурга молодой гусарскій офицеръ, узнаетъ эту неожиданную вѣсть. Отецъ его Дмитрій Петровичъ говоритъ ему:

Развѣ не знаешь?.. Варенька Загорскина вышла за князя Лиговскаго. Твоя прежняя московская страсть?..

юрій. А?.. такъ она вышла замужъ и за князя?

дмитрій петровичъ. Какъ же, 3000 душъ и человѣкъ пречестный, предобрый.

юрій. Князь! и 3000 душъ!.. а есть ли у него своя въ придачу?

дмитрій петровичъ. Онъ человѣкъ пречестный и жену обожаетъ, старается ей угодить во всемъ: только пожелай она чего, на другой же день явится у ней на столѣ. Всѣ ея родные говорятъ, что она счастлива, какъ нельзя болѣе...

юрій. Признаюсь, я думалъ прежде, что сердце ея не продажно... Теперь вижу, что оно стоило нѣсколько сотъ тысячъ дохода...

дмитрій петровичъ. Охъ, молодые люди! Какъ тебѣ не стыдно? Вѣдь это просто зависть... *Ты ее забылъ, слѣдовательно не имѣлъ права требовать отъ нея вѣрности;* ты вѣдь самъ чувствуешь, что она поступила бы безразсудно, если бъ надѣялась на ребяческую твою наклонность...

Любопытно, что, въ рукописи переписанной чужой рукой и

только исправленной Лермонтовымъ, слова, поставленныя нами въ курсивъ, имъ вычеркнуты.

Михаилъ Юрьевичъ, очевидно, старался нѣкоторой частью драмы держаться весьма близко къ истинному ходу происшествія. Онъ сохраняетъ 4 года, время отдѣлявшее его отъ выѣзда изъ Москвы лѣтомъ 1832 до посѣщенія ея къ началу 1836. Онъ Юрія изображаетъ гусарскимъ офицеромъ, пріѣхавшимъ въ отпускъ и въ первой сценѣ уже дословно почти рисуется исторія его отношеній къ любимой женщинѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что поэтъ желалъ, чтобы дѣйствующія лица были узнаны. Онъ повторилъ то, что имѣлъ въ виду, написавъ «Страннаго человѣка», въ предисловіи къ которому говоритъ: «Лица, изображенныя мною, всѣ взяты съ природы, и я желалъ бы, чтобъ они были узнаны».

Но объ исторіи любви Лермонтова мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

Вообще надо удивляться тому, сколько было написано и задумано поэтомъ со времени выхода его изъ школы. Прервавшійся въ концѣ 1832 года потокъ дѣятельности съ конца 1834 года опять бьетъ усиленнѣе, несмотря на разсѣянную жизнь, которую ведетъ поэтъ съ выходомъ въ офицеры. Однако дѣятельность эта была прервана неожиданнымъ событіемъ, сразу давшимъ жизни Михаила Юрьевича совсѣмъ другое направленіе.

ГЛАВА XII.

Предсмертная дуэль Пушкина. — Впечатлѣніе смерти Пушкина на общество. — Толки. — Отношеніе къ нимъ Лермонтова. — Стихи на смерть поэта. — Распространеніе стиховъ. — Арестъ Раевскаго и Лермонтова. — Слѣдствіе и показаніе Лермонтова. — Приговоръ. — Отношеніе Лермонтова къ Раевскому.

Еще молодой поэтъ нашъ дѣлилъ свои досуги между разсѣянною жизнью столичныхъ гостиныхъ, кутежами съ товарищами-гусарами и серьезною думой и творчествомъ; еще

двойственность существованія томила и волновала его, когда въ концѣ января 1837 года роковая вѣсть о поединкѣ А. С. Пушкина съ исходомъ, грозившимъ смертью, потрясла Михаила Юрьевича, и такъ нервно разстроеннаго и тревожнаго. Онъ разразился извѣстнымъ стихотвореніемъ: «На смерть поэта». [т. I. стр. 253].

Обстоятельства, приведшія къ этому роковому поединку, къ гибели Пушкина, не разъ разсматривались въ печати. Напомнимъ здѣсь только, что современное событію общество раздѣлилось на два лагеря: одни обвиняли поэта, другіе защищали его. Ходила молва, что Пушкинъ палъ жертвою таинственной интриги изъ личной вражды, умышленно возбудившей его ревность; дѣятелями же были люди высшаго слоя общества. Эта молва, повидимому, была не лишена основанія. Дѣйствительно, существовала великосвѣтская интрига, которая и послѣ смерти Пушкина, въ высшемъ кругу, имѣла своихъ партизановъ [1]. Этимъ объясняется, почему на людей, открыто высказывавшихся за Пушкина и горячо порицавшихъ его противниковъ, было воздвигнуто гоненіе. Вотъ почему тоже слѣдственная коммиссія по дѣлу о стихахъ на смерть Пушкина обратила особенное вниманіе на записку А. А. Краевскаго къ Раевскому, писанную послѣ ареста Михаила Юрьевича. «Скажи мнѣ, что сталось съ Лермонтовымъ? Правда ли, что онъ жилъ, или живетъ еще теперь *не дома*? Неужели еще жертва, заклааемая въ память усопшему? Господи, когда все это кончится?!» [2]

Извѣстенъ и выговоръ, сдѣланный г. Краевскому, по порученію министра, попечителемъ Петербургскаго учебнаго округа княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ за то, что Краевскій посмѣлъ слишкомъ горячо говорить объ умершемъ Пушкинѣ.

— Я долженъ вамъ передать—сказалъ попечитель г. Кра-

---

1 Пыпинъ: біограф. очеркъ Лермонтова при изданіи сочиненій его 1873 года, стр. XLVI.

2 Изъ дѣла: «о непозволительныхъ стихахъ, написанныхъ Корнетомъ Л.-гв. гус. полка Лермонтовымъ», находящагося въ Лермонт. музеѣ [ср. статью нашу въ янв. кн. Вѣстн. Евр. за 1887 годъ].

евскому—что министръ (гр. Сергѣй Семеновичъ Уваровъ), крайне, крайне недоволенъ вами! къ чему эта публикація о Пушкинѣ? Что это за черная рамка вокругъ извѣстія о кончинѣ человѣка не чиновнаго, не занимавшаго никакого положенія на государственной службѣ? Ну да, это еще куда бы ни шло! Но что за выраженія! «Солнце поэзіи»... помилуйте, за что такая честь? «Пушкинъ скончался... въ срединѣ своего *великаго поприща*»! Какое это такое поприще? гр. Сергѣй Семеновичъ именно замѣтилъ: развѣ Пушкинъ былъ полководецъ, военачальникъ, министръ, государственный мужъ! Наконецъ онъ умеръ безъ малаго сорока лѣтъ! Писать стишки не значитъ еще, какъ выразился Сергѣй Семеновичъ, проходить *великое поприще!* Министръ поручилъ мнѣ сдѣлать вамъ, Андрей Александровичъ, строгое замѣчаніе и напомнить, что вамъ, какъ чиновнику министерства народнаго просвѣщенія, особенно слѣдовало бы воздержаться отъ подобныхъ публикацій.» [1]

«Впрочемъ, прибавляетъ сообщающій этотъ фактъ г. Ефремовъ, кн. Дондуковъ-Корсаковъ былъ добрый человѣкъ, и, безъ всякаго сомнѣнія, передавая замѣчаніе Уварова, оставшагося смертельнымъ врагомъ Пушкина послѣ его смерти, едва ли въ душѣ раздѣлялъ мнѣніе о немъ министра».

Вскорѣ послѣ смерти Александра Сергѣевича Хомяковъ пишетъ Языкову: «Ты уже вѣроятно имѣешь о дуэли Пушкина довольно много подробностей, и поэтому разсказывать не стану тебѣ росказней. Одно, что тебѣ интересно будетъ знать, это итогъ. Пушкина убили непростительная вѣтренность его жены [кажется, только вѣтренность] и гадость общества петербургскаго. Самъ Пушкинъ не оказалъ твердости въ характерѣ [но этого отъ него и ожидать было нельзя] ни

---

1 Русск. Стар. 1880 г., стр. 537 и д., ст. г. Ефремова: А. С. Пушкинъ.—Для отношеній придворнаго круга къ Пушкину очень характеренъ отзывъ о немъ старца-камергера кн. Ц., еще въ 60-хъ годахъ. Услышавъ выраженіе «великій Пушкинъ», князь замѣтилъ: «чѣмъ онъ великъ?! Если вы говорите о камеръ-юнкерѣ Пушкинѣ, то я скажу вамъ, что онъ былъ препустой и заносчивый человѣкъ; мы его при дворѣ не любили». [Русск. Стар. 1885 г. февр., стр. 477].

тонкости, свойственной его чудному уму. Страсть никогда умна быть не можетъ. *Онъ отшатнулся отъ тѣхъ, которые его любили, понимали и окружали дружбою почти благоговѣйной, а присталъ къ людямъ, которые его приняли изъ милости»* [1].

Мы выписываемъ эти нѣкоторыя показанія современниковъ, чтобы показать, какъ извѣстное стихотвореніе Лермонтова вполнѣ характеризовало общій взглядъ на дѣло дуэли Пушкина. Даже упрекъ Хомякова Пушкину за то, что онъ отвернулся отъ настоящихъ друзей, встрѣчаемъ мы въ стихотвореніи:

Зачѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной
Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ, завистливый и душный
и т. д.

Лермонтова, сказали мы выше, страшно поразила смерть Пушкина. Онъ благоговѣлъ передъ его геніемъ и весьма незадолго до дуэли познакомился съ нимъ лично: поэты встрѣтились въ литературныхъ кружкахъ. Пушкинъ интересовался задуманными А. А. Краевскимъ «Литературными прибавленіями къ Русскому Инвалиду» и для перваго нумера, вышедшаго 4-го января 1837 года, далъ стихотвореніе свое «Аквилонъ», кажется послѣднее, которое поэтъ видѣлъ напечатаннымъ незадолго до смерти своей. Влад. Серг. Глинка сообщалъ, какъ Пушкинъ въ эту же пору, прочитавъ нѣкоторыя стихотворенія Лермонтова, призналъ ихъ «блестящими признаками высокаго таланта» [2].

Юрьевъ, товарищъ и родственникъ Михаила Юрьевича, разсказывалъ, что все несчастное событіе и симпатія высшаго общества къ Дантесу, къ которому особенно благоволили великосвѣтскія дамы, — все это раздражало юнаго поэта. Всегда полный самаго деликатнаго вниманія къ своей бабушкѣ, поэтъ, жившій у нея въ Петербургѣ, съ трудомъ воздержался

1 Русскій Архивъ 1884 г. III, стр. 202.

2 Русск. Стар. 1880 г., II, стр. 537 и Русск. Арх. 1872 г , стр. 1813 и 1826. — Бѣлинскій [т. VI, стр. 292, въ изд. 1860 г.] говоритъ, что Пушкинъ засталъ и оцѣнилъ талантъ Лермонтова.

отъ раздраженнаго отвѣта, когда старушка стала утверждать, что Пушкинъ сѣлъ не въ свои сани и, сѣвши въ нихъ, не умѣлъ управлять конями, помчавшими его наконецъ на тотъ сугробъ, съ коего велъ одинъ лишь путь въ пропасть. Не желая спорить съ бабушкою, поэтъ уходилъ изъ дому. Елизавета Алексѣевна, замѣтя, какъ на внука дѣйствуютъ свѣтскіе толки о смерти Пушкина, стала избѣгать говорить о нихъ... Но говорили другіе, говорилъ весь Петербургъ и, наконецъ, все такъ сильно повліяло на Михаила Юрьевича, что онъ захворалъ нервнымъ разстройствомъ. Ему приходило даже на мысль вызвать убійцу и мстить за гибель русской славы. Это впрочемъ неудивительно: было много людей готовыхъ сдѣлать то же. Говорили, что императоръ Николай Павловичъ, желая спасти Дантеса отъ грозившей ему опасности, выслалъ его за границу. Прежде всего Лермонтовъ далъ выходъ своему негодованію, написавъ стихотвореніе на смерть поэта и выставивъ въ немъ его противника, какъ искателя приключеній:

...Издалека,
Подобно сотнямъ бѣглецовъ,
На ловлю счастья и чиновъ
Заброшенъ къ намъ по волѣ рока, и т. д.

Такой взглядъ на Дантеса сердилъ его защитниковъ. Онъ былъ принятъ въ обществѣ, былъ приглашенъ на службу самимъ императоромъ, былъ офицеромъ въ первомъ гвардейскомъ кавалерійскомъ [кавалергадскомъ] полку — и вдругъ дерзнуть назвать его пустымъ искателемъ приключеній!

Умы немного утихли, когда разнесся слухъ, что государь желаетъ строгаго разслѣдованія дѣла и наказанія виновныхъ. Тогда-то эпиграфомъ къ стихамъ своимъ Лермонтовъ поставилъ:

Отмщенье, Государь, отмщенье!
Паду къ ногамъ твоимъ:
Будь справедливъ и накажи убійцу,
Чтобъ казнь его въ позднѣйшіе вѣка
Твой правый судъ потомству возвѣстила,
Чтобъ видѣли злодѣи въ ней примѣръ.
[Изъ трагедіи] [1].

---

[1] Долгое время эпиграфъ этотъ выкидывался изъ изданій, какъ прибавленный къ стихотворенію какой-то досужей рукой, а не самимъ поэтомъ

Какъ извѣстно, Лермонтовъ написалъ стихотвореніе свое на смерть Пушкина, сначала безъ заключительныхъ 16 строкъ. Оно прочтено было Государемъ и другими лицами и въ общемъ удостоилось высокаго одобренія. Разсказывали, что В. Кн. Михаилъ Павловичъ сказалъ даже: «Этотъ, чего добраго, замѣнитъ Россіи Пушкина»; что Жуковскій призналъ въ нихъ проявленіе могучаго таланта, а князь Влад. Ѳед. Одоевскій по адресу Лермонтова наговорилъ комплиментовъ при встрѣчѣ съ его бабушкою Арсеньевой. Толковали, что Дантесъ страшно разсердился на новаго поэта и что командиръ л. гв. гусарскаго полка утверждалъ, что, не сиди убійца Пушкина на гауптвахтѣ онъ непремѣнно послалъ бы вызовъ Лермонтову за его ругательные стихи. Но самъ командиръ одобрялъ ихъ. Да и нельзя было иначе, разъ самъ Государь выразилъ относительно стиховъ довольство свое.

Такимъ образомъ не удобно было ненаходить прекраснымъ стихотвореніе молодого гусарскаго офицера, хоть и не нравились его нападки на Дантеса и на тотъ новый кругъ Пушкинскихъ знакомыхъ, который нехотя принялъ его въ свою среду. Морщились отъ такихъ мѣстъ стихотворенія, гдѣ поэтъ говорилъ:

Зачѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ безбожнымъ,
Зачѣмъ повѣрилъ онъ словамъ и ласкамъ ложнымъ?...

или

. . . Къ чему теперь рыданья,
Пустыхъ похвалъ ненужный хоръ
И жалкій лепетъ оправданья—
Судьбы свершился приговоръ!
Не вы ль сперва такъ долго гнали
Его свободный чудный даръ...

[изд. 1863 г., т. II, стр. 474. Тоже и въ издан. 1873 г.]. Лонгиновъ [Совр. Лѣт. 1863 г. № 16, стр. 15] говоритъ, что эпиграфъ этотъ взятъ изъ трагедіи Дотру: «Венцеславъ первый», въ 20-хъ годахъ переведенной А. А. Жандромъ. Я не успѣлъ провѣрить справедливость показанія. А. П. Шанъ-Гирей увѣрялъ меня, что это слова изъ какой-то трагедіи, написанной самимъ Лермонтовымъ, но не законченной, или же только задуманной имъ, причемъ было сдѣлано нѣсколько набросковъ.

Самъ поэтъ нервно-больной, разстроенный, лежалъ дома. Бабушка послала даже за лейбъ-медикомъ Арендтомъ, у котораго лечился весь великосвѣтскій Петербургъ. Онъ разсказалъ Михаилу Юрьевичу всю печальную эпопею двухъ съ половиною сутокъ—съ 27 по 29 января, которыя прострадалъ Пушкинъ. Погруженный въ думу свою, лежалъ поэтъ, когда въ комнату вошелъ его родственникъ, братъ вѣрнаго друга поэта Монго-Столыпина, камеръ-юнкеръ Николай Аркадьевичъ Столыпинъ. Онъ служилъ тогда въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ подъ начальствомъ Нессельроде и принадлежалъ къ высшему Петербургскому кругу [1]. Такимъ образомъ его устами гласила мудрость придворныхъ салоновъ. Онъ разсказалъ больному о томъ, что въ нихъ толкуется. Сообщилъ, что вдова Пушкина едва ли долго будетъ носить трауръ и называться вдовою, что ей вовсе не къ лицу и т. п.

Столыпинъ, какъ и всѣ, расхваливалъ стихи Лермонтова, но находилъ и недостатки и, между прочимъ, что «Мишель», напрасно *апоѳеозируя* Пушкина, слишкомъ нападаетъ на невольнаго убійцу, который, какъ всякій благородный человѣкъ, послѣ всего того, что было между ними, не могъ бы не стрѣляться: honneur oblige. Лермонтовъ отвѣчалъ на это, что чисто-русскій человѣкъ, не офранцуженный, неиспорченный, снесъ бы со стороны Пушкина всякую обиду; снесъ бы ее во имя любви своей къ славѣ Россіи, не могъ бы поднять руки своей на нее. Споръ сталъ горячѣе и Лермонтовъ утверждалъ, что государь накажетъ виновниковъ интриги и убійства. Столыпинъ настаивалъ на томъ, что тутъ была затронута честь и что иностранцамъ дѣла нѣтъ до поэзіи Пушкина, что судить Дантеса и Геккерна по русскимъ законамъ нельзя, что ни дипломаты, ни знатные иностранцы не могутъ быть судимы на Руси. Тогда Лермонтовъ прервалъ его, крикнувъ: «Если надъ ними нѣтъ закона и суда земнаго, если они палачи генія, такъ есть Божій судъ». Эта мысль вошла потомъ почти дословно въ послѣднія 16 строкъ стихотворенія.

---

[1] Н. А. Столыпинъ, до 1884 г., т. е. до кончины своей занималъ постъ посланника нашего въ Гагѣ.

Запальчивость поэта вызвала смѣхъ со стороны Столыпина, который тутъ же замѣтилъ, что у «Мишеля слишкомъ раздражены нервы». Но поэтъ уже былъ въ полной ярости, онъ не слушалъ своего свѣтскаго собесѣдника и, схвативъ листъ бумаги, да сердито поглядывая на Столыпина, что-то быстро чертилъ по немъ ломая карандаши, по обыкновенію, одинъ за другимъ. Увидавъ это, Столыпинъ полушопотомъ и улыбаясь замѣтилъ: «la poésie enfante»! [1] Наконецъ раздраженный поэтъ напустился на собесѣдника, назвалъ его врагомъ Пушкина и, осыпавъ упреками, кончилъ тѣмъ, что закричалъ, чтобы онъ сію же минуту убирался, иначе онъ за себя не отвѣчаетъ. Столыпинъ вышелъ со словами: «Mais il est fou à lier [2]. Четверть часа спустя Лермонтовъ, переломавшій съ полдюжины карандашей, прочелъ Юрьеву заключительныя 16 строкъ своего стихотворенія, дышащихъ силой и энергіей негодованія [3].

А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастія обиженныхъ родовъ! и т. д.

Въ негодованіи на всѣхъ защитниковъ Дантеса и противниковъ Пушкина, Лермонтовъ особенно язвилъ Столыпина, прадѣдъ котораго происходилъ далеко не отъ знатныхъ предковъ и обогатился на винныхъ откупахъ, слѣдовательно не совсѣмъ безупречными средствами, хотя и пользовался репутаціею высоко честнаго человѣка. Но тогда, да и позже, воззрѣнія были

---

[1] Поэзія зарождается.

[2] Да онъ дошелъ до бѣшенства, его надо связать!

[3] Все, что касается до дѣла о стихахъ на смерть Пушкина, взято мною изъ дѣла, находившагося въ архивѣ военнаго министерства. Читатель найдетъ главныя извлеченія изъ него въ прибавленіи IV въ концѣ тома. Дѣло нынѣ находится въ Лермонтовскомъ музеѣ. Многое было напечатано мною въ Вѣстникѣ Европы за 1887 г. январь.—Ср. тоже: Выписку изъ подлиннаго дѣла въ архивѣ III отдѣл. собств. Его Имп. Вел. канцеляріи [1837 г., за № 43] въ Русск. Стар. 1880 г., т. II, стр. 534.—Статью Бурнашева въ Русск. Архивѣ за 1872 г.—Муравьева: Знакомство съ русскими поэтами.

своеобразны, и еще Гоголь дерзнулъ, въ лицѣ откупщика Муразова [во второй части Мертвыхъ душъ] выставить идеалъ честности и правдивости [1]. Пылкій поэтъ живо вспомнилъ приниженіе отца его родомъ Столыпиныхъ, отца принадлежавшаго къ древнѣйшимъ, хоть и захудалымъ родамъ Европы. Поэту, съ дѣтства страдавшему отъ явной несправедливости этой, были особенно ощутительны преслѣдованія Пушкина со стороны выскочекъ аристократизма, «жадною толпою стоявшихъ у трона». Въ гнѣвныхъ стихахъ Лермонтовъ облегчилъ наболѣвшую душу свою отъ собственнаго горя, отъ боли за павшаго русскаго поэта, которому онъ подражалъ въ дѣтствѣ, восторженно прислушиваясь къ чуднымъ пѣснямъ, передъ коимъ преклонялся, до котораго, полный уваженія и пониманія, едва еще рѣшался поднять юношескій взоръ.

Извѣстность стиховъ Лермонтова на смерть великаго поэта быстро разрослась; въ то время многіе почтили память усопшаго стихами на кончину его, но ни въ одномъ не звучало столько силы, таланта, любви и негодованія, ни одно стихотвореніе такъ полно не выражало чувствъ всей Россіи за исключеніемъ небольшаго круга людей.

Свят. Аѳан. Раевскій, проживавшій тогда у Лермонтова, возвратившись домой, нашелъ вновь сочиненные 16 стиховъ. Онъ пришелъ въ восторгъ и, радуясь быстрой славѣ, пріобрѣтенной 22 лѣтнимъ поэтомъ, сталъ распространять и эти сильные стихи. Правда, ему, какъ и Лермонтову, приходило въ голову, что за эти 16 строкъ можно пострадать, что имъ можно легко придать весьма опасное толкованіе, но молодые люди утѣшали себя тѣмъ, что Государь осыпалъ милостями семейство Пушкина, слѣдовательно дорожилъ поэтомъ, изъ чего, какъ казалось имъ, вытекало само собою, что можно бранить враговъ поэта. Расточаемыя 22 лѣтнему поэту похвалы льстили и ему самому и другу его; наконецъ ихъ успокоивала мысль, что всѣ распространяемые и переписываемые экземпляры носятъ подпись «Лермонтовъ», и что «высшая цензура давно бы остановила ихъ распространеніе, если бъ считала это нужнымъ».

[1] Есть указанія на то, что Гоголь Муразова отчасти списалъ съ упомянутаго Столыпина.

Но молодые люди не сообразили того, что со стихами происходило недоразумѣніе. Ходили по рукамъ двѣ редакціи: одна, снабженная 16-ью заключительными стихами, а другая нѣтъ. Вотъ почему ни тогдашній начальникъ III отдѣленія Соб. Е. И. В. канцеляріи Мордвиновъ, ни графъ Бенкендорфъ, которому Мордвиновъ доложилъ о стихахъ, ничего предосудительнаго въ нихъ не нашли. Но вотъ на многолюдномъ раутѣ, если не ошибаемся, у графини Ферзенъ, А. М. Хитрова, разносчица всевозможныхъ сенсаціонныхъ вѣстей, обратилась къ графу Бенкендорфу съ злобнымъ вопросомъ: «А вы читали, графъ, новые стихи на всѣхъ насъ, въ которыхъ la crême de la noblesse отдѣлывается на чемъ свѣтъ стоитъ молодымъ гусаромъ Лермонтовымъ?» Она пояснила, какъ стихи, начинающіеся словами: «А вы надменные потомки» и пр., составляютъ оскорбленіе всей русской аристократіи и довела графа до того, что онъ увидалъ необходимость разузнать дѣло ближе. Тогда-то раскрылось, что ходили по рукамъ два списка. Графъ Бенкендорфъ зналъ и уважалъ бабушку Лермонтова Арсеньеву, бывалъ у нея, ему была извѣстна любовь ея къ внуку, и онъ искренно желалъ дать дѣлу благопріятный оборотъ. Говорили, что, когда графъ явился къ императору, чтобы доложить о стихахъ въ самомъ успокоительномъ смыслѣ, Государь уже былъ предупрежденъ, получивъ по городской почтѣ экземпляръ стиховъ съ надписью: «Воззваніе къ революціи». Подозрѣніе тогда же пало на г-жу Хитрову.

Не даромъ еще въ то же утро графъ Бенкендорфъ замѣтилъ Л. В. Дубельту, говоря о слышанномъ на вечерѣ, что «если Анна Михайловна [Хитрова] знаетъ о стихахъ, то не остается ничего больше дѣлать, какъ доложить о нихъ Государю».

Вслѣдствіе большихъ связей бабушки Лермонтова Арсеньевой, поэтъ пользовался большими льготами. Онъ, какъ уже мы говорили, почти не жилъ въ Царскомъ селѣ, гдѣ былъ расположенъ его полкъ, а проживалъ у бабушки въ Петербургѣ. Это обстоятельство усугубляло вину Лермонтова. Такъ какъ онъ формальнаго отпуска не получалъ, то не пребываніе его въ мѣстѣ стоянки полка считалось «самовольной отлучкой». Начальникъ штаба Веймаръ, посланный въ Царское

Село осмотрѣть тамъ бумаги поэта, нашелъ квартиру нетопленную, ящики стола и комодовъ пустыми. Далѣе, отсутствіе Лермонтова прикрыли внезапною болѣзнью его, приключившеюся, при посѣщеніи внукомъ престарѣлой бабки, и ограничились затѣмъ только выговоромъ ближайшему виновнику недосмотра, полковнику Саломирскому [приказъ по отдѣльному гвардейскому корпусу отъ 28-го февраля 1837 года, за № 33]. Болѣзнь Лермонтова дѣлала однако необходимымъ разъясненіе, кѣмъ было распространено стихотвореніе. Главнымъ виновникомъ оказался Св. Аѳ. Раевскій. Онъ рѣшился взять на себя добрую часть вины.

Февраля 21-го Раевскій былъ посаженъ подъ арестъ по распоряженію графа Петра Андреевича Клейнмихеля, Лермонтовъ же подвергнутъ домашнему аресту. Того же дня съ Раевскаго было снято показаніе. Отлично сознавая важность того, чтобы показаніе Лермонтова не разнилось съ его показаніемъ, онъ черновую, писанную карандашемъ, положилъ въ пакетъ, адресовавъ его на имя крѣпостного человѣка Михаила Юрьевича, искренно преданнаго своему барину. Адресъ на пакетѣ этомъ гласитъ:

Противъ 3 Адмиралтейской части, въ домѣ кн. Шаховской. Андрею Иванову.

Къ черновой приложена записка:

„Андрей Ивановичъ! Передай тихонько эту записку и бумаги Мишелю. Я подалъ записку министру. Надобно, чтобы онъ отвѣчалъ согласно съ нею и тогда дѣло кончится ничѣмъ. А если онъ станетъ говорить иначе, то можетъ быть хуже. Если самъ не сможешь завтра же по утру передать, то черезъ Аѳанасія Алексѣевича. И потомъ непремѣнно сжечь ее“.

Аѳанасій Алексѣев. Столыпинъ [1] былъ особенно любимъ и почитаемъ Лермонтовымъ, да и самъ онъ былъ изъ немногихъ людей, привязанныхъ къ Михаилу Юрьевичу. Доставить пакетъ этотъ Раевскій препоручилъ одному изъ сторожей. Пакетъ былъ перехваченъ и не мало усугублялъ виновность Раевскаго передъ судьями [2].

---

[1] Скончался въ 1866 г.

[2] Показаніе Раевскаго читатель найдетъ въ концѣ тома: прибавленіе IV.

Спрошенный на дому Лермонтовъ далъ слѣдующее показаніе:

„Я былъ еще боленъ, когда разнеслась по городу *вѣсть* о несчастномъ поединкѣ Пушкина. Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ привезли ее и ко мнѣ, обезображенную разными прибавленіями; одни, приверженцы нашего лучшаго поэта, разсказывали съ живѣйшей печалію, какими мелкими мученіями, насмѣшками, онъ долго былъ преслѣдуемъ и, наконецъ, принужденъ сдѣлать шагъ, противный законамъ земнымъ и небеснымъ, защищая честь своей жены въ глазахъ строгаго свѣта. Другіе, особенно дамы, оправдывали противника Пушкина, называли его благороднѣйшимъ человѣкомъ, говорили, что Пушкинъ не имѣлъ права требовать любви отъ жены своей, потому что былъ ревнивъ, дуренъ собою—они говорили также, что Пушкинъ негодный человѣкъ, и прочее... Не имѣя, можетъ быть, возможности защищать нравственную сторону его характера, никто не отвѣчалъ на эти послѣднія обвиненія.

Невольное, но сильное негодованье вспыхнуло во мнѣ противъ этихъ людей, которые нападали на человѣка, уже сраженнаго рукою Божіей, не сдѣлавшаго *имъ* никакого зла, и нѣкогда ими восхваляемаго;—и врожденное чувство въ душѣ неопытной, защищать всякаго невинно осуждаемаго, зашевелилось во мнѣ еще сильнѣе по причинѣ болѣзнію раздраженныхъ нервъ. Когда я сталъ спрашивать, на какихъ основаніяхъ такъ громко они возстаютъ противъ убитаго,—мнѣ отвѣчали: вѣроятно, чтобъ придать себѣ болѣе вѣсу, что весь высшій кругъ общества такого же мнѣнія.—Я удивился—надо мною смѣялись. Наконецъ послѣ двухъ дней безпокойнаго ожиданія, пришло печальное извѣстіе, что Пушкинъ умеръ; вмѣстѣ съ этимъ извѣстіемъ пришло другое—утѣшительное для сердца русскаго: Государь Императоръ, несмотря на его прежнія заблужденія, подалъ великодушно руку помощи несчастной женѣ и малымъ сиротамъ его. Чудная противоположность *Его* поступка съ мнѣніемъ [какъ меня увѣряли] высшаго круга общества, увеличила перваго въ моемъ воображеніи и очернила еще болѣе несправедливость послѣдняго. Я былъ твердо увѣренъ, что сановники государственные раздѣляли благородныя и милостивыя чувства Императора, Богомъ даннаго защитника всѣмъ угнетеннымъ; но тѣмъ не менѣе я слышалъ, что нѣкоторые люди, единственно по родственнымъ связямъ или вслѣдствіе искательства, принадлежащіе къ высшему кругу и пользующіеся заслугами своихъ достойныхъ родственниковъ,—нѣкоторые не переставали омрачать память убитаго и разсѣевать разные невыгодные для него слухи. Тогда, вслѣдствіе необдуманнаго порыва, я излилъ горечь сердечную на бумагу, преувеличенными, неправильными словами выразилъ нестройное столкновеніе мыслей, не полагая, что написалъ нѣчто предосудительное, что многіе оши-

бочно могутъ принять на свой счетъ выраженія вовсе не для нихъ назначенныя. Этотъ опытъ былъ первый и послѣдній въ этомъ родѣ, вредномъ [какъ и прежде мыслилъ и нынѣ мыслю] для другихъ еще болѣе, чѣмъ для себя.—Но если мнѣ нѣтъ оправданія, то молодость и пылкость послужатъ хотя объясненіемъ, ибо въ эту минуту страсть была сильнѣе холоднаго разсудка. Прежде я писалъ разныя мелочи, быть можетъ еще хранящіяся у нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ. Одна восточная повѣсть, подъ названіемъ „Хаджи-Абрекъ", была мною помѣщена въ Библіотекѣ для Чтенія; а драма „Маскарадъ", въ стихахъ, отданная мною на театръ, не могла быть представлена по причинѣ [какъ мнѣ сказали] слишкомъ рѣзкихъ страстей и характеровъ и также потому, что въ ней добродѣтель не достаточно награждена.

Когда я написалъ стихи мои на смерть Пушкина [что, къ несчастію, я сдѣлалъ слишкомъ скоро), то одинъ мой хорошій пріятель Раевскій, слышавшій, какъ и я, многія неправильныя обвиненія, и по необдуманности, не видя въ стихахъ моихъ противнаго законамъ, просилъ у меня ихъ списать; вѣроятно, онъ показалъ ихъ, какъ новость, другому—и такимъ образомъ они разошлись. Я еще не выѣзжалъ, и потому не могъ вскорѣ узнать впечатлѣнія произведеннаго ими, не могъ во время ихъ возвратить назадъ и сжечь. Самъ я ихъ никому больше не давалъ, но отрекаться отъ нихъ, хотя постигъ свою необдуманность, я не могъ: *правда* всегда была моей святыней, — и теперь, принося на судъ свою повинную голову, я съ твердостью прибѣгаю къ *ней*, какъ единственной защитницѣ благороднаго человѣка передъ лицомъ Царя, и лицомъ Божіимъ.

Корнетъ Лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка,

Михаилъ Лермантовъ.

Уже черезъ три дня послѣ допроса, сдѣланнаго Лермонтову дома, а затѣмъ ареста на гауптвахтѣ, участь его была рѣшена. Февраля 25-го послѣдовало Высочайшее повелѣніе, а 27 вышелъ «приказъ», по коему Лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка корнетъ Лермонтовъ переводился тѣмъ же чиномъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ [на Кавказѣ]. Раевскій же, по выдержаніи на гауптвахтѣ одинъ мѣсяцъ, высылался въ Олонецкую губернію на службу по усмотрѣнію тамошняго губернатора.

Другъ и товарищъ Лермонтова поплатился больше самого поэта. Онъ изъ ссылки былъ возвращенъ позднѣе[1], и Михаилъ

[1] Лермонтовъ приказомъ отъ 11 окт. 1837 года, а Раевскій только 7-го декабря 1838.

Юрьевичъ крѣпко скорбѣлъ за Святослава Аѳанасьевича. Дѣло въ томъ, что Лермонтова не столько обвиняли за сочиненіе стиховъ, сколько за ихъ распространеніе, и добивались того, черезъ кого были пущены они въ публику. Допрашивалъ Лермонтова графъ Клейнмихель, отъ имени Государя. Онъ обѣщалъ, между прочимъ, что если Лермонтовъ назоветъ виновника распространенія, то избѣгнетъ наказанія быть разжалованнымъ въ солдаты, тогда какъ названное имъ лицо не подвергнется наказанію. Назвавъ Раевскаго, Лермонтовъ еще не подозрѣвалъ, что тѣмъ губитъ его, но выпущенный изъ подъ ареста, услышавъ о томъ, что другъ его сидитъ на гауптвахтѣ Петропавловской крѣпости, онъ пришелъ въ отчаяніе. До насъ дошло нѣсколько писемъ Лермонтова къ Раевскому изъ того времени [т. V, стр. 413].

Позднѣе дѣло объяснилось. Оказалось, что участіе Раевскаго было извѣстно до признанія Лермонтова, и даже допросъ съ Раевскаго снятъ днемъ раньше, чѣмъ допросъ съ Лермонтова. Однако поэтъ долго не могъ простить себѣ, что въ показаніи своемъ заявилъ, будто никому кромѣ Раевскаго не показывалъ стиховъ, и что Раевскій, вѣроятно, по необдуманности показалъ ихъ другому, и такимъ образомъ они распространились. — Еще въ іюнѣ 1838 года, возвращенный съ Кавказа и вновь опредѣленный въ л.-гв. гусарскій полкъ, Лермонтовъ пишетъ въ Петрозаводскъ все еще томящемуся тамъ Раевскому о томъ, что повергло его въ несчастіе. Очевидно, услужливые люди пытались вызвать между друзьями вражду или хоть недоразумѣніе, и поэтъ съ негодованіемъ отвергаетъ навѣты. [См. письмо отъ 8-го іюня, т. V, стр. 420]. Когда Раевскій въ декабрѣ 1838 года получилъ наконецъ прощеніе и вернулся изъ ссылки въ Петербургъ, гдѣ жили его мать и сестра, уже черезъ нѣсколько часовъ по пріѣздѣ вбѣжалъ въ комнату Лермонтовъ и бросился на шею къ Святославу Аѳанасьевичу. «Я помню, разсказываетъ сестра Раевскаго, г-жа Соловцова, какъ Михаилъ Юрьевичъ цѣловалъ брата, гладилъ его и все приговаривалъ: «прости меня, прости меня милый!» — Я была ребенкомъ и не понимала, что́ это значило; но какъ теперь вижу растроганное лицо Лермонтова и

большіе, полные слезъ, глаза. Братъ былъ тоже растроганъ до слезъ и успокоивалъ друга»[1].

О другѣ своемъ С. А. Раевскій сохранилъ самое теплое воспоминаніе; онъ до конца дней своихъ былъ горячимъ защитникомъ и цѣнителемъ Михаила Юрьевича, какъ поэта и *человѣка*, и ему-то мы обязаны сохраненіемъ многихъ матеріаловъ, касающихся до жизни и творчества поэта[2].

Итакъ, согласно высочайшему приказу поэтъ восною 1837 года долженъ быть покинуть Петербургъ и ѣхать на Кавказъ. Онъ насильственно былъ вырванъ изъ сферъ весьма разнообразныхъ, гдѣ жизнь его текла нервно и безпокойно. Онъ метался, и метаніе это и волненія отражались на творчествѣ. Тревожному поэту Кавказъ вновь открывалъ свои объятія. Тамъ открылся для ребенка живой источникъ вдохновенія, теперь мужающій юноша найдетъ въ немъ успокоеніе, упорядоченіе мысли, подходящія условія для созрѣванія таланта.

ГЛАВА XIII.

М. Ю. Лермонтовъ на Кавказѣ въ 1837 году.

Высылка изъ Петербурга.—Тамань.—Экспедиція на восточномъ берегу Чернаго моря.—Генералъ Вельяминовъ.—Жизнь въ дѣйствующемъ отрядѣ.—Стихотвореніе: «Бородино» и «Пѣсня про царя Ивана Васильевича Грознаго.» — Странствованіе по Кавказу. — Пріѣздъ Государя и конецъ экспедиціи.—Сюжеты и типы нѣкоторыхъ произведеній, взятые изъ кавказской природы и жизни. — Д-ръ Майеръ и декабристы. — Отъѣздъ на родину.

Приказъ о переводѣ Лермонтова корнетомъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ состоялся 26 февраля 1837 года. Но

---

1 Вѣстникъ Европы, 1887 года, январь, стр. 345.

2 Большая часть матеріаловъ и свѣдѣній г. Хохрякова, пожертвованныхъ имъ въ Публичную Импер. библіотеку, передана была послѣднему Раевскимъ. Г. Хохряковъ собрался было писать біографію Лермонтова. Его матеріаломъ пользовались гг. Дудышкинъ и Ефремовъ. Кое-что получилъ и я отъ него и не премину передать, что имѣю, тоже въ Императ. Публ. библіотеку. Г. Хохряковъ, коего я посѣтилъ въ Пензѣ еще въ 1881 году, много говорилъ мнѣ о горячей привязанности Раевскаго къ Лермонтову и о высокомъ мнѣніи его о поэтѣ. Ср. прибавленіе VI въ концѣ тома.

молодому человѣку, въ угоду бабушкѣ, было разрѣшено продлить срокъ отъѣзда на нѣсколько дней. Старушка спѣшила воспользоваться льготою и ни на часъ не отпускала отъ себя внука. Наконецъ однакоже пришлось благословить «Мишеля» на дальній путь, на Кавказъ «за лаврами», какъ выражался самъ ссылаемый.

Лермонтовъ ѣхалъ на восточный берегъ Чернаго моря, гдѣ должны были открыться усиленныя военныя дѣйствія противъ горцевъ подъ начальствомъ генерала Вельяминова. Въ то время полагалось нужнымъ совершенно отрѣзать горцевъ отъ Чернаго моря и для этого хотѣли продлить еще ранѣе построенную линію береговыхъ укрѣпленій отъ Геленджика до устья рѣки Чуэпсина [Вулана]. Получить разрѣшеніе на участіе въ экспедиціяхъ было не трудно, особенно для гвардейскихъ офицеровъ, ѣхавшихъ на Кавказъ «за лаврами», или людей, сосланныхъ туда за провинности. Послѣднимъ, особенно когда вина ихъ не затрогивала чести, Кавказское начальство охотно давало случай вновь выслужиться или заслужить облегченіе участи. Такъ поступали съ разжалованными въ солдаты декабристами и другими лицами. Имъ нерѣдко давали важныя порученія и назначенія, не смотря на званіе рядоваго.

Въ эту поѣздку, направляясь на черноморскій берегъ Кавказа, Лермонтовъ долженъ былъ остановиться въ Тамани въ ожиданіи почтоваго судна, которое перевезло бы его въ Геленджикъ. Тутъ поэтъ испыталъ страннаго рода столкновеніе съ казачкою Царицихой, принявшей его за тайнаго соглядатая, желавшаго накрыть контрабандистовъ, съ которыми она имѣла сношенія. Эпизодъ этотъ послужилъ поэту темою для повѣсти «Тамань». Въ 1879 году описываемая въ этой повѣсти хата еще была цѣла, она принадлежала казаку Миснику и стояла не въ далекѣ отъ нынѣшней пристани надъ обрывомъ [1].

Лермонтовъ прибылъ въ Геленджикъ около 21 апрѣля и поступилъ въ распоряженіе начальника 1-го отдѣленія черномор-

---

[1] Хата, крытая камышемъ, имѣетъ 7 шаговъ ширины и 16 длины. Свѣдѣнія, равно какъ и снимокъ съ хаты, сдѣланный въ 1879 году, доставилъ мнѣ въ Тифлисъ, на археолигическій съѣздъ 1881 года, г. Филицынъ.

ской береговой линіи артиллерійскаго генералъ-маіора Штейбена, къ которому особенно расположенъ былъ Вельяминовъ, «вообще не жаловавшій генераловъ». Подъ начальствомъ этого лица Лермонтовъ впервые познакомился съ боевою жизнью и услышалъ свистъ вражескихъ пуль среди постоянныхъ перестрѣлокъ при конвоированіи транспортовъ съ разными запасами изъ Ольгинскаго тетъ-де-пона въ Абинское укрѣпленіе. Тутъ отрядъ Штейбена присоединился къ войскамъ генерала Вельяминова.

Вельяминовъ, начавшій службу еще во время наполеоновскихъ войнъ и участвовавшій въ Аустерлицкомъ сраженіи, принадлежалъ къ кружку, изъ котораго вышло нѣсколько замѣтныхъ дѣятелей, между коими былъ и Ермоловъ. На Кавказѣ Вельяминовъ былъ начальникомъ штаба и вѣрнымъ другомъ, помощникомъ этого славнаго генерала. Они были на «ты» и называли другъ друга «Алешей». Вельяминовъ получилъ хорошее образованіе, а отъ природы одаренъ былъ замѣчательными умственными способностями. Нравственныя и религіозныя убѣжденія его были построены на теоріяхъ энциклопедистовъ, характеръ оригинальный и самобытный: онъ съ властями держалъ себя самостоятельно. Какъ «командующій войсками Кавказской линіи и Черноморіи» съ ближайшимъ начальникомъ своимъ барономъ Розеномъ не ладилъ. Строгость Вельяминова доходила до холодной жестокости. Подчиненные и войска боялись его, но имѣли къ нему полное довѣріе. У горцевъ имя его звучало грозно. Въ аулахъ пѣлись о немъ пѣсни, называя его Кызылъ Дженералъ (т. е. рыжій генералъ).

Экспедиція 1837 года была предпринята для постройки новыхъ крѣпостей на черноморской линіи. Постройка этихъ фортовъ началась въ 1833 году. Основаніемъ кордонной линіи было Ольгинское укрѣпленіе, крайнею точкой Геленджикъ. Затѣмъ каждый годъ Вельяминовъ предпринималъ походы для ознакомленія съ краемъ, сожженія ауловъ и воздвиженія новыхъ крѣпостей. Экспедиція 1837 года должна была быть обширнѣе предыдущихъ. Отряду назначено было дѣйствовать преимущественно на южной сторонѣ хребта, къ юговостоку отъ Геленджика, цѣль дѣйствій было занятіе устьевъ двухъ рѣкъ:

Пшады и Вулана [Чуэпсина] и постройка укрѣпленій въ краѣ, куда еще не проникали русскія войска.

Въ составъ дѣйствующаго отряда назначены были Тенгинскій и Навагинскій полки въ полномъ составѣ и два баталіона Кабардинскаго, двѣ роты саперъ, четыре пѣшихъ черноморскихъ Казачьихъ полка, нѣсколько конныхъ сотенъ линейнаго войска и три батареи 19 артиллерійской бригады. Тутъ же находилось много офицеровъ изъ гвардіи и армейскихъ частей, прикомандированныхъ для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ отряда. Офицеровъ, пріѣзжавшихъ изъ войскъ расположенныхъ въ Россіи, поражали въ кавказской арміи самостоятельность ротныхъ и баталіонныхъ командировъ, разумныя смѣтливость и незадерганность солдата; унтеръ-офицеры были вообще очень хорошіе и люди заслуженные; въ это званіе производили не за наружность и ловкость во фронтѣ. Вообще въ войскахъ видны были остатки преданій суворовскаго времени. Между офицерами встрѣчалось не мало кутилъ, но старшіе берегли молодежь и честь полка. Вооруженіе, въ особенности пѣхоты, было плохое. Старыя кремневыя ружья и на сто шаговъ стрѣляли невѣрно, дѣла рѣшались рукопашнымъ боемъ, штыкомъ, и вообще выработалось презрѣніе къ огнестрѣльному оружію. Понятно, что этотъ порядокъ вещей и военная служба на Кавказѣ должны были прійтись по вкусу Лермонтову, ненавидѣвшему мелкія стѣсненія фрунтовой службы, испытанной имъ въ Петербургѣ. Порядокъ и жизнь кавказская приходились понутру этой свободолюбивой натурѣ и, естественно, что, вернувшись въ столицу, онъ уже въ 1838 году стремится бѣжать отъ службы въ гвардейскомъ полку и просится обратно на Кавказъ, но его не пускаютъ.

Экспедиція была не легкая.

«Въ Петербургѣ, говоритъ очевидецъ, глядѣли на дѣла своеобразно и тамъ не подозрѣвали, что войска имѣли дѣла съ полумиліоннымъ горнымъ населеніемъ, никогда не знавшимъ надъ собою власти, храбрымъ, воинственнымъ, которое въ своихъ горныхъ, заросшихъ лѣсомъ, трущобахъ на каждомъ шагу имѣетъ сильныя природныя крѣпости. Тамъ еще думали, что горцы не болѣе какъ возмутившіеся русскіе поддан-

ные, уступленные Россіи ихъ законнымъ повелителемъ, султаномъ, по Адріанопольскому трактату [1]. Мая 9-го отрядъ тронулся подъ начальствомъ генерала Вельяминова. Горцы знали о движеніи русскихъ войскъ и были въ большомъ сборѣ. Всюду, гдѣ мѣстность представляла удобство прикрытія, войска испытывали нападеніе засѣвшихъ за кустами и камнями горцевъ. Шла постоянная перестрѣлка, перемежаясь дикими криками горцевъ и громкимъ ура! Трофеями дня были нѣсколько труповъ горцевъ, у которыхъ отрубили головы и затѣмъ завернули и зашили въ холстъ. За каждую голову Вельяминовъ платилъ по червонцу и черепа отправлялъ въ Академію наукъ. Поэтому за каждаго убитаго горца шла упорная драка, стоившая порой много жизней съ той и другой стороны. У горцевъ образовался обычай, отправляясь въ военное предпріятіе, давать друзьямъ и союзникамъ клятвенное обѣщаніе привозить обратно мертвыхъ, или, если то окажется невозможнымъ, отрубать голову убитаго и привозить ее семейству; не сдѣлавшій этого принималъ на себя обязательство всю жизнь содержать на свой счетъ вдову и дѣтей павшаго товарища. [2].

Первые же сутки обошлись не дешево, было убито и ранено 50 человѣкъ, въ числѣ коихъ были офицеры и полковой командиръ Тенгинскаго полка Кашутинъ. Отрядъ двигался съ возможными предосторожностями—живою крѣпостью, имѣвшею видъ длиннаго четыреугольника. Авангардъ и арьергардъ двигались по ущелью или долинѣ, а боковыя прикрытія по горамъ въ такомъ разстояніи, чтобы пули горцевъ не могли бить въ колонны, гдѣ были остальныя войска и обозъ. Дороги были плохія, мѣстность въ горахъ покрыта лѣсомъ. Чтобы держать боковыя прикрытія на своихъ мѣстахъ и что-

1 Свѣдѣнія объ экспедиціи 1837 года почерпнулъ я главнымъ образомъ изъ интересныхъ воспоминаній Григорія Ивановича Филипсона [Русск. Арх. 1883 г.], исправлявшаго въ то время должность Оберъ-Квартирмейстера отряда.

2 Вотъ отчего Лермонтовъ въ горской легендѣ «Бѣглецъ» [т. II стр. 302] рисуетъ презрѣніе близкихъ къ Гаруну за то, что онъ бѣжалъ съ поля битвы и что «подъ пятой у супостата» остались лежать головы его отца и братьевъ.

бы цѣпи стрѣлковъ неразрывались въ закрытой и пересѣченной мѣстности, ихъ часто окликали сигнальными рожками. Этимъ способомъ, при условленныхъ заранѣе сигналахъ, передавались всѣ приказанія при движеніяхъ. Самая трудная роль доставалась обыкновенно арьергарду, а самая легкая авангарду, гдѣ рѣдко бывала серьезная перестрѣлка. Случалось, что отрядъ растягивался на нѣсколько верстъ, иногда пять и болѣе. Тогда боковыя прикрытія усиливались. Вельяминовъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, ничего не оставляя безъ вниманія. Каждый солдатъ былъ увѣренъ, что старый генералъ его видитъ.

Вечеромъ передъ ночлегомъ тщательно осматривались аванпосты и цѣпи. Лагерь становился обыкновенно въ томъ же порядкѣ—длиннымъ четыреугольникомъ. Зажигались большіе костры, которые указывали мѣсто расположенія войскъ. Если гдѣ потухалъ костеръ, Вельяминовъ сердился и посылалъ начальникамъ выговоры въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ.

При самомъ началѣ движенія пятеро горскихъ старшинъ пріѣхали къ аванпостамъ для переговоровъ съ Вельяминовымъ. Это были пять стариковъ очень почтенной наружности, уполномоченные отъ горскихъ племенъ. Они явились хорошо вооруженными, но безъ всякой свиты. Вельяминовъ принялъ ихъ съ нѣкоторою торжественностью, окруженный всѣмъ своимъ штабомъ. Онъ былъ при шашкѣ и изъ предосторожности привѣсилъ кинжалъ. Не разъ бывали примѣры, что фанатики горцы бросались на враговъ своихъ во время переговоровъ. Депутаты старались убѣдить генерала, что султанъ никогда не имѣлъ права уступать ихъ земли Россіи, ибо онъ никогда не владѣлъ этою землею.

Они сообщали, что весь народъ единодушно положилъ драться съ русскими на жизнь и на смерть, пока не выгонятъ русскихъ изъ своей земли. Они хвастались своимъ могуществомъ и искусствомъ въ горной войнѣ, храбростью сыновъ своихъ, мѣткостью стрѣльбы ихъ. Рѣчь свою старики кончили предложеніемъ русскимъ вернуться за Кубань и впредь жить съ ними въ добромъ сосѣдствѣ. На длинную рѣчь депутатовъ, принадлежавшихъ къ высшей черкесской аристократіи, Вель-

яминовъ отвѣчалъ коротко, объясняя, что онъ идетъ туда, куда велѣлъ ему бѣлый царь, и что если ему будутъ сопротивляться, то сами отвѣтственны за тѣ бѣдствія, которыя извѣдаютъ. Онъ замѣтилъ, что если наши воины и стрѣляютъ хуже, то за то на каждый выстрѣлъ враговъ отвѣтятъ сотнею пуль. Тѣмъ конференція и кончилась.

Оказалось, что скопище горцевъ было огромное, оно доходило до 10 тысячъ конныхъ и пѣшихъ. Лазутчики увѣдомили, что всѣ поклялись драться до послѣдней капли крови, а за тайныя сношенія съ русскими назначена смертная казнь. Нѣсколько дней бивуачные огни горцевъ видны были на большое пространство. Численность ихъ увеличивалась. Они ждали движенія русскаго отряда, чтобы удобнѣе напасть на него. Старый Вельяминовъ не трогался изъ лагеря, огражденнаго засѣкой. «Подождемъ, говорилъ онъ, у нихъ генералъ-интендантъ неисправный. Когда они поѣдятъ свое пшено и чужихъ барановъ, сами разойдутся». Такъ оно дѣйствительно и случилось, голодъ вынудилъ большинство удалиться. И только малая часть вела перестрѣлку съ нашественниками.

Русскіе войска двинулись по краю, въ который впервые вступили. По обѣимъ сторонамъ долины разбросаны были аулы. Вельяминовъ строжайше запретилъ жечь и грабить ихъ. Всѣ они оставлены были жителями.

Гребень Кавказскаго хребта образуетъ здѣсь глубокое сѣдло. Трудно вообразить себѣ что нибудь живописнѣе вида, который открывается съ перевала. Хребетъ въ этомъ мѣстѣ едва ли имѣетъ болѣе 5 тысячъ футовъ надъ поверхностью моря; южный его склонъ крутъ и изрѣзанъ глубокими балками, покрытыми лѣсами; впереди «какъ огромное воронье крыло» лежало Черное море съ горизонтомъ безъ предѣловъ. Роскошная растительность иногда доходила до самаго берега, далеко простирая свои вѣтви надъ зыбкою влагой.

У Чернаго моря чинара стоитъ молодая...

вспоминалъ потомъ прибрежную картину поэтъ нашъ,

По небу раскинула вѣтви она на просторѣ,
И корни ея умываетъ холодное море. [т. I, стр. 341].

По мѣрѣ движенія отряда край дѣлался болѣе гористымъ и дикимъ. Горцы стали насѣдать на боковыя прикрытія и особенно на арьергардъ, 23-го мая у горнаго перевала Вардобуй [Вуордовюё?] перестрѣлка не унималась. Начальникъ Лермонтова, генералъ Штейбенъ, получилъ тяжкія раны, отъ коихъ и умеръ. 24-го по рѣкѣ Дуабѣ, 25-го на рѣкѣ Пшадѣ были стычки, особенно во время фуражировки, сопряженной съ опасностями. 27-го мая, дойдя до устьевъ рѣки Пшада, отрядъ остановился, и Вельяминовъ приступилъ къ разбивкѣ укрѣпленія. Скука неподвижной жизни разнообразилась фуражировками и посылкой отрядовъ для рубки лѣса. При отрядѣ было до 2 т. лошадей, которыя требовали много сѣна. Привозимые изъ Тамани прессованные запасы его далеко неудовлетворяли нуждамъ. По мѣрѣ выкашиванія травы, за сѣномъ приходилось ходить все далѣе и далѣе по долинѣ Пшада и его притоковъ. Такія движенія дѣлались въ промежутки двухъ, трехъ дней, подъ прикрытіемъ 4-хъ или 5ти батальоновъ, съ 8-ю и 10 ю орудіями и сотней конныхъ казаковъ. Горцы всегда знали объ этомъ впередъ, и потому никогда такое движеніе необходилось безъ боя, болѣе или менѣе упорнаго.

Стоянка во время постройки укрѣпленія на Пшадѣ, возводимаго изъ сыраго кирпича и лѣса, длилась болѣе мѣсяца. Многіе офицеры коротали время кутежами и картежной игрой. Она была сильно развита и поддерживалась особенно тѣми изъ прикомандированныхъ къ отряду офицеровъ, которые были побогаче. Но были люди, не принимавшіе участія въ этихъ развлеченіяхъ, а работавшіе умственно и читавшіе серьезныя книги, которыя можно было добыть и въ этомъ удаленномъ уголкѣ среди лагерной и бивачной жизни[1]. Здѣсь находились лица весьма образованныя и интересныя, не послѣдними среди нихъ были и декабристы, которыхъ въ это время присылали на Кавказъ рядовыми послѣ пребыванія въ сибирской каторгѣ или на поселеніяхъ. Вельяминовъ относился къ декабристамъ внимательно и не дѣлалъ никакого различія между ни-

---

[1] Такъ можно было найти соч. Токвиля, Гизо, Минье [Русск. Арх. 1883 г., стр. 249] Лафатера, Галля и пр. Одоевскій передъ смертью въ палаткѣ своей на восточномъ берегу Черного моря зачитывался Шиллеромъ.

ми и офицерами. Многіе бывали у него въ солдатскихъ шинеляхъ. Въ Ставрополѣ и въ деревняхъ они носили гражданскую или черкесскую одежду, и никто не находилъ этого неправильнымъ. «Вообще—говоритъ генералъ Филипсонъ—Кавказскія войска имѣли очень своебразное и отчасти смутное понятіе о формѣ».

Лермонтовъ со всею страстностью натуры бросился испытывать волненія боевой жизни. Его интересовалъ и Кавказскій солдатъ, казакъ и горецъ, привлекала опасность. Онъ здѣсь находилъ матеріалы для своихъ произведеній. Надо полагать, что въ это время было имъ написано кое что, изъ чего многое пропало, потому что Лермонтовъ вообще не очень дорожилъ набросанными, гдѣ попало, стихами своими, а во вторыхъ, какъ замѣчаетъ гр. Ростопчина[1], фельдъегеря, черезъ которыхъ поэтъ посылалъ свои наброски, часто теряли ихъ. Военная боевая жизнь, вдохновивъ поэта, кажется побудила его вновь передѣлать стихотвореніе «Бородино», которое и было послано въ Петербургъ и напечатано въ 1837 году, въ VI т. Современника. Весьма можетъ статься, что поэтъ въ Кавказскихъ «Суворовскимъ» духомъ проникнутыхъ войскахъ и подслушалъ разговоръ стараго солдата, очевидца бородинской битвы, съ рекрутомъ и, по обычаю своему, все, что писалъ, брать изъ жизни, облекъ свое стихотвореніе въ форму діалога между старикомъ солдатомъ и рекрутомъ[2]. Здѣсь же среди походной жизни Лермонтовъ окончательно обработалъ «Пѣсню о Калашниковѣ» и выслалъ ее А. А. Краевскому, издававшему «Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду». Когда стихотвореніе обыкновеннымъ порядкомъ отправлено было въ цензуру, то цензоръ изданія нашелъ совершенно невозможнымъ дѣломъ напечатать стихотвореніе человѣка, только что сосланнаго на

---

[1] Гр. Растопчина о Лермонтовѣ: Русск. Стар. 1882 г., стр. 610.

[2] Что стихотвореніе это было написано не въ Петербургѣ, заключаю я изъ того, что Раевскій въ объяснительной запискѣ своей о стихахъ Лермонтова на смерть Пушкина, желая выгородить друга и выставить его патріотизмъ, выискиваетъ проникнутыя патріотизмомъ стихотворенія Михаила Юрьевича. Если бы «Бородино» было уже написано, онъ не преминулъ бы упомянуть о немъ вмѣстѣ съ другими.

Кавказъ за свой либерализмъ. Г. Краевскій обратился къ Жуковскому, который былъ въ великомъ восторгѣ отъ стихотворенія и, находя, что его непремѣнно надо напечатать, далъ г. Краевскому письмо къ министру народнаго просвѣщенія, въ вѣдѣніи коего находилась тогда цензура. Гр. Уваровъ, гонитель Пушкина, оказался на этотъ разъ добрѣе къ преемнику его таланта и славы. Найдя, что цензоръ былъ правъ въ своихъ опасеніяхъ, онъ всетаки разрѣшилъ печатаніе. Имени поэта онъ однако выставить не позволилъ, и «пѣсня» вышла съ подписью: —въ[1].

Однако Лермонтовъ попалъ въ экспедицію поздно. Ему пришлось изъ Геленджика ѣхать въ Грузію, гдѣ стоялъ Нижегородскій драгунскій полкъ. Что дѣлалъ Михаилъ Юрьевичъ на Кавказѣ въ служебномъ отношеніи, сказать трудно. Барономъ Розеномъ онъ былъ причисленъ къ эскадрону драгунъ, который долженъ былъ войти въ отрядъ Вельяминова и находиться на берегу Чернаго моря въ Оксалѣ, куда ждали Государя[2].

Раевскому поэтъ пишетъ, что странствовалъ много:

„Съ тѣхъ поръ, какъ выѣхалъ изъ Россіи, я находился въ безпрерывномъ странствованіи, то на перекладной, то верхомъ; изъѣздилъ линію всю вдоль отъ Кизляра до Тамани, переѣхалъ горы, былъ въ Шушѣ, въ Кубѣ, въ Шемахѣ, въ Кахетіи, одѣтый по черкесски, съ ружьемъ за плечами, ночевалъ въ чистомъ полѣ, засыпалъ подъ крикъ шакаловъ, ѣлъ чурекъ, пилъ кахетинское...“ [т. IV стр. 441].

Его странствія обошлись не безъ приключеній. Не разъ приходилось отстрѣливаться. Однажды онъ чуть не попался въ руки шайкѣ лезгинъ. По большой части онъ ѣздилъ верхомъ; но случалось и пѣшкомъ подниматься на высоты, или бродить съ карандашемъ и даже съ мольбертомъ, снимая виды[3].

---

1 Изъ разсказовъ г. Краевскаго. Тоже Пыпинъ, біогр. Лермонтова въ I т. его соч., изд. 1873 г., стр. LI. См. соч. т. II, стр. 301.

2 Письмо Лерм. къ Арсеньевой. т. IV. стр. 416.

3 Снимокъ Крестовой горы масляными красками, подаренный поэтомъ князю В. Одоевскому, съ помѣткою князя подаренъ былъ В. Ст. Перфильевой и ею уступленъ мнѣ, и находится теперь въ моей библіотекѣ.

„Я лазилъ, пишетъ Михаилъ Юрьевичъ, на снѣговую гору [Крестовая] на самый верхъ, что не совсѣмъ легко, оттуда видна половина Грузіи, какъ на блюдечкѣ, и право, я не берусь объяснить или описать этого чувства; для меня горный воздухъ—бальзамъ: хандра къ черту, сердце бьется, грудь высоко дышетъ, ничего не надо въ эту минуту".

Насколько участвовалъ Лермонтовъ въ экспедиціи Вельяминова, сказать трудно. Можно думать, что онъ отлучался изъ нея, что легко дозволяли офицерамъ для отдыха или леченія. Просматривая военныя дѣйствія экспедиціи 1837 года, видно, что они были главнымъ образомъ предприняты для постройки укрѣпленій. Такъ отрядъ съ 29 мая по 11 іюля занимался возведеніемъ Новотроицкаго укрѣпленія, а потомъ, послѣ трехдневнаго похода, съ 14 іюля по 31-ое возводили укрѣпленіе Михайловское. Мы имѣемъ письмо Лермонтова изъ Пятигорска отъ 18 іюля [т. IV стр. 416], слѣдовательно, онъ въ это время не былъ въ отрядѣ. Поэтому приходится относиться съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ послужному списку Михаила Юрьевича, въ коемъ говорится, что поэтъ былъ въ постоянныхъ стычкахъ и дѣлахъ съ непріятелемъ отъ 26 мая и до 29-го августа [1].

---

[1] Прилагая здѣсь выписку изъ послужнаго списка, считаю не лишнимъ замѣтить, что въ большинствѣ послужныхъ списковъ поэта говорится: «1837 года находился въ экспедиціи за Кубанью подъ начальствомъ ген.-лейт. Вельяминова, *въ какихъ же походахъ неизвѣстно*». Только въ послужномъ спискѣ, составленномъ уже въ полковомъ штабѣ Тенгинскаго полка въ 1840 году, когда Лермонтова представляли къ наградѣ за сраженіе подъ Валерикомъ, находился подробный перечень дѣлъ, въ коихъ Лермонтовъ участвовалъ въ 1837 году; это перечень, составленный, кажется, для полноты и наугадъ.—Ему вполнѣ довѣряться нельзя. Для полноты печатаемъ однако выписку изъ послужнаго списка:

«1837 года съ 21-го апрѣля, въ экспедиціи для продолженія береговой укрѣпленной линіи на восточномъ берегу Чернаго моря отъ крѣпости Геледжика до устья рѣки Вулана въ бывшихъ во время оной перестрѣлкахъ подъ командою генералъ маіора Штейбена при конвоированіи транспортовъ съ разными запасами изъ Ольгинскаго Тет-де-пона въ Абинское укрѣпленіе и обратно. Апрѣля 26-го на рѣкѣ Кунипсѣ, 29-го близъ Абина подъ комадною командовавшаго войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи генералъ-лейтенанта Вельяминова 2-го при слѣдованіи отряда изъ Ольгинскаго Тет-де-пона къ крѣпости Геледжику; мая 10-го въ сильной пере-

Въ началѣ сентября войска возвратились въ Геленджикъ, куда ожидали пріѣзда Императора Николая Павловича. Государь пріѣхалъ 22 го сентября со свитою на двухъ пароходахъ во время бури. Съ Государемъ былъ наслѣдникъ престола Александръ Николаевичъ, графъ Орловъ, Бенкендорфъ, и другіе. Несмотря на то, что свирѣпствовавшая буря привела лагерь въ страшный безпорядокъ и мѣшала общей стройности движеній, Государь остался доволенъ войсками, былъ милостивъ и размѣчалъ награды. Гр. Бенкендорфъ, помня просьбы бабушки поэта Арсеньевой и желая сдѣлать ей угодное, воспользовался случаемъ этимъ и ходатайствовалъ передъ Государемъ за Лермонтова [1]. Дѣйствительно, приказомъ даннымъ Государемъ въ Тифлисѣ въ 1837 году октября 11-го дня, Лермонтовъ переводился въ л.-гв. Гродненскій полкъ, стоявшій въ Новгородѣ.

Въ концѣ сентября отрядъ Вельяминова вернулся домой. Части войскъ были распущены на зимнія квартиры, осенняя экспедиція была отмѣнена. Весьма возможно, что теперь Лермонтовъ вновь принимается за странствованія свои по Кавказу или совершаетъ тѣ, о коихъ говорено выше. По крайней мѣрѣ пишетъ онъ о нихъ Раевскому въ концѣ октября изъ Пятигорска послѣ мѣсячнаго леченія отъ пріобрѣтеннаго во

стрѣлкѣ въ Гумбанскомъ лѣсу; 11-го на Богоіокской долинѣ; 12-го близъ Николаевскаго укрѣпленія; 17 го на долинѣ онаго; 23-го у перевала Ворродобуй, [Вурдовюè] [?]; 24-го на рѣкѣ Дуабъ; 25-го на рѣчкѣ Пшадѣ и на бывшихъ фуражировкахъ около сей рѣчки; мая 29-го, іюня 2-го, 5-го и 22-го въ дѣлѣ при сожженіи контрабандныхъ турецкихъ суденъ на рѣчкѣ Шапсухо, подъ командою капитана 1-го ранга Серебрякова при движеніи изъ Новотроицкаго укрѣпленія къ рѣчкѣ Вуланъ; іюля 11-го въ ущельѣ Каріокъ; 12-го при урочищѣ Шапсухо; 13-го при урочищѣ Чесчуашъ; 14-го на рѣчкѣ Вуланъ при построеніи Михайловскаго укрѣпленія во время фуражировокъ на рѣчкѣ Вуланъ; іюля 31-го, августа 2-го, 23-го и 26-го при возвращеніи отряда къ крѣпости Геледжику; сентября 2-го, 3-го, 4-го, 5-го, 6-го и 7-го чиселъ при слѣдованіи къ берегамъ рѣки Кубани и въ бывшихъ перестрѣлкахъ съ 25-го по 29-е число того же мѣсяца».

[1] Явствуетъ изъ отношенія Бенкендорфа къ военному министру гр. Чернышеву отъ 27 марта 1838 года по поводу перевода Лермонтова изъ Новгорода въ л.-гв. Гусарскій полкъ въ Царскомъ селѣ [см. ниже].

время ночевокъ на открытомъ воздухѣ сильнаго ревматизма [1]: „простудившись дорогой, я пріѣхалъ на воды весь въ ревматизмахъ; меня на рукахъ вынесли люди изъ повозки, я не могъ ходить; въ мѣсяцъ меня воды совсѣмъ поправили; я никогда не былъ такъ здоровъ"... и т. д.

Михаилъ Юрьевичъ до отъѣзда въ Россію побывалъ въ мѣстахъ, которыя видѣлъ въ дѣтствѣ: такъ онъ погостилъ въ Шелкозаводскѣ, имѣніи, принадлежавшемъ Акиму Акимовичу Хостатову, сыну родной сестры бабушки Арсеньевой, Екатерины Алексѣевны. Хостатовъ этотъ былъ извѣстный всему Кавказу храбрецъ, похожденія его переходили изъ устъ въ уста. Это былъ удалецъ, достойный сынъ мужественной матери, разсказы которой такъ сильно возбуждали воинственный духъ маленькаго Лермонтова [2]. Случаи изъ жизни Акима Акимовича и теперь поражали Михаила Юрьевича, они послужили ему матеріаломъ, коимъ онъ воспользовался немного позднѣе. Въ основаніи разсказа «Бэла» лежитъ происшествіе, бывшее съ Хостатовымъ, у котораго дѣйствительно жила татарка этого имени. Точно также «Фаталистъ» списанъ съ происшествія, бывшаго съ Хостатовымъ въ станицѣ Червленой [3].

Старая Военногрузинская дорога, слѣды коей видны и понынѣ, своими красотами и цѣлой вереницей легендъ особенно поразила поэта. Легенды эти были ему извѣстны уже съ дѣтства, теперь онѣ возобновились въ его памяти, вставали въ фантазіи его, укрѣпляясь въ памяти вмѣстѣ съ то могучими, то роскошными картинами кавказской природы. Вотъ тутъ-то зародилась въ Михаилѣ Юрьевичѣ мысль перенести мѣ-

---

1 Что письмо это [т. V стр. 440] писано въ концѣ октября, явствуетъ изъ того, что Лермонтовъ пишетъ въ немъ, что переведенъ въ Гродненскій полкъ, о чемъ приказъ былъ подписанъ въ Тифлисѣ 11-го октября, а напечатанъ и разосланъ позднѣе.

2 См. выше, гл. II, стр. 29

3 По крайней мѣрѣ эпизодъ, гдѣ Печоринъ бросается въ хату пьянаго разсвирѣпѣвшаго казака, произошелъ съ Хостатовымъ. Все это слышалъ я отъ Акима Павловича Шанъ-Гирея.—Г. Хохряковъ говоритъ, что слышалъ отъ Св. Аѳ. Раевскаго, будто «Фаталистъ» истинное происшествіе, въ коемъ участвовали самъ Лермонтовъ и Монго Столыпинъ. Едва ли это такъ. Или же, быть можетъ, оба друга были лишь свидѣтелями случая, изображеннаго въ Вуличѣ, выстрѣлившемъ въ себя.

сто дѣйствія любимой его поэмы «Демонъ» на Кавказъ. До сей поры оно было въ Испаніи [подробности объ этомъ читатель найдетъ въ III томѣ, на стр. 118 и далѣе].

Въ Ставрополѣ Лермонтовъ познакомился съ кружкомъ декабристовъ, находившихся въ отличныхъ отношеніяхъ съ докторомъ Н. В. Майеромъ. Майеръ былъ замѣчательный человѣкъ, группировавшій около себя лучшихъ людей и имѣвшій на многихъ самое благотворное вліяніе. Зимой Майеръ проживалъ въ Ставрополѣ, а лѣтомъ на минеральныхъ водахъ. Онъ сдѣлался очень извѣстнымъ практическимъ врачемъ и особенно на водахъ имѣлъ огромную и лучшую практику. Въ общественныхъ удовольствіяхъ онъ не участвовалъ, но можно было быть увѣреннымъ,что всегда встрѣтишь его въ кругу людей образованныхъ и порядочныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ и человѣкомъ свѣтскимъ. Во всякомъ обществѣ его нельзя было не замѣтить. Умъ и огромная начитанность вмѣстѣ съ какимъ то аристократизмомъ образа мыслей и манеръ невольно привлекали къ нему. Онъ прекрасно владѣлъ русскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ языками и, когда былъ въ духѣ, говорилъ остроумно, съ живостью и душевною теплотою. Майеръ имѣлъ много успѣховъ у женщинъ и этимъ, конечно, былъ обязанъ не физическимъ своимъ достоинствамъ. Небольшаго роста, съ огромной угловатой головой, на которой волосы стригъ подъ гребенку, съ чертами лица неправильными, худощавый и хромой—у него одна нога была короче другой—Майеръ нисколько не былъ похожъ на типъ гостиннаго ловеласа, но въ его добрыхъ и свѣтлыхъ глазахъ было столько симпатичнаго, въ его разговорѣ было столько ума и души, что становится понятнымъ сильное и глубокое чувство, которое онъ внушалъ къ себѣ нѣкоторымъ замѣчательнымъ женщинамъ. Характеръ его былъ неровный и вспыльчивый; нервная раздражительность и какой-то саркастическій оттѣнокъ его разговора навлекали ему иногда непріятности, но не лишили его ни одного изъ близкихъ друзей, которые больше всего цѣнили его искренность и честное прямодушіе. Преданность друзьямъ однажды едва не погубила его. Въ третій годъ бытности на Кавказѣ онъ очень сблизился съ А. Бесту-

жевымъ [Марлинскимъ] и съ С. Палицынымъ—декабристами, которые изъ каторжной работы были присланы на Кавказъ служить рядовыми. Полевой прислалъ Бестужеву бѣлую пуховую шляпу, которая тогда въ западной Европѣ служила признакомъ карбонара. Доносъ о такомъ важномъ событіи обратилъ на себя особенное вниманіе занимавшаго должность губернскаго жандармскаго штабъ-офицера. При обыскѣ квартиры, въ которой жилъ Майеръ, Бестужевъ и Палицынъ, шляпа найдена въ печи. Майеръ объявилъ, что она принадлежала ему, основательно соображая, что въ противномъ случаѣ, кто нибудь изъ его товарищей могъ отправиться обратно въ Сибирь. За эту дружескую услугу, по распоряженію высшаго начальства, Майера выдержали полгода подъ арестомъ въ Темнелѣсской крѣпости [1]. Но генералъ Вельяминовъ отнесся къ этому случаю совершенно равнодушно и сохранилъ къ Майеру прежнее свое расположеніе.

Съ этого доктора Майера Лермонтовъ списалъ въ повѣсти своей «Княжна Мери» доктора Вернера, съ которымъ Печоринъ тоже знакомится въ С., т. е. Ставрополѣ [2].

О вліяніи, которое Майеръ имѣлъ на окружавшихъ его людей, можно судить по тому, что разсказываетъ о себѣ Григорій Ив. Филипсонъ, бывшій попечитель С.-Петербургскаго округа, а въ то время офицеръ генеральнаго штаба, исправлявшій должность оберквартирмейстера отряда: «Черезъ Майера и у него я познакомился со многими декабристами, которые по разрядамъ присылались изъ сибири рядовыми въ войска Кавказскаго корпуса. Изъ нихъ князь Валеріанъ Михайловичъ Голицынъ жилъ въ одномъ домѣ съ Майеромъ и былъ нашимъ постояннымъ собесѣдникомъ. Это былъ человѣкъ замѣчательнаго ума и образованія. Аристократъ до мозга костей, онъ былъ бы либеральнымъ вельможей, если бы судьба не забросила его въ Сибирскіе рудники. Казалось бы, у него не могло быть рѣзкихъ противорѣчій съ политическими и религіозными убѣжденіями Майера, но это было напротивъ. *Оба одинаково*

[1] Записки генерала Филипсона.

[2] Любопытно сравнить описаніе Майера съ тѣмъ, что говоритъ о Вернерѣ Печоринъ: т. V, стр. 257.

любили парадоксы и одинаково горячо ихъ отстаивали. Спорамъ не было конца, и нерѣдко утренняя заря заставала насъ за нерѣшеннымъ вопросомъ. Эти разговоры и новый для меня взглядъ на вещи заставилъ меня устыдиться моего невѣжества. Въ эту зиму и въ слѣдующую я много читалъ, и моими чтеніями руководилъ Майеръ. Я живо помню это время. Исторія человѣчества представилась мнѣ совсѣмъ въ другомъ видѣ. Давно извѣстные факты совсѣмъ иначе освѣтились. Великія событія и характеры Англійской и особенно Французской революціи приводили меня въ восторженное состояніе».

Можно себѣ представить, какъ такой человѣкъ и окружающіе его люди должны были повліять на 22 лѣтняго юношу поэта. Высланный изъ Петербуга, гдѣ онъ старался проникнуть въ общество людей развитыхъ, Лермонтовъ находитъ отборный кругъ ихъ въ горахъ Кавказа, среди дивной, пробудившей его поэтическій даръ природы, среди болѣе свободныхъ условій жизни. Отъ этой атмосферы нравственное состояніе должно было очиститься. Условія должны были благотворно повліять на впечатлительную душу, на большой и образованный, хоть и молодой еще умъ Михаила Юрьевича. Его кругозоръ расширился, убѣжденія окрѣпли, смутное недовольство пошлостью общества, среди котораго онъ находился въ Петербургѣ и коимъ все-таки увлекался, стало для него теперь сознательнымъ. Онъ сталъ шире понимать назначеніе писателя и, выходя изъ сферы личнаго, стремился глубже затронуть типъ людей — продуктъ слабости и недостатковъ своего времени. Задуманныя прежде произведенія были имъ брошены, или стали видоизмѣняться и выработываться въ болѣе глубокія и сознательныя творенія. Вотъ почему онъ пишетъ другу и сотруднику своему Раевскому, что не можетъ продолжать романа, который они сообща начали въ Петербургѣ. Обстоятельства измѣнились. Это былъ неоконченный романъ «Княгиня Лиговская», въ которомъ впервые смутно еще вырисовывается типъ Печорина. Эта перемѣна въ развитіи Лермонтова и обусловливаетъ то недовольство, которое онъ испытывалъ въ петербургскомъ обществѣ по возвращеніи въ него

съ Кавказа, и то желаніе, которое руководитъ его стремленіями вернуться туда обратно. Встрѣча съ такими людьми, какъ Майеръ и друзья его декабристы, должна была вызвать сравненіе прежняго поколѣнія съ тѣмъ, что окружало его теперь, представляя «лучшее общество» и породить «Думу», единственное лирическое произведеніе, написанное поэтомъ въ 1838 году по возвращеніи съ Кавказа. Начинается оно мрачными словами: «Печально я гляжу на наше поколѣніе» и также мрачно оканчивается. Кавказъ и люди, съ коими встрѣтился на немъ поэтъ, были звеномъ, связавшимъ его съ тѣми элементами, среди коихъ жилъ и слагался въ молодые годы умъ великаго Пушкина, столь страстно почитаемаго Михаиломъ Юрьевичемъ. Ему наконецъ пришлось столкнуться съ тѣми серьезными людьми, которыхъ такъ недоставало ему въ трудную и пустынную эпоху, въ которую приходилось развиваться даровитому юношѣ [1].

---

[1] Удивительно, что Филипсонъ [Р. Арх. 1883 г. III, 315], съ неудовольствіемъ говорящій о Лермонтовѣ, замѣчаетъ: «не могу понять, какъ могъ Лермонтовъ въ своихъ *воспоминаніяхъ* написать, что онъ былъ при кончинѣ Одоевскаго. Его не было не только въ отрядѣ на Псезуаппе, но и даже на всемъ берегу Чернаго моря». Филипсонъ отрицаетъ знакомство Лермонтова съ кн. Одоевскимъ.—Лермонтовъ прежде всего не писалъ никакихъ воспоминаній, а только въ знаменитомъ стихотвореніи: «Памяти Одоевскаго» говоритъ объ его кончинѣ 1839 г., нигдѣ не утверждая, что онъ присутствовалъ при ней.—Мы видѣли, что Лермонтовъ былъ на берегу Чернаго моря, а что хорошо зналъ Одоевскаго, видно хоть бы изъ показанія Розена. [Записки декабриста стр. 364]—Невниманіе Г-на Филипсона къ Лермонтову можно, быть можетъ, объяснить нѣкоторою своеобразностію его взгляда. Такъ, говоря о декабристахъ, А. Бестужевѣ [Марлинскомъ] и С. Палицынѣ, стр. 179, жившими съ Майеромъ и имъ уважаемыми, онъ замѣчаетъ: «*оба они* [т. е. Бестужевъ и Палицынъ] *были люди легкомысленные и тщеславные* и во всѣхъ отношеніяхъ не стоили Майера».Можетъ быть, это и такъ, но только, какъ понимать дружбу и уваженіе къ нимъ Майера, о которомъ самъ г. Филипсонъ говоритъ съ такимъ почтеніемъ и коего считаетъ своимъ учителемъ, на пути умственнаго развитія и образованности. Вѣроятно Бестужевъ заслуживалъ лучшей характеристики и говоря о немъ отдѣлываться лишь замѣчаніемъ объ его «легкомысліи» и тщеславности, по меньшей мѣрѣ поверхностное сужденіе. О Бестужевѣ мы имѣемъ свидѣтельство людей, которымъ самъ г. Филипсонъ не откажетъ въ уваженіи, и эти свидѣтельства вполнѣ объясняютъ дружбу къ Бестужеву Майера.

Полный смутныхъ чувствъ выѣзжаетъ Михаилъ Юрьевичъ изъ Кавказа. «Скучно ѣхать въ новый полкъ, пишетъ онъ Раевскому, я совсѣмъ отвыкъ отъ фронта и серьезно думаю выйти въ отставку». У него составляются планы ѣхать на Востокъ: въ Персію, въ Мекку, или проситься въ Хиву, куда снаряжалась экспедиція Перовскаго.

Но и родина Москва манила къ себѣ поэта. Пребываніе на Кавказѣ, вновь сблизивъ его съ идеалами юности, въ эпоху московской жизни, воскресило передъ нимъ съ новою силою образъ дорогой женщины, любовь къ которой онъ сохранилъ до ранней могилы своей. Она его вдохновляла и оберегала. Какъ-то онъ съ нею встрѣтится? Такая ли она, какою представлялась ему. обновленному изгнаніемъ?

Творя молитву при видѣ Казбека на рубежѣ перевала за Кавказскія горы, поэтъ говоритъ:

Молю, чтобъ буря не застала,
Гремя въ нарядѣ боевомъ,
Въ ущельѣ мрачнаго Дарьяла
Меня съ измученнымъ конемъ.
Но есть еще одно желанье...
Боюсь сказать.... душа дрожитъ....
Что... если я со дня изгнанья
Совсѣмъ на родинѣ забытъ!
Найду-ль тамъ прежнія объятья?
Старинный встрѣчу ли привѣтъ?....

[т. I, стр. 267

ЧАСТЬ III.

Зрѣющій человѣкъ и поэтъ.

ГЛАВА XIV.

Любовь.

Лермонтовъ въ кругу молодыхъ женщинъ.—Варвара Александровна Лопухина. —Показанія Шанъ-Гирея.—Варенька въ произведеніяхъ поэта: въ лирикѣ, поэмахъ и драмахъ.—Колебанія.—Померкнувшій образъ.—Извѣстіе о замужествѣ.—Месть посредствомъ литературныхъ произведеній. —Примиреніе съ Варенькой.—Мужъ Вареньки.—Страданія Варвары Александровны.—Раскаяніе Лермонтова.—Смерть.

Пребываніе на Кавказѣ, все пережитое Лермонтовымъ въ Петербургѣ и по высылкѣ изъ него, само по себѣ еще не совершило перелома въ его характерѣ. Пора поговорить объ одномъ обстоятельствѣ, которое, играя важную роль въ жизни каждаго человѣка, особенно знаменательно для судьбы и таланта лирическаго поэта. Мы разумѣемъ отношеніе къ женщинѣ. Для разъясненія весьма серьезнаго эпизода любви Лермонтова, намъ придется вернуться къ первой эпохѣ юности поэта и затѣмъ забѣжать впередъ, быть можетъ нѣсколько нарушая послѣдовательный ходъ нашего разсказа.

Когда Мишель привезенъ былъ въ Москву и вступилъ въ университетскій пансіонъ полупансіонеромъ, Арсеньева жила съ нимъ на малой Молчановкѣ, въ домѣ Чернова, гдѣ постоянно собиралось общество молодежи, преимущественно дѣвицъ изъ большаго круга родныхъ и свойственниковъ. Дѣвушекъ сопровождали маменьки и тетушки.— Всѣ относились

съ уваженіемъ къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, всѣ именовали ее «бабушкой» и восхищались баловнемъ Мишелемъ, наслѣдникомъ ея, центральнымъ огонькомъ, около котораго ютились жизнь и интересы [ср. гл. VII стр. 125]. Описывая въ автобіографической повѣсти своей «Княжна Лиговская» дѣтство Печорина, Лермонтовъ говоритъ, какъ до двѣнадцатилѣтняго возраста Печоринъ жилъ въ Москвѣ, «*окруженный двадцатью тысячами московскихъ тетушекъ*» [Т. V, стр. 150].

Всѣ дѣвушки, посѣщавшія Арсеньеву, носили общее названіе «кузинъ», хотя иногда представляли совершенно иную степень родства или даже и совершенно не приходились родственницами. Въ сосѣдствѣ съ Арсеньевой жила семья Лопухиныхъ, старикъ отецъ, сынъ Алексѣй и три дочери, изъ коихъ съ Марьей и Варварой Александровнами Мишель былъ особенно друженъ и рѣдкій день не бывалъ у нихъ. Мы уже говорили о томъ [стр. 213], какое значеніе имѣло для Лермонтова по преимуществу женское общество, среди коего онъ жилъ.

Вліяніе отдѣльныхъ лицъ было разное и различно отражалось на зыбкой натурѣ юноши. Поэтическое увлеченіе девятилѣтней дѣвочкой на Кавказѣ и затѣмъ двоюродной сестрою Анной Столыпиной, въ московскій періодъ, уступало порою мѣсто менѣе идеальнымъ порывамъ. Такъ юноша временно увлекся одною изъ трехъ сестеръ Бахметевыхъ [стр. 95]—Софьей Александровной. Она была старше Михаила Юрьевича, любила молодежь и разныя ея похожденія, именовала сорванцовъ, среди коихъ въ Москвѣ пошаливалъ и Лермонтовъ, «ma bande joyeuse» [1], и веселая, увлекающаяся сама, увлекла—но ненадолго и Мишеля. Онъ называлъ ее «*легкой*, легкой какъ пухъ!» Взявъ пушинку въ присутствіи Софьи Александровны, онъ дулъ на нее, говоря: «это Вы—Ваше Атмосфераторство!» [2]

---

1 Въ письмѣ къ ней [т. V, стр. 381] Лермонтовъ подписывался: «Членъ Вашей bande joyeuse M. Lerma». Въ «Княгинѣ Лиговской» стр. 151 говорится: «Печоринъ съ товарищами являлся на всѣхъ гуляньяхъ. Держась подъ руки, они прохаживались между вереницами каретъ, къ великому соблазну квартальныхъ... Въ Москвѣ, гдѣ прозванія еще въ модѣ, прозвали ихъ: la bande joyeuse».

2 Разсказы А. П. Шанъ-Гирея. Сравни тоже письмо къ ней, т. V, стр. 379.

Также не надолго увлекся онъ и кокетливой Катей Сушковой --Miss Black eyes—[выше, стр. 98], надъ которой потомъ, въ Петербургѣ, такъ жестоко насмѣялся въ отместку за прежнее ею ему причиненное страданіе [стр. 204].

Всѣ эти мимолетныя привязанности поблѣднѣли передъ глубокою и искреннею любовью, которая, начавшись въ эти же молодые годы и пройдя черезъ нѣсколько фазисовъ, укрѣпилась и стала въ жизни поэта свѣтлымъ маякомъ, къ коему онъ всегда прибѣгалъ во время тяжкой борьбы, среди житейскихъ и душевныхъ бурь. Еще незадолго до смерти своей поэтъ, обращаясь къ любимой имъ женщинѣ, именуетъ ее своимъ идеаломъ, своей «Мадонной»!

Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ явилась ты,
Моя любовь—мнѣ оборона
Отъ гордыхъ думъ и суеты. [Т. III, стр. 4].

Лицо, имъ столь любимое, это—Варвара Александровна Лопухина [1]. Она была однихъ лѣтъ съ поэтомъ. Родилась тоже въ

---

1 Изучая жизнь Лермонтова, я давно пришелъ къ убѣжденію, что надъ нимъ господствовала глубокая и потому чистая и возвышенная страсть— источникъ наслажденія и горя. Въ 1880 году я наконецъ отъ родственниковъ любимой имъ женщины, живущихъ въ средней полосѣ Россіи, получилъ первыя точныя свѣдѣнія объ ея отношеніяхъ къ поэту. Но я долженъ былъ дать обѣщаніе молчать. Вскорѣ изъ Штутгарта я получивъ данныя изъ писемъ и воспоминаній умершей Саши Верещагиной, въ замужествѣ Гюгелъ [кое что объ этомъ въ статьѣ моей по поводу «Княгини Лиговской»,—Русск. Вѣстн. 1882 г. Мартъ], даже и портретъ Варвары Александровны, рисованный самимъ поэтомъ. Въ 1881 году въ Пятигорскѣ мнѣ кое-что сообщилъ А. П. Шанъ-Гирей. Затѣмъ черезъ третье лицо я получилъ нѣкоторыя данныя отъ г. Бахметева, мужа Варвары Александровны, и другихъ лицъ, между прочимъ, отъ графини Т., ея родственницы и близкой пріятельницы. Въ виду большаго количества собраннаго отъ разныхъ лицъ матеріала, я не считаю себя обязаннымъ все еще хранить въ секретѣ отношенія Лермонтова къ Варварѣ Алекс. Лопухиной, тѣмъ болѣе, что они самаго идеальнаго характера.—Да на конецъ это было бы странно, такъ какъ въ разсказахъ о Лермонтовѣ А. П. Шанъ Гирея, напечатанныхъ Д. А. Столыпинымъ въ «Русскомъ Обозрѣніи», [августъ, 1890 г.] на стр. 729, имя Лопухиной названо. Предъявленное ко мнѣ еще не такъ давно требованіе родственницы Варвары Александровны, чтобы я въ біографіи М. Ю. Лермонтова не называлъ ея

1814 году. Равенство лѣтъ и было, между прочимъ, причиною многихъ страданій для Михаила Юрьевича, потому что Варенька по годамъ своимъ уже была членомъ общества, когда ровесникъ ея, Мишель, все еще считался ребенкомъ. И когда за Варенькой ухаживали въ московскихъ салонахъ, Мишель считался школьникомъ, на чувство коего къ дѣвушкѣ никто и не думалъ обращать серьезнаго вниманія. Да и серьезность чувства развилась уже впослѣдствіи Лермонтовъ самъ замѣчаетъ, что «впечатлѣнія, сначала легкія, постепенно врѣзывались въ его умъ все глубже и глубже, такъ что впослѣдствіи эта любовь пріобрѣла надъ его сердцемъ право давности, священнѣйшее изъ всѣхъ правъ человѣчества».

Знакомые другъ съ другомъ съ ранняго дѣтства, любовь ихъ имѣла характеръ неясный, колеблясь между братскимъ чувствомъ и влюбленностью. Варенька не всегда могла услѣдить за капризнымъ, измѣнчивымъ, зыбкимъ настроеніемъ поэта, требовавшаго отъ нея, то нѣжности сестры, то страстнаго чувства. Она же казалась ему измѣнчивой, непонимающей его, и въ стихотвореніяхъ къ ней отразились всѣ колебанія чувства, отъ нѣжнѣйшей привязанности до горькихъ упрековъ, до выраженія ревности, негодованія, вспышекъ ненависти, но во всякомъ случаѣ непритворнаго душевнаго страданія. Еще въ 1830 году, во время хожденія большимъ обществомъ на богомолье, Лермонтовъ, впервые сознавъ любовь свою къ Варварѣ Александровнѣ, воспользовался случаемъ съ нищимъ, которому кто-то въ протянутую руку вмѣсто хлѣба положилъ камень, написалъ:

Такъ я молилъ твоей любви
Съ слезами горькими, съ тоскою;
Такъ чувства лучшія мои
На вѣкъ обмануты тобою. [т. I, стр. 125].

имени, не можетъ быть мною уважено. Тоже и заявленіе со стороны П. И. Бартенева, по просьбѣ другихъ родственниковъ, чтобы я полностью не помѣщалъ писемъ поэта къ Марьѣ Александровнѣ Лопухиной, уважено мною не можетъ быть, такъ какъ эти письма впервые явившіяся на столбцахъ Русскаго Архива, *полностію* напечатаны г. Ефремовымъ еще въ изданіи 1887 года.

Въ 1830 году, подъ гнетомъ ревности и отчаянія, юноша даже мечтаетъ о томъ, чтобы, бросивъ университетъ, поступить юнкеромъ въ гусарскій полкъ и на поляхъ битвы во время польской компаніи сложить свою голову, или скорѣе добраться до независимаго общественнаго положенія. Но останется ли она ему вѣрна? Михаилъ Юрьевичъ написалъ тогда стихотвореніе «Гость», которое намекаетъ на его отношенія къ Варенькѣ. Калмаръ уѣзжалъ на войну, Кларисса клянется, что останется вѣрна:

„Вотъ поцѣлуй послѣдній мой,
Съ тобою въ храмъ и въ гробъ съ тобой".

Но Кларисса не сдержала обѣщаній. Съ новою весною она стала невѣстою другого. На свадебный пиръ является никому неизвѣстный гость. Онъ не ѣстъ, не пьетъ, его шеломъ избитъ въ бояхъ. То былъ Калмаръ, павшій на полѣ чести и явившійся наказать клятвопреступницу. Онъ, какъ въ знаменитой балладѣ Бюргера «Леонора», дважды переведенной Жуковскимъ, уноситъ невѣсту съ собой въ могилу. Это весьма слабое стихотвореніе [т. I, стр. 159] можно считать первымъ наброскомъ стихотворенія «Любовь мертвеца» [1].

Когда и при какихъ условіяхъ зародилась эта любовь, мы знать не можемъ. Близкій свидѣтель отношеній Лермонтова къ Варенькѣ разсказываетъ: «Будучи студентомъ, онъ [Лермонтовъ] былъ страстно влюбленъ, но не въ Миссъ Блэкъайзъ [т. е. Катю Сушкову], а въ молоденькую, милую, умную, и какъ день въ полномъ смыслѣ восхитительную В. А. Лопухину; это была натура пылкая, восторженная, поэтическая и въ высшей степени симпатичная. Какъ теперь помню ея ласковый взглядъ и свѣтлую улыбку; ей было лѣтъ 15—16, мы же были дѣти и сильно дразнили ее; у ней на лбу [надъ бровью] чернѣлось маленькое родимое пятнышко, и мы всегда приставали къ ней, повторяя: «у Вареньки родинка, Варенька уродинка», но она, добрѣйшее созданіе, никогда не серди-

[1] Т. I, стр. 315. Тотъ же мотивъ слышится и въ стихотвореніи «28 сентября», стр. 189.—См. выше, стр. 150.

лась.—Чувство къ ней Лермонтова было безотчетно, но истинно и сильно, и едва ли не сохранилъ онъ его до самой смерти своей, не смотря на нѣкоторыя послѣдующія увлеченія, но оно не могло набросить—и не набросило—мрачной тѣни на его существованіе, напротивъ: въ началѣ своемъ оно возбудило взаимность, впослѣдствіи, въ Петербургѣ, въ гвардейской школѣ, временно заглушено было новою обстановкой и шумною жизнью юнкеровъ тогдашней школы, по вступленіи въ свѣтъ—новыми успѣхами въ обществѣ и литературѣ; но мгновенно и сильно пробудилось оно при неожиданномъ извѣстіи о замужествѣ любимой женщины; въ то время о байронизмѣ не было уже и помину».

О томъ, какъ Лермонтовъ въ своихъ произведеніяхъ отмѣчалъ перипетіи первой пробудившейся любви къ Варенькѣ, нами было говорено выше [гл. VIII]; но и въ 1836 году, въ неоконченномъ романѣ «Княгиня Лиговская» онъ въ главѣ V описываетъ вспыхнувшее чувство любви въ «Вѣрѣ» и «Жоржѣ»,—два имени, которыя мы не безъ основанія могли бы замѣнить Варей и Мишелемъ.

До какой степени еще и тогда творчество Лермонтова истекало изъ переживаемаго и какъ онъ рисовалъ героевъ своихъ съ натуры, можно видѣть изъ того, что въ томъ же 1836 году, когда писалъ онъ «Княгиню Лиговскую», онъ нарисовалъ акварелью и портретъ Вареньки Лопухиной, тогда уже вышедшей за Бахметева, совершенно въ такомъ видѣ и костюмѣ, въ какомъ описывается Вѣра въ романѣ: «молодая женщина въ утреннемъ атласномъ капотѣ и блоновомъ чепцѣ сидѣла небрежно на диванѣ»[1]. Но еще и до романа «Княгиня Лиговская» Лермонтовъ не разъ изображалъ любовь свою къ Варенькѣ въ произведеніяхъ своихъ. Такъ поэма «Демонъ», особенно въ первыхъ очеркахъ, вся проникнута изображеніемъ душевныхъ бурь поэта и его любви къ чудной дѣвушкѣ, отъ

---

[1] Т. V стр. 146 и 147. О портретѣ этомъ сообщено мною въ мартовской кн. «Русскаго Вѣстника» за 1882 г., стр. 337 и копія съ портрета въ уменьшенномъ видѣ находится въ статьѣ моей о «Валерикѣ» въ «Истор. Вѣстн.» за 1885 г. т. XIX, стр. 5.

коей онъ ждалъ спасенія, въ коей видѣлъ для себя оплотъ противъ мрачныхъ думъ и настроеній души. Въ себѣ видѣлъ поэтъ мрачнаго демона, въ Варенькѣ ясное, безгрѣшное существо, которое одно можетъ вернуть его къ небесамъ, т. е. къ правдѣ и добру. Сказаніе, слышанное имъ еще ребенкомъ на Кавказѣ, о любви демона [горнаго духа] къ непорочной дѣвушкѣ, отъ которой ждалъ онъ для себя обновленія и возврата къ свѣту и счастію, кажется ему, вполнѣ выражало то состояніе, въ коемъ онъ находился. И подъ гнетомъ семейныхъ драмъ между отцомъ и бабушкой, и подъ вліяніемъ мрачной байроновской музы, очаровавшей юношу-поэта, пишетъ онъ въ 1829, 30 и 31 году излюбленную поэму, въ коей рисуетъ любовь демона къ чистой дѣвушкѣ, то есть свою любовь къ Варенькѣ. Вѣдь еще раньше въ лирическомъ стихотвореніи онъ говорилъ про себя: «Собранье золъ—его стихія»... [т. I, стр. 45].

Преувеличенія мрачности духа побудили Лермонтова около того же времени въ «Горбачѣ-Вадимѣ» [т. V, стр. I] попытаться въ прозѣ выразить то, что неудовлетворяло его въ очеркахъ вышеназванной поэмы. Самую поэму, вновь и вновь передѣлывая, онъ посвящаетъ Варенькѣ, уже со второго очерка 1830 года. Удаляясь воображеніемъ въ страну предковъ своихъ — въ Испанію [см. выше, стр. 56], Михаилъ Юрьевичъ и мѣсто дѣйствія «Демона» переноситъ туда же; женщина же, которую любилъ демонъ, является въ образѣ испанки монахини. При этомъ поэтъ тушью нарисовалъ эту испанку-монахиню, придавая ей черты Вареньки [1].

Любовь Михаила Юрьевича къ Варенькѣ жила и развивалась подъ разными настроеніями. Молодой человѣкъ самъ себѣ не могъ дать яснаго отчета въ чувствѣ своемъ; то полный восторженной радости, то мрачнаго отчаянія, ревности или

---

[1] Изъ разсказовъ Шанъ-Гирея.--Графиня Берольдингенъ [дочь Саши Верещагиной] сообщаетъ намъ, что мать ея ей говорила, что рисунокъ испанская монахиня, рисованный Лермонтовымъ, есть портретъ той дѣвушки, которую поэтъ любилъ потомъ всю жизнь. Сравн. тоже, что говорится въ сочин. Лерм., т. III, стр. 116—118, въ статьѣ по поводу «Демона».

презрѣнія, онъ и отходилъ и вновь возвращался къ любимому предмету, полный стыда и отчаянія:

Какъ духъ отчаянья и зла
Мою ты душу обняла;
О, для чего тебѣ нельзя
Ее совсѣмъ взять у меня?
Моя душа—твой вѣчный храмъ;
Какъ божество твой образъ тамъ;
Не отъ небесъ, лишь отъ него—
Я жду спасенья своего [т. I, стр. 53]....

или же, когда его брала досада и подозрѣніе, что Варенька заинтересовалась другимъ, онъ восклицалъ:

Я не унижусь предъ тобою:
Ни твой привѣтъ, ни твой укоръ
Не властны надъ моей душою.
Знай, мы чужіе съ этихъ поръ..... [стр. 68].

А затѣмъ имъ опять овладѣвала досада на себя, и онъ рвался къ ней:

О вымоли ея прощенье,
Пади, пади къ ея ногамъ.
Не то—ты приготовишь самъ
Свой адъ, отвергнувъ примиренье. [стр. 138].

Думая заглушить любовь къ Варенькѣ инымъ чувствомъ, увлеченіемъ къ другимъ, ему все же приходится сознаваться, что другой онъ любить не можетъ: «я не могу другой любить» [стр. 140], что «у ногъ другихъ не могъ забыть онъ блескъ ея очей!» [стр. 186]. Когда же Вареньку окружали поклонники, и ему, мрачно наблюдавшему за нею въ углу залы или гостиной, она бросала взоръ любви и пріязни, наполнявшей свѣтлою надеждой все его существо, онъ торопился писать ей менѣе пасмурно:

„Не вѣрь хваламъ и увѣреньямъ,
Неправдой истину зови,
Зови надежду сновидѣньемъ,
Но вѣрь, о вѣрь моей любви!
Твоей любви нельзя не вѣрить,
А взоръ не скроетъ ничего;

Ты неспособна лицемѣрить:
Ты слишкомъ ангелъ для того“ [т. I, стр. 191][1].

Такъ въ постоянныхъ тревогахъ и надеждахъ, въ волненіяхъ неуясненнаго чувства, въ порывахъ и увлеченіяхъ еще неустоявшагося характера, голодный сердцемъ, чуткій до всего доступнаго человѣку, проводилъ Лермонтовъ свои университетскіе годы. Неясный для самого себя, опасливый выдать сокровенныя струны души, Михаилъ Юрьевичъ глубоко затаилъ свою привязанность къ Варенькѣ:

Беречь сокровища святыя
Теперь я выученъ судьбой;
Не встрѣтятъ ихъ глаза чужіе:
Они умрутъ во мнѣ, со мной. [т. I, стр. 229].

Въ такомъ состояніи переѣхалъ поэтъ въ Петербургъ, въ новую обстановку и условія жизни, мало соотвѣтствовавшія, какъ видѣли мы выше [гл. IX, стр. 177], душевнымъ его стремленіямъ. Но онъ такъ владѣлъ собою, что въ жизни казался порою ровнаго характера; всегда былъ веселъ, занимался музыкой и рисованіемъ, но скрываемые пылъ души и мысли порой давали себя знать въ неестественной веселости, въ выходкахъ и остротахъ, которыя, заставляя смѣяться слушателей, не разъ возбуждали недовольство въ особенности мелкихъ и самолюбивыхъ натуръ. Новые товарищи и общее направленіе столичной молодежи, съ коей Лермонтовъ сталкивался, развивали

[1] Изъ лирическихъ произведеній Михаила Юрьевича можно бы указать еще на цѣлый рядъ очевидно относящихся къ Варенькѣ Лопухиной. Утверждать это можно объ отдѣльныхъ пьесахъ лишь съ большею или меньшею вѣроятностью. Я назову здѣсь страницы, на коихъ читатель, кромѣ упомянутыхъ въ текстѣ стихотвореній, найдетъ тѣ изъ нихъ, которыя, по моему мнѣнію, имѣютъ отношеніе къ Варенькѣ: стр. 49, 89 [Нѣтъ, я не требую вниманья], 196 [L'ame de mon ame и О, не скрывай] 202 [Помѣтка относящаяся къ 4-му декабря], 205, 207 [Къ себѣ], 213 [Дай руку мнѣ...] 215, 216, 220, 221 [Мы случайно сведены судьбою], 222, 229 и 230, 232 [Она не гордой красотою], 259 [Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ], 263 [Разстались мы], 264 [Молитва странника], 297 [О грезахъ юности томимъ воспоминаньемъ], 305 [Валерикъ], 315 [Любовь мертвеца], 217 [Оправданіе], 335 [Въ полдневный жаръ].

въ немъ стороны, которыя уже проявлялись и въ Москвѣ въ похожденіяхъ «веселой банды» [bande joyeuse]. Друзья его опасались за него и въ письмахъ давали наставленія и посылали ему предостереженія [гл. IX, стр. 172]. Понятно, что образы изъ дней первой юности меркли.

Но вотъ черезъ два года послѣ выѣзда изъ Москвы, въ концѣ 1834 года, пріѣзжаетъ въ Петербургъ товарищъ дѣтства Акимъ Павловичъ Шанъ-Гирей, впрочемъ бывшій его моложе, и привозитъ поклонъ отъ Вареньки. «Въ отсутствіе Лермонтова, разсказываетъ Акимъ Павловичъ, мы съ Варенькой часто говорили о немъ; онъ намъ обоимъ, хотя не одинаково, но ровно былъ дорогъ. При прощаньи, протягивая руку, съ влажными глазами, но съ улыбкой, она сказала мнѣ:

— Поклонись ему отъ меня; скажи, что я покойна, довольна, даже счастлива.

Мнѣ очень было досадно на Мишеля, что онъ выслушалъ меня, какъ будто хладнокровно и не сталъ о ней распрашивать, я упрекнулъ его въ этомъ, онъ улыбнулся и отвѣчалъ:

— Ты еще ребенокъ, ничего не понимаешь!

— А ты хоть и много понимаешь, но не стоишь ея мизинца! возразилъ я, разсердившись не на шутку»...

Скоро, въ началѣ 1835 года, Лермонтову сообщаютъ, что Варенька стала невѣстою и выходитъ замужъ за г-на Бахметева. Это извѣстіе сильно возмущаетъ Михаила Юрьевича. Привыкшій скрывать свои чувства, онъ и тутъ не даетъ воли негодованію и только, какъ бы случайно, замѣчаетъ въ письмѣ къ Сашѣ Верещагиной: «Г-жа Углицкая сообщала мнѣ также, что M-elle Barbe выходитъ замужъ за г. Бахметева. Не знаю долженъ ли я вѣрить ей, но во всякомъ случаѣ, я желаю M-elle Barbe жить въ брачномъ мирѣ и согласіи до празднованія ея *серебряной свадьбы* и даже долѣе этого, если только она до времени не возчувствуетъ отвращенія»... [Т. V, стр. 408]. Однако, рядомъ съ негодованіемъ въ Лермонтовѣ сильно пробудилась задремавшая было любовь къ Варенькѣ. Шанъ-Гирей ясно свидѣтельствуетъ о томъ. Онъ разсказывалъ, какъ Лермонтовъ не находилъ себѣ мѣста. Онъ желаетъ потопить муку душевную въ свѣтскихъ удовольствіяхъ и разсѣянномъ

образѣ жизни, или въ литературныхъ занятіяхъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ, оставаясь вѣрнымъ себѣ, пытается ввѣрить бумагѣ волнующее его чувство — изложить событіе въ художественномъ произведеніи. Если бы до насъ дошли письма поэта къ ближайшимъ друзьямъ его: А. М. Верещагиной и М. А. Лопухиной, то многое, вѣроятно, выяснилось бы, потому что ни съ кѣмъ не былъ Лермонтовъ такъ откровененъ, какъ съ этими двумя подругами дѣтства. Къ сожалѣнію, до насъ дошло только одно письмо къ Верещагиной, относящееся къ этому времени. Марья Александровна же уничтожала все, гдѣ въ письмахъ къ ней Лермонтовъ говорилъ о сестрѣ ея Варенькѣ или мужѣ ея. Даже въ дошедшихъ до насъ немногихъ листахъ, касающихся Вареньки и любви къ ней Лермонтова, строки вырваны. Виною тщательнаго уничтоженія въ письмахъ всего, что касалось Вареньки, былъ образъ дѣйствія самого поэта, особенно по отношенію къ мужу ея, какъ увидимъ ниже.

Строки въ письмѣ къ Марьѣ Александровнѣ относительно возможнаго выхода Вареньки замужъ показываютъ большое раздраженіе. Но Михаилъ Юрьевичъ не вѣрилъ слуху потому, что уже часто сердили его подобными сообщеніями. Однако на этотъ разъ слухъ оправдался. Варенька вышла замужъ въ 1835 году.

«Мы играли съ Мишелемъ въ шахматы — разсказываетъ Шанъ-Гирей — человѣкъ подалъ письмо; Мишель началъ его читать, но вдругъ измѣнился въ лицѣ и поблѣднѣлъ; я испугался и хотѣлъ спросить, что такое, но онъ, подавая мнѣ письмо, сказалъ: «Вотъ новость—прочти» и вышелъ изъ комнаты. Это было извѣстіе о предстоящемъ замужествѣ В. А. Лопухиной» [1].

---

[1] Шанъ-Гирей утверждаетъ [Русск. Обозрѣніе 1890 г., августъ, стр. 748], что это было въ 1836 году. Но это невѣрно. По сообщеніямъ самаго Бахметева, мужа Вареньки, свадьба состоялась въ 1835 году. Шанъ-Гирей въ статьѣ своей часто ошибается, забывая и спутывая время, факты и имена. Такъ на стр. 725 онъ говоритъ, что Лермонтовъ родился въ Тарханахъ, тогда какъ онъ родился въ Москвѣ [см. выше, стр. 12]. Статья писана Акимомъ Павлов. въ 1860 году. Я его видѣлъ въ 1880, слѣдовательно черезъ 20 лѣтъ. Онъ говорилъ мнѣ, что не знаетъ, гдѣ его статья и цѣла ли, но что она не была напечатана вслѣдствіе нежеланія

На Рождественскихъ праздникахъ Лермонтовъ пріѣхалъ въ Москву. Онъ торопился къ бабушкѣ въ Тарханы и потому останавливался тамъ не долго [1]. Краткое свиданіе съ Варенькой, при постороннихъ, при мужѣ, ненавистномъ для поэта, только увеличило чувство непріязни его къ любимой въ юности женщинѣ. При страстности натуры Лермонтова переходъ отъ любви къ ненависти, или по крайней мѣрѣ непріязни, долженъ былъ совершиться быстро. При привычкѣ скрывать чувства свои, непріязнь проявлялась въ сарказмѣ и глумленіи. Варенька при этой встрѣчѣ извѣдала много тяжкихъ моментовъ.

Михаилъ Юрьевичъ считалъ ее коварною. Онъ не могъ простить ей, что она вышла за богатаго и «ничтожнаго» человѣка, что она могла измѣнить чувству своему къ поэту и предпочесть ему такую посредственность, какую представлялъ изъ себя Бахметевъ. И на такую-то женщину онъ молился! Ее могъ онъ возвести въ идеалъ, бывшій цѣлые годы неразрывнымъ спутникомъ всѣхъ его помысловъ и мечтаній! Это была та особа, коей любовь одна только могла спасти его отъ душевнаго мрака! Какъ Демонъ его излюбленной поэмы ждалъ обновленія отъ непорочной дѣвушки, такъ онъ «молилъ ея любви»; и что же?—все одно коварство и притворство съ ея стороны! Въ поэтѣ, случайно встрѣчавшемъ имя «Варвара», просыпается горечь воспоминаній. Разсказывая о дѣвушкѣ, которую звали этимъ именемъ, поэтъ восклицаетъ:

Она звалась В[арюшею]... Но я
Желалъ бы дать другое ей названье;
Скажу, при этомъ имени, друзья,
Въ груди моей шипитъ воспоминанье,

родственниковъ Вареньки Лопухиной и особенно ея мужа.—При этомъ Акимъ Павловичъ, коему я прочелъ нѣкоторыя главы моей біографіи, сознался самъ, что многое запамятовалъ и «вѣроятно» въ статьѣ [1860 года] сообщилъ невѣрно, но въ общемъ разсказъ правдивъ. Онъ поправлялъ, дополнялъ или подтверждалъ, что я ему читалъ, а затѣмъ разсказалъ кое что, тогда же со словъ его мною записанное.

[1] Выѣхалъ Лермонтовъ изъ Петербурга не ранѣе 20-го декабря, отъ сего числа гласитъ данный ему отпускъ. Отъ 16-го января мы имѣемъ уже письмо его изъ Тарханъ.

Какъ подъ ногой прижатая змѣя,
И ползаетъ, какъ та среди развалинъ
По жиламъ сердца... [т. II, стр. 183].

Знаменательно, что Лермонтовъ въ поэмѣ не рѣшается обозначать полностью имя изображаемаго имъ падшаго существа, потому что она именовалась Варварою, а ограничивается выставкою только первой буквы, передѣлывая затѣмъ Варюшу въ Парашу. Не смотря на всю непріязнь, въ сердцѣ поэта все еще теплилась любовь и уваженіе къ Варенькѣ.

Такъ храмъ покинутый—все храмъ,
Кумиръ поверженный - все Богъ! [т. I, стр. 263].

Разъ въ душу Лермонтова запала мысль о коварствѣ Вареньки, а непріязнь къ Бахметеву усилилась, ему опять захотѣлось выставить въ литературномъ произведеніи лицъ изъ жизни, да такъ, чтобы и они себя узнали, да узнали ихъ и другіе. Къ этому маневру онъ прибѣгалъ и прежде, и въ драмѣ «Люди и страсти», и въ «Странномъ человѣкѣ» [ср. предисловіе къ ней. т. IV, стр. 177]. Теперь поэтъ находился въ Москвѣ, въ той же почти обстановкѣ и условіяхъ жизни, среди людей, соприкасавшихся къ событіямъ, изображеннымъ имъ въ названныхъ юношескихъ драмахъ. Задумывая писать драму «Два брата», Лермонтовъ даже беретъ имя героини изъ драмы «Странный человѣкъ». Какъ тамъ является Загорскина, такъ и здѣсь: Вѣра, жена князя Лиговскаго, въ новой драмѣ рожденная Загорскина. Желая уязвить Вареньку, Лермонтовъ въ драмѣ выставляетъ Вѣрочку вышедшею за князя Лиговскаго ради его богатства: у него 3000 душъ, «а есть ли у него своя»? спрашиваетъ Юрій Радинъ [т. IV, стр 350]. «Признаюсь, говоритъ онъ о Вѣрѣ, я думалъ прежде, что сердце ея не продажно... Теперь вижу, что оно стоило нѣсколько сотъ тысячъ дохода». Михаилъ Юрьевичъ прилагаетъ всѣ старанія, чтобы событія драмы, гдѣ возможно, совпадали съ тѣмъ, что было между нимъ и Варенькой. Юрій Радинъ разсказываетъ, въ присутствіи князя и княгини Лиговскихъ, исторію любви своей къ одной дѣвушкѣ въ Москвѣ, слѣдующимъ образомъ:

„Вотъ видите, княгиня, года три съ половиною тому назадъ я былъ очень коротко знакомъ съ однимъ семействомъ, жившимъ въ Москвѣ; лучше сказать, я былъ принятъ въ немъ, какъ родной. Дѣвушка, о которой хочу говорить, принадлежитъ къ этому семейству; она была умна, мила до чрезвычайности; красоты ея не описываю, потому что въ этомъ случаѣ описаніе сдѣлалось бы портретомъ; имя же ея для меня трудно произнести.

князь.—Вѣрно очень романическое.

юрій.—Не знаю—но отъ нея осталось мнѣ только одно имя, которое въ минуты тоски привыкъ я произносить,какъ молитву;оно моя собственность,я его храню, какъ образъ—благословеніе матери, какъ татаринъ хранитъ талисманъ съ могилы пророка.

Съ самаго начала нашего знакомства я не чувствовалъ къ ней ничего особеннаго,кромѣ дружбы...Говорить съ ней,сдѣлать ей удовольствіе было мнѣ пріятно—и только. Ея характеръ мнѣ нравился: въ немъ видѣлъ я какую-то пылкость, твердость и благородство, рѣдкозамѣтныя въ нашихъ женщинахъ: однимъ словомъ что-то первобытное, что то увлекающее. Частыя встрѣчи, частыя прогулки, невольно яркій взглядъ, случайное пожатіе руки—много ли надо, чтобъ разбудить таившуюся искру?..Во мнѣ она вспыхнула; я былъ увлеченъ этой дѣвушкой, я былъ околдованъ ею, вокругъ нея былъ какой-то волшебный очеркъ; вступивъ за его границу, я уже не принадлежалъ себѣ; она вырвала у меня признаніе, она разогрѣла во мнѣ любовь,я предался ей,какъ судьбѣ; она все не требовала ни обѣщаній, ни клятвъ,когда я держалъ ее въ своихъ объятіяхъ и сыпалъ поцѣлуи на ея огненное плечо; но сама клялась люби́ть меня вѣчно. Мы разстались—она была безъ чувствъ; всѣ приписывали то припадку болѣзни—я одинъ зналъ причину...Я уѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ возвратиться скоро. Она была моя—я былъ въ ней увѣренъ, какъ въ самомъ себѣ. Прошло три года разлуки, мучительные, пустые три года; я далеко подвинулся дорогой жизни, но драгоцѣнное чувство слѣдовало за мною. Случалось мнѣ возлѣ другихъ женщинъ забыться на многовенье; но послѣ первой вспышки, я тотчасъ замѣчалъ разницу, убійственную для нихъ—ни одна меня не привязала, и вотъ, наконецъ, вернулся на родину.

князь.- Завязка романа очень обыкновенна.

юрій.—Для васъ, князь, и развязка покажется обыкновенна... Я ее нашелъ замужемъ—я проглотилъ свое бѣшенство изъ гордости... Но одинъ Богъ видѣлъ, что происходило здѣсь.

князь.—Что жъ? Нельзя было ей ждать васъ вѣчно

юрій.—Я ничего не требовалъ,—обѣщанія ея были произвольны.

князь.—Вѣтренность,молодость,неопытность ее надо простить.

юрій.—Князь, я не думалъ обвинять ее... но мнѣ больно.

княгиня *(дрожащимъ голосомъ)*.—Извините, но, можетъ быть, она нашла человѣка еще достойнѣе васъ.

юрій.—Онъ старъ и глупъ.

князь.—Ну, такъ очень богатъ и знатенъ.

юрій.—Да.

князь.—Помилуйте—да это нынче главное! ея поступокъ совершенно въ духѣ вѣка.

юрій *(подумавъ)*.—Съ этимъ не спорю.

князь.—На вашемъ мѣстѣ я бы теперь за ней поволочился; если ея мужъ таковъ, какъ вы говорите, то, вѣроятно, она васъ еще любитъ.

вѣра *(быстро)*.—Не можетъ быть.

юрій *(пристально взглянувъ на нее)*.—Извините, княгиня! теперь я увѣренъ, что она меня еще любитъ. *(Хочетъ итти)*. (Т. IV, стр. 358).

Въ князѣ Лиговскомъ Лермонтовъ рисуетъ Бахметева, выставляя его весьма ограниченнымъ и ничтожнымъ человѣкомъ, котораго Вѣра въ глубинѣ души должна была презирать. Драма «Два брата», попавши въ руки Варвары Александровны и мужа ея, рядомъ подобныхъ выписаннымъ нами мѣстъ, должна была страшно опечалить первую и оскорбить второго, тѣмъ болѣе, что самая драма конечно не придерживается безусловно дѣйствительныхъ событій. Борьба двухъ братьевъ—мотивъ, взятый изъ юношескихъ твореній [1]. Эти отношенія, равно какъ развязка и многія сцены въ драмѣ, не имѣютъ ничего общаго съ дѣйствительностью, или по крайней мѣрѣ съ дѣйствительностью по отношенію къ Варенькѣ и ея мужу. Но для послѣдняго оскорбительность намековъ была тѣмъ сильнѣе, что, какъ видѣли мы, нѣкоторыя сообщенія все же имѣютъ автобіографическое значеніе, хотя и получили тенденціозное освѣщеніе.

Драма «Два брата» писана была очень наскоро. Въ письмѣ изъ Тарханъ отъ 16-го января 1836 года, Лермонтовъ сообщаетъ С. А. Раевскому:... «пишу четвертый актъ новой драмы, взятой изъ происшествія, случившагося со мною въ

[1] Постоянно выставляя себя въ одномъ изъ двухъ братьевъ, Лермонтовъ, въ другомъ, кажется, рисуетъ можетъ-быть вымышленную личность, можетъ-быть отчасти Алексѣя Лопухина или Монго Столыпина, двухъ друзей, коихъ онъ любилъ братскою любовью. Въ матеріалахъ Хохрякова есть помѣтка, со словъ, кажется, С. А. Раевскаго, въ коей говорится, что Лермонтовъ имѣлъ дуэль со Столыпинымъ изъ-за двоюродной сестры.

Москвѣ»... [Т. V, стр. 411]. Тамъ же онъ замѣчаетъ, что пока не описываетъ своего похожденія въ этомъ городѣ. Возвратясь въ Петербургъ въ срединѣ марта того же года, гдѣ Михаилъ Юрьевичъ жилъ съ Раевскимъ на одной квартирѣ до пріѣзда бабушки [1], друзья вмѣстѣ перечли драму и остались ею недовольны. Было рѣшено написать новое произведеніе и изложить отношенія Лермонтова къ Варенькѣ, въ формѣ разсказа. Такъ создалась повѣсть «Княгиня Лиговская». Имя героини драмы и ея мужа было удержано. Сохранено и изложеніе фактовъ изъ жизни Михаила Юрьевича и отношеній его къ Варенькѣ, опять-таки въ тенденціозномъ свѣтѣ [2], Бахметевъ же выставленъ въ томъ же непривлекательномъ видѣ: о немъ говорится съ изысканнымъ презрѣніемъ и вызывающей обидой. «Какъ, неужели этотъ господинъ, который за княгиней шелъ такъ смиренно, ея мужъ?.. Еслибъ я ихъ встрѣтила на улицѣ, то приняла бы его за лакея. Я думаю, что она дѣлаетъ изъ него все, что хочетъ,—по крайней мѣрѣ все, что можно изъ него сдѣлать... — Однако она счастлива. — Развѣ вы не замѣтили сколько на ней бриллльянтовъ».

Конечно, въ повѣсти этой, какъ и въ драмѣ, читатель встрѣтитъ множество другихъ мотивовъ. Здѣсь находится изображеннымъ и эпизодъ второй встрѣчи Лермонтова съ Екат. Ал. Сушковой [позднѣе Хвостовой], о чемъ подробно говорили мы въ главѣ X нашей біографіи [стр. 204 и д.]. Она выставлена подъ именемъ Негуровой. Поэтъ вообще расширилъ задачу; онъ не хотѣлъ останавливаться на личныхъ мотивахъ мести и автобіографическихъ интересахъ, онъ думаетъ уже о представленіи типа современнаго ему денди. Онъ мечтаетъ о произведеніи, въ коемъ былъ бы выставленъ современный человѣкъ

Съ его озлобленной душой,
Самолюбивой и пустой!

---

[1] Она весь 1835 годъ оставалась въ Тарханахъ и только къ лѣту 1836 года прибыла въ Петербургъ.

[2] Сравнить, напримѣръ, мѣсто изъ «Двухъ братьевъ», приведенное нами выше, съ тѣмъ, что говорится въ «Княгинѣ Лиговской» [т. V, стр. 154 и 155].

Лермонтовъ къ концу 1836 года начиналъ выходить изъ интересовъ и круга «золотой молодежи» Петербурга. Періодъ тревогъ и волненій молодости заканчивался. Онъ переставалъ бросаться изъ стороны въ сторону. Начиналъ больше задумываться надъ жизнью, серіознѣе относиться къ тому, что происходило на родинѣ, въ обществѣ и въ немъ самомъ. Онъ уже отходилъ отъ себя такого, какимъ являлся въ модныхъ салонахъ, и вотъ мы замѣчаемъ, какъ въ повѣсти «Княгиня Лиговская» зарождается типъ Печорина. Кстати сказать, имя это является здѣсь въ первый разъ. Надо полагать, что Лермонтовъ съ Раевскимъ, разъ забраковавъ драму «Два брата», долго и много обсуждали романъ «Княгиня Лиговская», онъ и писался ими съ промежутками въ перемежку, то рукою поэта, то рукою Раевскаго.

Чѣмъ больше зрѣлъ Лермонтовъ, тѣмъ болѣе сокращался въ произведеніяхъ его элементъ лично-пережитаго. Задуманный типъ современнаго денди, въ Печоринѣ «Героя нашего времени», уже выросъ и сложился въ могучее развѣсистое дерево, высоко раскинувшее вѣтви свои надъ далеко распространившимися корнями. Печоринъ въ «Княгинѣ Лиговской» только показывается еще надъ почвой личной жизни, и его листочки едва раскрылись надъ чуть чуть двоящимися корнями.

Повѣсть «Княгиня Лиговская», надъ коей трудились молодые люди въ концѣ 1836 года, осталось неоконченною. Надъ ними стряслась катастрофа. За стихи на смерть Пушкина Раевскій, распространявшій ихъ,былъ сосланъ въ Петрозаводскъ, Лермонтовъ на Кавказъ. По возвращеніи съ Кавказа Лермонтовъ сталъ другимъ человѣкомъ. Онъ самъ это чувствовалъ и писалъ Раевскому въ 1838 г.,чтобы и онъ съѣздилъ туда, ибо поздоровѣетъ и тѣломъ и душою. Теперь,оглядываясь на жизнь свою и интересы, поэтъ почувствовалъ себя зрѣлѣе, зрѣлѣе стало въ немъ и чувство любви къ Варенькѣ. Онъ устыдился своихъ недавнихъ ощущеній. «Романъ [«Княгиня Лиговская»], который мы съ тобою начали, пишетъ онъ Раевскому, затянулся и врядъ ли кончится, ибо обстоятельства, которыя составляли его основу, перемѣнились, а я, знаешь, не могу въ этомъ случаѣ отступить отъ истины».[т. Vстр.421].

Уже въ Москвѣ онъ дружелюбно встрѣтился съ Варенькой и отношенія ихъ,по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны,стали спокойныя и дружественныя.

Чувства свои Лермонтовъ скрывалъ часто подъ разными выходками, но уже болѣе невиннаго рода, безъ злобы и сарказма, коими прежде онъ язвилъ Вареньку. Было ли между ними объясненіе и какое—какъ знать?! но только Лермонтовъ сталъ еще тщательнѣе скрывать передъ другими свои чувства къ Варенькѣ.

Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ
Мою таинственную повѣсть:
Какъ я любилъ, за что страдалъ;
Тому судья лишь Богъ да совѣсть.[т. I стр. 259].

Угрюмый жилецъ двухъ стихій,онъ,кромѣ бури и громовъ, никому своей думы не ввѣритъ [т. I стр. 259], но на хребтахъ ли Кавказскихъ горъ, на волнахъ ли Чернаго моря, по степямъ ли Россіи, безпокойный странникъ, онъ все же думаетъ и мечтаетъ *о ней*. Горячая молитва *о ней* восходитъ къ престолу Превѣчнаго. Теплой заступницѣ передъ нимъ, Матери Божіей поручаетъ онъ любимое созданіе:

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника, въ свѣтѣ безроднаго;
Но я вручить хочу дѣву невинную
Теплой Заступницѣ міра холоднаго.
Окружи счастіемъ душу достойную,
Дай ей сопутниковъ, полныхъ вниманія,
Молодость свѣтлую, старость покойную,
Сердцу незлобному миръ упованія....
[т. I стр. 264].

Только къ Бахметеву Лермонтовъ упорно хранилъ непріязненное чувство. Внѣшняя порядочность , посредственность и внутренняя ничтожность этого характера бѣсили Михаила Юрьевича и онъ по прежнему былъ не прочь поязвить его, посмѣяться надъ нимъ. Онъ не выносилъ его возлѣ въ «полномъ смыслѣ восхитительной, симпатичной, умной и поэтической Вареньки». Къ ней онъ относился все какъ къ Лопухиной. Фамиліи ея по мужу онъ не признавалъ. Еще въ 1840

или 41 году, посылая Варенькѣ новую передѣлку поэмы «Демонъ», онъ, въ переписанномъ посвященіи къ поэмѣ, изъ поставленныхъ переписчикомъ иниціаловъ В. А. Б. [Варварѣ Александровнѣ Бахметевой] съ негодованіемъ перечеркиваетъ нѣсколько разъ Б. и ставитъ Л. [Лопухиной].—[Т. III, стр. 4].

Что собственно побудило Вареньку выйти за Бахметева, мы утвердительно сказать не можемъ. Достовѣрнаго не слышали, а дѣлать предположенія—къ чему?

Быть можетъ, Варенька дѣйствительно увлеклась богатствомъ и затѣмъ всю жизнь томилась «за то что разъ тельцу златому на мигъ повѣрила она». Быть можетъ, ее упрашивали сдѣлать выгодную партію, а холодность Михаила Юрьевича, упорно хранившаго молчаніе въ Петербургѣ и хохотавшаго, когда ему говорили о ней, заставили ее увѣровать въ то, что поэтъ навсегда отъ нея отвернулся. Словомъ, то же, что говоритъ о своемъ выходѣ за князя Пушкинская Татьяна:

„Меня съ слезами заклинаній
Молила мать!.. Для бѣдной Тани
Всѣ были жребіи равны...
Я вышла замужъ“...

Бахметевъ былъ въ сущности «добрый человѣкъ»: по крайнѣй мѣрѣ онъ слылъ за такого еще въ началѣ 80-хъ годовъ, когда въ Москвѣ былъ постояннымъ членомъ Англійскаго клуба. Его постоянно можно было тамъ видѣть, но конечно никому почти не была извѣстна та роль, которую игралъ онъ въ жизни Лермонтова и кѣмъ была для послѣдняго тогда уже покойная жена его. Несмотря на репутацію «добраго человѣка», Бахметевъ не прочь былъ позлословить о Лермонтовѣ съ братьями Мартыновыми, тоже посѣщавшими клубъ, да кой съ кѣмъ изъ теперь еще существующихъ въ Москвѣ лицъ, между ними и извѣстныхъ русскихъ дѣятелей въ области литературы и журналистики. Если же кто высказывалъ интересъ къ памяти Лермонтова, Бахметевъ выходилъ изъ себя, особенно когда подозрѣвалъ, что знаютъ объ отношеніяхъ къ нему поэта. Когда въ 1881 году мнѣ захотѣлось переговорить съ Бахметевымъ и провѣрить кое-что изъ данныхъ о поэтѣ,

близкіе къ Бахметеву люди, къ которымъ я обратился, умоляли меня этого не дѣлать: «Добрѣйшій старикъ умретъ отъ апоплексическаго удара,» — говорили мнѣ. — «Пожалѣйте его». [1]. Я долженъ былъ удовлетвориться свѣдѣніями, которыя были мнѣ доставлены нѣкоторыми изъ его добрыхъ знакомыхъ.

Было говорено о томъ, что Лермонтовъ мстилъ Бахметеву выставляя его въ своихъ произведеніяхъ въ самой жалкой роли. Возможно, что до него дошли слухи о томъ, какъ изображенъ онъ въ нѣкоторыхъ еще ненапечатанныхъ сочиненіяхъ поэта, если не самыя сочиненія. Но и того, что стояло въ «Героѣ нашего времени» было достаточно, чтобы вывести изъ себя Бахметева. Въ княжнѣ Мери онъ изображенъ въ лицѣ мужа Вѣры, незначущаго хромого старичка, играющаго столь незавидную роль въ романѣ. И здѣсь въ этомъ произведеніи видна связь съ драмою «Два брата» и повѣстью «Княгиня Лиговская». Имя княгини Лиговской встрѣчается во всѣхъ трехъ произведеніяхъ. Вездѣ героиню зовутъ *Вѣрой*. Только все, что касается до нея, сильно смягчено. Здѣсь Вѣра выходитъ замужъ за ничтожнаго человѣка, не ради большого его состоянія и личныхъ расчетовъ, а для своего сына, принося ему эту жертву [Т. V стр. 267]. Въ Вѣрѣ, въ «Героѣ нашего времени», сходство съВаренькой тоже смягчено сравнительно съ прежними произведеніями. Симпатичный характеръ Вареньки Лопухиной раздвоенъ и представленъ въ двухъ типахъ. Въ типѣ Мери, какимъ онъ могъ казаться въ юные ея годы, и въ Вѣрѣ, какимъ сложился потомъ, любящимъ и убитымъ существомъ, прикованнымъ къ чуждому ей по развитію и уму человѣку.

Недалекому Бахметеву все казалось, что всѣ, рѣшительно всѣ, читавшіе «Героя нашего времени», узнавали его и жену его. Къ довершенію сходства у Вѣры въ романѣ Лермонтова характерная примѣта: родинка на щекѣ — у Вареньки была характерная родинка надъ бровью... Намъ извѣстенъ случай,

---

[1] «Le bon vieux aura un coup d'apoplexie. Ayez pitié de lui». Свѣдѣнія были мнѣ даны съ тѣмъ условіемъ однакоже, чтобы я до смерти «старика» не печаталъ ихъ. Бахметевъ скончался нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

когда старикъ Бахметевъ на запросъ, былъ ли онъ съ женою на кавказскихъ водахъ, пришелъ въ негодованіе и воскликнулъ: «Никогда я не былъ на Кавказѣ съ женою! — это все изобрѣли глупые мальчишки. Я былъ съ нею больною на водахъ за границей, а никогда не былъ въ Пятигорскѣ или тамъ въ дурацкомъ Кисловодскѣ».

Все это отдаленное сходство лицъ романа Лермонтова съ Варенькой и ея мужемъ никому и въ голову не приходило. Въ печати сколько разъ прорывалось сообщеніе о томъ, кто былъ выставленъ въ княжнѣ Мери и въ Вѣрѣ. Много называли и называютъ именъ; но никогда и нигдѣ не были поименованы Варенька и злополучный мужъ ея [1].

Неосторожная месть Лермонтова своему сопернику всею тяжестью упала на ни въ чемъ неповинную Вареньку. Бахметевъ и такъ не былъ расположенъ къ Лермонтову, но, наконецъ, до того осерчалъ на него, что рѣшительно запретилъ Варенькѣ имѣть съ поэтомъ какія-либо отношенія. Онъ за-

---

[1] Мнѣ извѣстно до шести дамъ, которыя утверждали, что княжна Мери списана съ нихъ, многія приводили мнѣ *неопровержимыя* тому доказательства!! Во всѣхъ ихъ Лермонтовъ былъ влюбленъ серьезно, о каждой говорилось, или даже сама говорила, что она была *единственною* и *настоящею любовью* Лермонтова. Самое распространенное мнѣніе это то, что въ Вѣрѣ Лермонтовъ изобразилъ сестру Мартынова, за что и навлекъ негодованіе послѣдняго и былъ имъ убитъ. Княжною Мери называютъ упорно почтенную Эмилію Александровну Шанъ-Гирей [жену Акима Павловича] и теперь проживающую въ Пятигорскѣ. Лермонтовскій музей хранитъ портретъ ея, помѣтивъ его «Княжна Мери». Тщетно Эмилія Александровна много разъ протестовала. [Новое время 1881 г. № 1983.— Русскій Архивъ 1889 г № 6, стр. 315 и въ другихъ повременныхъ изданіяхъ]. Съ Эмиліи Александровны Лермонтовъ не могъ писать княжны Мери, по той простой причинѣ, что онъ познакомился съ нею и ея семьей въ 1841 году, слѣдовательно спустя почти три года послѣ того какъ была записана «Княжна Мери», появившаяся въ печати только въ 1840 году, т. е. за годъ до знакомства.—Но господа туристы не внемлятъ истинѣ, а собирая разные вздорные разсказы въ Пятигорскѣ и окрестностяхъ, не потрудясь провѣрить сообщенія, печатаютъ ихъ въ повременныхъ изданіяхъ. Еще въ декабрской книжкѣ «Русской Мысли» за 1890 годъ, г-нъ Филиповъ называетъ г-жу Шанъ-Гирей, урожденную Верзилину, прототипомъ княжны Мери. Съ нея поэтъ-де списалъ этотъ наиболѣе пластичный и цѣльный образъ своего творчества.

ставилъ ее уничтожить письма поэта и все, что тотъ когда либо ей дарилъ и посвящалъ. Тогда-то Варенька передала дорогія ей рукописи и рисунки поэта близкимъ своимъ, въ особенности Сашѣ Верещагиной. Такимъ образомъ въ семьѣ послѣдней въ Штутгартѣ сохранилось многое. Баронессѣ Гюгель, рожденной Верещагиной, достались, между прочимъ, два портрета Вареньки, рисованные Лермонтовымъ, о коихъ говорено выше, т. е. Варенька въ образѣ испанской монахини, изъ первыхъ очерковъ «Демона», и въ образѣ «Княгини Лиговской», и портретъ самого поэта, рисованный имъ акварелью въ зеркало, въ 1837 году на Кавказѣ. Читатель найдетъ этотъ любопытный и весьма схожій портретъ приложеннымъ ко второму тому изданія нашего. Въ семьѣ Верещагиной сохранилось и посвященіе къ «Демону» въ окончательной редакціи [см. соч. т. II, стр. 4, 113 и особенно 124] и многое, о чемъ я говорю въ біографіи или въ примѣчаніяхъ къ произведеніямъ Лермонтова.

«Весной 1838 года Варвара Александровна пріѣхала съ мужемъ въ Петербургъ, проѣздомъ за границу,—разсказываетъ Шанъ-Гирей.—Лермонтовъ былъ въ Царскомъ, я послалъ къ нему нарочнаго, а самъ поскакалъ къ ней. Боже мой, какъ болѣзненно сжалось мое сердце при ея видѣ! блѣдная, худая, и тѣни не было прежней Вареньки, только глаза сохранили свой блескъ и были такіе же ласковые, какъ и прежде. «Ну какъ вы здѣсь живете?»—почему же это *вы?*—«потому, что я спрашиваю про двоихъ».—«Живемъ какъ Богъ послалъ, а думаемъ и чувствуемъ какъ въ старину. Впрочемъ другой отвѣтъ будетъ изъ Царскаго черезъ два часа.—Это была наша послѣдняя встрѣча: ни ему [Лермонтову] ни мнѣ не суждено было ее больше видѣть».

Не знаю, точно ли Лермонтовъ больше не видалъ ея. Кажется, что затѣмъ въ двукратный проѣздъ черезъ Москву это ему не удавалось. Онъ, впрочемъ, сильно скорбѣлъ о непріятностяхъ, коимъ онъ подвергъ Вареньку со стороны мужа, и вѣсти о коихъ до него доходили. Сентября 8-го 1838 года онъ ей послалъ очеркъ «Демона», писаннаго имъ на Кавказѣ и оконченсаго въ Петербургѣ. Это такъ называемый *пятый очеркъ*

[т. III, стр. 94] съ собственноручными помѣтками и посвященіемъ въ концѣ тетради, писаннымъ его же рукою.

Я кончилъ—и въ груди невольное сомнѣнье:
Займетъ ли вновь тебя давно знакомый звукъ,
. . . .
И не узнаешь здѣсь простого выраженья
Тоски, мой бѣдный умъ томившей столько лѣтъ;
И примешь за игру и сонъ воображенья
Больной души тяжелый бредъ...

Разъ только Лермонтовъ имѣлъ случай въ третьемъ мѣстѣ увидать дочь Варвары Александровны. Онъ долго ласкалъ ребенка, потомъ горько заплакалъ и вышелъ въ другую комнату. Его очевидно мучило раскаянье за тѣ горести, которыя онъ причинилъ матери изъ-за своего невоздержнаго языка, изъ-за желанія въ сочиненіяхъ своихъ язвить Бахметева. Видѣть любимую, страдающую женщину ему было заказано. Старые годы счастья и надеждъ, потомъ годы черстваго отношенія къ дорогому существу, а затѣмъ годы печали и безнадежной привязанности вставали передъ нимъ. Все это выражено поэтомъ въ прекрасномъ стихотвореніи: «Ребенку».

О грезахъ юности томимъ воспоминаньемъ,
Съ отрадой тайною и тайнымъ содроганьемъ,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю....
О еслибъ знало ты, какъ я тебя люблю!....
. . . . . . Не правда ль, говорятъ,
Ты на нее похожъ?—Увы! года летятъ;
Страданія ее до срока измѣнили.
Но вѣрныя мечты тотъ образъ сохранили
Въ груди моей; тотъ взоръ, исполненный огня,
Всегда со мной . . . .
. . . . Ты ей не говори ни про мою печаль
Ни вовсе обо мнѣ. Къ чему? Ее, быть можетъ,
Ребяческій разсказъ разсердитъ, иль встревожитъ.....
Но мнѣ ты все повѣрь. Когда въ вечерній часъ,
Предъ образомъ съ тобой заботливо склонясь,
Молитву дѣтскую она тебѣ шептала
И въ знаменье креста персты твои сжимала.....
. . . . . —Скажи, тебя она
Ни за кого еще молиться не учила?
Блѣднѣя, можетъ быть, она произносила

Названіе, теперь забытое тобой.....
Не вспоминай его.... что имя? - звукъ пустой!
Дай Богъ, чтобъ для тебя оно осталось тайной.
Но если, какъ нибудь, когда-нибудь, случайно
Узнаешь ты его —ребяческіе дни
Ты вспомни, и его, дитя, не прокляни! [т. I, стр. 297].

И въ стихотвореніяхъ, и въ тихомъ кабинетѣ, и въ шумѣ боевой жизни образъ Вареньки сопровождалъ поэта. Читая, напримѣръ, вводные стихи къ чудному описанію битвы подъ Валерикомъ, несмотря на всю игривость тона, чувствуется высокая душа поэта, вся пронизанная любовью къ Варварѣ Александровнѣ. Игривость и шаловливость при личныхъ встрѣчахъ давно доставили поэту со стороны Варвары Александровны прозваніе: «чудакъ». На это прозвище намекаетъ поэтъ въ заключительныхъ стихахъ своего письма съ береговъ «Рѣчки смерти» [Валерика]:

Простите мнѣ его какъ шалость
И тихо молвите: чудакъ! [т. I, стр. 305].

Въ 1841 году Михаилъ Юрьевичъ пишетъ лирическое стихотвореніе «Оправданіе» по адресу Варвары Александровны. Это скорѣе моленье о прощеніи.—Какъ бы предчувствуя возможность близкой смерти своей, которая, наконецъ, угомонитъ то сердце, «гдѣ такъ безумно, такъ напрасно *съ враждой боролася любовь,* поэтъ видитъ и горькую участь, которая можетъ постичь предметъ его любви.

Когда предъ общимъ приговоромъ
Ты смолкнешь, голову склоня,
И будетъ для тебя позоромъ
Любовь безгрѣшная твоя;—
Того, кто страстью и порокомъ
Затмилъ твои младые дни,
Молю, язвительнымъ упрекомъ
Ты въ оный часъ не помяни,
Но предъ судомъ толпы лукавой
Скажи, что судитъ насъ Иной,
И что прощать святое право
Страданьемъ куплено тобой. [т. I, стр. 317].

Не прошло и шести мѣсяцевъ, предчувствіе о близкой смерти оправдалось, и передъ самой кончиной своей, поэтъ еще разъ

взываетъ къ своему идеалу, увѣренный, что дорогая женщина на далекомъ сѣверѣ одновременно съ нимъ видитъ тотъ же сонъ; его трупъ въ жаркой долинѣ Кавказа, среди желтыхъ вершинъ скалъ, сжигаемыхъ полуденнымъ солнцемъ,—трупъ съ дымящейся въ груди раной, трупъ одинокаго, не понятаго странника—бойца и пророка.

«Она пережила его, томилась долго и скончалась, говорятъ, покойно» [1] въ 1851 году.

ГЛАВА XV.

Возвращеніе съ Кавказа.—Пріѣздъ въ Петербургъ.—Въ Гродненскомъ гусарскомъ полку.—Покровительство Бенкендорфа.—Переводъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ. — Положеніе общества. — Отношеніе Лермонтова къ современникамъ —Сужденіе о поэтѣ декабриста Назимова, князя Васильчикова и др.—Дума.—Сужденіе Боденштедта.—Лермонтовъ въ литературныхъ кружкахъ и среди высшаго общества.—Охлажденіе къ нему Бенкендорфа.

Хотя прапорщикъ Нижегородскаго драгунскаго полка Лермонтовъ и былъ назначенъ корнетомъ въ л. гв. Гродненскій гусарскій полкъ Высочайшимъ приказомъ 11-го октября 1837 года, но прибылъ онъ въ Новгородъ, гдѣ стоялъ полкъ, только 25 февраля 1838 года. Болѣе 4-хъ мѣсяцевъ поэтъ странствовалъ. Сначала по нездоровью онъ жилъ въ Пятигорскѣ, потомъ въ Ставрополѣ, Елисаветградѣ и другихъ городахъ; побывалъ въ Москвѣ и Петербургѣ и ужъ затѣмъ прибылъ на мѣсто новаго служенія.

Въ Петербургѣ молодой человѣкъ былъ принятъ начальствомъ благосклонно. Его не торопили выѣздомъ въ полкъ и онъ жилъ у бабушки, посѣщая общество и театры. Литературные кружки оказывали ему вниманіе, маститый поэтъ Жуковскій пожелалъ видѣть новаго собрата, который успѣлъ уже заявить себя въ печати такими произведеніями, какъ «Пѣсня

---

[1] Такъ заканчиваетъ свое сообщеніе о Варварѣ Александровнѣ А. П. Шанъ-Гирей.

про Ив. Вас. Грознаго и купца Калашникова» да «Бородино». Лермонтова представили Жуковскому, который принялъ его весьма дружественно, подарилъ экземпляръ «Ундины» съ собственноручною подписью и пожелалъ ознакомиться съ тѣмъ, что было готоваго въ портфелѣ Михаила Юрьевича. Ему особенно понравилась «Казначейша»; онъ читалъ ее съ Вяземскимъ и просилъ позволенія напечатать въ Современникѣ[1].

Но чувствовалъ себя поэтъ въ столичномъ обществѣ не хорошо. Ему было не по себѣ. Дурачиться и принимать участіе въ веселыхъ кутежахъ и пирушкахъ, какъ это онъ дѣлалъ по выходѣ въ офицеры, ему не хотѣлось. Отъ прежняго круга товарищей онъ на Кавказѣ успѣлъ отвыкнуть.—Домашняя обстановка не столько измѣнилась, сколько стала ему несносною. «Меня преслѣдуютъ всѣ эти милые родственники!» — пишетъ онъ Марьѣ Александровнѣ Лопухиной. — Близкаго друга и товарища С. А. Раевскаго не было. Онъ все еще оставался въ ссылкѣ и это удручало Михаила Юрьевича. Поэтъ чувствовалъ себя одинокимъ.

Гляжу на будущность съ боязнью,
Гляжу на прошлое съ тоской,
И, какъ преступникъ передъ казнью,
Ищу кругомъ души родной.....
. . . .
И тьмой и холодомъ объята
Душа усталая моя..... [т. I стр. 269].

Февраля 15-го Михаилъ Юрьевичъ пишетъ въ Москву къ М. Лопухиной [т. V, стр. 417]. «Первые дни послѣ прі-

[1] Ср. письмо къ М. А. Лопухиной, т. V, стр. 418, сообщенія Шанъ-Гирея въ Русск. Обозрѣніи и примѣч. къ поэмѣ, т. II, стр. 230.—Разсказъ Панаева («Литературныя воспоминанія» Спб. 1876 г., стр. 177) о томъ, какъ Лермонтовъ въ кабинетѣ Краевскаго сердился, что Казначейша напечатана «безъ его спроса» не правиленъ. Андр. Ал. Краевскій пояснялъ мнѣ, что Лермонтовъ дѣйствительно сердился и порывался разорвать тетрадку «Современника» [онъ выходилъ въ то время тоненькими выпусками, въ розовой обложкѣ], но негодуя за то, что Жуковскій нѣкоторые стихи передѣлалъ и далъ имъ другое значеніе, а кое что выпустилъ. Какъ извѣстно, Жуковскій продѣлывалъ то же и со стихами Пушкина. Со стихами Лермонтова позднѣе поступалъ такъ и Краевскій, да и другіе издатели.

ѣзда прошли въ постоянной бѣготнѣ: представленія, церемонные визиты!... Да еще каждый день ѣздилъ въ театръ; онъ хорошъ, это правда, но мнѣ ужъ надоѣлъ....... я таки упалъ духомъ и хотѣлъ бы какъ можно скорѣе бросить Петербургъ и уѣхать куда бы то ни было, въ полкъ ли, или хоть къ чорту!»... Ему хочется бросить службу, но родственники противодѣйствуютъ тому. Находятъ, что это вызвало бы неудовольствіе, что его простили — ему надо загладить проступокъ, окончательно примирить съ собою.

Въ концѣ февраля Лермонтовъ пріѣзжаетъ въ полкъ, гдѣ помѣщается на одной квартирѣ съ Н. А. Краснокутскимъ. Здѣсь ему не живется, въ теченіи полутора мѣсяцевъ онъ дважды ѣздитъ въ отпускъ по 8 дней въ Петербургъ. [1] Картежная азартная игра, распространенная между товарищами по полку, ему быстро надоѣдаетъ, да къ тому же онъ раза два проигралъ значительныя суммы. Съ завистью глядитъ онъ на своего товарища поручика Цейдлера, командируемаго на Кавказъ, и ему досадно, что сердце бѣлокураго нѣмца, «полно не *бранной сталью*». Цейдлеръ былъ влюбленъ въ молодую дѣвушку по фамиліи Сталь, и неохотно отправлялся «на войну съ косматыми гяурами», въ страну коихъ поэтъ полетѣлъ бы съ наслажденіемъ [т. I., стр. 274].

Между тѣмъ бабушка поэта не переставала печаловаться о судьбѣ внука и усиленно хлопотала черезъ графа Бенкендорфа о переводѣ Лермонтова опять на прежнее мѣсто служенія, въ Царское село, въ Л. Гв. гусарскій полкъ. Бенкендорфъ, когда Государь былъ въ Закавказскомъ краѣ, уже ходатайствовалъ за поэта, и слѣдствіемъ ходатайства былъ переводъ его въ Гродненскіе гусары. Теперь, подъ воздѣйствіемъ бабки и другихъ родственниковъ поэта, Бенкендорфъ отъ 24 марта [1838] пишетъ военному министру Генералъ-Адъютанту графу Ал. Ив. Чернышеву:...... «Родная бабка его [корнета Лермонтова], огорченная невозможностью безпрерывно видѣть его, ибо по

---

[1] Изъ сообщеній командовавшаго Гродненскимъ гусарскимъ полкомъ Графа Олсуфьева.

старости своей она уже не въ состояніи переѣхать въ Новгородъ, осмѣливается всеподданнѣйше повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества просьбу свою о всемилостивѣйшемъ переводѣ внука ея въ Л. Гв. Гусарскій полкъ, дабы она могла въ глубокой старости [ей уже 80 лѣтъ] спокойно наслаждаться небольшимъ остаткомъ жизни и внушать своему внуку правила чести и преданности къ Монарху, за оказанное уже ему благодѣяніе. Принимая живѣйшее участіе въ просьбѣ этой доброй и почтенной старушки и душевно желая содѣйствовать къ доставленію ей въ престарѣлыхъ лѣтахъ сего великаго утѣшенія и счастія, видѣть при себѣ единственнаго внука своего, я имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Сіятельство, въ особенное, личное мнѣ одолженіе, испросить у Государя Императора къ празднику Св. Пасхи всемилостивое совершенное прощеніе корнету Лермонтову и переводъ его въ Л.-гв. Гусарскій полкъ». [1]

Ходатайство быстро пошло по инстанціямъ. Расположенный къ молодому офицеру Великій князь Михаилъ Павловичъ далъ свое согласіе, и уже 9-го апрѣля Лермонтовъ Высочайшимъ приказомъ переводится въ Л.-гв. Гусарскій полкъ. Онъ былъ прощенъ совершенно. На него было обращено вниманіе начальства, связи были у него хорошія, была протекція, отъ него зависѣло пойти успѣшно по службѣ.

Лермонтовъ вернулся въ Петербургъ другимъ человѣкомъ. Юношеская веселость уступала все чаще припадкамъ меланхоліи. Прежде «обиліе матеріаловъ, бродящихъ въ его мысляхъ, не позволяло ему привести ихъ въ порядокъ и только со времени пребыванія его на Кавказѣ начинается полное обладаніе имъ самимъ собою, знакомство съ своими силами и, такъ сказать, правильная эксплуатація способностей. — Некрасивость его лица въ молодые годы начала уступать мѣсто силѣ выраже-

---

[1] Письмо занумеровано: № 1647. По докладѣ дѣла Государю, послѣдній 27 марта приказалъ испросить мнѣніе В. Кн. Михаила Павловича, что было сдѣлано Гр. Чернышевымъ 30 марта, а 4 апрѣля изъявлено согласіе Великаго Князя. [Дѣло: Министерство военное отд. I столъ 4 № 72], находится теперь въ Лермонтовскомъ музеѣ].

нія и почти исчезла теперь, когда геніальность натуры и мысли стала преобразовывать черты» [1].

Попавъ въ прежній полкъ, на старое пепелище, поэтъ такъ же мало могъ найтись въ немъ, какъ въ обществѣ родственниковъ и домочадцевъ. «Я здѣсь по прежнему скучаю»—пишетъ онъ 8-го іюня С. А. Раевскому — «ученье и маневры производятъ только усталость. Писать не пишу, печатать хлопотно, да и пробовалъ, но не удачно». [т. V стр. 420]. На Кавказѣ было гдѣ искать вдохновенія: красота величественной природы, дикіе нравы горцевъ, свобода жизни боевой, встрѣча съ сильными и самобытными характерами—все это должно было воодушевлять поэта, особенно поэта, какъ Лермонтовъ, съ столь развитою индивидуальностью. Въ Петербургѣ онъ теперь еще болѣе ощутилъ то, что бросилось ему въ глаза еще въ первый пріѣздъ въ 1832 году: «Видѣлъ я—писалъ онъ тогда въ Москву—образчики здѣшняго общества: дамъ очень любезныхъ, молодыхъ людей весьма воспитанныхъ—всѣ они вмѣстѣ производятъ на меня впечатлѣніе сада, въ которомъ хозяйскія ножницы уничтожили все своеобразное».

Оглядываясь вокругъ себя, поэтъ впадаетъ въ мрачное состояніе, и неудивительно, что онъ задумывается надъ поколѣніемъ, къ коему самъ принадлежитъ, съ коимъ недавно еще шелъ объ руку. Грядущее этого поколѣнія представляется ему пустымъ или темнымъ: «Едва изъ колыбели, и жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли, какъ пиръ на

1 Воспоминанія о Лермонтовѣ гр. Ростопчиной въ «Русск. Стар.» 1882 г. Т. 35, стр. 614.—Воспоминанія, писанныя для Дюма и переданныя имъ, по своему носятъ на себѣ печать нѣкоторой легкомысленности относительно сообщаемыхъ данныхъ. Быть можетъ, виною Дюма!? но все же кое что въ запискѣ заслуживаетъ вниманія, такъ какъ Ростопчина хорошо знала Лермонтова, особенно въ послѣдніе годы его жизни, и нѣкоторыя ея сообщенія, [какъ напримѣръ касательно отношеній поэта къ Сушковой-Хвостовой] вполнѣ подтвердились. Что касается до перемѣны въ наружности поэта, то разсказъ Ростопчиной вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что сообщалъ Шанъ-Гирей. Онъ говорилъ о томъ, что въ дѣтствѣ Лермонтовъ былъ наружности привлекательной, если и не красивъ собой; въ школѣ и по выходѣ изъ нея не хорошъ, а позднѣе выраженіе глазъ и прекрасно очерченныхъ губъ останавливало на себѣ вниманіе и даже могло привлекать.

праздникѣ чужомъ». Это-то поколѣніе поэтъ бичуетъ въ своей знаменитой «Думѣ» [т. I стр. 272].

Время, когда Лермонтовъ вернулся въ Петербургъ, было временемъ тяжелаго броженія русской мысли. Передовые кружки 20-хъ годовъ съ ихъ великодушными мечтаньями и космополитическимъ безпочвеннымъ либерализмомъ были разсѣяны. Одни изъ представителей, искавшіе удовлетворенія въ политической агитаціи, погибли. То были декабристы и немногіе запоздалые ихъ послѣдователи. Другіе вели половинчатую жизнь, притаившись, но не отказавшись отъ теорій «общегуманнаго либерализма», осторожно вели пропаганду, сѣя скептицизмъ относительно русской жизни. Большинство изъ нихъ— исключенія были весьма рѣдки—обладало образованіемъ легкимъ, свѣтскимъ, которое дополняло само диллетантически, большею частью по книжкамъ—часто весьма популярнымъ— европейскихъ писателей. Случалось, что сами они въ болѣе зрѣлые годы ужасались своей безпочвенности и, розыскивая выходъ изъ нея, обращались опять уже къ готовымъ рамкамъ и формамъ высшей европейской культуры. «Въ эту дряблую и рыхлую среду, безсильную духомъ, оторванную отъ народной и церковной почвы, питавшей ее вещественно и духовно, врѣзались іезуиты, съ ихъ строго опредѣленнымъ ученіемъ, во всеоружіи испытанной своей діалектики и вѣковой педагогической опытности». [1]

Положимъ, Юрій Самаринъ говоритъ такъ по отношенію къ эпохѣ немного предшествовавшей времени, о которомъ идетъ рѣчь, но и здѣсь происходило тоже. Многіе изъ русскихъ довольно видныхъ лицъ этой эпохи переходятъ въ католицизмъ [2]; а Чаадаевъ въ 36 году въ своихъ *философскихъ письмахъ* «прочитываетъ отходную русской жизни», сильно склоняясь къ принципамъ западно-европейскаго, католическаго міровоззрѣнія.

---

[1] Іезуиты въ Россіи М. 1866 г., стр. 265—267.—Сравни по поводу этого и дальнѣйшаго Пыпинъ: Характеристика литературныхъ мнѣній 20-хъ годовъ, Спб. 1873 г. Сравни тоже Стоюнинъ: Историч. Сочин. Спб. 1881 г. Т. II, Пушкинъ глава VII и проч.

[2] Голицынъ, Гагаринъ, Мартыновъ и другіе.

Подавивъ и разсѣявъ названные выше, либерально космополитическіе, кружки, правительство, однако, вполнѣ сознавало необходимость реформъ въ Россіи. Оно рѣшилось озаботиться о благѣ общества и народа. Оно со вниманіемъ отнеслось ко всѣмъ нуждамъ и требованіямъ. Занялось вопросами внутренней политики, науки, воспитанія, законодательства, крестьянскимъ вопросомъ и проч. Дѣятельность сначала была изумительная. Символомъ поставлена была «народность». Правительство ввело строгую регламентацію. Упрочилось мнѣніе, что устройство государства не представляетъ никакого дѣленія власти, которое производитъ столько постоянныхъ столкновеній въ другихъ странахъ, что не нужно и нельзя допускать никакой борьбы однѣхъ частей націи или сословій противъ другихъ. Всѣмъ назначалось опредѣленное мѣсто, надъ всѣмъ возвышался одинъ руководящій авторитетъ — полная система опеки, сильно смахивавшая на меттернихскую систему. Такимъ образомъ политика, поставившая лозунгомъ своимъ «народность», сама зиждилась не на какой либо новой системѣ, выведенной изъ своеобразныхъ условій русскаго міра, а на взятыхъ на прокатъ изъ европейской жизни понятіяхъ. Въ сущности новый порядокъ вещей представлялъ собою ту же систему, основанную на западно-европейскомъ идеалѣ государства, столь же мало примѣнимому къ нуждамъ Россіи, какъ «идеальный либерализмъ» и космополитическія начала, представителями коихъ были многіе изъ «декабристовъ».

Къ довершенію всего, новая система «народности» приводилась въ исполненіе людьми совершенно неспособными понять, чего должно было ею достигнуть: Бенкендорфы, Дубельты, Клейнмихели, вторгавшіеся во всѣ области народной и государственной жизни, ревниво слѣдили за исполненіемъ предначертаній. Мало по малу они возвели исполнительность въ идеалъ. Они приняли средство за цѣль и видѣли спасеніе въ самой мелочной регламентаціи, которая по этой самой подробности и мелочности не могла быть на практикѣ проводима, и потому открывала широкія двери произволу. Въ хаосѣ невыясненныхъ и противорѣчивыхъ началъ, только небольшая кучка людей—народниковъ—названныхъ въ насмѣшку ихъ про

тивниками кличкой: «славянофилы» [1], пыталась проводить гуманныя и государственныя начала на фундаментѣ истинной народности. Они въ этомъ случаѣ, по отношенію къ русскому государству и жизни, получаютъ значеніе аналогическое значенію романтиковъ въ западной Европѣ, провозглашавшихъ новыя начала гуманности на почвѣ изученія народа. Въ философіи, литературѣ, исторіи и правовѣдѣніи—во всѣхъ сферахъ умственной и государственной жизни сказалось это благотворнымъ обновленіемъ. Только тамъ это основывалось на искусственномъ пробужденіи умершихъ сторонъ народной жизни и вѣрованій, у насъ же этотъ романтизмъ славянофиловъ являлся реальнѣе, потому что самый нашъ народный бытъ не утратилъ той жизненности своей, которая на западѣ была сокрушена искусственною вѣковою опекою католико-схоластическаго строя.

Наши славянофилы, по незначительному числу и по обособленности своего положенія въ обществѣ и администраціи и многимъ причинамъ, не могли привести ученія своего въ стройную систему, а при искусственности и теоретичности нашего общества это было необходимымъ условіемъ для пріобрѣтенія вліянія.

Сначала и въ теченіе многихъ лѣтъ, искусственно созданная система внутренней и внѣшней политики, повидимому, приносила блестящіе результаты. и пріѣзжавшіе въ Россію иностранцы были полны восторженныхъ похвалъ; видѣли оздоровленіе нашей родины, тогда какъ жизнь на западѣ представляла признаки хвори. «У насъ *все обстояло благополучно*», и всѣ тому вѣрили!

Въ существѣ было не то; исполнители предначертаній оказались ниже своего призванія. Въ силу упомянутой регламентаціи и идеала исполнителя, человѣкъ, какъ мыслящая и индивидуальная единица *живаго общества*, уступалъ мѣсто бездушному звену въ цѣлой цѣпи безжизненной организаціи.

Въ это время возникла или особенно развилась рукописная литература, какъ запретный плодъ, сильно дѣйствовавшая на

---

[1] См. выше глава XI, стр. 219.

незрѣлые умы. Направленіе ея было, конечно, обличительнаго или отривающаго свойства. По прежнему оторванная отъ почвы интеллигенція увлекалась этимъ направленіемъ, и когда Чаадаевъ провозгласилъ полный скептицизмъ относительно явленій и хода русской жизни, а Гоголь въ то же время своею яркою сатирою на офиціальный строй показалъ, что «не все обстоитъ благополучно» — общество увлеклось, лозунгъ былъ данъ, и понеслось оно по наклонной плоскости самообличенія и самобичеванія. Въ сумбурѣ теорій и воззрѣній чуждыхъ почвъ было трудно найтись. Натуры цѣльныя и глубокія впадали въ конфликтъ и съ собою и съ обществомъ и только тотъ, кто довольствовался негативнымъ направленіемъ и скептическимъ отношеніемъ ко всему, имѣлъ нѣкоторое удовлетвореніе, хотя бы потому, что плылъ съ общимъ теченіемъ. Какъ ни странно это высказать, а такой человѣкъ всетаки являлся съ своимъ протестомъ менѣе протестующимъ лицомъ, нежели человѣкъ, который добивался самостоятельнаго и сознательнаго міровоззрѣнія съ стремленіями положительнаго, а не отрицательнаго характера.

Лермонтовъ, «выросшій среди общества, гдѣ лицемѣріе и ложь считались признаками хорошаго тона, до послѣдняго вздоха оставался чуждъ всякой лжи и притворства... Неопредѣленныя теоріи и мечтанія были ему совершенно чужды; куда ни обращалъ онъ взора, къ небу ли, или къ аду, онъ всегда отыскивалъ прежде твердую точку опоры на землѣ...» [1] Поэтому онъ не могъ удовлетвориться ни единой изъ нашихъ соціально-политическихъ системъ, ни единымъ ученіемъ нашихъ философовъ-публицистовъ или общественно-государственныхъ дѣятелей. Молодымъ человѣкомъ, среди тревогъ и волненій своей молодой мысли, онъ проходилъ всѣ фазисы умственнаго направленія, отъ космополитическаго байронизма до восторженнаго поклоненія идеѣ народности; но души стремленья и тревогу уяснить себѣ онъ не успѣлъ, или не съумѣлъ, а не съумѣлъ потому, что шелъ одинъ, своимъ путемъ, путемъ

---

[1] Bodenstedt: Michail Lermontoffs poetischer Nachlass. Berlin 1852 г., т. II, стр. 318 и 319.

человѣка, добивающагося самостоятельности развитія, а не плылъ по одному изъ теченій существовавшихъ въ современномъ ему обществѣ.

Мы говорили выше [стр. 220], какъ поэтъ пытался доработаться до яснаго пониманія вещей на реальной почвѣ жизни Съ славянофилами его судьба не столкнула; съ нѣкоторыми представителями космополитическихъ либеральныхъ мечтателей онъ познакомился на Кавказѣ, гдѣ странствовалъ съ однимъ изъ самыхъ развитыхъ и симпатичныхъ изъ нихъ, декабристомъ княземъ Одоевскимъ [1]. Ни докторъ Майеръ, ни

---

1 Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій [декабристъ] тоже считался въ Тенгинскомъ полку, и Лермонтовъ зналъ его, познакомясь съ нимъ въ 1837 году на черноморской линіи. Одоевскій скончался 10 октября 1839 года въ Псезуапе. Г-нъ Филипсонъ разсказываетъ [Русск. Арх. 1883 г. III,315], что видѣлъ поэта незадолго до смерти въ палаткѣ, въ лихорадочномъ бреду. Одоевскій приписывалъ болѣзнь тому, что «начитался Шиллера въ подлинникѣ на сквозномъ вѣтру черезъ поднятыя полы палатки». Когда Г-нъ Филипсонъ черезъ двѣ недѣли вернулся въ Псезуапе, то нашелъ лишь свѣжую могилу, надъ которой высился крестъ, выкрашенный красною масляной краской. Черезъ годъ, когда войска вновь завладѣли занятымъ горцами Псезуапе, могила Одоевскаго оказалась разрытою горцами, и «костямъ бѣднаго Одоевскаго не суждено было успокоиться въ этой второй для него сторонѣ изгнанія». При послѣднихъ минутахъ тихаго поэта-страдальца былъ финляндецъ Стольстетъ «олицетвореніе доброты и честности», за что и былъ любимъ Одоевскимъ, но дѣтская доброта и искренность еще не были залогомъ того, что бы Стольстетъ былъ въ состояніи понять глубокую и чудную душу Одоевскаго, а въ особенности думы, занимавшія этотъ свѣтлый, образованный умъ. Поэтому Лермонтовъ былъ правъ, говоря:

Ты умеръ, какъ и многіе, безъ шума,
Но съ твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челѣ твоемъ,
Когда глаза закрылись крѣпкимъ сномъ;
И то, что ты сказалъ передъ кончиной,
Изъ слушавшихъ тебя *не понялъ ни единой.*
И было ль то—привѣтъ странѣ родной,
Названье ли оставленнаго друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль просто крикъ послѣдняго недуга,
Кто скажетъ намъ?.... Твоихъ послѣднихъ словъ
Глубокое и горькое значенье
Потеряно......

декабристы Лореръ, Лихаревъ, Назимовъ и другіе, не могли, впрочемъ, не смотря на все желаніе, удовлетворить его, да и сами не понимали, чего добивался Лермонтовъ.

Декабристъ Назимовъ, котораго въ 1879 или 80 году посѣтилъ я въ Псковѣ, именно съ цѣлью узнать о Лермонтовѣ, съ коимъ онъ встрѣчался въ Пятигорскѣ, говорилъ: «Лермонтовъ сначала часто захаживалъ къ намъ и охотно и много говорилъ съ нами о разныхъ вопросахъ личнаго, соціальнаго и политическаго міровоззрѣнія. Сознаюсь, мы плохо другъ друга понимали. Передать теперь черезъ сорокъ лѣтъ разговоры, которые вели мы, невозможно. Но насъ поражала какая-то словно сбивчивость, неясность его воззрѣній. Онъ являлся подъ часъ какимъ-то реалистомъ, прилѣпленнымъ къ землѣ, безъ полета, тогда какъ въ поэзіи онъ рѣялъ высоко на могучихъ своихъ

Еще черезъ часъ послѣ кончины на лбу Одоевскаго выступилъ потъ крупными каплями. Тѣло было теплое. Семь собравшихся докторовъ не могли однако возвратить поэта къ жизни.—[Записки Лорера, стр. 650].

Лермонтовъ былъ въ Царскомъ Селѣ, когдо до него дошла вѣсть о смерти Одоевскаго и онъ написалъ стихотвореніе «памяти Одоевскаго».

Я зналъ его: мы странствовали съ нимъ
Въ горахъ востока, и тоску изгнанья
Дѣлили дружно; но къ полямъ роднымъ
Вернулся я, и время испытанья
Промчалося законной чередой,
А онъ не дождался минуты сладкой:
Подъ бѣдною походною палаткой
Болѣзнь его сразила, и съ собой
Въ могилу онъ унесъ летучій рой
Еще незрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній,
Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній!

Генералъ Филипсонъ [см. выше примѣч. на стр. 267] нападая на Лермонтова якобы утверждающаго, что былъ свидѣтелемъ смерти Одоевскаго, введенъ въ заблужденіе наглядностью, съ какою Лермонтовъ описываетъ мѣстность и природу, среди коей скончался Одоевскій. Но въ этомъ помогли Лермонтову не только поэтическая его фантазія, но и то обстоятельство, что онъ дѣйствительно былъ въ 1837 году въ отрядѣ на Черноморской линіи, какъ гласитъ его формулярный списокъ, хотя многіе напрасно старались отвергнуть этотъ фактъ [см. статью мою: отвѣтъ «штатскаго» писателя «военному» Ист. вѣст. 1885 года Іюнь стр. 712].

Кн. Одоевскій былъ товарищъ и другъ Грибоѣдова, на котораго онъ послѣ разлуки послѣдняго съ Бѣляевымъ имѣлъ большое и благотворное

крылахъ. Надъ нѣкоторыми распоряженіями правительства, коимъ мы отъ души сочувствовали, и о коихъ мы мечтали въ нашей несчастной молодости, онъ глумился. Статьи журналовъ, особенно критическія, которыя являлись будто наслѣдіемъ лучшихъ умовъ Европы и заживо задѣвали насъ и вызывали восторги, что въ Россіи можно такъ писать, не возбуждали въ немъ удивленія. Онъ или молчалъ на прямой запросъ, или отдѣлывался шуткой и сарказмомъ. Чѣмъ чаще мы видѣлись, тѣмъ менѣе клеилась серіозная бесѣда. А въ немъ теплился огонекъ оригинальной мысли—да впрочемъ и молодъ же онъ былъ еще!» [1].

Любопытно сужденіе о Лермонтовѣ еще одного изъ его современниковъ, князя Васильчикова, пытающагося разъяснить какое положеніе занималъ въ это время поэтъ между современной ему молодежью. «Лермонтовъ былъ *представитель направленія, противнаго тогдашнему поколѣнію великосвѣтской молодежи*, онъ отдѣлился отъ него при самомъ

вліяніе. Грибоѣдовъ былъ членомъ ложи «des amis réunis», при чемъ принадлежалъ къ первой степени членовъ, тогда какъ Чаадаевъ и Пестель къ пятой степени. Когда Грибоѣдова охватилъ водоворотъ столичной жизни, его оберегала дружба Одоевскаго, натуры нѣжной съ умомъ и съ братскою любовью къ ближнимъ. Матеріалы для Истор. Масонскихъ ложъ, статья Пыпина въ Вѣстн. Евр. 1872 г. кн. 2-я.—Баронъ Розенъ, записки декабристовъ, Лейпцигъ, 1870 г., стр. 364. Ст. Сиротинина, «Истор. Вѣстн.» 1883 г. Май, стр. 398]. Неудивительно, что такой человѣкъ долженъ былъ произвести глубокое впечатлѣніе на Лермонтова и общеніе съ нимъ не могло не оставить слѣда въ чуткой душѣ нашего поэта.

[1] Князь А. И. Васильчиковъ разсказывалъ мнѣ, что хорошо помнитъ какъ не разъ Назимовъ, очень любившій Лермонтова, приставалъ къ нему, чтобы онъ объяснилъ ему, что такое современная молодежь и ея направленія, а Лермонтовъ, глумясь и пародируя салонныхъ героевъ, утверждалъ, что «у насъ нѣтъ никакого направленія, мы просто собираемся, кутимъ, дѣлаемъ карьеру, увлекаемъ женщинъ», онъ напускалъ на себя la fanfaronade du vice, и тѣмъ сердилъ Назимова. Глѣбову не разъ приходилось успокоивать расходившагося декабриста, въ то время какъ Лермонтовъ, схвативъ фуражку, съ громкимъ хохотомъ выбѣгалъ изъ комнаты и уходилъ на бульваръ на уединенную прогулку, до которой онъ былъ охотникъ. Онъ вообще любилъ или шумъ и возбужденіе разговора хотя бы самаго пустаго, но тревожившаго его нервы, или совершенное уединеніе.

своемъ появленіи на поприщѣ своей будущей славы извѣстными стихами: «а вы надменные потомки»......, и съ того дня онъ сталъ въ нѣкоторыя, если не непріязненныя, то холодныя отношенія къ товарищамъ Дантеса, убійцы Пушкина, и даже въ томъ полку, гдѣ онъ служилъ, его любили немногіе... Парады и разводы для военныхъ, придворные балы и выходы для кавалеровъ и дамъ, награды въ торжественные сроки праздниковъ 6-го декабря, въ новый годъ и въ Пасху, производство въ гвардейскихъ полкахъ и пожалованіе дѣвицъ въ фрейлины, а молодыхъ людей въ камеръ-юнкеры — вотъ и все, рѣшительно все, чѣмъ интересовалось это общество, представителями коего были не Лермонтовъ и Пушкинъ, а молодцоватые Скалозубы и всепокорные Молчалины. Лермонтовъ и тѣ немногіе изъ его сверстниковъ и единомышленниковъ, которыхъ рожденіе обрекло на прозябаніе въ этой холодной средѣ, сознавали глубоко ея пустоту и не зная, куда дѣться, не находя пищи ни для дѣла, ни для ума, предавались буйному разгулу—разгулу, погубившему многихъ изъ насъ. Лучшіе изъ офицеровъ старались вырваться изъ Михайловскаго манежа и Красносельскаго лагеря на Кавказъ, а молодые люди, привязанные родственными связями къ гвардіи и къ придворному обществу, составляли группу самыхъ бездарныхъ и безцвѣтныхъ парадёровъ и танцоровъ.

«Эта-то пустота окружающей его свѣтской среды, эта ничтожность людей, съ которыми ему пришлось жить и знаться, и наложили на всю поэзію и прозу Лермонтова печальный оттѣнокъ тоски, безсознательной и безплодной: онъ печально глядѣлъ «*на толпу этой угрюмой*» молодежи, которая дѣйствительно прошла *безслѣдно*, какъ и предсказывалъ поэтъ, и нынѣ, достигнувъ зрѣлаго возраста, дала отечеству такъ мало полезныхъ дѣятелей; «*ему некому было руку подать въ минуту душевной невзгоды*», и когда, въ невольныхъ странствованіяхъ и ссылкахъ, удавалось ему встрѣчать людей другаго закала, въ родѣ Одоевскаго, онъ изливалъ свою современную грусть въ души людей другого поколѣнія, другихъ временъ. Съ ними онъ дѣйствительно мгновенно сходился, ихъ глубоко уважалъ, и одинъ изъ нихъ, еще нынѣ

живущій, М. А. Назимовъ, могъ бы засвидѣтельствовать, съ какимъ потрясающимъ юморомъ онъ описывалъ ему, выходцу изъ Сибири, ничтожество того поколѣнія, къ коему принадлежалъ» [1].

Панаевъ, часто видавшій Лермонтова, въ воспоминаніяхъ своихъ характеризуетъ его сходнымъ образомъ. «Онъ былъ неизмѣримо выше среды, окружавшей его и не могъ серьезно относиться къ такого рода людямъ. Ему, кажется, были особенно досадны послѣдніе. — Это тупые мудрецы, важничающіе своею дѣльностью и разсудочностью и не видящіе далѣе своего носа. Есть какое-то наслажденіе *казаться* самымъ пустымъ человѣкомъ, даже мальчишкой и школьникомъ передъ такими господами. И для Лермонтова это было, кажется, дѣйствительнымъ наслажденіемъ?..»

---

[1] Князь А. И. Васильчиковъ написалъ въ 1875 году въ «Голосѣ» № 15 нѣсколько словъ въ оправданіе Лермонтова отъ нареканій Маркевича, который въ своей повѣсти «Двѣ маски» назвалъ Лермонтова «*представителемъ тогдашняго поколѣнія гвардейской молодежи*» Это возмутило князя «Впрочемъ», замѣчаетъ онъ уже по адресу Русск. Вѣстника, въ которомъ появилась повѣсть Маркевича, «можетъ быть, что въ тѣхъ видахъ, въ коихъ редактируется этотъ журналъ, требуется именно представить Лермонтова и Пушкина типами великосвѣтскаго общества», чтобъ облагородить описаніе этого общества,» и внушить молодому поколѣнію, незнавшему Лермонтова, такое понятіе, что гвардейскіе офицеры и камеръ-юнкеры тридцатыхъ годовъ были всѣ болѣе или менѣе похожи на нашихъ двухъ великихъ поэтовъ, по своему высокому образованію и образу мыслей. Но это не только невѣрно, но совершенно противоположно правдѣ.» Справедливая и горячая защита Лермонтова дѣлаетъ тѣмъ болѣе чести кн. Васильчикову, что самъ онъ въ свое время не мало чувствовалъ на себѣ сарказмъ Лермонтова. Васильчиковъ и есть тотъ молодой князь, къ которому, по разсказу Боденштедта, въ Москвѣ за общимъ обѣдомъ такъ сильно приставалъ Лермонтовъ со своими сарказмами и шпильками. —

Статью свою, въ Голосѣ, князь оканчиваетъ словами:

«Къ сожалѣнію, Лермонтовъ прожилъ весь свой короткій вѣкъ въ одномъ очень тѣсномъ кружкѣ, и прочіе слои нашего русскаго общества зналъ очень мало. Поэтому, его описанія и относятся почти исключительно къ высшему кругу великосвѣтскаго общества, въ коемъ онъ вращался и которое изучилъ вѣрно и глубоко. Но онъ не былъ представитель этого общества, а напротивъ, его обличитель и противникъ, и онъ очень бы оскорбился, а можетъ быть, и посмѣялся, еслибъ кто-нибудь «*мимоходомъ назвалъ его представителемъ гвардейской молодежи тогдашняго поколѣнія*».

Выше [стр. 34 и 56] мы сравнивали уже Лермонтова съ Гейне и теперь не можемъ не указать на одинъ характерный сонетъ великаго германскаго лирика, весьма ясно выражающій состояніе души, о которомъ говоритъ Панаевъ, описывая Лермонтова.

„Дай маску мнѣ,—хочу маскироваться
Я пошлякомъ, чтобы въ толпѣ глупцовъ
Въ личинахъ геніевъ, героевъ, мудрецовъ,
Не могъ бы ихъ подобіемъ казаться.
Дай мнѣ ту пошлость, что они скрываютъ...
...Чтобъ могъ я на великомъ маскарадѣ—
Съ толпой смѣшавшись—мало кѣмъ быть узнанъ [1]

И такъ Лермонтовъ пріѣхалъ въ 38 году въ Петербургъ во время пробужденія у насъ отрицательнаго отношенія къ русской жизни. То, что видѣлъ онъ въ Петербургѣ, его не привлекало. Что за люди были передъ нимъ? Что выработала жизнь наша? Отрицаніе всего? Онъ, Лермонтовъ, искалъ положительнаго и не нашелъ его, и вотъ, по неизъяснимой волѣ рока, самъ долженъ былъ отрицать, отрицать отрицателей. Это крайняя грань скептицизма. «Только русская душа способна дойти до такой безпощаднѣйшей послѣдовательности мысли и чувства» [2]. Это ужъ скептицизмъ, который обратился самъ противъ себя.

Да, эти люди, бичевалъ ихъ поэтъ: «Надъ міромъ пройдутъ

---

[1] Gieb her die Larv, ich will mich jetzt maskiren
In einen Lumpenkerl, damit Hallunken,
Die prächtig in Charaktermasken prunkeu,
Nicht wähnen, ich sei einer von den Ihren.
Gieb her gemeine Worte und Manieren,
Ich zeige mich in Pöbelart versunken,
Verläugne all'die schönen Geistesfunken,
Womit jetzt fade Schlingel kokettieren.
So tanz'ich auf dem grossen Maskenballe...
...Von Harlekin gegrüsst, erkannt von Wen'gen.
[Heine: Buch der Lieder Fresko—Sonette an Chr. S.].

[2] Аполлонъ Григорьевъ: Лермонтовъ и его направленіе, крайнія грани развитія отрицательнаго взгляда. Время 1862 г.—Мы, впрочемъ, въ существѣ не соглашаемся съ выводами почтеннаго критика. Правда, у него не доставало матеріала для полной оцѣнки души и значенія Лермонтова.

не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой, ни геніемъ начатаго труда». Господствовавшая система выдвинула людей пѣшекъ, захудалыхъ въ искусственной атмосферѣ:

Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы;
Передъ опасностью позорно-малодушны,
И передъ властію презрѣнные рабы.

Живетъ это поколѣніе случайною жизнью: «Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ ни любви»... Каждая строка «Думы» поражаетъ и бьетъ общество. Каждая строка продиктована скорбью человѣка, рвущагося вонъ изъ бѣдной дѣйствительности и связаннаго съ ней несокрушимыми путами, потому что онъ всѣми корнями своими въ почвѣ. Онъ не можетъ и не хочетъ искусственно, слѣдовательно лживо, улетать въ области мечтаній, неимѣющихъ ничего общаго съ реализмомъ жизни.

«Лермонтовъ былъ счастливъ только когда творилъ; а творить онъ могъ только въ минуты вдохновенія, — чтобы ни вдохновляло его: радость, горе, негодованіе, отчаяніе, или гордое сознаніе своей силы». Негодованіе вдохновило его написать «Думу» — затѣмъ онъ впадаетъ въ мрачное настроеніе души—въ апатію. Весну и лѣто 1838 года онъ почти ничего не пишетъ. «Лермонтовъ со своимъ врожденнымъ стремленіемъ къ прекрасному, которое безъ добра и истины не можетъ существовать, очутился *совершенно одинъ* въ чуждомъ ему мірѣ... Окружавшіе его люди не понимали его, или не смѣли понимать и, такимъ образомъ, онъ находился въ постоянной опасности ошибаться въ самомъ себѣ или въ человѣчествѣ [1]».

И скучно и грустно и некому руку подать... [т. I стр. 296].

Въ вяломъ настроеніи проходятъ весна и лѣто, затѣмъ поэтъ опять пробуждается къ жизни и творчеству.

Имя Лермонтова получило тогда уже громкую извѣстность и дѣлало его въ свѣтѣ оригинальною новостью, онъ былъ рѣшительно въ модѣ, и съ наступившимъ зимнимъ сезономъ въ

---

1 Bodenstedt въ означ. мѣстѣ.—Переведена статья его въ Современникѣ 1861 г. февр. книга, стр. 317.

столицѣ его вырывали другъ у друга. Близкій свидѣтель А. Н. Муравьевъ подтверждаетъ это, объясняя, какъ пребываніе на Кавказѣ прибавляло новый поводъ къ интересу публики. Вообще «юные воители, возвращаясь съ Кавказа, были принимаемы какъ герои. Помню, что конногвардеецъ Глѣбовъ [другъ Лермонтова] выкупленный изъ плѣна горцевъ, сдѣлался предметомъ любопытства всей столицы. Одушевленные разсказы Марлинскаго рисовали Кавказъ въ самомъ поэтическомъ видѣ» [1]. Неудивительно, что Лермонтовскія пѣсни и поэмы касавшіяся Кавказа и его природы, заинтересовывали публику еще въ рукописяхъ. Въ особенности дамы распространяли славу молодого поэта, на перерывъ списывая его произведенія и преимущественно поэму «Демонъ». Мы уже говорили, что рукописная литература тогда особенно была въ модѣ и многое еще до печати или запрещенное цензурою читалось всѣми образованными людьми, какъ въ наши дни «Крейцерова соната» и другія произведенія графа Толстого. Даже кто-то изъ лицъ царской фамиліи, разсказываетъ Шанъ-Гирей, пожелалъ имѣть списокъ «Демона» и Лермонтовъ приготовилъ тщательно просмотрѣнный экземпляръ, который черезъ нѣсколько дней былъ возвращенъ ему обратно [2].

---

1 Муравьевъ, Знакомство съ русскими поэтами, стр. 26.

2 Шанъ-Гирей утверждаетъ даже, что это и есть окончательная обработка—говоритъ, что экземпляръ долженъ находиться у Алопеуса, и что цензура его одобрила. [Русск. Обозр. авг. 1890 г. стр. 745]. Это то и есть очеркъ поэмы 1838 года, напечатанный мною полностію въ «Русск. Вѣстникѣ» 1889 г. мартъ. — [т. II, стр. 94 и 115]. Онъ посланъ былъ В. А. Лопухиной 8 го сентября. На Кавказѣ Шанъ Гирей увѣрялъ меня въ томъ же, но я доказалъ ему противное. Въ очеркѣ 1838 года, нѣтъ еще даже клятвы Демона. Цензура не разрѣшала печатать поэму, какъ тамъ же ошибочно утверждаетъ Шанъ Гирей, что видно и изъ письма Краевскаго къ Панаеву отъ 10 октября 1839 года, въ коемъ онъ жалуется на недостатокъ стиховъ для книжекъ «Отечественныхъ записокъ:» .. «Лермонтовъ отдалъ *бабамъ* читать своего «Демона», изъ котораго *хотѣлъ напечатать отрывки*, и бабы чортъ знаетъ куда дѣли его, а у него ужь разумѣется нѣтъ черноваго; таковъ мальчикъ уродился»!.. [Панаевъ Литер. воспом стр. 256]. — Цензура не разрѣшала печатаніе «Демона» вплоть до 1860 года, когда онъ впервые появился въ изданіи сочин. Лермонтова, предпринятомъ Дудышкинымъ. — Правда, для янв. кн. Отеч. зап. на 1842 годъ поэма была даже набрана, но цензура не разрѣшила снова

Нельзя не упомянуть здѣсь объ обстоятельствѣ, слышанномъ мною отъ нѣкоторыхъ современниковъ. Нескромные стихи Лермонтова, писанные имъ въ школѣ гвардейскихъ юнкеровъ и по выходѣ изъ нея, еще тогда доставили ему извѣстность между гвардейскими товарищами, переписывавшими эти поэмы и лирическія изліянія въ свои «холостецкіе альбомы». Эта печальная слава «поэта, послѣдователя Баркова», долго числилась за Лермонтовымъ и случалось, что когда дамы зачитывались рукописными экземплярами «Демона», мужья и братья съ испугомъ хватались за рукопись, думая видѣть передъ собою одно изъ нескромныхъ твореній своего однокашника. Они не допускали мысль, чтобы «Маёшка» могъ писать въ другомъ духѣ, и позднѣе еще никакъ не могли свыкнуться съ мыслью, что корнетъ Лермонтовъ могъ въ то же время быть замѣчательмъ поэтомъ. «Entre nous soit dit—говорилъ намъ одинъ изъ товарищей Лермонтова—я не понимаю, что о Лермонтовѣ такъ много говорятъ; въ сущности онъ былъ препустой малый, плохой офицеръ и поэтъ не важный. Въ то время мы всѣ писали такіе стихи. Я жилъ съ Лермонтовымъ въ одной квартирѣ, я видѣлъ не разъ, какъ онъ писалъ. Сидитъ, сидитъ, изгрызетъ множество перьевъ, наломаетъ карандашей и напишетъ нѣсколько строкъ. Ну развѣ это поэтъ»?!..[1].

Въ кружкахъ записныхъ литераторовъ Лермонтовъ не чувствовалъ себя хорошо и рѣдко, рѣдко появлялся въ нихъ. По вышеописаннымъ свойствамъ своимъ, онъ не могъ примкнуть ни къ одной изъ журнальныхъ партій. Онъ былъ врагъ всякой «кружковщины». Разныя колеи, въ коихъ двигались литературные дѣятели разныхъ лагерей, претили ему. Въ кабинеты редакторовъ онъ старался заходить когда въ нихъ не было литературной братіи. «Лермонтовъ нисколько не похо-

---

[1] Русская Старина 1885 г., т. XLV, стр. 476. Я бы не приводилъ здѣсь этого мнѣнія, если бы оно не принадлежало человѣку почтенному, образованному и извѣстному біографамъ Лермонтова. На сообщенія его о поэтѣ ссылаются постоянно, и мы дѣйствительно обязаны ему многими свѣдѣніями; но близко стоящій къ человѣку замѣчательному, еще «недостигшему славы, не видитъ таланта—по французской пословицѣ: il n'y a pas de grand homme pour son valet de chambre».

дилъ на тѣхъ литераторовъ, съ которыми я познакомилась», замѣчаетъ Головачева[1]. Стоя особнякомъ, не сближаясь съ литераторами вообще, Лермонтовъ однако съ нѣкоторыми лицами, соприкасавшимися съ литературой, поддерживалъ постоянныя и дружескія сношенія. Таковыми были князь Вл. Ѳ. Одоевскій[2], А. А. Краевскій, А. Н. Муравьевъ и только отчасти Жуковскій и кн. Вяземскій, гр. Сологубъ, Мятлевъ, Вьельгорскій и другіе. Первые два были ему особенно близки. Съ прочими Лермонтовъ встрѣчался больше въ салонахъ образованныхъ женщинъ высшаго общества, находившихся въ дружескихъ отношеніяхъ съ лучшими нашими писателями, какъ Гоголь и Пушкинъ. То была семья Карамзиныхъ, особенно дружественно расположенная къ поэту, А. О. Смирнова [рожд. Россетти], графиня Ростопчина, извѣстная писательница и другія.

Между тѣмъ Краевскій вновь задумалъ издавать «Отечественныя записки». о чемъ онъ мечталъ еще въ 1836 году, но разрѣшенія не получилъ, такъ какъ въ то время неохотно соглашались на учрежденіе новыхъ или возобновленіе старыхъ журналовъ. Да противъ воскрешенія «Отечественныхъ записокъ» интриговалъ и Булгаринъ. Тогда-то Краевскій припринялъ на себя редакторство «Литературныхъ прибавленій» къ «Русскому Инвалиду», купленныхъ у Воейкова Плюшаромъ. Подѣла Плюшара пошли плохо, онъ близился къ банкротству; и вотъ убѣдили Свиньина похлопотать о возобновленіи «Отечественныхъ записокъ», коихъ онъ былъ издателемъ съ 1822 по 1830 годъ. Затѣмъ журналъ прекратился. Свиньинъ сталъ дѣйствовать черезъ родственника своего, всесильнаго Клейнмихеля, и дѣйствительно въ половинѣ 1838 года Свиньину, какъ бывшему собственнику «Отечественныхъ записокъ», разрѣшили вновь издавать ихъ. Краевскій уговорилъ кн. Одоевскаго и зятя его Врасскаго, Панаева, Владиславлева и другихъ внести по 3500 рублей и купить у Свиньина изданіе. Передача состоялась; редакторомъ былъ назначенъ Краевскій. Публика, охладѣвшая къ «Библіотекѣ для чтенія», съ нетерпѣні-

[1] Воспоминанія. Глава IV, стр. 86, 1890 г

[2] Объ Одоевскомъ ср. статью Пятковскаго, Истор. Вѣстн. 1880 г., т. I, стр 505.

емъ стала ожидать появленія новаго журнала, о которомъ «за» и «противъ» ходили преувеличенные слухи. Краевскій постарался привлечь всѣ лучшія силы и извѣстныя имена литературныхъ дѣятелей[1]. Января 1-го 1839 года вышла первая книжка. Она и слѣдующія за нею книги были встрѣчены въ обществѣ шумно. Журналъ произвелъ эффектъ.

Къ сотрудничеству въ «Отечественныхъ запискахъ» Краевскій привлекъ и Лермонтова, который началъ здѣсь печатаніе повѣстей своихъ изъ «Героя нашего времени». Уже во второй, и потомъ четвертой книжкахъ журнала были напечатаны «Бэла» и «Фаталистъ». Бэла подъ заглавіемъ: «Разсказъ изъ записокъ офицера на Кавказѣ». Кромѣ этого въ первыхъ книжкахъ поэтъ помѣстилъ и нѣсколько изъ своихъ лирическихъ стихотвореній. Михаилъ Юрьевичъ со времени возвращенія своего съ Кавказа «сталъ входить въ моду». Но это его не особенно тѣшило, хотя до высылки на Кавказъ онъ этого упорно добивался. Въ началѣ 1839 года онъ пишетъ Марьѣ Александровнѣ Лопухиной...

„Я несчастнѣйшій человѣкъ, и вы мнѣ повѣрите, узнавъ, что я ежедневно ѣзжу по баламъ: я пустился въ *большой свѣтъ*. Въ теченіе мѣсяца на меня была мода, меня искали наперерывъ... Весь народъ, который я оскорблялъ въ стихахъ моихъ, осыпаетъ меня ласкательствами, самыя хорошенькія женщины просятъ у меня стиховъ и торжественно ими хвастаютъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ скучно... Можетъ-быть, вы найдете страннымъ, искать удовольствій и скучать ими, ѣздить по гостинымъ, не находя тамъ ничего занимательнаго. Ну, я вамъ открою мои побужденія. Вы знаете, что самый главный мой недостатокъ— суетность и самолюбіе; было время, когда я, какъ новичекъ, искалъ доступа въ это общество; аристократическія двери были для меня заперты; теперь въ это же самое общество я вхожу уже не искателемъ, а человѣкомъ, завоевавшимъ себѣ права. Я возбуждаю любопытство, меня ищутъ, меня всюду приглашаютъ, даже когда я не выражаю къ тому ни малѣйшаго желанія; дамы, съ притязаніями собирать замѣчательныхъ людей въ своихъ гостиныхъ, хотятъ, чтобы я у нихъ былъ, потому что вѣдь я тоже *левъ*; да я, вашъ Мишель, добрый малый, у котораго вы никогда не подозрѣ-

---

1 Воспоминанія Панаева.—Соч. Плетнева, т. III, стр. 391: письмо къ кн. Вяземскому.—Письмо ко мнѣ В. А. Бильбасова въ матеріалахъ моихъ по біографіи Лермонтова.

вали гривы. Согласитесь, что все это можетъ опьянять; но, къ счастію, меня выручаетъ природная моя лѣность, и мало-по-малу я начинаю находить все это довольно невыносимымъ. Эта новая опытность полезна въ томъ, что она мнѣ дала оружіе противъ этого общества, и если когда-либо оно будетъ меня преслѣдовать своими клеветами [что непремѣнно случится], тогда у меня будетъ, по крайней мѣрѣ, средство для отмщенія; вѣдь нигдѣ не встрѣчается столько низкаго и смѣшного, какъ тутъ. Увѣренъ, что вы никому не передадите моего хвастовства; вѣдь тогда меня нашли бы наиболѣе смѣшнымъ человѣкомъ; съ вами я говорю, какъ съ своею совѣстью. Оно же очень пріятно исподтишка смѣяться съ человѣкомъ, готовымъ всегда раздѣлять ваши чувства, смѣяться надъ предметами, которыхъ глупцы такъ ищутъ и которымъ такъ завидуютъ". [т. V, стр. 422].

Въ концѣ года въ домѣ знатной петербургской дамы княгини Ш—ой встрѣчаетъ Лермонтова И. С. Тургеневъ. «Лермонтовъ, разсказываетъ намъ знаменитый писатель, помѣстился на низкомъ табуретѣ передъ диваномъ, на которомъ, одѣтая въ черное платье, сидѣла одна изъ тогдашнихъ столичныхъ красавицъ— бѣлокурая графиня М[усина]-П[ушкина]—рано погибшее, дѣйствительно прелестное созданіе[1]. На Лермонтовѣ былъ мундиръ лейбъ гвардіи гусарскаго полка; онъ не снялъ ни сабли, ни перчатокъ—и, сгорбившись и насупившись, угрюмо посматривалъ на графиню. Она мало съ нимъ разговаривала и чаще обращалась къ сидѣвшему рядомъ съ нимъ графу Ш—у, тоже гусару. Въ наружности Лермонтова было что-то зловѣщее и трагическое; какой-то сумрачной и недоброй силой, задумчивой презрительностью и страстью вѣяло отъ его смуглаго лица, отъ его большихъ и неподвижныхъ темныхъ глазъ. Ихъ тяжелый взоръ странно не согласовался съ выраженьемъ почти дѣтски-нѣжныхъ и выдававшихся губъ. Вся его фигура, приземистая, кривоногая, съ большой головой на сутулыхъ, широкихъ плечахъ возбуждала ощущеніе непріятное; *но присущую мощь тотчасъ сознавалъ всякій*... Помнится, графъ Ш. и его собесѣдница внезапно засмѣялись чему-то и смѣялись долго; Лермонтовъ тоже засмѣялся, но въ то же время

[1] Лермонтовъ по просьбѣ ея написалъ ей въ альбомъ граціозное стихотвореніе: «Графиня Эмилія бѣлѣе, чѣмъ лилія» и т. д. [т. I, стр. 284].

съ какимъ-то обидныыъ удивленіемъ оглядывалъ ихъ обоихъ. Несмотря на это, мнѣ всетаки казалось, что и графа Ш. онъ любилъ какъ товарища—и къ графинѣ питалъ чувство дружелюбное... Внутренно Лермонтовъ вѣроятно скучалъ глубоко; *онъ задыхался въ тѣсной сферѣ, куда его втолкнула судьба*».[1]

Въ обществѣ конечно далеко не всѣ были расположены къ Лермонтову. Его положеніе напоминало положеніе Пушкина въ придворныхъ кружкахъ. Многіе, очень многіе его ненавидѣли и находили, что, являясь въ гостиныхъ высшихъ сферъ, онъ «садился не въ свои сани», что онъ дерзокъ и смѣлъ. Преимущественно держались мнѣнія этого мущины, коихъ сердило, что молодой гвардейскій «офицерикъ» выказывалъ независимость характера, а порою и нѣкоторую презрительность въ обращеніи. Не мало, быть можетъ, способствовало чувству непріязни къ поэту вниманіе, оказываемое ему женщинами, въ которыхъ влюбленъ былъ весь петербургскій «beau monde». Лермонтовъ сознавалъ, что къ нему относятся непріязненно и не даромъ предчувствовалъ, что настанетъ время, когда его «будутъ преслѣдовать клеветами». Это время настало скорѣе нежели онъ полагалъ. Вниманіе и дружба, оказываемая ему графиней Мусиной-Пушкиной, и чувство, внушаемое имъ княгинѣ Щербатовой, рожденной Штеричъ[2], возбуждали зависть и выразились особенно рельефно въ повѣсти «Большой свѣтъ», написанной графомъ Соллогубомъ по желанію лицъ изъ высшихъ сферъ, а затѣмъ и въ дѣлѣ его дуэли съ де-Барантомъ.

«Подъ новый 1840 годъ, на маскированномъ балу дворянскаго собранія, Лермонтову не давали покоя—разсказываетъ очевидецъ[3]—безпрестанно приставали къ нему, брали за руки, одна маска смѣнялась другою, а онъ почти не сходилъ съ мѣста и молча слушалъ ихъ пискъ, поочередно обращая на нихъ свои сумрачные глаза. Мнѣ тогда же почудилось, что

---

1 Тургеневъ: Литературныя воспоминанія, стр. LXXXV.
2 Вторымъ бракомъ, уже позднѣе, она была за Лутковскимъ.
3 Ив. Серг. Тургеневъ въ вышеуказанномъ мѣстѣ.

я уловилъ на лицѣ его прекрасное выраженіе поэтическаго творчества, быть можетъ ему приходили въ голову стихи:

Когда касаются холодныхъ рукъ моихъ
Съ небрежной смѣлостью красавицъ городскихъ
Давно безтрепетныя руки......" [т. I стр. 286].

Понятно!—и здѣсь поэтъ чувствовалъ себя одинокимъ и среди пестрой толпы, при шумѣ музыки и пляски. Наружно лишь погружаясь въ шумъ и пустоту, уносился онъ въ міръ мечтаній своихъ. И вставали передъ нимъ образы, «какъ свѣжій островокъ среди морей», пока шумъ толпы людской не спугивалъ видѣній, а очнувшійся поэтъ, возвращенный въ сферу, для него душную, желалъ смутить веселость ихъ, дерзко бросивъ имъ въ глаза «желѣзный стихъ,

Облитый горечью и злостью".

На маскарадахъ и балахъ дворянскаго собранія, въ то время только входившихъ въ моду, присутствовали нетолько представители высшаго общества, но часто и члены Царской фамиліи. Въ дворянскомъ собраніи подъ новый 1840 годъ собралось блестящее общество. Особенное вниманіе обращали на себя двѣ дамы, одна въ голубомъ, другая въ розовомъ домино. Это были двѣ сестры и, хотя было извѣстно, кто онѣ такія, то все же уважали ихъ инкогнито и окружали почтеніемъ. Онѣ-то, вѣроятно тоже заинтересованныя молодымъ поэтомъ, и пользуясь свободою маскарада, проходя мимо него, что-то сказали ему. Не подавая вида, что ему извѣстно кто задѣлъ его словомъ, дерзкій на языкъ Михаилъ Юрьевичъ не остался въ долгу. Онъ даже прошелся съ пышными домино, смущенно поспѣшившими искать убѣжища. Выходка молодого офицера была для нихъ совершенно неожиданной, и казалась имъ до невѣроятія дерзновенною. [1]

Поведеніе Лермонтова, само по себѣ невинное, являлось нарушеніемъ этикета, но обратить на это вниманіе и придать значеніе оказалось неудобнымъ. Это значило бы предавать глас-

---

1 Изъ разсказовъ Краевскаго и сообщеній гр. Соллогуба.

ности то, что прошло незамѣченнымъ для большинства публики. Но когда въ Отечественныхъ Запискахъ появилось стихотвореніе «Первое января», многія выраженія въ немъ показались непозволительными. Нашли, что поэтъ начинаетъ въ поведеніи своемъ заходить за границу дозволеннаго. Вообще начинали быть недовольны его образомъ жизни и ролью въ обществѣ. Онъ все же былъ человѣкомъ провинившимся, недавно возвращеннымъ изъ ссылки; прощеннымъ съ мыслью, что онъ службою загладитъ вину. Онъ долженъ бы былъ держать себя скромно, а не ровнею среди «благосклонно» допустившаго его въ среду свою общества. Да и заниматься литературою ему не приличествовало — «надо было заниматься службою, а не писать стихи». Еще недавно приказомъ отъ 6-го Декабря 1839 года, Государь Императоръ поощрилъ провинившагося офицера, произведя его въ чинъ поручика того же Лейбъ-Гусарскаго полка. Но поэтъ кажется не понималъ, или не хотѣлъ понимать, чего отъ него требовали. Неблагодарный, онъ рвался изъ службы, желалъ выдти въ отставку. Ему настоятельно отсовѣтывали, какъ и прежде. [1] Онъ просился въ годовой отпускъ—отказали, на 28 дней—отказали, на 14—тоже. Онъ просилъ о переводѣ на Кавказъ—не позволили. [2]

Гр. Бенкендорфъ, расположенный къ бабушкѣ поэта, и не разъ ходатайствовавшій за него передъ Военнымъ Министромъ и Государемъ, теперь крѣпко невзлюбилъ Михаила Юрьевича, особенно послѣ случая на маскарадѣ, въ дворянскомъ собраніи. Съ этихъ поръ онъ его преслѣдуетъ, и, еслибъ не заступничество Великаго Князя Михаила Павловича, Лермонтовъ испыталъ бы участь суровую безъ просвѣта и теплыхъ лучей.

---

[1] Не пускала его въ отставку бабушка, по совѣту гр. Бенкендорфа. Сообщенія Краевскаго и Шанъ Гирея; ср. письмо къ А. А. Лопухину, т. V, стр. 425.

[2] См. письмо вышеприведенное и письмо къ М. А. Лопухиной, т. V, стр. 421 и 422.

ГЛАВА XVI.

Столкновеніе съ де-Барантомъ.—Первая дуэль.—Судъ и преслѣдованія и защита Лермонтова В. Кн. Михаиломъ Павловичемъ.—Вторая ссылка на Кавказъ.

Февраля 16-го 1840 года у графини Лаваль былъ балъ. Цвѣтъ петербургскаго общества собирался въ гостиныхъ ея. Тутъ же находился Лермонтовъ и молодой де Барантъ, сынъ французскаго посланника при русскомъ дворѣ[1]. Оба ухаживали за одною и тою же блиставшею въ столичномъ обществѣ дамой.

Встрѣтившись, соперники обмѣнялись колкостями. Де-Барантъ укорялъ Лермонтова, будто отозвавшагося о немъ неодобрительно и колко въ присутствіи извѣстной особы. Кто была особа эта, ни де-Барантъ, ни Лермонтовъ и позднѣе на разбирательствѣ дѣла не объяснили, но въ обществѣ имя ея было извѣстно и по поводу ссоры ходили весьма противоположные слухи. Одни утверждали, что де-Барантъ искалъ ссоры съ счастливымъ соперникомъ. Другіе разсказывали, будто Лермонтовъ, оскорбленный предпочтеніемъ, оказаннымъ молодому французу, мстилъ за презрѣніе къ себѣ четырехстишіемъ, въ которомъ задѣлъ и де-Баранта и съ цинизмомъ отозвался о предметѣ его страсти. Четырехстишіе это ходило по рукамъ въ различныхъ варіантахъ.

Послѣднее мнѣніе, при огромномъ количествѣ недоброжелателей Лермонтова было наиболѣе распространеннымъ. Надо полагать однако, что оно было выдумкою, по крайней мѣрѣ, что касается циничнаго четырехстишія. По свидѣтельству

[1] Гильомъ Проспeръ Брюжьеръ, баронъ де-Барантъ, бывшій посланникъ въ Вѣнѣ и въ Петербургѣ, извѣстенъ своими сочиненіями: Histoire des ducs de Bourgogne de la maison Valois. 3 vol. Paris 1826.—Histoire de la convention nationale. 6 vol. Paris 1851—53. Histoire du directoire de la republique Française 3 vol. Paris 1855 г. Когда онъ былъ назначенъ посланникомъ, то литературная слава его была уже упрочена сочиненіемъ его: De la litterature française pendant le 18-me siècle.—На русскій языкъ переведено Молдинскимъ въ 1838 г.

товарища Лермонтова, Меринскаго, четырехстишіе это было писано въ видѣ пріятельской шутки еще на школьной скамьѣ, слѣдовательно за 7 или 8 лѣтъ назадъ, и относилось къ совершенно другимъ лицамъ, изъ коихъ одно тоже было французскаго происхожденія[1]. Вѣрно только то, что между де-Барантомъ и Лермонтовымъ произошло столкновеніе; де-Ба-

[1] Вотъ это четырехстишіе.

Прекрасная Невы богиня!
За ней волочится французъ!—
Лицо-то у нея какъ дыня,
За то и..... какъ арбузъ.

Въ этой редакціи стихотвореніе слышалъ я отъ г. Горожанскаго, тоже воспитанника школы гв. юнкеровъ. Тотъ же Горожанскій разсказалъ мнѣ о встрѣчѣ своей съ Лермонтовымъ слѣдующее:

«Когда за дуэль съ де-Барантомъ Лермонтовъ сидѣлъ на гауптвахтѣ, мнѣ пришлось занимать караулъ. Лермонтовъ былъ тогда влюбленъ въ кн. Щ., изъ-за которой и дрался. Онъ предупредилъ меня, что ему необходимо по поводу этой дуэли имѣть объясненіе съ дамой и для этого удалиться съ гауптвахты на полчаса времени. Были приняты необходимыя предосторожности. Лермонтовъ вернулся минута въ минуту, и едва успѣлъ онъ раздѣться, какъ на гауптвахту пріѣхало одно изъ начальствующихъ лицъ справиться, все ли въ порядкѣ. Я зналъ, съ кѣмъ видѣлся Лермонтовъ, и могу поручиться, что благорасположеніемъ дамы пользовался не де-Барантъ, а Лермонтовъ; потому ходившій тогда слухъ, будто Лермонтовъ обидѣлъ даму четырехстишіемъ, несправедливъ». Горожанскій продиктовалъ мнѣ вышеупомянутое четырехстишіе, утверждалъ, что оно подложное и выдумано недоброжелателями Лермонтова. Теперь это объясняется иначе. Экспромптъ этотъ принадлежитъ Лермонтову, но сказанъ имъ раньше, еще во время пребыванія въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ въ 32 или 33 году, а не въ 1840 г. и сказанъ въ пику товарищу своему, влюбленному кн. Шаховскому. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ Меринскій въ статьѣ своей: «М. Ю. Лермонтовъ въ юнкерской школѣ» [«Русскій Міръ» 1872 г. № 205]: «У насъ былъ юнкеръ кн. Шаховской, отличный товарищъ; его всѣ любили, но онъ имѣлъ слабость сердиться, когда товарищи трунили надъ нимъ. Онъ имѣлъ пребольшой носъ, который шалуны юнкера находили похожимъ на ружейный курокъ. Ш—й этотъ получилъ прозвище «курка» и «Князя носа». Въ стихотвореніи «Уланша» Лермонтовъ о немъ говоритъ:

Князь-носъ, сопя, къ сѣдлу прилегъ—
Никто рукою онѣмѣлой
Его не ловитъ за курокъ.

Этотъ же Шаховской былъ влюбчиваго характера; бывая у своихъ знакомыхъ, онъ часто влюблялся въ молодыхъ дѣвицъ и, повѣряя свои сер-

рантъ съ запальчивостью требовалъ отъ Лермонтова объясненій по поводу какихъ-то дошедшихъ до него обидныхъ рѣчей. Михаилъ Юрьевичъ объявилъ все это клеветой и обозвалъ сплетнями. Де-Барантъ не удовлетворился, а напротивъ выразилъ недовѣрчивость и прибавилъ, что «если все переданное мнѣ справедливо, то вы поступили дурно».—«Я ни совѣтовъ, ни выговоровъ не принимаю и нахожу поведеніе ваше смѣшнымъ и дерзкимъ [drôle et impertinent]»—отвѣчалъ Лермонтовъ. На это де-Барантъ замѣтилъ: «Еслибъ я былъ въ своемъ отечествѣ, то зналъ бы какъ кончить дѣло». «Повѣрьте, что въ Россіи слѣдуютъ правиламъ чести такъ же строго,

---

дечныя тайны товарищамъ, всегда называлъ предметъ своей страсти богинею. Это дало поводъ Лермонтову сказать по адресу Ш—каго экспромптъ, о которомъ, позднѣе, я слышалъ отъ многихъ, что будто экспромптъ этотъ сказанъ былъ поэтомъ нашимъ по поводу ухаживанья молодого француза де-Баранта за одною изъ великосвѣтскихъ дамъ. Въ юнкерской школѣ, кромѣ командира эскадрона и пѣхотной роты, находились при означенныхъ частяхъ еще нѣсколько офицеровъ изъ разныхъ гвардейскихъ, кавалерійскихъ и пѣхотныхъ полковъ, которые завѣдывали отдѣленіями въ эскадронѣ и ротѣ, и притомъ по очереди дежурили—кавалерійскіе по эскадрону, пѣхотные—по ротѣ. Между кавалерійскими офицерами находился штабъротмистръ Клеронъ, уланскаго полка, родомъ французъ, уроженецъ Страсбурга; его болѣе всѣхъ изъ офицеровъ любили юнкера. Онъ былъ очень привѣтливъ, обходился съ нами какъ съ товарищами, часто мѣтко острилъ и говорилъ каламбуры, что насъ очень забавляло. Клеронъ посѣщалъ одно семейство, гдѣ бывалъ и Ш—й, и тамъ-то юнкеръ этотъ вздумалъ влюбиться въ гувернантку. Клеронъ, замѣтивъ это, подшутилъ надъ нимъ, проведя цѣлый вечеръ въ разговорахъ съ гувернанткой, которая была въ восхищеніи отъ остротъ и любезностей нашего француза и не отходила отъ него все время, пока онъ не уѣхалъ. Ш—й былъ очень взволнованъ этимъ. Нѣкоторые изъ товарищей, бывшихъ тамъ вмѣстѣ съ нимъ, возвратясь въ школу, передали другимъ объ этой штукѣ Клерона. На другой день многіе изъ шалуновъ по этому случаю начали приставать съ своими насмѣшками къ Ш—му, Лермонтовъ, разумѣется тоже, и тогда-то появился его слѣдующій экспромптъ. [Надо сказать, что гувернантка, обожаемая Ш—ъ, была недурна собой, но довольно толста]:

О какъ мила твоя богиня!
За ней волочится французъ!—
У нея лицо какъ дыня,
За то... какъ арбузъ.

[Въ позднѣйшей редакціи этого четырехстишія, измѣненъ первый стихъ].

какъ и вездѣ, и что мы русскіе не меньше другихъ позволяемъ оскорблять себя безнаказанно»—возразилъ Михаилъ Юрьевичъ. Тогда со стороны де-Баранта послѣдовалъ вызовъ[1]. Лермонтовъ тутъ же на балѣ просилъ къ себѣ въ секунданты Столыпина[2]. Секундантомъ де-Баранта былъ поручикъ гвардіи графъ Рауль д'Англесъ, французскій подданный. Такъ какъ де-Барантъ почиталъ себя обиженнымъ, то Лермонтовъ предоставилъ ему выборъ оружія. Когда же Столыпинъ пріѣхалъ къ де Баранту поговорить объ условіяхъ, то молодой французъ объявилъ, что будетъ драться на шпагахъ. Это удивило Столыпина. «Но Лермонтовъ, можетъ быть, не дерется на шпагахъ», замѣтилъ онъ.

— «Какъ же это, офицеръ не умѣетъ владѣть своимъ оружіемъ»? возразилъ де-Барантъ. «Его оружіе—сабля, какъ кавалерійскаго офицера», «и если вы уже того хотите, то Лермонтову слѣдуетъ драться на сабляхъ. У насъ въ Россіи не привыкли впрочемъ употреблять это оружіе на дуэляхъ, а дерутся на пистолетахъ, которые вѣрнѣе и рѣшительнѣе кончаютъ

---

[1] Этотъ разговоръ на французскомъ языкѣ передалъ мнѣ со словъ Лермонтова тотъ же Горожанскій, сущность его не разнится съ показаніями Лермонтова и Столыпина. [См. Точныя свѣдѣнія о первой дуэли Лермонтова въ газ. «Вѣкъ» 1862 года, № 3 и Военно-судное дѣло о первой дуэли Лермонтова, изд. Любавскаго, Русск. уголовн. процессы Спб. 1866 г.] То и другое съ нѣкоторыми пропусками перепечатано въ приложеніи къ запискамъ Ек. Алекс. Хвостовой, Спб. 1870 г. Горожанскій разсказывалъ, что Лермонтовъ, передавая ему разговоръ, замѣтилъ, что: «je deteste ces chercheurs d'aventures—эти Дантесы и де-Баранты заносчивыя с... дѣти».—Сравни сообщеніе Меринскаго, Библіограф. зап. 1859 г. стр. 374.—Разсказъ Шанъ-Гирея «Русск. Обозрѣніе», авг. 1890 года, стр. 748 не точенъ. Видно, что Лермонтовъ, считая друга еще очень юнымъ [стр. 733], а можетъ быть не желая распространенія слуховъ, отклонялъ серіозную бесѣду съ нимъ. Самое дѣло о дуэли находится теперь въ Лермонтовскомъ музеѣ, см. прибавленіе V, въ концѣ тома и письма къ ген.-маіору Плаутину. т. V, стр. 426.

[2] Въ офиціальномъ донесеніи онъ старается выгородить Столыпина: «о нашемъ разговорѣ, сколько мнѣ извѣстно, изъ бывшихъ на балѣ никто не слыхалъ, равно и объ условіяхъ нашихъ» [дополнилъ объясненіе Лермонтовъ на запросы начальства]. Точно также Лермонтовъ не назвалъ и секунданта де-Баранта, а ограничился замѣчаніемъ: «Его секундантомъ былъ французъ, имени котораго я не помню».

дѣло». Де-Барантъ поставилъ на своемъ[1]. Положили на томъ, что дуэль будетъ на шпагахъ до первой крови, потомъ на пистолетахъ[2]. Для примиренія противниковъ, по увѣренію Столыпина, были приняты всѣ мѣры, но тщетно, потому что де Барантъ настаивалъ на извиненіи, а Лермонтовъ не хотѣлъ. Дуэль состоялась. Противники со своими секундантами съѣхались за Черной рѣчкой, близъ Парголовской дороги. Шпаги привезли де Барантъ и д' Англесъ, пистолеты принадлежали Столыпину. Постороннихъ лицъ при этомъ не было. Въ самомъ началѣ дуэли у шпаги Лермонтова переломился конецъ и де-Барантъ нанесъ ему рану въ грудь. Рана была поверхностная — царапина, шедшая отъ груди къ правому боку. По условію, взялись за пистолеты. Столыпинъ и графъ д'Англесъ зарядили ихъ, и противники были поставлены на разстояніи 20 шаговъ. Они должны были стрѣлять по сигналу вмѣстѣ; по слову «разъ» — приготовляться; «два» — цѣлить, «три» — выстрѣлить. По счету «два» Лермонтовъ поднялъ пистолетъ не цѣлясь. Барантъ цѣлился. По счету «три» оба спустили курки. Выстрѣлы послѣдовали такъ скоро одинъ за другимъ, что нельзя было опредѣлить, чей былъ сдѣланъ прежде[3].

Всѣ эти свѣдѣнія далъ Столыпинъ, и они вполнѣ согласуются съ показаніями самого Лермонтова, который о дуэли писалъ начальнику своему генералъ маіору Плаутину:

„Едва успѣли мы скрестить шпаги, какъ у моей конецъ переломился, и онъ [де-Барантъ] слегка оцарапалъ мнѣ грудь. Тогда взяли мы пистолеты. Мы должны были стрѣлять вмѣстѣ, но я немного опоздалъ. Онъ далъ промахъ, а я выстрѣлилъ уже въ сторону. Послѣ чего онъ подалъ мнѣ руку и мы разстались“.

И, такъ, эта дуэль кончилась примиреніемъ противниковъ. Она не имѣла серьезныхъ послѣдствій и можетъ быть не особенно повредила бы Михаилу Юрьевичу въ служебномъ отноше-

---

1 Меринскій, Библіогр. зап. 1859 г., стр. 374.

2 Офиціальное показаніе Столыпина отъ 18 марта 1840 г. [газ. Вѣкъ].

3 На дополнительномъ показаніи Столыпинъ подтверждалъ первое данное имъ свѣдѣніе: «Направленіе пистолета Лермонтова при выстрѣлѣ я не могу опредѣлить и могу только сказать, что онъ не цѣлился въ де-Баранта и выстрѣлилъ съ руки. Де-Барантъ, какъ я уже сказалъ, цѣлился». [газ. «Вѣкъ»].

ніи, еслибъ, какъ сейчасъ увидимъ, не случилось еще одного обстоятельства, усугубившаго вину Лермонтова передъ лицомъ военнаго суда.

По окончаніи поединка Лермонтовъ заѣхалъ къ А. А. Краевскому, который жилъ тогда у Измайловскаго моста. Здѣсь онъ обмылъ рану. По разсказу Краевскаго, онъ былъ сильно окровавленъ, но, не смотря на представленія пріятеля, отказался перевязать рану, а только переодѣлся въ чистое его бѣлье и попросилъ завтракать. Онъ былъ веселъ, шутилъ и сыпалъ остротами [1]. Въ то время Лермонтовъ вообще былъ въ радужномъ настроеніи духа, подъ обаяніемъ любви къ прекрасной кн. М. А. Щербатовой, которой незадолго передъ тѣмъ посвятилъ одно изъ граціознѣйшихъ своихъ стихотвореній:

На свѣтскія цѣпи,
На блескъ упоительный бала,
Цвѣтущія степи
Украйны она промѣняла... [т. I стр. 299].

Извѣстіе о дуэли Лермонтова быстро разнеслось по городу и дошло до полковаго командира его, генералъ-майора Плаутина, который потребовалъ отъ Лермонтова объясненій. Михаилъ Юрьевичъ отвѣчалъ письмомъ [т. V стр. 427], въ коемъ вы-

[1] Относительно пріѣзда Лермонтова къ Краевскому тотчасъ послѣ дуэли упоминаетъ также Панаевъ [Литерат. воспомин. Спб. 1876 г., гл. VIII, стр. 177], утверждая, что онъ присутствовалъ при томъ, какъ Лермонтовъ показывалъ свою рану. Краевскій говорилъ мнѣ, что онъ завтракалъ съ Лермонтовымъ одинъ на одинъ и что въ разсказѣ Лермонтова о дуэли не было и тѣни хвастливости. Андрей Александр. Краевскій, передавая этотъ случай, замѣтилъ: «Лермонтовъ терпѣть не могъ рисоваться и былъ далекъ отъ всякой хвастливости. Терпѣть не могъ онъ выставлять себя на показъ и во всемъ своемъ разсказѣ о дуэли, вызванномъ случайно разговоромъ нашимъ, былъ чрезвычайно простъ и естественъ». Въ сообщеніи Панаева звучитъ, напротивъ, какъ бы намекъ на хвастливость Лермонтова. «Лермонтовъ пріѣхалъ [говоритъ онъ], послѣ дуэли прямо къ г. Краевскому и *показывалъ намъ свою царапину на рукѣ»*... Шанъ-Гирей тоже пишетъ, что Лермонтовъ былъ раненъ въ руку — въ офиціальномъ дознаніи говорится о ранѣ въ грудь. Рука была только слегка оцарапана скользнувшей по груди рапирой. Надо полагать, что показывая ее нѣкоторымъ лицамъ, Лермонтовъ избѣгалъ нарочно говорить о болѣе серіозной, но все же легкой ранѣ на груди.

яснилъ обстоятельства дѣла. Его объясненіемъ не удовлетворились и поставили ему нѣсколько вопросныхъ пунктовъ. Лермонтовъ, однако, не оказался особенно откровеннымъ, на одни вопросы онъ отвѣчалъ уклончиво, на другіе ничего не отвѣчалъ; въ особенности упорно скрылъ имя особы, изъ-за которой была дуэль [ср. прибавленіе V въ концѣ тома]. Марта 10-го Лермонтовъ былъ арестованъ и посаженъ въ ордонансъгаузъ, гдѣ содержались подсудимые офицеры.

Удивительнымъ является обстоятельство, что никто изъ прочихъ участниковъ дуэли не былъ арестованъ или приведенъ къ допросу, а вся тяжесть неудовольствія легла на поэта. Сначала полагали, что онъ удалился изъ Царскаго села безъ разрѣшенія на то, что часто практиковалось и Михаиломъ Юрьевичемъ и его товарищами и на что смотрѣли сквозь пальцы; но на этотъ разъ поэту жестоко досталось бы «за самовольное удаленіе изъ полка». Къ счастію для него полковой командиръ подтвердилъ показаніе Лермонтова, что онъ уѣхалъ въ Петербургъ съ разрѣшенія его, полковаго командира. Теперь выказалось, что нѣкоторыя власть имѣющія лица питали злобу противъ Лермонтова и графъ Бенкендорфъ, прежде къ нему благоволившій, сталъ относиться къ нему недоброжелательно. Распространенъ былъ слухъ, что де-Баранту приказано оставить границы русскаго государства. О секундантахъ молчали, очевидно, Лермонтова желали изолировать. Это обстоятельство побудило Манго-Столыпина явиться къ Дубельту и просить принять заявленіе его въ участіи по дѣлу. Заявленіе это игнорировалось. Тогда Столыпинъ написалъ письмо графу Бенкендорфу. Настоятельное требованіе молодого человѣка, пользовавшагося уваженіемъ въ обществѣ и хорошими связями, побудило начальство подвергнуть и его допросу по дѣлу дуэли [1].

---

[1] Письмо Монго Столыпина къ Бенкендорфу гласило:

М. Г. Графъ Александръ Христофоровичъ. Нѣсколько времени предъ симъ, Л. Гв. Гусарскаго полка Поручикъ Лермонтовъ имѣлъ дуэль съ сыномъ французскаго посланника Барона де-Баранта. Къ крайнему прискорбію моему, онъ пригласилъ меня, какъ родственника своего, быть при томъ секундантомъ. Находя неприличнымъ для чести офицера отказать·

Монго Столыпинъ былъ тогда уже въ отставкѣ. У него была непріятность по поводу одной дамы, которую онъ защитилъ отъ назойливости нѣкоторыхъ лицъ. Разсказывали, что ему удалось дать ей возможность незамѣтно скрыться за границу. Благородство Столыпина и справедливость его дѣйствія склонило общественную симпатію аристократическихъ гостиныхъ на его сторону. Онъ и такъ былъ баловень особенно дамъ высшаго круга. Въ этомъ дѣлѣ Лермонтовъ, какъ близкій другъ Монго, принималъ дѣятельное участіе. Смѣлый и находчивый онъ главнымъ образомъ руководилъ дѣломъ. Всю эту скандальную исторію желали замять и придавать ей какъ можно меньше гласности. Но злоба къ Лермонтову нѣкоторыхъ лицъ росла. Бенкендорфу, очевидно, хотѣлось «добраться» до поэта. Съ нимъ, кажется, можно было меньше церемониться. Лермонтовъ—по выраженію графа Сологуба—«не принадлежалъ по рожденію къ квинтъ-эссенціи петербургскаго общества» [1]. Его проникновеніе туда, независимая манера держаться, да еще вмѣшательство въ *интимныя дѣла*, вызывали раздраженіе противъ него. Враги охотно выставляли Лермонтова прихвостнемъ Столыпина въ гостиныхъ столицы и всячески старались умалить его значеніе, или уронить его въ общественномъ мнѣ-

ся, я былъ въ необходимости принять это приглашеніе. Они дрались, но дуэль кончилась безъ всякихъ послѣдствій. Не мнѣ принадлежащую тайну я по тѣмъ же причинамъ не могъ обнаружить предъ Правительствомъ. Но нѣсколько дней тому назадъ, узнавъ, что Лермонтовъ арестованъ и, предполагая, что онъ найдетъ неприличнымъ объявить, были ли при дуэли его секунданты и кто именно, — я долгомъ почелъ въ то же время явиться къ Начальнику Штаба ввѣреннаго Вашему Сіятельству, корпуса и донести ему о моемъ соучастничествѣ въ этомъ дѣлѣ. Донынѣ однако я оставленъ безъ объясненій.— Можетъ быть, Генералъ Дубельтъ не доложилъ о томъ Вашему Сіятельству, или, быть можетъ, и вы, графъ, по добротѣ души своей, умалчиваете о моей винѣ.—Терзаясь затѣмъ мыслію, что Лермонтовъ будетъ наказанъ, а я, раздѣлявшій его проступокъ, буду предоставленъ угрызеніямъ своей совѣсти, спѣшу по долгу русскаго дворянина принести Вашему Сіятельству мою повинную. Участь мою я осмѣливаюсь предать Вашему, графъ, великодушію.—Съ глубокимъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою Алексѣй Столыпинъ, уволенный изъ Лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка поручикъ. [Изъ военно-ссуднаго дѣла].—О значеніи въ обществѣ Монго см. выше, гл. X, стр. 199.

1 Воспоминанія. Истор. Вѣстн. 1886 г. Т. XVI, стр. 555.

ніи. Бенкендорфъ и другіе не могли ему простить и выходокъ въ родѣ «столкновенія его съ голубымъ и розовымъ домино» на маскарадѣ Дворянскаго собранія.

Графъ Соллогубъ написалъ даже повѣсть, въ которой, какъ самъ выражается, изобразилъ свѣтское значеніе Лермонтова». Повѣсть эта «Большой свѣтъ», была написана впрочемъ по заказу Великой княгини Маріи Николаевны», какъ утверждаетъ все тотъ же графъ В. А. Соллогубъ [1].—Лермонтовъ, выставленный подъ именемъ Леонина, изображается въ повѣсти неловкимъ армейскимъ офицеромъ,привязавшимся къ пріятелю своему Сафьеву [Монго Столыпину], льву столичныхъ гостиныхъ. Онъ влюбленъ въ прекрасную блондинку съ чудными голубыми глазами — «одну изъ первыхъ петербургскихъ дамъ—графиню Воротынскую», и всюду за нею слѣдуетъ. Вся роль Леонина жалкая. «*Леонинъ былъ человѣкъ слишкомъ ничтожный, чтобы обратить на себя вниманіе свѣта*», повѣствуетъ графъ въ концѣ своего романа. Одно, что оставлено симпатичнаго въ Леонинѣ, это его отношеніе къ бабушкѣ; да и тутъ онъ выставляется еще человѣкомъ, чуть не разорившимъ ее изъ-за своего желанія тянуться за большимъ свѣтомъ. Въ графинѣ Воротынской выставлена графиня Мусина-Пушкина,о коей въ «Воспоминаніяхъ» говорится, что «Лермонтовъ былъ въ нее влюбленъ и слѣдовалъ за нею всюду какъ тѣнь». Дѣйствительно, поэтъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ этой прелестной женщиной, рано умершей, «такъ что смерть не дала годамъ изморщинить это прекрасное лицо». Поэтъ обезсмертилъ графиню, посвятивъ ей стихи въ томъ же 1840 году, когда вышелъ романъ Соллогуба [2]:

[1] Воспоминанія. Москва, 1866 г., стр. 64 и Русск. Арх. Т. III, стр. 1236.

[2] Гр. Соллогубъ помѣстилъ романъ свой «Большой свѣтъ» въ Отечественныхъ запискахъ за 1840 г. Томъ IX. Но Лермонтовъ раньше еще зналъ о немъ [писанъ онъ былъ въ концѣ 1839 года] и стихотвореніе «Первое января» является до нѣкоторой степени отвѣтомъ на нападки въ романѣ, направленныя противъ поэта.—Соллогубъ, легкомысленный человѣкъ, плохо, кажется, сознавалъ, какую незавидную роль игралъ онъ, когда писалъ романъ свой съ цѣлію унизить поэта въ глазахъ общества, иначе онъ въ своихъ воспоминаніяхъ не говорилъ бы о подробностяхъ по поводу появле-

Графиня Эмилія
Бѣлѣе, чѣмъ лилія;
Стройнѣй ея таліи
На свѣтѣ не встрѣтится,
И небо Италіи
Въ глазахъ ея свѣтится;
Но сердце Эмиліи
Подобно Бастиліи. [т. I стр. 284].

нія его. Въ 1855 году вышли сочиненія Соллогуба, изданныя Смирдинымъ. Въ первомъ томѣ помѣщена повѣсть уже съ посвященіемъ тремъ звѣздамъ.

Три звѣзды на небѣ,
Три звѣзды въ душѣ
Сверкаютъ и блещутъ
Отрадою намъ,
То края родного
Россіи звѣзда
Звѣзда то поэзіи,
Звѣзда красоты.
Пусть вѣдаетъ каждый,
Что ихъ я лучемъ,
Гордясь, осѣняю
Смиренный мой трудъ,
И каждый узнаетъ
Отъ сердца какъ разъ,
Кому я съ смущеньемъ
Свой трудъ посвятилъ.

Гр. В. Сологубъ.

Съ гр. Сологубымъ я познакомился въ Дерптѣ, въ домѣ жены его, рожденной Віельгорской. Здѣсь, спрошенный мною по поводу повѣсти «Большой свѣтъ», онъ пояснилъ мнѣ, что посвященіе тремъ звѣздамъ относится къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и двумъ Великимъ княжнамъ, которымъ онъ читалъ повѣсть свою еще въ рукописи.—О Лермонтовѣ у насъ были споры, и я старался ему объяснить, что онъ напрасно такъ односторонне и тенденціозно, а главное несправедливо изобразилъ Лермонтова, и что потомство объ его повѣсти будетъ судить съ другой стороны, чѣмъ современники. Сологубъ задумался. Вышедшія за тѣмъ въ 1886 году, въ Историческомъ Вѣстникѣ воспоминанія его относительно Лермонтова разнствуютъ отъ того, что напечатано было имъ за двадцать лѣтъ раньше въ «Русскомъ Архивѣ». — Сологубъ лично не любилъ Лермонтова. Онъ увѣрялъ, что поэтъ ухаживалъ за всѣми красивыми женщинами, въ томъ числѣ и за его женой.—Графиня Софья Михайловна Сологубъ, идеальная и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная женщина, безукоризненной жизни, всецѣло отданная семьѣ, разсказывала мнѣ, что Лермонтовъ въ послѣдній пріѣздъ въ Петербургъ бывалъ у нея. Поэтъ, бывало, молча глядѣлъ на нее

Итакъ Лермонтовъ находился арестованнымъ въ ордонансъ-гаузѣ. Его навѣщали друзья и знакомые, какъ изъ кружковъ аристократическихъ, такъ и изъ литературнаго міра. Въ это время видѣлся съ нимъ и Виссаріонъ Григ. Бѣлинскій и въ первый и въ послѣдній разъ поговорилъ съ нимъ по душѣ. Передъ тѣмъ Бѣлинскій часто встрѣчался у Краевскаго съ Лермонтовымъ. Горячій поклонникъ его таланта, Бѣлинскій пробовалъ не разъ заводить съ поэтомъ серіозный разговоръ, но изъ этого никогда ничего не выходило. Лермонтовъ всегда отдѣлывался шуткой или просто прерывалъ его, а Бѣлинскій приходилъ въ смущеніе и жаловался потомъ на то, что Лермонтовъ нарочно щеголялъ свѣтскою пустотою. «Сомнѣваться въ томъ, что Лермонтовъ уменъ,—было бы довольно странно, но я ни разу не слыхалъ отъ него дѣльнаго и умнаго слова». Однако Виссаріону Григорьевичу скоро пришлось услышать *умное*, *дѣльное слово*, и увидать Лермонтова такимъ, какимъ онъ такъ страстно желалъ его видѣть. Узнавъ отъ Краевскаго объ арестѣ Лермонтова, Бѣлинскій рѣшился навѣстить его въ ордонансъ-гаузѣ. «Я попалъ очень удачно, разсказывалъ онъ Панаеву.[1] У него никого не было. Ну, батюшка, въ

своими выразительными глазами, имѣвшими магнитическое вліяніе, такъ что «невольно приходилось обращаться въ ту сторону, откуда глядѣли они на васъ».—«Мужъ мой—говорила Софья Михайловна—очень не любилъ когда Михаилъ Юрьевичъ смотрѣлъ такъ на меня и однажды я сказала Лермонтову, когда онъ опять уставился на меня: Vous savez, Lermontoff, que mon mari n'aime pas cette manière de fixer le monde, pour quoi me faite vous ce desagrement?» Лермонтовъ ничего не отвѣтилъ—всталъ и ушелъ. На другой день онъ мнѣ принесъ стихи: «Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю» [т. I, стр. 342]. Мужъ ихъ взялъ у меня, и гдѣ они остались, я не знаю. Это было передъ самымъ отъѣздомъ поэта».

[1] Панаевъ. Лит. Восп., т. I, гл. VIII стр. 178. Что Бѣлинскій видѣлся съ нимъ въ ордонансъ-гаузѣ, подтверждаетъ и Дудышкинъ въ матерьялахъ для біографіи Лермонтова [изд. 1860 г. XIX]. Панаевъ, печатая свои литературныя воспоминанія въ Современникѣ 1861 года, поправляетъ Дудышкина, полагавшаго, что послѣ этого свиданія дружескія отношенія между Бѣлинскимъ и Лермонтовымъ не прерывались. «Бѣлинскій послѣ возвращенія Лермонтова съ Кавказа, зимою 41 года, нѣсколько разъ видѣлся съ нимъ у Краевскаго и у Одоевскаго, но между ними не только не было никакихъ дружескихъ отношеній, но и *серьезный разговоръ не возобновлялся*» [стр. 180].

первый разъ я видѣлъ этого человѣка настоящимъ человѣкомъ!! Вы знаете мою свѣтскость и ловкость: я взошелъ къ нему и сконфузился по обыкновенію, думаю себѣ: ну зачѣмъ меня принесла къ нему нелегкая! Мы едва знакомы, общихъ интересовъ у насъ никакихъ, я буду его женировать, онъ меня.... Что еще связываетъ насъ немного, такъ это любовь къ искусству, но онъ не подается на серьезные разговоры... я признаюсь, досадовалъ на себя и рѣшился пробыть у него не болѣе четверти часа.... Первыя минуты мнѣ было неловко, но потомъ у насъ завязался какъ-то разговоръ объ англійской литературѣ и Вальтеръ-Скоттѣ......—«Я не люблю Вальтеръ-Скотта», сказалъ мнѣ Лермонтовъ, «въ немъ мало поэзіи. Онъ сухъ»—и началъ развивать эту мысль, постепенно одушевляясь. Я смотрѣлъ на него—и не вѣрилъ ни глазамъ, ни ушамъ своимъ. Лицо его приняло натуральное выраженіе, онъ былъ въ эту минуту самимъ собою..... Въ словахъ его было столько истины, глубины и простоты! Я въ первый разъ видѣлъ настоящаго Лермонтова, какимъ я всегда желалъ его видѣть. Онъ перешелъ отъ Вальтеръ-Скотта къ Куперу и говорилъ о Куперѣ съ жаромъ, доказывалъ, что въ немъ несравненно болѣе поэзіи, чѣмъ въ Вальтеръ-Скоттѣ, и доказывалъ это съ тонкостью, съ умомъ—и, что удивило меня, даже съ увлеченіемъ. Боже мой! Сколько эстетическаго чутья въ этомъ человѣкѣ! Какая нѣжная и тонкая поэтическая душа въ немъ!... Не даромъ-же меня такъ тянуло къ нему. Мнѣ наконецъ удалось-таки его видѣть въ настоящемъ свѣтѣ. А вѣдь чудакъ! Онъ, я думаю, раскаивается, что допустилъ себя хотя на минуту быть самимъ собою,—я увѣренъ въ этомъ». Въ этой четырехъ часовой бесѣдѣ Лермонтовъ открылъ Бѣлинскому свои литературные планы, и не удивительно, что впечатлительный Бѣлинскій, придя съ этого разговора прямо къ Панаеву, изображалъ на лицѣ своемъ все восхищеніе вызванное имъ. Тогда-то, должно быть, Лермонтовъ сообщилъ Бѣлинскому свой замыселъ, написать романическую трилогію, три романа изъ трехъ эпохъ жизни русскаго общества [вѣка Екатерины II-й, Александра I-го и современной ему эпохи]. Эти романы должны были имѣть между собою связь и нѣко-

торое единство, по примѣру Куперовской тетралогіи начинавшейся «послѣднимъ Могиканомъ,» продолжающейся «Путеводителемъ въ пустыню», «Піонерами» и оканчивающейся «Степями».[1]

«Недавно я былъ у Лермонтова въ заточеніи—пишетъ Бѣлинскій около того времени Боткину,—въ первый разъ поразговорился съ нимъ отъ души. Глубокій и могучій духъ! Какой глубокій и чисто непосредственный вкусъ изящнаго. О, это будетъ русскій поэтъ съ Ивана Великаго! Чудная натура!»

Въ ордонансъ гаузѣ Лермонтовъ написалъ стихотвореніе «Сосѣдка».

Не дождаться мнѣ, видно, свободы,
А тюремные дни будто годы;
И окно высоко надъ землей,
А у двери стоитъ часовой.
Умереть бы ужъ мнѣ въ этой клѣткѣ,
Кабы не было милой сосѣдки....

Въ этой сосѣдкѣ изображена дочь одного изъ сторожей; дѣвушка поражала блѣдностью и задумчивостью красиваго симпатичнаго лица, выражавшаго безпредѣльную тоску подавленной жизни.

---

[1] Соч. Бѣлинскаго, V, Герой нашего времени, изд. 2-е. Лермонтовъ въ это время дѣйствительно изучалъ Вальтеръ-Скотта. Слѣды этого мы замѣчаемъ въ Героѣ нашего времени [т V стр. 311]. «Открылъ романъ Вальтеръ-Скотта, лежавшій у меня на столѣ: то были «Шотландскіе Пуритане; я читалъ сначала съ усиліемъ, потомъ забылся, увлеченный волшебнымъ вымысломъ.... *Неужели Шотландскому барду на томъ свѣтѣ платятъ за каждую минуту, которую даритъ его книга.* Курсивъ выпущенъ Лермонтовымъ въ изданіи. Вѣроятно онъ пришелъ позднѣе къ заключенію, что Шотландскій бардъ не заслуживаетъ такого восторженнаго возгласа въ особенности когда познакомиться съ Куперомъ.

А. Н. Пыпинъ: Біограф. очеркъ Лермонтова изд. 73 года стр. XXII соч. заподозрѣваетъ вѣрность разсказа Панаева «или же онъ нѣсколько преувеличенъ, судя по отзывамъ одного лица, которое было свидѣтелемъ разговора», Но въ другомъ сочиненіи своемъ [Бѣлинскій, его жизнь и переписка Спб. 1876 г.] Александръ Николаевичъ говоритъ: Хотя Панаева любятъ упрекнуть въ недостаткѣ серіозности, но его разсказы обыкновенно весьма точны [т. II стр. 2] Въ томъ же сочиненіи стр. 38 Пыпинъ приводитъ письмо Бѣлинскаго къ Боткину, въ которомъ вполнѣ подтверждается разсказъ Панаева.

. . . .

Но блѣдна ея грудь молодая,
И сидитъ она, долго вздыхая,
Видно буйную думу тая:
Все тоскуетъ по волѣ какъ я. [т. I, стр. 320].[1]

Лермонтовъ оставался въ ордонансъ-гаузѣ до 17-го Марта, когда по разрѣшенію начальства за тѣснотою помѣщенія былъ переведенъ въ арсенальную гауптвахту по Литейной, гдѣ нынѣ казенный гильзовый С.-Петербургскій заводъ. Бывать у поэта запрещено не было и его посѣщали многіе: товарищи, родныя лица изъ петербургскаго общества, писатели и журналисты.

Мы уже указывали на особенность положенія Лермонтова, имѣвшаго въ одно и тоже время и отношенія къ аристократическимъ кружкамъ и къ кружкамъ литературнымъ, одинаково его неудовлетворявшимъ. Живя своей собственной внутренней жизнью, онъ въ правѣ былъ сказать, что «поэты походятъ на медвѣдей питающихся тѣмъ, что сосутъ собственную свою лапу». Слова эти онъ поставилъ эпиграфомъ къ стихотворенію своему: «Журналистъ, читатель и писатель», черновой автографъ котораго носитъ помѣтку, сдѣланную рукою Лермонтова: С.-Петербургъ 21 Марта 1840 года подъ арестомъ на Арсенальной гауптвахтѣ. — За разсѣянную жизнь въ кругу свѣтскаго общества, поглощавшую все время поэта и грозившую размѣнять на мелочь душу его, Лермонтовъ и при жизни подвергался нареканіямъ. Не разъ ему высказывали это литературные пріятели. «Сколько бы, казалось имъ, могъ онъ написать еслибъ не былъ погруженъ въ заботы суетнаго свѣта». Особенно хлопотали объ этомъ журналисты, предвидя для себя наживу отъ молодого таланта, обѣщавшаго пополнить собою мѣсто, оставшееся незанятымъ со смерти Пушкина.

---

[1] Гр. Сологубъ разсказывалъ мнѣ, что Лермонтовъ въ Ордонансъ-гаузѣ читалъ ему это стихотвореніе позднѣе передѣланное. Дѣвушка была дочь сторожа. Шанъ-Гирей говорилъ, что видѣлъ ее въ окно, и что она была дочь мелкаго чиновника, а не тюремщика. Рѣшетокъ у оконъ не было, это ужъ поэтическая вольность! Сологубъ видѣлъ даже изображеніе этой дѣвушки, нарисованное Лермонтовымъ съ подписью: «la jolie fille d'un sous—officier». Поэтъ съ нею дѣйствительно переговаривался черезъ окно.

Арестованный поэтъ рисуетъ писателя, задержаннаго въ четырехъ стѣнахъ болѣзнью, что радуетъ журналиста.

„Я очень радъ, что вы больны:
Въ заботахъ жизни, въ шумѣ свѣта
Теряетъ скоро умъ поэта
Свои божественные сны,
Среди различныхъ впечатлѣній,
На мелочь душу размѣнявъ,
Онъ гибнетъ жертвой общихъ мнѣній.
Когда ему среди забавъ
Обдумать зрѣлое творенье?..
За то какая благодать,
Коль небо вздумаетъ послать
Ему изгнанье, заточенье. .

Этому торгашу литературы, поддѣлывающемуся подъ общій тонъ, желающему угодить всякому, лишь бы было ему выгодно, и потому, смотрящему на талантъ, какъ на дойную корову, противопоставленъ читатель, безукоризненный человѣкъ хорошаго высшаго общественнаго тона, который неудовольствіе свое на литературу прежде всего выражаетъ тѣмъ, что

. . . . Нужна отвага,
Чтобы открыть хоть вашъ журналъ
[Онъ мнѣ ужъ руки обломалъ]:
Во первыхъ, сѣрая бумага;
Она, быть можетъ, и чиста,
Да какъ то страшно безъ перчатокъ...

Впрочемъ дальнѣйшія его замѣчанія доказываютъ образованность и «хорошее воспитаніе», словомъ, лицо изъ высшаго круга, въ свою очередь глядящее на литературу, не скажемъ, какъ на пріятную забаву, нѣтъ, глядящее на нее серіознѣе: какъ на полезную пищу для тонкаго воспитаніемъ и вереницей именитыхъ предковъ дрессированнаго ума.

Его слова даже заставляютъ симпатизировать ему, особенно когда журналистъ смиренно признается въ указанныхъ недостаткахъ и приниженно проситъ:

Войдите въ наше положенье,
Читаетъ насъ и низшій кругъ:
Нагая рѣзкость выраженья
Не всякій оскорбляетъ слухъ;
Приличье, вкусъ—все такъ условно,
А деньги всѣ вѣдь платятъ ровно.

И вотъ на фонѣ этихъ двухъ личностей рисуется намъ образъ поэта, одинокій, равно далекій отъ одного и другого, ушедшій въ себя, ушедшій въ глубь человѣка. Проникнутый задачами будущаго, духовнымъ окомъ глядитъ онъ вдаль, въ грядущее, мечтой предъ нимъ очищеннаго, міра.

. . . . . бываетъ время,
Когда заботъ спадаетъ бремя,—
Дни вдохновеннаго труда,
Когда и умъ и сердце полны,
И риѳмы дружныя, какъ волны,
Журча, одна во слѣдъ другой
Несутся вольной чередой.
Восходитъ чудное свѣтило
Въ душѣ проснувшейся едва,
Какъ жемчугъ, нижутся слова...
Тогда съ отвагою свободной
Поэтъ на будущность глядитъ,
И міръ мечтою благородной
Предъ нимъ очищенъ и обмытъ.

Да, поэтъ чувствовалъ себя одинокимъ

Средь битвъ незримыхъ, но упорныхъ
Среди обманщицъ и невѣждъ,
Среди сомнѣній ложно черныхъ
И ложно радужныхъ надеждъ.

Не мудрено, что «странныя творенья», въ которыхъ онъ «судья безвѣстный и случайный» смѣло коститъ «приличьемъ скрашенный порокъ, сжигаетъ самъ въ своемъ каминѣ, не показавъ ихъ никому». Мы знаемъ по разсказамъ многихъ изъ современниковъ, какъ Лермонтовъ даже отъ близкихъ друзей скрывалъ свои произведенія, въ которыхъ выливались лучшія силы ума и сердца его, для того, чтобы пошлымъ словомъ не задѣли самаго дорогаго и не назвали коварной бранью его пророческую рѣчь.

Дѣло Лермонтова между тѣмъ шло своимъ путемъ и принимало не дурной для него оборотъ, благодаря хлопотамъ бабушки и сильной протекціи родственниковъ. Да и самыя обстоятельства дѣла всѣ слагались въ пользу Михаила Юрьевича. Не онъ вызывалъ, а былъ вызванъ, и дуэль принялъ какъ

бы для того, чтобы «поддержать честь русскаго офицера», по выраженію опредѣленія, составленнаго генералъ-аудиторіатомъ. Выстрѣлилъ Лермонтовъ на воздухъ, слѣдовательно не желалъ убить де-Баранта, что въ юридическомъ смыслѣ большая разница. Лермонтова могли судить или за намѣреніе убить человѣка, или только за незаконное принятіе вызова на дуэль и недонесеніе о томъ начальству, какъ требуютъ этого русскіе законы. Выясненныя обстоятельства дѣла побуждали къ освобожденію Лермонтова отъ обвиненія въ намѣреніи убить противника, но именно показанія самого Лермонтова, что онъ стрѣлялъ въ сторону, дошедши до де-Баранта въ особенно непріязненной редакціи, страшно возмутили послѣдняго. Ему передали, будто Лермонтовъ хвасталъ, что его противникъ остался живъ только по милости и великодушію Михаила Юрьевича. Лермонтовъ пользовался репутаціей человѣка крайне ловкаго относительно всякаго рода физическихъ упражненій. Необыкновенно сильный и гибкій, онъ былъ отличный ѣздокъ, мѣткій стрѣлокъ и хорошо бился на рапирахъ. Вслѣдствіе этого послѣдняго качества онъ вѣроятно, и принялъ предложенную де Барантомъ дуэль на рапирахъ, столь поразившую Столыпина. Репутація его, какъ мѣткаго стрѣлка, сажавшаго изъ пистолета пулю на пулю, какъ бы сама собою вызывала слухъ, будто онъ пощадилъ противника и далъ нарочно промахъ. Молва бѣжала по Петербургу. Де-Барантъ сердился и говорилъ, что Лермонтовъ, распуская такіе слухи, лгалъ. Извѣщенный о томъ Лермонтовъ тотчасъ рѣшился попросить къ себѣ де-Баранта въ ордонансъ-гаузъ, для личныхъ объясненій. Съ этой цѣлью онъ написалъ письмо «не служащему дворянину» графу Браницкому, прося его передать де Баранту желаніе свидѣться съ нимъ въ помѣщеніи арсенальной гауптвахты. Браницкій исполнилъ порученіе.

Марта 22-го, въ 8 часовъ вечера, де Барантъ подъѣхалъ къ арсенальной гауптвахтѣ верхомъ на лошади. Въ караулѣ тогда стояли прикомандированный къ гвардейскому экипажу, мичманъ 28 экипажа Кригеръ, дежурнымъ по караулу былъ капитанъ-лейтенантъ гвардейскаго экипажа Эссенъ. Ни офицеры, ни нижніе чины [какъ они позднѣе показывали] не за-

мѣтили выхода Лермонтова. Послушаемъ какъ самъ Лермонтовъ писалъ объ этомъ свиданіи.

„Въ 8 часовъ вечера я вышелъ въ корридоръ, между офицерскою и солдатскою караульными комнатами, не спрашивая караульнаго офицера и безъ конвоя, который ведетъ и на верхъ въ коммиссію. Я спросилъ его [де-Баранта]: „правда ли, что онъ не доволенъ моимъ показаніемъ“? Онъ отвѣчалъ: „Дѣйствительно, я не знаю, почему вы говорите, что стрѣляли на воздухъ, не цѣля“. Тогда я отвѣтилъ, что говорю это по двумъ причинамъ. Во первыхъ, потому, что это правда, а во вторыхъ, что я не вижу нужды скрывать вещь, которая не должна быть ему пріятна, а мнѣ можетъ служить въ пользу, но что если онъ не доволенъ этимъ моимъ объясненіемъ, то когда я буду освобожденъ, и когда онъ возвратится, то я тогда буду вторично съ нимъ стрѣляться, если онъ того желаетъ. Послѣ того де Барантъ отвѣтивъ мнѣ, „что онъ драться не желаетъ, ибо совершенно удовлетворенъ моимъ объясненіемъ“, уѣхалъ“.[1]

Откровенный отвѣтъ Лермонтова былъ не безъ злости.

Онъ не отрицалъ факта пощады имъ противника и весьма деликатно намекнулъ судьямъ на отъѣздъ де Баранта.

Дѣло въ томъ, что тотчасъ по преданіи суду Лермонтова, или вѣрнѣе по разглашеніи дѣла о дуэли, де-Барантъ и секундантъ его графъ д'Англесъ выѣхали за границу и потому съ нихъ не было снято показаній. Носился слухъ, что имъ какъ иностраннымъ подданнымъ, со стороны власть имѣющаго лица, не слишкомъ впрочемъ расположеннаго въ пользу Лермонтова, было дано знать подъ рукою, что лучше удалиться. И обапришлеца сочли конечно за болѣе удобное исполнить совѣтъ и предоставить молодого поэта судьбѣ его. Хотя де Барантъ и офиціально считался уже уѣхавшимъ, но пользуясь высокимъ покровительствомъ, онъ нѣкоторое время оставался въ Петербургѣ, что было открытымъ секретомъ. Вотъ чѣмъ объясняется необходимость тайнаго свиданія съ Лермонтовымъ, иначе зачѣмъ было де-Баранту не посѣтить его открыто на гауптвахтѣ, ходили же туда на свиданіе съ поэтомъ его друзья и

---

[1] Военно-судн. дѣло. — Не знаю откуда почерпнулъ свои свѣдѣнія Пыпинъ [Біографическіе мат. въ I т., соч. Лермонтова, изд. 1873 года, стр. LV], говоря, что Лермонтовъ предлагалъ Баранту дуэль «заграницей, куда Лермонтовъ думалъ ѣхать съ наступленіемъ весны».

знакомые. Намъ неизвѣстно, какимъ образомъ это тайное свиданіе двухъ соперниковъ дошло до свѣдѣнія начальства, но только это удовольствіе личнаго объясненія стоило Лермонтову новаго процесса, и его судили теперь за побѣгъ изъ подъ ареста обманомъ, и за вторичный вызовъ на дуэль во время нахожденія подъ арестомъ.

Военный судъ 5-го Апрѣля того же 1840 года приговорилъ Лермонтова къ лишенію чиновъ и правъ состоянія.

Съ этою сентенціею дѣло о Лермонтовѣ шло по инстанціямъ и, пока добралось до Генералъ-Аудиторіата, къ нему прибавились мнѣнія нѣсколькихъ начальниковъ частей. [1]

Генералъ аудиторіатъ, выслушавъ докладъ аудиторіатскаго департамента по этому дѣлу, составилъ слѣдующее опредѣленіе: «Подсудимый Лермонтовъ, за свои поступки, на основаніи законовъ, подлежитъ лишенію чиновъ и дворянскаго достоинства, съ записаніемъ въ рядовые; но принимая во вниманіе: а) то, что онъ, принявъ вызовъ де Баранта, желалъ тѣмъ поддержать честь русскаго офицера, б) дуэль его не имѣла вредныхъ послѣдствій, в) выстрѣливъ въ сторону, онъ высказалъ тѣмъ похвальное великодушіе, и г) усердную его службу, засвидѣтельствованную начальствомъ, генералъ-аудиторіатъ полагаетъ: 1) Лермонтову, вмѣнивъ въ наказаніе содержаніе его подъ арестомъ съ 10 марта, выдержать его еще подъ арес-

[1] Бригадный и полковой командиръ опредѣлили: «Лермонтова разжаловать въ рядовые впредь до выслуги, а поступки барона де-Баранта, графа Рауля д'Англеса и графа Браницкаго предать разсмотрѣнію начальства».

Начальникъ гвардейской кавалеріи рѣшилъ: «подсудимаго поручика Лермонтова выписать въ армію тѣмъ же чиномъ и 6-ть мѣсяцевъ выдержать подъ арестомъ въ крѣпости, поступки же прочихъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, предоставить разсмотрѣнію начальства».

Мнѣніемъ корпуснаго командира опредѣлялось: «поручика Лермонтова, сверхъ содержанія подъ арестомъ во время дѣла, выдержать въ казематѣ 3 мѣсяца, а потомъ выписать въ одинъ изъ армейскихъ полковъ тѣмъ же чиномъ, съ воспрещеніемъ представлять къ производству, равно какъ и увольнять въ отпускъ и въ отставку до тѣхъ поръ, пока не обратитъ на себя особеннаго вниманія тамошняго начальства, и штрафъ сей внесть въ формулярный списокъ. Поступки Столыпина и графа Браницкаго представить на разсмотрѣніе начальства, а дежурному по караулу Эссену объявить замѣчаніе»

томъ въ крѣпости на гауптвахтѣ три мѣсяца,и потомъ выписать въ одинъ изъ армейскихъ полковъ тѣмъ же чиномъ, 2) поступки Столыпина и графа Браницкаго передать разсмотрѣнію гражданскаго суда; 3) Капитанъ-лейтенанту гвардейскаго экипажа дежурному по караулу Эссену, за допущеніе безпорядковъ на гауптвахтѣ, объявить замѣчаніе и 4) Мичману Кригеру, бывшему также на караулѣ въ арсенальной гауптвахтѣ, въ уваженіе молодыхъ его лѣтъ,вмѣнить въ наказаніе содержаніе его подъ арестомъ.»

Опредѣленіе Генералъ-аудиторіата являлось даже мягкимъ сравнительно съ требованіями начальствующихъ лицъ. Въ этомъ случаѣ смягченіемъ приговора поэтъ былъ обязанъ Великому Князю Михаилу Павловичу, которому особенно понравилось, что молодой офицеръ вступился передъ французомъ за честь русскаго воинства.[1] Приговоръ былъ поданъ на Высочайшую конфирмацію. Прочитавъ подробный докладъ о дуэли Лермонтова,Государь Императоръ Николай Павловичъ, своею рукою, на рѣшеніи Генералъ-аудиторіата надписалъ слѣдующую конфирмацію: «Поручика Лермонтова перевести въ Тенгинскій пѣхотный полкъ, тѣмъ же чиномъ,поручика же Столыпина и графа Браницкаго освободить отъ надлежащей отвѣтственности, объявивъ первому, что въ его званіи и лѣтахъ полезно служить,а не быть празднымъ. Въ прочемъ быть по сему. Николай.

Санктпетербургъ 1840 г. апрѣля 13 дня.

На оберткѣ написано рукою Государя: «исполнить сего же дня».

Однако отправка Лермонтова замѣшкалась; не знали, какъ привести въ исполненіе Высочайшее повелѣніе. Начальникъ Штаба гвардейскаго корпуса Генералъ-адъютантъ Веймарнъ объяснилъ Военному министру графу Чернышеву, что Генералъ-аудиторіатъ предполагалъ выдержать Лермонтова три мѣ-

---

[1] О ходатайствѣ Великаго Князя за Лермонтова сообщали мнѣ: А. О. Смирнова,говорившая о немъ съ Великимъ Княземъ,и А. П. Шанъ-Гирей, замѣтившій: «Въ это время дѣйствительно ощущалось охлажденіе Бенкендорфа, бабушка недоумѣвала,отчего это происходитъ. Большое вниманіе и расположеніе выказывалъ В. Кн. Михаилъ Павловичъ.»

сяца въ крѣпости, и что изъ Высочайшей конфирмаціи не видно, слѣдуетъ ли это исполнить.—Военный министръ отъ 19-го апрѣля послалъ отношеніе объ этомъ къ Его Высочеству Вел. Кн. Михаилу Павловичу, какъ командиру гвардейскаго корпуса, съ извѣщеніемъ, что входилъ съ докладомъ о дѣлѣ семъ къ Его Величеству, и что Государь изволилъ сказать, что переводомъ Лермонтова въ Тенгинскій полкъ желалъ ограничить наказаніе.

Михаилъ Юрьевичъ въ крѣпость посаженъ не былъ; но ему пришлось испытать еще одну и можетъ быть, самую непріятную напасть. Графъ Бенкендорфъ, недовольный слишкомъ легкимъ наказаніемъ «дезертера изъ подъ ареста», потребовалъ отъ Михаила Юрьевича, чтобы онъ написалъ письмо къ де-Баранту, въ которомъ бы просилъ его извиненія въ томъ, что несправедливо показалъ въ судѣ, что выстрѣлилъ на воздухъ. Такое письмо, конечно, навсегда уронило бы поэта въ мнѣніи общества и сдѣлало бы его положеніе въ немъ невозможнымъ. Графъ Бенкендорфъ отлично понималъ, что наказаніе, коему подвергли Лермонтова, только увеличитъ общее сочувствіе къ участи молодого поэта. Требуемое же письмо къ де Баранту вѣрнѣе всего поразитъ и честь его и симпатію къ нему и сброситъ «дерзкаго мальчишку» съ высоты имъ завоеваннаго положенія. Поэтъ былъ призванъ къ графу Бенкендорфу, который въ весьма энергичныхъ выраженіяхъ настаивалъ на исполненіи своего требованія.

Тогда Лермонтовъ рѣшился опять обратиться къ защитѣ Великаго Князя Михаила Павловича и написалъ ему письмо, въ коемъ, объяснивъ требованіе къ нему шефа жандармовъ, говоритъ, что исполнить его не можетъ, потому что оно не совмѣстимо съ истиною и что исполнивъ его, онъ, Лермонтовъ, «невинно и невозвратно теряетъ имя благороднаго человѣка» [1].

Великій Князь вполнѣ согласился съ необходимостью защитить «честь русскаго офицера», и поэтъ на этотъ разъ вновь избѣгнулъ великой опасности утратить свое доброе имя вслѣдствіе недостойной интриги. Повѣсть « Большой свѣтъ » гр.

[1] Письмо находится при дѣлѣ въ Лерм. музеѣ. Ср. т. V, стр. 427.

Сологуба не могла, конечно, нанести имени поэта такой ударъ, какъ проэктируемое гр. Бенкендорфомъ письмо.

Друзья и пріятели собрались въ квартирѣ Карамзиныхъ проститься съ юнымъ другомъ своимъ и тутъ, растроганный вниманіемъ къ себѣ и непритворною любовью избраннаго кружка, поэтъ, стоя въ окнѣ и глядя на тучи, которыя ползли надъ Лѣтнимъ садомъ и Невою, написалъ стихотвореніе:

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники
Съ милаго сѣвера въ сторону южную..... [т. I, стр. 304].

Софья Карамзина и нѣсколько человѣкъ гостей окружили поэта и просили прочесть только что набросанное стихотвореніе. Онъ оглянулъ всѣхъ грустнымъ взглядомъ выразительныхъ глазъ своихъ и прочелъ его. Когда онъ кончилъ, глаза были влажные отъ слезъ... [1]. Поэтъ двинулся въ путь прямо отъ Карамзиныхъ. Тройка, увозившая его, подъѣхала къ подъѣзду ихъ дома.

Пьеской «Тучи» поэтъ заключилъ и первое изданіе своихъ стихотвореній, вышедшихъ въ концѣ 1840 года.

---

[1] Гр. Сологубъ въ 1877 г. разсказывалъ мнѣ объ этомъ вечерѣ немного иначе, чѣмъ сообщаетъ о немъ въ Историч. Вѣстникѣ въ своихъ воспоминаніяхъ. Тамъ онъ, очевидно, путаетъ. Вмѣсто «Тучки небесныя» приводитъ слова Демона въ знаменитой поэмѣ: «На воздушномъ океанѣ». Они были писаны въ 1838 году, а «Тучи» въ 1840. Самый вечеръ у Карамзиныхъ онъ описываетъ, какъ бы состоявшимся въ 1841 г., въ послѣдній пріѣздъ Лермонтова, что не вѣрно. Мнѣ онъ говорилъ: «Я хорошо помню Михаила Юрьевича, стоявшаго въ амбразурѣ окна и глядѣвшаго вдаль. Лицо его было блѣдно и выражало необычайную грусть — я въ первый разъ тогда замѣтилъ на немъ это выраженіе и, признаюсь, не вѣрилъ въ его искренность».—Люди судятъ другихъ по себѣ и Сологубъ не допускалъ серьезности въ нашемъ славномъ поэтѣ.—Впрочемъ, въ послѣдней редакціи своихъ воспоминаній гр. Сологубъ, какъ ужъ замѣчено, старается дать своимъ сужденіямъ о поэтѣ иной характеръ, выходитъ что графъ въ немъ тогда же призналъ талантъ выше Пушкинскаго!—Карамзины жили у «Соляного городка» противъ Лѣтняго сада, въ д. Кушинниковой. Изъ окна можно было видѣть и часть Невы.

ГЛАВА XVII.

Экспедиціи противъ чеченцовъ въ 1840 году. — Отрядъ генерала Галафѣева. — Конный отрядъ охотниковъ подъ командою Дорохова и Лермонтова. — Забавы во время похода. — Бой подъ «Валерикомъ». — Отзывы о Лермонтовѣ Галафѣева и Граббе. — Встрѣча съ французскою писательницею Гоммеръ-де-Гелль. — Сборы въ Петербургъ.

Переведенный высочайшимъ приказомъ отъ 13-го апрѣля 1840 года изъ Л.-гв. Гусарскаго полка тѣмъ же чиномъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ, поручикъ Лермонтовъ, по пріѣздѣ въ Ставрополь, не поѣхалъ въ Анапу, гдѣ былъ расположенъ штабъ полка, а отправился на лѣвый флангъ кавказской линіи въ Чечню, для участія въ экспедиціи [1].

Смѣлыя дѣйствія Шамиля на рѣкѣ Сунжѣ, доставившія ему нѣкоторый успѣхъ, и зимнее движеніе генералъ-майора Пулло для сбора податей [1839], да преждевременная попытка обезоружить чеченцевъ взволновали населеніе. Малая и большая Чечня, ичкеринцы, качалыковцы, галашевцы и карабулаки постепенно поднимали оружіе и приставали къ пар-

---

[1] Статья М. Ф. Федорова въ III томѣ Кавказскаго Сборника стр. 193. — Пребываніе Михаила Юрьевича въ дѣйствующемъ отрядѣ описано мною въ январской книжкѣ Русской Старины за 1881 г., а затѣмъ подъ названіемъ «Рѣчка Смерти» въ Истор. Вѣстникѣ 1885 г. т. XIX. Теперь исправляю и добавляю сказанное тамъ нѣкоторыми новыми данными. — Противъ статей моихъ выступилъ г. Зиссерманъ въ первой книжкѣ Русскаго Архива за 1885 годъ стр. 75; опроверженіе мое помѣщено въ Истор Вѣстникѣ 1885 года, іюнь, стр. 712. — По другимъ свѣдѣніямъ штабъ полка былъ расположенъ въ станицѣ Ивановкѣ Кубанской линіи, и поэтъ прибылъ туда 13 іюня 1840 г. Бѣлевичъ: нѣсколько картинъ изъ Кавказской войны. Спб. 1891 года, стр. 126: Кое-что о службѣ и смерти на Кавказѣ Марлинскаго и Лермонтова. — Г-жа Шанъ-Гирей, справедливо указывая на недостовѣрность сообщеній г. Филиппова [Русская Мысль, декабрь, 1890 г.], говоритъ въ Сѣверѣ [№ 12-й 1891 года], что боевую жизнь Лермонтова вѣрно описываетъ г Бѣлевичъ. Но книга послѣдняго не содержитъ ничего новаго — послужной списокъ Лермонтова переданъ имъ ошибочно. Такъ битва подъ Валерикомъ означена 30 октябремъ, тогда какъ она была 11-го іюля и проч. Всѣ болѣе вѣрныя данныя собраны въ Лермонтовскомъ Музеѣ г. Буковскимъ. — Книга Бѣлевича изобличаетъ искренность составителя, но отсутствіе критики и маломальской литературной снаровки.

тіи Шамиля. Въ 1840 году рѣшено было приступить къ исполненію еще прежде предположеннаго перенесенія Кубанской линіи на рѣку Лабу и заселенію пространства между Кубанью и Лабою станицами казачьяго линейнаго войска [1]. Исполненіе этого предпріятія положено было раздѣлить на періоды съ тѣмъ, чтобы въ продолженіе перваго года возвести на Лабѣ, въ опаснѣйшихъ пунктахъ, укрѣпленія, дабы потомъ, подъ ихъ прикрытіемъ, водворить казачьи станицы. Вслѣдствіе этихъ предположеній на линіи составлено было два отряда. На правомъ флангѣ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Засса—*Лабинскій отрядъ;* на лѣвомъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Галафѣева, *Чеченскій отрядъ*. Общее наблюденіе поручено было генералъ-адъютанту Граббе.

Лермонтовъ былъ назначенъ состоять при генералѣ Галафѣевѣ. Проживалъ онъ преимущественно кажется въ Ставрополѣ. Здѣсь собралось довольно интересное общество, сходившееся большею частью у барона Ипп. Ал. Вревскаго, тогда капитана генеральнаго штаба. Мы назовемъ кромѣ Лермонтова и Монго-Столыпина, гр. Карла Ламберта, Сергѣя Трубецкаго [брата Воронцовой-Дашковой], Льва Серг. Пушкина, Р. Н. Дорохова, Д. С. Бибикова, барона Россильёна, доктора Майера и нѣсколькихъ декабристовъ, изъ числа которыхъ Мих. Александр. Назимовъ являлся особенно излюбленною личностью. Къ Вревскому и Назимову Лермонтовъ относился съ уваженіемъ и «съ ними никогда не позволялъ себѣ тона легкой насмѣшки», которая зачастую отмѣчала его отношенія къ другимъ лицамъ. «Со мною, какъ съ младшимъ въ избранной средѣ упомянутыхъ лицъ, Лермонтовъ школьничалъ до предѣловъ возможнаго»—разсказываетъ г. Есаковъ [2]—«а когда замѣчалъ что теряю терпѣніе, онъ, бывало, ласковымъ словомъ или добрымъ взглядомъ тотчасъ уйметъ мой пылъ».

---

[1] Очеркъ положенія военныхъ дѣлъ на Кавказѣ въ началѣ 1838 года до конца 1842 года—Кавказскій сборникъ т. II 1877 года.

[2] Замѣтка Александра Есакова въ «Русской Старинѣ» 1885 г. т. XLV стр. 474.—Только тутъ говорится о зимѣ 1840—1841 года, что не вѣрно. Авторъ, должно быть, запамятовалъ. Лермонтовъ въ концѣ октября 1840 года уже уѣзжаетъ съ Кавказа и возвращается только въ маѣ 1841

Въ половинѣ іюня Лермонтовъ отправился на лѣвый флангъ въ отрядъ генерала Галафѣева [1]. Крѣпость Грозная была главнымъ пунктомъ операцій. Отсюда производились экспедиціи отдѣльными отрядами, и сюда же вновь возвращались по совершеніи перехода. Во время роздыховъ Лермонтовъ изъ Грозной ѣздилъ черезъ крѣпость Георгіевскую, лежавшую на дорогѣ къ Ставрополю, въ любимый имъ Пятигорскъ.

Между тѣмъ ловкія дѣйствія Шамиля, являвшагося съ чрезвычайною быстротою всюду, откуда уходили войска наши, и съ успѣхомъ увлекавшаго за собою толпы плохо замиренныхъ горцевъ, убѣдили генерала Галафѣева внести истребленіе внутрь возмутившагося края. Въ первыхъ числахъ іюля въ лагерѣ подъ Грозной царствовало большое оживленіе: сновали донскіе казаки съ длинными пиками; пѣхота передъ составленными въ козла ружьями дѣлала приготовленія къ выступленію; палатки складывались на повозки, егеря готовились занять пикеты; Моздокскіе линейные казаки возвращались съ рекогносцировокъ; два горныхъ орудія стояли на возвышеніи впереди отряда. Неподалеку отъ нихъ, между спутанными конями, пестрою группою лежали люди въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ: изодранныя черкески порою едва прикрывали наготу членовъ, дорогіе шемаханскіе шелки рядомъ съ рубищами доказывали полное презрѣніе владѣльцевъ къ внѣшнему своему виду. На многихъ замѣчалось богатое и отлично держанное оружіе. Оправы шашекъ и кинжаловъ блестѣли на яркомъ утреннемъ солнцѣ, заливавшемъ мѣстность. Роса еще не высохла, и капли ея сверкали на кустахъ кизиля, увитаго дикимъ виноградникомъ. Лица, загорѣлыя и смуглыя, выражали безшабашную удаль и, при разнообразіи типовъ, носили общій отпечатокъ тревожной боевой жизни и ея закала [2]. Тутъ

года. Слѣдовательно, г. Есаковъ могъ встрѣчаться въ Ставрополѣ съ Лермонтовымъ или весною 1840 года, или осенью того же года, въ промежутки между военными дѣйствіями.

[1] Такъ по крайней мѣрѣ пишетъ самъ поэтъ въ письмѣ къ пріятелю А. А. Лопухину отъ 17-го Іюня 1840 г. [т. V стр. 428].

[2] Изъ разсказовъ барона Дм. Петр. Палена, состоявшаго прикомандированнымъ къ Генеральному штабу въ отрядѣ генерала Галафѣева. Паленъ въ альбомѣ своемъ изобразилъ множество мѣстностей изъ лѣтней экспе-

были татары-магометане, кабардинцы, казаки—люди всѣхъ племенъ и вѣрованій, встрѣчающихся на Кавказѣ, были и такіе, что и сами забыли, откуда родомъ. Принадлежали они къ конной командѣ охотниковъ, которою завѣдывалъ храбрецъ Дороховъ. Безшабашный командиръ сформировалъ эту ватагу преданныхъ ему людей. Всѣ они сдѣлали войну ремесломъ своимъ. Опасность, удальство, лишенія и разгулъ стали ихъ лозунгомъ. Огнестрѣльное оружіе они презирали и рѣзались шашками и кинжалами, въ удалыхъ схваткахъ съ грудью грудь. Даровитый Дороховъ, за отчаянныя выходки и шалости не разъ разжалованный въ солдаты, вновь и вновь выслуживался, благодаря своей дерзкой отвагѣ.

Раненный во время экспедиціи, Дороховъ поручилъ отрядъ свой Лермонтову, который вполнѣ оцѣнилъ его и умѣлъ привязать къ себѣ людей, совершенно входя въ ихъ образъ жизни. Онъ спалъ на голой землѣ, ѣлъ съ ними изъ одного котла и раздѣлялъ всѣ трудности похода. Въ послѣдній пріѣздъ свой въ Петербургъ Михаилъ Юрьевичъ разсказывалъ объ этой своей командѣ А. А. Краевскому и подарилъ ему кинжалъ, служившій поэту при столкновеніяхъ и стычкахъ съ врагами [1].

диціи 1840 г., хорошій рисовальщикъ, его рисунки были выполнены на стали въ «памятныхъ книжкахъ» Военнаго вѣдомства въ 50-хъ годахъ.— Альбомъ былъ въ рукахъ Императора Николая I. Тамъ кромѣ портретовъ кавказскихъ дѣятелей сняты: Мятлинская переправа, лагерь подъ Грозной, дѣло подъ Герзель-Auломъ и проч. Ср. «Истор. Вѣстникъ» 1885 г., т. XIX, примѣчаніе къ статьѣ моей.

[1] Кинжалъ этотъ переданъ Краевскимъ въ Лермонтовскій музей. По словамъ Краевскаго, Лермонтовъ отбивался имъ отъ трехъ горцевъ, преслѣдовавшихъ его около озера между Пятигорскомъ и Георгіевскимъ укрѣпленіемъ. Благодаря превосходству своего коня поэтъ ускакалъ отъ нихъ. Только одинъ его нагонялъ, но до кровопролитія не дошло.—Михаилу Юрьевичу доставляло удовольствіе скакать съ врагами на перегонку, увертываться отъ нихъ, избѣгать перерѣзывающихъ ему путь.—Достоевскій видѣлъ большое сходство между характерами Лермонтова и декабриста Лунина. «И тотъ и другой, «говорилъ мнѣ Ѳедоръ Михайловичъ», были страстные любители сильныхъ ощущеній, и подвергать себя опасности было для нихъ необходимостью. Ужъ таковы были эти люди, и такова тогдашняя безцвѣтная жизнь, что натуры сильныя и подвижныя не выносили ея сѣренькой обыденности. Я увѣренъ притомъ, что никто изъ нихъ и

Въ официальныхъ донесеніяхъ о лѣтнемъ и осеннемъ походѣ нашихъ войскъ, при представленіи Лермонтова къ наградѣ, говорится: *Ему была поручена конная команда изъ казаковъ охотниковъ, которая, находясь всегда впереди отряда, первая встрѣчала непріятеля и, выдерживая его натиски, весьма часто обращала въ бѣгство сильныя партіи.*

Боевой и весьма умный и почтенный генералъ Павелъ Христофоровичъ Граббе высоко цѣнилъ Лермонтова, какъ человѣка талантливаго, дѣльнаго и храбраго офицера. Конечно, сужденія были различны. И баронъ Л. В. Россильёнъ, бывшій въ отрядѣ Галафѣева старшимъ офицеромъ генеральнаго штаба, сообщалъ мнѣ по поводу Лермонтова слѣдующее:

—«Лермонтовъ былъ непріятный, насмѣшливый человѣкъ и *хотѣлъ казаться* чѣмъ-то особеннымъ. Онъ хвасталъ своею храбростью, какъ будто на Кавказѣ, гдѣ всѣ были храбры, можно было кого-либо удивить ею!

«Лермонтовъ собралъ какую-то шайку грязныхъ головорѣзовъ. Они не признавали огнестрѣльнаго оружія, врѣзывались въ непріятельскіе аулы, вели партизанскую войну и именовались громкимъ именемъ *Лермонтовскаго отряда*. Длилось это не долго впрочемъ, потому что Лермонтовъ нигдѣ не могъ усидѣть, вѣчно рвался куда-то и ничего не доводилъ до конца. Когда я его видѣлъ на Сулакѣ, онъ былъ мнѣ противенъ необычайною своею неопрятностью. Онъ носилъ красную канаусовую рубашку, которая, кажется, никогда не стиралась и глядѣла почернѣвшею изъ-подъ вѣчно растегнутаго сюртука поэта, который носилъ онъ безъ эполетъ, что впро-

---

не думалъ красоваться». Въ письмѣ къ Лопухину [т. V, стр. 431] поэтъ говорилъ объ отрядѣ своемъ:

«Я получилъ отъ Дорохова, котораго ранили, отборную команду охотниковъ, состоящую изъ ста казаковъ—разный сбродъ, волонтеры, татары и пр.»...

Въ «Войнѣ и Мирѣ» графъ Л. Н Толстой въ лицѣ Долохова выставилъ, если не ошибаемся, кавказца Дорохова. Оба лица одного характера. Дороховъ въ чинѣ хорунжаго изрубленъ былъ въ 1852 году вмѣстѣ съ наказнымъ атаманомъ кавказскаго линейнаго войска генералъ-майор. Круковскимъ на берегахъ Гойты. [Кавказскій Сборникъ, г. V, стр. 71].

чемъ было на Кавказѣ въ обычаѣ. Гарцовалъ Лермонтовъ на бѣломъ, какъ снѣгъ, конѣ, на которомъ, молодецки заломивъ бѣлую холщевую шапку, бросался на чеченскіе завалы. Чистое молодечество!—ибо кто же кидался на завалы верхомъ?! Мы надъ нимъ за это смѣялись»[1].

Не себя ли описывалъ Лермонтовъ, когда въ стихотвореніи «Валерикъ» говоритъ:

„Верхомъ помчался на завалы
Кто не успѣлъ спрыгнуть съ коня....“

То, что во время похода и начальствуя надъ командою «дороховскихъ молодцовъ» Лермонтовъ казался нечистоплотнымъ, вѣроятно, зависѣло, отъ того, что онъ раздѣлялъ жизнь своихъ подчиненныхъ и, желая служить имъ примѣромъ, не хотѣлъ дозволять себѣ излишнихъ удобствъ и комфорта. Баронъ Россильёнъ ставилъ Лермонтову въ вину, что онъ ѣлъ съ командою изъ одного котла, спалъ на голой землѣ и видѣлъ въ этомъ эксцентричность и желаніе пооригинальничать или порисоваться. Между прочимъ баронъ возмущался и тѣмъ, что Лермонтовъ ходилъ тогда небритымъ. На профильномъ портретѣ, въ фуражкѣ, сдѣланномъ въ это время барономъ Паленомъ, дѣйствительно видно, что поэтъ въ походѣ опустилъ себѣ баки и далъ волю волосамъ рости и на подбородкѣ. Это было противъ правилъ формы, но растительность у Лермон-

[1] Россильенъ скончался въ концѣ 1883 года въ Дерптѣ.—Сестра его, тоже скончавшаяся въ Дерптѣ, была замужемъ за Гельмерсеномъ, начальникомъ Лермонтова по школѣ гвардейскихъ юнкеровъ [см. выше стр. 137 и 174].—Грязь, которую г. Россильенъ описываетъ на Лермонтовѣ, трудно согласить съ описаніемъ Боденштедта, встрѣтившагося съ поэтомъ въ Москвѣ немного позднѣе... «Онъ одѣтъ былъ очевидно не въ выходномъ своемъ платьѣ: на шеѣ небрежно повязанъ былъ черный платокъ, изъ-подъ котораго сквозь не вполнѣ застегнутый мундиръ глядѣла ослѣпительной бѣлизны рубашка».. Г. Россильенъ сильно недолюбливалъ Лермонтова, который, кажется, платилъ ему тѣмъ же.—Г. Есаковъ [въ Русск. Стар. 1885 года, т XLV, стр 474] говоритъ о взаимныхъ ихъ отношеніяхъ: «Помню, какъ одинъ въ отсутствіи другаго нелестно отзывался объ отсутствующемъ,—какъ Россильенъ называлъ Лермонтова фатомъ, рисующимся и через-чуръ много о себѣ думающимъ, и какъ Михаилъ Юрьевичъ въ свою очередь говорилъ о Россильенѣ: «не то нѣмецъ, не то полякъ,—а пожалуй и жидъ».

това на лицѣ была такъ бѣдна, что не могла возбудить серіознаго вниманія строгихъ блюстителей уставовъ. Впрочемъ, на Кавказѣ можно было дозволять себѣ отступленія. На другомъ портретѣ, писанномъ самимъ поэтомъ тоже на Кавказѣ [въ концѣ 1837 г.], видно, что и волосы на головѣ носилъ онъ длинные, не зачесывая ихъ на вискахъ, какъ по уставу полагалось[1].

На разсвѣтѣ 6-го іюля отрядъ генерала Галафѣева, состоя изъ шести съ половиною баталіоновъ, 14 орудій и 1500 казаковъ, двинулся изъ лагеря подъ крѣпостью Грозной. Съ разсвѣтомъ переправился онъ за рѣку Сунжу и взялъ направленіе черезъ ущелье Ханъ-Калу на деревню Большой-Чеченъ. Непріятель сталъ показываться на пути шествія, но, ограничиваясь лишь легкою перестрѣлкою, исчезалъ, не вступая въ серіозный бой. — Войдя въ Малую Чечню, отрядъ генерала Галафѣева прошелъ черезъ Чахъ-Кери къ Гойтинскому лѣсу и Урусъ-Мартану, выжигая аулы, уничтожая хлѣба и болѣе или менѣе успѣшно перестрѣливаясь съ горцами въ незначительныхъ стычкахъ. Поклонники пророка дѣлали затрудненія на каждомъ шагу: то засядутъ за вѣковыми деревьями, и оттуда встрѣтивъ гостей мѣткими выстрѣлами, скроются въ лѣсной чащѣ, не вступая въ рукопашный бой; то старались недопускать русскихъ до воды, если берега представляли маломальски удобныя условія для прикрытія. Солдатамъ не разъ приходилось запасаться водой подъ непріятельскими выстрѣ-

---

[1] Оба портрета читатель найдетъ приложенными къ изданію. Первый былъ изданъ мною при Русской Старинѣ [янв. 1884 г., стр. 239]. Послѣ сраженія при «Валерикѣ» у Мятлинской переправы около 23 іюля, въ палаткѣ барона Россильена, Паленъ нарисовалъ цѣлый рядъ портретовъ участниковъ экспедиціи. Всѣ портреты сдѣланы были карандашемъ, многіе въ профиль. Въ альбомѣ г. Россильена сохранились портреты М. Ю. Лермонтова, кн. Сергѣя Долгорукова [убитаго позднѣе на дуэли кн. Яшвилемъ], Индреніуса, Сергѣева, Фрейтага, Евреинова, доктора Нота и др. Профильный портретъ чрезвычайно важенъ для скульптора, такъ какъ безъ него при несуществованіи маски едва ли мыслима лѣпка хорошаго бюста.—Г. Опекушинъ пользовался имъ при лѣпкѣ памятника поэту, поставленнаго въ Пятигорскѣ; [ср. замѣтку г. Опекушина въ Нов. Времени 1883 г., № 305 — 11 го марта. Второй портретъ издается при изданіи впервые

лами. Случалось тоже что во время приваловъ и стоянокъ какой-нибудь отважный мюридъ вызывалъ русскихъ на бой. Этотъ родъ рыцарскихъ поединковъ практиковался, не смотря на офиціальное его запрещеніе Чеченцы на запретъ необращали конечно вниманія., а изъ русскихъ находились охотники принимать вызовы.

Но въ этихъ сшибкахъ удалыхъ — говоритъ Лермонтовъ,

Забавы много, толку мало:
Прохладнымъ вечеромъ бывало,
Мы любовалися на нихъ
Безъ кровожаднаго волненья,
Какъ на трагическій балетъ.... [т I. стр. 308].

Въ такихъ «*забавахъ*» прошло нѣсколько дней, въ теченіе коихъ выбыло изъ строя болѣе 20 человѣкъ. Лермонтову боевая жизнь пришлась по нраву. Онъ давно мечталъ опять окунуться въ нее и теперь отдался ей со всею пылкостью натуры. Ему доставляло какъ будто особенное удовольствіе вызывать судьбу. Опасность или возможность смерти дѣлали его остроумнымъ, разговорчивымъ, веселымъ. Однажды вечеромъ, во время стоянки Михаилъ Юрьевичъ предложилъ нѣкоторымъ лицамъ въ отрядѣ: Льву Пушкину, Глѣбову, Палену, Сергѣю Долгорукову, декабристу Пущину, Баумгартену и другимъ, пойти поужинать за черту лагеря. Это было не безопасно и собственно запрещалось. Непріятель охотно выслѣживалъ неосторожно удалявшихся отъ лагеря и либо убивалъ, либо увлекалъ въ плѣнъ. — Компанія взяла съ собою нѣсколькихъ деньщиковъ, несшихъ запасы, и расположилась въ ложбинкѣ за холмомъ. Лермонтовъ, руководившій всѣмъ, увѣрялъ, что, напередъ избравъ мѣсто, выставилъ для предосторожности часовыхъ и указывалъ на одного казака, фигура коего виднѣлась сквозь вечерній туманъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Съ предосторожностями былъ разведенъ огонь, при чемъ особенно старались сдѣлать его незамѣтнымъ со стороны лагеря. Небольшая группа людей пила и ѣла, бесѣдуя о происшествіяхъ послѣднихъ дней и возможности нападенія со стороны горцевъ. Левъ Пушкинъ и Лермонтовъ сыпали остротами и комическими разсказами, при чемъ не обошлось и безъ рѣз-

жихъ осужденій или скорѣе осмѣянія разныхъ всѣмъ присутствующимъ извѣстныхъ лицъ. Особенно веселъ и въ ударѣ былъ Лермонтовъ. Отъ выходокъ его катались со смѣху, забывая всякую осторожность. На этотъ разъ все обошлось благополучно. Подъ утро, возвращаясь въ лагерь, Лермонтовъ признался, что виднѣвшійся часовой былъ не что иное, какъ поставленное имъ, на скоро сдѣланное, чучело, прикрытое тонкою и старой буркой [1].

Іюля 10-го подошли къ деревнѣ Гехи — близъ Гехинскаго лѣса, и предавъ огню поля, стали лагеремъ. Непріятель пытался было подкрасться къ нему ночью, но былъ открытъ секретами и ретировался. На зарѣ 11-го іюля отрядъ выступилъ, имѣя въ авангардѣ три баталіона Куринскаго егерскаго полка, двѣ роты саперъ, одну сотню донскихъ и всѣхъ линейныхъ казаковъ, при 4-хъ орудіяхъ. Впереди еще было 8 сотенъ донскихъ казаковъ съ двумя казачьими орудіями. Въ главной колоннѣ слѣдовалъ обозъ подъ сильнымъ прикрытіемъ—до него горцы были особенно лакомы. Длинную линію, въ лѣсистой мѣстности, по неволѣ растянувшагося отряда, замыкалъ арьергардъ изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты съ двумя орудіями и сотнею казаковъ. Непріятель нигдѣ не показывался и авангардъ вступилъ въ густой Гехинскій лѣсъ и пошелъ по узкой лѣсной дорогѣ. Нѣсколько выстрѣловъ въ боковой цѣпи только указывали, что непріятель не дремлетъ. Опасность ждала впереди... Приходилось пройти большую, окаймленную со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, поляну. Впереди виднѣлся «Валерикъ» т е. «рѣчка смерти», названная такъ *стариннымы людьми* въ память кровопролитной стычки на ней. «Валерикъ» протекалъ по самой опушкѣ лѣса, въ глубокихъ, совершенно отвѣсныхъ берегахъ. Воды въ рѣчкѣ, пересѣкавшей дорогу подъ прямымъ угломъ, было много. Пра-

[1] Разсказывавшій мнѣ этотъ случай баронъ Паленъ утверждалъ, что ночь была темная, и что случилось это уже въ августѣ или сентябрѣ. Но онъ запамятовалъ, потому что въ этомъ пикникѣ участвовалъ Глѣбовъ.— Паленъ это хорошо помнилъ—Глѣбовъ же былъ тяжело раненъ подъ Валерикомъ 11-го іюля, слѣдовательно происшествіе должно было имѣть мѣсто въ началѣ іюля.

вый берегъ ея, обращенный къ отряду, былъ совершенно открытъ, по лѣвому тянулся лѣсъ, вырубленный около дороги на небольшой ружейный выстрѣлъ. Тутъ было удобное мѣсто для устройства непріятельскихъ заваловъ. Они и были, какъ оказалось, имъ устроены изъ толстыхъ срубленныхъ деревьевъ. Какъ за брустверомъ крѣпости, стоялъ врагъ, защищаемый глубокимъ водянымъ рвомъ, образуемымъ рѣчкою. Подойдя къ мѣсту на картечный выстрѣлъ, артиллерія открыла огонь.

Пустили нѣсколько гранатъ;
Еще подвинулись... Молчатъ!

Ни одного отвѣтнаго выстрѣла; ни малѣйшаго движенія не было замѣтно. Мѣстность казалась вымершею. Обозъ тоже выѣхалъ на поляну. Весь отрядъ двинулся еще впередъ и подошелъ къ лѣсу на ружейный или пистолетный выстрѣлъ, было рѣшено сдѣлать привалъ; пѣхота же должна была проникнуть въ лѣсъ и обезпечить переправу. Но едва артиллерія начала сниматься съ передковъ, какъ чеченцы внезапно со всѣхъ сторонъ открыли убійственный огонь.

Въ одно мгновеніе войска были двинуты впередъ съ обѣихъ сторонъ дороги. Добѣжавъ до лѣсу, они неожиданно остановлены были отвѣсными берегами рѣчки и срубами изъ бревенъ, приготовленными непріятелемъ за трое сутокъ впередъ. Отсюда-то онъ и производилъ убійственный огонь. — Били на выборъ офицеровъ и солдатъ, двигавшихся по открытой мѣстности. Войска поняли, что стрѣлять въ людей прикрытыхъ деревьями, имѣвшими по аршину въ поперечникѣ — дѣло напрасное....

..... полки,
Народъ испытанный..... Въ штыки!

кинулись впередъ черезъ рѣчку, помогая другъ другу по грудь въ водѣ. Все спасеніе было въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе перебраться къ непріятелю. Начался упорный рукопашный бой, частью въ лѣсу, частью въ водахъ быстро текущаго «Валерика». Рѣзались нѣсколько часовъ. Кинжалъ и шашка уступили, наконецъ, штыку. Но долго еще въ лѣсу слышались выстрѣлы.... Дѣло было не большое, но кровопролитное.

«Вообрази себѣ», пишетъ Лермонтовъ А. А. Лопухину — «что въ оврагѣ, гдѣ была потѣха, часъ послѣ дѣла еще пахло кровью». Въ томъ же письмѣ поэтъ говоритъ, что въ русскомъ

«отрядѣ убыло 30 офицеровъ и 300 рядовыхъ. Чеченцовъ осталось на мѣстѣ 600 труповъ».

Послѣднее извѣстіе конечно преувеличено. Вѣроятно такъ говорили въ лагерѣ. Чеченцы находились за прикрытіями и потери ихъ должны были быть меньше нашихъ. Дѣйствительно въ офиціальномъ донесеніи Галафѣева говорится, что непріятель на мѣстѣ оставилъ 150 тѣлъ [1]. Въ стихотвореніи «Валерикъ» Лермонтовъ, на спросъ свой у стараго мирнаго чеченца о числѣ павшихъ, получаетъ уклончивый отвѣтъ, но отвѣтъ этотъ все же ясно показываетъ, что потери горцевъ были не велики, дралось же ихъ болѣе 6000 человѣкъ:

— „А много горцы потеряли?“
„Какъ знать! зачѣмъ вы не считали?“
— „Да, будетъ, кто-то тутъ сказалъ,
Имъ въ память этотъ день кровавый!“
Чеченецъ посмотрѣлъ лукаво
И головою покачалъ....

Хотя Лермонтовъ ни въ стихотвореніяхъ, ни въ письмахъ не упоминаетъ о роли, какую игралъ онъ лично въ бояхъ, но что онъ принималъ въ нихъ участіе активное и былъ не изъ послѣднихъ удальцевъ, видно изъ донесенія генерала Галафѣева генералъ-адъютанту Граббе отъ 8 октября 1840 г. Тамъ говорится такъ:

«Тенгинскаго пѣхотнаго полка Лермонтовъ, во время штурма непріятельскихъ заваловъ на рѣкѣ Валерикѣ, имѣлъ порученіе наблюдать за дѣйствіями передовой штурмовой колонны и увѣдомлять начальника отряда объ ея успѣхахъ, что было сопряжено съ величайшею для него опасностью отъ непріятеля, скрывавша-

---

1 Свѣдѣнія взяты мною изъ журнала военныхъ дѣйствій 1840 года. Выписку получилъ я въ 1881 году въ Тифлисѣ изъ архива кавказскаго округа. Дѣло штаба отдѣльнаго кавказскаго корпуса по генеральному штабу. 2-й отдѣлъ, по описи № 15—1840 года. На стр. 257 упоминается о Лермонтовѣ: «онъ переносилъ всѣ мои [генерала Галафѣева] приказанія войскамъ въ самомъ пылу сраженія, въ лѣсистомъ мѣстѣ, что заслуживаетъ особеннаго вниманія, ибо каждый кустъ, каждое дерево угрожали всякому внезапной смертью.

гося въ лѣсу за деревьями и кустами. Но офицеръ этотъ, несмотря ни на какія опасности, исполнялъ возложенное на него порученіе съ отличнымъ мужествомъ и хладнокровіемъ и съ первыми рядами храбрѣйшихъ ворвался въ непріятельскіе завалы.» [1]

За дѣло подъ Валерикомъ для Лермонтова испрашивался орденъ Св. Владиміра 4 степени съ бантомъ, что въ тѣ времена для столь молодого человѣка являлось высокою наградою.

Экспедиція, длившаяся девять дней, окончилась, и 14 іюля отрядъ генерала Галафѣева вернулся въ Грозную. Отдыхъ продолжался однако не долго. Недобрыя вѣсти о дѣйствіяхъ Шамиля принуждаютъ отрядъ снова выйти въ походъ. Онъ двинулся черезъ крѣпость Внезапную къ Мятелинской переправѣ и, простоявъ здѣсь лагеремъ, направился къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Серіозныхъ столкновеній не было. Горцы разсѣялись съ приближеніемъ нашихъ войскъ и Галафѣевъ, окончивъ работы по укрѣпленію Герзель-аула, вернулся къ основному пункту своихъ дѣйствій, къ крѣпости Грозной 9 августа.

Лермонтовъ въ это время получаетъ разрѣшеніе побывать въ Пятигорскѣ. Мы его встрѣчаемъ тамъ 14-го августа въ компаніи съ французской писательницей Адель Гоммеръ-де Гелль, [2] весьма красивой и умной женщиной. Легкомысленная француженка вполнѣ оцѣнила умъ и талантъ поэта, а Лермонтовъ, поклонникъ и тонкій знатокъ женской красоты, конечно не упустилъ случая показаться во всемъ блескѣ своего ума и поэтическаго дарованія, такъ что М-ме Adèle пришла отъ него въ восторгъ и стала ревновать къ поэту дѣвицу Реброву, за которою въ прежніе свои пріѣзды сильно ухаживалъ Михаилъ Юрьевичъ. Говорили даже, что онъ на ней женится. Изъ Пя-

---

[1] Изъ реляціи генералъ-лейтенанта Галафѣева.—Эту реляцію командующій войсками на Кавказской линіи ген. адютантъ Граббе при рапортѣ отъ 8 окт. 1840 г. за № 166 представилъ командиру Кавказскаго корпуса ген. отъ инфантеріи Головину I. Все заимствовано изъ дѣла штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса 1840 г. № 171, ч. I.

[2] Автора: «Voyage dans les steppes de la mer Caspienne et dans la Russie meridionale par m-me Hommaire de Helle. 1860. Здѣсь на стр. 378—381 переданы два эпизода встрѣчи названной писательницы съ Лермонтовымъ. Переведены они и снабжены поясненіями княземъ П. П. Вяземскимъ въ Русскомъ Архивѣ 1887 г., стр. 129. Вызвано это инте-

тигорска вся веселая компанія переѣзжаетъ въ Кисловодскъ. Г-жа Гоммеръ въ своемъ дневникѣ отъ 26 августа говоритъ. «Мы ѣдемъ на балъ, который даетъ общество въ честь моего пріѣзда... Мы очень весело провели время. Лермонтовъ былъ блистателенъ, Реброва очень оживлена. Петербургская франтиха [одна изъ дамъ «водянаго» общества] старалась аффишировать Лермонтова, но это ей не удалось. Въ часъ мы пошли домой. Лермонтовъ заявилъ Ребровой, что онъ ея не любитъ и никогда не любилъ. Я ее бѣдную уложила спать, и она скоро заснула... Было около двухъ часовъ ночи. Я только что вошла въ мою спальню. Вдругъ тукъ-тукъ въ окно, и я вижу моего Лермонтова, который у меня просилъ позволенія скрыться отъ преслѣдующихъ его непріятелей. Я, разумѣется, открыла дверь и впустила моего героя. Онъ у меня всю ночь остался до утра. Бѣдная Реброва лежала при смерти. Я около нея ухаживала.— Я принимаю только одного Лермонтова. Сплетнямъ не было конца. Онъ оставилъ въ ту же ночь свою военную фуражку съ краснымъ околышкомъ у Петербургской дамы. Всѣ говорятъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ имѣлъ въ ту же ночь rendez-vous съ Ребровой. Петербургская франтиха проѣзжала верхомъ мимо моихъ оконъ въ фуражкѣ Лермонтова, и Лермонтовъ ей сопутствовалъ. Меня это совершенно взорвало, и я его болѣе не принимала подъ предлогомъ моихъ заботъ о несчастной дѣвушкѣ. На пятый день мой мужъ пріѣхалъ изъ Пятигорска, и я съ нимъ поѣду въ Одессу, совершенно больная».

Если сопоставить этотъ разсказъ съ нѣкоторыми моментами изъ повѣсти «Княжна Мери», то невольно приходится думать, что Лермонтовъ, любившій «на дѣлѣ собирать матеріалы для своихъ твореній», воспользовался эпизодами изъ тогдашней жизни своей на водахъ и встрѣчи съ прекрасной

ресное сообщеніе напечатанными мною [въ Русской Старинѣ 1887 г. майская кн. стр. 405] французскими стихами Лермонтова, которые находились въ альбомѣ предсмертныхъ стихотвореній его [т. I стр. 341 и 378] и которыхъ редакторъ Глазуновскихъ изданій сочиненій Лермонтова не съумѣлъ разобрать.—На замѣчанія кн. Вяземскаго отвѣтилъ я въ Русской старинѣ 1887 года, декабрь, стр. 734.

француженкой для рисовки нѣкоторыхъ *внѣшнихъ* сторонъ въ своей повѣсти[1].

Хотя прекрасная француженка и пишетъ, что такъ разсердилась на Лермонтова, что больше его не принимаетъ, но уже черезъ четыре дня—30 августа—она сообщаетъ, что видѣлась съ поэтомъ и такъ и не добилась отъ него правды и объясненія его выходкамъ. «Лермонтовъ всегда и со всѣми лжетъ»! негодуя замѣчаетъ она. «Такая его система. Всѣ знакомые, имѣвшіе съ нимъ сношенія, говоря съ его словъ, разсказывали все разное. Обо мнѣ онъ ни полслова не говорилъ. Я была тронута и ему написала очень любезное письмо» и т. д. Позднѣе та же особа говоритъ о Лермонтовѣ: «Я на него вовсе не сердилась и очень хорошо понимала его характеръ: онъ свои фарсы дѣлалъ безъ злобы».

Впрочемъ мы не безъ опасенія высказываемъ свои соображенія по поводу отраженія эпизодовъ съ француженкой въ «Героѣ нашего времени», прибавляя такимъ образомъ еще новую кандидатку къ цѣлому сонму лицъ, на коихъ указывали или которыя сами утверждали, будто Лермонтовъ былъ влюбленъ въ нихъ и это онѣ послужили прототипомъ для княжны Мери. Такъ утверждали, что въ ней поэтъ выставилъ сестру Мартынова, что будто и было настоящею причиною несчастной дуэли. Видѣли прототипъ княгини и княжны Лиговскихъ въ г-жѣ Киньяковой съ дочерью изъ Симбирска, лѣчившихся въ Пятигорскѣ, въ г-жѣ Ивановой изъ Елисаветграда, въ г-жѣ Прянишниковой и племянницѣ ея, г-жѣ Быховецъ, съ которыми, впрочемъ, Лермонтовъ познакомился передъ послѣднею своею дуэлью.—Въ 1881 году по Пятигорскому бульвару и

---

[1] Стоитъ сравнить разсказъ г-жи Гоммеръ-де - Гелль съ тѣмъ, что сказано въ «кн. Мери»[т. V, стр. 303 — 305]; напр. сцена ночного нападенія, отъ котораго Печоринъ успѣваетъ скрыться въ домѣ, гдѣ жила Вѣра, т. е. въ домѣ и нынѣ въ Кисловодскѣ именуемымъ домомъ Ребровой.— Стр. 300 и 327 сцены, когда Печоринъ говоритъ княжнѣ Мери, что не любитъ ея.—Стр. 294—гдѣ Вѣра ревнуетъ Печорина къ Мери, когда дошелъ до нея слухъ, что онъ женится на этой дѣвушкѣ. Даже ботинки «couleur puce» на стр. 253, обувавшіе изящную ногу Мери, именно того цвѣта, коимъ щеголяла маленькая ножка француженки въ изящномъ башмачкѣ.

у источниковъ ходила г жа В. въ длинныхъ сѣдыхъ локонахъ со слѣдами стройной красоты. Ее всѣ называли «Княжной Мери», и она принимала это названіе съ видимымъ удовольствіемъ. Но самое куріозное, это упорное увѣреніе разныхъ собирателей вѣстей о Лермонтовѣ, что поэтъ списывалъ главную героиню своего романа съ Э. А. Шанъ-Гирей. Тщетно почтенная и уважаемая Эмилія Александровна болѣе 10 лѣтъ въ цѣломъ рядѣ замѣтокъ, въ различныхъ журналахъ, сообщаетъ, что она познакомилась съ Михаиломъ Юрьевичемъ въ маѣ 1841 года, тогда какъ «Герой нашего времени» былъ написанъ съ 1838 по 1840 годъ. Послѣдній разсказъ «Княжна Мери», оконченный въ октябрѣ или ноябрѣ, былъ напечатанъ раньше послѣдняго выѣзда поэта на Кавказъ.—Ея сообщеніямъ не внемлятъ. Ужъ видно такъ созданы люди, что имъ непремѣнно вѣрится въ то, во что имъ почему-либо хочется вѣрить, а не въ то, что есть на самомъ дѣлѣ. Даже въ Лермонтовскомъ музеѣ, гдѣ находятся всѣ статьи г-жи Шанъ-Гирей, и куда она спеціально писала, препровождая портретъ свой, о присылкѣ коего ее просили,—даже тамъ не могли воздержаться отъ того, чтобы не подписать подъ портретомъ: «Княжна Мери»[1].

Г-жа Гомеръ-де-Гелль ненашутку полюбила поэта, встрѣтясь съ нимъ еще разъ черезъ два мѣсяца въ Ялтѣ. Она увѣрилась, что была бы счастлива съ нимъ. «Мы оба поэты»!—восклицаетъ она—«Между нами все чисто». Подъ обаяніемъ увлеченія и поэтической обстановки они обмѣнялись стихо-

[1] Не могу не указать на одно показаніе г-жи Шанъ-Гирей, кажущееся мнѣ противорѣчивымъ. Въ Нов. Врем. 5-го сент. 1881 г. въ Ист. Вѣстн. того же года, т. VI, стр. 449 и въ другихъ статьяхъ, Эмилія Александровна утверждаетъ, что Лермонтовъ познакомился съ нею въ маѣ 1841 года, а въ Русскомъ Арх. 1887 г., № 11, стр. 437, защищая г-жу Реброву отъ разсказа г-жи Гоммеръ-де-Гелль, утверждаетъ, что помнитъ балъ въ Кисловодскѣ данный 22 авг. 1840 г., и какъ Лермонтовъ стоялъ въ окнѣ съ другими офицерами. Если въ 40 году Эмилія Алекс. знала Лермонтова по виду, то почему же онъ не могъ ее знать и выставить въ своемъ романѣ? Или же Эмилія Александровна увлеклась защитой г-жи Ребровой отъ въ сущности невинныхъ собщеній о ней г-жи де Гелль?

твореніями. Лермонтовъ написалъ ей лирическую пьеску на французскомъ языкѣ, описывая случай, когда оба сговорились итти гулять изъ Мисхора въ Симеисъ и M-me де-Гелль нашла поэта на мѣстѣ назначеннаго свиданія, спящимъ подъ березою[1]. Михаилъ Юрьевичъ страшно дурачился съ интересною иностранкою, весьма легко относившеюся къ жизни, но все же понимавшею значеніе нашего поэта лучше многихъ изъ его соотечественниковъ[2]. Она называла Михаила Юрьевича «Бульбуль», что по-татарски означаетъ соловей, и въ письмахъ во Францію высказывала, что «это новое свѣтило, которое возвысится и далеко взойдетъ на поэтическомъ горизонтѣ Россіи». Г-жа де-Гелль посвятила нашему поэту стихотвореніе подъ заглавіемъ «Соловей Лермонтову» и помѣстила его тогда же въ «Одесскомъ журналѣ»[3].

Пробывъ на минеральныхъ водахъ, Лермонтовъ поѣхалъ въ Ставрополь узнать о своемъ отпускѣ для свиданія съ бабушкою въ Петербургѣ, о коемъ старушка Арсеньева неустанно хлопотала. Въ штабѣ командовавшаго войсками генерала-адъютанта Граббе, расположенномъ въ Ставрополѣ, поэтъ хотѣлъ справиться, что отвѣчали на запросъ о немъ военнаго министра. Старшимъ адъютантомъ при штабѣ оказался товарищъ Михаила Юрьевича по Московскому университетскому пансіону, который и показалъ поэту отвѣтную бумагу. Обыкновенно по нѣкоторымъ бумагамъ, не требовавшимъ какой-либо «особенной отписки», писаря сами составляли черновые отпуски, и въ такую-то категорію бумагъ попалъ и запросъ министра о Лер-

---

[1] Стихотвореніе помѣщено въ нашемъ изданіи т. I, стр. 341.

[2] Мнѣ жаль Лермонтова [пишетъ она въ октябрѣ 1840 года], онъ дурно кончитъ. Онъ не для Россіи рожденъ [!!]. А Лермонтовъ великій поэтъ...

[3] «Journal d'Odessa» № 104, 31 декабря [12 января] 1840 года. Оно заканчивалась четырехстишіемъ:

Oh, merci, mon poëte! A toi tout ce que l'âme
Dans ses secrets replis peut renfermer de flamme.
A toi l'attrait si doux des lointains souvenirs:
Et les rêves de gloire où tendent mes désirs!

монтовѣ. Въ «отпускѣ» было сказано, что такой-то поручикъ Лермонтовъ *служитъ исправно*, *ведетъ жизнь трезвую и добропорядочную и ни въ кикихъ злокачественныхъ поступкахъ не замѣченъ*. Лермонтовъ сильно хохоталъ надъ такой для него «аттестаціей» и увѣрялъ, что ничего не можетъ быть для него болѣе лестнымъ [1].

Отъ 27 сентября и до 18 октября Лермонтовъ опять находится въ экспедиціи въ Большую Чечню. Въ это время, кажется, онъ сталъ предводительствовать конною командою охотниковъ, о которой мы говорили выше, и опять отличился. П. Х. Граббе въ своемъ представленіи говоритъ по поводу Михаила Юрьевича: «Во всѣхъ дѣлахъ поручикъ Лермонтовъ оказалъ примѣрное мужество и распорядительность». Его представили къ золотой саблѣ [2]. Кажется во время этой экспеди-

---

[1] Воспоминанія Я. И. Костенецкаго [Русск. Стар. 1875 года т. XIV, стр. 60]. Воспоминанія не только малосодержательны, какъ тамъ же справедливо замѣтилъ г. Ефремовъ, но сбивчивы и основаны лишь на слухахъ. Самъ Костенецкій говоритъ, что въ Пятигорскѣ передъ смертью поэта съ нимъ не могъ сойтись и обмѣнялся при встрѣчѣ лишь нѣсколькими незначащими фразами.

[2] Н. Н. Буковскій въ письмѣ ко мнѣ отъ 18-го ноября 1889 г. указываетъ на то, что въ журналѣ военныхъ дѣйствій отъ 4-го октября упоминается еще Дороховъ съ его командою и что слѣдовательно Лермонтовъ принялъ команду эту въ послѣдніе дни экспедиціи уже подъ начальствомъ самого Граббе, отъ 27-го октября и до 18-го ноября, и что это согласуется и съ письмомъ Лермонтова, носящимъ почтовый штемпель 4-го ноября [т. V, стран. 431, гдѣ въ концѣ письма въ примѣчаніи вмѣсто 4-го ноября поставлено 3-го — что есть опечатка] гдѣ онъ говоритъ: «я получилъ въ наслѣдство отъ Дорохова, котораго ранили, отборную команду охотниковъ». Я опредѣлилъ письмо какъ писанное 4-го ноября, введенный въ заблужденіе почтовымъ штемпелемъ на оборотѣ. Въ началѣ письма только стоитъ: «крѣпость Грозная». Теперь я убѣдился, что это опредѣленіе не вѣрное. Лермонтовъ не принималъ участія въ экспедиціи отъ 27-го октября до 18-го ноября. Изъ дневника г-жи Гомеръ-де-Гелль видно, что поэтъ былъ съ нею въ Ялтѣ 29-го октября. Октября 28-го онъ въ Мисхорѣ написалъ ей французскіе стихи свои. Въ началѣ ноября поэтъ все еще съ нею. Пояснить почтовый штемпель (4 ноября) можно развѣ такъ, что письмо писано раньше, и по забывчивости или какой случайности, можетъ быть, по винѣ третьяго лица, коему было поручено отправить письмо, попало на почту гораздо позднѣе. Къ тому же Лермонтовъ въ письмѣ замѣчаетъ, что «экспедицій описывать не велятъ». Слѣ-

ціи возлѣ Лермонтова былъ убитъ декабристъ Лихаревъ. «Сраженіе приходило къ концу; оба пріятеля шли рука объ руку, и часто въ жару спора, неосторожно останавливались. Но горская пуля мѣтка, и винтовка рѣдко даетъ промахи. Въ одну изъ такихъ остановокъ вражеская пуля поразила Лихарева» [1]...

Какимъ образомъ вскорѣ послѣ экспедиціи, уже въ концѣ октября, Лермонтовъ оказался въ Ялтѣ съ г-жею Гомеръ-де-Гелль, непонятно. Намъ не удалось опредѣлить когда и на сколько времени былъ ему данъ отпускъ и вообще былъ ли даваемъ таковой. Въ Петербургъ онъ пріѣхалъ въ началѣ февраля 1841 г. Трудно предположить чтобы, получивъ разрѣшеніе въ концѣ октября, поэтъ ноябрь, декабрь и январь, т. е. три мѣсяца ѣхалъ изъ Крыма до Петербурга. Г-жа Гомеръ-де-Гелль говоритъ о томъ, что «Лермонтовъ торопится въ Петербургъ, и ужасно боится, *чтобы не узнали тамъ, что онъ заѣзжалъ въ Ялту*. Его карьера можетъ пострадать. Графиня В[оронцова] ему обѣщала объ этомъ въ Петербургъ не писать ни полслова». Трудно предположить, чтобы поэтъ увлекся такъ, что поѣхалъ въ Крымъ *безъ разрѣшенія* и затѣмъ возвратился въ Ставрополь ожидать полученія отпуска. Въ такомъ случаѣ показанія г. Есакова (см. выше стр. 340) вѣрны и Лермонтовъ точно провелъ часть зимы 1840 и 1841 года въ Ставрополѣ. Господинъ Меринскій въ воспоминаніяхъ своихъ говоритъ, что Михаилъ Юрьевичъ въ концѣ 1840 года получилъ отпускъ въ Петербургъ «*на нѣсколько мѣсяцевъ*» [2].

довательно, можетъ-быть, письмо нарочно было опущено позднѣе. Къ тому же въ томъ же письмѣ говоритъ, что отрядъ возвратился въ Грозную только что, послѣ 20 дневной экспедиціи. Экспедиція отъ 27 сентября до 18 октября составитъ 20 дней. И такъ письмо писано около 18 октября.

1 Изъ записокъ Ларера [Русск. арх. 1874 г. кн. вторая. стр. 681].

2 Атеней 1858 г. № 48, стр. 304.—Изъ разговоровъ П. Хр Граббе съ отцомъ моимъ въ Ревелѣ въ годы Крымской компаніи, у меня осталось въ памяти, что Павелъ Христофоровичъ не стѣснялъ Лермонтова и давалъ ему больше свободы—не замѣчая нѣкотораго его своеволія, слѣдствіе независимаго характера поэта.

ГЛАВА XVIII.

Первое изданіе стихотвореній и «Героя нашего времени».—Сужденіе.—Религіозное направленіе.—Послѣднее пребываніе въ Петербургѣ.—Мечты объ отставкѣ и исключительно литературной дѣятельности.—Лермонтовъ въ кругу друзей.—Нерасположеніе къ поэту гр. Бенкендорфа.—Внезапная высылка изъ Петербурга.

Въ то время, какъ Лермонтовъ на Кавказѣ велъ жизнь приключеній, въ Петербургѣ собирались издавать его сочиненія. Въ небольшую книжку были собраны стихотворенія поэта, всего 28 лирическихъ пьесъ, и выпущены въ свѣтъ небольшимъ томикомъ [1]. Но еще раньше выхода ихъ въ печати по-

[1] Читатель найдетъ въ алфавитномъ указателѣ при редактируемомъ нами собраніи сочиненій Лермонтова особенно отмѣченными 39 сочиненій, напечатанныхъ при жизни поэта. Изъ числа ихъ не вошли въ первое изданіе стихотвореній десять. Оно содержитъ: Пѣснь о Калашниковѣ, Бородино, Узникъ, Молитва [Я Матерь Божія], Дума. Русалка, Вѣтка Палестины, Не вѣрь себѣ... Еврейская мелодія, Въ альбомъ [Какъ одинокая гробница]. Три пальмы, Молитва [Въ минуту жизни трудную], Дары Терека, Памяти Одоевскаго, 1-е января, Казачья колыбельная пѣсня, Журналистъ, читатель и писатель, Воздушный корабль, И скучно и грустно, Ребенку, Отчего, Благодарность, Изъ Гёте, Мцыри, Когда волнуется желтѣющая нива, Сосѣдъ, Разстались мы, но твой портретъ, Тучи.—Послѣднее стихотвореніе, писанное въ апрѣлѣ 1840 года у Карамзиныхъ въ день отъѣзда, является какъ бы эпилогомъ къ небольшому сборнику стиховъ, составленному самимъ поэтомъ. Я слышалъ, но не помню отъ кого и потому не выдаю за вѣрное [кажется отъ гр. Сологуба], что тетрадка стихотвореній была оставлена Лермонтовымъ у Карамзиныхъ. Тамъ долго толковали, напечатать ли стихи опальнаго поэта. Помнили, какъ послѣ первой ссылки не рѣшались печатать «пѣсню о Калашниковѣ» и наконецъ разрѣшили печатать, но безъ подписи поэта. Наконецъ тетрадь была представлена въ цензуру 13-го августа. Затѣмъ просили взять на себя хлопоты по изданію И. Н. Кувшинникова.—Карамзины жили въ домѣ Кувшинниковой.—Книга была напечатана въ типографіи Ильи Глазунова, но фамилія издателя Кувшинникова не выставлена. Изданіе состояло изъ 168 стр.—Отзывъ былъ сдѣланъ Бѣлинскимъ въ От. Зап. 1840 г. т. XIII № 11. Онъ пророчилъ Лермонтову какъ поэту «колоссально-великое» будущее.—Бѣлинскій же по поводу изданія 1842 [см. соч. Бѣл. т. VII] говоритъ, что «первое изданіе стихотвореній печаталось подъ надзоромъ самого поэта». Это не совсѣмъ такъ. Въ послѣдній пріѣздъ въ Петербургъ Лермонтовъ готовилъ изданіе, но, принужденный уѣхать, работу не окончилъ. Туда вошло бы еще многое изъ стихотвореній, напр. Умирающій Гладіаторъ

явился романъ: «Герой нашего времени» въ 2-хъ частяхъ. Кромѣ «Бэлы», «Фаталиста» и «Тамани», прежде уже напечатанныхъ въ «Отечественныхъ запискахъ», читатели встрѣтили здѣсь впервые «Максима Максимовича» и «Княжну Мери». Послѣдній разсказъ Лермонтовъ выслалъ съ Кавказа незадолго до своего пріѣзда. Онъ засталъ изданіе почти законченнымъ и принялъ предложенное Краевскимъ измѣненіе заголовка: «Одинъ изъ героевъ нашего вѣка» на «Герой нашего времени» [1]. Несмотря на хорошіе отзывы Бѣлинскаго въ Отечественныхъ запискахъ, изданіе не расходилось. Тогда издатель г. Глазуновъ, боясь понести убытки на своемъ предпріятіи, обратился къ редактору Сѣверной Пчелы, Ѳад. Вен. Булгарину, и просилъ напечатать въ газетѣ его одобрительный отзывъ о сочиненіи молодаго писателя. Какъ только въ «Сѣверной Пчелѣ» появилась одобрительная статья, изданіе раскупили на расхватъ [2].

[т. I стр. 250 — примѣчаніе], Послѣднее новоселье, Парусъ, Сосна, и друг. Первое изданіе вышло въ небольшомъ числѣ экземпляровъ и печаталось со списка, составленнаго самимъ поэтомъ за годъ, именно потому, что поэтъ неуспѣлъ сдѣлать новую переборку своимъ твореніямъ, а прежняя тетрадь уже была одобрена цензурою, рѣшили напечатать ее, а ужъ затѣмъ приступить ко второму изданію.

1 По сообщенію Краевскаго, точно также было рѣшено измѣнить заголовокъ: «Изъ записокъ офицера» на «Максимъ Максимовичъ». [ср. статью мою Русская Старина 1878 года т. XXIII стр. 361]. Второе изданіе 1841 г., тоже напечатанное у Глазунова, собственно, кажется, афера книгопродавческая, ибо первое и второе изданіе совершенно тождественны — буква въ букву; тоже число страницъ и строкъ. Разницу составляетъ предисловіе Лермонтова ко второму изданію. Возможно, что начавшаяся сильная распродажа романа послѣ рецензіи въ «Сѣверной пчелѣ», о чемъ ниже, побудила издателя объявить второе изданіе его, въ сущности же перемѣнить лишь заглавный листъ перваго и прибавить предисловіе автора, вызванное толками о его романѣ, да критикой Сенковскаго и особенно Бурачка въ «Маякѣ». [т. V стр. 188].

2 Такъ разсказывается въ краткомъ обзорѣ книжной торговли и издательской дѣятельности Глазуновыхъ за сто лѣтъ 1782—1882 г. [стр. 71.]. — Позднѣе фирма эта обогатилась изданіями сочиненій Лермонтова, изданіями весьма неполными и небрежно редактировавшимися. Фирма Глазунова претендовала на принадлежащее ей право на изданія сочиненій Лермонтова. Оно не оспаривалось на судѣ потому, что у Лермонтова не оставалось прямыхъ наслѣдниковъ и никто въ правахъ наслѣдства утверждаемъ не былъ. — На вызовъ наслѣдниковъ Министромъ внутреннихъ дѣлъ

Самъ г. Булгаринъ въ своемъ достопамятномъ органѣ разсказываетъ дѣло иначе: къ нему приходилъ-де человѣкъ положительный «какъ червонецъ» и просилъ написать статью о готовящейся къ печати книгѣ молодаго писателя. Въ этомъ было ему отказано. Только когда Булгаринъ прочелъ въ Маякѣ невозможную критику Бурачка, онъ рѣшился прочесть «Героя нашего времени» и утверждаетъ,что «въ теченіи 20 лѣтъ впервые прочелъ русскій романъ дважды сряду» [Сѣверная Пчела 1840 г. № 246].

Допустимъ что дѣйствительно восторженная рецензія Булгарина помогла г. Глазунову распродать свое изданіе, а слѣдовательно послужила къ распространенію славы Лермонтова. Въ длинномъ перечнѣ прегрѣшеній Ѳаддея Венедиктовича пусть мерцаетъ эта «заслуга» его свѣтлою точкою [1]. Удивительно

отозвался одинъ А. П. Шанъ-Гирей, разрѣшившій Императорской Публичной библіотекѣ принять въ даръ рукописи поэта отъ г-на Хохрякова. Подробности относительно вопроса о правахъ г-на Глазунова находятся въ полемикѣ моей съ гг. Глазуновымъ и Ефремовымъ: *Кому принадлежитъ право на изданіе сочиненій Лермонтова?* Новости 1887 года № 77 и 82.—Отвѣтъ г. Глазунова и г. Ефремова въ Нов. Врем. 1887 г. № 3988.—Кто собственникъ сочиненій Лермонтова? статья прис. пов. Соколовскаго въ Новостяхъ № 99. Въ № 101 моя статья [1887 г.].—Въ 1889 году въ Нов. Вр. статья Глазунова и тамъ же въ № 4742 мое письмо, конецъ коего редакція не помѣстила. Онъ заключался дословно въ слѣдующихъ строкахъ: «Не могу не выразить въ заключеніе сожалѣнія, что такое чистое, и каждому образованному человѣку дорогое дѣло, какъ изданіе сочиненій писателя, составляющаго славу народа, наталкивается не на посильную взаимную помощь, а на разныя затрудненія, клевету и искаженія, которыхъ я испыталъ не мало. Исторія собиранія матеріаловъ для біографіи и изданія сочиненій Лермонтова представляетъ не мало любопытныхъ иллюстрацій къ характеристикѣ нравовъ нашего литературнаго мірка».

[1] Впрочемъ Бѣлинскій въ статьѣ по поводу стихотвореній Лермонтова изд. 1840 года говоритъ по адресу г. Булгарина, что уже явились ложные друзья, которые спекулируютъ на имя Лермонтова, чтобы мнимымъ безпристрастіемъ [похожимъ на *купленное* пристрастіе] исправить въ глазахъ толпы свою незавидную репутацію и т. д. [соч. Бѣл. т. IV].—Рецензія Бурачка [Маякъ 1840 г. ч. IV стр. 210—219] начинается со словъ: «Появленіе героя нашего времени, такой [теплый] пріемъ ему всего разительнѣе доказываетъ упадокъ нашей литературы и вкуса читателей» и т. д.

только, что мало по малу ясный взглядъ Бѣлинскаго и сужденія его о произведеніяхъ Лермонтова забылись или по нимъ скользили весьма поверхностно. Много десятковъ лѣтъ журнальная наша критика относилась недружелюбно къ типу Печорина, отождествляя его съ Лермонтовымъ, котораго признали человѣкомъ, исполненнымъ всевозможныхъ непріятныхъ свойствъ и даже пороковъ.

Если на стр. 309 мы упоминали о мнѣніи, что Лермонтовъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ отрицанія [1], то это могло казаться лишь тѣмъ людямъ, которые не хотѣли, или не могли глубже приглядѣться къ нему и его поэзіи. Оттого-то они въ то же время обыкновенно замѣчали, что многое въ этомъ человѣкѣ не разъяснено, что біографы не выяснили различныхъ явленій его характера, что онъ глядѣлъ злобно на окружающее, что онъ охотно драпировался въ мантію байронизма и т. п.

Наши критики и философы сами были слишкомъ тѣсно связаны съ тѣми явленіями жизни, которыя бичевалъ Лермонтовъ; вотъ почему, неумѣя отличить вѣчнаго отъ временнаго, они судили о поэтѣ односторонне и блѣдно, взирая на него и міръ сквозь бѣдное запыленное свое окошечко, сквозь призму предвзятости и партійности, въ то время, какъ стоящее внѣ ихъ лицо — Боденштедтъ — одинъ изъ представителей общечеловѣческаго пониманія и развитія, чрезъ десять лѣтъ по смерти поэта, съумѣлъ уже произнести о немъ въ общемъ вполнѣ вѣрное сужденіе; а Боденштедтъ не зналъ къ тому еще и русской жизни, не имѣлъ біографическихъ свѣдѣній о великомъ нашемъ поэтѣ, явившихся позднѣе [2].

---

[1] Аполлонъ, Григорьевъ: Лермонтовъ и его направленіе — крайнія грани развитія отрицательнаго взгляда Время 1862 г. кн. X.

[2] Само собою разумѣется, что, говоря о русскихъ критикахъ, мы исключаемъ Бѣлинскаго, который первый по появленіи сочин. Лермонтова написалъ о немъ критику, и теперь еще неутратившую своего значенія. — Краткій обзоръ критическихъ мнѣній, начиная съ Добролюбова, пріобщившаго Печорина къ типу Обломовыхъ, находится въ статьѣ г-на W.: Литературные типы русской интеллигенціи. — Печоринъ. — Новое Время 1889 г. 26 Іюля № 4815. — О статьѣ Бѣлинскаго по поводу «Героя нашего времени» писалъ и г. Скабичевскій. [От зап. 1871 г. октябрь стр. 450 — 454].

Лермонтовъ вовсе не доходилъ до крайнихъ предѣловъ отрицанія. Онъ отнесся отрицательно лишь къ явленіямъ современной ему жизни и выразилъ это ясно прежде всего, какъ видѣли мы, въ «Думѣ» своей. Но въ жизни нашей, кромѣ интересовъ времени, теплится и вѣчное т. е. то что живётъ рядомъ, а порою и на перекоръ случайному, современному. И вотъ въ этомъ Лермонтовъ не былъ скептикъ. Уже рано поэтъ начинаетъ сомнѣваться въ справедливости, даже въ уважительности тѣхъ формъ существованія и сужденія, которыя приняла при немъ русская общественность. Иностранную онъ зналъ мало и о ней, какъ умный человѣкъ, не поющій съ чужаго голоса, не судилъ. Ударившись молодымъ человѣкомъ въ Петербургѣ въ общественную жизнь, онъ скоро сталъ сознавать всю мелочность и тщету ея и выражать это въ своихъ произведеніяхъ. Самъ онъ съ современниками жилъ только короткое время этой пустой жизнью. Онъ собралъ матеріалъ на опытѣ для уразумѣнія явленій, или по крайней мѣрѣ для изображенія ихъ. Поэтому, бичуя современниковъ, онъ бичевалъ и себя такого, какимъ былъ онъ, когда шелъ съ ними одною дорогой. Поэтъ доходилъ до того развитія, когда появляется возможность оглядѣться на самого себя. Анализируя современныхъ людей, онъ анализировалъ и самого себя, поскольку на немъ отразилось современное, [1] и вотъ степень сходства Печорина

Удивительно, какъ рано стали непріязненно относиться къ Лермонтову даже люди повидимому встрѣтившіе талантъ его одобрительно! Въ годовщину смерти Михаила Юрьевича—15 іюля 1845 года, Плетневъ пишетъ Коптеву [Русск. Арх. 1877 г. № 12 стр. 365]: «О Лермонтовѣ я не хочу говорить потому, что и безъ меня говорятъ о немъ гораздо болѣе, нежели онъ того стоитъ. Это былъ послѣ Байрона и Пушкина фокусникъ, который гримасами своими умѣлъ толпѣ напомнить своихъ предшественниковъ. Въ толпѣ стоялъ К[раевскій]. Онъ раскричался въ Отеч. Зап., что вотъ что-то новѣе и слѣдовательно лучше Байрона и Пушкина. Толпа и пошла за нимъ взвизгивать тоже. Не буду же я пока противорѣчить этой ватагѣ, ни вторить ей. Придетъ время, и о Лермонтовѣ забудутъ, какъ забыли о Полежаевѣ».

[1] Когда вышелъ романъ въ первомъ изданіи, Лермонтовъ подарилъ ближайшимъ своимъ друзьямъ по экземпляру. Женѣ извѣстнаго писателя кн. Вл. Ѳеодор. Одоевскаго, княгинѣ Ольгѣ Степановнѣ, рожденной Ланской, поэтъ переслалъ романъ. На заглавномъ листѣ этого экземпляра,

съ Лермонтовымъ;—Печорина, зарождающагося въ неоконченной повѣсти «Княгиня Лиговская», и Печорина изъ «Героя нашего времени»—этого безсмертнаго творенія и по поэтическому достоинству своему и по живописанію характеровъ, и по рисовкѣ современнаго типа.

Все это глубоко сознавалъ самъ писатель, и вотъ почему въ 1841 году, готовя второе изданіе своего романа, онъ могъ высказаться въ предисловіи къ нему:

.... „Наша публика такъ еще молода и простодушна, что не понимаетъ басни, если въ концѣ ея не находитъ нравоученія. Она неугадываетъ шутки, не чувствуетъ ироніи....Она еще не знаетъ, что въ порядочномъ обществѣ и въ порядочной книгѣ явная брань не можетъ имѣть мѣста; что современная образованность изобрѣла орудіе болѣе острое, почти невидимое и тѣмъ не менѣе смертельное, которое подъ одеждою лести наноситъ неотразимый и вѣрный ударъ“.....

„Герой нашего времени“, милостивые государи мои,—говоритъ поэтъ далѣе въ томъ же предисловіи—точно портретъ, но не одного человѣка; это портретъ, составленный изъ пороковъ всего нашего поколѣнія въ полномъ ихъ развитіи“.... (соч. т. V стр. 187).

На значеніе Печорина, какъ изображенія героя времени, затронутаго поэтомъ уже въ «Думѣ», указывалъ и Бѣлинскій: «*Герой нашего времени*—это грустная дума о нашемъ времени, какъ и та, которою такъ благородно, такъ энергически возобновилъ поэтъ свое поэтическое поприще». Критикъ намекаетъ на «Думу», которую поэтъ написалъ по возвращеніи изъ первой ссылки своей [см. выше стр. 310].

Удачно или неудачно изобразилъ поэтъ, что хотѣлъ изоб-

послѣ печатныхъ словъ «Герой нашего времени», Лермонтовъ поставилъ запятую и прибавилъ: «упадаетъ къ стопамъ ея прелестнаго сіятельства, умоляя позволить ему не обѣдать». Было бы наивно серьезно увѣрять, что шутка эта свидѣтельствуетъ о томъ, что Лермонтовъ отождествлялъ себя съ Печоринымъ, но мы такое мнѣніе слышали! [Русск. Стар. 1878 г. т. XXIII стр. 362].

1 От. Зап. 1840 г. т. X и XI [Сочин. Бѣл. изд. 1859 г. Т. III въ концѣ статьи, стр. 647]. Боденштедтъ говоритъ: «Лермонтовъ имѣетъ то общее съ великими писателями всѣхъ временъ, что творенія его вѣрно отражаютъ время со всѣми его дурными и хорошими особенностями, со всею его мудростью и глупостью, и что они имѣли въ виду бороться съ этими дурными особенностями и съ этою глупостью.»

разить; талантливо или неталантливо написано это произведеніе, мы говорить не станемъ—пусть споритъ о томъ пожалуй и теперь еще кто желаетъ, но только одно не подлежитъ сомнѣнію—это бѣдность пониманія нашихъ критиковъ и писателей по сей день почти. Яркимъ примѣромъ непониманія можетъ служить сужденіе о Печоринѣ Авдѣева, написавшаго цѣлый романъ *Тамаринъ*, долженствовавшій развѣнчать этотъ типъ... Господи! развѣ можно винить писателя за то, что плохомыслящіе люди приписываютъ ему жалкій кругозоръ бѣднаго своего пониманія. Развѣ можно винить Лермонтова за то, что люди его поколѣнія, а пожалуй, и слѣдовавшаго за нимъ поколѣнія, приняли сатиру его за идеалъ и спѣшили на перерывъ представлять изъ себя Печориныхъ. Точно такъ же могли бы мы винить Шиллера за то, что люди принимались за разбойничье ремесло, увѣряя себя и другихъ, что воплощаютъ собою Карла Мора. Виноватъ ли Ричардсонъ въ томъ, что, выставляя въ знаменитомъ своемъ романѣ «Кларисса» героемъ «Ловеласа», списаннаго имъ частью съ лорда-лейтенанта Ирландіи, Вартона, не достигъ цѣли своей. Ричардсонъ въ *Ловеласѣ*, пустомъ и пошловатомъ характерѣ внутри и представителѣ порядочности во внѣшнихъ проявленіяхъ, думалъ изобразить героя своего времени, который, какъ сатира на современниковъ, долженъ былъ вызвать ихъ негодованіе и послужить къ отрезвленію и оздоровленію. Но Ричардсонъ ошибся. Любезность, смѣлость и недюжинность характера Ловеласа увлекла читателей, особенно же читательницъ, и романъ вызвалъ совершенно противуположное впечатлѣніе тому, какое желалъ вызвать авторъ. Въ одномъ изъ писемъ своихъ Ричардсонъ жалуется на то, что Ловеласъ, не смотря на порочность свою, нравится, благодаря нѣкоторымъ симпатичнымъ чертамъ характера. Благодаря низкому нравственному уровню тогдашняго общества—прибавимъ мы. Романъ «Кларисса» появился въ 1768 году. Долго Ловеласъ стоялъ идеаломъ героя. Но время взяло свое. И кто же теперь, изъ мало-мальски развитыхъ людей, да и давно уже, захочетъ еще надѣвать на себя нарядъ этого героя, драпироваться въ него—слыть за Ловеласа?!

Не Ричардсонъ виною, что современники не поняли значенія его героя! Виною то, что современники сами были не выше Ловеласа и потому возвели его въ идеалъ. Болѣе развитое потомство дало ему оцѣнку, какую придавалъ авторъ и тѣмъ оправдало Ричардсона. Точно такъ же не вина Лермонтова, что современники не поняли Печорина, не придали ему настоящаго значенія, а судили по себѣ и понимали такъ, какъ понимать были въ состояніи по своему развитію, понятіямъ и интересамъ. Къ тому же упорно утверждали, что въ Печоринѣ Лермонтовъ изобразилъ самого себя [1], и мало по малу такъ въ этомъ убѣдились, что спутали поэта съ выставленнымъ имъ героемъ. Изрѣченія послѣдняго выдаются за мнѣнія самого поэта, безъ всякаго критическаго анализа. Мѣста, описанныя въ романѣ, гдѣ проводилъ время Печоринъ, или гдѣ происходило что-либо съ нимъ, связываются съ именемъ самого поэта. Такъ гротъ, въ коемъ поэтъ описываетъ встрѣчу Печорина съ Вѣрой, такъ и именуется «*гротомъ Лермонтова*». Въ Пятигорскѣ даже создалась цѣлая легенда о томъ, что въ этомъ гротѣ Михаилъ Юрьевичъ писалъ свой романъ и сочинялъ свои чудныя лирическія стихотворенія. Въ гротѣ этомъ непризванные піиты старались увѣковѣчить память свою на мраморныхъ doскахъ, сплетая золотыми буквами свои имена съ именемъ великаго писателя. Посѣтители Пятигорска собирали подписки, выписывали бюсты Лермонтова—имѣющіе при томъ сходство скорѣе съ любымъ лакеемъ, а не съ поэтомъ—носили вѣнки и другія приношенія. Гротъ же этотъ во времена Лермонтова, находясь въ дикомъ состояніи, бывалъ прибѣжищемъ въ разныхъ случаяхъ жизни водянаго общества, и сидѣть въ немъ, писать или задумывать сочиненія было несовсѣмъ удобно.

Но что же дѣлать! Вѣрили же туристы, когда проводники французы и лодочники итальянцы показывали имъ островъ

[1] Въ томъ же предисловіи ко второму изданію «Героя» [т. V, стр. 188]. Лермонтовъ говоритъ... «Другіе [читатели] очень тонко замѣчали, что сочинитель нарисовалъ свой портретъ и портретъ своихъ знакомыхъ... старая и жалкая шутка! Но, видно, Русь такъ ужь сотворена, что въ ней все обновляется, кромѣ нелѣпостей».

и гротъ на немъ, въ коемъ Монтекристо, герой извѣстнаго романа Дюма, хранилъ свои сокровища.

Если правда, что Печорина Лермонтовъ частью списалъ съ самого себя, то лишь на столько, на сколько *Онѣгина* списалъ съ себя Пушкинъ, а *Чацкаго* съ себя Грибоѣдовъ.— Гёте изобразилъ самого себя въ Фаустѣ, друга же своего Марка въ Мефистофелѣ. Но развѣ можно смѣшивать созданіе искусства съ лицомъ, черты коего помогали художнику облекать идею въ кровь и плоть! Впрочемъ мы знали человѣка изъ «образованнаго общества», который говорилъ, что созданный Антокольскимъ Іоаннъ Грозный, не Іоаннъ Грозный, а просто натурщикъ, котораго онъ *самъ* видѣлъ въ мастерской скульптора. Лицо Іоанна Крестителя, на геніальной картинѣ Иванова, списано съ несчастной вдовы, и не мало Мадоннъ кисти Рафаеля сняты имъ съ итальянокъ, въ свое время многимъ извѣстныхъ. Разсказываютъ, что крестьяне одной деревни требовали удаленія изъ церкви святого изображенія, потому что знали личность служившую моделью для художника [1].

[1] Чтобы ужъ кончить съ вопросомъ, кто служилъ для поэта моделями при внѣшней рисовкѣ фигуръ въ «Героѣ нашего времени» [о кн. Мери мы говорили на стр. 289 и 352], упомянемъ г. Колюбякина, изображеннаго, по словамъ Шанъ-Гирея и другихъ, въ Грушницкомъ. Онъ былъ въ одно время съ Лермонтовымъ на водахъ и отличался нѣкоторою фатоватостью. Столкновеній и дуэли между нимъ и поэтомъ не было. Мать Колюбякина была полька, рожденная Пулавская, родная сестра извѣстнаго мятежника, который въ 1771 году вздумалъ захватить короля Станислава. Отъ матери Колюбякинъ наслѣдовалъ задоръ, который особенно ярко выказывался въ молодые годы. Лермонтовъ, изображая Колюбякина въ Грушницкомъ, говорилъ по поводу его задора, вѣроятно намекая на польское его происхожденіе: «Это что-то не русская храбрость».—Колюбякинъ былъ личнымъ адъютантомъ Анрепа и при генералѣ своемъ имѣлъ «le droit d'insolence». Онъ даже былъ какъ-то разжалованъ въ солдаты за дерзость, сказанную во время ученія полковому командиру. Позднѣе этотъ задоръ утихъ, и наружу вышли славянское добродушіе и хлѣбосольство. Колюбякинъ, будучи военнымъ губернаторомъ Кутаиса, пользовался общею любовью. [Русск. Архивъ 1884 г., кн. III, стр. 448].—Слухъ, что Лермонтовъ изобразилъ въ Грушницкомъ Мартынова, совсѣмъ не вѣренъ и является вымысломъ людей, желавшихъ этимъ пояснить причину ненависти Мартынова къ поэту.—Драгунскій капитанъ списанъ съ армейскаго гусара Саланина.—Въ полковникѣ Н., въ разсказѣ «Максимъ Максимовичъ», изображенъ полковникъ Нестеровъ [тоже по словамъ Шанъ-Гирея].—Бэла была татарка у Хастатова [сравни, что

Отрицательно относясь къ явленіямъ своего времени и «печально глядя на современное ему поколѣніе», поэтъ далеко не негативно относился къ вѣчнымъ вопросамъ и задачамъ жизни. Чѣмъ болѣе зрѣлъ онъ, чѣмъ болѣе проникалъ въ смыслъ жизни народа своего и человѣчества, тѣмъ сильнѣе звучали въ поэзіи его струны положительнаго, а не отрицательнаго направленія. Не злоба говоритъ въ немъ, когда онъ обращается къ Матери Божіей въ своей дивной молитвѣ. Дышетъ она любовью и вѣрою, дышетъ чувствомъ полнаго отреченія отъ своего «я», дышетъ альтруистическимъ отношеніемъ къ ближнему:

...„Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника въ свѣтѣ безроднаго;
Но я вручить хочу дѣву невинную
Теплой Заступницѣ міра холоднаго“. [т. I, стр. 264].

или:

„Когда въ минуту жизни трудную,
Тѣснится-ль въ сердцѣ грусть,
Одну молитву чудную
Твердитъ онъ наизусть. [стр. 278].

«Когда волнуется желтѣющая нива», когда среди явленій природы онъ одинъ съ нею и далеко отлетаетъ все современное, ему столь чуждое, когда смиряются души его тревоги, онъ видитъ въ небесахъ Бога и морщины сглаживаются на челѣ его [стр. 265]. Сколько вѣры, сколько любви душевной сказывается тогда въ поэтѣ нашемъ, заклейменномъ невѣрующимъ отрицателемъ.

...«Мнѣ отрадно было видѣть—пишетъ Бѣлинскій о Лермонтовѣ послѣ свиданія съ нимъ и интимной бесѣды одинъ на одинъ — въ его разсудочномъ, охлажденномъ и озлобленномъ взглядѣ на жизнь и людей *сѣмена глубокой вѣры въ достоинство того и другого*. Я это сказалъ ему,— онъ улыбнулся и сказалъ: Дай Богъ!..»[1]

говоритъ Лонгиновъ. Русск. Стар. 1873 г., т. VII, стр. 391].—Хастатовъ же, сынъ Екатерины Алексѣевны, сестры бабушки Арсеньевой, выведенъ въ Фаталистѣ. Мѣсто дѣйствія—Червленая станица. Хастатовъ и есть офицеръ, бросившійся въ окно на убійцу.

[1] Выраженіе Спасовича, т. II, стр. 404.

Въ Лермонтовѣ, который «никогда не переставалъ вѣрить въ личнаго Бога» [1], *свѣтило упованіе Вѣчнаго*, и потому «скучныя пѣсни земли» не могли «замѣнить ему звуковъ небесъ». Эти «пѣсни земли» въ его время, пѣтыя печальнымъ поколѣніемъ, томили его, онъ задыхался отъ нихъ. Одинокимъ выходилъ онъ на дорогу, прислушиваясь къ языку звѣздъ [стр. 343], а порою и онѣ «слушали его, лучами радостно играя»!.. Даже въ шумѣ битвы поэтъ чувствовалъ себя одинокимъ, а мысли уносились къ «престолу предвѣчнаго Аллы» или были заняты болью о попранномъ достоинствѣ человѣка. Послѣ горячаго дѣла подъ «Валерикомъ», среди окровавленныхъ раненыхъ и остывающихъ труповъ стоитъ онъ, «тоской томимый»:

Уже затихло все; тѣла
Стащили въ кучу... Кровь текла
Струею дымной по каменьямъ:
Ея тяжелымъ испареньемъ
Былъ полонъ воздухъ. Генералъ
Сидѣлъ въ тѣни на барабанѣ
И донесенья принималъ.
Окрестный лѣсъ, какъ бы въ туманѣ,
Синѣлъ въ дыму пороховомъ;
А тамъ вдали — грядой нестройной,
Но вѣчно гордой и спокойной,
Въ своемъ нарядѣ снѣговомъ
Тянулись горы — и Казбекъ
Сверкалъ главой остроконечной.
И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ: жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?... Небо ясно;
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ;
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?.. [т. I, стр. 312].

Любопытны и религіозныя бесѣды, которыя Лермонтовъ еще въ началѣ 1841 года имѣлъ съ кн. Одоевскимъ и которыя побудили послѣдняго записать въ альбомъ поэта изреченія изъ дѣяній Апостольскихъ. Они напечатаны въ концѣ перваго тома нашего изданія, стр. 347.

[1] Пыпинъ: жизнь Бѣлинскаго, т. II, стр. 38. Ср. тоже очеркъ внутренней жизни Лермонтова по его произведеніямъ, статья г. Герасимова въ журналѣ: Вопросы философіи и психологіи подъ редакціей Н. Я. Грота 1890 г., книга 2-я.

«И міръ преходитъ и похоть его; а творяй волю Божію пребываетъ во вѣки».

Въ началѣ февраля, на масляной, Михаилъ Юрьевичъ въ послѣдній разъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Бабушка, усиленно хлопотавшая о прощеніи внука, не успѣла въ своемъ предпріятіи и добилась только того, что поэту разрѣшили отпускъ для свиданія съ нею[1]. Кругъ друзей и теперь встрѣтилъ его весьма радушно. Въ немъ замѣтили перемѣну. Періодъ броженія пришелъ къ концу. Поэтическій талантъ крѣпъ и сознательность сужденій сказывалась все яснѣе. Онъ нашелъ свой жизненный путь, понялъ назначеніе свое и зачѣмъ призванъ въ свѣтъ. Ему хотѣлось болѣе чѣмъ когда-либо выйти въ отставку и совершенно предаться литературной дѣятельности. Онъ мечталъ объ основаніи журнала и часто говорилъ о немъ съ Краевскимъ, не одобряя направленія Отечественныхъ Записокъ. — «Мы должны жить своею самостоятельною жизнью и внести свое самобытное въ общечеловѣческое. Зачѣмъ намъ все тянуться за Европою и за французскимъ. Я многому научился у азіатовъ, и мнѣ бы хотѣлось проникнуть въ таинства азіатскаго міросозерцанія, зачатки котораго и для самихъ азіатовъ и для насъ еще мало понятны. Но, повѣрь мнѣ, — обращался онъ къ Краевскому — тамъ на Востокѣ тайникъ богатыхъ откровеній»[2]. Хотя Лермонтовъ въ это время часто видался съ Жуковскимъ, но литературное направленіе и идеалы его не удовлетворяли юнаго поэта. «Мы въ своемъ журналѣ, говорилъ онъ, не будемъ предлагать об-

---

[1] Письмо къ Бибикову, томъ V, стр. 432.

[2] Изъ сообщеній А. А. Краевскаго. — Приводя слова Лермонтова, мы воспроизводимъ суть того, что передавалъ Краевскій. Графъ Соллогубъ тоже не разъ сообщалъ намъ о планахъ Лермонтова относительно основанія журнала. Онъ даже проектировалъ подробную программу его. Въ чемъ она состояла, Соллогубъ пояснить не могъ, утверждая, что не придавалъ «этимъ фантазіямъ» серьезнаго значенія! На спросъ мой объ этихъ программахъ у Краевскаго, Андрей Александровичъ отозвался: «Можетъ-быть! Лермонтовъ часто и много объ этомъ говорилъ, но чтобы онъ подробно и обстоятельно на бумагѣ составлялъ свои проекты—этого не думаю».

честву ничего переводнаго, а свое собственное. Я берусь къ каждой книжкѣ доставлять что-либо оригинальное, не такъ, какъ Жуковскій, который все кормитъ переводами, да еще не говоритъ, откуда беретъ ихъ» [1]. Признаки этого настроенія сохранились въ стихотвореніи Лермонтова «Родина» [т. I, стр. 327]. О литературной его дѣятельности того времени Гоголь говоритъ: «Никто еще не писалъ у насъ такою правильною, прекрасною и благоуханною прозою. Тутъ видно больше углубленія въ дѣйствительность жизни—готовился будущій великій живописецъ русскаго быта» [2].

Творчество Лермонтова дѣйствительно вступало въ новый фазисъ развитія. Элементы объективной рисовки берутъ верхъ надъ субъективными; поэтъ черпаетъ мотивы своихъ созданій не только изъ личныхъ ощущеній, но главнымъ образомъ изъ широкихъ народныхъ вѣрованій и мотивовъ. Зачатки такого процесса сказались уже при созданіи имъ «Пѣсни про Ивана Грознаго и купца Калашникова». Теперь, любезнѣйшая и вѣрнѣйшая для біографа поэма «Демонъ», которая носитъ

---

[1] Авдотья Петровна Елагина, по первому мужу Кирѣевская — мать извѣстныхъ славянофиловъ, близкій другъ и родственница Жуковскаго, встрѣчалась съ Лермонтовымъ въ Москвѣ въ 1841 году. Она мало могла сообщить о поэтѣ, но говорила, что онъ не былъ ей симпатиченъ особенно за несочувствіе къ поэзіи Жуковскаго. Какъ-то въ разговорѣ со мною она замѣтила: «Жаль, что Лермонтову не пришлось ближе познакомиться съ сыномъ моимъ Петромъ—у нихъ нѣкоторые взгляды были общіе». А. П. Елагина скончалась въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ Дерптѣ.

[2] Гоголь въ статьѣ: «Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность»... Спасовичъ [т. II, стр. 369] говоритъ: «По врожденной сильной наклонности къ національному, по сильной любви къ родинѣ своей, по нерасположенію своему къ европеизму и глубокому религіозному чувству, вдохновляющему «Вѣтку Палестины» и множеству прекраснѣйшихъ мотивовъ, Лермонтовъ былъ снабженъ всѣми данными для того, чтобы сдѣлаться великимъ художникомъ того литературнаго направленія, теоретиками коего были Хомяковъ и Аксаковы, художникомъ народническимъ, какого именно недоставало этой школѣ». Знаменательно и замѣчаніе уже не разъ цитированнаго нами Боденштедта. «Чтобы точнѣе опредѣлить значеніе Лермонтова въ русской и во всемірной литературѣ, слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что онъ выше всего тамъ, гдѣ становится наиболѣе народнымъ; и что высшее проявленіе этой народности не требуетъ ни малѣйшаго комментарія, чтобы быть понятнымъ для всѣхъ». [Рѣчь идетъ главнымъ образомъ о «Пѣснѣ про царя Ивана Васильевича»].

на себѣ всѣ фазисы развитія таланта и душевнаго состоянія поэта, изъ области личнаго чувства переходитъ въ область эпическаго созданія. Въ ней главнымъ образомъ отражается уже не личная жизнь, а вѣрованія и природа цѣлой страны, въ которой поэтъ нашелъ вторую свою родину. Послѣдняя переработка поэмы относится именно къ 1841 году[1]. Такъ какъ мы о ней подробно говоримъ въ III томѣ, посвящая тамъ ей цѣлую пояснительную статью, то здѣсь, конечно, говорить о ней не станемъ, а только констатируемъ фактъ начавшейся перемѣны направленія творчества въ зрѣющемъ поэтѣ и человѣкѣ.

Жизненности въ Лермонтовѣ не уменьшалось, но все существо его стало спокойнѣе. *Тоска безпредметная*—признакъ молодыхъ неуравновѣсившихся натуръ—рѣже его посѣщала. Онъ давалъ людямъ и обстоятельствамъ болѣе прочную оцѣнку и не искалъ удовлетворенія тамъ, гдѣ искать его было тщетно. Общество вокругъ его не измѣнилось, но уже его не тѣшили такъ, какъ прежде, кипучія выходки молодечества, не томили пошлость и ничтожество встрѣчаемаго. Онъ выросъ внутренно и поднялся и надъ обществомъ, и надъ своимъ собственнымъ «я», коренившемся въ этомъ обществѣ.—Одинъ изъ близкихъ очевидцевъ отношеній поэта въ окружающей его средѣ говоритъ: «Недурны были зачатки въ этомъ поколѣніи, изъ котораго вышелъ Лермонтовъ, но ужасна была среда, въ которой ему суждено было прозябать и которая губила въ напрасной и безплодной борьбѣ съ самимъ собою и съ окружавшею обстановкой лучшихъ его представителей»[2]. Что поэту опостылѣлъ даже тотъ кругъ людей, въ коемъ онъ еще въ 38 и 39 году, во время служенія въ лейбъ-гусарахъ, убивалъ время и прожигалъ молодость, видно и изъ отзывовъ князя П. П. Вяземскаго о томъ, какъ держалъ себя въ 1841 году Михаилъ Юрьевичъ въ товарищеской компаніи въ Петербургѣ:

---

[1] Въ найденной мною рукописи послѣдняя цифра стерта и можно прочесть только 184[?] г. Слѣдовательно она можетъ относиться или къ 1840 или къ 1841 году. Я склоненъ думать, что рукопись относится къ 1841 г.

[2] Лонгиновъ въ «Современной Лѣтописи» 1863 г., № 16, стр. 15. Статья писана по поводу изданій соч. Лермонтова въ 1863 г.

«Въ послѣдній пріѣздъ Лермонтова я не узнавалъ его. Я былъ съ нимъ очень друженъ въ 1839 году. Теперь Лермонтовъ былъ какъ будто чѣмъ-то занятъ и со мною холоденъ. Я это приписывалъ Монго Столыпину, у котораго мы видались. Лермонтовъ что-то имѣлъ со Столыпинымъ и *вообще чувствовалъ себя неловко въ родственной компаніи* [1]. Не помню, жилъ ли онъ у братьевъ Столыпиныхъ или нѣтъ, но мы тамъ еженочно видались. У меня осталось въ памяти, какъ однажды онъ сказалъ мнѣ: «Скучно здѣсь, поѣдемъ освѣжиться къ Карамзинымъ». У Карамзиныхъ большею частью собирался тотъ же кружокъ развитыхъ интеллигентныхъ людей и блестящихъ свѣтскихъ барынь, среди коихъ мы видѣли Лермонтова еще въ 1840 году. Здѣсь въ дружескомъ кругу Лермонтовъ болѣе могъ быть самимъ собою и отдыхать въ бесѣдѣ, то серьезной, то игривой и непринужденной. Онъ былъ особенно друженъ съ Софьей Николаевной Карамзиной, тогда какъ братья ея, Андрей и Владиміръ Николаевичи, были близки: первый съ графиней Ростопчиной, второй съ А. О. Смирновой. Всѣмъ имъ поэтъ посвятилъ стихотворенія, обезсмертившія имена ихъ. Три мѣсяца, проведенныхъ тогда поэтомъ въ столицѣ, были, какъ полагаетъ графиня Ростопчина, «самые счастливые и самые блестящіе въ его жизни... Онъ утромъ сочинялъ какіе-нибудь прелестные стихи и приходилъ къ намъ читать ихъ вечеромъ. Веселое расположеніе духа проснулось въ немъ опять, въ этой дружеской обстановкѣ, онъ придумывалъ какую нибудь шутку или шалость и мы проводили цѣлые часы въ веселомъ смѣхѣ».

Люблю я разговоры ваши,
И „ха-ха-ха“! и „хи-хи-хи“! [т. I, стр. 303].

---

[1] Великосвѣтскіе сплетники дѣйствительно старались не разъ распространять слухи о недружелюбныхъ отношеніяхъ Столыпина къ поэту. Говорили, что Лермонтовъ надоѣдаетъ ему своею навязчивостью, что онъ надоѣлъ Столыпину вѣчнымъ преслѣдованіемъ его: «онъ прицѣпился ко льву гостиныхъ и на хвостѣ его проникаетъ въ высшій кругъ»—словомъ то, что выразилъ гр. Соллогубъ въ своей повѣсти «Большой свѣтъ».—Вѣроятно юный тогда князь Вяземскій былъ введенъ въ заблужденіе этими толками. Рѣшительно ничто не даетъ права думать, чтобы что-либо нарушило безукоризненно дружескія отношенія Монго Столыпина къ поэту.

повторялъ самъ Лермонтовъ. Однажды онъ объявилъ, что прочитаетъ новый романъ, подъ заглавіемъ «Штосъ», причемъ увѣрялъ, что ему для прочтенія его понадобится по крайней мѣрѣ четыре часа. Онъ потребовалъ, чтобы собрались вечеромъ рано и никого изъ постороннихъ не пускали. Всѣ его желанія были исполнены и избранники сошлись числомъ около тридцати. Наконецъ Лермонтовъ входитъ съ огромной тетрадью. Принесли лампу, двери заперли, началось чтеніе. Спустя четверть часа все было кончено. Оказалось, что написано было нѣсколько страницъ и остальное въ тетради—бѣлая бумага. [т. V, стр. 349]. Сюда же Михаилъ Юрьевичъ принесъ однажды стихотвореніе свое: *Волшебные звуки:*

Есть рѣчи—значенье
Темно иль ничтожно...

Онъ пересказывалъ, какъ годъ назадъ привезъ первый набросокъ къ Краевскому и какъ тотъ уличилъ его въ незнаніи грамматики:

Изъ пламя и свѣта
Рожденное слово,

вмѣсто *пламени.* «Я тогда, замѣтилъ Лермонтовъ, никакъ не могъ измѣнить стиха. Думалъ, думалъ, да и бросилъ, даже изорвать собирался, а Краевскій напечаталъ, и напрасно: никогда торопиться печатаніемъ не слѣдуетъ. Вотъ теперь я дѣло исправилъ». Поднялся споръ: кто былъ за первую, кто за вторую редакцію [1].

На Святой недѣлѣ Лермонтовъ написалъ «Послѣднее новоселье», тоже читавшееся у Карамзиныхъ.

Графиня Ростопчина въ стихотвореніи, посвященномъ памяти Лермонтова, такъ рисуетъ его отношеніе къ кружку:

...Но лишь для насъ, лишь въ тѣсномъ кругѣ нашемъ
Самимъ-собой, веселымъ, остроумнымъ,

---

[1] Ср. относительно этого стихотворенія т. I, стр. 324 и, кромѣ указанной тамъ моей замѣтки, воспоминанія Панаева, стр. 176. О чтеніи въ кругу Карамзиныхъ говорилъ мнѣ гр. Сологубъ, но онъ не помнилъ, о какомъ именно стихотвореніи шла рѣчь. Стихотвореніе извѣстно въ двухъ редакціяхъ.—Я полагаю, что это могло касаться только этого стихотворенія, ибо ни къ какому другому напечатанному въ 1840 году относиться не можетъ.

Мечтательнымъ и искреннимъ онъ былъ,
Лишь намъ однимъ онъ рѣчью, чувства полной,
Передавалъ всю бѣшеную повѣсть
Младыхъ годовъ, рядъ пестрыхъ приключеній
Бывалыхъ дней, и зрѣющія думы
Текущія поры... Но лишь межъ насъ,—
На ужинахъ завѣтныхъ, при зарѣ,
[Въ пріютѣ томъ, гдѣ лишь немногимъ радъ
Разборчиво-привѣтливый хозяинъ]—
Онъ отдыхалъ въ бесѣдѣ непритворной,
Онъ находилъ свободу и просторъ,
И кровъ какъ будто свой, и бытъ семейный...
[Ноябрь, 1841 года].

Любовь, которую поэтъ встрѣчалъ въ тѣсномъ кругу избранныхъ людей, къ нему совсѣмъ не питали уже извѣстныя намъ офиціальныя сферы, и надежды его на полученіе отставки не осуществлялись. Бабушка наконецъ кажется согласилась на то, чтобы Мишель бросилъ службу, но гр. Бенкендорфъ не желалъ выпускать молодого человѣка изъ службы. Онъ былъ опальный, онъ несъ наказаніе, да къ тому же съ 1840 г. графъ ненавидѣлъ поэта, такъ что хлопоты о послѣднемъ отпускѣ въ столицу на свиданіе съ бабушкою [собственно хлопоты были о выходѣ въ отставку] шли не черезъ Бенкендорфа, прежняго ходатая за молодого человѣка, а черезъ военнаго министра и дежурнаго генерала Клейнмихеля. Еще 28 іюля 1840 года Лермонтовъ писалъ бабушкѣ:

„То, что вы мнѣ пишете о словахъ гр. К[лейнмихеля], я полагаю, еще не значитъ, что мнѣ откажутъ отставку, если я подамъ; онъ только просто не совѣтуетъ; а чего мнѣ здѣсь еще ждать? Вы бы хорошенько спросили,—только выпустятъ ли, если я подамъ?

Теперь поэту быстро пришлось убѣдиться, что на выходъ въ отставку надежды мало, что къ нему въ правящихъ сферахъ чрезвычайно нерасположены. Изъ представленія къ наградѣ за боевую службу во время экспедиціи 1840 года ничего не вышло. «Изъ Валерикскаго представленія меня здѣсь вычеркнули»! пишетъ поэтъ въ концѣ февраля. Напрасно генералъ-адъютантъ Граббе [отъ 5 марта 1841 года] еще разъ настойчиво ходатайствуетъ о награжденіи Лермонтова, на этотъ разъ, золотою саблей.—Къ довершенію всего, Михаилъ Юрье-

вичъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ имѣлъ несчастіе раздражить противъ себя. На масляной, на другой же день послѣ прибытія въ столицу, поэтъ участвовалъ на балу, данномъ гр. Воронцовой-Дашковой [1]. Его армейскій мундиръ съ короткими фалдами сильно выдѣлялъ его изъ толпы гвардейскихъ мундировъ. Графъ Сологубъ хорошо помнилъ недовольный взглядъ Великаго Князя Михаила Павловича, пристально устремленный на молодого поэта, который крутился въ вихрѣ бала съ прекрасною хозяйкою вечера. «Великій Князь очевидно нѣсколько разъ пытался подойти къ Лермонтову, но тотъ несся съ кѣмъ либо изъ дамъ по залѣ, словно избѣгая грознаго объясненія. Наконецъ графинѣ указали на недовольный видъ высокаго гостя, и она увела Лермонтова во внутренніе покои, а оттуда заднимъ ходомъ его препроводила изъ дому. Въ этотъ вечеръ поэтъ не подвергся замѣчанію. Хозяйка энергично заступалась за него передъ Великимъ Княземъ, принимала всю отвѣтственность на себя, говорила, что она зазвала поэта, что тотъ не зналъ ничего о балѣ и, наконецъ, аппелировала къ правамъ хозяйки, стоящей на стражѣ неприкосновенности гостей своихъ». Не легко было затѣмъ выпросить у Великаго Князя забвеніе этому проступку Лермонтова.

Считалось въ высшей степени дерзкимъ и неприличнымъ, что офицеръ опальный — отбывающій наказаніе, смѣлъ явиться на балъ, на которомъ были члены Императорской фамиліи. Къ тому же, кажется только наканунѣ пріѣхавшій, поэтъ не успѣлъ явиться «по начальству» всѣмъ, кому слѣдовало. На этотъ разъ вознегодовалъ на Михаила Юрьевича и

---

1 Ей еще въ 1840 г. Лермонтовъ посвятилъ стихотвореніе: «Портретъ свѣтской женщины» [т. I, стр. 300]. Портретъ дѣйствительно мастерски набросанный. Она скончалась въ 1856 году въ Парижѣ, уже не молодою, выйдя замужъ за француза доктора, обобравшаго ее, бросившаго въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Исторія надѣлала много шуму. Некрасовъ изобразилъ событіе въ стихотвореніи «Княгиня» [изд. 1879 г., т I, стр. 186 и примѣчаніе къ нему].

....И одна осталась
Память: что съ отличнымъ вкусомъ одѣвалась!..
Да въ строфахъ небрежныхъ русскаго поэта,
Вдохновенныхъ ею чудныхъ два куплета....».

графъ Клейнмихель и все военное начальство, можетъ-быть, не безъ участія въ дѣлѣ и гр. Бенкендорфа. Но такъ какъ Великій Князь, строгій во всѣхъ дѣлахъ нарушенія уставовъ, молчалъ, то было неудобно привлечь Лермонтова къ отвѣтственности за посѣщеніе бала въ частномъ домѣ. Тѣмъ не менѣе этотъ промахъ былъ ему поставленъ на счетъ и повлекъ за собою распоряженіе начальства о скорѣйшемъ возвращеніи Михаила Юрьевича на мѣсто службы. Надежда получить разрѣшеніе покинуть службу оборвалась. «Марта 9-го—пишетъ Лермонтовъ Бибикову—уѣзжаю отсюда заслуживать себѣ отставку на Кавказѣ».

Друзья да бабушка опять принялись хлопотать о поэтѣ. Не безъ большихъ усилій уговорили Великаго Князя положить гнѣвъ на милость и замолвить за провинившагося доброе слово [1]. Лермонтовъ получилъ разрѣшеніе оставаться въ Петербургѣ еще нѣкоторое время. Затѣмъ отсрочка была возобновлена.

Поэтъ сталъ уже льстить себя надеждою, что продленный отпускъ можно будетъ обратить и въ совершенное увольненіе отъ службы; какъ вдругъ дѣло приняло совершенно неожиданный оборотъ.

«Какъ-то вечеромъ—разсказывалъ А. А. Краевскій—Лермонтовъ сидѣлъ у меня и полный увѣренности, что его наконецъ выпустятъ въ отставку, дѣлалъ планы своихъ будущихъ сочиненій. Мы разстались въ самомъ веселомъ и мирномъ настроеніи. На другое утро часу въ десятомъ вбѣгаетъ ко мнѣ

---

1 «Мы всѣ, и особенно я—разсказывала мнѣ А. О. Смирнова—наперерывъ приставали къ В. Кн. Михаилу Павловичу, прося за Лермонтова, и онъ при большомъ расположеніи своемъ къ Арсеньевой сдался. Я ему все говорила, что хорошій сынъ матери не можетъ быть дурнымъ сыномъ отечества, а Лермонтовъ для бабушки больше, чѣмъ сынъ».—Гр. Ростопчина [Русск. Стар. 1882 г. № 9] говоритъ: «стали просить объ отсрочкахъ [отпуска Лермонтова], въ которыхъ было сначало отказано, а потомъ взяты штурмомъ высокимъ покровительственнымъ вліяніемъ».—Адъютантомъ Великаго Князя былъ Ал. Ил. Философофъ, женатый на А. Столыпиной—другъ дѣтства Михаила Юрьевича. Онъ сохранилъ къ поэту пріязненное чувство во всю жизнь свою. Имъ въ Карлсруэ издано въ 1857 г. «Ангелъ смерти» и «Демонъ». Т. III, стр. 112.

Лермонтовъ и, напѣвая какую-то невозможную пѣсню, бросается на диванъ. Онъ въ буквальномъ смыслѣ слова катался по немъ въ сильномъ возбужденіи. Я сидѣлъ за письменнымъ столомъ и работалъ.—Что съ тобою?—спрашиваю Лермонтова. Онъ не отвѣчаетъ и продолжаетъ пѣть свою пѣсню, потомъ вскочилъ и выбѣжалъ. Я только пожалъ плечами. У него таки бывали странныя выходки—любилъ школьничать! Разъ онъ меня потащилъ въ маскарадъ, въ дворянское собраніе; взялъ у кн. Одоевской ея маску и домино и накинулъ его сверхъ гусарскаго мундира; спустилъ капишонъ, нахлобучилъ шляпу и помчался. На всѣ мои представленія Лермонтовъ отвѣчаетъ хохотомъ. Пріѣзжаемъ; онъ сбрасываетъ шинель, одѣваетъ маску и идетъ въ залы. Шалость эта ему прошла безнаказанно.— Зная за нимъ совершенно необъяснимыя шалости, я и на этотъ разъ принялъ его поведеніе за чудачество. Черезъ полчаса Лермонтовъ снова вбѣгаетъ. Онъ рветъ и мечетъ, снуетъ по комнатѣ, разбрасываетъ бумаги и вновь убѣгаетъ. По прошествіи извѣстнаго времени онъ опять тутъ. Опять та же пѣсня и катаніе по широкому моему дивану. Я былъ занятъ; меня досада взяла:—Да скажи ты ради Бога, что съ тобою, отвяжись, дай поработать!.. Михаилъ Юрьевичъ вскочилъ, подбѣжалъ ко мнѣ и, схвативъ за борты сюртука, потрясъ такъ, что чуть не свалилъ меня со стула. «Понимаешь ли ты! мнѣ велятъ выѣхать въ 48 часовъ изъ Петербурга». Оказалось, что его разбудили рано утромъ. Клейнмихель приказывалъ покинуть столицу въ дважды двадцать четыре часа и ѣхать въ полкъ въ Шуру. Дѣло это вышло по настоянію гр. Бенкендорфа, которому не нравились хлопоты о прощеніи Лермонтова и выпускѣ его въ отставку». [1]

---

[1] Этотъ разсказъ, записанный мною со словъ А. А. Краевскаго 16 августа 1878 года, находитъ себѣ подтвержденіе въ послѣдующихъ событіяхъ и рисуетъ въ совершенно иномъ видѣ анекдотъ о «гусарской выходкѣ» поэта, разсказанной Панаевымъ не безъ юмористическаго оттѣнка по адресу Краевскаго. Говоря о томъ, что Лермонтовъ разбрасывалъ корректуры и бумаги по полу и производилъ страшную кутерьму на столѣ въ комнатѣ, Панаевъ разсказываетъ, что поэтъ «даже опрокинулъ ученаго редактора со стула и заставилъ его барахтаться на полу въ корректурахъ». [Воспоминанія, стр. 175].

Надо полагать, что Бенкендорфу не нравились и литературные замыслы поэта, особенно желаніе основать журналъ. Онъ вообще не желалъ имѣть въ столицѣ «безпокойнаго» молодого человѣка, становившагося любимцемъ публики. Это непріязненное отношеніе къ поэту еще болѣе выясняется изъ предписанія отъ 30-го іюня 1841 г., посланнаго въ догонку за Лермонтовымъ на Кавказъ и подписаннаго дежурнымъ генераломъ гр. Клейнмихелемъ. Въ предписаніи говорилось, чтобы поручика Лермонтова *ни подъ какимъ видомъ* не удалять изъ фронта полка, т. е. не прикомандировывать ни къ какимъ отрядамъ, назначаемымъ въ экспедицію противъ горцевъ. —Такимъ образомъ поэтъ и не подозрѣвалъ, что ему отрѣзывается всякій путь къ выслугѣ, а онъ именно надѣялся «выслужить себѣ на Кавказѣ отставку». О предписаніи этомъ Лермонтовъ, вѣроятно, такъ и не узналъ, потому что покуда оно пошло по инстанціямъ и прибыло на мѣсто назначенія, т. е. къ кавказскому начальству Михаила Юрьевича, его уже не было въ живыхъ.

Надо полагать, что гр. Бенкендорфъ успѣлъ убѣдить Военнаго Министра издать указанное секретное предписаніе относительно поручика Лермонтова, вслѣдствіе сообщеній о томъ, что названный поручикъ не разъ позволялъ себѣ самовольно оставлять мѣсто служенія и появлялся то на водахъ, то въ Ялтѣ безъ надлежащаго разрѣшенія[1]. У Бенкердорфа были свои соглядатаи, сообщавшіе ему обо всемъ, что происходило даже и на отдаленномъ Кавказѣ. «Помните, господа,—говорилъ генералъ Вельяминовъ высланнымъ на Кавказъ — что здѣсь есть много людей въ черныхъ и красныхъ воротникахъ, которые слѣдятъ за вами и за нами»[2].

Нечего было дѣлать, надо было готовиться къ отъѣзду. Въ квартирѣ Карамзиныхъ еще разъ собрались друзья, какъ за годъ передъ симъ, проститься съ Михаиломъ Юрьевичемъ. По

---

[1] См. выше стр. 356.

[2] Русск. Архивъ 1874 года книга I, стр. 410.—Возможно, что настойчивыя представленія Граббе о наградѣ Лермонтову тоже возымѣли свое дѣйствіе и вызвали распоряженіе о недопущеніи поэта принимать участіе въ экспедиціяхъ

свидѣтельству многихъ очевидцевъ, Лермонтовъ во время прощальнаго ужина былъ чрезвычайно грустенъ и говорилъ о близкой, ожидавшей его смерти. За нѣсколько дней передъ этимъ Лермонтовъ съ кѣмъ-то изъ товарищей посѣтилъ извѣстную тогда въ Петербургѣ ворожею, жившую у «пяти угловъ», и предсказавшую смерть Пушкина отъ «бѣлаго человѣка»; звали ее Александра Филипповна, почему она и носила прозвище «Александра Македонскаго», послѣ чьей-то неудачной остроты, сопоставившей ее съ Александромъ, сыномъ Филиппа Македонскаго. Лермонтовъ, выслушавъ, что гадальщица сказала его товарищу, съ своей стороны спросилъ: будетъ ли онъ выпущенъ въ отставку и останется ли въ Петербургѣ? Въ отвѣтъ онъ услышалъ, что въ Петербургѣ ему вообще больше не бывать, не бывать и отставки отъ службы, а что ожидаетъ его другая отставка, «послѣ коей ужъ ни о чемъ просить не станешь». Лермонтовъ очень этому смѣялся, тѣмъ болѣе, что вечеромъ того же дня получилъ отсрочку отпуска и опять возмечталъ о вѣроятіи отставки. «Ужъ если даютъ отсрочку за отсрочкой, то и совсѣмъ выпустятъ»—говорилъ онъ. Но когда нежданно пришелъ приказъ поэту ѣхать, онъ былъ сильно пораженъ [1]. Припомнилось ему предсказаніе. Грустное настроеніе стало еще замѣтнѣе, когда, послѣ прощальнаго ужина, Лермонтовъ уронилъ кольцо, взятое у Соф. Ник. Карамзиной и, несмотря на поиски всего общества, изъ котораго многія лица слышали, какъ оно катилось по паркету, его найти не удалось.

Въ концѣ апрѣля или началѣ мая Лермонтовъ тронулся въ путь. Въ почтамтъ, откуда отправлялся маль-постъ въ Москву, Лермонтовъ, не терпѣвшій проводовъ, прибылъ съ Шанъ-Гиреемъ, который и принялъ отъ уѣзжающаго поэта послѣднее прости бабушкѣ и петербургскимъ друзьямъ. Отъѣзжающій Михаилъ Юрьевичъ наружно былъ веселъ и шутилъ [2].

---

[1] О предсказаніи ворожеи сообщала мнѣ Апол. Мих. Веневитинова, рожденная Вьельгорская. Къ ней пріѣхалъ Лермонтовъ отъ названной Александры Филипповны въ самомъ веселомъ настроеніи. О ворожеѣ этой говорится въ Вѣстникѣ Европы, 1883 г. февраль, стр. 552.

[2] Шанъ-Гирей говоритъ положительно, что отъѣздъ поэта состоялся 2-го

Было ли весело у него на душѣ—другой вопросъ. Своему неудовольствію на преслѣдовавшаго его гр. Бенкендорфа поэтъ далъ волю, написавъ по его адресу восемь стиховъ, въ которыхъ выражаетъ надежду, что «за хребтомъ Кавказа укроется отъ Россійскихъ пашей, отъ ихъ всевидящаго глаза, отъ ихъ всеслышащихъ ушей» [т. I, стр. 331].

За Лермонтовымъ водилась повадка переступать установленія служебныхъ правилъ. Его самостоятельная натура не терпѣла путъ и опредѣленныхъ строгихъ рамокъ существованія, налагаемыхъ военною дисциплиною. Онъ часто позволялъ себя отступленія, которыя сходили ему съ рукъ, благодаря вниманію къ нему друзей и нѣкоторыхъ понимавшихъ его положеніе начальниковъ. Таковыми были Галафѣевъ и въ особенности Граббе.—Не такъ ли Инзовъ относился къ подчиненному ему Пушкину?—Но, конечно, далеко не всѣ глядѣли на Лермонтова снисходительно. Теперь опасность строгаго наказанія за отступленія и своевольныя поѣздки и отлучки росла. Рѣшено было, что съ поэтомъ на Кавказъ поѣдетъ Монго Столыпинъ. Ему поручалось друзьями и родными оберегать поэта отъ опасныхъ выходокъ.

ГЛАВА XIX.

Послѣднее путешествіе на Кавказъ.—Встрѣча съ Боденштедтомъ.—Изъ Ставрополя въ Пятигорскъ.—Затрудненія со стороны начальства относительно пребыванія поэта въ Пятигорскѣ.—Домъ, въ которомъ жилъ Лермонтовъ.—Жизнь въ Пятигорскѣ.—Семья Верзилиныхъ.—Антагонизмъ между пріѣзжимъ и мѣстнымъ обществомъ.—Кружокъ молодежи.—Нелюбовь къ Лермонтову представителей пріѣзжаго столичнаго общества.—Отношеніе къ нимъ Лермонтова.—Н. С. Мартыновъ.—Выходки Лермонтова: альбомъ карикатуръ, шалости.

Нашъ поэтъ держалъ путь свой на Москву. Кругъ друзей въ любимомъ имъ городѣ принялъ его сердечно, и путникъ

мая.—Стихотвореніе гр. Ростопчиной: «На дорогу», посвященное уѣзжающему поэту, писано 27-го марта, т. е. передъ концомъ первой данной ему отсрочки.

нашъ чувствовалъ себя хорошо. «Я отъ здѣшняго воздуха потолстѣлъ въ два дня»—пишетъ онъ бабушкѣ [т. V, стр. 433] —«рѣшительно Петербургъ мнѣ вреденъ». Михаилъ Юрьевичъ проводилъ время у Розена, Анненковыхъ, у Мамоновой, Лопухиныхъ, видѣлся со Столыпиными. Въ кругу молодежи въ ресторанѣ встрѣтилъ его тогда и нѣмецкій поэтъ Боденштедтъ. Прислушаемся къ его разсказу:

...«Мы были уже за шампанскимъ. Снѣжная пѣна лилась черезъ край стакановъ, и черезъ край лились изъ устъ моихъ собесѣдниковъ то плохія, то мѣткія остроты.

—«А! Михаилъ Юрьевичъ!» вскричали двое-трое изъ моихъ собесѣдниковъ при видѣ только-что вошедшаго молодого офицера.

Онъ привѣтствовалъ ихъ короткимъ «здравствуйте», слегка потрепалъ Олсуфьева по плечу и обратился къ князю [1] со словами:

—«Ну, какъ поживаешь, умникъ?»

У вошедшаго была гордая, непринужденная осанка, средній ростъ и замѣчательная гибкость движеній. Вынимая при входѣ носовой платокъ, чтобы обтереть мокрые усы, онъ выронилъ на полъ бумажникъ или сигарочницу и, при этомъ, нагнулся съ такою ловкостью, какъ будто былъ вовсе безъ костей, хотя плечи и грудь были у него довольно широки.

Гладкіе, бѣлокурые [2], слегка вьющіеся по обѣимъ сторонамъ волосы оставляли совершенно открытымъ необыкновенно высокій лобъ. Большіе, полные мысли глаза, вовсе не участвовали въ насмѣшливой улыбкѣ, игравшей на красиво очерченныхъ губахъ молодого человѣка.

«Одѣтъ онъ былъ не въ парадную форму: на шеѣ небрежно повязанъ черный платокъ; военный сюртукъ не новъ и не

---

[1] Боденштедтъ пояснилъ мнѣ, что называемый имъ среди пирующей молодежи князь, былъ князь А. И. Васильчиковъ, позднѣе секундантъ на дуэли поэта.

[2] Уже было пояснено, что у Лермонтова посреди темени былъ клокъ болѣе свѣтлыхъ волосъ, почему нѣкоторые считали его блондиномъ. Вообще же волосы его были темнокаштановые, почти черные—почему другіе описывали его брюнетомъ.

до верху застегнутъ, и изъ подъ него виднѣлось ослѣпительной свѣжести бѣлье. Эполетъ на немъ не было.

Мы говорили до тѣхъ поръ по французски, и Олсуфьевъ представилъ меня на томъ же діалектѣ вошедшему. Обмѣнявшись со мною нѣсколькими бѣглыми фразами, офицеръ сѣлъ съ нами обѣдать. При выборѣ кушаньевъ и въ обращеніи къ прислугѣ, онъ употреблялъ выраженія, которыя въ большомъ ходу у многихъ — чтобъ не сказать у всѣхъ — русскихъ, но которыя въ устахъ новаго гостя непріятно поражали меня. Поражали потому, что гость этотъ былъ — Михаилъ Лермонтовъ.

Во время обѣда я замѣтилъ, что Лермонтовъ не пряталъ подъ столъ своихъ нѣжныхъ, выхоленныхъ рукъ. Отвѣдавъ нѣсколькихъ кушаньевъ и осушивъ два стакана вина, онъ сдѣлался очень разговорчивъ и, надо полагать, много острилъ, такъ какъ слова его были нѣсколько разъ прерываемы громкимъ хохотомъ. Къ сожалѣнію, для меня его остроты оставались непонятными, такъ какъ онъ нарочно говорилъ по-русски и къ тому же чрезвычайно скоро, а я въ то время недостаточно хорошо понималъ русскій языкъ, чтобы слѣдить за разговоромъ. Я замѣтилъ только, что остроты его часто переходили въ личности; но, получивъ раза два мѣткій отпоръ отъ Олсуфьева, онъ разсчелъ за лучшее упражняться только надъ молодымъ княземъ.

Нѣкоторое время тотъ добродушно переносилъ шпильки Лермонтова; но наконецъ и ему уже стало не въ мочь, и онъ съ достоинствомъ умѣрилъ его пылъ, показавъ, что при всей ограниченности ума, сердце у него тамъ же, гдѣ и у другихъ людей.

Казалось, Лермонтова искренно огорчило, что онъ обидѣлъ князя, своего товарища, и онъ всѣми силами старался помириться съ нимъ, въ чемъ скоро и успѣлъ.

Я уже зналъ и любилъ тогда Лермонтова по собранію его стихотвореній, вышедшему въ 1840 г., но въ этотъ вечеръ онъ произвелъ на меня столь невыгодное впечатлѣніе, что у меня пропала всякая охота поближе сойтись съ нимъ. Весь разговоръ, съ самаго его прихода, звенѣлъ у меня въ ушахъ, какъ будто кто-нибудь скребъ по стеклу.

Я никогда не могъ, можетъ-быть ко вреду моему, сдѣлать первый шагъ къ сближенію съ задорнымъ человѣкомъ, какое бы онъ ни занималъ мѣсто въ обществѣ; никогда не могъ извинить шалостей знаменитыхъ и геніальныхъ людей, только во имя ихъ знаменитости и геніальности. Я часто убѣждался, что можно быть основательнымъ ученымъ, поэтомъ или писателемъ и, въ то же время, невыносимымъ человѣкомъ въ обществѣ. У меня правило основывать свое мнѣніе о людяхъ на первомъ впечатлѣніи; но въ отношеніи Лермонтова мое первое, непріятное впечатлѣніе вскорѣ совершенно изгладилось пріятнымъ.

Не далѣе, какъ на слѣдующій же вечеръ, встрѣтивъ снова Лермонтова въ салонѣ г-жи М., я увидѣлъ его въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ. Лермонтовъ вполнѣ умѣлъ быть милымъ.

Отдаваясь кому нибудь, онъ отдавался отъ всего сердца; только едва ли съ нимъ это часто случалось. Въ самыхъ близкихъ и прочныхъ дружественныхъ отношеніяхъ находился онъ съ умною графинею Ростопчиною, которой было бы поэтому легче, нежели кому-либо дать вѣрное понятіе объ его характерѣ.

Людей же, недостаточно знавшихъ его, чтобы извинять его недостатки за его высокія, обаятельныя качества, онъ скорѣе отталкивалъ, нежели привлекалъ къ себѣ, давая слишкомъ много воли своему нѣсколько колкому остроумію. Впрочемъ, онъ могъ быть, въ то же время, кротокъ и нѣженъ, какъ ребенокъ, и вообще въ характерѣ его преобладало задумчивое, часто грустное настроеніе.

Серіозная мысль была главною чертою его благороднаго лица, какъ и всѣхъ значительнѣйшихъ его твореній, къ которымъ его легкія, шутливыя произведенія относятся, какъ его насмѣшливый, тонко-очерченный ротъ къ его большимъ, полнымъ думы глазамъ.

Многіе изъ соотечественниковъ Лермонтова раздѣлили съ нимъ его прометеевскую участь, но ни у одного изъ нихъ страданія не вызвали такихъ драгоцѣнныхъ слезъ, которыя служили ему облегченіемъ при жизни и дали ему неувядаемый вѣнокъ по смерти.»

Выѣхалъ Лермонтовъ изъ Москвы вмѣстѣ съ Алексѣемъ Аркадьевичемъ Столыпинымъ. Ѣхали они до Ставрополя очень долго, дорога была прескверная[1]. Въ Ставрополѣ видѣлъ ихъ ремонтеръ Борисоглѣбскаго уланскаго полка Магденко[2]:

«Покуда человѣкъ мой хлопоталъ о лошадяхъ, я пошелъ наверхъ и, въ ожиданіи обѣда, сталъ бродить по комнатамъ гостиницы. Помѣщеніе ея было довольно комфортабельно: комнаты высокія, мебель прекрасная. Большія растворенныя окна дышали свѣжимъ, живительнымъ воздухомъ. Было обѣденное время, и я съ любопытствомъ озирался на совершенно новую для меня картину. Всюду военныя лица, костюмы —ни одного штатскаго, и все почти раненые: кто безъ руки, кто безъ ноги, на костыляхъ, на лицахъ рубцы и шрамы, немало съ черными широкими перевязками на головѣ и рукахъ. Эта картина сбора раненыхъ героевъ глубоко запала мнѣ въ душу. Незадолго передъ тѣмъ было взято Дарго. Многіе изъ присутствующихъ участвовали въ славныхъ штурмахъ этого укрѣпленнаго аула.

Зашелъ я и въ бильярдную. По стѣнамъ ея тянулись кожаные диваны, на которыхъ возсѣдали штабъ и оберъ-офицеры, тоже большею частью раненые. Два офицера въ сюртукахъ безъ эполетъ, одного и того же полка, играли на бильярдѣ. Одинъ изъ нихъ, по ту сторону бильярда, съ лѣвой моей руки, первый обратилъ на себя мое вниманіе».

Это былъ Лермонтовъ. Извѣстность его тогда уже распространилась и партнеръ по бильярду съ гордостью объяснилъ Магденкѣ, съ кѣмъ онъ игралъ.—Лермонтовъ въ Ставрополѣ представлялся командующему войсками генералу Граббе, который, выѣхавъ въ отрядъ, по просьбѣ поэта дозволилъ ему

---

[1] Письмо къ бабушкѣ, т. V, стр. 434.

[2] Воспоминанія Магденки напечатаны мною въ мартовской книжкѣ Русской Старины за 1879 годъ, стр. 525.—Въ Историческомъ Вѣстникѣ за 1880 г., томъ I, стр. 879. г. Мартьяновъ не совсѣмъ основательно нападалъ на мое примѣчаніе къ статьѣ. Магденко въ довершеніе исправляетъ и послѣдняго, замѣчая, что Лермонтовъ не могъ пріѣхать въ Ставрополь «лѣтомъ», а былъ тамъ уже во второй половинѣ мая. Дѣйствительно, въ рукописи Магденки стоитъ «весною». Не знаю, почему редакція Русск. Стар. измѣнила весну на лѣто?

оставаться нѣсколько дней въ Ставрополѣ, а затѣмъ догонять отрядъ за Лабой.

«Отобѣдавъ, разсказываетъ далѣе г. Магденко, я продолжалъ путь свой въ Пятигорскъ и Тифлисъ. Чудное время года, молодость и дивныя, никогда и не снившіяся картины величественнаго Кавказа, который смутно чудился мнѣ изъ описаній, наполняли душу волшебнымъ упоеніемъ. Во всю прыть неслися кони, погоняемые молодымъ осетиномъ. Онъ вгонялъ ихъ на кручу и, когда кони, обезсилѣвъ, останавливались, быстро соскакивалъ, подкладывалъ подъ заднія колеса экипажа камни, давалъ имъ передохнуть, и опять гналъ и гналъ во всю прыть. И вотъ, съ горы, на которую мы взобрались, увидалъ я знаменитую гряду Кавказскихъ горъ, а надъ ними двухъ великановъ: вершины Эльбруса и Казбека, въ неподвижномъ величіи, казалось, внимали одному Аллаху. Стали мы спускаться съ крутизны—что-то на дорогѣ въ долинѣ чернѣется. Приблизились мы, и вижу я сломавшуюся телѣгу, тройку лошадей, ямщика и двухъ пассажировъ, одѣтыхъ по-кавказски, съ шашками и кинжалами. Придержали мы лошадей, спрашиваемъ: чьи люди? Люди въ папахахъ и черкескахъ верблюжьяго сукна отвѣчали просьбою сказать на станціи господамъ ихъ, что съ ними случилось несчастіе—ось сломалась. Кто господа ваши? «Лермонтовъ и Столыпинъ»,— отвѣчали они разомъ.

Пріѣхавъ на станцію, я вошелъ въ комнату для проѣзжающихъ и увидалъ уже знакомую мнѣ личность Лермонтова, въ офицерской шинели съ отогнутымъ воротникомъ—послѣ я замѣтилъ, что онъ и на сюртукѣ своемъ имѣлъ обыкновеніе отгинать воротникъ—и другого офицера чрезвычайно представительной наружности, высокаго роста, хорошо сложеннаго, съ низкоостриженною прекрасною головой и выразительнымъ лицомъ. Это былъ капитанъ Нижегородскаго драгунскаго полка — Столыпинъ. Я передалъ имъ о положеніи слугъ ихъ. Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ, только что прискакавшій, фельдъегерь съ кожаною сумой на груди. Едва переступилъ онъ за порогъ двери, какъ Лермонтовъ съ кликомъ: «а, фельдъегерь, фельдъегерь!» подскочилъ къ нему и

началъ снимать съ него суму. Фельдъегерь сначала было заупрямился. Столыпинъ сталъ говорить, что они ѣдутъ въ дѣйствующій отрядъ, и что, можетъ-быть, къ нимъ есть письма изъ Петербурга. Фельдъегерь утверждалъ, что онъ посланъ «въ армію къ начальникамъ»; но Лермонтовъ сунулъ ему что-то въ руку, выхватилъ суму и выложилъ хранившееся въ ней на столъ. Она, впрочемъ, не была ни запечатана, ни заперта. Оказались только запечатанные казенные пакеты; писемъ не было.

Солнце уже закатилось, когда я пріѣхалъ въ городъ или, вѣрнѣе, только крѣпость Георгіевскую. Смотритель сказалъ мнѣ, что ночью ѣхать дальше не совсѣмъ безопасно. Я только что принялся пить чай, какъ въ комнату вошли Лермонтовъ и Столыпинъ. Они поздоровались со мною, какъ со старымъ знакомымъ, и приняли приглашеніе выпить чаю. Вошедшій смотритель, на приказаніе Лермонтова запрягать лошадей, отвѣчалъ предостереженіемъ въ опасности ночного пути. Лермонтовъ отвѣтилъ, что онъ старый Кавказецъ, бывалъ въ экспедиціяхъ и его не запугаешь. Рѣшеніе продолжать путь не измѣнилось и отъ смотрительскаго разсказа, что позавчера въ семи верстахъ отъ крѣпости зарѣзанъ былъ черкесами проѣзжій унтеръ-офицеръ. Я, съ своей стороны, тоже сталъ уговаривать лучше подождать завтрашняго дня, утверждая, что-то въ родѣ того, что лучше же приберечь храбрость на время какой-либо экспедиціи, чѣмъ рисковать жизнью въ борьбѣ съ ночными разбойниками. Къ тому же разразился страшный дождь, и онъ-то, кажется, сильнѣе доводовъ нашихъ подѣйствовалъ на Лермонтова, который рѣшился таки заночевать. Принесли, что у кого было съѣстного, явилось на столъ кахетинское вино, и мы разговорились. Они распрашивали меня о цѣли моей поѣздки, объяснили, что сами ѣдутъ въ отрядъ за Лабу, чтобы участвовать въ «экспедиціяхъ противъ горцевъ». Я утверждалъ, что не понимаю ихъ влеченія къ трудностямъ боевой жизни, и противопоставлялъ ей удовольствія, которыя ожидаю отъ кратковременнаго пребыванія въ Пятигорскѣ, въ хорошей квартирѣ, съ удобствами жизни и разными затѣями, которыя имъ въ отрядѣ, конечно, доступны не будутъ...

На другое утро, Лермонтовъ, входя въ комнату, въ которой я со Столыпинымъ сидѣли уже за самоваромъ, обратясь къ послѣднему, сказалъ: «Послушай, Столыпинъ, а вѣдь теперь въ Пятигорскѣ хорошо [онъ назвалъ нѣсколько именъ], поѣдемъ въ Пятигорскъ». Столыпинъ отвѣчалъ, что это невозможно. «Почему?—быстро спросилъ Лермонтовъ—тамъ комендантъ старый Ильяшенко и являться къ нему нечего, ничто намъ не мѣшаетъ. Рѣшайся, Столыпинъ, ѣдемъ въ Пятигорскъ!» Съ этими словами Лермонтовъ вышелъ изъ комнаты. На дворѣ лилъ проливной дождь. Надо замѣтить, что Пятигорскъ стоитъ отъ Георгіевскаго на разстояніи 40 верстъ, по тогдашнему—одинъ перегонъ.

Столыпинъ сидѣлъ задумавшись. Ну что,—спросилъ я его—рѣшаетесь, капитанъ? «Помилуйте, какъ намъ ѣхать въ Пятигорскъ, вѣдь мнѣ поручено везти его въ отрядъ. Вонъ,—говорилъ онъ, указывая на столъ,—наша подорожная, а тамъ инструкція—посмотрите». Я поглядѣлъ на подорожную, которая лежала раскрытою, а развернуть сложенную инструкцію посовѣстился и, признаться, очень о томъ сожалѣю.

Дверь отворилась, быстро вошелъ Лермонтовъ, сѣлъ къ столу и, обратясь къ Столыпину, произнесъ повелительнымъ тономъ:

— «Столыпинъ, ѣдемъ въ Пятигорскъ!» Съ этими словами вынулъ онъ изъ кармана кошелекъ съ деньгами, взялъ изъ него монету и сказалъ: «вотъ, послушай, бросаю полтинникъ, если упадетъ кверху орломъ—ѣдемъ въ отрядъ; если рѣшоткой—ѣдемъ въ Пятигорскъ. Согласенъ?»

Столыпинъ молча кивнулъ головой. Полтинникъ былъ брошенъ, и къ нашимъ ногамъ упалъ рѣшоткою вверхъ. Лермонтовъ вскочилъ и радостно закричалъ: «въ Пятигорскъ, въ Пятигорскъ! позвать людей, намъ уже запрягли!» Люди, два дюжихъ татарина [грузина?], узнавъ въ чемъ дѣло, упали передъ господами и благодарили ихъ, выражая непритворную радость. Вѣрно,—думалъ я—нелегка пришлась бы имъ жизнь въ отрядѣ [1].

---

[1] Замѣчаніе мое, что внезапное рѣшеніе Лермонтова было самовольнымъ

Лошади были поданы. Я пригласилъ спутниковъ въ свою коляску. Лермонтовъ и я сидѣли на задней скамьѣ. Столыпинъ на передней. Насъ обдавало цѣлымъ потокомъ дождя. Лермонтову хотѣлось закурить трубку,—оно оказалось немыслимымъ. Дорогой и Столыпинъ и я молчали, Лермонтовъ говорилъ почти безъ умолку и все время былъ въ какомъ-то возбужденномъ состояніи. Между прочимъ онъ указывалъ намъ на озеро, кругомъ котораго онъ джигитовалъ, а трое черкесовъ гонялись за нимъ, но онъ ускользнулъ отъ нихъ на лихомъ своемъ карабахскомъ конѣ.

Говорилъ Лермонтовъ и о вопросахъ, касавшихся общаго положенія дѣлъ въ Россіи. Объ одномъ высокопоставленномъ лицѣ я услыхалъ отъ него тогда въ первый разъ въ жизни моей такое жестокое мнѣніе, что оно и теперь еще кажется мнѣ преувеличеннымъ.

Промокшіе до костей, пріѣхали мы въ Пятигорскъ и вмѣстѣ остановились на бульварѣ въ гостиницѣ, которую содержалъ армянинъ Найтаки [1]. Минутъ черезъ 20 въ мой номеръ явились Столыпинъ и Лермонтовъ, уже переодѣтыми, въ бѣломъ какъ снѣгъ бѣльѣ и халатахъ. Лермонтовъ былъ въ шелковомъ темно-зеленомъ съ узорами халатѣ, опоясанный толстымъ снуркомъ съ золотыми жолудями на концахъ. Потирая руки отъ удовольствія, Лермонтовъ сказалъ Столыпину:

— «Вѣдь и Мартышка, Мартышка здѣсь! Я сказалъ Найтаки, чтобы послали за нимъ».

поступкомъ и что Граббе на это очень сердился, вызвало со стороны г-на Мартьянова опроверженіе, впрочемъ, совершенно бездоказательное. Что поэтъ потомъ, изъ Пятигорска, просилъ позволеніе оставаться тамъ по болѣзни у начальника штаба Траскина, не противорѣчитъ сказанному мною. Г-нъ Мартьяновъ не зналъ о непріятностяхъ, которыя имѣлъ Граббе изъ-за Лермонтова; какъ на двукратное представленіе его къ наградѣ былъ полученъ отказъ, а затѣмъ даже предписаніе никуда не выпускать Лермонтова изъ полка. Это предписаніе явилось, правда, уже послѣ смерти Лермонтова, или около того времени [см. выше стр.377], но для Граббе, любившаго поэта, было ясно, что на него въ Петербургѣ ополчились власть имѣющіе люди. Онъ берегъ Михаила Юрьевича. Опасенія Граббе были вѣрны, о чемъ свидѣтельствуетъ секретное предписаніе гр. Клейнмихеля отъ 30 іюня.

[1] Найтаки былъ содержателемъ «казенной гостиницы».

Именемъ этимъ Лермонтовъ пріятельски называлъ стариннаго своего хорошаго знакомаго Николая Соломоновича Мартынова».

Тотчасъ по пріѣздѣ Лермонтовъ сталъ изыскивать средства получить разрѣшеніе остаться въ Пятигорскѣ. Онъ обратился къ услужливому и «на всѣ руки ловкому» Найтаки, и тотъ привелъ къ нему писаря изъ Пятигорскаго комендантскаго управленія Карпова, который завѣдывалъ полицейскою частью [въ управленіи тогда сосредоточивались полицейскія дѣла] и списками вновь прибывающихъ въ Пятигорскъ путешественниковъ и больныхъ [1]. Офицеры охотно пользовались каждымъ

[1] Въ послѣднее время появились статьи о послѣднихъ дняхъ Лермонтова, основанныя на разсказахъ майора Карпова. [Статья Филиппова: «Лермонтовъ на кавказскихъ водахъ. Разсказъ современника».—Русская Мысль, декабрь 1890 г. и его же въ Русск. Вѣдомостяхъ 6-го янв. 1891 г.: Еще о Лермонтовѣ. Неожиданныя дополненія]. Г-нъ Карповъ запамятовалъ, что въ 1881 году онъ мнѣ сообщалъ о Лермонтовѣ свѣдѣнія въ нѣсколько иномъ видѣ. Въ 1888 году я опять былъ на минеральныхъ водахъ и въ Желѣзноводскѣ. Г. Карповъ вновь сообщилъ о Лермонтовѣ свѣдѣнія уже въ дополненной редакціи. Въ 81 году, когда я участвовалъ въ комиссіи по опредѣленію мѣста дуэли, выяснилось, что г. Карповъ въ показаніяхъ своихъ путается. [Протоколъ коммиссіи 12 сент. 1881 года]. Почтенный старожилъ Желѣзноводска смѣшивалъ истину съ баснями и слухами, коихъ множество ходитъ по тѣмъ мѣстамъ. О неточности его разсказовъ уже говорила Эмил. Александровна Шанъ-Гирей [Сѣверъ 1891 г. № 12]. Еще раньше, по поводу подобнаго же сообщенія г-жи Желиховской, со словъ Николая Павл. Раевскаго [не смѣшивать съ Свят. Аѳ. Раевскимъ, другомъ поэта] въ Нивѣ 1885 г. № 7 и 8 и сообщеній г-на Кондратенки, во Всемірной Иллюстраціи 1885 г. отъ 8-го іюня, г-жа Шанъ-Гирей [Русскій Архивъ, 1889 г. № 12] говоритъ въ заключеніе: «Полвѣка почти прошло со дня кончины Лермонтова, а ярые поклонники и поклонницы его поэтическаго генія, чтобы заинтересовать читающую публику, но большею частью изъ желанія видѣть свое имя въ печати, публикуютъ во всеобщее свѣдѣніе самомалѣйшія мелочи его частной жизни. Выказывая, гдѣ только возможно, всякія вздорныя, а иногда и небывалыя подробности, касающіяся до него, прибавляя часто къ этому и свои предположенія и догадки, они только затемняютъ личность человѣка, который, помимо своего поэтическаго дара, обладалъ и достоинствами и недостатками всякаго молодого человѣка... Если всѣ біографіи пишутся такъ, то пожалѣешь собирателей историческихъ данныхъ, которые впадаютъ въ грубыя ошибки, выслушивая разсказчиковъ, Богъ знаетъ, для чего городящихъ чепуху».—А между тѣмъ—прибавимъ мы—даже спеціалисты-литераторы попадаются на удочку такихъ сообщеній. Такъ въ од-

удобнымъ случаемъ, чтобы оставаться подольше въ веселомъ Пятигорскѣ. Когда комендантъ, добродушный Ильяшенко, высылалъ на мѣсто служенія, обращались къ доктору Реброву, который не отказывался давать свидѣтельства о болѣзни. Положатъ такого паціента дня на два въ госпиталь, а потомъ, подъ предлогомъ недостатка мѣста, отпустятъ долѣчиваться на квартиру. Даже начальство, примѣтивъ слишкомъ большое скопленіе «нездоровыхъ» офицеровъ въ Пятигорскѣ, распорядилось, чтобы тѣхъ, кому не надо было пользоваться минеральными водами, отправлять въ Георгіевскій военный госпиталь.—Лермонтовъ не разъ обращался къ доктору Реброву, когда желалъ оставаться въ Пятигорскѣ, но на этотъ разъ онъ къ нему обратиться не рѣшился, вслѣдствіе какой-то размолвки [не изъ-за исторіи ли съ его дочерью, о коей говорено выше стр. 351]?Вотъ ему и пришлось обратиться за помощью г. Карпова. Онъ составилъ рапортъ на имя Пятигорскаго коменданта, въ которомъ Лермонтовъ сказывался больнымъ. Комендантъ Ильяшенко распорядился объ освидѣтельствованіи Михаила Юрьевича къ комиссіи врачей при Пятигорскомъ госпиталѣ. «Я уже раньше, разсказывалъ намъ г.

нотомномъ изданіи сочиненій Лермонтова г. Глазунова, вышедшемъ недавно, въ біографическомъ очеркѣ мы видимъ, что составитель его пренаивно пользовался статьями г-на Филиппова, вѣрившаго всему, что сообщалъ ему г. «майоръ» Карповъ.

Болѣе внимательно отнеслась къ сообщеніямъ на мѣстѣ событій г-жа Некрасова въ Русской Старинѣ май 1888 г. Она же на стр. 476 приводитъ слова г-жи Шанъ-Гирей: «въ разсказѣ г. Раевскаго въ Нивѣ все съ начала до конца голая выдумка». Не позволяя себѣ столь рѣзкаго сужденія, я скажу однако, что не вѣрнаго много. Г-жа Желиховская, разсказывая со словъ Раевскаго, то называетъ его драгунскимъ капитаномъ, то докторомъ—очевидно она искажаетъ этотъ разсказъ—конечно невольно, по незнанію обстоятельствъ. Такъ говорится, что Мартыновъ и Лермонтовъ жили «по годамъ со своими слугами на хлѣбахъ у Верзилиныхъ».!! Все описаніе дома, въ коемъ жилъ будто Лермонтовъ въ одномъ коридорѣ съ Мартыновымъ, неправда. Говорится, что князя Сергѣя Трубецкаго не было въ Пятигорскѣ во время дуэли, тогда какъ онъ былъ на ней секундантомъ. Ужъ такой-то крупный фактъ нельзя запамятовать. Какъ же послѣ того вѣрить всему разсказу о дуэли? Я по выходѣ этой статьи послалъ разборъ и опроверженіе ея въ «Ниву», но тогдашній редакторъ не помѣстилъ моей статьи, говоря: «довольно уже печаталось о Лермонтовѣ»!

Карповъ, обдѣлалъ дѣльце съ главнымъ нашимъ лѣкаремъ, титулярнымъ совѣтникомъ Барклай-де-Толли.» Лермонтовъ и Столыпинъ были признаны больными и подлежащими лѣченію минеральными ваннами, о чемъ 24 мая за №№ 805 и 806 комендантъ Ильяшенко донесъ въ штабъ войскъ Кавказской линіи и Черноморіи въ Ставрополь. Къ рапорту было приложено и медицинское свидѣтельство о болѣзни обоихъ офицеровъ [1].

Чтобы покончить съ этою формальною частью вопроса о томъ, своевольно ли, или съ разрѣшенія начальства, Лермонтовъ оставался въ Пятигорскѣ, скажемъ, что, въ отвѣтъ на рапортъ коменданта Ильяшенки, флигель-адъютантъ полковникъ Траскинъ отъ 8-го іюня писалъ ему, что не видя изъ приложенныхъ къ рапорту свидѣтельствъ о болѣзни, чтобы капитану Столыпину и поручику Лермонтову было необходимо пользоваться минеральными водами, а усматривая, напротивъ, что болѣзнь ихъ можетъ быть излѣчена и другими средствами, проситъ немедленно выслать ихъ въ Георгіевскій военный госпиталь. «Всѣмъ же прибывшимъ изъ отряда офицерамъ, кромѣ раненыхъ, объявить, что командующій войсками къ 15 числу [іюня] прибудетъ въ Червленую, и наблюсти, чтобы они къ тому времени выѣхали изъ Пятигорска, кромѣ майора Пушкина, о которомъ послѣдуетъ особое распоряженіе».

Комендантъ предписалъ Лермонтову и Столыпину отправиться или въ отрядъ, или въ Георгіевскій госпиталь, и препроводилъ имъ подорожную. Лермонтовъ отвѣчалъ на это рапортомъ отъ 18-го іюня [за № 132]: «Выше высокоблагородіе предписать мнѣ за № 1000 изволили отправиться къ мѣсту моего назначенія или, если болѣзнь моя того не позволитъ, въ Георгіевскъ, чтобы быть зачисленному въ тамошній госпиталь. На это честь имѣю почтительнѣйше донести, что

1 Точныя свѣдѣнія изъ офиціальныхъ бумагъ заимствую я изъ вышеуказанныхъ статей г-на Мартьянова, который въ концѣ 60-хъ годовъ имѣлъ въ рукахъ дѣла Пятигорскаго комендантскаго управленія. Въ 1881 году я искалъ эти дѣла, но ихъ въ архивахъ не оказалось. Тщетно искала ихъ и комиссія по опредѣленію мѣста дуэли и Лермонтовскій музей.

получивъ отъ вашего высокоблагородія позволеніе остаться здѣсь до излѣченія, и также получивъ отъ начальника штаба полковника Траскина предписаніе, въ коемъ онъ также дозволилъ мнѣ остаться здѣсь, предписавъ о томъ донести полковому командиру, полковнику Хлюпину, и отрядному дежурству и такъ какъ я уже началъ пользованіе минеральными водами и принялъ 23 сѣрныхъ ваннъ, то, прервавъ курсъ, подвергаюсь совершенному разстройству здоровья и не только не излѣчусь отъ своей болѣзни, но могу получить новыя, для удостовѣренія въ чемъ имѣю честь приложить свидѣтельство меня пользующаго медика. Осмѣливаюсь при томъ покорнѣйше просить исходатайствовать мнѣ у г. начальника штаба позволеніе остаться здѣсь до совершеннаго излѣченія и окончанія курса водъ.» [Такого же содержанія рапортъ подалъ и Столыпинъ].

Ильяшенко отъ 23 іюня [за № 1118] сообщалъ объ этомъ полковнику Траскину, но отвѣта отъ него не послѣдовало. Кромѣ этого, есть свѣдѣнія о томъ, что Лермонтовъ писалъ тоже письмо къ генералу Граббе[1] и, быть можетъ, послѣдній, благоволя къ поэту, посмотрѣлъ сквозь пальцы на все дѣло, или же распоряженіе его не успѣло дойти до поэта еще при жизни. Надо полагать, что было рѣшено вообще принять мѣры болѣе дѣйствительныя для удаленія изъ Пятигорска укрывавшихся тамъ офицеровъ; это видно изъ того, что на другой день смерти Лермонтова въ Пятигорскъ пріѣзжаетъ Траскинъ, и имъ принимаются мѣры, чтобы офицеры тотчасъ разъѣхались по своимъ частямъ. Пріѣхать въ Пятигорскъ изъ Ставрополя по случаю смерти Михаила Юрьевича Траскинъ, конечно, не могъ, потому что въ то время событія сообщались не по телеграфу. Во всякомъ случаѣ,Лермонтовъ, выказалъ ма-

[1] Мнѣ разсказывалъ объ этомъ г. Карповъ, говоря, что хорошо не помнитъ, писано ли было письмо къ Граббе, или къ начальнику кавказскихъ войскъ Головину. Г. Филипповъ въ статьѣ своей говоритъ, что письмо было писано послѣднему, г. Карповъ его переписывалъ и увѣряетъ, что черновикъ долго хранилъ у себя, такъ оно его поразило изумительною ясностью и сжатостью слога. Утратилъ онъ письмо въ походѣ въ 1843, переплывая на каикѣ бѣшеную рѣченку въ Абхазіи. Каикъ перевернулся, и люди едва спаслись уже безъ вещей.

лую ретивость ѣхать въ дѣйствующій отрядъ. Боевая жизнь была ему достаточно извѣстна и уже не тянула къ себѣ.

Написавъ первый рапортъ свой Ильяшенкѣ, друзья пошли осматривать рекомендованную имъ квартиру въ домѣ Вас. Ив. Челяева, лежавшемъ на краю города, на верхней площадкѣ, недалеко отъ подошвы Машука[1]. Обойдя комнаты, поэтъ остановился на балкончикѣ, выходившемъ въ садикъ на противоположной сторонѣ дома. Деревья, тогда еще молодыя, цѣлы до сей поры и теперь отѣняютъ весь домикъ, но крытый балкончикъ, давно обветшалый, былъ сломанъ еще въ 50-хъ годахъ. Пока Столыпинъ дѣлалъ разныя замѣчанія и освѣдомлялся о цѣнѣ квартиры, Михаилъ Юрьевичъ стоялъ задумавшись. Сговорившись съ хозяиномъ, Алексѣй Аркадьевичъ спросилъ своего друга: «Ну что, Лермонтовъ, хорошо ли?» Поэтъ словно очнулся и небрежно отвѣтилъ: «Ничего... здѣсь будетъ удобно... дай задатокъ». Столыпинъ вынулъ бумажникъ и заплатилъ всѣ деньги за квартиру [2].

---

1 Не слѣдуетъ думать, чтобы Лермонтовъ въ этомъ домѣ писалъ княжну Мери. Квартира Печорина по положенію своему дѣйствительно напоминаетъ домъ Челяева, но изъ оконъ квартиры дома Челяева не видна цѣпь кавказскихъ горъ. Лермонтовъ въ 1837 и 1840 году жилъ въ Пятигорскѣ въ другомъ мѣстѣ, но гдѣ, съ достовѣрностью узнать мнѣ не удалось.

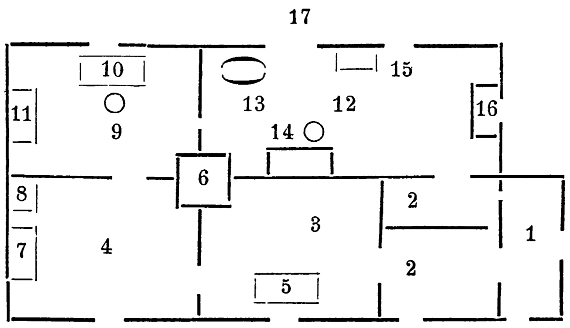
2 Сообщеніе г. Мартьянова со словъ Челяева. Въ домовой книгѣ послѣдняго за 1841 годъ г. Мартьяновъ видѣлъ записаннымъ: Съ капитана А. А. Столыпина и поручика М. Ю. Лермонтова изъ С.-Петербурга, получено за весь средній домъ 100 руб. сер.—Самыя точныя и подробныя свѣдѣнія о домѣ даетъ г. Мартьяновъ. Въ 1881 году я вмѣстѣ съ Э. А. и Ак. Павл. Шанъ-Гиреями, въ присутствіи хозяина, еще разъ подробно осматривалъ и распрашивалъ обо всемъ. Домъ уже былъ измѣненъ, мебели старой не было. Крытъ онъ былъ желѣзомъ [при Лермонтовѣ тростникомъ или соломой, въ 50-хъ годахъ досками], теперь онъ совсѣмъ передѣланъ и обложенъ кирпичемъ. Планъ комнатъ и разстановки мебели, когда жилъ тамъ Лермонтовъ, я составилъ по указаніямъ Эмиліи Александровны. Кажется, первое изображеніе дома Челяева было сдѣлано г. Симаковымъ въ журналѣ «Орелъ» за 1859 г., № 2. Но здѣсь всѣ свѣдѣнія не вѣрны. Г. Симаковъ даже не потрудился хорошенько узнать, гдѣ жилъ поэтъ, и принялъ за его жилище домъ, выходящій на улицу, въ коемъ жилъ кн. Васильчиковъ. Домъ же во дворѣ, гдѣ жилъ поэтъ, онъ набросалъ наскоро и совершенно неправильно, очевидно не придавая ему значенія.—Кн. Васильчикову я тоже показывалъ планъ дома и онъ, подтвердивъ мнѣ расположеніе мебели, между прочимъ сказалъ:

Наружность домика, или, вѣрнѣе, хаты, была самая незатѣйливая и совершенно походила на казацкіе домики въ слободкахъ Пятигорска, Кисловодска и другихъ городкахъ и станицахъ. Онъ, очевидно, воздвигался помаленьку. Къ нему пристраивали то новый входъ и сѣни, то замѣняли дверь окномъ и обратно. Окна всѣ были разныхъ величинъ. Внѣшній видъ дома, какимъ онъ былъ во времена Лермонтова, изображенъ на рисункѣ, приложенномъ къ біографіи. Стѣны его снаружи были вымазаны глиной и выбѣлены. Крыша тростниковая съ одной трубой.

Домикъ внутри раздѣленъ былъ накрестъ стѣнами, которыя образовывали четыре комнаты. Изъ пристроенныхъ очевидно позднѣе сѣней вели двѣ двери: налѣво въ перегороженную прихожую; отсюда одна въ двѣ комнаты, выходившія окнами на дворъ—ихъ занялъ Столыпинъ, другая въ двѣ комнаты съ окнами въ садъ—ихъ занялъ Лермонтовъ. Впрочемъ, квартира у нихъ была общая и соединялась дверью между двумя крайними комнатами [1].

«Лермонтовъ, любя чистый воздухъ, работалъ обыкновенно у открытаго окна; онъ въ большой комнатѣ, выходившей въ садъ и служившей столовою, переставилъ обѣденный столъ отъ стѣны, гдѣ буфетъ, къ дверямъ балкончика. Въ этой столовой мы часто сходились за чаемъ и ужиномъ или для бесѣды.»

[1] Вотъ планъ внутренности дома.



1) Сѣни. 2) Прихожая. 3 и 4) Комнаты Столыпина. 5) Столъ. 6) Голландская печь. 7) Постель Столыпина. 8) Платяной шкафъ. 9) Спальня и

Видъ квартира имѣла болѣе чѣмъ скромный. Низкія приземистыя комнаты, съ выбѣленными досчатыми потолками и крашенными разноцвѣтною краскою стѣнами, были обставлены сборною мебелью разной обивки и дерева, по большей части окрашеннаго темной масляной краской. Всѣ условія жизни въ Пятигорскѣ были тогда весьма просты. Самъ городъ имѣлъ характеръ, который теперь сохранили слободки его. Каменныхъ домовъ почти не было. Лѣстницы, ведущей съ бульвара къ Елисаветинскому источнику тоже. Къ нему поднимались горными тропинками, обсаженными виноградниками, которыхъ теперь и слѣдъ простылъ. За Елисаветинской галлереей, тамъ, гдѣ нынѣ находятся Калмыцкія ванны, былъ одинъ общій бассейнъ, въ которомъ купались прежде безъ разбора лѣтъ и пола, а затѣмъ, соблюдая очередь мужскихъ и дамскихъ часовъ. Бульваръ, не доходя до Елисаветинскаго источника, оканчивался полукругомъ, и только по обѣимъ сторонамъ его стояли болѣе «элегантные» дома. Посѣтители были большею частью помѣщики нашихъ степныхъ губерній, немного изъ обѣихъ столицъ, а всего болѣе было офицеровъ Кавказскаго корпуса. Самая пестрая, разноязычная толпа въ военныхъ, гражданскихъ и народныхъ азіатскихъ костюмахъ расхаживала по бульвару, особенно во время вечерней музыки около Николаевскихъ ваннъ [1].

Жизнь въ Пятигорскѣ была веселая, полная провинціальной простоты, и только пріѣзжіе изъ столицъ вносили «чопорность», по выраженію мѣстныхъ жителей. Послѣдніе коротали время безъ затѣй. Захочется потанцовать—сложатся, пригласятъ музыку съ бульвара въ гостиницу Найтаки—и приглашаетъ каждый своихъ знакомыхъ на танцы, прямо съ прогулки, въ простыхъ туалетахъ. Танцовали знакомые съ

кабинетъ Лермонтова. 10) Письменный столъ и стулъ. 11) Кровать Лермонтова. 12) Комната, въ которой обѣдали и пили чай. 13) Обѣденный складной столъ. 14) Клеенчатый диванъ со столикомъ. 15) Ломберный столикъ и надъ нимъ зеркальце. 16) Буфетный шкафъ съ полками. 17) Балконъ въ садъ.—Нѣсколько стульевъ довершали меблировку.

[1] Пятигорскъ отъ 1837—41 года описанъ барономъ Розеномъ [Записки Декабриста, глава XV] и другими.

незнакомыми, какъ члены одной семьи. Однако, уже въ то время этотъ обычай сталъ выводиться, уступая новымъ порядкамъ, вводимымъ столичными гостями. На вечерахъ «официальныхъ», когда гостиница Найтаки обращалась въ благородное собраніе, дамы появлялись въ бальныхъ туалетахъ, а военные въ мундирахъ. Мѣстное общество, особенно дамы, не сходилось со «столичными гостями». Выѣзды и пикники тѣхъ и другихъ носили различный характеръ. Кавалькады мѣстнаго или «смѣшаннаго общества» [société melée], какъ называли его противники, отличались пестротою и шумливостью. Ѣздили или въ колонію Каррасъ [1], верстахъ въ семи отъ Пятигорска, или на Перкальскую скалу, мѣсто на склонѣ лѣсистаго Машука, гдѣ стояла сторожка и жилъ сторожъ Перкальскій, безстрашный и умный старикъ, умѣвшій жить въ мирѣ съ чеченцами, а для пріѣзжаго водяного общества предлагавшій нѣкоторыя примитивныя удобства при прогулкахъ и пикникахъ. Ѣздили и къ «провалу», воронкообразной пропасти на скатѣ Машука, глубиною саженъ въ 15-ть, на днѣ которой находится глубокій бассейнъ сѣрной воды, до дна котораго, разсказываютъ, «никто доискаться не могъ». Теперь къ нему прорытъ туннель и доступъ удобенъ; въ 40-хъ годахъ только смѣльчаки спускались туда сверху на веревкахъ. Случалось, что затѣйники покрывали «провалъ» досками и на нихъ давались импровизованные балы. Это называлось танцовать надъ «пропастью» или надъ «адскою бездной». Молодые люди чувствовали себя свободнѣе среди мѣстнаго общества, но многимъ было лестно попасть въ «аристократическій кругъ» пріѣзжихъ и хоть на водахъ сблизиться съ лицами, которыя въ Петербургѣ были имъ мало доступны. Мѣстное общество, впрочемъ, тоже имѣло свое подраздѣленіе на *болѣе* и *менѣе* аристократическое. Болѣе аристократическое было въ антагонизмѣ съ *пріѣзжею аристократіею*, оберегало права свои и ревниво не уступало своихъ кавалеровъ. Между мѣстными жителями пользовался особеннымъ уваже-

[1] Или «Шотландка», именуемая такъ потому, что основаніе ей положили еще въ 1802 году шотландскіе миссіонеры. Позднѣе туда переселились нѣмецкія семьи изъ Сарепты.

ніемъ домъ бывшаго наказнаго атамана всѣхъ кавказскихъ казаковъ [собственно кавказской казачьей бригады] генералъ-лейтенанта Петра Семеновича Верзилина, сослуживца Ермолова. Имѣя дочь отъ перваго брака [1] Аграфену Петровну, Верзилинъ женился на вдовѣ полковника Маріи Ивановнѣ Клингенбергъ, имѣвшей дочь Эмилію Александровну. Отъ этого брака родилась еще дочь, Надежда Петровна. Кромѣ этихъ барышенъ наѣзжала и пріемная дочь—Карякина, бывшая за купцомъ.—Хлѣбосольный хозяинъ, радушная хозяйка и три красивыя, веселыя дочери привлекали въ домъ молодыхъ людей. Веселье, смѣхъ, музыка и танцы часто слышались сквозь открытыя окна гостепріимнаго дома. Садъ его соприкасался съ домомъ Челяева, а рядомъ съ этимъ домомъ по другую сторону находился опять другой еще домъ Верзилиныхъ [2], въ которомъ жили: корнетъ Михаилъ Глѣбовъ и Николай Соломоновичъ Мартыновъ. Передній домъ Челяева занималъ состоявшій при ревизующемъ сенаторѣ Ганѣ тит. сов. князь Александръ Иларіоновичъ Васильчиковъ. Такимъ образомъ, нанявъ квартиру въ дворовомъ домикѣ Челяева, Столыпинъ и Лермонтовъ находились въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ хорошими знакомыми и товарищами по школѣ [3] гвардейскихъ юнкеровъ. Черезъ Глѣбова и Мартынова познакомились они и съ семьей Верзилиныхъ. Менѣе часто бывалъ тамъ князь Васильчиковъ, еще рѣже Столыпинъ. Изъ прочихъ постоянныхъ посѣтителей назовемъ Льва Серг. Пушкина, брата поэта; весьма

---

[1] Съ Марьей Владиміровной Золотницкой.

[2] Читатель на рисункѣ, изображающемъ домъ Челяева, увидитъ съ правой стороны такія же ворота, какъ и въ оградѣ челяевскаго дома.—Тутъ сейчасъ же и стоялъ другой домъ Верзилиныхъ, тоже еще существующій, но отнесенный дальше вправо.

[3] Н. С. Мартыновъ вышелъ изъ школы гвардейскихъ юнкеровъ въ 1835 году въ кавалергардскій Ея Велич. полкъ. Скончался въ Москвѣ 25 дек. 1875 года.—Михаилъ Глѣбовъ вышелъ изъ школы гвардейскихъ юнкеровъ въ 1838 году въ л. гв. конный полкъ. Убитъ 28 іюля 1847 года, командуя цѣпью застрѣльщиковъ при взятіи аула Салты.—Кн. Васильчиковъ родился въ 1818 году, воспитывался въ С.-Пб. университетѣ, оттуда вышелъ въ 1839 г. и умеръ въ 1881 году 2-го октября въ селѣ Трубетчинѣ Липецкаго уѣзда, Тамбовской губерніи.

юнаго, еще недавно произведеннаго въ офицеры Лисаневича, сына храбраго генерала Лисаневича, измѣннически убитаго Кумыками въ Герзель-Аулѣ [1], полковника Зельмицъ [жившаго съ дочерьми своими тоже въ домѣ Верзилиныхъ], поручика Н. П. Раевскаго [впрочемъ, рѣдко бывавшаго у Верзилиныхъ], юнкера Бенкендорфа, князя Сергѣя Трубецкаго [2] и другихъ.

Понятно, что молодежь ухаживала за барышнями въ домѣ Верзилиныхъ, въ особенности за Эмиліей Александровной, носившей названіе «Розы Кавказа», и младшей изъ сестеръ Надеждой Петровной, главными поклонниками коей были Мартыновъ и Лисаневичъ. Старшая Аграфена Петровна была «просватана за приставомъ Трухменскихъ народовъ Диковымъ» — ее и называли Трухменской царицей.—Лермонтовъ написалъ шуточное шестистишіе, въ которомъ изображаетъ трехъ дѣвушекъ и ухаживавшую за ними молодежь:

Предъ дѣвицей Emilie
Молодежь *лежитъ въ пыли*,
У дѣвицы же Nadine
Былъ *поклонникъ* не одинъ;
А у Груши цѣлый вѣкъ
Былъ лишь дикій человѣкъ [3].

Предводителемъ всей этой молодежи былъ Михаилъ Юрьевичъ. Иногда его веселость и болтливость доходила до шалости. Времяпрепровожденіе бывало полно дѣтской незатѣйливости. «Бѣгали въ горѣлки, играли въ кошку-мышку, въ серсо»—разсказываетъ Эмилія Александровна—потомъ все это изображалось въ карикатурахъ, что насъ смѣшило. Однажды сестра [Надя] просила его написать что-нибудь ей въ альбомъ. Какъ ни отговаривался Лермонтовъ, его не слушали, окружили толпой, положили передъ нимъ альбомъ, дали перо въ руки и говорятъ: пишите Лермонтовъ посмотрѣлъ на Надежду

---

[1] Вмѣстѣ съ генер. Грековымъ. См. Потто: Кавказская война, выпускъ I, стр. 161.

[2] Умеръ въ имѣніи сельцѣ Сапунъ, Владим. губерніи, Муромскаго уѣзда, въ 1859 году, 19-го апрѣля.

[3] Это стихотвореніе ходило по рукамъ и въ другомъ видѣ.

Петровну.... Въ этотъ день она была причесана небрежно, а на поясѣ у нея былъ небольшой кинжальчикъ. На это-то и намекалъ поэтъ, когда набросалъ ей экспромптомъ:

Надежда Петровна,
Зачѣмъ такъ неровно
Разобранъ вашъ рядъ,
И локонъ небрежный
Надъ шейкою нѣжной,
На поясѣ ножъ —
C'est un vers qui cloche... [т. I, стр. 348][1].

Эта веселая жизнь «Лермонтовской банды», какъ называли молодежь, которою онъ руководилъ, возбуждала зависть въ однихъ, непріязнь въ другихъ. Вновь пріѣзжіе, мало знакомые съ Кавказомъ, особенно Петербуржцы, поражались отсутствіемъ сдержанности въ мѣстномъ обществѣ. Они были вѣжливы, но держались вдалекѣ отъ Кавказцевъ; удивлялись тѣмъ изъ своихъ товарищей, которые могли вести съ ними постоянное общеніе и въ интимномъ кругу называли это «s'encanailler». Они находили, что въ экспедиціяхъ, на службѣ можно и должно поддерживать товарищескія отношенія, но въ обществѣ слѣдуетъ строго держаться тѣхъ границъ, которыя налагаются положеніемъ. Конечно, «на водахъ» можно себѣ дозволить нѣкоторыя вольности, но надо умѣть полагать имъ предѣлъ. Дѣйствительно, на Кавказѣ были весьма непригядныя личности, подобныя драгунскому капитану, выведенному Лермонтовымъ въ «Героѣ нашего времени», но были и «Мак-

---

[1] Г-нъ Карповъ, равно какъ и Раевскій [г-жа Желиховская] передаютъ стихи совершенно искаженными, какъ и всѣ ими сообщаемыя свѣдѣнія. Первыя три строки тѣ же, но затѣмъ у г. Карпова:

И букли назадъ?
На шейкѣ лежитъ
Платочекъ неровно,
На поясѣ ножъ....

У Раевскаго:

И букли назадъ?
Платочекъ небрежно
Подъ шейкою нѣжной
Завязанъ узломъ....
Пропалъ мой Монго потомъ!

симы Максимовичи». Для вновь прибывавшихъ гвардейцевъ и вообще членовъ петербургскаго общества эта разница ускользала. Люди, какъ конногвардеецъ Глѣбовъ, ее вполнѣ сознавали, но новички въ кавказской жизни въ ней разобраться не могли и приносили съ собою, особенно на первыхъ порахъ, привычки, интересы, и предразсудки столичныхъ гостиныхъ и категорій. Этимъ людямъ Лермонтовъ былъ непріятенъ, даже ненавистенъ, ужъ и въ Петербургѣ. Онъ, какъ пишетъ Сологубъ, «по рожденію не принадлежалъ къ высшему кругу».

Поэтъ завоевалъ себѣ тамъ положеніе, держался нѣкоторыми изъ ряду выходившими людьми, какъ семьи князя Одоевскаго и Карамзиныхъ, да прекрасными женщинами, «царицами салоновъ», но про него, какъ про Пушкина, говорили, что сѣлъ онъ не въ свои сани, и видѣли въ немъ дерзкаго выскочку, который, несмотря на небольшой чинъ и опальное свое положеніе, тщится играть роль, которую играть ему не подобаетъ. Его ненавидѣли тамъ за рѣзкость и остроту языка, за его антимолчалинскія свойства, за самобытность и самостоятельность сужденій, за возрастающую славу и репутацію таланта, выходившаго изъ предѣловъ обыденности. И вотъ этотъ-то человѣкъ, опальный и въ послѣднее время выброшенный изъ Петербурга за «неумѣніе вести себя», и тутъ опять играетъ роль, первенствуетъ, острить, глумится, бьетъ въ лицо петербургскимъ традиціямъ. «Тутъ выказались—говорили они—вся его армейская натура, показалось ослиное ушко изъ-за накинутой львиной шкуры».

Лермонтовъ съ своей стороны платилъ имъ презрѣніемъ, сердилъ, острилъ надъ ними, выставлялъ ихъ въ смѣшномъ видѣ. Онъ съ особеннымъ наслажденіемъ, доходя до молодечества, задѣвалъ ихъ своими выходками, являясь, то безшабашно заносчивымъ, то отмѣнно вѣжливымъ, но всегда съ оттѣнкомъ презрѣнія. Лермонтовъ сильно ненавидѣлъ людей, занятыхъ собою, самолюбіе коихъ значительно превышало умственныя ихъ способности, и которые принимали за оригинальность и превосходство ума своего обыденность общественной морали и общепринятыя сужденія, коими прониклись. Къ людямъ недалекимъ, но простымъ и искреннимъ, по-

этъ относится дружественно и тепло. «*Ты просто глупъ и слава Богу!*»—говорилъ онъ о нихъ [1]. Особенно не терпѣлъ Михаилъ Юрьевичъ тѣхъ изъ посѣтителей Кавказскихъ водъ, которые напускали на себя аристократическій видъ и, поддѣлываясь подъ тонъ присутствующихъ членовъ «высшаго общества» и всячески угождая имъ, полагали, что хоть временно могутъ заставить вѣрить простаковъ въ принадлежность ихъ къ «высшему кругу». Про этихъ-то людей Лермонтовъ въ повѣсти своей выразился: «Они исповѣдуютъ глубокое презрѣніе къ провинціальному обществу и вздыхаютъ о столичныхъ аристократическихъ гостиныхъ, куда ихъ не пускаютъ» [2].

Многіе, очень молодые или несамостоятельные люди, не знали, куда примкнуть. У Верзилиныхъ было весело да и семья была съ положеніемъ, но тамъ бываютъ и «армейскіе кавказцы.» Не хотѣлось имъ принадлежать къ *Лермонтовской бандѣ*, хотѣлось имъ считаться въ обществѣ *серьезномъ*, аристократическомъ. Въ одномъ кругу веселье и непринужденность, въ другомъ для нихъ скука, но за то возможность бро-

---

1 Изъ сообщеній А. П. Шанъ-Гирея.—Краевскій и другіе близкіе ему люди подтверждали то же.

2 Т. V, стр. 256.—Г. Костенецкій въ своихъ воспоминаніяхъ тоже замѣчаетъ... «Въ то время на Кавказѣ былъ особенный извѣстный родъ изящныхъ людей, людей свѣтскихъ, считавшихъ себя выше другихъ по своимъ аристократическимъ манерамъ и свѣтскому образованію, постоянно говорящихъ по-французски, развязныхъ въ обществѣ, ловкихъ и смѣлыхъ съ женщинами и высокомѣрно презирающихъ весь остальной людъ, которые, съ высоты своего величія, гордо смотрѣли на нашего брата армейскаго офицера и сходились съ нами развѣ только въ экспедиціяхъ, гдѣ мы въ свою очередь съ презрѣніемъ на нихъ смотрѣли и издѣвались надъ ихъ аристократизмомъ. Къ этой категоріи принадлежала большая часть гвардейскихъ офицеровъ и къ этой же категоріи принадлежалъ «Лермонтовъ»... Впрочемъ, г. Костенецкій тутъ же сознается, что не былъ близокъ съ Лермонтовымъ и что знакомство его съ нимъ ограничивалось «только нѣсколькими словами.» Очевидно также, что какъ вновь пріѣзжіе «гвардейцы» не могли разобраться въ типахъ «кавказцевъ» и признать разницу между «драгунскимъ капитаномъ» и «Максимомъ Максимовичемъ», такъ и люди въ родѣ г. Костенецкаго, принадлежавшіе, по выраженію Лермонтова, къ «Armée Russe,» не видѣли разницы между Михаиломъ Юрьевичемъ и гвардейцами, признававшими все достоинство человѣка въ безукоризненности манеръ.

сить пыль въ глаза: «глядите-де, съ кѣмъ я знакомъ»! Къ тому же члены петербургскаго общества,косясь на кругъ Лермонтова, охотно отрывали оттуда членовъ и привлекали къ себѣ особенно тѣхъ, кто по рожденію и положенію считался принадлежащимъ къ аристократическому слою. Князь Васильчиковъ, тогда еще 22 лѣтній юноша, испыталъ на себѣ затруднительность положенія. Онъ рѣдко бывалъ у Верзилиныхъ, болѣе примыкая къ противоположному лагерю, но, какъ хорошій и чистый человѣкъ, не чуждался личныхъ отношеній съ Лермонтовымъ и пріятелями его, тѣмъ болѣе, что безукоризненный левъ столичныхъ гостиныхъ, Столыпинъ, былъ ближайшимъ другомъ Михаила Юрьевича [1]. Не зналъ, какъ собственно держать себя и Николай Соломоновичъ Мартыновъ; по товарищескимъ традиціямъ примыкалъ онъ къ кружку Лермонтова, онъ и жилъ съ Глѣбовымъ и до извѣстной степени подчинялся ему. Въ сущности добродушный человѣкъ, онъ, при огромномъ самолюбіи, особенно,когда оно было уязвлено, могъ доходить до величайшаго озлобленія. Уязвить же самолюбіе его было очень не трудно. Онъ пріѣхалъ на Кавказъ, будучи офицеромъ Кавалергардскаго полка, и былъ увѣренъ, что всѣхъ удивитъ своею храбростью, что сдѣлаетъ блестящую карьеру. Онъ только и думалъ о блестящихъ наградахъ. На пути къ Кавказу, въ Ставрополѣ, у генералъ-адъютанта Граббе, за обѣденнымъ столомъ, много и долго съ увѣренностью говорилъ Мартыновъ о блестящей будущности, которая его ожидаетъ, такъ что Павелъ Христофоровичъ долженъ былъ охладить пылкаго офицера и пояснить ему, что на Кавказѣ храбростью не удивишь, а потому и награды не такъ-то легко даются. Да и говорить съ пренебреженіемъ о кавказскихъ воинахъ не годится [2]. «Къ намъ [въ 1839 г.] на квар-

---

[1] «Я былъ очень молодъ еще,» говорилъ мнѣ кн. Ал. Ил. Васильчиковъ: «je ne savais sur quel pied danser и придавать ли такое большое значеніе вольностямъ и выходкамъ Лермонтова, какъ это дѣлали нѣкоторые. На сужденія мои имѣлъ большое вліяніе М. А. Назимовъ. Онъ научилъ меня относиться съ уваженіемъ къ уму и таланту Лермонтова.»

[2] Изъ сообщеній Ник. Павл. Граббе, хорошо помнившаго Лермонтова и Мартынова, равно какъ и отзывы о нихъ отца своего.

тиру— разсказываетъ г. Костенецкій, состоявшій въ то время при штабѣ въ Ставрополѣ — почти каждый день приходилъ Н. С. Мартыновъ. Это былъ очень красивый молодой гвардейскій офицеръ, блондинъ, со вздернутымъ немного носомъ и высокаго роста. Онъ былъ всегда очень любезенъ, веселъ, порядочно пѣлъ подъ фортепіано романсы и полонъ надеждъ на свою будущность: онъ все мечталъ о чинахъ и орденахъ и думалъ не иначе, какъ дослужиться на Кавказѣ до генеральскаго чина. Послѣ онъ уѣхалъ въ Гребенской казачій полкъ, куда онъ былъ прикомандированъ, и въ 1841 году я увидѣлъ его въ Пятигорскѣ. Но въ какомъ положеніи! Вмѣсто генеральскаго чина онъ былъ уже въ отставкѣ всего майоромъ, не имѣлъ никакого ордена и изъ веселаго и свѣтскаго изящнаго молодого человѣка сдѣлался какимъ-то дикаремъ: отростилъ огромныя бакенбарды, въ простомъ черкесскомъ костюмѣ, съ огромнымъ кинжаломъ, въ нахлобученной бѣлой папахѣ, мрачный и молчаливый» [1]. Мартыновъ въ общемъ носилъ форму Гребенскаго казачьяго полка, но какъ находившійся въ отставкѣ, дѣлалъ разныя вольныя къ ней добавленія, мѣняя цвѣта и прилаживая ихъ согласно погодѣ, случаю или вкусу своему. По большей части онъ носилъ бѣлую черкеску и черный бархатный или шелковый бешметъ или наоборотъ: черную черкеску и бѣлый бешметъ. Въ послѣднемъ случаѣ— это бывало въ дождливую погоду— онъ надѣвалъ черную папаху вмѣсто бѣлой, въ которой являлся на гуляньѣ. Рукава черкески онъ обыкновенно засучивалъ, что придавало всей его фигурѣ смѣлый и вызывающій видъ. Онъ былъ фатоватъ и, сознавая свою красоту, высокій ростъ и прекрасное сложеніе, любилъ щеголять передъ нѣжнымъ поломъ и производить эффектъ своимъ появленіемъ [2]. Охотно напускалъ онъ также

---

[1] Русскій Архивъ 1887 г. № 1, стр. 114. Нарочно привожу мнѣніе Костенецкаго, потому что онъ въ дѣлѣ дуэли больше всѣхъ стоитъ на сторонѣ Мартынова и приводитъ самыя для Лермонтова невыгодныя свѣдѣнія, правда по слухамъ.—Вѣроятно, въ тогдашнемъ Мартыновѣ было точно что-то напоминавшее дикаря, почему Лермонтовъ и называлъ его: «Le sauvage».

[2] Въ Лермонтовскомъ музеѣ можно видѣть рисунокъ, сдѣланный товарищемъ Лермонтова Поливановымъ въ 1832 или 33 году, представляющій нѣ-

на себя мрачный видъ, щеголяя «моднымъ байронизмомъ». Не удивительно, что Лермонтовъ, невыносившій фальши и заносчивости, при всемъ дружественномъ расположеніи къ Мартынову, нещадно преслѣдовалъ его своими насмѣшками.

Такъ какъ Лермонтовъ съ легкостью рисовалъ, то онъ часто и много дѣлалъ вкладовъ въ альбомъ, который составлялся молодежью. Въ него вписывали или рисовали разныя событія и случайности изъ жизни водяного общества, во время прогулокъ, пикниковъ, танцевъ; хранился же онъ у Глѣбова [1]. Въ Лермонтовскихъ карикатурныхъ набросках Мартыновъ игралъ главную роль. Князь Васильчиковъ помнилъ, напримѣръ, сцену, гдѣ Мартыновъ верхомъ въѣзжаетъ въ Пятигорскъ. Кругомъ восхищенныя и пораженныя его красотою дамы. И въѣзжающій герой и многія дамы были замѣчательно похожи. Подъ рисункомъ была подпись: «Monsieur le poignard faisant son entrée à Piatigorsk» [2]. Въ альбомѣ же можно было видѣть Мартынова, огромнаго роста съ громаднымъ кинжаломъ отъ пояса до земли — объясняющагося съ миніатюрной Надеждой Петровной Верзилиной, на поясѣ которой рисовался маленькій кинжальчикъ. Комическую подпись князь Васильчиковъ не помнилъ. Изображался Мартыновъ часто на конѣ. Онъ ѣздилъ плохо, но съ претензіей, неестественно изгибаясь. Былъ рисунокъ, на которомъ Мартыновъ, въ стычкѣ съ горцами, что-то кричитъ, махая кинжаломъ, сидя въ полуоборотъ на лошади, поворачивающей вспять. Михаилъ Юрьевичъ говорилъ: «Мартыновъ положительно храбрецъ, но только плохой ѣздокъ, и лошадь его боится выстрѣловъ. — Онъ въ этомъ не виноватъ, что она ихъ не выноситъ и ска-

---

скольких юнкеровъ, пирующихъ въ палаткѣ. Всѣ въ болѣе или менѣе незатѣйливыхъ костюмахъ, безъ претензіи. Одинъ юнкеръ кавалергардскаго полка Мартыновъ, стоитъ «на красѣ», въ молодцоватой позѣ. Очевидно уже тогда товарищи, подмѣтивъ слабую струнку Мартынова, подразнивали его.

[1] Альбомъ этотъ со многими листами стихотвореній и писемъ Лермонтова, о коихъ говоритъ и Боденштедтъ, кажется, погибъ вмѣстѣ съ вещами Глѣбова во время экспедиціи. Такъ по крайней мѣрѣ думалъ А. П. Шанъ-Гирей. — По смерти поэта Глѣбовъ его оставилъ у себя, и въ опись вещамъ поэта онъ не вошелъ.

[2] «Кинжалъ», въѣзжающій въ Пятигорскъ.

четъ отъ нихъ». «Помню—разсказывалъ Васильчиковъ—и себя, изображеннаго Лермонтовымъ, длиннымъ и худымъ посреди бравыхъ кавказцевъ. Поэтъ изобразилъ тоже самого себя маленькимъ, сутуловатымъ, какъ кошка вцѣпившимся въ огромнаго коня, длинноногаго Монго Столыпина, серьезно сидѣвшаго на лошади, а впереди всѣхъ красовавшагося Мартынова, въ черкескѣ, съ длиннымъ кинжаломъ. Все это гарцовало передъ открытымъ окномъ, вѣроятно, дома Верзилиныхъ. Въ окнѣ были видны три женскія головки. Лермонтовъ, дававшій всѣмъ мѣткія прозвища, называлъ Мартынова: «le sauvage au grand poignard» или «Montagnard au grand poignard», или просто: «Monsieur le poignard». Онъ довелъ этотъ типъ до такой простоты, что просто рисовалъ характерную кривую линію, да длинный кинжалъ, и каждый тотчасъ узнавалъ, кого онъ изображаетъ» [1].

Обыкновенно наброски разсматривались въ интимномъ кружкѣ, и такъ какъ тутъ не щадили сами составители ни себя ни друзей, то было неудобно сердиться, и Мартыновъ затаивалъ свое недовольство. Однако бывали и такія карикатуры, которыя не показывались. Это болѣе всего бѣсило Мартынова. Однажды онъ вошелъ къ себѣ, когда Лермонтовъ съ Глѣбовымъ съ хохотомъ что-то разсматривали или чертили въ альбомѣ. На требованіе вошедшаго показать, въ чемъ дѣло, Лермонтовъ захлопнулъ альбомъ, а когда Мартыновъ, настаивая, хотѣлъ его выхватить, то Глѣбовъ здоровою рукою отстранилъ его, а Михаилъ Юрьевичъ, вырвавъ листокъ и спрятавъ его въ карманъ, выбѣжалъ. Мартыновъ чуть не поссорился съ Глѣбовымъ, который тщетно увѣрялъ его, что карикатура совсѣмъ къ нему не относилась.

Въ душѣ Лермонтовъ не былъ золъ, онъ просто шалилъ и ради остраго слова не щадилъ ни себя ни другихъ; но если замѣчалъ, что заходитъ слишкомъ далеко и предметъ его нападокъ оскорблялся, онъ первый спѣшилъ его успокоить и

---

1 Изъ разсказовъ кн. Васильчикова. Впрочемъ, объ альбомѣ карикатуръ упоминаютъ всѣ писавшіе о столкновеніи Лермонтова съ Мартыновымъ.

всѣми средствами старался изгладить произведенное имъ дурное впечатлѣніе, нарушавшее общее мирное настроеніе [1].

Однажды онъ неосторожнымъ прозвищемъ обидѣлъ жену одного изъ мѣстныхъ служащихъ. Дама не нашутку огорчилась. Лермонтову стало жаль ее, и онъ употребилъ всѣ усилія получить прощеніе ея. Бѣгалъ къ ней, извинялся передъ мужемъ, такъ что обиженная чета не только ему простила, но почувствовала къ Михаилу Юрьевичу самую сильную любовь и пріязнь[2].

Лермонтовъ былъ шалунъ въ полномъ ребяческомъ смыслѣ слова, и день его раздѣлялся на двѣ половины, между серіозными занятіями и чтеніемъ и такими шалостями, какія могутъ притти въ голову развѣ только 15-ти лѣтнему мальчику, напримѣръ, когда къ обѣду подавали блюдо, то онъ съ громкимъ смѣхомъ бросался на него, вонзалъ свою вилку въ лучшіе куски, опустошалъ все кушанье и часто оставлялъ всѣхъ насъ безъ обѣда [3]. Въ Пятигорскъ явился помѣщикъ съ тетрадкою стиховъ. Онъ всѣмъ надоѣдалъ ими и добивался, чтобы его выслушалъ и Лермонтовъ; тотъ подъ разными предлогами увиливалъ, но узнавъ, что помѣщикъ привезъ съ собою небольшой боченочекъ свѣжепросольныхъ огурцовъ, рѣдкость на Кавказѣ и до которыхъ Михаилъ Юрьевичъ былъ большой охотникъ, послѣдній вызвался притти на квартиру къ стихотворцу съ условіемъ, чтобы онъ угостилъ его огурцами. Помѣщикъ пришелъ въ восторгъ, приготовилъ тетрадь стиховъ и угощеніе, среди коего на первомъ мѣстѣ стоялъ боченочекъ съ огурчиками. Началось чтеніе. Пока авторъ все болѣе увлекался декламаціей своихъ виршей, Лермонтовъ принялся за огурцы и, въ отвѣтъ на вопро-

---

1 Это показываютъ кн. Васильчиковъ, Ак. П. Шанъ-Гирей, Есаковъ, Раевскій и другіе.

2 Г. Карповъ, разсказывая этотъ случай г. Филиппову, входитъ въ такія подробности, какихъ я отъ него не слышалъ, когда въ первый разъ записывалъ сообщенія г. Карпова. Теперь выходитъ, что Лермонтовъ чуть не испугался мужа, который готовъ былъ заступиться за обиду жены!!

3 Разсказъ кн. Васильчикова. Слѣдующее, записанное мною со словъ князя, почти дословно можно прочесть и въ статьѣ его въ Русскомъ Архивѣ, за 1872 г.

сительные междометія и восклицанія чтеца, только выражалъ свое одобреніе. Чтеніе приходило къ концу; Лермонтовъ, успѣвъ съѣсть часть огурчиковъ, другою набилъ себѣ карманы и сталъ прощаться. Тутъ только объяснилось, что похвалы Михаила Юрьевича относились къ огурцамъ, а не къ стихамъ. Помѣщикъ пришелъ въ негодованіе и всюду разсказывалъ о безстыдствѣ Лермонтова, съѣвшаго всѣ огурцы, припасенные для подарка кому-то. «И какъ только онъ успѣлъ съѣсть ихъ всѣ?!» говорилъ недоумѣвавшій піита.

Друзья обыкновенно обѣдали въ Пятигорской гостиницѣ, и однажды Лермонтовъ, потѣхи ради, повторилъ, что дѣлалось шалунами въ школѣ гвардейскихъ юнкеровъ. Замѣтивъ на столѣ цѣлую башню наставленныхъ другъ на друга тарелокъ, онъ стукомъ по своей головѣ слегка надломилъ одну и на нее, еще державшуюся, поставилъ прочія. Когда лакей схватилъ всю массу тарелокъ, то, не успѣвъ донести по назначенію, къ полному своему недоумѣнію и ужасу почувствовалъ, какъ нижняя тарелка разъѣхалась и вся ихъ масса разлетѣлась на полу въ дребезги. Присутствующіе частью испугались отъ неожиданнаго шума, частью хохотали надъ глупымъ выраженіемъ растерявшагося служителя. Хозяинъ осерчалъ, и только щедрое вознагражденіе со стороны Лермонтова успокоило его и изумленнаго слугу.

Михаилъ Юрьевичъ работалъ большею частью утромъ въ своей комнатѣ, при открытомъ окнѣ, или же въ большей комнатѣ, для чего онъ и переставилъ обѣденный столъ съ противоположнаго конца къ дверямъ, выходившимъ на балконъ. Онъ любилъ свѣжій воздухъ и въ закупоренныхъ помѣщеніяхъ задыхался. Въ окно его спальни глядѣли изъ садика вѣтки вишневаго дерева, и, работая, поэтъ протягивалъ руку къ спѣлымъ вишнямъ и лакомился ими... Чѣмъ больше и серіознѣе онъ работалъ, тѣмъ, казалось, чувствовалъ большую необходимость дурачиться и выкидывать разныя чудачества. Объ этихъ шалостяхъ много говорилось, обыкновенно съ негодованіемъ, какъ о чертѣ недостойной серіознаго человѣка, ихъ охотно именовали «гусарскими выходками», и мы только что, да и въ прежнихъ главахъ приводили нѣкоторыя изъ этихъ

выходокъ. Но намъ и въ голову не приходитъ строго судить за нихъ поэта. Льюисъ въ извѣстной *біографіи Гете* разсказываетъ, какъ великій поэтъ, уже извѣстный Германіи, написавшій Вертера и частью Фауста,въ избыткѣ жизненныхъ силъ, выдѣлывалъ разныя шалости: послѣ усиленныхъ занятій валялся по полу, или вмѣстѣ съ веймарскимъ герцогомъ выходили вооруженные бичами на городскую площадь и щелкали ими въ продолженіе цѣлыхъ часовъ на перегонку. Гете было въ то время лѣтъ 26. Для обыденныхъ натуръ, судившихъ его только съ точки зрѣнія этихъ выходокъ, онъ тоже въ то время никакъ не могъ быть признанъ необыкновеннымъ человѣкомъ.

Такъ какъ ужъ мы заговорили о шалостяхъ и выходкахъ поэта, то нельзя не вспомнить о случаѣ, бывшемъ съ Михаиломъ Юрьевичемъ въ имѣніи товарища его А. Л. Потапова. Потаповъ пригласилъ къ себѣ въ имѣніе, въ Воронежской [?] губерніи, двухъ товарищей лейбъ-гвардіи гусарскаго полка Реми и Лермонтова. Дорогой товарищи узнали, что у Потапова гоститъ дядя его, свирѣпый по службѣ генералъ. Слава его была такая, что Лермонтовъ ни за что не хотѣлъ ѣхать къ Потапову, утверждая, что все удовольствіе деревенскаго пребыванія будетъ нарушено. Реми съ трудомъ уговорилъ Лермонтова продолжать путь. За обѣдомъ генералъ любезно обошелся съ молодыми офицерами, такъ что Лермонтовъ развернулся и сыпалъ остротами. Отношенія Лермонтова и генерала приняли складку товарищескую. Оба послѣ обѣда отправились въ садъ, а когда Потаповъ и Реми черезъ полчаса прибыли туда, то увидали къ крайнему своему удивленію, что Лермонтовъ сидитъ на шеѣ у генерала. Оказалось, что новые знакомые играли въ чехарду. Когда затѣмъ объяснили генералу, какъ Лермонтовъ его боялся и не хотѣлъ продолжать пути, генералъ сказалъ назидательно: «Изъ этого случая вы можете видѣть, какая разница между службою и частною жизнью... На службѣ никого не щажу, всѣхъ поѣмъ, а въ частной жизни я такой же человѣкъ, какъ и всѣ» [1].

---

[1] Древняя и Новая Россія 1877 г., т. I, № 3, стр. 315. Перепечатка

ГЛАВА XX.

(Дуэль).

Настроеніе противъ Лермонтова.—Интрига.—Балъ, данный молодежью Пятигорскимъ дамамъ 8-го Іюля.—Недовольство баломъ представителей столичнаго общества.—Празднество, задуманное кн. Голицынымъ.—Вечеръ 13 Іюля у Верзилиныхъ, и столкновеніе на немъ между Лермонтовымъ и Мартыновымъ.—Вызовъ.—Мѣры, принятыя для предупрежденія дуэли и легкомысленное отношеніе къ ней друзей поэта.—Послѣднее творчество Лермонтова.—Настоящая причина дуэли кроется въ тогдашнихъ условіяхъ общественной и офиціальной жизни.—Послѣднее пребываніе поэта въ колоніи близъ Пятигорска.—Мѣсто дуэли.—Свидѣтели ея.—Поединокъ и смерть

Нѣкоторыя изъ вліятельныхъ личностей изъ пріѣзжающаго въ Пятигорскъ общества, желая наказать *несноснаго выскочку и задиру,* ожидали случая, когда кто нибудь, выведенный имъ изъ терпѣнія, *проучитъ ядовитую гадину* [1].

изъ Донской газеты.—Въ семидесятыхъ годахъ генералъ-адъютантъ Потаповъ, разсказывая о своихъ отношеніяхъ къ Лермонтову, говорилъ, что Лермонтовъ въ 1840 [?] году гостилъ у него въ имѣніи «Семидубровномъ.» Тамъ поэтъ самъ переложилъ на музыку свою Казачью колыбельную пѣсню. Онъ утверждалъ, что ноты у него въ имѣніи и по просьбѣ моей писалъ управляющему, но ноты розысканы не были. [Объ отношеніяхъ Потапова и Лермонтова см. т. I, стр. 265 и примѣчанія].—Пѣсня эта, по разсказамъ казака Кулебякина въ Терскихъ вѣдомостяхъ [см. Новости, 1886 г., № 64], писана поэтомъ въ Червленой, но графиня Берольдингенъ, дочь г-жи Гюгель, въ письмѣ ко мнѣ отъ 15 іюня 1884 г., говоритъ, что Лермонтовъ написалъ это стихотвореніе на столѣ при полученіи извѣстія о рожденіи сына у ея матери [Гюгель].

1 Выраженіе, которымъ клеймили поэта многіе. Нѣкоторые изъ современниковъ и даже лицъ, бывшихъ тогда на водахъ, говоря о немъ, употребляли эти выраженія въ бесѣдѣ со мною. Назову нѣкоторыхъ изъ бывшихъ въ то время въ Пятигорскѣ членовъ Петербургскихъ салоновъ, но отнюдь не хочу этимъ бросить тѣнь спеціально на кого-нибудь изъ нихъ. Я просто сгруппировываю имена, упомянутыя въ разныхъ воспоминаніяхъ о томъ времени и мною еще не приведенныя. На водахъ находились: кн. Влад. Серг. Голицынъ, гр. Ламбертъ, полковникъ Серг. Дм. Безобразовъ, командиръ Нижегородскаго драгунскаго, а позднѣе кавалергардскаго Ея Величества полка, лейбъ-гусаръ Тиранъ, А. И. Арнольди, товарищъ Лермонтова по Гродненскому полку и позднѣе находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ А. П. Шанъ-Гиреемъ; назову еще изъ временныхъ гостей декабриста Лорера и пріѣхавшаго изъ Тифлиса вице-губернатора Кавказской области Дмитревкаго. Далѣе князь Валер. Голицынъ [декабристъ], Терещенко-Орѣховъ, командиръ волгскаго казачьяго полка Мезенцовъ и др.

Какъ въ подобныхъ случаяхъ это бывало не разъ, искали какое либо подставное лицо, которое, само того не подозрѣвая, явилось бы исполнителемъ задуманной интриги. Такъ, узнавъ о выходкахъ и полныхъ юмора продѣлкахъ Лермонтова надъ молодымъ Лисаневичемъ, однимъ изъ поклонниковъ Надежды Петровны Верзилиной, ему черезъ нѣкоторыхъ услужливыхъ лицъ было сказано, что терпѣть насмѣшки Михаила Юрьевича не согласуется съ честью офицера. Лисаневичъ указывалъ на то, что Лермонтовъ расположенъ къ нему дружественно и, въ случаяхъ, когда увлекался и заходилъ въ шуткахъ слишкомъ далеко, самъ первый извинялся передъ нимъ и старался исправить свою неловкость. Къ Лисаневичу приставали, уговаривали вызвать Лермонтова на дуэль—проучить. «Что вы, возражалъ Лисаневичъ, чтобы у меня поднялась рука на такого человѣка»! [1]

Есть полная возможность полагать, что тѣ же лица, которымъ не удалось подстрекнуть на недоброе дѣло Лисаневича, обратились къ другому поклоннику Надежды Петровны Н.С.Мартынову. Здѣсь они конечно должны были встрѣтить почву болѣе удобную для брошеннаго ими сѣмени. Мартыновъ мелко самолюбивый и тщеславный человѣкъ, коего умственное и нравственное пониманіе не выходило за предѣлы общепринятыхъ понятій, давно уже раздражался противъ Лермонтова, котораго онъ въ душѣ считалъ ниже себя и по «карьерѣ» и по талантамъ «салоннымъ». О его поэтическомъ геніи Мартыновъ, какъ и многіе современники, судилъ свысока, а можетъ-быть въ критической оцѣнкѣ своей не заходилъ далѣе того полковаго командира Михаила Юрьевича, который послѣ невзгоды послѣдняго, постигшей его за стихи на смерть Пушкина, выговаривалъ ему: «ну ваше ли дѣло писать стихи?! Предоставьте это поэтамъ и займитесь хорошенько командованіемъ своего взвода». Гдѣ было Мартынову задумываться надъ Лермонтовымъ, какъ великимъ поэтомъ, когда люди, какъ товарищъ

---

[1] Сообщилъ мнѣ объ этомъ гр. Н. П. Граббе, и подтвердила сообщеніе и Эм. Ал. Шанъ-Гирей. Любопытно сравнить [выше, стр. 243] что говорилъ самъ Лермонтовъ по поводу вызова на дуэль Пушкина.

поэта Арнольди, еще въ 1884 году говорили, что всѣ они въ то время писали стихи не хуже Лермонтова [1].

Мартыновъ, находясь въ Пятигорскѣ въ общемъ товарищескомъ кругу съ Лермонтовымъ, да живя съ Глѣбовымъ, стѣснялся, конечно, рѣзко выказывать внутреннее негодованіе на Михаила Юрьевича, но онъ не разъ просилъ поэта оставить его въ покоѣ своими издѣвательствами «особенно въ присутствіи дамъ».

Между тѣмъ антагонизмъ «смѣшаннаго общества» съ представителями «столичнаго» шелъ своимъ чередомъ. Іюля 8-го молодежь задумала дать балъ въ честь знакомыхъ пятигорскихъ дамъ. Деньги собрали по подпискѣ. Лермонтовъ былъ главнымъ иниціаторомъ, ему дружно помогали другіе. Мѣстомъ торжества избрали гротъ Діаны возлѣ Николаевскихъ ваннъ [2]. Площадку для танцевъ устроили такъ, что она далеко выходила за предѣлы грота. Сводъ грота убрали разноцвѣтными шалями, соединивъ ихъ въ центрѣ въ красивый узелъ и прикрывъ круглымъ зеркаломъ; стѣны обтянули персидскими тканями; повѣсили искусно импровизированныя люстры, красиво обвитыя живыми цвѣтами и зеленью; на деревьяхъ аллей, прилегающихъ къ площадкѣ, горѣло болѣе 2,000 разноцвѣтныхъ фонарей. Музыка помѣщенная и скрытая надъ гротомъ, производила необыкновенное впечатлѣніе, особенно въ антрактахъ между танцами, когда играли избранные музыканты или солисты. Во время одного антракта кто-то игралъ тихую мелодію на струнномъ инструментѣ, и Лермонтовъ увѣрялъ, что онъ приказалъ перенести, нарочно для этого вечера, Эолову арфу съ «бельведера» выше Елисаветинскаго источника. Отъ грота лентой извивалось красное сукно до изящно убранной палатки—дамской уборной. По другую сторону велъ устлан-

---

1 Русская Старина, 1885 г., февр., стр. 476.

2 Показанія декабриста Лорера [Русск. Арх. 1874 г.]. Э. А. Шанъ-Гирей въ томъ же журналѣ 1889 г., № 6. Въ этомъ гротѣ Лермонтовъ вообще любилъ угощать друзей и знакомыхъ и Эмилія Александровна говоритъ, что если уже какой либо гротъ называть именемъ поэта, такъ этотъ. Тотъ что именуется Лермонтовскимъ гротомъ— это гротъ Печорина. Поэтъ въ немъ никогда не сидѣлъ и не писалъ [Нов. Вр. 1881 г. 5-го сент.].

ный коврами путь къ буфету. Небо было бирюзовое съ легкими небольшими янтарными облачками, между которыми мерцали звѣзды. Была полная тишина—ни одинъ листокъ не шевелился. Густая пестрая толпа зрителей обступала импровизованный танцовальный залъ. Свѣтъ фантастически ударялъ по костюмамъ и лицамъ, озаряя листву деревъ изумруднымъ свѣтомъ. Общество было весело настроено, и Лермонтовъ танцовалъ необыкновенно много.

Послѣ одного бѣшенаго тура-вальса, разсказываетъ Лореръ, Лермонтовъ, весь запыхавшійся отъ усталости, подошелъ ко мнѣ и тихо спросилъ: «Видите ли вы даму Дмитревскаго? Это его *каріе глаза*!. неправда ли, какъ она хороша?!» Дмитревскій былъ поэтъ, и въ то время влюбленъ былъ и пѣлъ прекрасными стихами о какихъ-то карихъ глазахъ. Лермонтовъ восхищался этими стихами и говаривалъ: «послѣ твоихъ стиховъ разлюбишь по неволѣ черные и голубые глаза и полюбишь карія очи».... Въ самомъ дѣлѣ она была красавицей. Густые каштановые волосы ея были гладко причесаны и только изъ-подъ ушей спускались на плечи красивыми локонами.... Большіе каріе глаза, осѣненные длинными ресницами и темными, хорошо очерченными бровями, поразили бы всякаго..... Балъ продолжался до поздней ночи, или вѣрнѣе до утра. Семейство Арнольди удалилось раньше, а скоро и всѣ стали расходиться; говорю расходиться потому, что экипажей въ Пятигорскѣ не было. Съ вершины грота я видѣлъ, какъ усталыя группы спускались на бульваръ. Разошлась и молодежь.... А я все еще сидѣлъ погруженный въ мечты!...»

Балъ этотъ, въ высшей степени оживленный, не понравился лицамъ, нерасположеннымъ къ Лермонтову и его «бандѣ». Они не принимали участія въ подпискѣ, а потому и не пошли на него. Еще до бала они всячески старались убѣдить многихъ изъ бывшихъ согласными участвовать въ немъ, отстать отъ предпріятія и создать свой «вполнѣ приличный, а не такой, гдѣ убранство домашнее, дурного вкуса» [de mauvais goût] и дамъ заставляютъ «танцовать по песку». Подъ вліяніемъ этихъ толковъ и князь Влад. Серг. Голицынъ, знакомый со многими изъ «смѣшаннаго общества», сталъ говорить о

томъ, что неприлично угощать женщинъ хорошаго общества танцами съ кѣмъ ни попало, на открытомъ воздухѣ. Говорятъ, что съ этими представленіями князь Голицынъ обратился къ Лермонтову, или высказывалъ ихъ въ присутствіи послѣдняго и что Лермонтовъ возразилъ ему, что здѣсь не Петербургъ, что то, что неприлично въ столицѣ, совершенно прилично наводахъ съ разношерстнымъ обществомъ. Тогда князь поднялъ опять старый вопросъ о приличномъ и неприличномъ обществѣ и сообщилъ о желаніи устроить балъ, какъ слѣдуетъ, въ казенномъ саду, воздвигнувъ тамъ павильонъ съ дощатой настилкой—съ приличнымъ для танцевъ поломъ; допускать же участниковъ лишь по билетамъ.

Лермонтовъ замѣтилъ, что не всѣмъ это удобно, что казенный садъ далекъ отъ центра города, [1] и что затруднительно будетъ препроводить усталыхъ, послѣ танцевъ, дамъ по квартирамъ, наемныхъ же экипажей въ городѣ всего 3 или 4. Князь стоялъ на своемъ, утверждалъ, что мѣстныхъ дикарей надо учить, надо показывать имъ примѣръ, какъ устраивать празднества.

Мы видѣли, что молодежь съ княземъ Голицынымъ не согласилась и устроила свой праздникъ. Тогда князь съ своей стороны рѣшился устроить балъ въ названномъ казенномъ саду на 15 іюля, въ день своихъ имянинъ и ,строптивую молодежь не приглашать [2].

---

[1] Красивый и тѣнистый садъ расположенъ въ $1/2$ верстѣ отъ города на берегу Подкумка. Въ настоящее время городъ растянулся до него, но и прежде сюда доходили слободы Пятигорска. Все сообщеніе г. Филиппова, со словъ г. Карпова [Русск. Вѣд. 1891 г. № 5], о томъ, что горцы готовились въ вечеръ назначенный для бала перехватить и увести къ себѣ дамъ, совершивъ набѣгъ—не болѣе, какъ прикраса послѣднихъ лѣтъ. Не трудно бы справиться, когда былъ сдѣланъ горцами послѣдній набѣгъ на Пятигорскъ? Уже Лермонтовъ въ «Героѣ нашего времени» подсмѣивался надъ легковѣрными дамами на водахъ, вѣрящими въ возможность нападенія горцевъ. Если и бывали похищенія и нападенія разбойниковъ на отдѣльныхъ лицъ, то отъ этого до того, чтобы во время бала «броситься къ экипажамъ и, пользуясь замѣшательствомъ, выхватить наиболѣе красивыхъ женщинъ и увезти ихъ въ жены за Кубань»—еще далеко. Такой планъ похищенія сабинянокъ ужъ очень смѣлая фантазія.

[2] Изъ разсказовъ Эмиліи Алекс. Шанъ-Гирей. Въ Русск. Арх. 1889 г.

У Верзилиныхъ, кромѣ случайныхъ сборовъ, молодежь и знакомые сходились по воскреснымъ днямъ, и тогда бывали въ ихъ салонѣ танцы. Іюля 13-го, въ воскресенье, стали собираться обыкновенные посѣтители, потолковали итти ли въ казенную гостиницу на танцовальный вечеръ, и рѣшили провести вечеръ въ своемъ кругу. Народу было немного: полковникъ Зельмицъ съ дочерьми, Лермонтовъ, Мартыновъ, Трубецкой, Глѣбовъ, Васильчиковъ, Левъ Пушкинъ и еще нѣкоторые. Въ этотъ вечеръ Мартыновъ былъ мраченъ. Дѣйствительно ли былъ онъ въ дурномъ расположеніи духа или драпировался въ мантію байронизма? Можетъ-быть, его сердило, что на *аристократическій вечеръ*, приготовлявшійся кн. Голицынымъ съ большими затѣями, онъ приглашенъ не былъ. Танцовалъ Мартыновъ въ этотъ вечеръ мало. Лермонтовъ, на котораго сердилась Эмилія Львовна за постоянное поддразниваніе, приставалъ къ ней, прося «сдѣлать съ нимъ хоть одинъ туръ». Только подъ конецъ вечера, когда онъ усилилъ свои настойчивыя требованія и, измѣнивъ тонъ насмѣшки, сказалъ: «M-elle Emilie, je vous prie, un tour de valse seulement, pour la dernière fois de ma vie» [1] она съ нимъ провальсировала. Затѣмъ Михаилъ Юрьевичъ усадилъ Эмилію Львовну около ломбернаго стола и самъ помѣстился возлѣ. Съ другой стороны занялъ мѣсто Левъ Пушкинъ. «Оба они, разсказывала Эмилія Александровна, отличались злоязычіемъ и принялись à qui mieux mieux [въ запуски] острить. Собственно обидно злого въ томъ, что они говорили, ничего не было, но я очень смѣялась неожиданнымъ оборотамъ и анекдотическимъ разсказамъ, въ которые вмѣшали и знакомыхъ намъ людей. Конечно, доставалось больше всего водяному обществу, къ намъ мало расположенному, затронуты были и нѣкоторые пріятели наши. При этомъ Лермонтовъ, приподнимая одной рукой крышку ломбернаго стола, другою чертилъ мѣломъ иллюстраціи къ своимъ разсказамъ». Въ это время танцы прекратились, и об-

№ 6, стр. 317, она же сообщаетъ: «никто изъ нихъ [молодежи] приглашенъ не былъ.» «Сѣверъ» 1891 г. № 12, стр. 748.

[1] M-lle Эмили, прошу васъ на одинъ только туръ вальса, въ послѣдній разъ въ жизни.

щество разбрелось группами по комнатамъ и угламъ залы. Князь Трубецкой сидѣлъ за роялемъ, и игралъ что-то очень шумное. По другую сторону Надежда Петровна разговаривала съ Мартыновымъ, который стоялъ въ обыкновенномъ своемъ костюмѣ — онъ и во время танцевъ не снялъ длиннаго своего кинжала — и часто перемѣнялъ позы, изъ которыхъ одна была изысканнѣе другой. Лермонтовъ это замѣтилъ и, обративъ наше вниманіе, сталъ что-то говорить по адресу Мартынова, а затѣмъ мѣломъ, двумя—тремя штрихами, иллюстрировалъ позу Мартынова съ большимъ его кинжаломъ на поясѣ. Но и Мартыновъ, поймавъ два-три обращенные на него взгляда, подозрительно и сердито посмотрѣлъ па сидѣвшихъ съ Лермонтовымъ. «Перестаньте, Михаилъ Юрьевичъ! Вы видите—Мартыновъ сердится», сказала Эмилія Александровна. Подъ шумные звуки фортепіана говорили не совсѣмъ тихо, а скорѣе сдержаннымъ только голосомъ. На замѣчаніе Эмиліи Александровны Лермонтовъ что-то отвѣчалъ улыбаясь, но въ это время, какъ нарочно, Трубецкой, взявъ сильный аккордъ, оборвалъ свою игру. Слово poignard отчетливо раздалось въ устахъ Лермонтова. Мартыновъ поблѣднѣлъ, глаза сверкнули, губы задрожали и, выпрямившись, онъ быстрыми шагами подошелъ къ Михаилу Юрьевичу и, гнѣвно сказавъ: «сколько разъ я просилъ *васъ* оставить свои шутки, особенно въ присутствіи дамъ!» отошелъ на прежнее мѣсто. «Это совершилось такъ быстро—замѣтила Эмилія Александровна—что Лермонтовъ могъ только опустить крышку ломбернаго стола, но отвѣтить не успѣлъ. Меня поразилъ тонъ Мартынова и то, что онъ, бывшій *на ты* съ Лермонтовымъ, произнесъ слово *вы* съ особеннымъ удареніемъ. «Языкъ мой, врагъ мой!» сказала я Михаилу Юрьевичу. «Ce n'est rien; demain nous serons bons amis!» [1] — отвѣчалъ онъ спокойно.

---

[1] Это ничего, завтра мы опять будемъ добрыми друзьями. — Эмилія Александровна еще при жизни мужа ея Акима Павловича Шанъ-Гирея съ полною точностью указывала мнѣ на расположеніе мебели комнатъ, гдѣ она сидѣла съ Лермонтовымъ и Л. Пушкинымъ, гдѣ стоялъ рояль, и облокотившись на него, Мартыновъ. Планъ комнатъ, равно какъ и домъ Верзилиныхъ, крыльцо и ворота, срисованныя мною, я подарилъ въ Лермонтовскій музей.

Танцы продолжались—никто изъ присутствовавшихъ не замѣтилъ ничего изъ краткаго объясненія. Даже Левъ Пушкинъ не придалъ ему значенія. Скоро стали расходиться и никого не поразило, когда, выходя изъ воротъ дома Верзилиныхъ, Мартыновъ остановилъ за рукавъ Лермонтова и, оставшись позади товарищей, сказалъ сдержаннымъ голосомъ по-французски то же, что было имъ сказано въ залѣ: «Вы знаете, Лермонтовъ, что я очень долго выносилъ ваши шутки, продолжающіяся, несмотря на неоднократное мое требованіе, чтобы вы ихъ прекратили» [1].

— Что же, ты обидѣлся? спросилъ Лермонтовъ, продолжая итти во слѣдъ за опередившими товарищами.

— Да, конечно, обидѣлся.

— Не хочешь ли требовать удовлетворенія?

— Почему-жъ нѣтъ?!

Тутъ Лермонтовъ перебилъ его словами: «Меня изумляютъ и твоя выходка и твой тонъ... Впрочемъ, ты знаешь, вызо-

---

[1] Это, равно какъ и все слѣдующее, разсказывается различно, но въ сути сообщенія сходятся. Точныя слова никто не слышалъ. Только сказанное въ салонѣ сильно врѣзалось въ память г-жи Шанъ-Гирей. — Все, что объ этомъ писано въ военно-судномъ дѣлѣ о дуэли — [напеч. въ Любовскомъ Русск. угол. проц. 1867 г., т. II и матеріалъ въ Лерм. музеѣ]— должно быть принято съ крайнею осторожностью, такъ какъ въ такихъ дѣлахъ обыкновенно стараются выгородить живого, и показываютъ въ его пользу. Достаточно указать на то, что въ дѣлѣ не показаны Верзилины, упоминаются лишь двое секундантовъ, когда ихъ было четыре, и проч. Близко къ этимъ офиціальнымъ сообщеніямъ подходитъ то, что разсказываетъ г. Мартьяновъ во «Всемірномъ Трудѣ». Это происходитъ отъ того, что онъ пользовался еще дѣломъ въ Пятигорскомъ комендантскомъ управленіи, изъ коего оно потомъ пропало. Но надо отдать справедливость г. Мартьянову, что онъ старался провѣрить на мѣстѣ данныя, хотя мы все же встрѣчаемъ много промаховъ. Такъ онъ разсказываетъ что Лермонтовъ ѣхалъ на поединокъ мимо оконъ Верзилиныхъ, тогда какъ онъ ѣхалъ изъ Желѣзноводска, что обѣдали у себя, когда обѣдали въ колоніи и проч. Что касается нѣкоторыхъ недомолвокъ со стороны кн. Васильчикова въ статьѣ его въ «Русск. Архивѣ» 1872 года, то это обусловливалось вниманіемъ къ бывшему еще въ живыхъ Мартынову, защищать котораго приходилось князю во время слѣдствія по дѣлу. Сообщенія, сдѣланныя княземъ мнѣ уже позднѣе и послѣ смерти Мартынова, разнствуютъ съ прежними показаніями. Но объ этомъ ниже. Относительно другихъ сообщеній оцѣнка или уже сдѣлана, или же читатель найдетъ ее впереди.

вомъ меня испугать нельзя... хочешь драться—будемъ драться».

— «Конечно, хочу», отвѣчалъ Мартыновъ, «и потому разговоръ этотъ можетъ считаться вызовомъ».

Подойдя къ домамъ своимъ, они молча раскланялись [1] и вошли въ свои квартиры. Какъ Лермонтовъ передалъ Столыпину о происшедшемъ мы не знаемъ. Вообще нельзя не пожалѣть, что до насъ не дошло ничего письменнаго о поэтѣ со стороны Глѣбова и особенно Столыпина, который въ тѣ дни былъ ближе всѣхъ къ Михаилу Юрьевичу.

Мартыновъ, вернувшись, разсказалъ дѣло своему сожителю Глѣбову и просилъ его быть секундантомъ. Глѣбовъ тщетно старался успокоить Мартынова и склонить его на примиреніе. Особенное участіе въ дѣлѣ принимали, конечно, ближайшіе къ сторонамъ молодые люди: Столыпинъ, кн. Васильчиковъ и уже поименованный Глѣбовъ. Такъ какъ Мартыновъ никакихъ представленій не принималъ, то рѣшили просить Лермонтова, не придававшаго никакого серіознаго значенія дѣлу, временно удалиться и дать Мартынову успокоиться. Лермонтовъ согласился уѣхать на двое сутокъ въ Желѣзноводскъ, въ которомъ вообще онъ проводилъ добрую часть своего времени. Въ отсутствіи его друзья думали дѣло уладить.

---

[1] Такъ пишетъ г. Мартьяновъ, прибавляя, что послѣдними словами Лермонтова было: «Ты думаешь торжествовать надо мною у барьера. Но это вѣдь не у ногъ красавицы». Когда я, прочитавъ это мѣсто князю Васильчикову, спросилъ его: такъ ли это было? князь отвѣчалъ: «Можетъ-быть, кто же это знаетъ! Суть вѣрна! Въ этомъ родѣ оба они передавали разговоръ свой, но послѣдняя фраза не могла быть сказана Лермонтовымъ. Мартыновъ, если и торжествовалъ надъ нимъ у ногъ красавицъ, то развѣ у ногъ такихъ, которыми Лермонтовъ не могъ серіозно интересоваться. Лермонтовъ шаля пріударялъ за разными женщинами, но заинтересовывался только личностями, выходившими изъ ряда обыденности. Къ тому же онъ былъ въ душѣ добрый человѣкъ и видя, что пріятель имъ не нашутку обиженъ, старался смягчить, а не усиливать обиду. Мартыновъ же давно злился на Лермонтова. Удерживала его вспыльчивость наша общая дружеская компанія. Впрочемъ, мы не разъ говорили Лермонтову, чтобы онъ былъ осторожнѣе относительно Мартынова. Но Михаилъ Юрьевичъ мало обращалъ вниманія на наши предостереженія. Онъ былъ слишкомъ живъ и кипучъ, чтобы сдерживать свою шаловливость».

Какъ прожилъ поэтъ въ одиночествѣ своемъ въ Желѣзноводскѣ послѣднія сутки — кто это знаетъ! Въ обществѣ онъ бывалъ, какъ мы видѣли, всегда почти веселъ и шаловливъ, на одинокихъ прогулкахъ и при работѣ—погруженнымъ въ себя и до меланхоліи грустенъ. Комментаріями и лучшими истолкователями тогдашняго душевнаго состоянія поэта, конечно, могутъ служить двѣнадцать его послѣднихъ стихотвореній [т. I, стр. 323]. Предчувствіемъ томимый, видитъ онъ себя въ долинѣ Дагестана съ свинцомъ въ груди недвижнымъ, одинокимъ:

Глубокая въ груди чернѣла рана,
И кровь лилась хладѣющей струей.

Одинъ изъ тогдашнихъ посѣтителей минеральныхъ водъ, товарищъ поэта по школѣ г. Гвоздевъ поздно вечеромъ встрѣтилъ Михаила Юрьевича на одинокой прогулкѣ. Онъ былъ мраченъ и говорилъ о близкой смерти... [1]

Одинокимъ вышелъ поэтъ на дорогу жизни [т. I, стр. 343] и нигдѣ не могъ найти настоящаго пріюта. То сравниваетъ онъ себя съ дубовымъ листомъ, который еще свѣжимъ и зеленымъ оторвался отъ вѣтки родимой [стр. 341],

И въ степь укатился, жестокою бурей гонимый,
Засохъ и увялъ онъ отъ холода, зноя и горя,
И вотъ, наконецъ, докатился до Черваго моря.
У Чернаго моря чинара стоитъ молодая....

Но и она не принимаетъ его: не пàра онъ ея свѣжимъ листамъ!

То чувствуетъ себя поэтъ сильнымъ и твердымъ, какъ утесъ, но сиротой въ «пространствѣ міра»:

Одиноко
Онъ стоитъ; задумался глубоко,
И тихонько плачетъ онъ въ пустынѣ....

Наконецъ, обдумывая вопросы жизни и бытія, одинъ съ своими мыслями онъ чувствуетъ, что и долженъ быть одинокимъ, если хочетъ «провозглашать любви и правды чистыя ученья». Занималась заря иного дня. *Зрѣющій поэтъ и че-*

---

[1] Сообщенія Меринскаго.—Эта встрѣча произошла 8-го іюля, слѣдовательно послѣ вечера въ гротѣ Діаны [см. выше, стр. 411].

ловѣкъ вступалъ въ новый фазисъ жизни. Онъ сознавалъ себя и жаждалъ нераздѣльной всецѣлой отдачи себя творчеству и идеалу. Что въ него ближайшіе еще бѣшенѣе будутъ бросать каменья — это онъ понималъ. Но ужъ это его не смущало. [Т. I, стр. 345].

Разсчеты друзей, уговорившихъ Михаила Юрьевича удалиться въ Желѣзноводскъ, оказались не вѣрными. Мартыновъ ко всякимъ представленіямъ оставался глухъ и больше хранилъ мрачное молчаніе. Между тѣмъ все дѣло держалось не въ особенномъ секретѣ. О немъ узнали многіе, знали и власти, если не всѣ, то добрая часть ихъ, и, конечно, мѣры могли бы быть приняты энергическія. Можно было арестовать молодыхъ людей, выслать ихъ изъ города къ мѣсту службы, но всего этого сдѣлано не было. Напротивъ, въ дѣло вмѣшались и посторонніе люди, какъ напримѣръ Дороховъ, участвовавшій на 14 поединкахъ. Для людей подобныхъ ему, а тогда въ кавказскомъ офицерствѣ ихъ было много, дуэль представляла пріятное препровожденіе времени, щекотавшее нервы и нарушавшее единообразіе жизни и пополнявшее отсутствіе интересовъ [1]. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что г. Мартынова подстрекали со стороны лица, давно желавшія вызвать столкновеніе между поэтомъ и кѣмъ-либо изъ невмѣру щекотливыхъ или малоразвитыхъ личностей. Полагали, что «обузданіе» тѣмъ или другимъ способомъ «неудобнаго» юноши-писателя, будетъ принято не безъ тайнаго удовольствія нѣкоторыми вліятельными сферами въ Петербургѣ. Мы находимъ много общаго между интригами, доведшими до гроба Пушкина и до кро-

---

[1] Не безъ интересу прочелъ я только что въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» [1891 года 2-го мая № 119] статью г. Каченовскаго, сообщающаго кое-что объ офицерскихъ нравахъ на Кавказѣ, особенно относительно дуэлей, подтверждающихъ сказанное мною. Г. Каченовскій служилъ въ Нижегородскомъ полку въ 1846 году, слѣдовательно въ эпоху близкую къ жизни на Кавказѣ Лермонтова. Нравы и обстановка были тѣ же, поэтому сообщенія автора статьи, не давая никакихъ новыхъ данныхъ о самой дуэли Лермонтова, о коей онъ лишь слышалъ разсказы, являются все же интересною иллюстраціею дуэлей того времени. Въ $1^1/_2$ года пребыванія Каченовскаго на Кавказѣ онъ называетъ болѣе семи дуэлей, изъ коихъ три со смертельнымъ исходомъ. А сколько дуэлей оставались ему неизвѣстны?!

вавой кончины Лермонтова. Хотя обѣ интриги никогда разъяснены не будутъ, потому что велись потаенными средствами, но ихъ главная пружина кроется въ условіяхъ жизни и дѣятеляхъ характера графа Бенкендорфа, о чемъ говорено выше и что констатировано столькими описаніями того времени.

Итакъ попытка, удаливъ Лермонтова, дать успокоиться Мартынову, неудалась. Подстрекаемый ли другими, или упорствуя тѣмъ больше, чѣмъ настойчивѣе хотѣли отклонить его отъ дуэли,—Мартыновъ не уступалъ. Его тѣшила роль *непреклоннаго*, которую онъ принялъ на себя. Онъ даже повеселѣлъ и не разъ подсмѣивался надъ «путешествующимъ противникомъ» своимъ. Пришлось принять рѣшеніе дать дуэли осуществиться. Но все же изъ друзей Лермонтова никто не вѣрилъ въ ея серіозность. Всѣ были убѣждены, что противники обмѣняются выстрѣлами, подадутъ другъ другу руки и все закончится веселой пирушкой. Даже все было приготовлено къ тому, чтобы отпраздновать въ веселой компаніи счастливый исходъ. Самъ Лермонтовъ говорилъ, что у него рука не поднимется на Мартынова и что онъ выстрѣлитъ на воздухъ. Это было сообщено и самому Мартынову, и никто не вѣрилъ въ серіозность его напускной торжественности.

Іюля 15-ое было назначено днемъ для поединка. Дали знать Лермонтову въ Желѣзноводскъ. Ему приходилось ѣхать черезъ нѣмецкую колонію Каррасъ. Тамъ должны были встрѣтить его товарищи. Мѣстомъ же для дуэли было назначено подножіе Машука на половинѣ дороги между колоніей и Пятигорскомъ [1]. Ближайшіе къ поэту люди такъ мало вѣри-

[1] Съ точностью опредѣлить мѣсто дуэли невозможно. Въ 1881 году въ Пятигорскѣ ко мнѣ обратился вицегубернаторъ Тверской Области Г. Хр. Якобсонъ, предсѣдатель комиссіи по опредѣленію мѣста дуэли Лермонтова. Съ нимъ и другими членами комиссіи отправился я опредѣлять мѣста на основаніи точныхъ собранныхъ мною сообщеній, особенно кн. Васильчикова. Ак. Павл. Шанъ-Гирей еще былъ въ живыхъ, но онъ отказался ѣхать и искать мѣсто дуэли, говоря, что это невозможно. Однако помогъ мнѣ указаніями, гдѣ проходила въ 1841 году «старая дорога въ Желѣзноводскъ и пр.» Все взвѣсивъ и осмотрѣвъ, я опредѣлилъ мѣсто. Затѣмъ мое опредѣленіе свѣрили съ показаніями сторожиловъ: Чухнина [брата увозившаго тѣло поэта съ мѣста поединка], часто сопровождавшаго посѣтителей къ роковымъ кустамъ, и Чалова, державшаго лошадей, бывшихъ на поединкѣ. Оказалось, что

ли въ возможность серіозной развязки, что рѣшили пообѣдать въ колоніи Каррасъ и послѣ обѣда ѣхать на поединокъ. Думали даже попытаться примирить обоихъ противниковъ въ колоніи у нѣмки Рошке, содержавшей гостиницу. Почему-то въ кругу молодежи господствовало убѣжденіе, что все это шутка, — убѣжденіе, поддерживавшееся шаловливымъ настроеніемъ Михаила Юрьевича. Ѣхали скорѣе, какъ на пикникъ, а не на смертельный бой. Даже есть *полное* вѣроятіе, что кромѣ четырехъ секундантовъ: князя Васильчикова, Столыпина, Глѣбова и кн. Трубецкаго, на мѣстѣ поединка было еще нѣсколько лицъ въ качествѣ зрителей, спрятавшихся за кустами—между ними и Дороховъ [1].

мы разошлись въ 50 шагахъ. [См. «Листокъ для посѣтителей К. Мин. водъ. 1881 года № 16, и протоколъ коммиссіи, котор. отпечатанъ между проч. и въ «Порядкѣ» 1881 г. 16 декабря].

Вся мѣстность покрыта стереотипнымъ кустарникомъ, и послѣ 40 лѣтъ, конечно, все настолько измѣнилось, что лишь приблизительно можно сказать гдѣ происходило печальное событіе. Контрагентъ кавказскихъ минеральныхъ водъ А. М. Байковъ думалъ поставить тамъ крестъ; я набросалъ проектъ, но предположеніе осталось предположеніемъ. Изображеніе поляны на которой происходила дуэль, срисована была съ натуры товарищемъ Лермонтова Арнольди акварелью. Рисунокъ подаренъ имъ въ Лермонтовскій музей.

[1] Этотъ слухъ доходилъ и до Лонгинова [Русск. Стар. 1873 г., т. I, стр. 389], былъ сообщенъ мнѣ и В. А. Елагинымъ со словъ г. Тимирязева, бывшаго тогда въ Пятигорскѣ. Кто были эти господа, конечно, останется недознаннымъ. Неподлежитъ сомнѣнію, что на мѣстѣ поединка былъ Дороховъ въ послѣдней статьѣ своей въ «Сѣверѣ» говоритъ объ этомъ и Эмилія Александровна Шанъ-Гирей и мнѣ она сказала, когда я спрашивалъ и ее и покойнаго мужа: были ли посторонніе при дуэли? что она того не знаетъ, «Мало ли какіе ходили слухи! а участвовалъ Дороховъ, но это было скрыто на слѣдствіи, какъ и участіе Столыпина и Трубецкаго, пріѣхавшаго на воды изъ экспедиціи безъ разрѣшенія.—Когда я указывалъ кн. Васильчикову на слухъ, сообщаемый и Лонгиновымъ, онъ сказалъ, что этого не вѣдаетъ, но когда утвердительно заговорилъ о присутствіи Дорохова, князь склонивъ голову и задумавшись замѣтилъ: «можетъ-быть, и были. Я былъ такъ молодъ, мы всѣ такъ молоды и такъ не серіозно глядѣли на дѣло, что много было допущено упущеній.»—А были ли подстрекатели у Мартынова?—«Можетъ-быть, и были, мнѣ было 22 года, и всѣ мы тогда не сознавали, что такое Лермонтовъ. Для всѣхъ насъ онъ былъ офицеръ-товарищъ, умный и добрый, писавшій прекрасные стихи и рисовавшій удачныя карикатуры. Иное дѣло глядѣть ретроспективно!»—Ну а Столыпинъ? спросилъ я.—Вѣдь этотъ человѣкъ былъ, и постарше, и поопытнѣе и зналъ правила дуэли?«Сто-

Въ колоніи Каррасъ Лермонтовъ, пріѣзжая изъ Желѣзноводска, нашелъ M-elle Быховецъ, прозванную la belle noire, съ теткой ея Прянишниковою, ѣхавшихъ въ Желѣзноводскъ. Сюда пріѣхали и товарищи поэта, кто именно—остается невыясненнымъ, навѣрное Столыпинъ. Есть свѣдѣніе, что въ числѣ еще другихъ лицъ прибылъ и Мартыновъ. Продолжая вѣрить въ несеріозность поединка, молодые люди еще утромъ 15 іюля заходили къ Верзилинымъ, сговариваясь, такъ какъ никто изъ нихъ не былъ приглашенъ на праздникъ князя Голицына, притти инкогнито на горку въ саду, или близъ сада, чтобы посмотрѣть на фейерверкъ. Туда къ нимъ должны были явиться и Верзилины. Молодежь, какъ видѣли мы, думала по счастливомъ окончаніи дуэли поужинать вмѣстѣ въ товарищескомъ кругу. Нѣкоторые надѣялись, что быть можетъ и въ Каррасѣ какъ-нибудь удасться примирить противниковъ. Вотъ почему Лермонтовъ долженъ былъ тамъ пообѣдать. Хотѣли привести и Мартынова [1]. Говорятъ, Мартыновъ пріѣхалъ туда на бѣговыхъ дрожкахъ съ кн. Васильчиковымъ [2]. Лермонтовъ

лыпинъ!? На каждаго мудреца довольно простоты! При каждомъ несчастномъ событіи недоумѣваешь, потомъ и думаешь, какъ было упущено то или другое, какъ не досмотрѣлъ, какъ допустилъ и т. д. Впрочемъ, Столыпинъ серіознѣе всѣхъ глядѣлъ на дѣло и предупреждалъ Лермонтова; но онъ по большей части былъ подъ вліяніемъ Михаила Юрьевича и при нѣсколько индолентномъ характерѣ вполнѣ поддавался его вліянію». Доказательствомъ того, что *говорили* утвердительно о присутствіи постороннихъ лицъ, служитъ показаніе Мартынова на офиціальномъ дознаніи: «*при дуэли кромѣ секундантовъ никто не присутствовалъ*».

[1] Провѣрить точно ли Мартыновъ видѣлся еще разъ въ Каррасѣ съ Лермонтовымъ, какъ разсказываютъ [въ томъ числѣ и г. Карповъ], я не могъ. Спросить объ этомъ кн. Васильчикова не пришло въ голову, но что это было такъ—видно и изъ показаній Чалова. [Протоколъ комиссіи для опредѣленія мѣста дуэли]. «Въ день дуэли», разсказывалъ Чаловъ, «два офицера наняли у меня лошадей»—Чаловъ поѣхалъ сопровождать ихъ. Въ колоніи Каррасъ офицеры эти встрѣтили Лермонтова и еще одного или двухъ офицеровъ, и послѣ нѣкотораго пребыванія въ домѣ Рошке всѣ вмѣстѣ поѣхали изъ колоніи по дорогѣ въ Пятигорскъ» и т. д. Надо полагать, что раньше выѣхали Васильчиковъ и Мартыновъ. Чаловъ говоритъ лишь объ офицерахъ. Васильчиковъ былъ штатскій.

[2] Другіе говорятъ—съ Дороховымъ, что сомнительно, потому что въ Пятигорскѣ сторожилы говорили, что Дороховъ 15-го іюля подъ вечеръ много разъ-

былъ на лицо. Противники раскланялись, но вмѣсто словъ примиренія Мартыновъ напомнилъ о томъ, что пора бы дать ему удовлетвореніе, на что Лермонтовъ выразилъ всегдашнюю свою готовность. Вѣрно только то, что кн. Васильчиковъ съ Мартыновымъ на бѣговыхъ дрожкахъ, съ ящикомъ принадлежавшихъ Столыпину кухенрейторскихъ пистолетовъ [1], выѣхали отыскивать удобное мѣсто у подошвы Машука, на дорогѣ между колоніей Каррасъ и Пятигорскомъ. Обѣдая съ М-elle Быховецъ и ея теткой, Михаилъ Юрьевичъ шутилъ и наконецъ, взявъ у первой изъ дамъ золотой ободокъ, который тогда носили на головѣ, сталъ оборачивать имъ красивыя пальцы своихъ холеныхъ рукъ. М-elle Быховецъ просила ей возвратить фіоритурку, но поэтъ отказался, сказавъ, что самъ привезетъ, если будетъ живъ, и съ этими словами всталъ и, весело раскланявшись, вышелъ. На слова эти, какъ на шутку, дамы вниманія не обратили.

Молодые люди сѣли на коней и помчались по дорогѣ къ Пятигорску. День былъ знойный, удушливый, въ воздухѣ чувствовалась гроза. На горизонтѣ бѣлая тучка росла и темнѣла. Недоѣзжая $2^1/_2$ верстъ, приблизительно, до города, повернули налѣво въ гору, по слѣдамъ, оставленнымъ дрожками кн. Васильчикова и Мартынова. Подошва Машука, поросшая кустарникомъ и травой, и нынѣ сохраняетъ тотъ же видъ. Кудрявая вершина знаменитой горы высилась надъ всею мѣстностью, какъ и теперь. Становясь къ ней спиной передъ глазами извивалась лентою желѣзноводская дорога [2]. Далѣе поднимается, пятиглавый Бештау, а налѣво величаво и безмолвно глядитъ Шатъ-гора [Эльбрусъ], сіяя бѣлизною своей снѣговой вершины. Около 6 часовъ прибыли на мѣсто. Оставивъ лошадей у про-

---

ѣзжалъ верхомъ на конѣ и что знавшихъ этого человѣка его суетня поразила: «Что нибудь да замышляется недоброе, если Дороховъ такъ суетится!» Ср. разсказъ г-жи А[лександров]ской [«Нива» 1885 г. № 20]. Мнѣ же она и въ 1888 году говорила вышеозначенную фразу.

[1] Пистолеты эти въ 1881 году видѣлъ я въ Москвѣ надъ кроватью Дмитр. Арк. Столыпина.

[2] Старая. Уже въ 1881 году она была заросши и съ трудомъ разыскана мною при помощи старожилъ.

водника своего Евграфа Чалова [1], молодые люди пошли вверхъ къ полянкѣ между двумя кустами, гдѣ ожидали ихъ Мартыновъ и Васильчиковъ [2], или же князь Трубецкой, что тоже остается невыясненнымъ. Докторовъ не было, не потому, чтобы, какъ это сообщается нѣкоторыми, никто не хотѣлъ ѣхать, а потому опять, что какъ-то дуэли не придавали серіоз-

---

[1] При слѣдствіи показали, что лошадей своихъ привязывали къ кустамъ.

[2] Когда я спросилъ кн. Васильчикова, кто собственно былъ секундантами Лермонтова? онъ отвѣтилъ, что собственно не было опредѣлено кто чей секундантъ. Прежде всего Мартыновъ просилъ Глѣбова, съ коимъ жилъ, быть его секундантомъ, а потомъ какъ-то случилось, что Глѣбовъ былъ какъ бы со стороны Лермонтова. Собственно секундантами были: Столыпинъ, Глѣбовъ, Трубецкой и я. На слѣдствіи же показали: Глѣбовъ себя секундантомъ Мартынова—я Лермонтова. Другихъ мы скрыли. Трубецкой пріѣхалъ безъ отпуска и могъ поплатиться серьезнѣе. Столыпинъ уже разъ былъ замѣшанъ въ дуэль Лермонтова, слѣдовательно ему могло достаться серьезнѣе».— Весь остальной разсказъ о дуэли я сообщаю со словъ кн. Васильчикова, какъ очевидца. Всѣ прочія лица драмы уже не были въ живыхъ, когда я началъ собирать матеріалы для біографіи Михаила Юрьевича. Что сообщенія эти не совсѣмъ сходятся съ тѣмъ, что помѣщено было княземъ въ Русск. Арх. за 1872 годъ, поясняется тѣмъ, что, вынужденный письмомъ Н. С. Мартынова къ М. Ив. Семевскому отъ 30 ноября 1869 г. [помѣщено въ приложеніи къ запискамъ Хвостовой Спб. 1870 г. на стр. 257] «прервать 30 лѣтнее молчаніе свое», князь все же не хотѣлъ возстановить факты до мельчайшихъ подробностей, какъ онъ говорилъ, по двумъ причинамъ:

1) «Мы дали тогда другъ другу слово молчать и не говорить никому ничего другого кромѣ того что будетъ нами показано на формальномъ слѣдствіи. Поэтому я молчалъ бы и теперь, если бы самъ Мартыновъ не вынудилъ меня говорить и своимъ вызовомъ въ печати и тѣмъ что я имѣю полное основаніе думать, что онъ самъ нѣкоторымъ лицамъ сообщалъ подробности не согласно съ дѣйствительностью или, по крайней мѣрѣ, оттѣняя дѣло въ свою пользу;

2) «Высказать все печатно, пока Мартыновъ печатно своихъ сообщеній не дѣлалъ, я не считалъ себя въ правѣ. Теперь Мартыновъ скончался. Въ печать проскочило кое-что изъ свѣдѣній не въ пользу Лермонтова, по винѣ покойнаго Мартынова, и я уже не вижу себя обязаннымъ молчать. Мартыновъ всегда хотѣлъ, чтобы мы его обѣлили. Это было замѣтно во время слѣдствія надъ нами, когда Мартыновъ все боялся что мы недостаточно защитимъ его, такъ что мы съ Глѣбовымъ написали письмо, которое было ему передано, когда онъ сидѣлъ подъ арестомъ, и объявили, что ничего лишняго кромѣ того что нужно для смягченія его участи не скажемъ». Не есть ли письмо, о коемъ говорилъ Князь Васильчиковъ, то самое, которое помѣщено въ Русск. Арх. за 1885, г. № 3 стр. 461, о чемъ говорю ниже.

наго значенія, и потому даже не было приготовлено экипажа на случай, что кто-нибудь будетъ раненъ [1].

Мартыновъ стоялъ мрачный со злымъ выраженіемъ лица. Столыпинъ обратилъ на это вниманіе Лермонтова, который только пожалъ плечами. На губахъ его показалась презрительная усмѣшка. Кто-то изъ секундантовъ воткнулъ въ землю шашку, сказавъ: «вотъ барьеръ». Глѣбовъ бросилъ фуражку въ десяти шагахъ отъ шашки, но длинноногій Столыпинъ, дѣлая большіе шаги, увеличилъ пространство. «Я помню, говорилъ князь Васильчиковъ, какъ онъ ногою отбросилъ шапку, и она откатилась еще на нѣкоторое разстояніе. Отъ крайнихъ пунктовъ барьера Столыпинъ отмѣрилъ еще по 10 шаговъ, и противниковъ развели по краямъ. Заряженные въ это время пистолеты были вручены имъ [Глѣбовымъ?]. Они должны были сходиться по командѣ: «сходись!» Особеннаго права на первый выстрѣлъ по условію никому не было дано. Каждый могъ стрѣлять, стоя на мѣстѣ, или подойдя къ барьеру, или на ходу, но непремѣнно между командою: *два* и *три*. Противниковъ поставили на скатѣ, около двухъ кустовъ: Лермонтова лицомъ къ Бештау, слѣдовательно выше; Мартынова ниже, лицомъ къ Машуку. Это опять была неправильность. Лермонтову приходилось цѣлить внизъ, Мартынову вверхъ, что давало послѣднему нѣкоторое преимущество. Командовалъ Глѣбовъ... «Сходись!»—крикнулъ онъ. Мартыновъ пошелъ быстрыми шагами къ барьеру, тщательно наводя пистолетъ. Лермонтовъ остался неподвиженъ. Взведя курокъ, онъ поднялъ пистолетъ дуломъ вверхъ и, помня наставленія Столыпина, заслонился рукой и локтемъ, «по всѣмъ правиламъ опытнаго дуэлиста». «Въ эту минуту, пишетъ князь Васильчиковъ, я взглянулъ на него и никогда не забуду того спокойнаго, почти веселаго выраженія, которое играло на лицѣ поэта передъ дуломъ уже направленнаго на него пистолета». Вѣроятно, видъ торопливо шедшаго и цѣлившаго въ него Мартынова вызвалъ въ поэтѣ новое ощущеніе. Лицо приняло пре-

---

[1] А. И. Арнольди [Матер. Дудышкина, стр. XX] говоритъ: «*Секунданты* не предвидѣли такого конца» [смертельнаго исхода]!!

зрительное выраженіе, и онъ, все не трогаясь съ мѣста, вытянулъ руку къ верху, по прежнему къ верху же направляя дуло пистолета [1]. «Разъ».... «Два».... «Три!» командовалъ между тѣмъ Глѣбовъ. Мартыновъ уже стоялъ у барьера. «Я отлично помню, разсказывалъ далѣе князь Васильчиковъ, какъ Мартыновъ повернулъ пистолетъ, куркомъ въ сторону, что онъ называлъ стрѣлять по-французски! Въ это время Столыпинъ крикнулъ: «стрѣляйте! или я разведу васъ!»... Выстрѣлъ раздался, и Лермонтовъ упалъ, какъ подкошенный, не успѣвъ даже схватиться за больное мѣсто, какъ это обыкновенно дѣлаютъ ушибленные или раненые».

«Мы подбѣжали.... Въ правомъ боку дымилась рана, въ лѣвомъ сочилась кровь.... Неразряженный пистолетъ оставался въ рукѣ...

«Черная туча, медленно поднимавшаяся на горизонтѣ, разразилась страшной грозой, и перекаты грома пѣли вѣчную память новопреставленному рабу Михаилу»....

---

[1] Разсказъ князя Васильчикова. Когда я его спросилъ отчего же онъ не печаталъ о вытянутой рукѣ, свидѣтельствующее, что Лермонтовъ показывалъ явное не желаніе стрѣлять, князь утверждалъ, что онъ не хотѣлъ подчеркивать этого обстоятельства, но поведеніе Мартынова снимаетъ съ него необходимость щадить его.

ЭПИЛОГЪ.

Трупъ поэта на мѣстѣ поединка.—Перевозъ тѣла въ Пятигорскъ.—Затрудненія при похоронахъ.— Могила.— Слѣдственное дѣло.—Степень виновности Мартынова и другихъ.—Слухи о причинахъ, побудившихъ Мартынова драться съ Лермонтовымъ.—Преслѣдователи и защитники Михаила Юрьевича.—высочайшее повелѣніе относительно лицъ причастныхъ къ дуэли.— Перенесеніе тѣла Михаила Юрьевича въ Тарханы.

Неожиданный строгій исходъ дуэли, даже для Мартынова былъ потрясающимъ. Въ чаду борьбы чувствъ, уязвленнаго самолюбія, ложныхъ понятій о чести, интригъ и удалого молодечества. Мартыновъ, какъ и всѣ товарищи былъ далекъ отъ полнаго сознанія того, что творится. Пораженный исходомъ, бросился онъ къ упавшему. «Миша, прости мнѣ!» вырвался у него крикъ испуга и сожалѣнія...

Въ смерть не вѣрилось. Какъ растерянные стояли вокругъ павшаго, на устахъ котораго продолжала играть улыбка презрѣнія. Глѣбовъ сѣлъ на землю и положилъ голову поэта къ себѣ на колѣни. Тѣло быстро холодѣло... Васильчиковъ поѣхалъ за докторомъ; Мартыновъ—доложить коменданту о случившемся и отдать себя въ руки правосудія... Мы ничего не знаемъ о другихъ!... Что дѣлалъ многолѣтній вѣрный другъ поэта Монго-Столыпинъ? Онъ ли закрылъ глаза любимаго имъ и любившаго его человѣка?.. Князь Васильчиковъ упорно молчалъ относительно *другихъ лицъ, свидѣтелей дуэли.* Онъ и о Дороховѣ почему-то говорить не хотѣлъ. Надо предполагать, что они разсыпались по окрестностямъ или ускакали въ Пятигорскъ. Наскоро рѣшено было на неизбѣжномъ слѣдствіи показать, что секундантами и свидѣтелями всего случивша-

гося были только Глѣбовъ и кн. Васильчиковъ. Они менѣе всего рисковали. Глѣбовъ, плѣнъ котораго у горцевъ надѣлалъ много шуму, былъ на счету офицера не только безукоризненнаго, но и много обѣщавшаго—о немъ знали въ Петербургѣ. Отецъ Васильчикова былъ любимъ государемъ и имѣлъ значительный постъ. Наконецъ, оба они проживали на водахъ съ разрѣшенія, не такъ, какъ кн. Трубецкой, и не были, какъ Столыпинъ и Дороховъ, замѣшаны въ дуэляхъ и не навлекли еще на себя недовольство правительственныхъ лицъ.

Между тѣмъ въ Пятигорскѣ трудно было достать экипажъ для перевозки Лермонтова. Васильчиковъ, покинувшій Михаила Юрьевича еще до яснаго опредѣленія его смерти, старался привезти доктора, но никого не могъ уговорить ѣхать къ сраженному. Медики отвѣчали, что на мѣсто поединка при такой адской погодѣ они ѣхать не могутъ, а пріѣдутъ на квартиру, когда привезутъ раненаго. Дѣйствительно, дождь лилъ, какъ изъ вѣдра, и совершенно померкнувшая окрестность освѣщалась только блистаніемъ непрерывной молніи при страшныхъ раскатахъ грома. Дороги размокли. Съ большимъ усиліемъ и за большія деньги, кажется, не безъ участія полиціи, удалось наконецъ выслать за тѣломъ дроги [въ родѣ линейки] [1]. Было 10 часовъ вечера. Досталъ эти дроги уже Столыпинъ. Кн. Васильчиковъ, ни до чего не добившись, пріѣхалъ на мѣсто поединка безъ доктора и экипажа.

Тело Лермонтова все время лежало подъ проливнымъ дождѣмъ, накрытое шинелью Глѣбова, покоясь головою на его колѣняхъ. Когда Глѣбовъ хотѣлъ осторожно спустить ее, чтобы поправиться—онъ промокъ до костей—изъ раскрытыхъ устъ Михаила Юрьевича вырвался ни то вздохъ, ни то стонъ; и Глѣбовъ остался недвижимъ, мучимый мыслью, что быть может, въ похолодѣломъ тѣлѣ еще кроется жизнь [2].

вырез

были наняты у помѣщика Мурлыкина, содержавшаго въ Пятигор-
)жевыхъ лошадей и экипажи». Послали кучера Кузьму Чухнина.
лъ комиссіи по опред. мѣста дуэли]. Г-нъ Карповъ разсказываетъ
вѣрно и называетъ мѣщанина Пантелѣева.
была лишняя тревога: изъ груди вырвался не стонъ, а спертый воз-
Въ Русск. Арх. 1872 г. кн. Васильчиковъ сообщаетъ: «Столыпинъ

Такъ лежалъ, неперевязанный, медленно истекавшій кровью, великій юноша-поэтъ... Гроза прошла. Стало совсѣмъ тихо. Полный мѣсяцъ яркимъ сіяніемъ освѣтилъ окрестность и вершины горъ, спавшихъ во тьмѣ ночной.

Наконецъ появился долгоожидаемый экипажъ въ сопровожденіи полковника Зельмица и слугъ. Поэта подняли и положили на дроги. Поѣздъ, сопровождаемый товарищами и людьми Столыпина, тронулся.

Въ Пятигорскѣ между тѣмъ происходило слѣдующее. Въ 7-омъ часу было назначено открытіе празднества, которое готовилъ князь Голицынъ въ «казенномъ саду» и коимъ собирался удивить «Пятигорскихъ дикарей». Ничего подобнаго еще не бывало... Обширный павиліонъ, сооружавшійся въ продолженіе нѣсколькихъ дней, весь состоялъ изъ зеркалъ, спрятанныхъ въ цвѣтахъ и зелени. Съ утра толпились любопытные, которыхъ къ назначенному часу рѣшено было выпроводить изъ сада. Но вотъ разразилась гроза. Даже старожилы не могли припомнить подобной. Улицы обратились въ потоки; нечего было и думать добраться до сада. Сестры Верзилины, принарядившись, готовились отправиться на балъ кн. Голицына, но ливень не унимался. Къ нимъ пришелъ Дмитревскій и, видя барышень въ бальныхъ туалетахъ и опечаленными, вызвался привести обычныхъ посѣтителей изъ молодежи и устроить свой танцовальный вечеръ. «Не успѣлъ онъ высказаться, разсказываетъ Эмилія Александровна Шанъ-Гирей, какъ вбѣгаетъ полковникъ Антонъ Карловичъ Зельмицъ съ растрепанными длинными, сѣдыми волосами, съ испуганнымъ лицомъ, размахиваетъ руками и кричитъ: «*одинъ наповалъ, другой подъ арестомъ!*» Мы бросились къ нему:—что такое, кто наповалъ, гдѣ?—«Лермонтовъ убитъ!» раздались роковыя слова... Внезапное извѣстіе до того поразило матушку, что съ ней сдѣлалась истерика... Уже потомъ, отъ Дмитревскаго, узнали мы подробности о случившемся»...

и Глѣбовъ уѣхали въ Пятигорскъ, чтобы распорядиться перевозкой тела, а меня съ Трубецкимъ оставили при убитомъ». Мнѣ онъ пояснилъ было уже по возвращеніи его изъ Пятигорска, гдѣ онъ тщетно иск торовъ и экипажа.

«Мальчишки, мальчишки, что вы со мною сдѣлали!» плакался, бѣгая по комнатѣ и схватившись за голову добрякъ Ильяшенко, когда ему сообщили о катастрофѣ. Мартыновъ тотчасъ былъ арестованъ [1]. Самъ комендантъ не нашутку испугался и растерялся. Онъ, еще не зная убитъ, или раненъ Лермонтовъ, приказалъ, чтобы, какъ только привезутъ, его помѣстили на гауптвахту. Той порой тѣло прибыло въ Пятигорскъ. Разумѣется, на гауптвахту его сдать нельзя было и, постоявъ передъ нею нѣсколько минутъ, пока выяснилось, что поручикъ Тенгинскаго полка Лермонтовъ мертвъ, его повезли дальше. Кто-то именемъ коменданта опять таки остановилъ поѣздъ передъ церковью, сообщивъ, что домой его вести нельзя. Опять замедленіе [2]. Наконецъ смоченный кровью и омытый дождемъ трупъ былъ привезенъ на квартиру и положенъ на диванъ въ столовую, гдѣ еще недавно, у открытаго окна, по утрамъ, работалъ поэтъ, слагая или исправляя свои чудныя пѣсни. Глѣбовъ раньше, потомъ Васильчиковъ были арестованы и подъ конвоемъ проведены къ мѣсту заключенія. Было заполночь, когда прибыла наконецъ давно ненужная медицинская помощь [3].

Блѣдный, истекшій кровью, съ улыбкой презрѣнія на устахъ, въ «исторической» канаусовой рубашкѣ, смоченной кровью, лежалъ Михаилъ Юрьевичъ. Вокругъ ходила молодежь, растерявшаяся и пораженная. Вмѣсто веселаго ужина, приготов-

[1] Разсказъ г-жи Шанъ-Гирей, со словъ Мартынова, будто онъ провелъ въ тюрьмѣ, куда его посадили какъ отставного, ужасныхъ три ночи въ сообществѣ двухъ арестантовъ, изъ которыхъ одинъ все читалъ псалтырь, а другой произносилъ страшныя ругательства,—фантазія Мартынова, или г-жа Шанъ Гирей запамятовала нѣкоторыя подробности.

[2] Изъ разсказовъ кн. Васильчикова.—Вотъ эти-то замедленія и послужили поводомъ къ позднѣйшимъ разсказамъ, что поэтъ умеръ на дорогѣ, когда его возили: сначала къ его дому, потомъ на гауптвахту [Мартьяновъ, стр. 594]. Затѣмъ положили на церковной паперти, гдѣ онъ и скончался [тамъ же стр. 596] и т. п.

[3] Меня уже отвели, а врачи все еще не приходили, сообщалъ кн. Васильчиковъ.—Эмилія Александровна помнитъ, какъ около 9 часовъ мимо ихъ оконъ провели подъ карауломъ Глѣбова. Показаніе Карпова, что Глѣбовъ явился къ коменданту только на другой день 16-го іюля и объявилъ ему о смерти Лермонтова,—положительно невѣрно.

леннаго для встрѣчи счастливо возвратившагося и примиреннаго съ товарищемъ поэта, приходилось хлопотать о приведеніи въ порядокъ его смертныхъ останковъ. Вѣсть быстро разнеслась по городу, и еще вечеромъ приходили пріятели и знакомые подъ кровъ сраженнаго пѣвца. Никто изъ друзей не спалъ... Спали ли тѣ, что съ такою настойчивостью и искусствомъ вели интригу и добились желаннаго?!

На другое утро тѣло было обмыто. Окостенѣлымъ членамъ трудно было дать обычное для мертвеца положеніе; сведенныхъ рукъ не удалось расправить, и онѣ были накрыты простыней. Вѣки все открывались, и глаза, полные думъ, смотрѣли чуждыми земного міра. Въ чистой бѣлой рубашкѣ лежалъ онъ на постели въ своей небольшой комнатѣ, куда перенесли его. Художникъ Шведе снималъ съ него портретъ масляными красками[1]. Съ утра домъ и дворъ, гдѣ жилъ поэтъ, были переполнены народомъ. Многіе плакали. Общественное мнѣніе, конечно, раздѣлилось. Говорили, что *поэтъ былъ несносенъ: ни Мартыновъ* такъ другой непремѣнно бы убилъ его. Большинство видѣло во всемъ происшествіи «ссору двухъ офицеровъ изъ-за барышни». Называли Эмилію Александровну Клингенбергъ, другіе сестру ея Надежду Петровну Верзилину. Толковали и о г-жѣ Быховецъ. Взятый у нея наканунѣ поэтомъ золотой ободокъ нашли поврежденнымъ и облитымъ кровью въ боковомъ карманѣ его. Можетъ-быть, кто-нибудь вспоминалъ и предсказаніе цыганки, высказанное юному поэту или его бабушкѣ: «убьютъ его изъ-за спорной женки». Михаилъ Юрьевичъ разсказывалъ объ этомъ, говоря, что быть убиту въ сраженіи ему на роду не писано. Но чего не припоминаютъ въ подобныхъ случаяхъ!...

Столыпинъ и друзья, распорядившись относительно панихидъ, стали хлопотать о погребеніи останковъ поэта. Ординарный врачъ Пятигорскаго военнаго госпиталя Барклай-де-Толли выдалъ свидѣтельство, въ коемъ говорилось, что «Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ М. Ю. Лермонтовъ застрѣ-

[1] Портретъ этотъ отъ Монго Столыпина достался брату его Дмитрію Аркадьевичу и висѣлъ вмѣстѣ съ пистолетами надъ постелью, а теперь подаренъ Лермонтовскому музею. Убитъ поэтъ изъ пистолета № 2-й.

ленъ на полѣ, близъ горы Машука, 15 числа сего мѣсяца, и по освидѣтельствованіи имъ, тѣло можетъ быть предано землѣ по христіанскому обряду». Но протоіерей Павелъ Александровскій не рѣшался этого сдѣлать. «Нѣсколько вліятельныхъ личностей, которыя не любили Лермонтова за его не щадившій никого юморъ, старались повліять и на коменданта и на отца протоіерея въ смыслѣ отказа, какъ въ отданіи послѣднихъ почестей, такъ и въ христіанскомъ погребеніи праху *ядовитаго покойника*, какъ одинъ изъ нихъ выразился объ умершемъ. Они говорили, что убитый на дуэли—тотъ же самоубійца и что на похороны самоубійцы по обряду христіанскому едва ли взглянетъ начальство снисходительно»[1].

Противъ этихъ интригъ стали дѣйствовать друзья поэта. Они уговаривали протоіерея, представляли ему значительность связей бабки покойнаго и друзей его, обѣщали богатое вознагражденіе. Но онъ колебался. Напрасно говорили ему, что князь Васильчиковъ честью ручается, что отецъ Павелъ за исполненіе обряда отвѣчать не будетъ. Тщетно обращались къ содѣйствію жены его, стараясь задобрить и ее. Напуганная, она говорила батюшкѣ: «не забывай, что у тебя семейство»[2].

Ильяшенко, на котораго напирали съ двухъ противоположныхъ сторонъ, самъ не зналъ, какъ поступить и не рѣшался категорически разрѣшить протоіерею, предать землѣ убитаго, по обряду церковному. На формальный запросъ протоіерея Александровскаго, онъ прямо не отвѣчалъ, а, желая отъ себя отстранить всякую отвѣтственность, увѣдомилъ плацъ-майора, подполковника Унтилова 16-го же іюля, подъ № 60-мъ, чтобы тотъ сообщилъ духовенству, возможно ли приступить къ погребенію по христіанскому обряду тѣла поручика Лермонтова[3]. Что сдѣлалъ Унтиловъ и что ему отвѣчалъ протоіерей Александровскій, неизвѣстно; но надо полагать, что дѣло о погребеніи рѣшено не было, потому что пришлось вмѣшаться въ него начальнику штаба.

---

[1] Мартьяновъ, Всемірный трудъ 1870, № 10, стр. 596.

[2] Ср. разсказъ Раевскаго и письмо самой г-жи Александровской изъ Пятигорска въ Нивѣ 1885 г., № 20.

[3] Мартьяновъ, стр. 595.

Старикъ, добрый и недалекій, Ильяшенко не даромъ перепугался. Очевидно, ему шепнули, что въ Петербургѣ не очень долюбливали Лермонтова, можетъ-быть, до него дошла также и вѣсть о секретной бумагѣ отъ 20 іюня, подписанной дежурнымъ генераломъ Клейнмихелемъ, о томъ, чтобы Лермонтова держать при полку и ни подъ какимъ видомъ не выпускать, ни въ экспедиціи, ни въ отпускъ. Вообще произошли усиленный надзоръ и дѣятельность со стороны начальства. Прежде въ Пятигорскѣ не было ни одного жандармскаго офицера: теперь, Богъ знаетъ откуда, ихъ появилось множество, и на каждой скамейкѣ отдыхало, кажется, по одному голубому мундиру — разсказываетъ очевидецъ[1]. Было послано донесеніе гр. Бенкендорфу[2]. Трупъ былъ вскрытъ и оказалось, что поэтъ былъ убитъ на мѣстѣ[3].

---

1 Русск. Арх. 1874 г. II, стр. 688.

2 По сообщенію Карпова [Русск. Мысль, стр. 77].—Туда же отправлены и найденныя у поэта бумаги.—Но тутъ не ошибается ли г. Карповъ? Г. Мартьяновъ [стр. 598] говоритъ: «Опись имуществу, оставшемуся послѣ поэта, составлена въ присутствіи подполковника Монашко, пятигорскаго плацъ-адъютанта, подпоручика Сидерскаго, квартальнаго надзирателя Марушевскаго, протоіерея Александровскаго, пятигорскаго городскаго головы Рыжкова и словеснаго судьи Тупикова.—Изъ этой описи, находившейся въ комендантскомъ управленіи въ дѣлѣ № 96, видно, что по смерти Лермонтова между прочимъ осталось: «собственно сочиненій покойнаго на разныхъ лоскуткахъ бумаги кусковъ 7; писемъ разныхъ лицъ и отъ родныхъ 17; книга на черновыя сочиненія, подаренная кн. Одоевскимъ [см. изд. соч. Л. т. I, стр. 346], въ кожанномъ переплетѣ—1 и карманная книжка маленькая—1». Какія это сочиненія, остается неизвѣстнымъ. Все имущество поэта было передано капитану Столыпину и, надо полагать, не только вещи, но и бумаги, потому, что книга подарена кн. Одоевскимъ была ему возвращена Столыпинымъ.—Находившійся въ пятигорскомъ госпиталѣ за болѣзнію минскаго пѣхотнаго полка поручикъ Пожогинъ-Отрашкевичъ, сынъ родной тетки поэта Авдотьи Петровны, рожденной Лермонтовой [см. выше стр. 10 и 23], рапортомъ на имя коменданта заявилъ претензію на имущества покойника, утверждая, что онъ «ближайшій наслѣдникъ поэта». На это послѣдовалъ отвѣтъ Столыпина, что вещи отправлены къ бабкѣ покойнаго Е. А. Арсеньевой. Интересно, что мать этого поручика Пожогина и есть мнимая «ближайшая наслѣдница» поэта, которая по увѣренію гг. Глазуновыхъ продала имъ право на изданіе сочиненій Михаила Юрьевича въ 1859 году [см. выше стр. 358 прим. 2]. Въ описи означено еще: денегъ 2610 р., два крѣпостныхъ человѣка, двѣ лошади и проч.

3 Свидѣтельство [№ 35-й]. Вслѣдствіе предписанія конторы Пятигорскаго

Тѣмъ временемъ въ Пятигорскъ прибылъ начальникъ штаба, полковникъ, флигель-адъютантъ Траскинъ. Ему сообщили о затрудненіяхъ относительно похоронъ поэта, и что духовенство упорствуетъ, утверждая, что человѣкъ убитый на поединкѣ тотъ же самоубійца. Полковникъ Траскинъ авторитетомъ своимъ подѣйствовалъ на протоіерея[1]. Похороны поэта состоялись въ тотъ же день—17-го іюля, около 6 часовъ ве-

военнаго госпиталя отъ 16 іюля за № 504, основаннаго на отношеніи Пятигорскаго Окружнаго Начальника Господина Полковника Ильяшенкова отъ того же числа за № 1352-мъ свидѣтельствовалъ я въ присутствіи изслѣдователей а] Пятигорскаго Плацъ-Майора Г. Подполковника Унтилова, b] Пятигорскаго Земскаго Суда Засѣдателя Черепанова, с] Исправляющаго должность Пятигорскаго Стряпчаго Ольшанскаго 2-го и находящагося за Депутата Корпуса Жандармовъ Господина Подполковника Кушинникова, тѣло убитаго на дуэли Тенгинскаго Пѣхотнаго полка Поручика Лермонтова. При осмотрѣ оказалось, что пистолетная пуля, попавъ въ правый бокъ ниже послѣдняго ребра, при срастеніи ребра съ хрящемъ, пробила правое и лѣвое легкое, поднимаясь вверхъ, вышла между пятымъ и шестымъ ребромъ лѣвой стороны и при выходѣ прорѣзала мягкія части лѣваго плеча, отъ которой раны Поручикъ Лермонтовъ мгновенно на мѣстѣ поединка померъ. Въ удостовѣреніе чего общимъ подписомъ и приложеніемъ герба моего печати свидѣтельствуемъ. Городъ Пятигорскъ іюля 17-го дня 1841 года.

Пятигорскаго военнаго Госпиталя ординаторъ-лѣкарь
Титулярный Совѣтникъ Барклай де-Толли.

[Наход. при дѣлѣ въ Лерм. музеѣ].

1 Г-нъ Карповъ [статья г. Филиппова] разсказываетъ такъ:—«Является ко мнѣ одинъ ординарецъ отъ Траскина и передаетъ требованіе, чтобы я сейчасъ явился къ полковнику. Едва лишь я отворилъ, придя къ нему на квартиру, дверь его кабинета, какъ онъ своимъ сильнымъ металлическимъ голосомъ отчеканилъ: «Сходить къ отцу протоіерею, поклониться отъ меня и передать ему мою просьбу похоронить Лермонтова. Если же онъ будетъ отговариваться, сказать ему еще то, что въ этомъ нѣтъ никакого нарушенія закона, такъ какъ подобною же смертью умеръ извѣстный Пушкинъ, котораго похоронили со святостью, и провожалъ его тѣло на кладбище почти весь Петербургъ...». Я отправился къ о. Павлу Александровскому и передалъ буквально слова полковника. Отецъ Павелъ подумалъ—подумалъ и, наконецъ, сказалъ: «успокойте полковника, все будетъ исполнено по его желанію».—Въ 1881 году г. Карповъ разсказывалъ мнѣ это нѣсколько иначе. Все, что полковникъ Траскинъ говорилъ о Пушкинѣ, онъ тогда влагалъ въ уста друзей поэта, въ 1888 года въ уста Столыпину. Невѣроятно, чтобы флигель-адъютантъ, начальникъ штаба прибѣгалъ къ такимъ комментаріямъ, да еще разсказывалъ, какъ весь Петербургъ провожалъ тѣло Пушкина на кладбище. Г. Карповъ, видно, имѣетъ о похоронахъ Пушкина смутное понятіе.

чера. Друзья, желая придать болѣе торжественности похоронамъ, хлопотали о воинскихъ почестяхъ. Но это разрѣшено не было[1]. На плечахъ товарищей гробъ былъ донесенъ до Пятигорскаго кладбища и похороненъ по всѣмъ правиламъ православной религіи[2]. Понятно, что почти весь Пятигорскъ участвовалъ на похоронахъ. Были и представители всѣхъ полковъ, въ коихъ волею или неволею служилъ Лермонтовъ. Полковникъ Безобразовъ представителемъ Нижегородскаго драгунскаго полка, А. И. Арнольди—Гродненскаго Гусарскаго, Тиранъ—Лейбъ-гусарскаго. Мартыновъ просилъ позволенія проститься съ покойнымъ, но ему, вѣроятно въ виду раздраженія противъ него, этого не позволили[3]. Плацъ-майору Унти-

---

[1] Разсказы о томъ, что протоіерей Александровскій, придя во дворъ, увидѣлъ музыку и тотчасъ потребовалъ ея удаленія, или же самъ уйдетъ и что тогда музыкантовъ убрали—позднѣйшія прикрасы [Раевскій въ Нивѣ 1885], которымъ подалась и Э. А. Шанъ-Гирей [Русскій Арх. 1889]. Ни мнѣ ни въ прежнихъ статьяхъ она этого не разсказывала. Еслибы былъ назначенъ нарядъ изъ войсковыхъ частей при музыкѣ, то конечно о. Павелъ не могъ бы распорядиться его удаленіемъ, а чтобы для похоронъ поэта друзья покойнаго наняли бальный или бульварный оркестръ, что то ужъ очень курьезно. Къ прикрасамъ принадлежатъ и разсказы [Раевскій], о томъ, что когда отецъ Павелъ и другіе отказывались служить панихиду, отслужилъ ее католическій ксендзъ, а за нимъ и лютеранскій пасторъ. Впрочемъ въ указанныхъ сообщеніяхъ со словъ Раевскаго много курьезовъ. Выходитъ, что и Шведе дѣлалъ портетъ поэта не для Столыпина, а для коменданта Ильяшенки!! и что на памятникъ было собрано присутствующими 1500 рубл. и пр.

[2] Несправедливо и сообщеніе, что священникъ не позволилъ внести тѣло въ кладбищенскую церковь. Тогда ея и не было. Она выстроена позднѣе.

[3] По разсказу г-на Карпова [Русск. Вѣд. 1891 г. № 5]. За часъ до выноса тѣла онъ, Карповъ, былъ вытребованъ комендантомъ, который только что получилъ отъ Мартынова наскоро писанное письмо. Мартыновъ писалъ изъ-подъ ареста на гауптвахтѣ [не изъ острога]: «для облегченія моей преступной скорбящей души, позвольте мнѣ проститься съ тѣломъ моего лучшаго друга и товарища». Комендантъ нѣсколько разъ перечиталъ записку и вмѣсто отвѣта поставилъ сбоку на полѣ бумаги вопросительный знакъ и подписалъ свою фамилію. Вмѣстѣ съ этимъ онъ приказалъ мнѣ немедленно отправиться къ начальнику штаба и доложить ему просьбу Мартынова, передавъ и самое письмо. Полковникъ Траскинъ, прочитавъ записку и ни слова не говоря, написалъ ниже подписи коменданта «!!' нельзя. Траскинъ».—Передавая здѣсь это добавочное сообщеніе г. Карпова, сообщеніе характерное, не могу не выразить удивленія, что, при двукратной [въ 81 и 88 годахъ] бесѣдѣ съ нимъ и обстоятельныхъ вопросахъ, онъ мнѣ ни словомъ не упомянулъ объ этомъ.

лову приходилось еще накануне несколько разъ выходить изъ квартиры Лермонтова къ собравшимся на дворѣ и на улицѣ, успокаивать и говорить, что *это не убійство,* а честный поединокъ. Были горячія головы, которыя выражали желаніе мстить за убійство и вызвать Мартынова. Возбужденіе вызвало затѣмъ и усиленную высылку молодежи изъ Пятигорска, по распоряженію начальника штаба Траскина.

Во время шествія и похоронъ погода стояла ясная, и все также спокойно и безучастно глядѣли вершины ближнихъ и дальнихъ горъ, когда, при молитвѣ и торжественномъ пѣніи, опускали въ землю прахъ великаго русскаго поэта.....

Мѣсто могилы, въ которую былъ опущенъ прахъ, неизвѣстно[1]. Продолговатый камень съ именемъ усопшаго исчезъ. Когда прахъ перевезли въ Тарханы, онъ долго оставался возлѣ раскопанной могилы на Пятигорскомъ кладбищѣ. Постоянныя посѣщенія ея пріѣзжими на воды кого-то смутили. Могила была засыпана, и камень въ нее сброшенъ. Часть его еще долго торчала изъ-подъ земли. Затѣмъ онъ исчезъ. Весьма возможно, что онъ былъ употребленъ при кладкѣ фундамента для кладбищенской церкви [2].

Начались слѣдствіе и судъ[3]. Признавшіе себя офиціально

Въ то время въ его разсказахъ отсутствовала симпатія къ Мартынову, и онъ отрицалъ въ немъ какое-либо раскаяніе, говоря все, что на «дѣло въ то время глядѣли иначе—мало ли между офицерами бывало дуэлей!»

1 Другъ и пріятель Лермонтова А. П. Шанъ-Гирей въ 1881 году рѣшительно отказывался опредѣлить мѣсто могилы, и я тщетно и тогда и позднѣе пытался разыскать его. По увозу тѣла въ Тарханы могила была забыта и по всѣмъ вѣроятіямъ отошла подъ ограду.—Мартьяновъ [стр. 603] тоже тщетно старался найти ее. Бѣлевичъ [Нѣсколько картинъ изъ Кавказской войны, стр. 140], со словъ священника Горячеводской станицы, отца Василія Мадритова, говоритъ, что если стать у первой ступени церковной паперти, лицомъ къ западу, прямо къ Ессентукамъ, и отмѣрить въ этомъ направленіи 17 шаговъ, то тутъ и будетъ временная могила поэта—по лѣвую руку къ сторонѣ города въ оградѣ.—Какая была на камнѣ надпись, я тоже узнать не могъ; кто говоритъ, что были прописаны чинъ, имя и отчество поэта, сказано когда родился и умеръ; кто что на камнѣ было высѣчено только слово «Михаилъ».

2 Догадка Шанъ-Гирея и другихъ сторожилъ Пятигорска.

3 Военно-судное дѣло находится теперь въ Лермонтовскомъ музеѣ. Напе-

единственными свидѣтелями дуэли кн. Васильчиковъ и Глѣбовъ дѣлали все, чтобы выгородить всѣхъ прочихъ участниковъ. Не былъ упомянутъ даже служитель Чаловъ, державшій лошадей, а заявлено, что лошади были привязаны къ кустамъ. Выгородили и Верзилиныхъ, хотя съ послѣднихъ было снято показаніе[1]. Арестованные имѣли полную возможность сообщаться и заранѣе сговариваться или списываться относительно того, что показывать. Сохранилось знаменательное письмо, писанное рукою Глѣбова отъ лица своего и Васильчикова къ Мартынову, во время слѣдствія.

«Посылаемъ тебѣ брульонъ 8-ой статьи. Ты къ нему можешь прибавить по своему уразумѣнію; но это сущность нашего отвѣта. Прочіе отвѣты твои совершенно согласуются съ нашими, исключая того, что Васильчиковъ поѣхалъ верхомъ на своей лошади, а не на дрожкахъ бѣговыхъ со мной. Ты такъ и скажи. Лермонтовъ же поѣхалъ на моей лошади: такъ и пишемъ. Сегодня Траскинъ еще разъ говорилъ, чтобы мы писали, что до насъ относится четверыхъ, двухъ секундантовъ и двухъ дуэлистовъ. *Признаться тебѣ, твое письмо нѣсколько было намъ непріятно.* Я и Васильчиковъ не только по обязанности защищаемъ тебя вездѣ и всѣмъ, но потому, что не видимъ ничего дурного съ твоей стороны въ дѣлѣ Лермонтова, и приписываемъ этотъ выстрѣлъ несчастному случаю [всѣ это знаютъ]: судьба такъ хотѣла, тѣмъ болѣе, что ты въ третій разъ въ жизни своей стрѣлялъ изъ пистолета [два раза, когда у тебя пистолеты рвало въ рукѣ и этотъ третій], а совсѣмъ не потому, чтобы ты хотѣлъ пролить кровь, въ доказательство чего приводимъ то, что ты самъ не походилъ на себя, бросился къ Лермонтову въ ту секунду,

---

чатано оно въ «Русск. угол. проц.» изд. Любавскаго 1867 г. т. II и перепечатано въ приложеніяхъ къ запискамъ г-жи Хвостовой.

[1] Раевскій [въ «Нивѣ»] говоритъ: «пріѣхавшій для допроса слѣдователь самъ своими совѣтами помогъ намъ выгородить Марью Ивановну [Верзилину] и ея дочерей». Хотя показанія Раевскаго мало заслуживаютъ довѣрія, но это его показаніе находитъ себѣ подтвержденіе и въ томъ, что говорится о совѣтахъ Траскина въ нижеупоминаемомъ письмѣ Васильчикова и Глѣбова къ Мартынову. Въ совѣтахъ этихъ, впрочемъ, нѣтъ и ничего предосудительнаго.

какъ онъ упалъ, и простился съ нимъ. Что же касается до правды, то мы отклоняемся только въ отношеніи къ Т[рубецкому] и С[толыпину], которыхъ имена не должны быть упомянуты ни въ какомъ случаѣ. Надѣемся, что ты будешь говорить и писать, что мы тебя всѣми средствами уговаривали. Придя на барьеръ, напиши, что ждалъ выстрѣла Лермонтова»[1].

Письмо это доказываетъ, какъ мало можно полагаться на официальное слѣдствіе по дѣлу о смерти Лермонтова. Мартыновъ самъ себя да и другіе его выгораживали. Такъ утверждали, что Мартыновъ не умѣлъ стрѣлять изъ пистолета: намъ извѣстенъ случай еще одной дуэли Мартынова въ Вильнѣ, гдѣ онъ тоже стрѣлялъ, какъ на дуэли съ Лермонтовымъ. Быстро подойдя къ барьеру, онъ, прицѣлясь, повернулъ пистолетъ и выстрѣлилъ, что называлъ «стрѣлять по-французски» [выше стр. 425] и тоже попалъ въ своего противника.

Военный судъ приговорилъ всѣхъ трехъ подсудимыхъ лишить чиновъ и правъ состоянія. Командиръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, признавая подсудимыхъ виновными: майора

---

1 Русскій Архивъ 1885 г. 3, стр. 459.—Это письмо въ копіи, сдѣланной Н. С. Мартыновымъ, было доставлено редактору послѣ статьи Васильчикова: «Дуэль и кончина Лермонтова», напечатанной въ 1872 году въ томъ же журналѣ.— Слова въ немъ: «Признаться тебѣ, твое письмо нѣсколько было намъ непріятно,» заставляютъ думать, что это и есть письмо, о коемъ говорилъ мнѣ Васильчиковъ, когда объяснялъ, что Мартыновъ «все боялся, что мы его недостаточно обѣляемъ. Онъ даже написалъ намъ письмо, которое насъ разсердило, и мы, отвѣчая ему и сообщая, что отвѣчать, высказали, что не нужной лжи показывать не будемъ. Одно время мы съ Глѣбовымъ вовсе не хотѣли больше продолжать съ нимъ переписку, и думали сказать всю правду: но надо было выгораживать другихъ, особенно Столыпина и Трубецкаго, которымъ сильно могло достаться». Я очень сожалѣю, что когда говорилъ съ Васильчиковымъ, не зналъ о существованіи письма, переданнаго Мартыновымъ въ редакцію «Русск. Арх.» Мнѣ продиктовалъ его редакторъ г. Бартеневъ въ 1881 году послѣ свиданія моего съ кн. Васильчиковымъ, и я все надѣялся еще разъ увидаться съ княземъ, но не успѣлъ этого за его смертью.—Самъ Мартыновъ напечаталъ письмо это, очевидно желая подкрѣпить невиновность свою показаніями Глѣбова и Васильчикова въ частномъ письмѣ, сознавая, что официальный актъ суда въ данномъ случаѣ не гарантируетъ его отъ отвѣтственности передъ общественнымъ мнѣніемъ. Но онъ не сообразилъ, что письмо это въ то же время бросаетъ на него и на все дѣло невыгодную тѣнь.

Мартынова въ произведеніи съ поручикомъ Лермонтовымъ поединка, на которомъ убилъ его, а корнета Глѣбова и тит. сов. кн. Васильчикова въ принятіи на себя посредничества въ этой дуэли, полагалъ: майора Мартынова въ уваженіе прежней его безпорочной службы, начатой въ гвардіи, отличія, оказаннаго въ экспедиціи противъ горцевъ въ 1837 году, за что онъ удостоенъ ордена св. Анны 3 степени съ бантомъ, и того, что Мартыновъ вынужденъ былъ къ произведенію дуэли съ Лермонтовымъ безпрестанными его обидами, на которыя долгое время отвѣтствовалъ увѣщаніемъ и терпѣніемъ— лишивъ чиновъ и ордена, выписать въ солдаты до выслуги, а корнета Глѣбова и кн. Васильчикова, хотя слѣдовало бы подвергнуть одинаковому наказанію съ майоромъ Мартыновымъ, но принимая во вниманіе молодость ихъ, хорошую службу, бытность перваго изъ нихъ въ экспедиціи противъ горцевъ въ 1840 г. и полученную имъ тогда тяжелую рану,—вмѣнивъ въ наказаніе содержаніе подъ арестомъ до преданія суду, выдержать еще въ крѣпости на гауптвахтѣ одинъ мѣсяцъ и Глѣбова перевести изъ гвардіи въ армію тѣмъ же чиномъ. Все дѣло и приговоръ были внесены на разсмотрѣніе Государя Императора.

Тѣмъ временемъ Васильчикову и Глѣбову замѣнили содержаніе на гауптвахтѣ домашнимъ арестомъ. Мартынову разрѣшили выходить вечеромъ, въ сопровожденіи караульнаго солдата, подышать чистымъ воздухомъ. Однажды его встрѣтили Верзилины. «Его бѣлая черкеска, черный бархатный бешметъ съ малиновой подкладкой, произвели на насъ непріятное впечатлѣніе» — пишетъ Эмилія Александровна Шанъ-Гирей,—«Я не скоро могла заговорить съ нимъ, а сестра Надя [которой было 16 лѣтъ], не могла преодолѣть своего страха [1].

Но напрасно Эмилія Александровна теперь какъ бы возмущается равнодушіемъ Мартынова. Глядя ретроспективно, люди иначе относятся къ прошлому, и самой Эмиліи Александровнѣ

[1] Эм. Ал. и сестра ея. Аграѳена Петровна Дикова живы до сихъ поръ; Надежда Петровна, тоже вышедшая за Шанъ-Гирея, давно скончалась.

не избѣжать укора въ равнодушіи къ судьбѣ поэта, такъ какъ она, по собственному признанію, 18-го іюля, на другой день послѣ похоронъ Михаила Юрьевича, участвовала на балу, данномъ княземъ Голицинымъ въ казенномъ саду [1]. Эти факты только подтверждаютъ, что уже сказано нами, т. е. что большинство видѣло въ Лермонтовѣ не великаго поэта, а молодого офицера, о коемъ судили и рядили такъ же, какъ о любомъ изъ товарищей, съ которыми его встрѣчали. Поэтому винить Мартынова больше другихъ *непосредственныхъ* участниковъ въ дѣлѣ несчастной дуэли—непсраведливо. Онъ виноватъ не болѣе какъ Дантесъ въ смерти Пушкина. Оба были орудіями, если не злой, то мелкой интриги дрянныхъ людей. Сами они мало понимали, что творили. И въ характерѣ ихъ есть нѣкоторое сходство. Оба нравились женщинамъ и кичились своими побѣдами, даже и служили они въ одномъ и томъ же кавалергардскомъ полку. Оба не знали, «на кого поднимали руку». Разница только въ томъ, что Дантесъ былъ иностранецъ,

На ловлю счастья и чиновъ
Заброшенный къ намъ по волѣ рока,

а Мартыновъ, былъ русскій, тоже занимавшійся ловлею счастья и чиновъ, но только не заброшенный къ намъ, а выросшій на нашей почвѣ. Право, не рѣшаемся обвинить его и невольно удивляемся попыткамъ уличить г. Мартынова въ убійствѣ Лермонтова, какъ и попыткамъ защитить его и всю отвѣтственность взвалить на славнаго нашего поэта. Стараясь разъяснить причину дуэли, писатели постоянно кружили около второстепенныхъ фактовъ, смѣшивая, какъ это часто бываетъ, причину съ поводомъ. Поэтому мы встрѣчаемся съ разсказами и догадками разнаго, чисто личнаго свойства, тогда какъ причина здѣсь, какъ и въ Пушкинской дуэли, лежала въ условіяхъ

---

[1] Статья Э А. Шанъ-Гирей въ № 12 «Сѣвера» за 1891 годъ, стр. 748. Нѣкоторое равнодушіе къ судьбѣ поэта доказывается и тѣмъ, что Эм. Ал. запамятовала, гдѣ собственно была могила поэта въ Пятигорскѣ, гдѣ была дуэль, что у нея, какъ сама она признавалась мнѣ, были изорваны дѣтьми родственниковъ рисунки и наброски Лермонтова. «Если бъ тогда, говорила она, мы смотрѣли на Мих. Юрьевича, какъ теперь, то этого бы не было. Онъ для насъ былъ молодымъ человѣкомъ, какъ всѣ.»

тогдашней соціальной жизни нашей, неизбѣжно долженствовавшей давить такія избранныя натуры, какими были Пушкинъ и Лермонтовъ. Они задыхались въ этой атмосферѣ и въ безвыходной борьбѣ должны были разбиться или заглохнуть. Да, дѣйствительно, не Мартыновъ, такъ другой явился бы орудіемъ неизбѣжно долженствовавшаго случиться.

Здѣсь къ концу нашего труда да позволитъ намъ читатель указать ему на стихотвореніе Лермонтова, писанное имъ въ самомъ началѣ его поэтической дѣятельности, вполнѣ могущее служить иллюстраціей только что сказаннаго:

Повѣрь, ничтожество есть благо въ здѣшнемъ свѣтѣ!...
Къ чему глубокія познанья, жажда славы,
Талантъ и пылкая любовь свободы,
Когда мы ихъ употребить не можемъ?
Мы, дѣти сѣвера, какъ здѣшнія растенья,
Цвѣтемъ недолго, быстро увядаемъ...
Какъ солнце зимнее на сѣромъ небосклонѣ,
Такъ пасмурна жизнь наша, такъ недолго
Ея однообразное теченье. .
И душно кажется на родинѣ,
И сердцу тяжко, и душа тоскуетъ...
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустыхъ томится юность наша,
И быстро злобы ядъ ее мрачитъ,
И намъ горька остылой жизни чаша,
И ужъ ничто души не веселитъ. (Т. I, стр. 21).

Пятнадцатилѣтній юноша высказалъ ясно и вѣрно положеніе выходящихъ изъ ряда индивидуальностей среди современнаго міра.

Не станемъ подвергать критическому анализу всякія соображенія и разсказы о причинахъ, побудившихъ Мартынова вызвать Лермонтова на поединокъ. Мы попытались прослѣдить истину. Теперь скажу только еще по поводу одного навѣта, который вышелъ главнымъ образомъ отъ людей, расположенныхъ къ Мартынову.

Говорили, что Мартыновъ заступился за честь сестры, будто бы выставленной поэтомъ въ княжнѣ Мери, такъ же, какъ въ Грушницкомъ былъ выставленъ самъ Мартыновъ. Это нелѣпая догадка падаетъ сама собою послѣ всего, что было сказано нами относительно «Героя нашего времени».

Другіе утверждали, что вступился Мартыновъ за честь своей сестры вслѣдствіе непозволительной продѣлки со стороны Лермантова. Она будто состояла въ томъ, что отецъ Мартынова далъ Лермонтову, уѣзжавшему на Кавказъ, пакетъ для своего сына. Пакетъ былъ запечатанъ, и въ немъ находилось письмо сестры Мартынова, которое она посылала брату. Влюбленный въ Мартынову [?], Лермонтовъ ужасно желалъ узнать, какого о немъ мнѣнія красавица. Онъ не удержался, и удовлетворилъ своему любопытству. Про него говорили дурно. Отдать вскрытое письмо по назначенію, стало неудобнымъ, и Лермонтовъ рѣшилъ сказать Мартынову, что онъ въ дорогѣ потерялъ пакетъ. Но въ пакетѣ были деньги. Задержать ихъ Лермонтовъ, конечно, не могъ, и передалъ ихъ Мартынову сполна. Когда Мартыновъ написалъ объ утратѣ домой, его извѣстили, что Лермонтову не было сказано, что въ пакетѣ 500 рублей. Какъ же могъ онъ это узнать? Очевидно, онъ вскрылъ письмо. Мартыновъ вознегодовалъ на товарища, а Лермонтовъ, чувствуя себя виновнымъ, всячески придирался къ Мартынову и, наконецъ, довелъ до дуэли [1]. Вся несообразность и дѣ-

1 Такъ передаетъ дѣло г. Костенецкій [Русскій Архивъ 1887 г. № 1, стр. 115]. Любопытно, что г-нъ Бартеневъ, какъ самъ замѣчаетъ «со словъ Н. С. Мартынова», переиначиваетъ разсказъ Костенецкаго. Такъ онъ говоритъ, что письмо было писано не изъ Петербурга, а изъ Пятигорска, гдѣ находилась семья Мартыновыхъ, и дано Лермонтову, уѣзжавшему изъ Пятигорска въ экспедицію, для передачи Мартынову. Но ни Лермонтовъ, ни Мартыновъ въ 1841 году въ экспедиціи не были. Г-нъ Бартеневъ, не зная подробностей біографіи, является весьма неловкимъ адвокатомъ—защитникомъ интересовъ своего пріятеля. Эта защита становится еще болѣе характерною, когда мы узнаемъ, что г. Костенецкій напечаталъ свои воспоминанія въ 1885 году въ «Русской Старинѣ» [сентябрьская книжка, стр. 64], гдѣ помѣщено слово въ слово то же, но безъ примѣчаній редактора. У меня находится сообщеніе г. Герцвига, присланное имъ редактору «Русскаго Архива» изъ Мурома еще въ сент. 1875 года, слѣдовательно до кончины Мартынова. Оно исправлено и переиначено рукою П. Ив. Бартенева въ духѣ исправленія статьи г-на Костенцкаго. Въ 1881 году г. Бартеневъ отдалъ статейку мнѣ, говоря, что ее помѣщать не стоитъ, такъ какъ она въ сущности содержитъ то же, что сообщаетъ г. Костенецкій. Дѣйствительно, по этому сообщенію письмо, данное Лермонтову, было не отъ отца, а отъ сестры Н. С. Мартынова, которому она тайно отъ родителей посылала деньги. —Въ такомъ же родѣ разсказъ д-ра Пирожкова [«Нива» 1885 г., № 20], сообщаемый со словъ Н. С. Мар-

ланность ясна. Если даже допустить [?], что любопытство могло побудить Михаила Юрьевича распечатать чужое письмо, то немыслимо, чтобы онъ—умный человѣкъ—могъ подумать, что дѣло останется неразъясненнымъ? Не проще ли было ужъ и не отдавать денегъ, пока не выяснилось бы, что таковые были въ пакетѣ и тогда возвратить ихъ. Не говоримъ уже о томъ, что весь разсказъ о письмѣ противорѣчитъ прямому и честному характеру поэта. Его и недруги не представляли человѣкомъ нечестнымъ, а только ядовитымъ и задирой.

тынова, который будто заключилъ повѣствованіе свое словами: «Вотъ собственно причина, которая поставила насъ на барьеръ, и она даетъ мнѣ право считать себя вовсе не такъ виновнымъ, какъ представляютъ меня вообще.» Тутъ идетъ рѣчь уже о дневникѣ сестры Мартынова и о 300, а не 500 рубляхъ. Въ томъ же № «Нивы» г. Бетлингъ изъ Ардатова сообщаетъ, тоже со словъ Мартынова, что виною поединка были пріятели, которые раздули ссору. Изъ разсказа выходитъ, что секунданты виноваты, что они даже приходили къ г. Мартынову на гауптвахту и «просили показать на слѣдствіи, что они принимали всѣ мѣры къ нашему примиренію. Я [Мартыновъ] отвѣтилъ имъ, что для суда я покажу это, но для частныхъ лицъ буду говорить какъ было на самомъ дѣлѣ», и т. д. Не эти ли сообщенія г. Мартынова возмутили кн. Васильчикова и побудили его говорить о томъ, что изъ источниковъ, близкихъ къ Мартынову, исходятъ разсказы, несогласные съ дѣйствительностью [см. выше стр. 423]. Странно одно, что, разсказывая о причинѣ столкновенія съ Лермонтовымъ, Н. С. никогда не рѣшался напечатать ихъ, несмотря на просьбы, которыя часто къ нему адресовали. На приглашеніе М. И. Семевскаго онъ, 30 ноября 1869 года, отвѣчаетъ, что этого сдѣлать не можетъ, потому что «считаетъ себя не въ правѣ вымолвить хоть единое слово въ осужденіе Лермонтова и набросить малѣйшую тѣнь на его память», Но дѣлать сообщенія другимъ лицамъ, напр. господину Бартеневу, не въ пользу Лермонтова онъ не стѣснялся. Или г. Мартыновъ въ этомъ случаѣ сдѣлалъ исключеніе, вполнѣ разсчитывая на скромную молчаливость г. редактора «Русскаго Архива»?!—Въ «Новостяхъ» было извѣстіе [перепечатанное въ «Россійской библіографіи» 1882 г., № 10, стр. 55], что «наслѣдники Мартынова, въ виду смерти послѣдняго секунданта этой несчастной дуэли, кн. Васильчикова, и отсутствія другихъ лицъ, заинтересованныхъ въ этомъ печальномъ событіи, намѣрены издать всю переписку по этому дѣлу.» Но переписка напечатана не была. Въ 1881 году я былъ въ Москвѣ у Мартыновыхъ, прося сообщить мнѣ, какъ біографу Лермонтова, все, что можно, для того, чтобы я могъ безпристрастно обсудить дѣло со всѣхъ точекъ зрѣнія. Я получилъ весьма нелюбезный отвѣтъ отъ брата Н. С. Мартынова, и бесѣда съ нимъ произвела на меня самое тяжелое впечатлѣніе.

Даже за гробомъ преслѣдовала Михаила Юрьевича клевета и злоба. Цензура не пропускала слишкомъ сочувственныхъ о немъ отзывовъ, не терпѣла выраженій высокаго уваженія къ поэту; она вычеркивала слова: *славный*, знаменитый, и проч. У А. А. Краевскаго видѣли мы процензурованный листъ стихотвореній Лермонтова изъ «Отечественныхъ Записокъ» 1848 г. № 1. Помѣщая стихотворенія, редакторъ предпосылаетъ имъ замѣтку свою: «Не входя въ разсмотрѣніе литературнаго достоинства стиховъ 15 лѣтняго поэта, мы желаемъ сохранить ихъ на страницахъ нашего журнала, въ которомъ онъ почти началъ свое кратковременное, но *славное* поприще» [1].

Цензура зачеркнула слово *славное*. Краевскій разсказывалъ и о другихъ подобныхъ случаяхъ. Не то же ли происходило по отношенію къ памяти А. С. Пушкина [см. выше, стр. 238].

Вообще, очевидно старались по возможности сдержать симпатію къ молодому поэту, а память его зачернить и распространить въ обществѣ, какъ и прежде, о немъ дурное мнѣніе [см. выше, стр. 337]. Былъ пущенъ слухъ, какъ бы въ подтвержденіе того, что въ самыхъ высшихъ сферахъ Лермонтова очень не любили, и что по полученіи извѣстія о смерти Лермонтова Государь сказалъ: «Собакѣ—собачья смерть!» [2] Это положительно неправда! Извѣстіе пришло въ присутствіи дежурнаго флигель-адъютанта Ал. Ил. Философова, родственника Михаила Юрьевича, и Государь рѣшительно ничего подобнаго не говорилъ [3]. И Государь, и Великій Князь Михаилъ Павловичъ, какъ мы видѣли выше [стр. 336 и 337], являлись защитниками Михаила Юрьевича, отъ слишкомъ ревностныхъ преслѣдователей его личности и таланта. Надо предполагать, что распространеніе такихъ вѣстей было на руку гр. Бенкендорфу.

---

[1] Листъ этотъ долженъ находиться въ Лермонт. музеѣ.

[2] Русскій Архивъ 1887 г. № 9, стр. 142 со словъ полковника Лужина, позднѣе Московскаго Оберъ-Полиціймейстера. Сообщеніе кн. П. П. Вяземскаго.

[3] Заявленіе А. П. Шанъ-Гирея. Къ нему прямо отъ Государя пріѣхалъ г. Философовъ съ извѣстіемъ о смерти Лермонтова и сообщалъ подробности.

Лучшіе люди, съ сердцемъ и умомъ, относились къ памяти поэта съ уваженіемъ и негодуя выражались о виновникахъ его гибели.

На сообщеніе полковника Траскина объ обстоятельствахъ дуэли и смерти Лермонтова, гр. Пав. Христоф. Граббе отвѣчалъ ему:... «Несчастная судьба насъ, русскихъ. Только явится между нами человѣкъ съ талантомъ — десять пошляковъ преслѣдуютъ его до смерти. Что касается до его убійцы, пусть на мѣсто всякой кары онъ продолжаетъ носить свой шутовской костюмъ» [1].

А. П. Ермоловъ по поводу ранней смерти Лермонтова говорилъ: «Ужъ я бы не спустилъ этому Мартынову. Если бы я былъ на Кавказѣ, я бы спровадилъ его; тамъ есть такія дѣла, что можно послать, да вынувши часы считать, черезъ сколько времени посланнаго не будетъ въ живыхъ. И было бы законнымъ порядкомъ. Ужъ у меня бы онъ не отдѣлался. Можно позволить убить всякаго другого человѣка, будь онъ вельможа и знатный: такихъ завтра будетъ много, а этихъ людей не скоро дождешься!» И все это сребровласый герой Кавказа говорилъ, по своему слегка притопывая ногою [2].

Князь П. А. Вяземскій, извѣстный поэтъ нашъ, замѣчаетъ по поводу извѣстія о смерти Михаила Юрьевича.... «въ нашу поэзію стрѣляютъ удачнѣе, чѣмъ въ Луи Филиппа. Вотъ второй разъ, что не даютъ промаха. По случаю дуэли Лермонтова кн. А. Н. Голицынъ разсказывалъ мнѣ, что при Екатеринѣ была дуэль между кн. Голицынымъ и Шепелевымъ. Голицынъ былъ убитъ и не совсѣмъ правильно, по крайней мѣрѣ такъ въ городѣ говорили, и обвиняли Шепелева. Говорили

---

[1] Quel est donc ce malheureux sort de nous autres russe qu'aussitôt qu' un homme de talent parait parmi nous dix imbeciles le poursuivent jusqu'a ce que mort s'en suive. Quant à son meurtrier que fons toute permission on lui laisse son ridicule costume».—Мѣсто изъ письма, сообщенное мнѣ кн. Васильчиковымъ.

[2] Изъ записокъ М. П. Погодина о Ермоловѣ «Русск. Вѣстн.» 1864 г. Кн. 8, стр. 229. [Семевскій, Матеріалы].

также, что Потемкинъ не любилъ Голицына и принималъ какое-то участіе въ этомъ дѣлѣ [1].

Въ январѣ 1842 года состоялось по дѣлу о смертельной дуэли Лермонтова высочайшее повелѣніе [отъ 3-го января]: «Майора Мартынова посадить въ Кіевскую крѣпость на гауптвахту на три мѣсяца, и предать церковному покаянію. Титулярнаго совѣтника кн. Васильчикова и корнета Глѣбова простить, перваго во вниманіе къ заслугамъ отца, а второго по уваженію полученной тяжкой раны».

Въ январѣ же послѣдовало высочайшее соизволеніе на перевозъ тѣла поэта изъ Пятигорска въ пензенское имѣніе Арсеньевой село Тарханы для погребенія на фамильномъ кладбищѣ.

Бабушкѣ Арсеньевой долго не рѣшались сообщить о смерти внука. Узнавъ о томъ, она, не смотря на всѣ предосторожности и приготовленія, вынесла апоплектическій ударъ, отъ котораго медленно оправилась. Вѣки глазъ ея впрочемъ уже не поднимались. Отъ слезъ они закрылись. Всѣ вещи, всѣ сочиненія внука, тетради, платья, игрушки—все что старушка берегла—все она роздала, не будучи въ состояніи терпѣть около себя что-либо, до чего касался поэтъ. Слишкомъ велика была боль! Потому-то такъ трудно приходилось собирать повсюду разсѣянный матеріалъ для полнаго собранія сочиненій Лермонтова и біографіи его.

Скончалась Арсеньева въ 1845 г. Мартыновъ отбывалъ церковное покаяніе въ Кіевѣ съ полнымъ комфортомъ. Богатый человѣкъ, онъ занималъ отличную квартиру въ одномъ изъ флигелей Лавры. Кіевскія дамы были очень имъ заинтересованы. Онъ являлся изысканно одѣтымъ на публичныхъ гуляньяхъ и подыскивалъ себѣ дамъ замѣчательной красоты, желая поражать гуляющихъ, и своимъ появленіемъ, и появленіемъ прекрасной спутницы. Всѣ разсказы о его тоскѣ и молитвахъ, о «ежегодномъ» навѣщаніи могилы поэта въ Тарханахъ—изобрѣтенія пріятелей и защитниковъ. Въ Тарханахъ,

---

1 Соч. кн. Вяземскаго. Изд. графа Шереметева, т. IX, стр. 200.

на могилѣ Лермонтова, Мартыновъ былъ всего одинъ разъ проѣздомъ.

Тѣло Михаила Юрьевича было вырыто изъ кавказской земли и привезено въ Тарханы 21 апрѣля 1842 года. Черезъ два дня оно было положено въ землю родимаго села рядомъ съ прахомъ матери [1].

Лермонтовъ скончался, а надъ его могилою громче прежняго поднялись крики о его легкомысліи, ничтожности, подражательности, необразованіи, пошлой шаловливости —невыносимости характера. Кричали много и громко, заглушая голоса пѣвшіе ему хвалу.

— Бычачій ревъ всегда превозможетъ соловьиное пѣнье.— Но время беретъ свое; потому уже, что оно, то медленно тащится, то несется, но всегда идетъ навстрѣчу истинѣ, т. е. прогрессу и совершенствованію всего человѣческаго и идеальнаго.

Юноша Лермонтовъ, зрѣющій еще только человѣкъ и поэтъ, скошенный при самомъ началѣ своего могучаго созрѣванія, являлся съ дѣтства уже вполнѣ опредѣленною индивидуальностью. Въ эпоху всеобщей нивелировки личностей онъ проходилъ жизненный путь нравственно одинокимъ, съ глубокою думою на молодомъ челѣ. Юныя силы, характеръ, темпераментъ, не могли развиваться, итти въ уровень съ быстро совершенствующейся, самобытной мысли въ немъ. Между ними былъ разладъ, какъ между полными думы глазами — этимъ зеркаломъ мысли—и дѣтскимъ выраженіемъ губъ—рефлекторомъ чувствъ и ощущеній человѣка.

Съ годами этотъ разладъ долженъ былъ исчезнуть совсѣмъ;

---

[1] За тѣломъ ѣздили изъ Тарханъ въ Пятигорскъ дворецкій Арсеньевой, бывшій дядька Лермонтова Андрей Ивановъ Соколовъ и кучеръ Ив. Никол. Вертюковъ. Послѣдній былъ въ Пятигорскѣ во время дуэли Лермонтова. Они умерли въ Тарханахъ и въ 1881 году я не засталъ ихъ въ живыхъ, Въ приложеніи VII въ концѣ біографіи читатель найдетъ выписки изъ дѣла о перевозѣ останковъ поэта выписанныя г. Хохряковымъ изъ Пензенскаго Архива.

онъ уже начиналъ исчезать, но гармонія силъ пока еще не установилась. Существующій внутри самаго человѣка разладъ, и разладъ человѣка съ окружающимъ обществомъ, ничтожнымъ и шаблоннымъ, долженъ былъ выразиться въ тяжкомъ нравственномъ страданіи, тѣмъ болѣе тяжкомъ, что любящая душа, бичуемая далеко опередившею мыслью, искала прибѣжища въ гордости духа, упорно отказывавшаго людямъ заглянуть въ тайникъ думъ и мукъ своихъ. Избытокъ молодыхъ силъ требовалъ однако выхода и участія въ жизни.

Михаилъ Юрьевичъ не достигъ еще тѣхъ лѣтъ, той гармоніи и совершенства, когда, весь поднимаясь въ область мысли, геніальный человѣкъ рѣетъ, какъ горный орелъ надъ землею, все видя, все замѣчая своимъ проницательнымъ окомъ. Для него не наступила еще та пора, когда творчество, охвативъ все существо, уноситъ человѣка надъ обыденной жизнью. Юноша еще долженъ былъ знакомиться съ этою жизнью для уразумѣнія, для совершенствованія самого себя и обогащенія въ себѣ творческаго матеріала.

Онъ много читалъ, учился, мысленно бесѣдовалъ съ умами великихъ людей въ ихъ сочиненіяхъ. Между трудомъ ознакомленія съ ними и съ жизнью окружающею проходитъ его досугъ. Отрываясь отъ міра идей, и входя въ жизнь общества, или товарищей, онъ не находилъ между ними ничего общаго. Разница между жизнью идей и дѣйствительностью была такъ велика, что не могла не вызывать въ немъ горькой насмѣшки, и съ разочарованныхъ устъ его невольно срывались слова, задѣвавшія ничтожное самолюбіе людей вполнѣ собою довольныхъ.

Чѣмъ моложе и слѣдовательно не сдержаннѣе былъ Лермонтовъ, тѣмъ больше ощущалась рознь между имъ и большинствомъ современниковъ, тѣмъ болѣе ненавидѣли его съ нимъ сталкивающіеся шаблонные люди. Съ годами это сгладилось бы на столько, на сколько поэтъ, пришедшій въ гармонію съ собою, рѣже бы спускался съ высотъ своей идейной жизни, менѣе сталкивался бы съ ними. Глядя на него издалека, сквозь призму произведеній его геніальной фантазіи и жизненнаго пониманія, не сталкиваясь съ нимъ близко, все мелкое и зауряд-

ное отнеслось бы къ нему безъ чувства личной досады и уязвленнаго самолюбія.

Лермонтовъ началъ это понимать, онъ началъ сознавать, что ему надо жить исключительно для того, на что онъ былъ призванъ, что ему не слѣдовало болѣе вращаться въ сферахъ обыденной, имъ уже познанной жизни; но съ одной стороны его не выпускали изъ нея, его злобно и насильно приковывали къ средѣ, въ которую его забросила судьба, съ другой самъ онъ, повторяю, не успѣлъ еще установить вполнѣ гармонію своего внутренняго существа.

Роковое совершилась!... Онъ палъ подъ гнетомъ обыденной силы ополчившейся на него, палъ отъ руки обыденнаго человѣка, воплощавшаго собою ничтожество времени, со всѣми его блѣдными качествами и жалкими недостатками. Тлѣнное истлѣло, но высоко и все выше поднимается нетлѣнное имъ созданное, и русская нація, и націи иноземныя воздаютъ справедливость хоть юному еще, но безсмертному генію.

КОНЕЦЪ.

Юрьевъ Ливонскій.
Май 1891.

Послѣсловіе.

Желая дать по возможности полную біографію М. Ю. Лермонтова, я собиралъ матеріалъ для нея начиная съ 1879 года. Я могъ однако заниматься только урывками. Тщательно слѣдя за малѣйшимъ извѣщеніемъ или намекомъ о какихъ либо письменныхъ матеріалахъ или лицахъ, могущихъ дать свѣдѣнія о поэтѣ, я нетолько вступилъ въ обширную переписку, но и совершилъ множество поѣздокъ. Матеріалъ оказался разсѣяннымъ отъ береговъ Волги до западной Европы, отъ Петербурга до Кавказа. Иногда поиски были безплодны, иногда увѣнчивались неожиданнымъ успѣхомъ. Исторія розыскиванія матеріаловъ этихъ представляетъ много любопытнаго и поучительнаго, и я предполагаю со временемъ описать испытанное мною. Случалось, что клочекъ рукописи, найденной мною въ Штутгартѣ, пополнялъ и объяснялъ, что случайно уцѣлѣло въ предѣлахъ Россіи.

Труда своего я не пожалѣлъ; о достоинствѣ біографіи судить читателю. Я постарался прослѣдить жизнь поэта шагъ за шагомъ, касасаясь творчества его въ связи съ нею.

Необходимо было бы написать еще и подробное *критико-литературное* изысканіе о немъ. Тогда образъ Лермонтова, какъ человѣка и писателя, еще яснѣе вырѣзался бы изъ тумана различныхъ мнѣній и сужденій русскихъ и европейскихъ критиковъ. Каждый великій поэтъ и писатель является продуктомъ не только жизни, но и литературныхъ токовъ, родныхъ и чужеземныхъ. Касаться токовъ этихъ въ своей книгѣ я могъ лишь слегка и намеками; это требуетъ особаго изученія и особаго труда.

Что касается внѣшней стороны изданія, то трудность редактированія его значительно увеличивалась тѣмъ, что печатаніе происходило въ Москвѣ. Корректура и объясненія письменнымъ путемъ весьма затруднительны и подаютъ поводъ къ недоразумѣніямъ, отражающимся на изданіи. Къ довершенію бѣдъ въ началѣ іюня пожаръ въ типографіи истребилъ часть уже отпечатанныхъ томовъ [рукописи сгорѣло не много]. Пришлось нѣкоторыя части и отдѣльные листы набирать снова. Спѣшность работы повлекла за собою нѣкоторые недосмотры, которые приходится исправлять только въ главныхъ чертахъ, прилагая къ изданію перечень важнѣйшихъ опечатокъ.

Пав. Висковатый.

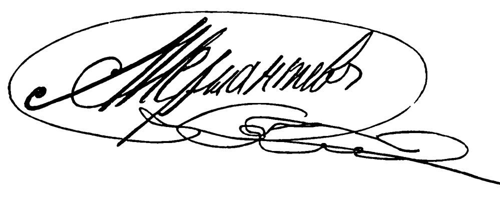
29 іюня 1891 года.

КОНЕЦЪ.

Факсимиле подписей М. Ю. Лермонтова.

M Lermantoff. M. Lerma.

Подпись на нѣкоторыхъ письмахъ на французскомъ языкѣ, послѣ 1835 года она встрѣчается съ перемѣною **а** на **о**.



1831—1832.

1835.

1838.

1840—1841.

Портреты Лермонтова.

Портреты бабушки, матери поэта и самого его въ дѣтствѣ сдѣланы съ фотографій, снятыхъ съ оригиналовъ, писанныхъ масляной краской художникомъ изъ крѣпостныхъ людей. Они доставлены мнѣ черезъ посредство г. Журавлева, управляющаго Тарханами. Оригиналы находятся въ самарскомъ имѣніи Столыпиныхъ между родовыми портретами. Въ Лермонтовскомъ музеѣ хранятся точные снимки. Самые портреты, о коихъ идетъ рѣчь, были мною впервые помѣщены въ «Живописномъ Обозрѣніи» 1884 г., № 39, при статьѣ моей *Ребенокъ Лермонтовъ и бабушка его Арсеньева*. — Тѣмъ же путемъ получилъ я портретъ Михаила Юрьевича студентомъ, т. е. около 1832 года. Далѣе прилагается нами портретъ весьма любопытный, сдѣланный на Кавказѣ въ 1837 году самимъ поэтомъ акварелью [см. Біографію, гл. XIV, стр. 290]. Этотъ портретъ очень схожъ, но поражалъ знавшихъ Лермонтова лично необыкновенной прической и длинными волосами. А. А. Краевскому я показывалъ его во время посѣщенія съ нимъ Лермонтовскаго музея. «Похожъ! — сказалъ онъ — но волосъ Лермонтовъ такъ не носилъ, и въ то время офицеры такъ носить волосъ не смѣли; впрочемъ, на Кавказѣ они себѣ позволяли отступленія отъ формы, и Михаилъ Юрьевичъ ходилъ тамъ охотно въ разстегнутомъ сюртукѣ безъ эполетъ и съ отогнутымъ воротникомъ. Онъ имѣлъ короткую шею, и стоячій воротникъ былъ ему непріятенъ. Въ этомъ отношеніи портретъ Горбунова, прилагавшійся къ прежнимъ изданіямъ, гдѣ поэтъ въ сюртукѣ безъ эполетъ и съ отогнутымъ воротникомъ, да съ шашкой черезъ плечо, очень характерный. Онъ

даже былъ похожъ, но его у меня взяли, испортили, и затѣмъ лицо было реставрировано, послѣ чего глаза и лобъ остались схожими, а носъ сталъ какимъ-то армянскимъ, какого у Лермонтова не было. Этотъ портретъ, одно время самый распространенный, не передаетъ чертъ Михаила Юрьевича. Онъ очень походилъ на мать свою, и если—сказалъ Краевскій, указывая на ея портретъ,—«вы къ этому лицу придѣлаете усы, измѣните прическу, да накините гусарскій ментикъ—такъ вотъ вамъ Лермонтовъ».

Желая приложить къ изданію портретъ поэта, рисованный самимъ имъ—замѣтимъ, что имъ пользовался и г. Опекушинъ при моделировкѣ памятника для Пятигорска—въ возможно хорошемъ выполненіи, оригиналъ былъ отправленъ въ Лейпцигъ къ извѣстному Брокгаузу, гдѣ и гравированъ на стали. Издатель не пожалѣлъ средствъ, но, какъ каждый можетъ убѣдиться, портретъ хоть и хорошо выполненъ, но не похожъ и, по моему мнѣнію, выраженіе лица *нѣмецкое*. Это нѣмецъ-офицеръ въ буркѣ пушистой и расчесанной, какихъ на Кавказѣ я не видалъ. Поэтому рѣшено было обратиться въ Москвѣ къ Д. Н. Рыжову, который вырѣзалъ портретъ этотъ, какъ и прочіе, на деревѣ. Я признаю эту работу и сходство въ особенности вполнѣ удовлетворительными. Впрочемъ, читатель можетъ убѣдиться въ этомъ самъ изъ сравненія.—Далѣе прилагается портретъ поэта изъ коллекціи князя Меньшикова, работы *Клиндера*. Это тотъ портретъ, что приложенъ ко всѣмъ изданіямъ г. Глазунова. Его относятъ къ 1838 году—не вѣрнѣе ли отнести къ концу 1839 года?—Затѣмъ, профильный портретъ 1840 года [см. біографію, гл. XVII, стр. 345] съ рисунка барона Палена, сдѣланнаго на Кавказѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ I[1].

а) О принятіи въ студенты Михайла Лермантова.

(Дѣло за № 43-мъ, 1830 года, на 6 листахъ)

Стр. 1.

б) № 323-й 21 августа 1830 года.

Въ Правленіе Императорскаго Московскаго Университета.

От пансіонера Университетскаго Благороднаго Пансіона Михаила Лермантова.

ПРОШЕНІЕ.

Родомъ я изъ дворянъ, сынь капитана Юрія Петровича Лермантова; имѣю отъ роду 16 лѣтъ; обучался въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ разнымъ языкамъ и наукамъ въ старшемъ отдѣленіи высшаго класса; нынѣ же желаю продолжать ученіе мое въ императорскомъ университетѣ, почему Правленіе онаго покорнѣйше прошу, включивъ меня въ число своекоштныхъ студентовъ Нравственно-Политическаго Отдѣленія, допустить къ слушанію профессорскихъ лекцій. Свидѣтельства о родѣ и ученіи моемъ при семъ прилагаю. *Къ сему прошенію Михаилъ Лермантовъ руку приложилъ.*

Слуш. 21 августа
1830 года.

---

[1] Баронъ Бюлеръ на основаніи справки, сдѣланной тогдашнимъ ректоромъ университета, С. М. Соловьевымъ, сообщилъ редакціи *Русской Старины* (1876 года т. XV, стр. 221), что въ университетскомъ архивѣ нѣтъ ничего кромѣ прошенія Лермонтова объ увольненіи изъ университета, для перемѣщенія въ Петербургскій. Дѣйствительно, въ бумагахъ 1832 года за № 48 нѣтъ ничего кромѣ упомянутой просьбы и затѣмъ черноваго свидѣтельства объ увольненіи; за то въ бумагахъ 1830 года за № 43 находятся бумаги, касающіяся пребыванія Лермонтова въ пансіонѣ и потомъ поступленія его въ университетъ.

Стр. 2.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

№ 221.

изъ Благороднаго Пансіона императорскаго Московскаго Университета пансіонеру Михаилу Лермантову въ томъ, что онъ въ 1828 году бывъ принятъ въ Пансіонъ, обучался въ старшемъ отдѣленіи высшаго класса разнымъ языкамъ, искусствамъ и преподаваемымъ въ ономъ нравственнымъ, математическимъ и словеснымъ наукамъ, съ *отличнымъ* прилежаніемъ, съ *похвальнымъ* поведеніемъ и съ *весьма хорошими* успѣхами; нынѣ же по прошенію его отъ Пансіона съ симъ уволенъ.

Дано въ Москвѣ за подписаніемъ директора онаго Пансіона, статскаго совѣтника и кавалера, съ приложеніемъ пансіонской печати.

Апрѣля 16 дня
1830 года.

Петръ Курбатовъ.

Печать Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона.

Стр. 3 и 4.

СВИДѢТЕЛЬСТВО

№ 6503.

изъ Московской Духовной Консисторіи вдовѣ гвардіи поручицѣ Елизаветѣ Алексѣевой Арсеньевой въ томъ, что вы, Арсеньева, просили дать вамъ свидѣтельство о рожденіи и крещеніи внука вашего роднаго, капитана Юрія Петровича Лермантова сына Михаила, прижитаго имъ отъ законнаго брака, для отдачи его къ наукамъ и воспитанію въ казенныя заведенія, а потомъ и въ службу, гдѣ принятъ быть можетъ, объявя, что родился онъ въ Москвѣ, въ приходѣ церкви Трехъ Святителей, что у Красныхъ воротъ, 1814 года октября 2 дня. По справкѣ въ Консисторіи оказалось, въ метрическихъ упоминаемой Трехъ-Святительской, что у Красныхъ воротъ, церкви тысяча восемьсотъ четырнадцатаго года книгахъ написано такъ: «Октября 2-го въ домѣ господина покойнаго генералъ-маіора и кавалера Ѳедора Николаевича Толя у живущаго капитана Юрія Петровича Лермантова родился сынъ Михаилъ. Молитвовалъ протоіерей Николай Петровъ, съ дьячкомъ Яковымъ Ѳедоровымъ, крещенъ того же октября 11 дня, воспреемникомъ былъ господинъ колежскій асессоръ Васильевъ-Хотяиницовъ, воспреемницею была вдовствующая госпожа гвардіи поручица Елизавета Алексѣевна Арсеньева, оное крещеніе исправляли протоіерей Николай Петровъ, дьяконъ Петръ Ѳедоровъ, дьячекъ Яковъ Ѳедоровъ, пономарь Алексѣй Никифоровъ. Почему Московскою Духовною Консисторіею опредѣлено вамъ вдовѣ гвардіи поручицѣ Арсеньевой съ прописаніемъ явствующей справки дать [и дано] сіе свидѣтельство для прописанной надобности: октября 25 дня 1827 года.

На подлинномъ подписали: Николо-Лѣсновскій протоіерей Іоаннъ Іоанновъ, секретарь Савва Смиреновъ, повытчикъ Александръ Лисицынъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: колежскій регистраторъ *Борисовъ.*

Подлинное свидѣтельство получилъ обратно студентъ Михаилъ Лермантовъ.

У сего свидѣтельства Его Императорскаго Величества Московской Духовной Консисторіи печать.

Стр. 5.

1 сентября 1830 г.

Въ Правленіе Императорскаго Московскаго Университета.

От ординарныхъ профессоровъ Снегирева, Ивашковскаго, экстра-ординарнаго Побѣдоносцева, адъюнктовъ: Погодина, Кацаурова, лекторовъ: Кистера и Декампа.

ДОНЕСЕНІЕ.

№ 3579. По назначенію господина ректора Университета, мы испытывали Михаила Лермантова, сына капитана Юрія Лермантова, въ языкахъ и наукахъ, требуемыхъ отъ вступающаго въ университетъ въ званіе студента, и нашли его способнымъ къ слушанію профессорскихъ лекцій въ семъ званіи. О чемъ и имѣемъ честь донести правленію Университета.

Семенъ Ивашковскій.
Иванъ Снегиревъ.
Петръ Побѣдоносцевъ.
Михаилъ Погодинъ.
Николай Кацауровъ.
Өедоръ Кистеръ.
Amédée Decampe.

Августа „ “ дня
1830 года.

Журналъ подъ № 46.

Слуш. 1 сентября.

Стр. 5.

Въ Правленіе Императорскаго Московскаго Университета.

Отъ своекоштнаго студента Михаила Лермантова.

ПРОШЕНІЕ.

№ 1370. Въ прошломъ 1830 году, при вступленіи моемъ въ Университетъ, представлено было мною свидѣтельство о рожденіи и крещеніи, въ коемъ я нынѣ имѣю нужду; почему и покорнѣйше прошу Правленіе Университета оное свидѣтельство мнѣ возвратить. *Императорскаго Московскаго Университета своекоштный студентъ Михаилъ Лермантовъ.*

Апрѣля „ “ дня
1832 года.

(Порѣшено было свидѣтельство о рожденіи выдать снявъ съ него копію).

Слуш. апрѣля 22.

Объ увольненіи изъ университета Михаила Лермантова.

№ 48-й 2 іюня 1832 года.

Въ Правленіе Императорскаго Московскаго Университета.

Отъ своекоштнаго студента Михаила Лермантова.

ПРОШЕНІЕ.

№ 1916. Прошлаго 1830 года, въ августѣ мѣсяцѣ принятъ я былъ въ сей Университетъ по экзамену студентовъ и слушалъ лекціи по словесному отдѣленію. Нынѣ же по домашнимъ обстоятельствамъ болѣе продолжать ученія въ здѣшнемъ Университетѣ не могу и потому правленіе Императорскаго Московскаго Университета покорнѣйше прошу, уоливъ меня изъ онаго, снабдить надлежащимъ свидѣтельствомъ, для перевода въ Императорскій Санктпетербургской Университетъ.

Къ сему прошенію Михаилъ Лермантовъ руку приложилъ [1].

Іюня 1-го дня 1832 года

(На оборотной сторонѣ помѣчено):
Приказали означеннаго студента Лермантова, уволивъ изъ Университета, снабдить надлежащимъ о ученіи его свидѣтельствомъ.
Вѣрно: Тит. Сов *Щегловъ*.

Слуш. іюня 6.

СВИДѢТЕЛЬСТВО [2].

№ 2480. По указу его императорскаго величества, изъ Правленія Императорскаго Московскаго Университета своекоштному студенту Михаилу Лермантову, сыну капитана Юрія Лермантова, въ томъ, что онъ, въ прошломъ 1828 году быъ впринятъ въ бывшій Университетскій Благородный Пансіонъ, обучался въ старшемъ отдѣленіи высшаго класса разнымъ языкамъ, искусствамъ и преподаваемымъ въ ономъ нравственнымъ, математическимъ и словеснымъ наукамъ съ отличнымъ прилежаніемъ, съ похвальнымъ поведеніемъ и съ весьма хорошими успѣхами, а 1830 года, сентября 1-го дня, принятъ въ сей Университетъ по экзамену студентомъ и слушалъ лекціи по словесному отдѣленію, нынѣ же по прошенію его отъ Университета симъ уволенъ; и какъ онъ Лермантовъ полнаго курса ученія не окончилъ, то и не распространяется на него сила Указа 1809 года, августа 6-го дня и 26-го сентября предварительныхъ правилъ Народнаго Просвѣщенія. Дано въ Москвѣ іюня 18-го дня 1832 года. Подлинное подписано: Ректоръ Двигубскій, непремѣнный засѣдатель Иванъ Давыдовъ, деканъ Михаилъ Каченовскій, секретарь Щегловъ (?).

(Тутъ же рукой Лермонтова написано):

Подлинный аттестатъ получилъ своекоштный студентъ Михайло Лермантовъ.

У сего свидѣтельства его императорскаго величества Московскаго Университета печать.

---

[1] Прошеніе писано чужою рукой Почеркъ Лермонтова означенъ курсивомъ.

[2] На верху страницы помѣтка: Смотрѣно *Каченовскій*.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Письма Е. А. Арсеньевой къ внуку ея М. Ю. Лермонтову (осенью 1835 г.)

(Къ стр. 192).

«Милый любезный другъ Мишенька,—пишетъ она,—конечно, мнѣ грустно, что долго тебя не вижу, но, видя изъ письма твоего привязанность твою ко мнѣ, я плакала отъ благодарности къ Богу. Послѣ двадцати пяти лѣтъ страданія любовію своею и хорошимъ поведеніемъ ты заживляешь раны моего сердца. Что дѣлать, Богу такъ угодно, но Богъ смилосердится надо мною, и тебя отпустятъ. Меня безпокоитъ, что ты безъ денегъ. Я съ десятаго сентября всякій часъ тебя ждала, а 12 октября получила письмо твое, что тебя не отпускаютъ. Цѣлую недѣлю надо было почты ждать. Посылаю теперь тебѣ, мой милый другъ, тысячу четыреста рублей ассигнаціями, да писала къ Аѳанасію [1] чтобъ онъ тебѣ послалъ двѣ тысячи рублей. Надѣюсь на милость Божію, что нынѣшній годъ порядочный доходъ получимъ, но теперь еще никакихъ цѣнъ на хлѣбъ нѣтъ и задаромъ жалко продавать. Невѣстка Марья Александровна была у меня и сама предложила написать къ Аѳанасію и ты вѣрно черезъ недѣлю получишь отъ него 2 тысячи; еще теперь мы не устроились. Я въ Москвѣ была нездорова, оттого долго такъ и прожила, долго ѣхала, слаба еще была и домой пріѣхала 25 іюля, а тебя моего друга ждала въ сентябрѣ и, до смерти мнѣ грустно, что ты нуждаешься въ деньгахъ; буду посылать всякіе три мѣсяца по 2,500 рублей, а всякій мѣсяцъ уже слишкомъ помалу, а, можетъ, иной мѣсяцъ мундиръ надо сшить. Я долго тебѣ не писала, мой другъ, всякій часъ ждала тебя, но не безпокойся обо мнѣ: я здорова. Береги свое здоровье, мой милый. Ты здоровъ, веселъ и хорошо себя ведешь. Я счастлива истинно, мой другъ, забываю всѣ горести и со слезами благодарю Бога, что онъ на старости послалъ въ тебѣ мнѣ утѣшеніе. Лошадей тройку тебѣ купила и, говорятъ какъ птицы летятъ; онѣ одной породы съ буланой и цвѣтъ одинаковъ, только черный ремень на спинѣ и черныя гривы; забыла, какъ ихъ называютъ. Домашнихъ лошадей всѣхъ шесть. выбирай любыхъ: пара темногнѣдыхъ, пара свѣтлогнѣдыхъ и пара сѣрыхъ, но здѣсь никто не умѣетъ выѣзжать лошадей; у Матюшки силы нѣтъ, Никанорка объѣзжаетъ купленныхъ лошадей, но боюсь,

---

[1] Аѳанасій Алексѣевичъ Столыпинъ.

что нехорошо ихъ пріѣздитъ. Лучше, думаю, тебѣ Митьку кучера взять можно до Москвы въ седейки [?], его отправить дня за четыре до твоего отъѣзда. Ежели ты своихъ вятскихъ продашь—и сундучекъ съ мундирами, и съ бѣльемъ съ нимъ можно отправить; впрочемъ, какъ ты самъ лучше придумаешь: тебѣ уже 21 годъ. Катерина Аркадьевна переѣзжаетъ въ Москву, то въ Средниково тебѣ не нужно заѣзжать, да ты послѣ тѣхъ ни разу не писалъ къ Аѳанасію Алексѣевичу; чрезъ письма родство и дружба сохраняются; онъ другъ былъ твоей матери и любилъ тебя, какъ родного племянника, да къ Марьѣ Акимовнѣ и Павлу Петровичу [1]] хоть бы въ моемъ письмѣ приписалъ два слова. Стихи твои, мой другъ, читала, безподобны, а всего лучше меня утѣшило, что тутъ нѣтъ нынѣшней модной неистовой любви. И невѣстка сказывала, что Аѳанасію очень понравились стихи твои, и очень ихъ хвалилъ, да какъ ты не пишешь какую ты пьесу сочинилъ комедію или трагедію [2]] ? Все [ко всему], что до тебя касается, я неравнодушна; увѣдомь обо всемъ [?], коли можно, и пришли черезъ почту. Стихи твои я больше десяти разъ читала. Скажи Андрею [3]], что онъ такъ давно къ женѣ не писалъ; она съ ума сходитъ, все плачетъ, думаетъ, что онъ болѣнъ. Achetez quelque chose pour Дарья [4]], elle me sert avec beaucoup d'attachement. Очень благодарна Екатеринѣ Александровнѣ, что она обо мнѣ помнитъ, но мое присутствіе здѣсь необходимо. Степанъ очень прилежно смотритъ, но все какъ я прикажу—то выходитъ лучше. Дѣвки, молодыя вдовы замужъ не шли—безпутничали. Я кого уговариваю, кого на работу посылаю и отъ 16 большихъ дѣвокъ 4 только осталось, и вдовы всѣ вышли, иную подкупили, и все пришло въ прежній порядокъ. Какъ Богъ дастъ милость свою и тебя отпустятъ, то хотя Тарханы и Пензенской губерніи, но на Пензу ѣхать слишкомъ 200 верстъ крюку. Изъ Москвы нужно ѣхать на Рязань, Козловъ и на Тамбовъ, а изъ Тамбова на Кирсановъ въ Чембаръ. У Екатерины Аркадьевны на дворѣ тебя ожидаетъ долгуша, точно коляска, перина и собачье одѣяло; можетъ, еще зимняго пути не будетъ. Здѣсь у насъ о всю пору совершенная весна среди дня, ночью морозы только велики.

[Идутъ разныя незначущія порученія].

«Прощай мой другъ, Христосъ съ тобою, будь надъ тобою милость Божія. Вѣрный другъ твой Елизавета Арсеньева. 1835 года 18 октября... Все-то мнѣ кажется, мой другъ, что тебѣ денегъ мало, еще сто посылаю тебѣ, всего 1,500 рублей».

---

[1] Шанъ-Гирей.

[2] Стихи, понравившіеся бабушкѣ, вѣроятно, напечатаны въ Библ. для чтенія: Хаджи Абрекъ. Комедія, это—Маскарадъ, оконченная въ 1835 г.

[3] Лакей, отправленный къ Лермонтову изъ Тарханъ.

[4] Ключница въ Тарханахъ, имѣвшая большое вліяніе на Арсеньеву и выставленная въ „Menschen und Leidenschaften“, соч. т. IV, стр. 117.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

(къ стр. 213.).

Пйсьма Верещагиной (старшей сестры) къ М. Ю. Лермонтову.

Le 12 Octobre. Moskou. (1832).

Votre lettre, datée du *trois* de ce mois vient de me parvenir; je ne savais pas, que ce jour là fut celui de vôtre naissance, je vous en félicite, mon cher, quoique un peu tard. Je ne saurais vous exprimer le chagrin que m'a causée la mauvaise nouvelle que vous me donnez. Comment, après tant de peines et de travail se voir entièrement frustré de l'espérance d'en recueillir les fruits, et se voir obligé de recommencer tout un nouveau genre de vie? ceci est véritablement désagréable. Je ne sais, mais je crois toujours que vous avez agi avec trop de précipitation, et si je ne me trompe, ce parti a dû vous être sugéré par M-r Alexis Stolipine n'est ce pas?

Je conçois aisement, combien vous devez être dérouté par ce changement, car vous n'avez jamais été habitué au servise militaire; mais à présent, comme toujours, l'homme propose et Dieu dispose, et soyez fortement persuadé que ce qu'il propose, dans sa sagesse infinie, est certainement pour notre bien. Dans la carrière militaire vous avez tout aussi bien les moyens de vous distinguer; avec de l'esprit et de la capacité on sait se rendre heureux partout; d'ailleurs combien de fois ne m'avez-vous pas dit, que si la guerre s'allumait, vous ne voudriez pas rester oisif, eh bien! Vous voilà pour ainsi dire jeté par le sort dans le chemin qui vous offre les moyens de vous distinguer et de devenir un jour un guerrier célèbre. Ceci ne peut pas empêcher que vous vous occupiez de poêsie; pourquoi donc? l'un n'empêche pas l'autre, au contraire, vous ne ferez qu'un plus aimable militaire.

Voici, mon cher, maintenant le moment le plus critique pour vous, pour Dieu, rapellez vous autant que possible la promesse que vous m'avez faite avant de partir. Prenez garde de vous lier

trop tôt avec vos camarades, connaissez les bien avant de le faire. Vous êtes d'un bon caractère, et avec votre coeur aimant vous serez pris tout d'abord; surtout évitez cette jeunesse qui se fait merveilles de toutes sortes de bravades, et une espèce de mérite de sottes fanfaronnades. Un homme d'esprit doit être au dessus de toutes ces petitesses; ce n'est pas là du mérite, tout au contraire, ce n'est bon que pour les petits esprits; laissez leur cela, et suivez votre chemin.

Pardon, mon cher ami, si je m'avise de vous donner, de ces conseils; mais ils me sont dictés par l'amitié la plus pure, et l'attachement que je vous porte fait, que je vous désire tout le bien possible; j'espère que vous ne vous facherez pas contre dame-prèchemorale, et que tout au contraire vous lui en saurez gré, je vous connais trop pour en douter.

Vous ferez bien de m'envoyer comme vous le dites, tout ce que vous avez écrit jusqu'à prèsent; vous êtes bien sûr, que je garderai fidèlement ce dépôt, que vous serez enchanté de retrouver un jour. Si vous continuez d'écrire, ne le faites jamais à l'école, et n'en faites rien voir à vos compagnons, car quelque fois la chose la plus innocente occasione notre perte. Je ne comprends pas, pourquoi vous recevez si rarement de mes lettres? Je vous assure que je ne fais pas la paresseuse, et que je vous écris souvent et longuement. Votre service ne m'empêchera pas de vous écrire comme à l'ordinaire, et j'adresserai toujours mes lettres à leur ancienne adresse; dites-moi, ne faudrait-il pas que je les mette au nom de grand-maman?

J'espère, que parce que vous serez à l'école, ce ne sera pas un empêchement pour que vous m'écriviez de vôtre coté; si vous n'aurez pas le temps de le faire chaque semaine, eh bien! dans deux semaines une fois; mais je vous en prie, n'allez pas me priver de cette consolation. Courage, mon cher, courage! ne vous laissez pas abattre par un mécompte, ne désespérez pas, croyez moi, que tout ira bien. Ce ne sont pas des phrases de consolation que je vous offre là, non, pas du tout; mais il y a un je ne sais quoi, qui me dit que tout ira bien. Il est vrai que maintenant nous ne nous verrons pas avant deux ans; j'en suis vraiment désolée pour moi, mais... pas pour vous, cela vous fera du bien, peutêtre. Dans deux ans on a le temps de guérir et de devenir tout-à-fait raisonable.

Croyez-moi, je n'ai pas perdu l'habitude de vous deviner, mais que voulez-vous que je vous dise? Elle se porte bien, paraît assez gaie, du reste sa vie est tellement uniforme, qu'on n'a pas beaucoup à dire sur son compte; c'est aujourd'hui comme hier. Je crois que vous n'êtes pas tout-à-fait fâché de savoir, qu'elle mène ce genre de vie, car elle est à l'abri de toute épreuve; mais pour mon compte, je lui voudrais un peu de distraction, car, qu'est-ce

que s'est que cette jeune personne dandinant d'une chambre à l'autre, à quoi une vie comme celle-là mènera-t-elle? à devenir un être nul, et voilà tout. Eh bien! Vous ai-je deviné? est-ce là le plaisir que vous attendiez de moi?

. . . .

Il ne me reste tout juste de place, que pour dire adieu à mon gentil hussard. Comme j'aurais voulu vous voir avec vôtre uniforme et vos moustaches. Adieu, mes soeurs et mon frère vous saluènt. Mes respects à grand-maman.

Письмо А. Верещагиной къ Лермонтову.

Къ стр. 213.

Fedorovo, 18 d'Août (1835).

Mon cher cousin.

C'est après avoir lu pour la troisième fois vôtre lettre, et après m'être bien assurée, que je ne suis pas sous l'influence d'un rêve, que je prends la plume pour vous écrire. Ce n'est pas que j'aie peine à vous croire capable d'une grande et belle action, mais écrire trois fois, sans avoir au moins trois réponses—savez-vous, que c'est un prodige de générosité, un trait sublime, un trait à faire pâlir d'émotion?—Mon cher Michel, je ne suis plus inquiette de votre avenir—un jour vous serez un grand homme.

Je voulais m'armer de toutes mes forces, desir et volonté, pour me fâcher sérieusement contre vous. Je ne voulais plus vous écrire, et vous prouver par là, que mes lettres peuvent se passer de cadre et de verre, pourvu qu'on trouve du plaisir à les recevoir.—Mais trève là dessus; vous êtes repentant—je jette bas mes armes et consens à tout oublier.

Vous êtes officier, recevez mes compliments. C'est une joie pour moi d'autant plus grande, qu'elle était inattendue. Car (je vous le dis à vous seul) je m'attendais plus tôt à vous savoir soldat. Vous conviendrez vous-même que j'avais raison de craindre et si même vous êtes deux fois plus raisonnable que vous ne l'étiez avant, vous n'êtes pas encore sorti du rang des polissons... Mais c'est toujours un pas, et vous ne marcherez pas à reculon, je l'espère.

Je m'imagine la joie de grande-maman; je n'ai pas besoin de vous dire que je la partage de tout mon coeur. Je ne compare

pas mon amitié à un puits sans fond, vous ne m'en croirez que mieux. Je ne suis pas forte en comparaisons, et n'aime pas à tourner les choses sacrées en ridicule, je laisse cela à d'autres.— Quand viendrez-vous à Moscou?

. . . .
. . . .
. . . .

Quand au nombre de mes adorateurs, je vous le laisse à deviner, et comme vos suppositions sont toujours impertinantes, je vous entends dire, que je n'en ai pas du tout . . . . .

. . . .

A propos de votre idéal. Vous ne me dites rien de vos compositions. J'espère que vous écrivez toujours, je pense que vous avez des amis qui les lisent et qui savent en juger mieux, mais je vous garantis d'en trouver, qui les liront avec plus de plaisir. Je m'attends qu' après cette sérieuse exhorde, vous me composerez un quatrain pour ma nouvelle année.

Pour votre dessin, on dit que vous faites des progrès etonnants, et je le crois bien. De grâce, Michel, n'abandonnez pas ce talent, le tableau que vous avez envoyé à Alexis et charmant. Et votre musique? Jouez-vous toujours l'ouverture de la muette de Portici, chantez-vous le duo de Semiramis de fameuse mémoire, le chantez-vous comme avant, à tue tête, et à perdre le respiration? . . . .
. . . . . . Nous déménageons pour les 15 Semtembre, vous m'adresserez vos lettres dans la maison Guédéonoff, près du jardin du Kremlin.—De grâce ecrivez moi plus vite, maintenant vous avez plus de temps, si vous ne l'employez pas à vous regarder dans une glace; ne le faites pas, car votre uniforme d'officier finira par vous ennuyer, comme tout ce que vous voyez trop souvent, c'est dans votre caractère.

Si je n'avais pas envie de dormir, je vous aurais parlé de tout cela—mais impossible. Mes respects, je vous prie à grand-maman. Je vous embrasse de tout mon coeur.

Alexandrine W.

ПРИЛОЖЕНІЕ IV

[къ стр. 247].

Объясненіе Губернскаго секретаря Раевскаго о связи его съ Лермонтовымъ и о происхожденіи стиховъ на смерть Пушкина.

Бабка моя, Кирѣева, во младенчествѣ воспитывалась въ домѣ Столыпиныхъ, съ дѣвицею Е. А. Столыпиною, впослѣдствіи по мужѣ Арсеньевою [дамою 64-хъ лѣтъ, *родною бабушкою корнета Лермонтова*, автора стиховъ на смерть Пушкина].

Эта связь сохранилась и впослѣдствіи между домами нашими, Арсеньева крестила меня въ г. Пензѣ въ 1809 году, и постоянно оказывала мнѣ родственное расположеніе, по которому—и потому что я, видя отличныя способности въ молодомъ Лермонтовѣ, коротко съ нимъ сошелся—предложены были въ домѣ ихъ столъ и квартира.

Лермонтовъ имѣетъ особую склонность къ музыкѣ, живописи и поэзіи, почему свободные у обоихъ насъ отъ службы часы проходили въ сихъ занятіяхъ, въ особенности послѣдніе 3 мѣсяца, когда Лермонтовъ по болѣзни не выѣзжалъ.

Въ Генварѣ Пушкинъ умеръ. Когда 29 или 30 дня эта новость была сообщена Лермонтову съ городскими толками о безыменныхъ письмахъ, возбуждавшихъ ревность Пушкина, и мѣшавшихъ ему заниматься сочиненіями въ октябрѣ и ноябрѣ [мѣсяцы, въ которые, по слухамъ, Пушкинъ исключительно сочинялъ]—то въ тотъ же вечеръ Лермонтовъ написалъ элегическіе стихи, которые оканчивались словами:

«И на устахъ его печать».

Среди ихъ слова: *не вы ли гнали* его свободный чудный даръ—означаютъ безыменныя письма—что совершенно доказывается вторыми двумя стихами:

«И для потѣхи возбуждали
«Чуть затаившійся пожаръ».

Стихи эти появились прежде многихъ и были лучше всѣхъ, что я узналъ изъ отзыва журналиста Краевскаго, который сообщилъ ихъ В. А. Жуковскому, князьямъ Вяземскому, Одоевскому и проч. Знакомые Лермонтова безпрестанно говорили ему привѣтствія и пронеслась даже молва, что В. А. Жуковскій читалъ ихъ Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику и что Онъ изъявилъ высокое Свое одобреніе.

Успѣхъ этотъ радовалъ меня, по любви къ Лермонтову, а Лермонтову вскружилъ, такъ сказать, голову—изъ желанія славы. Экземпляры стиховъ раздавались всѣмъ желающимъ, даже съ прибавленіемъ 12 [16] стиховъ содержащихъ въ себѣ выходку противу лицъ не подлежащихъ Русскому суду—

дипломатовъ и иностранцевъ, а происхожденіе ихъ есть, какъ я убѣжденъ, слѣдующее:

Къ Лермонтову пріѣхалъ братъ его камеръ-юнкеръ Столыпинъ. Онъ отзывался о Пушкинѣ невыгодно, говорилъ, что онъ себя неприлично велъ среди людей большого свѣта, что Дантесъ обязанъ былъ поступить такъ, какъ поступилъ. Лермонтовъ будучи, такъ сказать, обязанъ Пушкину извѣстностью—невольно сдѣлался его партизаномъ и по враждённой пылкости повелъ разговоръ горячо. Онъ и половину гостей доказывали, между прочимъ, что даже иностранцы должны щадить людей замѣчательныхъ въ государствѣ, что Пушкина, не смотря на его дерзости щадили два Государя, и даже осыпали милостями, и что затѣмъ объ его строптивости—мы не должны уже судить.

Разговоръ шелъ жарче, молодой камеръ-юнкеръ Столыпинъ сообщалъ мнѣнія, рождавшія новые споры—и въ особенности настаивалъ, что иностранцамъ дѣла нѣтъ до поэзіи Пушкина, что дипломаты свободны отъ вліянія законовъ, что Дантесъ и Гекернъ, будучи знатные иностранцы, не подлежатъ ни законамъ, ни суду русскому.

Разговоръ принялъ было юридическое направленіе, но Лермонтовъ прервалъ его словами, которыя послѣ почти вполнѣ помѣстилъ въ стихахъ: «если надъ ними нѣтъ закона и суда земнаго, если они палачи генія, такъ есть Божій судъ».

Разговоръ прекратился, а вечеромъ, возвратясь изъ гостей, я нашелъ у Лермонтова и извѣстное прибавленіе, въ которомъ явно выражался весь споръ. Нѣсколько времени это прибавленіе лежало безъ движенія, потомъ, по неосторожности объявлено объ его существованіи и дано для переписыванія. Чѣмъ болѣе говорили Лермонтову и мнѣ про него, что у него большой талантъ, тѣмъ охотнѣе давалъ я переписывать экземпляры.

Разъ пришло было намъ на мысль, что стихи темны, что за нихъ можно пострадать, ибо ихъ можно перетолковать по желанію, но сообразивъ, что фамилія Лермонтова подъ ними подписывалась вполнѣ, что высшая цензура давно бы остановила ихъ, еслибъ считала это нужнымъ и что Государь Императоръ осыпалъ семейство Пушкина милостями, слѣд. дорожилъ имъ—положили что стало быть можно было бранить враговъ Пушкина—оставили было идти дѣло такъ, какъ оно шло, но вскорѣ вовсе прекратили раздачу экземпляровъ съ прибавленіями потому, что бабку его Арсеньеву, и незнавшую ничего о прибавленіи, начали безпокоить общіе вопросы объ ея внукѣ, и что она этого пожелала.

Вотъ все, что по совѣсти обязанъ я сказать объ этомъ дѣлѣ.

Обязанный дружбою и одолженіями Лермонтову и видя, что радость его очень велика отъ соображенія, что онъ въ 22 года отъ роду сдѣлался всѣмъ извѣстнымъ, я съ удовольствіемъ слушалъ всѣ привѣтствія, которыми осыпали его за экземпляры.

Политическихъ мыслей, а тѣмъ болѣе противныхъ порядку установленному вѣковыми законами, у насъ не было и быть не могло. Лермонтову, по его состоянію, образованію и общей любви ничего не остается желать—развѣ кромѣ славы. Я трудами и небольшимъ имѣніемъ могу также жить не хуже

моихъ родителей. Сверхъ того оба мы русскіе душою и еще болѣе вѣрноподданные: вотъ еще доказательство, что Лермонтовъ неравнодушенъ къ славѣ и чести своего Государя.

Услышавъ, что въ какомъ-то французскомъ журналѣ напечатаны клеветы на Государя Императора, Лермонтовъ въ прекрасныхъ стихахъ обнаружилъ русское негодованіе противу французской безнравственности, ихъ палатъ и т.п., сравнивая Государя Императора съ благороднѣйшими героями древними, а журналистовъ съ наемными клеветниками, оканчиваетъ словами:

Такъ въ дни воинственные Рима,
Во дни торжественныхъ побѣдъ,
Когда съ тріумфомъ шелъ Фабрицій
И раздавался по столицѣ
Народа благодарный кликъ,—
Бѣжалъ за свѣтлой колесницей
Одинъ *наемный* клеветникъ.

Начала стиховъ не помню,—они писаны кажется въ 1835 году—и тогда я всѣмъ моимъ знакомымъ раздавалъ ихъ по экземпляру съ особеннымъ удовольствіемъ.

Губернскій секретарь Раевскій.

21 февраля 1837.

Дѣло по Секретной части Министерства Военнаго.

Департаментъ военныхъ поселеній канцеляріи № 22. По запискѣ генералъ-адъютанта графа Бенкендорфа о непозволительныхъ стихахъ написанныхъ корнетомъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка Лермонтовымъ и распространеніи оныхъ Губерн. секр. Раевскимъ.

Началось 23 февр. 1837 года.

Кончилось 17 іюня 1838 года [на 44 лит.]

1] 23 февраля 1837 года гр. Бенкендорфъ пишетъ секретно графу Петру Андр. Клейнмихелю, посылая объясненіе корнета л.-г. Гусарскаго полка Лермонтова для сличенія съ таковымъ же объясненіемъ чиновника Раевскаго, а также и пакетъ съ бумагами Раевскаго. Причемъ сообщалъ, что «Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ о преданіи чиновника Раевскаго суду, пріостановить—и о послѣдствіяхъ, какія отъ Его Величества послѣдуютъ по сему предмету, графъ Бенкендорфъ лично сообщитъ Его Превосходительству Петру Андреевичу.

2] Объясненіе Губ. секрет. [Святополка Аѳанасьевича] Раевскаго о связи его съ Лермонтовымъ [собственнор. записка Раевскаго].

3] Письмо Раевскаго съ черновымъ объясненіемъ къ Андрею Иванову.

4] Объясненіе корнета лейбъ-гвардіи гусарскаго полка Лермонтова.

7] Записка о службѣ Раевскаго.

Изъ дворянъ Саратовской губерніи. Окончилъ курсъ въ Московскомъ унив., въ 1828 году. Началъ службу въ министерствѣ финансовъ, а въ 1836 году переведенъ въ департаментъ военныхъ поселеній.

8] Высочайшее повелѣніе, послѣдовавшее въ 25-й день февраля 1837 г., по коему лейбъ-гвардіи гусарскаго полка корнетъ Лермонтовъ переводится тѣмъ же чиномъ въ нижегородскій драгунскій полкъ [на Кавказъ], а губернскаго секретаря Раевскаго, по выдержаніи на гауптвахтѣ одинъ мѣсяцъ, отправить въ Олонецкую губернію на службу по усмотрѣнію тамошняго губернатора.

Подписано: генералъ-адъютантъ графъ Чернышевъ [1].

10] Затѣмъ, секретно, 26-го февраля 1837 года, за № 99, было предписаніе Клейнмихеля къ Мартынову, петербургскому коменданту, о томъ, чтобы продержать Раевскаго одинъ мѣсяцъ подъ арестомъ; «по минованіи же срока ареста покорнѣйше прошу г-на Раевскаго возвратить ко мнѣ».

17] 26-го марта, генералъ Мартыновъ при бумагѣ отправилъ Раевскаго къ Клейнмихелю.

19] 2-го апрѣля, Раевскому были отпущены прогоны на три лошади [83 р. 88 к.], и онъ, 5-го, отправился на службу въ Олонецкую губ.

26] Раевскій былъ при губернаторѣ Андр. Дашковѣ чиновн. особ. поруч.; 29-го мая 1838 года, ему дается отпускъ въ Петербургъ и къ водамъ морскимъ въ Эстляндіи.

7-го декабря 1838 года, Раевскій былъ прощенъ и дозволено ему продолжать службу на общихъ основаніяхъ.

Опись перенумерованнымъ бумагамъ чиновника 12-го класса Раевскаго.

1 Записка журналиста Краевскаго, отъ 17-го сего февраля, слѣдующаго содержанія: «скажи мнѣ, что сталось съ Л—р—вымъ? правда ли, что онъ жилъ или живетъ еще теперь не дома? Неужели еще жертва, закалаемая въ память усопшему? Господи, когда всё это кончится!...»—въ заключеніи увѣдомляетъ, что его Пятницы замѣнилися Вторниками и что онъ перемѣнилъ квартиру.

2 Записка Алексѣя Попова, отъ 18-го октября, коею извѣщаетъ Раевскаго о своемъ дежурствѣ въ библіотекѣ, приглашая его туда.

3 Записка Орлова, отъ 4-го сего февраля, коею извиняется въ невозвращеніи въ срокъ стиховъ, которые препровождая проситъ прилагаемую съ оныхъ копію по исправленіи ошибокъ, при перепискѣ вкравшихся, ему возвратить.

4 Замѣчаніе Раевскимъ написанное на книгѣ: Сказаніе Русскаго народа, о семейной жизни.

5 Записка Унковскаго о приглашеніи Раевскаго на вечеръ для игры въ шахматы.

6 Записка Раевскаго карандашемъ не извѣстно къ кому написанная о присылкѣ книги Гумбольдта.—

20 февр. 1837 г.

[1] Это и есть то Высочайшее повелѣніе, которое приводитъ г. Ефремовъ („Русск. Стар.“ 1880 г., т. 28, стр. 535), о которомъ сообщаетъ графъ Чернышевъ графу Бенкендорфу и на которомъ послѣдній сдѣлалъ замѣтку: „убрать“.

Опись письмамъ и бумагамъ л.-г. гусарскаго полка корнета Лермонтова.

Лит. А. Письмо бабки Лермонтова г-жи Арсеньевой, равно какъ матери его. Въ нихъ все дышетъ благоразуміемъ и самою теплою родительскою привязанностію,—обѣ дамы непремѣнно снабжаютъ молодаго человѣка сего полезными совѣтами.—

Лит. В. Письмо родныхъ и двоюродныхъ сестеръ Лермонтова, равно какъ нѣкоторыхъ знакомыхъ ему дѣвицъ. Главный характеръ: онѣ его считаютъ поэтомъ и питаютъ большую къ нему привязанность. Безпрерывныя просьбы воздерживаться отъ шалостей, быть осторожнымъ доказываютъ, что ему не довѣряли. Стихотворную способность Лермонтова выхваляютъ и просятъ его пересылать стихи свои въ Москву. Изъ нихъ особенно замѣчательны три письма:

№ 1. Въ письмѣ семъ отъ одной дѣвицы изъ Москвы—ясно говорится, что переходъ Лермонтова въ военную службу есть слѣдствіе непріятности, которую онъ имѣлъ въ университетѣ, при чемъ обвиняется нѣкто Алексѣй Столыпинъ.

№ 2. Отъ дѣвицы Верещагиной къ Лермонтову,—въ немъ упоминается о какомъ-то романѣ соч. сего послѣдняго, но онъ кажется несостоялся, Лермонтовъ повидимому уничтожилъ его прежде окончанія.

№ 3. Отъ дѣвицы Верещагиной къ Лермонтову—она разсказываетъ о приготовленіяхъ въ Москвѣ къ пріѣзду Государя Императора.—

Остальныя кромѣ семейныхъ обстоятельствъ ничего въ себѣ не заключаютъ.

Лит. С. Письма писанныя Лермонтову нѣкоимъ Лопухинымъ. Главныя черты: Лопухинъ студентъ и находится съ Лермонтовымъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

Изъ нихъ болѣе другихъ примѣчательны.

№ 1. Въ немъ Лопухинъ говорить, что основываясь на живомъ характерѣ Лермонтова, онъ не очень огорченъ переходомъ его въ военную службу;—на счетъ же стихотворнаго таланта говоритъ Лопухинъ—«тебѣ нечего безпокоиться, потому что кто что любитъ на то всегда найдетъ время», и въ доказательство приводитъ Давыдова.

№ 2. Лопухинъ извѣщаетъ Лермонтова, что его бранятъ въ Москвѣ за переходъ въ военную службу. Въ остальныхъ соприкосновеннаго ничего не заключается.

Лит. D. Письмо извѣстнаго Раевскаго къ Лермонтову, въ которомъ первый поздравляетъ его съ счастливымъ успѣхомъ написанной пьесы и приглашаетъ его къ Кирѣеву, который предполагалъ представить Лермонтова Г. Гедеонову.

Лит. Е. Письма Юрьева къ Лермонтову изъ Новгорода въ существѣ незначительны,—въ одномъ, подъ № 1, Юрьевъ говоритъ о талантѣ Лермонтова и упоминаетъ, что нѣкоторые изъ его однополчанъ желаютъ съ Лермонтовымъ познакомиться.

Наконецъ два донесенія отъ управителя, ничтожные стихи за подписью Лопухина и письмо за подписью Евреинова.—

Опись перенумерованнымъ бумагамъ корнета Лермонтова.

1	Письмо Андрея Муравьева, писанное въ четвертокъ, коимъ увѣдомляетъ, чтобы Лермонтовъ былъ покоенъ на счетъ его стиховъ, присовокупляя, что онъ говорилъ объ нихъ Мордвинову, который нашелъ ихъ прекрасными, прибавивъ только, чтобы ихъ не публиковать, причемъ приглашаетъ его къ себѣ утромъ или вечеромъ.
2	Письмо его же Муравьева, безъ числа, коимъ благодаритъ Лермонтова за стихи, присовокупляя, что они до безконечности нравились всѣмъ, кому онъ ихъ показывалъ, приглашая его съ тѣмъ вмѣстѣ къ себѣ.
3	Планъ составленный Лермонтовымъ для драмы заимствованный изъ семейнаго быта сельскихъ дворянъ,—написана ли по сему плану драма не извѣстно.
4	Стихи карандашемъ написанные, съ изображеніемъ предъ друзьями сердца человѣка бывшаго влюбленнымъ и потомъ охладѣвшаго.
5	Книга на французскомъ языкѣ о лѣчебной силѣ паровъ напечатанная въ 1836 году въ типографіи Плюшара.
6	Письмо поручика л.-п. московскаго полка Унковскаго, съ приглашеніемъ бывать унего вмѣстѣ съ Раевскимъ и съ прочими его знакомыми въ понедѣльники по вечерамъ.
7	Письмо родственника Пожогина, о присылкѣ 25 рублей денегъ.
8	Письмо Энгельгардта, съ посылкою билета въ Благородное Собраніе и съ приглашеніемъ къ себѣ.
9	Отрывокъ письма сестры о семейныхъ дѣлахъ.
10	Письмо Аркадія Столыпина, о семейныхъ же дѣлахъ.
11	Письмо бабки Лермонтова, Арсеньевой, о прибытіи ея въ Москву.
12	Письмо ея же, о семейныхъ дѣлахъ.
13	Письмо ея же, съ приложеніемъ записки отъ г-жи Симанской, о семейныхъ дѣлахъ.
14	Письмо ея же, о семейныхъ же дѣлахъ.
15	Письмо ея же, съ увѣдомленіемъ о хозяйствѣ.
16	Письмо ея же, съ приложеніемъ 2 т. руб. и письма дѣда его Столыпина съ наставленіемъ заниматься поэзіею, и не мечтать, что всѣхъ умнѣе.
17	Письмо родственника Пожогина, съ увѣдомленіемъ о переходѣ на службу изъ Финляндіи въ Россію.
18	Письмо прикащика Лермонтова, о хозяйствѣ.

20 февраля 1837-го.

ПРИЛОЖЕНІЕ V.

(Къ стр. 320).

1840 года марта 16 дня, въ присутствіи Военнаго Суда, учрежденнаго при Кавалергардскомъ Ея Величества полку, подсудимый Л.-Гв. Гусарскаго полка Поручикъ Лермонтовъ допрошенъ и показалъ

ВОПРОСЫ.	ОТВѢТЫ.
1. Какъ васъ зовутъ? Сколько отъ роду лѣтъ, какой вѣры, и ежели христіанской, то на исповѣди и у Святаго причастія бывали-ль ежегодно? Сіи вопросы	Зовутъ меня Михаилъ Юрьевъ, сынъ Лермонтовъ, отъ роду имѣю 25 лѣтъ, вѣры грекороссійской, на исповѣди и у Святаго причастія ежегодно бывалъ. Сіи отвѣты
2. Въ службу Его Императорскаго Величества вступили вы котораго года, мѣсяца и откуда уроженецъ? имѣете-ль за собою недвижимое имѣніе и гдѣ оно состоитъ? сочинилъ	Время вступленія моего въ службу Его Императорскаго Величества видно изъ формулярнаго списка. Происхожу изъ дворянскаго званія, уроженецъ Московскій. Недвижимаго имѣнія за мною нѣтъ. писалъ
3. Во время службы какими чинами и гдѣ происходили, на предь сего не бывали-ль вы за что подъ судомъ и по оному, равно и безъ суда въ какихъ штрафахъ и наказаніяхъ?	Службу началъ съ юнкерскаго чина л.-гв. въ Гусарскомъ полку, произведенъ въ корнеты въ семъ же полку, изъ онаго былъ переведенъ въ Нижегородскій Драгунскій полкъ, потомъ л.-гв. Гродненскій и, наконецъ, снова поступилъ л.-гв. въ Гусарскій полкъ, въ коемъ состою нынѣ Поручикомъ. Подъ судомъ не былъ, а безъ суда подвергался штрафу, который значится въ формулярномъ моемъ спискѣ. и къ онымъ

4.

Въ письмѣ вашемъ къ г. Полковому командиру Генералъ-маіору Плаутину о произведенной вами съ г. Барантомъ дуэли, все ли вы справедливо объяснили и утверждаете ли то письмо въ полной силѣ, нынѣ въ присутствіи коммиссіи Военнаго Суда?

Аудиторъ

5.

Въ дополненіе вышесказаннаго письма вы должны объяснить присутствію Военно-Судной Коммиссіи: съ чьего позволенія находились вы въ С.-Петербургѣ 18 числа прошедшаго февраля; кто именно тотъ г. Барантъ, который требовалъ отъ васъ на балѣ у графини Лаваль объясненія, по какому обстоятельству и какого рода объясненія требовалъ отъ васъ г. Барантъ; когда же вы ему въ томъ отказали, то въ какихъ словахъ произнесъ онъ вамъ свой колкій отвѣтъ, а также въ какомъ смыслѣ заключалась и та колкость, которую вы ему возразили; слышалъ ли кто либо изъ бывшихъ на сказанномъ балу лицъ о таковомъ вашемъ разговорѣ съ г. Барантомъ, равно о вызовѣ его и о томъ условіи, по коему вы съ нимъ произвели помянутую дуэль; былъ ли съ вашей стороны при этомъ поединкѣ секундантъ и почему вы тогда же не донесли о семъ происшествіи начальству?

13 класса

Въ письмѣ моемъ о дуэли я все изъяснилъ справедливо, содержаніе коего утверждаю въ полной силѣ въ присутствіи военно-судной коммиссіи.

руку приложилъ

Находился я въ Санктъ-Петербургѣ 18 числа февраля съ позволенія Полковаго командира; г. Эрнстъ Барантъ сынъ французскаго посланника при Дворѣ Его Императорскаго Величества. Обстоятельство по которому онъ требовалъ у меня объясненія состояло въ томъ: правда ли что я будто говорилъ на его счетъ невыгодныя вещи извѣстной ему особѣ, которой онъ мнѣ не назвалъ. Колкости же его и мои, въ нашемъ разговорѣ, заключились въ слѣдующемъ смыслѣ: Когда я на помянутый вопросъ Г-на Баранта сказалъ, что никому неговорилъ о немъ предосудительнаго, то его отвѣтъ выражалъ недовѣрчивость, ибо онъ прибавилъ, что всетаки, если переданныя ему сплетни справедливы, то я поступилъ весьма дурно; на что я отвѣчалъ, что выговоровъ и совѣтовъ непринимаю, и нахожу его поведеніе весьма смѣшнымъ и дерзкимъ.—О нашемъ разговорѣ и о вызовѣ Г-на Баранта, никто изъ бывшихъ на балѣ неслыхалъ сколько мнѣ извѣстно, равно и объ условіяхъ нашихъ; а далѣе происходило то самое, что я показалъ въ вышеупомянутомъ письмѣ. Секундантомъ при нашемъ поединкѣ съ моей стороны былъ отставной по-

	ручикъ Л.-гв. Гусарскаго полка Столыпинъ; а не донесъ я о семъ происшествіи начальству единственно по тому, что дуэль неимѣла никакого пагубнаго послѣдствія. Поручикъ
6. Въ вышеозначенныхъ отвѣтныхъ пунктахъ самую ли истинную правду вы показали? Лазаревъ.	Въ вышеозначенныхъ отвѣтныхъ пунктахъ я показалъ самую истинную правду. Лермонтовъ.

Подпись членовъ комиссіи.

1840 года Марта 29 дня въ присутствіи комиссіи Военнаго Суда, учрежденной при Кавалергардскомъ Ея Величества полку, подсудимый Поручикъ Лермонтовъ, въ послѣдствіе объясненія его 25 числа, сего мѣсяца, препровожденнаго по командѣ отъ Его Императорскаго Высочества командира корпуса отъ 27 марта за № 149, допрошенъ и показалъ. [Къ стр 334].

ВОПРОСЫ.	ОТВѢТЫ.
1. Изъ вышеупомянутаго вашего объясненія, Военно-судная коммисія между прочимъ усматриваетъ что вы 22 числа сего мѣсяца содержавшись на Арсенальной Гауптвахтѣ, приглашали къ себѣ чрезъ неслужащаго Дворянина Графа Браницкаго 2-го, Барона Эрнеста де-Баранта, для личныхъ объясненій въ новыхъ неудовольствіяхъ, съ коимъ и видѣлись въ 8 часовъ вечера въ коридорѣ караульнаго дома, куда вышли вы будто за нуждою неспрашивая караульнаго офицера и безъ конвоя, какъ всегда дѣлали до сего; но какъ вамъ должно быть извѣстно правило: что безъ разрѣшенія коменданта и безъ вѣдома караульнаго офицера, никто къ арестованнымъ офицерамъ и вообще къ арестантамъ, недолженъ быть допущенъ,	Пригласилъ я Г-на Баранта ибо слышалъ, что онъ оскорбляется моимъ показаніемъ. Выходилъ я за нуждою безъ конвою съ тѣхъ поръ какъ находился подъ арестомъ, безъ вѣдома караульныхъ офицеровъ полагая что они мнѣ въ томъ откажутъ, и выбирая время когда караульный офицеръ находился на платформѣ. Узналъ я о томъ, что Г-нъ Барантъ говорилъ въ городѣ будто недоволенъ моимъ показаніемъ — отъ родныхъ кои были допущены ко мнѣ съ позволенія коменданта, въ разныя времена. Сносился я съ графомъ Браницкимъ 2-мъ письменно чрезъ своего крѣпостнаго человѣка Андрея Иванова, а живетъ оный на Сергіевской улицѣ въ домѣ Графини Хвостовой на квартирѣ родственницы моей

то по сему обстоятельству комиссія спрашиваетъ васъ: по какому поводу, вопреки сказаннаго запрещенія, вы рѣшились пригласить г-на Баранта на свиданіе съ нимъ въ коридорѣ караульнаго дома? съ котораго времени и по какому уваженію вы могли выходить за нуждою и въ коридоръ безъ конвоя?

Чрезъ кого именно вы узнали, что Баронъ де Барантъ говоритъ въ городѣ о несправедливомъ будто вашемъ показаніи, касательно происходившей, между вами съ нимъ дуэли?—Когда и какимъ посредствомъ вы могли письменно сноситься съ Графомъ Браницкимъ 2-мъ и просить его, чтобы онъ сказалъ г-ну Баранту о вашемъ желаніи съ нимъ видѣться лично, и гдѣ имѣетъ жительство помянутый Графъ? Наконецъ кто былъ тогда караульный офицеръ, безъ вѣдома коего вы имѣли свиданіе съ Барантомъ? видѣлъ ли кто либо изъ караульныхъ воинскихъ чиновъ таковое ваше съ нимъ свиданіе, а если того имъ нельзя было видѣть, то почему именно?

Вопросы сіи.

Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой, Графъ Браницкій 2 имѣетъ жительство на Невскомъ проспектѣ въ собственномъ домѣ.

Караульный офицеръ того числа былъ гвардейскаго Экипажа, кто именно не помню.

Видѣлъ ли кто мое свиданіе съ г-мъ Барантомъ сего я незнаю, ибо незамѣтилъ присутствовалъ ли кто нибудь вблизи насъ. Къ симъ отвѣтамъ моимъ подписуюсь Лейбъ гвардіи Гусарскаго полка

2.

Все вышеписанное по истинной ли правдѣ вы показали, а также справидливо ли описано Вами помянутое объясненіе 25 Марта, по чьему требоавнію вы его писали и утверждаете ли оное въ полной силѣ въ присутствіи Военно-Судной комиссіи?

Сочинялъ Аудиторъ
Лазаревъ.

все вышеписанное показалъ по истинной правдѣ; также справедливо мною написано объясненіе 25 Марта, которое отбиралъ отъ меня С.-Петербургскій Плацъ-Маіоръ флигель адъютантъ баронъ Зальцъ; и утверждаю оное въ присудствіи военно-судной комиссіи.
Поручикъ Лермонтовъ.

Подпись членовъ комиссіи.

ПРИЛОЖЕНІЕ VI.

Письмо С. А. Раевскаго отъ 8 мая 1860 года къ Ак. Павл. Шанъ-Гирею по поводу отношеній его къ Лермонтову.

(См. біографію стр. 251, примѣчаніе.).

«Соглашаясь на напечатаніе избранныхъ тобою его бумагъ, которыя я берегу, какъ лучшія мои воспоминанія, я считаю необходимымъ къ избранному тобою письму его, писанному ко мнѣ въ Петрозаводскъ, присовокупить мои объясненія. Въ этомъ письмѣ Мишель, между прочимъ, написалъ, что я пострадалъ черезъ него.

«Я всегда былъ убѣжденъ, что Мишель напрасно исключительно себѣ приписываетъ маленькую мою катастрофу въ Петербургѣ въ 1837 году. Объясненія, которыя Михаилъ Юрьевичъ былъ вынужденъ дать своимъ судьямъ, допрашивавшимъ о мнимыхъ соучастникахъ въ появленіи стиховъ на смерть Пушкина,—составлены имъ вовсе не въ томъ тонѣ, чтобы сложить на меня какую нибудь отвѣтственность и во всякое другое время не отозвались бы рѣзко на ходѣ моей службы; но,къ несчастію моему и Мишеля,я былъ тогда въ странныхъ отношеніяхъ къ одному изъ служащихъ лицъ. Понятія юриста, студента Московскаго университета часто вовлекали меня въ несогласія съ окружавшими меня служаками, и я, зная свою полезность, не разъ смѣло просилъ отставки. Мнѣ уступали и я оставался на службѣ при своихъ убѣжденіяхъ; но когда Лермонтовъ произнесъ предъ судомъ мое имя, служаки этимъ воспользовались, аттестовали меня непокорнымъ и ходатайствовали объ отдачѣ меня подъ военный судъ, разсчитывая,вѣроятно, что во время суда я буду усерденъ и покоренъ, а покуда они пріищутъ другаго способнаго человѣка. Къ счастію, ходатайство это не было уважено, а я просто безъ суда переведенъ на службу въ губернію; записываю это для отнятія права упрекать память благороднаго Мишеля. Самые же стихи его были отраженіемъ мнѣній не одного лица, но весьма многихъ, и вотъ какъ они составились. Убійство А. С. Пушкина, такъ глубоко потрясло грамотные слои общества, что почти повсюду аз-

смативали вопросъ, какъ будетъ наказанъ Дантесъ? И тогда, какъ иные, желали, чтобъ иностранецъ, убившій въ поэтѣ часть славы Русскаго народа, былъ, какъ лицо, состоящее на русской службѣ, наказанъ по русскимъ законамъ; другіе предсказывали, что Дантесъ, какъ иностранецъ и аристократъ, остается не наказаннымъ, несмотря на наши законы. Большая половина извѣстной элегіи, въ которой Мишель, послѣ горячаго спора въ нашей квартирѣ, высказалъ свой образъ мыслей, написана имъ была безъ поправокъ, въ нѣсколько минутъ [Мишель почти всегда писалъ безъ поправокъ] и какъ сочиненіе было современно, то и разнеслось очень быстро. Повторяю, мнѣ не въ чемъ обвинять Мишеля. Прощай, желаю поскорѣе видѣть въ печати твой трудъ.

«Всегда преданный

Раевскій».

ПРИЛОЖЕНІЕ VII.

Выписки изъ дѣла о перевозѣ трупа М. Ю. Лермонтова изъ Пятигорска въ Тарханы. (Архивъ Пензенскаго Губернскаго Правленія).

По предписанію г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ о дозволеніи перевести тѣло умершаго г. Лермонтова изъ Пятигорска въ Чембарскій уѣздъ для погребенія на фамильномъ кладбищѣ.

5 февраля, 1842 .

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ
КАНЦЕЛЯРІЯ
ОТДѢЛЕНІЕ I.
СТОЛЪ I.
21 января 1842 г.
№ 481.
ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.

1) Господину Пензенскому Гражданскому Губернатору.

Государь Императоръ, снисходя на просьбу Помѣщицы Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой, урожденной Столыпиной, изъявилъ Высочайшее соизволеніе на перевозъ изъ Пятигорска, тѣла умершаго тамъ въ іюлѣ мѣсяцѣ прошедшаго года, внука ея Михаила Лермонтова, Пензенской губерніи Чембарскаго уѣзда въ принадлежащее ей село Тарханы, для погребенія на фамильномъ кладбищѣ, съ тѣмъ чтобы помянутое тѣло закупорено было въ свинцовомъ и засмоленномъ гробѣ и съ соблюденіемъ всѣхъ предосторожностей, употребляемыхъ на сей предметъ.

Сдѣлавъ во исполненіе таковой Высочайшей воли надлежащія распоряженія и препровождая къ Вашему Превосходительству конвертъ, для доставленія г. Арсеньевой, япредоставляю Вамъ сдѣлать зависящія отъ васъ по означеному предмету распоряженія во ввѣренной Вамъ Губерніи. Подлинное подписалъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Перовскій.

2) Распоряженіе Губернатора Чембарскимъ Городничему и Земскому Исправнику. 9 февраля 1842 г.

3) Рапортъ Чембарскаго Земскаго Исправника съ роспиской вдовы Гвардіи Поручицы Е. А. Арсеньевой.

4) Рапортъ. Чембарскаго Земскаго Исправника, отъ апрѣля 1842 г., «что помѣщицы Ел. Ал. Арсеньевой внука Михаила Лермонтова тѣло изъ Пятигорска привезено въ г. Чембаръ 21 апрѣля и того-жъ числа привезено въ село Тарханы, гдѣ тѣло погребено 23-го числа апрѣля на фамильномъ кладбищѣ въ свинцовомъ ящикѣ и съ соблюденіемъ всѣхъ употребляемыхъ на сей предметъ предосторожностей».

5) Донесеніе Губернатора (въ дополненіе) г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ, 5 мая 1842 г., о томъ же.

6) Донесеніе Губернатора г Министру Внутреннихъ Дѣлъ, 21 февраля 1842 г., о приведеніи въ исполненіе Высочайшаго соизволенія.

7) Отношеніе Губернатора къ Пензенскому Архіерею, 9 февраля 1842 г., «для учиненія надлежащихъ распоряженій».

8) Отвѣтъ Архіерея, февраля 1842 г., «что я вчера, вслѣдствіе отношенія г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора по сему же предмету, велѣлъ Консисторіи сдѣлать надлежащее предписаніе Тарханскимъ Священникамъ».

9) Отношеніе Исправляющаго должность Кавказскаго Гражданскаго Губернатора, 10 февраля 1842 г., Пензенскому Гражданскому Губернатору, «чтобы въ провозѣ означеннаго тѣла по ввѣренной Вамъ губерніи до села Тарханы и въ самомъ погребеніи его не было препятствія.

Къ сему нужнымъ считаю присовокупить, что объ учиненіи надлежащаго въ семъ случаѣ по части Духовной распоряженія, г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ отнесся къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Сѵнода».

10) Росписка Е. Ав. Арсен. о полученіи конверта за № 483.

ВАЖНѢЙШІЯ ЗАМѢЧЕННЫЯ ОШИБКИ И ОПЕЧАТКИ.

Страница:	строка:	напечатано:	читай:
37	9 снизу	Александръ	Алексѣй
57	16 »	натыкаемся	наталкиваемся
63	17 сверху	улакомали	уломали
179	14 снизу	неба	моря
187	1 »	выше	ниже
262	9 сверху	размѣчалъ	раздавалъ
347	8 »	тонкою	шапкою
352	19 снизу	это	
356	6 »	Ларерѣ	Лорерѣ
360	8 сверху	309	307

